17645

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
13-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1911—1912 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
Томы XLII—XLIII.
(НАСТОЯЩІЙ ТОМЪ СОСТАВЛЯЕТЪ ОДНО ЦѢЛОЕ СЪ 41-МЪ ТОМОМЪ).

17645

Н. В. Кюнеръ.
ПРОФЕССОРЪ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

38724

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ

ОЧЕРКЪ КОРЕИ,

НЫНѢ ЯПОНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВА ЦІÔСЕНЪ.

Часть II.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КОРЕИ.

Отдѣлъ I. Сельское хозяйство.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета

ВЛАДИВОСТОКЪ.
ИЗДАНІЕ И ПЕЧАТЬ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
1912.

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

Томы XLII—XLIII.

Reg. No. 1/2

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
13-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1911—1912 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
Томы XLII—XLIII.
(НАСТОЯЩІЙ ТОМЪ СОСТАВЛЯЕТЪ ОДНО ЦѢЛОЕ СЪ 41-МЪ ТОМОМЪ).

Л.Б. 17645

Н. В. Кюнеръ.
ПРОФЕССОРЪ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ

ОЧЕРКЪ КОРЕИ,

НЫНѢ ЯПОНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВА ЦІÔСЕНЪ.

Часть II.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КОРЕИ.

Отдѣлъ I. Сельское хозяйство.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
ИЗДАНІЕ И ПЕЧАТЬ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
1912.

Библиотека ИИФ СССР

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

71104

Оглавленіе 1-го отдѣла 2-й части „Очерка Кореи“.

Предисловіе . . . . . XVII-XXX
Глава I. Общая характеристика роли земледѣлія въ экономической жизни Кореи. Земледѣліе въ качествѣ основного источника финансоваго хозяйства въ Кореѣ. . . . . 377—389
Глава II. Правительственныя поощренія земледѣлія 390—403
Глава III. Японская земледѣльческая колонизація въ Кореѣ . . . . . 403—422
Глава IV. Величина земледѣльческой площади Кореи и распредѣленіе ея по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Цѣны на землю . . . . . 422—443
Глава V. Характеръ землевладѣнія. Система землепользованія . . . . . 443—456
Глава VI. Обзоръ сельскохозяйственныхъ произведеній Кореи. Виды культурныхъ хлѣбныхъ растеній. Вывозъ риса . . . . . 456—494
Глава VII. Бобовыя растенія. Масличныя растенія. 494—508
Глава VIII. Огородные овощи . . . . . 508—531
Глава IX. Плодовыя растенія . . . . . 531—556
Глава X. Табакъ и прочія наркотическія растенія 556—573
Глава XI. Волокнистыя растенія. Хлопокъ . . . 574—615
Глава XII. Прочія техническія растенія . . . 615—628
Глава XIII. Лѣкарственныя растенія . . . . 628—656

Въ концѣ настоящаго тома прилагаются: общій заглавный листъ т.т. 41-43 „Извѣстій Восточнаго Института“, оглавленіе 1-го выпуска „Очерка Кореи“ и списокъ „Необходимыхъ исправленій и дополненій къ первому выпуску Очерка Кореи“ взамѣнъ приложеннаго къ 41-му тому „Извѣстій“.

ЧАСТЬ II.

Экономическій очеркъ Кореи.

Отдѣлъ I. Сельское хозяйство.

Предисловіе

къ первому отдѣлу второй части «Очерка Кореи».

При составленіи настоящаго отдѣла «Очерка», помимо сочиненій, перечисленныхъ въ предисловіи къ первой части его, послужили еще слѣдующія японскія сочиненія, какъ имѣющія болѣе или менѣе близкое отношеніе къ предмету содержанія настоящаго отдѣла—корейскому сельскому хозяйству.

1) Цiōсен-сангiōси 朝鮮産業誌 «Описаніе производительныхъ силъ Кореи», въ трехъ большихъ томахъ, составленное Ямагуци Сей 山口精, завѣдующимъ Сеульской библіотекой, и просмотрѣнное десятью нижепоименованными лицами: директоромъ департамента торговли и промышленности корейскаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности Кикуци Такекадзу 菊池武一; директоромъ департамента земледѣлія того же министерства и инженеромъ управленія генералъ-резидента Накамура Хико 中村彦; директоромъ горнаго департамента того же министерства Кудō Ейици 工藤英一; директоромъ департамента податныхъ сборовъ корейскаго министерства финансовъ Судзуки Боку 鈴木穆; довѣреннымъ эксплоатаціоннаго отдѣла Восточной колонизаціонной компаніи Дōке Мицуюки 道家充之; начальникомъ отдѣла морскихъ промысловъ министерства земледѣлія, торговли и промышленности и инженеромъ управленія генералъ-резидента Ивобара Бунъици 庵原文一; начальникомъ подъотдѣла общихъ дѣлъ отдѣла средствъ сообщенія управленія генералъ-резидента Симада Сирiō 島田志良; совѣтникомъ желѣзнодорожнаго правленія департамента корейскихъ желѣзныхъ дорогъ Андō Матасабурō 安藤又三郎; секретаремъ управленія генералъ-резидента Огита Ецудзō 荻田悦造;

начальникомъ казеннаго техническаго практическаго училища (Industrial training institute) 工業傅習所, Нода Цюдзō 野田忠藏[1]. Впереди текста I тома «Цiōсен-сангiōси» помѣщены: автографъ бывшаго японскаго генералъ-резидента въ Кореѣ виконта Соне Арасуке 曾禰荒助 и предисловія совѣтника управленія генералъ-резидента и управляющаго отдѣломъ общихъ дѣлъ того же управленія Исидзука Ейдзō 石塚英藏 и совѣтника того же управленія и товарища корейскаго министра земледѣлія, торговли и промышленности Киуци Сигесирō 木內重四郎. Кромѣ того, имѣется предисловіе самого автора, гдѣ указывается въ общихъ чертахъ содержаніе всего труда и перечисляются матеріалы, послужившіе для составленія его; этотъ перечень обнимаетъ 49 названій всевозможныхъ правительственныхъ, начиная съ ежегодныхъ административныхъ отчетовъ управленія генералъ-резидента—тōканфу-сисей-немпō 統監府施政年報, муниципальныхъ и въ немногихъ случаяхъ частныхъ изданій (отдѣльныхъ лицъ и крупныхъ предпріятій), почти исключительно на японскомъ языкѣ (на корейскомъ языкѣ упоминаются лишь Мунхōнбиго 文獻備考 и Тонъгук-ёджисынънам 東國輿地勝覽—извѣстное географическое описаніе Кореи, составленное по образцу китайскихъ «тунъчжи»). Въ томъ же предисловіи авторомъ съ признательностью упоминаются имена лицъ, либо взявшихъ на себя трудъ просмотра цѣлыхъ отдѣловъ всего труда по своей спеціальности (см. выше), либо оказывавшихъ автору иную помощь своими знаніями[2].

Указанный большой трудъ состоитъ изъ трехъ томовъ, изъ коихъ первый, спеціально служившій при составленіи предлагаемаго отдѣла «Очерка», обнимаетъ три отдѣла: 1) сельское хозяйство, 2) лѣсное дѣло и 3) горную промышленность. Всѣ отдѣлы подраздѣляются на рядъ главъ; изъ нихъ каждая трактуетъ объ отдѣльной вѣтви или сторонѣ разбираемой отрасли промышленности или разсматриваетъ общія

[1]) Каждымъ изъ перечисленныхъ лицъ былъ просмотрѣнъ одинъ или болѣе изъ самостоятельныхъ отдѣловъ настоящаго сочиненія «Цiōсен-сангiōси», какъ это отмѣчается въ предисловіи его автора на стр. 3—4. Въ частности, г. Накамура былъ просмотрѣнъ первый отдѣлъ о корейской сельскохозяйственной промышленности, непосредственно составляющей предметъ содержанія предлагаемаго отдѣла «Очерка Кореи».

[2]) Имена этихъ послѣднихъ см. Цiōсен-сангiōси, I, авторское предисловіе, 5—6.

условія, при которыхъ она совершается. Свѣдѣнія по каждому отдѣльному вопросу группируются по пяти различнымъ районамъ Кореи, въ составъ коихъ входятъ одна или нѣсколько провинцій, объединяемыхъ общностью географическаго положенія или физическихъ условій, именно: 1) центральный районъ—провинціи Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо (двѣ провинціи) и Канъуёндо; 2) южный районъ—провинціи Чёлладо и Кёнъсянъдо (по двѣ меньшихъ провинцій въ каждой); 3) сѣверозападный районъ—обѣ провинціи Пхёнъандо; 4) сѣверовосточный районъ—двѣ провинціи Хамгёнъдо и 5) одна провинція Хоанъхѣдо, образующая сама по себѣ особый районъ, вслѣдствіе своеобразнаго географическаго положенія ея и особенныхъ физическихъ условій, существующихъ въ ней, не говоря объ особой исторической роли этой провинціи, какъ отмѣчалось въ первой части предлагаемаго «Очерка Кореи» на стр. 357—8.

Первый томъ сочиненія Ціōсен-сангіōси состоитъ изъ 1066 страницъ текста, не считая авторскаго и прочихъ предисловій и подробнаго оглавленія; столь же объемистыми являются и два другихъ тома. Впереди текста перваго тома помѣщены: небольшая общая карта Кореи; спеціальная геологическая и почвенная карта Кореи въ болѣе крупномъ масштабѣ и карта распредѣленія лѣсовъ и полезныхъ ископаемыхъ на корейскомъ полуостровѣ. На особыхъ листахъ дается графическое изображеніе цифръ урожая въ 1908 г. трехъ главныхъ земледѣльческихъ продуктовъ: риса, злаковъ категоріи «муги» и большихъ бобовъ для всей Кореи и для каждой изъ 13 провинцій, затѣмъ сводная таблица всей площади и площади обработанныхъ и необработанныхъ, но пригодныхъ для обработки земель въ каждой изъ 13 провинцій съ общими итогами для всего полуострова; на другомъ листѣ дается графическое изображеніе сравнительной цѣнности добычи въ странѣ пяти важнѣйшихъ ископаемыхъ: золота, мѣди, желѣза, графита и угля. Далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ воспроизведены 19 фотографическихъ снимковъ, относящихся къ предмету содержанія означеннаго перваго тома, при чемъ большинство ихъ относится къ корейскому сельскому хозяйству, какъ то:

снимокъ высочайшаго осмотра пшеничнаго поля Тонъчжёкчён 東藉田[1] внѣ Большихъ Восточныхъ воротъ Сеула послѣ уборки урожая; снимки различныхъ сельскохозяйственныхъ работъ корейскаго населенія; снимки съ грядъ подъ жэньшэнемъ, плантацій табака въ уѣздѣ Іонъин въ Кёнъгыйдо и хлопка въ уѣздѣ Муан въ Южной Чёлладо; каштановой рощи, грушевыхъ деревьевъ и винограднаго куста; образчиковъ капусты и прочихъ овощей, выращенныхъ въ Кореѣ; корейскаго быка, наконецъ, гусеницъ дубоваго шелкопряда на самомъ деревѣ.

Весь трудъ изданъ Хōбункан 實文館 въ Тōкіō, при чемъ первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ маѣ 1910 г. Благодаря обилію сообщаемыхъ свѣдѣній, обычно болѣе новыхъ, чѣмъ въ другихъ японскихъ сочиненіяхъ, служившихъ автору предлагаемаго «Очерка», данныя названнаго сочиненія, поскольку они относятся къ разсматриваемому здѣсь отдѣлу его о корейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, заключая много неизвѣстныхъ доселѣ техническихъ подробностей, были широко использованы на страницахъ настоящаго «Очерка», при чемъ эти данныя, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ японскаго текста, были сгруппированы здѣсь въ сводные обзоры по тѣмъ отдѣльнымъ вопросамъ, къ которымъ они непосредственно относятся, дополняясь сообщеніями другихъ авторовъ.

2) Канкоку-нōгіōрон 韓國農業論 «Очеркъ земледѣльческой промышленности въ Кореѣ», составленный кандидатомъ агрономіи Катō Бацурō 加藤末郎 и изданный въ Тōкіō книжнымъ магазиномъ Сіōкабō 裳華房; выпущенъ въ свѣтъ въ сентябрѣ 1904 года. Съ предисловіями барона (впослѣдствіе виконта) Киіоура Кейго 清浦奎吾[2] и доктора агрономіи Сакава Цунеакира 酒勾常明, не считая авторскаго предисловія. Всего 282 страницы, кромѣ предисловій; отдѣльно приложена карта, изображающая распредѣленіе различныхъ горныхъ породъ по корейскому полуострову и составленная на основаніи данныхъ коллекціи почвенныхъ образцовъ, собранныхъ самимъ г. Катō, и свѣдѣній изъ трудовъ доктора Котō 小藤 и кандидата наукъ Исии, рав-

[1]) Корейцы называютъ это поле еще Тонъгудан 東丘壇, по имени сосѣдняго могильнаго холма Тонъгурынъ 東丘陵.

[2]) Онъ былъ министромъ земледѣлія и торговли въ Японіи съ 1903 г. по 1906 г.

нымъ образомъ указаній кандидата агрономіи Кобаяси Фусадзиро 小林房次郎. Означенное сочиненіе явилось въ результатѣ личныхъ наблюденій и изысканій автора, во время неоднократныхъ поѣздокъ его по различнымъ мѣстностямъ Кореи въ 1898, 1900 и 1904 гг., какъ объ этомъ онъ говоритъ въ предисловіи. Благодаря тому, что авторъ почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ личнаго опыта и наблюденія, онъ оказался въ состояніи дать въ своей книгѣ весьма полныя и цѣнныя характеристики, съ техническими подробностями, относительно отдѣльныхъ отраслей корейскаго сельскаго хозяйства, въ частности относительно табачной и жэньшэневой культуры и фабрикаціи, при чемъ эти указанія поясняются соотвѣтствующими чертежами въ самомъ текстѣ[1]. Кромѣ того, въ книгѣ среди текста помѣщены на отдѣльныхъ листахъ фотографическіе снимки выкормленныхъ въ Мокпхо шелковичныхъ червей, образцовъ японской и корейской разновидностей растенія риса въ горшкахъ и снимокъ поля жэньшэня.

3) Сайсин Канкоку-дзицугіо-сисин 最新韓國實業指針 «Новѣйшее руководство по промышленной дѣятельности въ Кореѣ», составленное Иванага Дзюка 岩永重華, членомъ-сотрудникомъ Васедаской Китайско-корейской ассоціаціи (Синкан-кіокай) и членомъ справочнаго отдѣла Корейской ассоціаціи (Ціосенкіокай) и просмотрѣнное Кунитомо Сигеакира 國友重章, членомъ совѣта общества Тоа-добункай и директоромъ-распорядителемъ названной Корейской ассоціаціи. Впереди текста помѣщенъ рядъ предисловій: директора политическаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ Ямадза Ендзиро 山座圓次郎, совѣтника корейскаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности и члена совѣта Корейской ассоціаціи Като Масуо 加藤增雄, профессора юридическаго факультета, доктора права и члена совѣта той же ассоціаціи Томидзу Хирото 戶水寬人, членовъ нижней палаты японскаго парламента и членовъ совѣта той же ассоціаціи Саса Томофуса 佐々友房 и Сиба Сиро 柴四郎, ревизора Перваго банка и главнаго директора-распорядителя названной ассоціаціи Кусака Іосио 日下義雄, товарища предсѣ-

[1]) Въ частности, на стр. 139—142 помѣщены рисунки корейскихъ земледѣльческихъ орудій съ корейскими названіями ихъ и различными поясненіями.

дателя Заморскаго педагогическаго общества (Кайгай-кіōику-кай) и члена распорядительнаго комитета вышеназванной ассоціаціи Осикава Катаіоси 押川方義, члена нижней палаты, доктора права и члена распорядительнаго комитета той же ассоціаціи Огава Хейкици 小川平吉. Изданіе Хōбункан (авторскія права удержаны Корейской ассоціацією). Первое изданіе этого руководства было выпущено въ августѣ 1904 г., четвертое исправленное изданіе, которымъ пользовался авторъ предлагаемаго «Очерка Кореи»,—въ маѣ 1905 г. Всего 470 страницъ, не считая вышеуказанныхъ предисловій, оглавленія и двухъ предисловій самаго автора—къ первому и четвертому изданію. Впереди текста 30 фотографическихъ снимковъ, начиная съ вида съ вершины острова Чёрёнъдо на иностранный сетлементъ Фузана и сосѣдній Сōріō и кончая снимками съ корейскихъ кредитныхъ билетовъ Перваго банка[1]; имѣется также общая карта Кореи.

Настоящій трудъ представляетъ интересъ тѣмъ, что, помимо данныхъ, которыя имъ заимствуются у автора предыдущаго сочиненія, или у другихъ авторовъ, онъ сообщаетъ не мало дополнительныхъ къ нимъ свѣдѣній, почему авторъ предлагаемаго «Очерка» нерѣдко обращался къ этому сочиненію за нѣкоторыми подробностями или за подтвержденіемъ и разъясненіемъ указаній, найденныхъ имъ у другихъ авторовъ. Въ частности Канкоку-дзицугіō-сисин приводитъ содержаніе уставовъ различныхъ болѣе раннихъ японскихъ обществъ, союзовъ и прочихъ организацій, поставившихъ своей цѣлью развитіе и улучшеніе корейскаго сельскаго хозяйства[2].

Для справокъ по отдѣльнымъ вопросамъ авторъ предлагаемаго «Очерка» имѣлъ въ своемъ распоряженіи, при составленіи настоящаго отдѣла, еще слѣдующія японскія изданія:

4) Сайсин Канкоку-дзидзіō 最新韓國事情 «Современное состояніе Кореи», съ подзаголовкомъ: Канкоку-кейдзай-сисин 韓國經濟指針 «Руководство по экономическимъ вопросамъ Кореи». Составлено Ока Іоици 岡庸一 и издано фирмою Сȳдзандō 嵩山堂 въ Тōкіō. Второе изданіе выпущено въ свѣтъ

[1]) Изъ другихъ снимковъ интересенъ снимокъ многолюдной ярмарки у Западныхъ воротъ въ Тāгу и желѣзнодорожнаго моста черезъ р. Ханганъ.

[2]) См. Канкоку-дзицугіō-сисин, 151—162.

въ 1905 г. 1057 страницъ, не считая предисловій нѣсколькихъ другихъ лицъ: Такасаки Цикааки 高崎親章, Комацубара Ейтарō 小松原英太郎, Сидехара Кудзюрō 幣原喜重郎, Имаи Дзинрō 今井忍郎, Ногуци Ядзō 野口彌三, Цiō Со 蒋楚, Табата Сiōхей 田端正平 и самого автора и оглавленія. Впереди текста помѣщаются карта Кореи, на которой обозначены краснымъ различныя произведенія отдѣльныхъ мѣстностей Кореи на материкѣ и въ прилегающей полосѣ моря, и шесть малоотчетливыхъ снимковъ Сеула и пяти портовъ, открытыхъ для иностранной торговли; впереди этихъ снимковъ дается портретъ самого автора.

Изъ этого объемистаго труда для предлагаемаго «Очерка» были взяты въ настоящемъ случаѣ почти только нѣкоторыя указанія насчетъ культуры индиго въ Кореѣ, не приводимыя въ другихъ сочиненіяхъ; нѣкоторыя главы, какъ, напримѣръ, относительно культуры въ Кореѣ табака и жэньшэня, цѣликомъ заимствованы названнымъ авторомъ изъ Канкоку-нōгiōрон или изъ другихъ сочиненій.

5) Канкоку-дорiō-кōхō 韓國度量衡法 «Законъ о корейскихъ мѣрахъ и вѣсахъ». Составлено въ палатѣ мѣръ и вѣсовъ 度量衡製造檢定所 корейскаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности въ 1905 г. Всего 38 стр. и на отдѣльныхъ листахъ—четыре сравнительныя таблицы мѣръ: новыхъ корейскихъ, японскихъ, англiйскихъ и метрическихъ, не считая краткаго предисловія завѣдывающаго палатою Иноуе Убебуми 井上宜文; кромѣ того восемь фотографическихъ снимковъ внѣшняго вида строеній и внутреннихъ помѣщеній—лабораторій и мастерскихъ, названной палаты. Текстъ настоящей брошюры отъ стр. 1 до 25 составляетъ новый законъ о корейскихъ мѣрахъ и вѣсахъ, изданный 21 числа 3 мѣсяца 9 года Коанъму (21 марта 1905 г.); далѣе, съ 27 стр. разбираются старыя корейскiя мѣры съ ихъ чрезвычайнымъ разнообразiемъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, съ цѣлью подчеркнуть неотложность японской реформы въ этомъ отношенiи.

6) Дзиккен-Цiōсен-кадзю-енгей 實驗朝鮮果樹園藝 «Опытное плодоводство въ Кореѣ», составленное Такацу Кейдзабурō и Осикири Юсаку и просмотрѣнное докторомъ агрономiи Така-

хаси Кюсиро 高橋久四郎. Издано въ Токіо фирмою Хакубункан 博文館. Выпущено въ свѣтъ въ августѣ 1911 г. Всего 238 страницъ, не считая предисловій: Уебаяси Кейдзиро[1] и самихъ авторовъ и оглавленія. Предъ текстомъ 7 снимковъ съ различныхъ плодовыхъ деревьевъ въ Кореѣ и одна общая карта Кореи.

7) Ціосен но кенкю 朝鮮之研究 «Опытъ изученія Кореи», составленный Ямагуци Тоіомаса 山口豊正. Изданъ книжнымъ магазиномъ Гансіодо 巖松堂 и выпущенъ въ свѣтъ въ августѣ 1911 г. 340 страницъ текста и 51 страница приложеній— извлеченій изъ законовъ, распоряженій и правилъ[2] и разнаго рода справочныхъ таблицъ; кромѣ того, небольшая карта, оглавленіе и рядъ предисловій, начиная съ предисловія барона Мегата Танетаро 目賀田種太郎[3]; далѣе идутъ предисловія Кобаяси Дзю 小林重 и Баба Ейици 馬塲鍈一; имѣется и предисловіе самого автора. Въ послѣднемъ предисловіи (за которымъ слѣдуетъ небольшая замѣтка его же относительно порядка распредѣленія имъ матеріаловъ, въ чемъ онъ также усматриваетъ погрѣшности), г. Ямагуци, съ присущей японскимъ авторамъ скромностью, указываетъ различные недостатки изложенія и пробѣлы и недочеты содержанія, которые читатели можетъ найти въ его книгѣ. Такъ, онъ сожалѣетъ, что не имѣлъ возможности исчерпывающимъ образомъ изложить затронутые имъ вопросы, но лишь касался ихъ въ общихъ чертахъ, при чемъ пользовался какъ тѣмъ, что лично видѣлъ и слышалъ въ свободное отъ служебныхъ занятій время въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи, такъ и свѣдѣніями предшествовавшихъ изслѣдователей.

Настоящее сочиненіе даетъ общій обзоръ населенія, произведеній, административнаго устройства и экономическаго

---

[1]) Объ этомъ предисловіи и вообще о разсматриваемомъ руководствѣ см. стр. 534 настоящаго «Очерка Кореи».

[2]) Законовъ касательно налоговъ (подомоваго, посемейнаго, со строеній, съ водки, соли, табака и т. д.); рыболовнаго, горнаго, лѣсного; закона относительно использованія пустопорожнихъ казенныхъ земель; правилъ регистраціи недвижимой собственности, закона о мѣстныхъ расходахъ; на стр. 24—26 данъ перечень прочихъ важныхъ законовъ и распоряженій, дѣйствующихъ въ Кореѣ; на стр. 26—35 напечатанъ таможенный тарифъ.

[3]) Бывшаго финансоваго совѣтника корейскаго правительства, нынѣ члена японской палаты пэровъ.

состоянія (по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности и торговли) Кореи. Свѣдѣнія даются болѣе краткія, чѣмъ въ другихъ указанныхъ сочиненіяхъ, но все существенное сказано и приведены болѣе новыя статистическія данныя. Несмотря на заявленія самого автора въ этомъ смыслѣ, бо́льшихъ погрѣшностей въ его книгѣ, чѣмъ присущи вообще каждому японскому сочиненію въ той или другой мѣрѣ, не было обнаружено при краткомъ просмотрѣ ея; но, за позднимъ полученіемъ этой книги, авторъ предлагаемаго «Очерка» могъ воспользоваться только немногими указаніями этого полезнаго справочника.

8) Канкокуси 韓國誌, сокращенный японскій переводъ русскаго «Описанія Кореи», изданія министерства финансовъ; японскій переводъ выполненъ въ лѣсномъ департаментѣ министерства земледѣлія и торговли и изданъ магазиномъ Тōкіō-сіоин 東京書院. Первое изданіе вышло въ октябрѣ 1905 г.; четвертое изданіе, бывшее въ распоряженіе автора предлагаемаго «Очерка»,—въ ноябрѣ 1910 г. Всего 636 страницъ, кромѣ небольшого предисловія, гдѣ подчеркивается цѣнность этого русскаго изданія, и двухъ страницъ оглавленія. Интересъ этого перевода заключается между прочимъ въ томъ, какъ русскія названія различныхъ произведеній Кореи передаются на японскій языкъ.

9) Канкоку но нōгіō 韓國之農業 «Сельское хозяйство въ Кореѣ», составленное инженеръ-агрономомъ префектуры Оита, кандидатомъ агрономіи Кодзима Кисаку 小島喜作 и просмотрѣнное профессоромъ агрономическаго факультета, докторомъ агрономіи Хонда Кōсуке 本田幸介. Съ предисловіемъ названнаго г. Хонда и самого автора. Изданіе Тōкіōской акціонерной издательской компаніи Кинкōдō-сіосеки-кабусики-кайся 金港堂書籍株式會社. Выпущено въ свѣтъ въ мартѣ 1905 г. Всего 128 страницъ, не считая предисловій и вступительной авторской замѣтки, гдѣ въ частности указываются разстоянія между различными болѣе крупными населенными пунктами южной Кореи. Эта небольшая книжка явилась результатомъ короткой (сорокадевятидневной) поѣздки автора по южной Кореѣ (вплоть до Сеула) лѣтомъ 1909 года. Цѣль книжки—

желаніе содѣйствовать развитію земледѣлія и шелководства, съ каковой точки зрѣнія южная Корея является наиболѣе благопріятной; поэтому авторъ перечисляетъ прежде всего сельскохозяйственныя произведенія, встрѣчающіяся здѣсь; описываетъ общее состояніе сельскаго хозяйства въ Кореѣ въ отношеніи его пріемовъ и прочихъ условій (на 42—47 стр. помѣщены рисунки корейскихъ сельскохозяйственныхъ орудій); наконецъ, указываетъ необходимыя мѣры улучшенія этой отрасли промышленности; отдѣльно разсматриваются японскія сельско-хозяйственныя предпріятія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ компаній и товариществъ въ Кореѣ, въ связи съ вопросомъ о японской земледѣльческой колонизаціи въ этой странѣ, и приводятся примѣрные расчеты доходности этого рода предпріятій. Въ приложеніи помѣщены таблицы рыночной расцѣнки различныхъ корейскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, каковыми свѣдѣніями и воспользовался авторъ предлагаемаго «Очерка».

10) Нихон но Цiōсен 日本之朝鮮, съ англійскимъ заголовкомъ: Chosen of Japan, т. е. «Японскій Цiōсен (Корея)». Составляетъ особое приложеніе къ японскому журналу «Гурахикку (по англ. Graphic), изданъ компаніей Юракуся 有樂社. Tōkiō, 1911 г. Это изданіе представляетъ собою альбомъ in folio фотографическихъ снимковъ, относящихся къ Кореѣ, на 100 страницахъ, изъ нихъ часть размѣромъ во весь листъ. Надписи сдѣланы на японскомъ и англійскомъ языкахъ. Первыми идутъ портреты членовъ бывшаго корейскаго императорскаго дома, начиная съ самаго императера, нынѣ принца И. Впереди альбома безъ особой нумераціи страницъ помѣщены портреты японскаго императора, императрицы и рядъ автографовъ ихъ и членовъ б. корейскаго императорскаго дома, вмѣстѣ съ текстомъ указовъ по поводу присоединенія Кореи къ японской имперіи. Всѣ фотографическіе снимки выполнены вполнѣ отчетливо. Въ концѣ альбома помѣщенъ японскій текстъ на 32 листахъ, излагающій обстоятельства этого присоединенія и дающій сжатый обзоръ экономическаго и культурнаго состоянія Кореи въ настоящее время; среди текста помѣщены портреты японскихъ и корейскихъ дѣятелей въ новѣйшій періодъ сношеній между Кореей и Японіей.

Статистическія данныя, вошедшія въ настоящій отдѣлъ «Очерка Кореи», почерпались преимущественно изъ оффиціальнаго изданія статистическаго отдѣла японскаго кабинета министровъ, выпущеннаго въ декабрѣ 1911 г. подъ заглавіемъ: Нихон-тейкоку-тōкей-ненкан 日本帝國統計年鑑 «Статистическій ежегодникъ японской имперіи», выпускъ 30-ый. Статистическія свѣдѣнія о Кореѣ помѣщены здѣсь въ видѣ сводныхъ таблицъ на стр. 947—967; они относятся главнымъ образомъ къ концу 1909 г. Тѣ же свѣдѣнія, но не только въ видѣ сводныхъ данныхъ для цѣлыхъ провинцій, но и разбитыя на отдѣльныя мелкія административныя единицы провинцій—уѣзды, составляютъ содержаніе «Четвертаго статистическаго годового отчета Цiōсен'скаго генералъ-губернаторства: Дайсидзи-Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-немпō 第四次朝鮮總督府統計年報, выпущеннаго управленіемъ указаннаго генералъ-губернатора въ мартѣ 1911 г.[1] Этотъ отчетъ представляетъ собою большой томъ въ 1027 страницъ, исключительно цифровыхъ таблицъ; кромѣ того, небольшое предисловіе и 32 страницы оглавленія—перечень заголовковъ отдѣльныхъ таблицъ.

Болѣе новыя, но и болѣе краткія, свѣдѣнія аналогичнаго характера помѣщены въ справочной книжкѣ, полученной передъ самымъ окончаніемъ печатанія настоящаго отдѣла, почему свѣдѣнія эти могли войти почти только въ дополненія къ нему. Она озаглавлена: Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-iōран 朝鮮總督府統計要覽 «Краткія статистическія свѣдѣнія по генералъ-губернаторству Цiōсен». Книжка издана управленіемъ названнаго генералъ-губернатора и выпущена въ свѣтъ въ ноябрѣ 1911 г., будучи напечатана въ казенной, генералъ-губернаторской типографіи. Всѣхъ 275 страницъ и 27 страницъ приложеній, состоящихъ изъ разнаго рода справочныхъ таблицъ; въ частности въ рядѣ таблицъ здѣсь указываются сроки посѣва и сбора различныхъ земледѣльческихъ продуктовъ въ Кореѣ: злаковъ, хлопка, конопли и табака, время появленія листьевъ шелковичной тутовицы, съ прочими указаніями по шелководству въ Кореѣ,

[1]) Третій статистическій отчетъ былъ выпущенъ еще управленіемъ японскаго генеральнаго резидента въ Кореѣ. Данныя четвертаго отчета всѣ заканчиваются 31 декабря 1909 года (за немногими исключеніями).

наконецъ, сроки цвѣтенія различныхъ плодовыхъ деревьевъ; всѣ эти указанія даются по отдѣльнымъ провинціямъ.

Для установленія научныхъ названій различныхъ видовъ растительныхъ произведеній Кореи, помимо справокъ, которыя дѣлались въ большомъ числѣ Е. Г. Спальвинымъ, автору предлагаемаго «Очерка» служили еще труды д-ра Бретшнейдера, наиболѣе компетентнаго въ этихъ вопросахъ: 1) подъ общимъ заглавіемъ Botanicon Sinicum, именно части II и III этого сочиненія; изъ нихъ часть II была напечатана въ Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society for the year 1890—91, new series, vol. XXV, 1893 (въ журналѣ того же общества, называвшагося тогда «North-China Branch of the Royal Asiatic Society» за 1881 годъ въ vol. XVI, part 1, была помѣщена и первая часть названнаго труда д-ра Бретшнейдера); третья часть была издана въ 1895 г. въ видѣ XXIX тома журнала того же общества; и 2) Сводный указатель растеній, составленный д-ромъ Бретшнейдеромъ и помѣщенный на стр. 820—843 извѣстнаго руководства: Piry (Theophile), Manuel de langue mandarine, 1895; здѣсь іероглифическимъ обозначеніямъ даны научныя названія и соотвѣтствующія имъ названія на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Кромѣ того, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ растеніяхъ были заимствованы изъ содержательной книги: Клингенъ, И. Среди патріарховъ земледѣлія; въ данномъ случаѣ служила только часть третья: Китай (С.-Петербургъ 1899).

Помимо всѣхъ перечисленныхъ сочиненій на японскомъ и европейскихъ языкахъ, автору «Очерка» при составленіи настоящаго отдѣла служилъ рядъ изданій на европейскихъ языкахъ, японскаго или иного происхожденія; большая часть ихъ уже указывалась въ предисловіи къ I части «Очерка» или въ примѣчаніяхъ къ ней; другія изданія этого рода, впервые встрѣчающіяся, показаны въ примѣчаніяхъ къ настоящему отдѣлу.

Изъ изданій на корейскомъ языкѣ—авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи два выпуска прежняго корейскаго оффиціальнаго календаря, о которомъ говорится на стр. 390 настоящаго «Очерка»; именно, на 4 и 11 годы правленія Коанъму

(1900 и 1907 г.г.) подъ заглавіемъ 大韓光武○ (здѣсь проставлялось число подлежащаго года) 年歲次○○ (здѣсь ставились циклическіе знаки даннаго года, для 1900 г. они были 庚子) 明時曆; полное заглавіе календаря на 1900 г. будетъ въ корейскомъ чтеніи: Тäхан-Коанъму-са(四)нён-сѣчха-канъчжа-мёнъсирёк[1]. Въ текстѣ календаря для каждаго мѣсяца дается особая характеристика, гдѣ указываются явленія, происходящія въ этомъ мѣсяцѣ въ природѣ и имѣющія также отношеніе къ сельскому хозяйству; далѣе отмѣчаются послѣдовательно дни мѣсяца съ указаніемъ «несчастливыхъ дней», въ которые не слѣдуетъ совершать извѣстныхъ дѣйствій: напримѣръ, путешествовать, тревожить землю, сажать, пересаживать, переѣзжать на другое мѣсто и т. д. Вѣроятно, эти-то указанія календаря и заставили Лубенцова (см. стр. 395 настоящаго «Очерка») не вполнѣ точно назвать его «правительственной инструкціей» для корейскаго земледѣльца.

Изъ другихъ изданій на корейскомъ языкѣ автору предлагаемаго «Очерка» приходилось нѣсколько разъ наводить справки въ ежедневной газетѣ Мäильсинбо 每日申報 «Ежедневныя извѣстія», являющейся въ той же мѣрѣ оффиціознымъ органомъ, какъ и газета «Seoul Press» на англійскомъ языкѣ; свѣдѣнія этого корейскаго изданія оказываются болѣе точными, чѣмъ сообщенія названнаго англійскаго изданія, содержащаго не мало опечатокъ и неточныхъ выраженій, которыя и исправлялись по возможности путемъ сличенія съ корейскимъ текстомъ.

При составленіи настоящаго отдѣла «Очерка Кореи» авторъ продолжалъ пользоваться любезнымъ содѣйствіемъ Г. В. Подставина и Е. Г. Спальвина по доставленію ему разнаго рода справокъ, вошедшихъ въ предлагаемое изданіе.

При печатаніи предлагаемаго отдѣла Н. И. Кохановскій, по просьбѣ автора, взялъ на себя кропотливый трудъ внимательнаго просмотра корректуръ, при чемъ неоднократно

---

[1]) Буквально: календарь Минъ'скаго времени, т. е. безъ исправленій, внесенныхъ въ него въ самомъ Китаѣ европейскими миссіонерами при маньчжурской (Цинъ'ской) династіи.

дѣлалъ весьма полезныя редакціонныя и иныя указанія, за которыя авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить ему здѣсь искреннюю признательность. При провѣркѣ перевода съ японскаго текста авторъ по прежнему обращался къ услугамъ лектора Института Мацуда Мамору.

Н. Кюнеръ.

20 октября 1912 г.

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ
ОЧЕРКЪ КОРЕИ,
нынѣ японскаго генералъ-губернаторства Цiôсенъ.

Часть II.
Экономическій очеркъ Кореи.

Отдѣлъ I. Сельское хозяйство.

I.

Общая характеристика роли земледѣлія въ экономической жизни Кореи.

«Всѣ, кто только ни касался вопроса о предпринимательской дѣятельности въ Кореѣ, единогласно признаютъ выгоды земледѣльческой промышленности въ этой странѣ. Дѣйствительно, нынѣ, пока Корея продолжаетъ быть чисто земледѣльческой страною, земледѣліе является здѣсь единственной промышленностью, такъ что отъ его успѣха и упадка, отъ обилія и скудости жатвы зависятъ процвѣтаніе и упадокъ всего народнаго хозяйства». Такими словами начинаетъ составитель Канкоку-сōран[1], не болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, обширный отдѣлъ этой книги, посвященный корейскому земледѣлію, и подобное его заявленіе находитъ себѣ подтвержденіе у болѣе ранняго автора Канкоку-синцири[2], въ томъ смыслѣ, что торговля и ремесла въ Кореѣ являются не болѣе, какъ добавочнымъ къ земледѣлію занятіемъ, почему съ давняго времени земледѣлецъ въ Кореѣ стоялъ выше торговца и ремесленника и самому земледѣлію оказывался въ странѣ чрезвычайный почетъ[3].

[1]) Канкоку-сōран, 394.

[2]) Канкоку-синцири, 133.

[3]) Подобное явленіе наблюдалось и въ Китаѣ, какъ доказываетъ издавна установленный здѣсь порядокъ соціальной классификаціи четырехъ важнѣйшихъ профессій: ученые, земледѣльцы, ремесленники и торговцы. Вмѣстѣ съ проникновеніемъ на корейскій полуостровъ китайскаго политическаго и культурнаго влія-

Даже оставляя въ сторонѣ настоящій вопросъ о почетныхъ преимуществахъ, связанныхъ съ земледѣліемъ, необходимо безусловно признать тотъ фактъ, что понынѣ девять десятыхъ населенія[1] Кореи занимаются земледѣліемъ. Особаго промышленнаго (фабричнаго) класса рабочихъ въ странѣ никогда не существовало, такъ какъ почти всѣ корейскія производства носятъ примитивный характеръ и совершаются на дому; только за послѣдніе годы благодаря учрежденію нѣсколькихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ Кореѣ—японскихъ и иностранныхъ, было положено начало образованію извѣстнаго контингента профессіональныхъ рабочихъ. Поэтому въ теченіе 6 мѣсяцевъ въ году—весною и лѣтомъ, кореецъ обрабатываетъ почву, сѣетъ зерно и ухаживаетъ за полемъ; жена и дѣти, въ особенности дочери[2], помогаютъ ему въ этомъ, а также при сборѣ урожая. Въ теченіе другихъ 4 мѣсяцевъ онъ соби-

---

нія, это теоретическое (на практикѣ было далеко не такъ, кромѣ какъ въ самомъ отдаленномъ прошломъ культурной жизни китайскаго народа) превосходство земледѣлія въ качествѣ профессіи и оказываемый ему почетъ получили общее признаніе и въ Кореѣ.

[1]) Griffis, Corea, The Hermit Nation, VII edit., 1904, стр. 443. По свѣдѣніямъ департамента земледѣлія, торговли и промышленности при управленіи генералъ-губернатора, въ 1909 г. въ Кореѣ занималось земледѣльческимъ трудомъ 9½ милліоновъ человѣкъ (2,200,000 семей, изъ общей цифры населенія въ 13 милліоновъ душъ, т. е. немногимъ болѣе ⁷/₁₀ всего населенія); Japan W. Chronicle, 4 May 1911, 776, указываетъ нѣсколько меньшее общее число корейскаго земледѣльческаго населенія въ 1,942,690 семей.

Канкоку-синцири, 132—3, также считаетъ, что лица, не занимающіяся земледѣліемъ въ Кореѣ, составляютъ лишь небольшую долю всего населенія—это рыбаки по побережью (это, впрочемъ, не вполнѣ справедливо, какъ видно ниже), горожане, купцы, и что 8—9 десятыхъ населенія живетъ земледѣліемъ.

Преобладающій въ столь значительной мѣрѣ земледѣльческій строй корейскаго населенія, заставивъ его разбросаться по разобщеннымъ малодоступными горами долинамъ въ поискахъ за пашнями, значительно содѣйствовалъ выработкѣ патріархальнаго начала въ его жизни (Корфъ и Звегинцевъ. Военный обзоръ сѣверной Кореи, 64), что отразилось въ свою очередь и на экономическомъ строѣ страны.

[2]) Корейскимъ женщинамъ, конечно, лишь среднихъ и низшихъ классовъ населенія, такъ какъ представительницы высшаго класса были обречены до послѣдняго времени на совершенно замкнутую и бездѣятельную жизнь, принадлежитъ весьма значительная роль въ экономической жизни страны, при чемъ онѣ являются не только въ качествѣ помошницъ мужчины или въ качествѣ домашней прислуги, т. е. въ подчиненномъ положеніи, но и выступаютъ самостоятельно въ цѣломъ рядѣ профессій и занятій, какъ можно видѣть изъ не вполнѣ исчерпывающаго списка занятій, доступныхъ корейскимъ женщинамъ, приводимаго во второй и третьей статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ «The status of woman in Korea» въ Korea Review, II, 1902, № 1, стр. 1—8, и № 2, 53—59.

Когда корейская женщина работаетъ въ тѣхъ же отрасляхъ труда, какъ и мужчина, то при условіи обладанія одинаковой ловкостью и скоростью въ работѣ,

раетъ топливо, или изготовляетъ цыновки, сандаліи, ширмы, собираетъ тростникъ или солому для крыши, или занимается плотничьими или столярными подѣлками въ домѣ; женщины ткутъ и шьютъ одежду. Первый и седьмой мѣсяцы въ году (по старому китайскому календарю, что соотвѣтствуетъ, по русскому календарю, времени отъ 15 января до конца февраля и отъ 15 іюля до конца автуста) составляютъ время отдыха. Обычно корейскій столяръ, кузнецъ, каменьщикъ тотъ же землепашецъ, избравшій себѣ добавочное занятіе. Даже рыбаки воздѣлываютъ въ Кореѣ почву[1].

Всѣ остальныя группы корейскаго населенія, которымъ принадлежитъ особая роль въ экономической жизни страны и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ обычно занимаютъ особое въ

она получаетъ, въ отличіе отъ американскихъ и европейскихъ, какъ и японскихъ работницъ, одинаковое съ мужчинами вознагражденіе (Korea Review. II. 54—55), а что онѣ вполнѣ заслуживаютъ этого, доказываетъ весьма одобрительный отзывъ о корейскихъ женщинахъ (числомъ 50 человѣкъ, молодыхъ, но почти всѣхъ замужнихъ, при томъ большей частью изъ высшихъ классовъ. въ качествѣ работницъ въ Сеульскомъ промышленномъ заведеніи Industrial station; онѣ составляютъ первый комплектъ ученицъ, проходящихъ пятимѣсячный практическій курсъ шелководства съ мая по сентябрь), помѣщенный въ Seoul Press, 12 Aug. 1911, 2. и подчеркивающій, что онѣ трудолюбивы, акуратны, ловки, выносливы и бережливы.

Въ южной Кореѣ главнымъ кормильцемъ семьи является преимущественно женщина. Тогда какъ мужчины въ большинствѣ случаевъ ведутъ самую жалкую безпечно-распутную жизнь въ праздношатайничествѣ и пьянствѣ, на долю женщины выпадаетъ масса тяжелой и черной работы—онѣ здѣсь занимаются даже рыбнымъ промысломъ. Далекая Окраина, № 1317, 19 окт. 1911, 3. (Кимъ Манъ Гемъ, Письма изъ Кореи, III). Ср. стр. 75 настоящаго «Очерка (о женщинахъ на о-вѣ Квельпартъ).

[1]) Griffis, Corea, The Hermit Nation, VII edit., 1904, стр. 443. Если японскіе рыбаки въ Кореѣ являются профессіоналами и рѣдко занимаются еще другимъ промысломъ, то большинство корейскихъ рыбаковъ (именно до 15,000 человѣкъ или $^3/_5$ общаго числа ихъ—75,063 человѣкъ) занимаются въ дополненіе къ рыбному промыслу еще земледѣліемъ. Это объясняется тѣмъ, что при тѣхъ примитивныхъ пріемахъ рыбнаго промысла, которыхъ придерживаются корейскіе рыбаки, они не могутъ имѣть увѣренности въ прибыльности этого занятія, почему и прибѣгаютъ къ дополнительному занятію, лучше обезпечивающему имъ заработокъ, на случай неуспѣха перваго промысла. Въ качествѣ подобнаго подспорнаго занятія земледѣліе является тѣмъ болѣе выгоднымъ. что, помимо прямого дохода, оно позволяетъ рыбакамъ найти хорошее примѣненіе водорослямъ и рыбнымъ костямъ въ качествѣ удобренія. Это обстоятельство побуждаетъ директора рыболовнаго отдѣла въ управленіи корейскаго генералъ-губернатора, г. Іобара, которому принадлежатъ вышеизложенныя замѣчанія, совѣтовать и японскимъ рыбакамъ въ Кореѣ послѣдовать примѣру корейцевъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточной площади, пригодной для обработки земли, корейскіе рыбаки часто занимаются скотоводствомъ, при чемъ посвящаютъ рыбному промыслу время съ апрѣля по іюнь, предпочтительно же время съ октября по мартъ. Seoul Press, 3 Sept. 1911, 2.

каждомъ случаѣ соціальное положеніе—дворяне и чиновники, включаемые въ общее сословіе янъбаней[1] съ ихъ многочисленной свитою и прислугою, нынѣ уже утратившіе часть своихъ привилегій и экономическихъ преимуществъ подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности японцевъ, но, благодаря сосредоточенію въ ихъ рукахъ большей части земельной собственности въ странѣ, понынѣ тѣсно связанные экономически съ земледѣліемъ при посредствѣ арендаторовъ ихъ земель; разносчики и торговцы, мясники, носильщики, рудокопы, матросы на судахъ, трактирщики, предсказатели и колдуны обоего пола, представители ряда другихъ профессій и занятій[2], составляютъ лишь одну десятую всего населенія,

[1]) Привилегированное корейское сословіе насчитываетъ, по японскимъ свѣдѣніямъ, 74,077 человѣкъ, изъ нихъ янъбаней (дворянъ)—55,563 человѣка и юсанъ (ученыхъ)—18,514 человѣкъ. Больше всего этихъ привилегированныхъ лицъ въ провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо—22,333 человѣкъ и Сѣверной Кёнъсянъдо (14,298 человѣкъ). Харб. Вѣстн., № 1888, 3 іюля 1910, 3.

Представители корейскаго привилегированнаго сословія ранѣе считали для себя унизительнымъ заняться какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ, но нынѣ виконтъ Сонъ, бывшій корейскій министръ земледѣлія, настойчиво требуетъ отъ нихъ, чтобы они пробудились къ современному положенію и ходу дѣлъ и занялись личнымъ трудомъ въ земледѣльческой, промышленной или иной отрасли предпріимчивости, подавая этимъ примѣръ всей остальной народной массѣ и содѣйствуя общему развитію страны. Seoul Press, 23 July 1911,2.

[2]) Перечисленныя экономическія, или, вѣрнѣе, профессіональныя группы населенія въ Кореѣ, естественно, не вполнѣ совпадаютъ съ существующимъ соціальнымъ дѣленіемъ его, хотя необходимо замѣтить, что въ Кореѣ съ опредѣленными профессіями связывались и соотвѣтствующія соціальныя преимущества и, наоборотъ, занятіе менѣе уважаемой профессіей или ремесломъ влекло за собою для извѣстнаго лица лишеніе его прежнихъ соціальныхъ привилегій.

Въ Кореѣ понынѣ различаются съ соціальной точки зрѣнія три главныя группы населенія: высшее или привилегированное сословіе янъбаней 兩班, среднее сословіе (сравнительно малочисленное, состоящее большей частью изъ лицъ либеральныхъ профессій) чюнъин 中人 (буквально: «средніе люди»), занимающее мѣсто по серединѣ соціальной лѣстницы между указаннымъ привилегированнымъ сословіемъ и слѣдующимъ или низшимъ сословіемъ сянъном 常漢 или сянъмин 常民, которое составляетъ вся остальная масса простого народа, за исключеніемъ нѣсколькихъ категорій лицъ, стоявшихъ ранѣе совершенно внѣ общества въ качествѣ парій и отщепенцевъ. Въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго указаннаго сословія наблюдались раньше, какъ, впрочемъ, и теперь, между отдѣльными ихъ членами градаціи съ большей или меньшей суммою соціальныхъ преимуществъ. Посему можно сказать, что, если сословій въ Кореѣ было только три, то соціальныхъ классовъ много больше. Подобнаго рода соціальные оттѣнки удержались и при новомъ японскомъ режимѣ, хотя послѣдній ставитъ своей цѣлью также извѣстное уравненіе и сближеніе между собою корейскихъ соціальныхъ классовъ и уничтоженіе столь рѣзкихъ, иногда непримиримыхъ различій между ними.

Въ виду важности этого вопроса, японцы нынѣ занялись изученіемъ корейскихъ соціальныхъ условій и понятій, сохраняющихъ понынѣ въ значительной мѣрѣ

проживая въ городахъ и болѣе крупныхъ селеніяхъ, главнымъ образомъ на счетъ остального сельскаго (земледѣльческаго) населенія, которое поэтому находилось въ состояніи хронической нужды (средній доходъ въ годъ корейскаго земледѣльца 30 енъ[1]), не дававшей ему при прежнемъ режимѣ подняться на болѣе высокую соціальную ступень, хотя по закону и при старыхъ порядкахъ каждый кореецъ, независимо отъ соціальнаго и матеріальнаго положенія, за извѣстными ограниченіями, установленными для лицъ, принадлежащихъ къ предосудительнымъ профессіямъ или вышедшихъ изъ неполноправнаго (рабскаго) состоянія, могъ поступать на государствен-

---

свою силу, и точнымъ выясненіемъ соціальной классификаціи корейскаго населенія. Какъ результатъ подобнаго изученія, г. Сіокава, секретарь статистическаго отдѣла (Investigation Bureau 取調局; впрочемъ, этотъ отдѣлъ выполняетъ болѣе широкія функціи по собиранію всевозможныхъ матеріаловъ для лучшаго знакомства со страною и народомъ Кореи и для подготовки такимъ образомъ почвы къ проведенію различныхъ правительственныхъ мѣропріятій) въ управленіи корейскаго генералъ-губернатора, прочелъ особую лекцію, посвященную настоящему вопросу, на лѣтнихъ курсахъ для учителей первоначальныхъ школъ, при чемъ далъ слѣдующій перечень 17 соціальныхъ классовъ корейскаго общества: 1) высшая знать; 2) мѣстные дворяне, состоящіе на правительственной службѣ; 3) незаконнорожденныя дѣти знатныхъ родовъ, признаваемыя за побочныхъ членовъ знатнаго сословія; 4) незаконнорожденныя лица знатнаго происхожденія, не признаваемыя оффиціально за членовъ знатнаго сословія; 5) потомки знатныхъ родовъ прежней династіи; 6) гражданскіе чиновники; 7) военные чиновники; 8) сухопутные и морскіе офицеры; 9) низшіе служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ; 10) простолюдины; 11) солдаты; 12) рабы (изъ числа рабынь выходили и проститутки, пѣвицы и танцовщицы); 13) почтари (курьеры) 驛丁; 14) казенная и частная мужская и женская прислуга; 15) носильщики на почтовой службѣ (пусянъ); 16) паріи (мясники, акробаты, актеры, колдуны и прорицатели); 17) отщепенцы. Лица, занимающіяся различными профессіями и промыслами, совмѣстимыми съ ихъ соціальнымъ положеніемъ, промышленностью или торговлею, монахи и монахини включены въ одинъ изъ перечисленныхъ классовъ (ранѣе буддійскіе монахи считались отщепенцами и даже не допускались внутрь стѣнъ Сеула).

Брачные законы въ Кореѣ понынѣ очень строги въ отношеніи соціальнаго положенія лицъ, вступающихъ въ бракъ, причемъ проводится строгое разграниченіе соціальныхъ классовъ, между которыми браки допускаются. Раньше корейскіе паріи и отщепенцы всѣ исключались изъ соціальнаго общенія съ другими классами. Антипатія, питаемая всѣмъ остальнымъ населеніемъ вообще къ этимъ двумъ классамъ, понынѣ не совсѣмъ исчезла, и г. Сіокава подчеркиваетъ необходимость для учителей первоначальныхъ школъ соблюдать крайнюю осмотрительность въ допущеніи дѣтей, принадлежащихъ къ этимъ двумъ классамъ, въ школы наравнѣ съ дѣтьми болѣе высокаго соціальнаго положенія. Seoul Press, 11 August 1911,3 (замѣтка: Korean social classes).

[1]) Griffis, Korea, VII edit., 444. Средняя корейская земледѣльческая семья изъ 5 душъ тратитъ въ годъ, по сдѣланному разсчету, отъ 12 до 15 фунт. стерл. (Англійскій консульскій отчетъ за 1910 г. о торговлѣ Кореи, Diplomatic and Consular reports, № 4676, Annual Series, стр. 78).

ную службу послѣ успѣшнаго выдержанія установленныхъ экзаменовъ, прекращенныхъ лишь въ 1894 г.

Малое умственное развитіе, обусловленное низкимъ матеріальнымъ достаткомъ (85% изъ числа жителей, включая женщинъ, въ Кореѣ не умѣютъ читать; впрочемъ, въ южной половинѣ полуострова грамотность болѣе распространена, чѣмъ въ сѣверной[1]); глубокое суевѣріе, какъ результатъ невѣжества; простота привычекъ, умѣренность въ пищѣ и одеждѣ, малая подвижность, характеризуютъ сельское населеніе Кореи, которое въ эпоху, предшествовавшую новымъ реформамъ, не имѣло побужденій къ дѣятельности[2] свыше удовлетворенія насущныхъ потребностей, по той простой причинѣ, что весь добавочный заработокъ его въ той или иной формѣ, неизбѣжно, при прежней односторонней системѣ фискальнаго обложенія и крайне неравномѣрнаго распредѣленія налоговаго бремени, падавшаго всей тяжестью на земледѣльческій классъ населенія, далѣе взяточничества, произвола и поборовъ, переходилъ либо въ казначейскій сундукъ, либо еще чаще въ руки чиновниковъ и вообще господствующаго класса и ихъ приспѣшниковъ. Нынѣ, съ установленіемъ японскаго режима, эта причина отсталости и неподвижности низшаго (земледѣльческаго) класса корейскаго населенія должна совершенно отпасть, хотя съ другой стороны неизмѣнная склонность японскихъ чиновниковъ къ чрезмѣрной регламентаціи и административному давленію, равно какъ естественное стремленіе болѣе сильныхъ японскихъ капиталистическихъ группъ и отдѣльныхъ лицъ захватить болѣе выгодныя отрасли торговли и промышленности на полуостровѣ, оставляютъ мало простора для свободной дѣятельности корейцевъ.

Если такимъ образомъ новый режимъ въ Кореѣ долженъ въ концѣ

---

[1]) Griffis. Corea, The Hermit Nation, VII edit., 444.

[2]) Корейцы въ общемъ трудолюбивы отъ природы и могутъ вынести тяжелый трудъ, тогда какъ по ловкости въ ручныхъ ремеслахъ они врядъ ли уступаютъ японцамъ. Опытъ, произведенный съ корейскими дѣтьми, показалъ, что корейцы въ состояніи извлечь всѣ преимущества изъ надлежащаго образованія. Ихъ способность къ подражанію оказывается большей, чѣмъ у самихъ японцевъ, что позволяетъ имъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени достигать большихъ успѣховъ. Подобную оцѣнку природныхъ способностей корейскаго народа сдѣлало колоніальное управленіе въ Токіо послѣ тщательнаго предварительнаго изученія вопроса. Seoul Press, 13 Aug. 1911,2.

концовъ благопріятно отразиться на уровнѣ матеріальной обезпеченности всей массы корейскаго населенія, то съ другой стороны нельзя не замѣтить, что въ настоящее время Корея въ этомъ отношеніи переживаетъ переходное состояніе, которое на первый взглядъ обнаруживаетъ какъ бы ухудшеніе матеріальнаго достатка земледѣльческаго класса, не успѣвшаго еще приспособиться къ новымъ условіямъ. На это обстоятельство обратила вниманіе въ 1906 г. редакція журнала «Korea Review», при чемъ указывала, какъ причину видимаго сокращенія достатка населенія въ Кореѣ, ростъ вывоза изъ страны земледѣльческихъ продуктовъ со времени открытія Кореи для иностранной торговли.

Количество удобной пахотной земли, приходящееся на душу населенія, по заявленію редакціи означеннаго журнала, въ Кореѣ неизмѣримо больше, чѣмъ въ Китаѣ или Японіи. До открытія Кореи для иностранной торговли, средній достатокъ населенія въ Кореѣ значительно превышалъ таковой же населенія обѣихъ указанныхъ сосѣднихъ странъ благодаря тому обстоятельству, что запасы пищи на душу населенія въ Кореѣ были гораздо значительнѣе, нежели во всякой другой странѣ на Дальнемъ Востокѣ[1], и средній кореецъ одѣвался лучше и имѣлъ лучшую пищу, чѣмъ японецъ или китаецъ. Часто урожай риса въ Кореѣ бывалъ на столько обиленъ, что съ путешественниковъ здѣсь не брали платы за съѣденный ими рисъ. Страна производила больше, чѣмъ могла потреблять. Простой народъ въ Кореѣ могъ легко производить все, что ему было необходимо для поддержанія высокаго уровня благосостоянія, и нищенство было почти неизвѣстно. Конкурренція, явившаяся результатомъ открытія страны для иностранной торговли, вскорѣ начала вліять на народъ. Вывозъ зерна, риса и бобовъ[2] подъ вліяніемъ болѣе высокихъ цѣнъ въ Японіи и быстрое вздорожаніе почти всѣхъ товаровъ въ самой Кореѣ подъ вліяніемъ притока денегъ привели къ пониженію средняго уровня матеріальнаго довольства въ странѣ, и кореецъ съ того времени испыталъ

---

[1]) Korea Review, IV, 1904, 289. Это объяснялось большимъ количествомъ обрабатываемой земли при меньшей цифрѣ населенія (тамъ же).

[2]) Вывозъ и ввозъ земледѣльческихъ продуктовъ въ Кореѣ исчислялся въ послѣдніе годы въ слѣдующихъ суммахъ:

Годы.	Вывозъ. Ены.	Ввозъ. Ены.	% отношеніе къ общей цѣнности вывоза.	ввоза.
1903	8,440,843	2,867,969	89	15
1904	6,198,256	3,707,423	89	13
1905	5,739,422	4,299,080	83	13

Годы.	Общая цѣнность всего вывоза корейскихъ продуктовъ. Ены.	Цѣнность вывоза однихъ зерновыхъ продуктовъ. Ены.	Цѣнность ввоза: Зерна. Ены.	Муки. Ены.
1906	8,132,844	5,559,981	706,927	318,171.
1907	16,479,834	12,150,479	99,362	321,402.
1908	13,463,947	10,330,522	138,461	384,821.
1909	15,399,678	10,356,126	184,648	322,506.

на себѣ пагубныя послѣдствія того, что нужда не пріучила его къ неустанному труду. Это является естественнымъ объясненіемъ корейской бездѣятельности. Пока страна была обречена на замкнутое существованіе, она была избавлена отъ дѣйствія закона спроса и предложенія между ней и ея сосѣдями. Съ уничтоженіемъ же раздѣлявшаго ихъ барьера, этотъ законъ долженъ былъ возстановить экономическое равновѣсіе между ними, при чемъ такъ какъ Корея пользовалась тогда большей долею индивидуальнаго довольства, то отъ дѣйствія означеннаго закона могла пропстечь экономическая польза лишь для Китая и Японіи, но вредъ для самой Кореи. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что если бы политика замкнутости была удержана Кореей понынѣ, населеніе ея съ чисто экономической точки зрѣнія обладало бы теперь много большимъ достаткомъ[1].

Въ результатѣ усиленнаго вывоза изъ страны главнаго продукта питанія населенія—риса, явилось, правда, повышеніе цѣнъ на него и обусловленныя этимъ волненія среди корейскаго населенія, даже въ самомъ центрѣ рисовой культуры—въ провинціи Чёлладо въ 1909 г., годъ менѣе благопріятнаго урожая этого продукта. Но съ другой стороны иностранная торговля вызвала притокъ денегъ въ страну и сдѣлала доступными для населенія многіе товары, относимые въ культурныхъ странахъ къ числу предметовъ насущной необходимости, и этимъ увеличила жизненныя удобства для значительно большаго круга лицъ, нежели это являлось возможнымъ раньше. Поэтому трудно утверждать, чтобы средній уровень достатка корейскаго населенія въ настоящее время въ дѣйствительности понизился, хотя матеріальное благосостояніе распредѣляется нынѣ болѣе неравномѣрно даже среди низшихъ классовъ населенія въ странѣ.

Земледѣліе въ качествѣ основного источника финансоваго хозяйства въ Кореѣ.

Важность земледѣлія, какъ преимущественной отрасли сельскаго хозяйства, въ Кореѣ подчеркивалась при старомъ режимѣ съ государственной финансовой точки зрѣнія тѣмъ обстоятельствомъ, что взимаемый съ него поземельный налогъ являлся наиболѣе крупнымъ источниковъ государственныхъ доходовъ,

[1]) Korea Review, VI, June 1906, 213—214 (критическая статья подъ заглавіемъ «Kennan and Korea» по поводу статей этого автора въ журналѣ «The Outlook»); см. также Korea Review, I, 1901, стр. 4—5.

каковую роль онъ сохраняетъ и при новомъ режимѣ, пока не были найдены другіе источники доходовъ.

Въ дореформенное время поземельный налогъ въ Кореѣ взимался натурою въ видѣ извѣстнаго количества зерна—при среднемъ урожаѣ 20 корейскихъ ту 斗 (о величинѣ «ту» см. ниже) риса съ площади земли, дающей при нормальныхъ условіяхъ 100 грузовъ (пу 負) зерна; эта площадь, служившая единицею исчисленія налога, называлась кёль 結 и въ зависимости отъ качества почвы представляла собою весьма неодинаковую величину[1]. Налогу подлежала только пахотная земля, такъ какъ земля, занятая постройками, лѣсомъ, лугами и т. д., не была обложена этимъ сборомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Кореѣ не существовало другихъ мѣстныхъ (земскихъ) налоговъ, такъ что поземельный налогъ самъ по себѣ являлся легкимъ; но тяжесть его увеличивалась значительно тѣмъ, что расходы по взиманію этого налога и по доставкѣ столь громоздкого продукта, какъ рисъ и прочее зерно[2], въ казенные магазины, нерѣдко

[1]) «Описаніе Кореи», II, 432—3, опредѣляетъ эту величину на русскія мѣры отъ 2,3 до 9,4 десятинъ. Въ дѣйствительности эти цифры слишкомъ высоки, какъ видно изъ сравненія ихъ съ данными Канкоку-іôран, стр. 51—55, гдѣ подробно разсматривается мѣра кёль въ порядкѣ ея историческихъ измѣненій и въ существующемъ ея видѣ. На основаніи этихъ указаній надлежитъ различать двоякую мѣру кёль, при чемъ когда она служитъ для обозначенія только извѣстной площади земли, величина ея не измѣняется, измѣряясь въ 10.000 квадратныхъ корейскихъ футовъ и будучи равна въ японскихъ мѣрахъ 8 тан 7 се (или 0,783 десятины); но когда ею выражается урожайность почвы, которой опредѣляется размѣръ поземельнаго налога, то, въ зависимости отъ качества почвы, обозначаемая ею площадь измѣняется отъ нормальной цифры 8 тан 7 се для перваго разряда рисовыхъ полей до 3 цiô 4 тан 8 се (или 3,13 десятины) для 6-го разряда, т. е. величина ея является въ три раза меньшей, чѣмъ цифры «Описанія Кореи».

Ср. свѣдѣнія относительно мѣръ: 1) кёль, которая исчисляется здѣсь въ переводѣ на японскія мѣры въ той же величинѣ, какъ и у Канкоку-іôран, и 2) турак 斗落 (или площади земли, для обсѣмененія коей идетъ зерна 1 ту—яп. 3 сiô 4 гô слишкомъ; впрочемъ, величина корейскаго «ту» мѣняется и 1 казенный ту соотвѣтствовалъ 0,3 четверика, т. е. почти 5 яп. сiô. Описаніе Кореи, III, 312. На этомъ основаніи Описаніе Кореи, II, 433, исчисляетъ 20 ту (см. выше) въ 9 пуд. 6²/з ф.) въ Канкоку-сiокумиисаку, 50—52; обычно принимаютъ 3 турак равными 1 японскому тан (0,09 десятины), но въ дѣйствительности бываетъ, что 2 турак уже равняются 1 тан, а въ другихъ случаяхъ и 4 турак еще не составляютъ 1 тан.

Канкоку-сôран удѣляетъ вопросу о корейскихъ земельныхъ мѣрахъ стр. 450—456, при чемъ исчисляетъ величину 1 кёль въ японскихъ мѣрахъ отъ 9 тан 4 се 23 цубо до 1 цiô 7 се 1 цубо (для земель перваго разряда), доходя до 3 цiô 8 тан 2 цубо—4 цiô 2 тан 8 се 1 цубо для земель шестого разряда. Величина второй употребительной корейской земельной мѣры—турак измѣняется, въ зависимости отъ мѣстности, отъ 2 се (въ Хоанъхäдо) до 1 тан 4 се 29 цубо (въ Южной Чхюнъчхёнъдо (см. таблицу тамъ же на стр. 454—456).

Канкоку-цири, 74, принимаетъ 1 кёль равнымъ 9 тан 28 цубо.

По закону отъ 21 марта 1905 г. 1 кёль былъ приравненъ 100 арамъ (по метрич. системѣ) или 1 цiô 25 цубо. Канкоку-доріôкôхô, 7, и таблицы въ приложеніи тамъ же).

[2]) Подробности относительно организаціи этой доставки см. «Описаніе Кореи», II, 434.

весьма удаленные, лежали на самомъ плательщикѣ; кромѣ того послѣдній подвергался со стороны мѣстныхъ чиновниковъ и другимъ незаконнымъ поборамъ, почему размѣръ налога, какъ онъ взимался съ землевладѣльца или его арендатора, въ дѣйствительности значительно превышалъ размѣръ, устанавливаемый центральнымъ правительствомъ[1]. Съ рисовыхъ полей поземельный налогъ взимался, по общему правилу, рисомъ и съ суходольныхъ полей—бобами, при чемъ вслѣдствіе неудобствъ мѣстныхъ сообщеній съ одной стороны и различія мѣстныхъ условій съ другой, способы какъ обложенія земли этимъ налогомъ, такъ и взиманія его, отличались большимъ разнообразіемъ въ различныхъ частяхъ полуострова[2].

Въ 1894 г. натуральный поземельный налогъ былъ замѣненъ денежнымъ[3], при чемъ въ слѣдующемъ 1895 г. размѣръ его былъ установленъ такимъ образомъ, что, въ зависимости отъ качества земли, величина взимаемаго съ 1 кёль налога измѣнялась по 13 разрядамъ (тынъ 等) начиная отъ перваго высшаго (нормальнаго) разряда оклада въ 6 серебряныхъ енъ (元, кор. уён) и кончая низшимъ въ 2 янъ (兩), или 0,4 серебрянаго енъ[4]. Сообразно съ прежними мѣстными обычаями, три высшихъ разряда налога (отъ 6 до 4 енъ) были установлены для шести центральныхъ и южныхъ провинцій, гдѣ изобилуетъ рисовая культура, а прочіе низшіе для двухъ сѣверныхъ провинцій Пхёнъандо и Хамгёнъдо[5].

Въ новѣйшіе годы, благодаря постепенному возрастанію корейскихъ государственныхъ расходовъ, неизбѣжно возникла необходимость повышенія поземельнаго налога для пополненія ресурсовъ казны. Раньше мѣриломъ налога служила $^1/_{20}$ урожая, но затѣмъ эта пропорція была повышена до $^1/_{10}$[6], причемъ въ 1900 г. окладъ налога высшаго разряда былъ повышенъ съ 6 енъ (30 янъ) до 11,2 енъ (57 янъ) и въ 1902 г. до 16 енъ (80 янъ) и пропорціонально этому повышены и всѣ остальные разряды[7].

Въ 1904 г., послѣ этихъ измѣненій прежняго размѣра налога, была выработана новая скала разрядовъ налога въ числѣ 25, выражавшихся средней суммою въ 13,08 енъ съ 1 кёль, а по отдѣльнымъ провинціямъ колебавшихся слѣдующимъ образомъ:

Провинціи:	Средній размѣръ налога.
Южная Чёлладо	16.07 енъ
Южная Чхюнъчхёнъдо	15,87 »

---

[1]) Канкоку-сôран, 458.

[2]) Канкоку-сôран, 458.

[3]) Въ зависимости отъ мѣстности, размѣръ налога въ новомъ его видѣ, т. е. въ переводѣ на деньги, былъ различенъ: такъ въ приморскихъ уѣздахъ уплачивалось за 1 кёль 30 янъ (т. е. 6 енъ), а въ горныхъ уѣздахъ внутри страны —20 янъ, т. е. 4 енъ. Канкоку-сіокуминсаку, 52.

[4]) См. таблицу въ Канкоку-сôран, 459.

[5]) Канкоку-сôран, 459—460.

[6]) Канкоку-сôран, 460.

[7]) Канкоку-сіокуминсаку, 53.

Сѣверная Чёлладо	15,78
Южная Кёнъсянъдо	15,21
Хоанъхäдо	15,20
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	14,72
Кёнъгыйдо	14,42
Сѣверная Кёнъсянъдо	13,23
Канъуёндо	12.29
Южная Пхёнъандо	7,85
Сѣверная Пхёнъандо	6,52
Южная Хамгёнъдо	5,82
Сѣверная Хамгёнъдо	2,93

Такимъ образомъ наиболѣе высокій размѣръ налога былъ установленъ для провинціи южной Чёлладо и наиболѣе низкій для провинціи Сѣверной Хамгёнъдо, словомъ южная Корея, гдѣ расположены наилучшія обрабатываемыя земли, несетъ и большую часть изъ всей суммы собираемаго въ Кореѣ поземельнаго налога[1].

Съ 1905 г., по указаніямъ японскаго финансоваго совѣтника Мегата, было приступлено корейскимъ правительствомъ къ пересмотру и переоцѣнкѣ поземельнаго налога. Не пытаясь въ корнѣ измѣнять существующій налогъ, основанный на сложной системѣ весьма неопредѣленной единицы мѣры кёль, правительство приняло самыя рѣшительныя мѣры къ обнаруженію т. н. ынгёль или скрытыхъ кёль (隱結), которые ранѣе составляли статью частныхъ доходовъ недобросовѣстныхъ чиновниковъ и другихъ лицъ[2]; для этой цѣли назначались съ 1908 г. награды тѣмъ, кто сообщалъ властямъ о существованіи такихъ «скрытыхъ кёль»; съ другой стороны налогъ слагался съ земель, которыя перестали обрабатываться подъ вліяніемъ природныхъ бѣдствій[3];

[1]) Канкоку-сôран, 460—1.

[2]) Какъ примѣръ злоупотребленій мѣстныхъ властей въ дѣлѣ утайки подлежащихъ налогу земель, Канкоку-цири, 74, разсказываетъ, что по сосѣдству съ б. окружнымъ городомъ Коанъчжю въ Чёлладо существовала мѣстность Юримсу 柳林藪, т. е. чаща ивовой рощи, площадью въ 700—800 цiô. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ здѣсь находился большой монастырь по имени Юримса, т. е. монастырь ивовой рощи, но, послѣ разрушенія его, мѣсто поросло лѣсомъ, почему и получило свое настоящее прозвище. Между тѣмъ впослѣдствіе населеніе постепенно занялось разработкой этой земли и нынѣ имъ распахано подъ рисовыя поля уже болѣе половины всей площади, т. е. свыше 400 цiô. Налогъ съ этихъ полей былъ обращенъ въ пользу мѣстныхъ властей въ качествѣ ихъ побочнаго дохода, сверхъ остального содержанія, а центральное правительство по прежнему продолжало считать эту землю занятой лѣсомъ. Такихъ примѣровъ по всей Кореи наберется не мало, почему указываемое въ податныхъ спискахъ 1899 г. количество 990,000 кёль далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (тамъ же).

[3]) Общее число кёль обрабатываемой земли, подлежащей обложенію, въ началѣ царствованія династіи И, т. е. къ началу XV стол., опредѣлялось цифрою въ 1,455,492. Эта цифра подлежала періодическому пересмотру каждые 20 лѣтъ, при чемъ благодаря тому обстоятельству, что мѣстныя власти изъ собственныхъ выгодъ нерѣдко не включали въ оффиціальные списки число кёль вновь обработанныхъ земель (такимъ образомъ и возникли скрытые кёль), но акуратно исклю-

были опредѣлены также обязанности, соотвѣтственно лежащія на землевладѣльцѣ и арендаторѣ по отношенію къ уплатѣ налога, который отнынѣ долженъ былъ уплачиваться землевладѣльцемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда арендаторъ, обязанный дѣлать это по договору или мѣстному обычаю, не выполняетъ своего обязательства. Раздѣленіе поземельнаго налога по его размѣру на 23 разряда было замѣнено дѣленіемъ на 13 разрядовъ[1].

По отношенію къ цѣнности земли, которую можно принять равной 300 енъ за 1 кёль или 1 японскій ціо̄, поземельное обложеніе въ Кореѣ не превышаетъ 5%, тогда какъ во всемъ мірѣ оно достигаетъ 10 и 15% отъ стоимости земли или отъ дохода съ нея и выше; на дѣлѣ эта пропорція въ Кореѣ еще меньше, такъ какъ цѣна на землю здѣсь въ настоящее время достигаетъ 40 и даже 60 енъ за 1 тан (т. е. 1/10 ціо̄). При всемъ томъ можно возражать противъ самого существующаго порядка обложенія, который относитъ огульно къ двумъ первымъ разрядамъ оклада поземельнаго налога только тѣ провинціи, въ которыхъ производится много хлѣба или гдѣ почва считается плодородной, тогда какъ на дѣлѣ различныя мѣстности одной и той же провинціи изъ числа этихъ хлѣбородныхъ провинцій обладаютъ различной степенью производительности почвы. Канкоку-сіокуминсаку, стр. 54, указываетъ слѣдующій примѣръ: въ провинціи Южной Чёлладо въ мѣстности Чёнчжю и на островѣ Чиндо установленъ одинаковый размѣръ поземельнаго налога—16 енъ съ 1 кёль, между тѣмъ какъ въ

чали изъ списковъ тѣ изъ прежнихъ кёль, которые перестали обрабатываться, то общая цифра кёль неуклонно уменьшалась и къ 1902 г. опредѣлялась лишь въ 988,147. Благодаря энергіи японцевъ было обнаружено много скрытыхъ кёль, такъ что въ концѣ декабря 1909 г., несмотря на исключеніе изъ списковъ земель, которыя перестали обрабатываться, указанная цифра для всей страны повысилась до 995,406. Ниже приводится изъ Third annual report on reforms and progress in Korea, 52, таблица распредѣленія кёль и суммъ поземельнаго налога по отдѣльнымъ провинціямъ Кореи въ концѣ декабря 1909 г.:

Провинціи:	Число кёль.	Сумма поземельнаго налога.
Кёнъгыйдо	72,422	516,949
Южная Чхюнъчхёнъдо	88,858	706,350
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	47,712	339,911
Южная Чёлладо	130,143	1,037,484
Сѣверная Чёлладо	108,996	856,831
Южная Кёнъсянъдо	104,728	789,764
Сѣверная Кёнъсянъдо	129,733	848,895
Хоанъхäдо	81,253	614,645
Канъуёндо	22,854	136,237
Южная Пхёнъандо	66,208	259,645
Сѣверная Пхёнъандо	39,049	132,101
Южная Хамгёнъдо	59,894	169,351
Сѣверная Хамгёнъдо	43,558	61,407
Всего	995,406	6,469,569

[1]) Цит. отчетъ, 51. Ціосѣн-сангіо̄си, I, 318-9, приводитъ текстъ закона отъ іюня 1908 г., устанавливавшаго новое дѣленіе налога (на 12 разрядовъ, а не 13) и однообразное взиманіе его въ новой валютѣ (вмѣсто 16 прежнихъ енъ для перваго разряда 8 новыхъ енъ, равныхъ имъ по курсу).

мѣстности Чѣнчжю съ 1 яп. тан получается урожай въ 2 коку, а на островѣ Чинде только 1 коку 2—3 то. При этихъ обстоятельствахъ необходима скорѣйшая реформа поземельнаго налога въ Кореѣ, размѣръ коего долженъ быть поставленъ въ зависимость либо отъ продажной цѣнности земли, либо отъ доходности ея[1].

Въ періодъ 1896—1899 года дѣйствительный доходъ отъ поземельнаго налога составлялъ 2,642,000 енъ въ годъ (полный же окладъ этого налога для всей страны составлялъ въ тѣ же годы около $4^{3}/_{4}$ милліоновъ енъ въ годъ) при общей суммѣ доходовъ, согласно дѣйствительнымъ поступленіямъ, въ предѣлахъ отъ 4,731,069 енъ (1896 г.) до 6,938,074 енъ (1897 г.)[2]. Въ 1900 г. изъ общаго дохода въ 6 милліоновъ енъ на долю поземельнаго налога приходилось 5 милліоновъ енъ въ 1902 г.—7,603,020 енъ изъ общей суммы доходовъ въ 10,766,115 енъ; въ 1904 г., послѣ состоявшагося 13 ноября 1902 г. повышенія налога до высшаго оклада въ 16 енъ съ 1 кёль, поступленія отъ него были исчислены въ 9,703,591 енъ изъ общей суммы дохода въ 14,214,573 енъ. Впослѣдствіе исчисленіе поземельнаго налога, какъ и всего бюджета, стало производиться въ новой валютѣ[3] и въ смѣтѣ 1908 г. изъ общей суммы доходовъ—23,352,857 енъ указанный налогъ давалъ только 6,469,890 енъ (если считать только обыкновенные доходы—13,410,347 енъ, то поземельный налогъ составлялъ все-же $48^{0}/_{0}$ всей этой суммы) и въ смѣтѣ 1909 г. на общую сумму 29,228,011 енъ (вмѣстѣ съ чрезвычайными доходами)—6,469,569. По смѣтѣ 1910 г. изъ 14,782,837 енъ обыкновенныхъ доходовъ (въ томъ числѣ отъ налоговъ и пошлинъ 11,565,718 енъ) на долю поземельнаго налога приходилось 6,219,929 енъ. Наконецъ, по смѣтѣ на 1911 г. генералъ-губернаторства Цiōсенъ, среди 11 налоговъ, дающихъ въ сложности 10,871,057 енъ изъ общей суммы обыкновенныхъ доходовъ въ 24,000,000 енъ слишкомъ, на долю поземельнаго налога приходится 6,024,500 енъ, на долю слѣдующей по величинѣ статьи отъ таможенныхъ пошлинъ—3,122,000 енъ.

---

[1]) Канкоку-сiокуминсаку, 54.

[2]) Описаніе Кореи, II, стр. 442, и III, приложеніе XII, табл. 1, стр. 222—3.

[3]) Золотого ена 圓 взамѣнъ прежняго обезцѣненнаго ена 元, при чемъ послѣдній былъ приравненъ къ половинѣ стоимости перваго.

II.

Правительственныя поощренія земледѣлія.

Во всякомъ случаѣ, при прежнемъ режимѣ въ Кореѣ, доходы казны тѣсно связывались съ земледѣліемъ и въ интересахъ правительства было всячески заботиться объ его развитіи и возможномъ успѣхѣ, такъ какъ самый размѣръ поземельнаго налога устанавливался ежегодно въ зависимости отъ урожая. Въ видахъ поощренія трудолюбія земледѣльческаго класса, въ старину уѣздный начальникъ отправлялъ особыхъ чиновниковъ (куён-нонъгоан 勸農官) для объѣзда всѣхъ селеній уѣзда и убѣжденія населенія тщательно воздѣлывать землю[1]. Осенью производился осмотръ полей, и о состояніи ихъ урожая, вмѣстѣ съ сообщеніемъ всѣхъ случаевъ засухи, наводненій и т. д., губернаторъ провинціи, на основаніи свѣдѣній мѣстныхъ властей, доносилъ министру финансовъ, который, послѣ обсужденія этихъ данныхъ въ совѣтѣ министровъ, при участіи членовъ верховнаго совѣта, опредѣлялъ на текущій годъ, по соображенію урожая, размѣръ поземельнаго налога для каждой мѣстности[2]. Правительственное попеченіе о земледѣліи выражалось и въ томъ, что въ ежегодно издаваемомъ оффиціальномъ корейскомъ календарѣ излагались также правила земледѣлія, системы посѣвовъ, время сѣянія и жатвы; указывались почва, наиболѣе пригодная для того или другого вида растеній, способы унаваживанія земли и т. д.; это было вродѣ правительственной инструкціи, несоблюденіе коей могло вызвать даже наказаніе виновнаго[3].

Вопреки подобному попеченію, существовавшему, впрочемъ, болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, и въ сущности доставлявшему мѣстнымъ чиновникамъ лишь поводъ для новыхъ вымогательствъ, количество обрабатываемой земли въ Кореѣ къ 1904 г. стало очень много меньше, чѣмъ 15 лѣтъ передъ тѣмъ, т. е. къ началу 90 гг., вопреки постоянному приросту населенія[4]. Къ числу причинъ этого

---

[1]) Поджіо, Очерки Кореи, 1892, стр. 73.

[2]) Дмитріевскій, Записки переводчика Отано Кигоро о Кореѣ, 172.

[3]) Лубенцовъ, Хамк. и Пхіен. пров. 220. Это мнѣніе, однако, должно быть принято съ большими оговорками, т. к. на дѣлѣ замѣтки въ указанномъ календарѣ касательно земледѣлія, при томъ далеко не столь разнообразнаго содержанія, являются лишь вродѣ народныхъ примѣтъ, имѣющихъ, правда, свой глубокій смыслъ.

[4]) Уменьшеніе площади обрабатываемой земли въ Кореѣ является вполнѣ совмѣстимымъ съ фактомъ роста населенія въ силу 1) пониженія уровня жизненнаго достатка корейскаго народа и 2) замѣны натуральнаго поземельнаго нало-

явленія относится, во-первыхъ, то, что приростъ населенія вызвалъ все увеличивающійся спросъ на строительный матеріалъ и топливо. Это ускорило истребленіе лѣсовъ въ странѣ, что въ свою очередь вызвало огромную потерю въ отношеніи правильнаго орошенія, усиливъ разливы рѣкъ, которые заносятъ рисовыя поля пескомъ и галькою и оголяютъ склоны горъ отъ всякой растительности, дѣлая почти невозможнымъ вторичное облѣсеніе ихъ. Во-вторыхъ, по подсчету хорошо освѣдомленныхъ корейцевъ, въ результатѣ опустошеній, произведенныхъ мятежниками тонъхаками въ 90 гг., до 30,000 кёль земли были заброшены, обусловивъ убыль въ нѣсколько милліоновъ мѣшковъ риса въ ежегодномъ сборѣ. Провинція Чёлладо болѣе всего пострадала отъ этой причины и одно время почти лишилась права носить гордый титулъ «сада Кореи».

Въ третьихъ, наблюдался постепенный упадокъ трудолюбія и предпріимчивости населенія, такъ что нынѣ средній кореецъ оказывается менѣе расположеннымъ къ усиленной дѣятельности, чѣмъ раньше. Причина этого лежитъ въ значительной мѣрѣ внѣ власти индивидуальнаго корейца и въ будущемъ можетъ быть устранена (см. выше)[1].

Сокращеніе площади обрабатываемыхъ земель въ Кореѣ объясняется и упадкомъ обработки казенныхъ земель послѣ отмѣны прежней почтовой службы, для содержанія коей служили т. н. почтовыя земли ёкто 驛土, и упраздненія т. н. военнопоселенческихъ земель тондо 屯土, за обработкою коихъ слѣдили особыя должностныя лица, такъ какъ доходы съ нихъ шли на содержаніе гарнизонныхъ войскъ и полиціи въ странѣ. Обѣ категоріи этихъ земель обозначались общимъ именемъ ёктондо 驛屯土. Послѣ уничтоженія прежней почтовой службы и отнесенія расходовъ по содержанію военныхъ силъ страны на средства государственнаго казначейства, названныя земли, вмѣстѣ съ прочими казенными землями, перешли въ 1898 г. въ вѣдѣніе министерства двора, причемъ, благодаря злоупотребленіямъ со стороны агентовъ этого министерства, часть указанныхъ земель была заброшена новыми аренда-

---

га денежнымъ, почему значительныя количества зерна, ранѣе хранившіяся въ казенныхъ складахъ, сдѣлались доступными для питанія населенія. Korea Review, 1901, IV, 348—9. Наличность на корейскомъ рынкѣ избытка дешеваго скота, вмѣстѣ съ ростомъ его вывоза и потребленія въ самой странѣ, доказываетъ также сокращеніе земледѣльческой промышленности въ Кореѣ, для которой рабочій скотъ является необходимымъ, особенно для рисовой культуры. Korea Review, 1904, IV, 347.

[1]) Korea Review, IV, 1904: Japanese industrial projects in Korea, стр. 289—290. Korea Review, 1904, IV, стр. 344—350, въ статьѣ «The fallow lands» еще подробнѣе выясняетъ причины сокращенія обрабатываемой площади въ Кореѣ, между прочимъ указывая и то, что чрезмѣрные поборы чиновниковъ, усилившіеся въ концѣ XIX ст., вмѣстѣ съ разстройствомъ всей административной системы, по отношенію къ земледѣльцамъ, заставляли тѣхъ бросать обработку земли, какъ отрасль труда, обложенную наибольшими налогами, и обращаться къ другимъ занятіямъ, въ частности связаннымъ съ усиленной перевозкою товаровъ, благодаря развитію внѣшней торговли и переходу отъ мѣнового способа торговли къ денежному, почему увеличилось число посредниковъ, почерпавшихъ изъ этого занятія средства къ существованію и также отставшихъ отъ земледѣлія.

торами изъ-за непосильныхъ поборовъ, другая меньшая часть стала обрабатываться небрежно[1]. При этихъ обстоятельствахъ, по японской иниціативѣ, состоялась, согласно императорскому указу отъ іюня 1908 г., передача этихъ земель въ вѣдѣніе министерства финансовъ, при чемъ, по окончаніи этой передачи въ 1908 г., въ іюлѣ того же года было опубликовано положеніе о завѣдываніи этими землями, въ цѣляхъ урегулированія соотвѣтствующихъ обязанностей казны и арендаторовъ по отношенію къ этимъ землямъ, наряду съ обезпеченіемъ матеріальныхъ интересовъ той и другой стороны. Мѣстныя податныя учрежденія, въ чьемъ завѣдываніи находились эти и прочія казенныя земли, должны были поощрять арендаторовъ къ образованію товариществъ въ цѣляхъ содѣйствія земледѣльческимъ улучшеніямъ, облегченія денежныхъ оборотовъ, помощи для продажи продуктовъ и насажденія полезной привычки къ сбереженію денегъ[2].

Общая площадь земель ёктондо и прочихъ казенныхъ земель, разсѣянныхъ по всей странѣ и сданныхъ въ аренду, въ вѣдѣніи б. корейскаго министерства финансовъ исчислялась въ концѣ 1909 г. въ 128,859 цiō, въ томъ числѣ 5,055 цiō, переданныхъ Восточной колонизаціонной компаніи, составляя такимъ образомъ $^1/_{20}$ общей площади обрабатываемыхъ земель и заключая 284,928 арендаторовъ. Доходъ съ нихъ исчислялся въ томъ же году въ 1,158,485 енъ[3].

Благодаря всѣмъ указаннымъ причинамъ, взятымъ вмѣстѣ, но, главнымъ образомъ, благодаря первой изъ нихъ — растущему ущербу для полей отъ наводненій, земледѣльческая площадь Кореи вмѣсто того, чтобы увеличиваться, стала уменьшаться и оказывалась уже недостаточной для удовлетворенія растущаго спроса на земледѣльческіе продукты, предъявляемаго Японіей. Сами корейцы вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и развить предпріимчивость въ различныхъ отрасляхъ сельскохозяйственной производительности страны, оставались безучастными къ новому порядку вещей, негодуя лишь на то, что усиленный вывозъ риса и бобовъ поднялъ цѣны пищевыхъ продуктовъ въ самой Кореѣ[4]; но подобное неблагопріятное положеніе дѣлъ отнюдь не могло удовлетворять японскій народъ, стремившійся создать для себя въ Кореѣ готовый и неистощимый источникъ недостающихъ Японіи запасовъ земледѣльческихъ продуктовъ. По-

---

[1]) Korea Review, IV, 1904, 349—350.
[2]) Third annual report on reforms and progress in Korea, 52—3.
[3]) Цит. отчетъ, стр. 53.
[4]) Подробности см. въ Korea Review, VI, 1904, стр. 290-291.

этому реформы, предпринятыя въ Кореѣ подъ японскимъ вліяніемъ, начиная съ середины 90 гг. XIX стол., отразились и на мѣрахъ правительственнаго поощренія земледѣлія, вплоть до учрежденія около 1897 г. въ Кореѣ издательскаго общества для печатанія иностранныхъ руководствъ по земледѣлію. Но эти первыя попытки имѣли мало успѣха, пока японское политическое вліяніе на полуостровѣ не являлось достаточно прочнымъ и неоспоримымъ.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ японскаго руководящаго вліянія на полуостровѣ въ видѣ установленія протектората и связаннаго съ нимъ учрежденія генеральнаго резидентства, особое вниманіе новыми руководителями судебъ Кореи стало удѣляться и сельскому хозяйству въ видахъ увеличенія избытка земледѣльческихъ продуктовъ, могущихъ вывозиться въ Японію, какъ путемъ улучшенія корейскаго землепользованія и поддержанія земледѣльцевъ посредствомъ ссудъ, такъ и черезъ развитіе японской сельскохозяйственной колонизаціи.

Въ 1906 г. ради первой цѣли корейское правительство ассигновало 1,200,000 енъ на учрежденіе и субсидированіе земледѣльческихъ и промышленныхъ банковъ—нонъгонъынхан по корейски 農工銀行[1]. Главнымъ назначеніемъ этихъ банковъ должно было являться содѣйствіе путемъ оказанія матеріальной поддержки: 1) Разработкѣ, осушенію, орошенію или улучшенію почвы въ Кореѣ; 2) Сооруженію или улучшенію дорогъ; 3) Лѣснымъ предпріятіямъ; 4) Закупкѣ сѣмянъ, молодыхъ растеній, удобреній, или матеріаловъ для земледѣлія или промышленнаго производства; 5) Закупкѣ замледѣльческихъ или фабричныхъ орудій или инструментовъ, судовъ, повозокъ или скота; 6) Сооруженію или улучшенію строеній для земледѣльческихъ или фабричныхъ цѣлей; 7) Всякому иному улучшенію въ земледѣліи или фабричной промышленности, не упомянутому въ предыдущихъ шести пунктахъ.

На основаніи настоящихъ положеній къ концу 1907 г. въ Кореѣ было учреждено 9 банковъ съ 17 отдѣленіями и агентствами (въ 1908 г. 6 главныхъ управленій, но уже 22 отдѣленія;

[1]) Нормальный уставъ и задачи этой категоріи банковъ см. Japan W. Times, 6 Oct. 1906, 29 и слѣд. стр.

въ 1909 г. даже 26 отдѣленій), съ капиталомъ въ 1,200,000 енъ, изъ нихъ 559,616 енъ уплаченныхъ (въ 1908 и 1909 году 555,000 енъ); кромѣ того, было выпущено облигацій на сумму 1,050,000 енъ. Правительственная поддержка этимъ банкамъ состояла изъ 329,960 енъ къ концу 1909 г., внесенныхъ по акціямъ, и изъ безпроцентной ссуды въ 1,058,680 енъ въ 1907 г., 1,214,680 енъ въ 1908 г. и 1,137,680 енъ въ 1909 г.[1].

Выдача указанными банками ссудъ въ названныхъ цѣляхъ производится подъ обезпеченіе недвижимой собственности, при чемъ погашеніе ссудъ производится путемъ ежегодныхъ взносовъ или единовременной уплатою по истеченіи опредѣленнаго срока. Вслѣдствіе отсталости корейскихъ земледѣльческихъ предпріятій, количество ссудъ, погашаемыхъ ежегодными взносами, не могло достигнуть въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ дѣятельности названныхъ банковъ значительной суммы, но къ концу 1909 г., благодаря усилившемуся требованію капиталовъ для оросительныхъ, инженерныхъ и прочихъ меліоративныхъ работъ, ссуды этой категоріи обнаружили значительный ростъ, какъ показываетъ сравненіе цифръ въ 1908 и 1909 году[2]:

	Общая сумма ссудъ, погашаемыхъ годичными взносами.		Общая сумма ссудъ на опредѣленный срокъ.	
	На земледѣльческія цѣли.	На промышленныя цѣли.	На земледѣльческія цѣли.	На промышленныя цѣли.
1908 г.	86,262	17,060	7,765	43,464
1909 г.	124,757	309,076	31,745	68,401

Кромѣ названныхъ корейскихъ земледѣльческихъ, и промышленныхъ банковъ въ Кореѣ оперируетъ и японскій промышленный банкъ—кōгiō-гинкō 工業銀行.

Помимо этихъ мѣропріятій, японское правительство еще въ бытность существованія управленія генеральнаго резидента старалось устранить важнѣйшіе дефекты корейской системы землепользованія и еще съ большей энергіей продолжаетъ

[1]) Annual report on reforms and progress in Korea for 1907, 56—57; 1908, 107—8, и 1909—10, 71—73.

[2]) Third annual report on reforms and progress in Korea, 71—72.

дѣйствовать въ этомъ направленіи теперь, послѣ присоединенія Кореи къ японской имперіи и учрежденія корейскаго генералъ-губернаторства. Для устраненія названныхъ дефектовъ (первобытный способъ обработки почвы; отсутствіе цѣлесообразнаго удобренія; почти полная неизвѣстность искусственныхъ удобреній—всякихъ удобреній, включая и бобовыхъ жмыховъ, было ввезено въ 1908 г. всего на сумму 6,263 енъ и въ 1909 г.—7,274 енъ; недостатки осушенія и орошенія полей[1]; первобытный характеръ селькохозяйственныхъ орудій[2]), японское правительство, путемъ устройства опытныхъ станцій, питомниковъ, школъ и прочихъ мѣръ, обучаетъ корейскаго земледѣльца болѣе раціональной системѣ хозяйства[3], по японскому образцу, въ

---

[1]) Статистика запрудъ и оросительныхъ прудовъ въ Кореѣ по провинціямъ, приводимая въ Seoul Press, 21 Aug. 1909 г., указываетъ всего 2,780 сооруженій этого рода. Прежде въ Кореѣ существовали еще болѣе многочисленные тчѣуён 堤堰 оросительные пруды (по буквальному переводу: дамбы), весьма дѣйствительные какъ во время разливовъ, такъ и во время засухи. Эти пруды постепенно обратились, за недостаткомъ ремонта, въ заброшенныя болота. Въ іюлѣ 1908 г. число такихъ прудовъ, какъ обнаружило спеціальное обслѣдованіе, было 1,231. Поэтому правительство рѣшило привести ихъ въ пригодность путемъ выдачи субсидій для этой цѣли. Для нагляднаго доказательства ихъ полезной роли послужилъ аналогичный прудъ, построенный почти 115 лѣтъ тому назадъ при королѣ Чёнъчжонъ и переданный въ іюлѣ 1908 г. Сюуён'ской образцовой фермѣ. Подъ надзоромъ дворцоваго управленія, этотъ прудъ содержался въ довольно исправномъ состояніи, почему имъ и рѣшено было воспользоваться въ качествѣ постояннаго оросительнаго резервуара и образцоваго рыбоводнаго садка, предварительно углубивъ его и исправивъ каменныя стѣны и плотины, на что было отпущенно 24,798 енъ (Second annual report on reforms and progress in Korea, 1908—9, 129).

[2]) Относительно корейскихъ земледѣльческихъ орудій см. Канкоку-сôран, стр. 611—613 (здѣсь говорится о недостаткахъ корейскаго способа очистки риса, который получается черезъ это загрязненнымъ; поэтому тотъ же рисъ, очищенный по японскому способу (съ помощью японскихъ ступъ) расцѣнивается на 10% дороже. Это обстоятельство вызвало устройство въ Мокпхо 12 рисообдѣлочныхъ заведеній, оборудованныхъ по японскому образцу и могущихъ въ день обработать не менѣе 600 коку риса. Тамъ же, стр. 612), съ чертежами ихъ, указаніемъ размѣровъ отдѣльныхъ частей и прочими пояснительными замѣчаніями на стр. 614—643, на основаніи главнымъ образомъ отчета составленнаго Сюуёнской опытной станціей б. корейскаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности подъ заглавіемъ Канкоку-нôдзи-цiôсасiо 韓國農事調查書.

[3]) Администрація провинціи Южной Кёнъсянъдо рѣшила устроить сокращенные шестидневные курсы лекцій по земледѣлію для корейцевъ въ восьми уѣздахъ названной провинціи: Мир'янъ, Кымхä, Ульсан, Чинчжю, Косёнъ, Масанпхо, Хадонъ и Кочхянъ 居昌, по особому расписанію поочередно въ каждомъ изъ указанныхъ пунктовъ съ 7 дек. 1911 по 20 февраля 1912 г. Seoul Press, 1 Dec. 1911, 2. Аналогичные шестидневные курсы популярныхъ лекцій по земледѣлію организовала администрація Сѣверной Пхёнъандо для городовъ Чхянъсёнъ, Сакчю, Ыйчжю, Чхосан, Пёктонъ, Канъгѣ и Часён (Seoul Press, 19 Dec. 1911).

каковомъ отношеніи былъ изданъ спеціальный указъ корейскаго императора уже въ 1909 г.[1]; искореняетъ, гдѣ возможно, неудобные и неопредѣленные обычаи и способы землепользованія; собираетъ статистическія данныя относительно размѣровъ площади всѣхъ обработанныхъ и необработанныхъ земель и площади, занятой подъ отдѣльныя сельско-хозяйственныя культуры[2]; приступило къ работамъ по новому размежеванію земель въ частномъ и казенномъ владѣніи; вводитъ и насаждаетъ новыя сельскохозяйственныя культуры, именно такія, которыя представляютъ важность для имѣющей развиться въ будущемъ промышленности; выдаетъ награды за достигнутые уже отдѣльными лицами успѣхи на сельскохозяйственномъ поприщѣ[3] и принимаетъ мѣры къ земледѣльческой разработкѣ невоздѣланныхъ земель. Всѣ эти мѣры упорядоченія и улучшенія корейскаго землепользованія требуютъ расхода въ 14 милліоновъ енъ, разсроченныхъ на 8 лѣтъ[4].

Въ частности относительно каждаго изъ указанныхъ мѣропріятій можно сказать слѣдующее:

---

[1]) «Tôkiô-Ницинници-симбунъ» отъ 1 сент. 1910, цит. въ «Россіи», 19 ноября 1910,2.

[2]) При старомъ режимѣ точная цифра площади обработанныхъ земель въ Кореѣ оставалась совершенно невыясненной и многія обработанныя земли не имѣли опредѣленныхъ границъ.

[3]) Въ Гензанѣ происходила въ теченіе 5 дней, начиная съ 1 ноября н. ст. с. г., состязательная выставка земледѣльческихъ и морскихъ произведеній. Всѣхъ экспонатовъ было 2,420 и 273 экспонентовъ получили награды. Общее число посѣтителей выставки превысило 10,000 ч. Seoul Press, 19 Nov. 1911. 3. Аналогичныя выставки устраивались въ текущемъ году и во многихъ другихъ крупныхъ центрахъ Кореи, пользуясь большой популярностью среди населенія. Считаютъ, что въ общей сложности эти выставки могло посѣтить въ теченіе 1911 г. около 1/2 милліона людей, которые такимъ образомъ съ большой пользою для себя могли наблюдать коллекціи улучшенныхъ орудій и образцы сельскохозяйственныхъ произведеній прекраснаго качества (Seoul Press, 19 Dec. 1911).

Первой состязательной выставкою этого рода въ Кореѣ явилась Пхёнъянъ'ская, устроенная въ апрѣлѣ 1909 г. На ней было выставлено 2,290 образцовъ земледѣльческихъ произведеній и 178 образцовъ лѣсныхъ, горныхъ и художественныхъ произведеній, при чемъ число посѣтителей превысило 21,000 человѣкъ, хотя выставка продолжалась только одну недѣлю. Корейское министерство земледѣлія, торговли и промышленности дало выставкѣ субсидію въ 310 енъ на раздачу наградъ и дипломовъ. Third annual report on reforms und progress in Korea, 121. Первой же выставкою въ Кореѣ болѣе общаго характера явилась Сеульская въ 1907 г.; о ней см. Annual report on reforms and progress in Korea for 1907, стр. 87—8.

[4]) «Россія», 19 ноября 1910,2, изъ «Tôkiô-Ницинници-симбун» отъ 1 сент. 1910 г.

Въ іюлѣ 1907 г. былъ опубликованъ корейскимъ правительствомъ особый законъ[1] касательно утилизаціи казенныхъ необработанныхъ земель[2], вступившій въ силу 15 сентября того же года. Согласно этому закону, каждый желающій, будь-то туземецъ или иностранецъ, можетъ получить, съ разрѣшенія корейскаго министра земледѣлія, торговли и промышленности, въ арендное пользованіе на извѣстное число лѣтъ (не свыше 10 лѣтъ) участокъ казенной необработанной земли для обработки подъ различныя сельскохозяйственныя культуры, для разведенія скота, для облѣсенія или для аналогичныхъ промышленныхъ предпріятій, съ уплатою 50 сен за 1 цiō въ годъ[3]. Въ случаѣ успѣха предпринятыхъ работъ названныя земли могутъ быть переданы, по истеченіи извѣстнаго срока, лицу, арендующему ихъ, въ полную собственность по очень низкой цѣнѣ или безплатно. До конца 1909 г. поступило всего 1,796 заявленій отъ 1,018 корейцевъ, 777 японцевъ и 1 англичанина на отводъ имъ въ аренду 118,754 цiō казенной земли въ общей сложности, но лишь въ 152 случаяхъ эти заявленія были удовлетворены (63 японцевъ и 89 корейцевъ) и имъ были сданы въ аренду 8,232 цiō 7 тан[4]. Изъ этого видно, что основной принципъ означеннаго

[1]) Текстъ его и приложенныхъ къ нему правилъ см. Канкоку-сіокуминсаку, приложеніе, стр. 13—23.

[2]) Въ маѣ 1909 г. корейское правительство приступило къ опредѣленію точнаго количества земель, принадлежащихъ казнѣ въ Кореѣ. До конца 1909 г. было обслѣдовано свыше 300.000 участковъ такихъ земель общей площадью въ 85,000 цiō или 220.000 акровъ, изъ коихъ 5,000 цiō или 12.500 акровъ были переданы Восточной колонизаціонной компаніи. Было найдено не мало казенныхъ земель, незанесенныхъ вовсе въ оффиціальные списки. Указанное обслѣдованіе должно было закончиться въ срединѣ 1910 г. Данныя его вошли въ свѣдѣнія о земляхъ ёктондо и другихъ казенныхъ земляхъ, показанныя выше на стр. 392.

[3]) Въ спеціальныхъ случаяхъ арендная плата могла понижаться и даже вовсе слагаться. Въ самомъ текстѣ закона опредѣленнаго размѣра арендной платы не указывается и установленіе его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляется министру земледѣлія, торговли и промышленности. Приведенный выше размѣръ платы въ 50 сен за 1 цiō взятъ изъ Japan W. Chronicle, 15 Dec. 1910,1061.

[4]) Third annual report on reforms and progress in Korea, 118. Seoul Press, 2 Febr. 1910, въ особой таблицѣ приводитъ цифры для площади этихъ розданныхъ земель и числа японцевъ и корейцевъ, получившихъ ихъ, по отдѣльнымъ провинціямъ: наибольшія количества земли розданы въ провинціяхъ Южной Чхюнъчхёнъдо и Южной Кёнъсянъдо, наименьшія въ Южной и Сѣверной Хамгёнъдо (940 цубо противъ 6.372.432 цубо въ Южной Чхюнъчхёнъдо). Въ этомъ спискѣ показаны всѣ провинціи Кореи, кромѣ Канъуёндо, гдѣ, по причинѣ неумиротвореннаго состоянія провинціи, земли не раздавались въ то время вовсе. Общій

закона соблюдается съ большими ограниченіями и, по меньшей мѣрѣ, съ большой осторожностью.

Помимо этихъ земель, до изданія означеннаго закона, извѣстное количество казенной земли было сдано въ арендное пользованіе какъ японцамъ, такъ и корейцамъ; на основаніи означеннаго закона, отводъ этой земли подлежалъ также новому утвержденію. Въ этомъ смыслѣ поступило всего 72 заявленія (отъ 60 корейцевъ и 12 японцевъ) относительно утвержденія за ними въ арендномъ пользованіи 9,113 цiō; до конца 1909 г. просимыя разрѣшенія были даны 22 корейцамъ на площадь въ 3,614 цiō[1].

Важная роль въ этой политикѣ, ранѣе—корейскаго правительства подъ японскимъ руководствомъ, нынѣ—управленія японскаго генералъ-губернатора, по развитію сельскохозяйственной промышленности въ Кореѣ, играютъ сельскохозяйственныя образцовыя фермы съ опытными полями и школами. Изъ числа нынѣ существующихъ фермъ наиболѣе извѣстна образцовая ферма въ Сюуён[2] подъ названіемъ Suwon agricultural and industrial model farm—кангiō-мохандзiō по японски 勧業模範場, ранѣе имѣвшая отдѣленія въ Мокпхо, гдѣ ею были приняты въ завѣдываніе опытныя плантаціи хлопка, заведенныя корейско-японскимъ товариществомъ Association for the cultivation of cotton[3], въ Кунсан[4], Пхёнъянъ[5] и Тагу

итогъ всѣхъ розданныхъ на основаніи упомянутаго закона объ утилизаціи пустующихъ земель, согласно цифрамъ Seoul Press, достигаетъ 23,259,935 цубо или 7753,3 цiō, слѣдовательно ниже только что приведеннаго оффиціальнаго итога.

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ 25 миляхъ къ югу отъ Сеула, близъ ж. д. станціи Сеуло-Фузанской ж. д., съ которой ее соединяетъ хорошая дорога.

[3]) Эти плантаціи были переданы въ 1908 г. вновь учрежденной, на основаніи корейскаго императорскаго указа отъ марта этого года, «временной станціи хлопкоразведенія» риндзи-менка-сайбайсiо 臨時棉花栽培所.

[4]) Отдѣленія фермы въ Кунсан и Мокпхо нынѣ закрыты, будучи замѣнены здѣсь питомниками (Seedling stations, ихъ всего пять въ различныхъ частяхъ полуострова) для раздачи сѣмянъ и сѣянцевъ, выращенныхъ на ихъ поляхъ, тутового дерева, риса, хлопка, разныхъ другихъ земледѣльческихъ растеній и овощей. Помимо того, инструкторы, состоящіе при означенныхъ питомникахъ, числомъ 21 къ началу 1910 г., преподаютъ окрестнымъ земледѣльцамъ практическія наставленія, обучаютъ ихъ пользованію усовершенствованными орудіями и оказываютъ всякую иную помощь по распространенію среди нихъ лучшихъ культуръ, орудій и техническихъ пріемовъ, равно какъ свѣдѣній въ отношеніи борьбы съ болѣзнями растеній и предупредительныхъ мѣръ противъ нихъ (Third annual report on reforms and progress in Korea, 117).

[5]) Отдѣленіе Сюуён'ской фермы въ Пхёнъянъ нынѣ преобразовано въ само-

(три послѣднія отдѣленія были учреждены въ 1908 г.); нынѣ изъ всѣхъ этихъ отдѣленій сохранено только одно въ городѣ Тагу. Сюуёнская ферма была первоначально устроена въ іюлѣ 1906 г. самимъ японскимъ правительствомъ въ лицѣ генеральнаго резидентства съ затратою 168,520 енъ, но въ апрѣлѣ 1907 г. передана въ завѣдываніе корейскаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности. Для нея было отведено первоначально 87 цiō (217 акровъ) ровной земли, но эта площадь была постепенно увеличена до 149,8 цiō къ концу 1909 г. Входъ на ферму безплатный и ежедневно отъ 100 до 200 корейцевъ посѣщаютъ ее. Во главѣ этого учрежденія былъ поставленъ профессоръ Хонда съ 12 японскими и корейскими помощниками.

Сюуёнская образцовая ферма[1] состоитъ изъ постоянной выставки—музея сельскаго хозяйства и скотоводства, химической лабораторіи, опытныхъ полей, образцовыхъ конюшенъ и скотныхъ дворовъ, жилыхъ строеній и образцоваго бассейна для орошенія, равно какъ рыбоводнаго садка. На опытныхъ поляхъ выращиваются рисъ, свекловица, хлопчатникъ, красный клеверъ, который растетъ здѣсь лучше, чѣмъ въ Японіи, хмель, рами, картофель, тутовица (вмѣстѣ съ опытами образцоваго шелководства)[2], табакъ, оанъголь[3]; образцы всѣхъ этихъ ра-

стоятельное учрежденіе этого рода. Въ смѣту корейскаго генералъ-губернаторства на 1912 г. включены ассигнованія на расширеніе коммерческаго музея въ Сеулѣ, на учрежденіе новыхъ земледѣльческихъ опытныхъ фермъ и на приглашеніе извѣстнаго числа сельскохозяйственныхъ инструкторовъ. Земледѣльческія опытныя фермы предположено устроить въ Тагу и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, по образцу существующихъ нынѣ въ Сюуён и Пхёнъянъ. Seoul Press, 19 Dec. 1911,2.

[1]) Дѣятельность ея въ теченіе четырехъ лѣтъ съ 1906 г. по 1909 г. описывается въ ежегодныхъ отчетахъ управленія генеральнаго резидента: за 1907 г. стр. 83—85; за 1908 г. стр. 128—129 и за 1909—10 г.г. стр. 114—115, съ приложеніемъ къ каждому отчету многочисленныхъ фотографій, изображающихъ поля фермы, принадлежащій ей скотъ и выращенные на ея плантаціяхъ различные сорта культурныхъ растеній.

[2]) Шелководству отведено на фермѣ важное мѣсто, такъ какъ уже нынѣ добыча корейскаго шелка достигаетъ отъ 1/10 до 1/20 количества японскаго. Въ выставочномъ музеѣ большія деревянныя модели изображаютъ шелковичнаго червя, коконы и бабочку; обширныя собранія коконовъ и шелковыхъ пряжъ позволяютъ проводить сравненіе между корейскимъ, японскимъ, китайскимъ, французскимъ, итальянскимъ, турецкимъ и сіамскимъ шелками; имѣются и червоводни, и коконо-сушильни. Пищу червей составляютъ тутовыя листья и рисъ.

[3]) Это корейское растеніе доставляетъ лучшій и болѣе прочный матеріалъ для цыновокъ, нежели японское растеніе «и», какъ доказываютъ образцы растенія и цыновокъ, сдѣланныхъ изъ него въ музеѣ.

стеній выставлены въ показательномъ музеѣ, устроенномъ при фермѣ, который, помимо этихъ образцовъ и образцовъ другихъ растеній и фруктовъ, содержитъ современныя земледѣльческія орудія, образцы почвы изъ всѣхъ мѣстностей Кореи, которые подвергаются изслѣдованію въ химической лабораторіи. При фермѣ дѣлаются опыты разведенія скота въ цѣляхъ улучшенія корейскихъ породъ скрещиваніемъ ихъ съ иностранными породами.

При Сюуён'ской фермѣ въ сентябрѣ 1906 г. была учреждена земледѣльческая и лѣсная школа взамѣнъ прежней земледѣльческой, коммерческой и промышленной школы въ Сеулѣ, существовавшей почти только номинально и находившейся въ вѣдѣніи бывшаго корейскаго министерства народнаго просвѣщенія. На постройку школьныхъ зданій, оборудованіе лабораторій и устройство интерната для учащихся въ школѣ было затрачено 44,322 енъ изъ суммы въ 53,236 енъ, отпущенныхъ на устройство школы. Курсъ земледѣльческой школы двухгодичный, курсъ лѣсоводства—годичный[1].

Помимо этой школы, существуютъ земледѣльческая и лѣсная школа въ г. Чхёнъчжю въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо и земледѣльческая школа въ г. Чёнчжю въ Сѣверной Чёлладо и проектировано устройство аналогичныхъ учебныхъ заведеній въ другихъ мѣстахъ корейскаго полуострова, представляющихъ значеніе для сельскохозяйственной промышленности.

Въ маѣ 1906 г. на мѣстѣ земледѣльческой опытной станціи нōдзи-сикендзіō 農事試驗場, состоявшей при прежней Сеульской земледѣльческой, коммерческой и промышленной школѣ и перенесенной въ Туксём 蠶島 въ 4—5 миляхъ къ востоку отъ Сеула, была устроена опытная станція огородничества и плодоводства (Horticultural Station) енгей-мохандзіō 園藝模範場, въ цѣляхъ улучшенія мѣстныхъ овощей и фруктовъ и разведенія заграничныхъ сортовъ тѣхъ и другихъ. Опыты, произведенные въ этомъ направленіи, оказались настолько удачными, что выращенныя на этой станціи овощи нынѣ составляютъ особую спеціальность на овощномъ рынкѣ въ Сеулѣ. Станція раздаетъ сѣмена различныхъ овощей и плодовъ и молодые побѣги плодовыхъ деревьевъ и доступна для осмотра

[1]) Second annual report on reforms and progress in Korea, 129—131.

всѣхъ желающихъ (число посѣтителей ея было въ 1907 г. 1,250 чел., въ 1908 г.—1,624 и въ 1909 г.—1,801 японцевъ и 665 корейцевъ)[1].

Наконецъ, необходимо упомянуть и о производимыхъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ облѣсительныхъ работахъ, столь тѣсно связанныхъ съ успѣхомъ земледѣльческой культуры, наряду съ учрежденіемъ въ разныхъ мѣстахъ казенныхъ древесныхъ питомниковъ и о поощреніи частной предпріимчивости въ томъ же направленіи. Подробности касательно этой стороны дѣятельности б. корейскаго правительства, руководимаго генеральнымъ резидентомъ, и нынѣшняго управленія корейскаго генералъ-губернатора будутъ приведены ниже въ отдѣлѣ настоящаго «Очерка», посвященномъ лѣсному дѣлу въ Кореѣ.

Поощреніе земледѣльческой промышленности и улучшеніе существующихъ въ Кореѣ земледѣльческихъ культуръ достигается нынѣ, какъ уже и раньше въ эпоху существованія въ Кореѣ японскаго генеральнаго резидента, путемъ раздачи въ широкихъ размѣрахъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, тутовыхъ деревьевъ, шелковичной грены, сѣмянъ и сѣянцевъ улучшенныхъ или заграничныхъ зерновыхъ растеній, овощей и фруктовъ при посредствѣ названной Сюуён'ской опытной фермы, опытной станціи садоводства и огородничества, опытныхъ питомниковъ, опытныхъ хлопковыхъ плантацій, наконецъ, изъ б. корейскаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности, нынѣшняго отдѣла земледѣлія, торговли и промышленности въ управленіи корейскаго генералъ-губернатора, о чемъ уже попутно упоминалось выше при разборѣ функцій различныхъ казенныхъ учрежденій, существующихъ въ Кореѣ для попеченія о развитіи и улучшеніи сельскохозяйственной промышленности. Этимъ путемъ въ теченіе 1909 г. были розданы 1,670 штукъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій[2], 282,035 гō сѣмянъ по объему, 295,384

[1]) Second annual report on reforms and progress in Korea, 131, и Third annual report on reforms and progress in Korea, 115—6, съ фотографіями на отдѣльномъ листѣ. Описаніе Туксёмской опытной станціи см. Seoul Press, 30 April 1909,3.

[2]) Third annual report on reforms and progress in Korea. детальная таблица на стр. 110.

момме ихъ по вѣсу и т. д., помимо 89,166 кинъ[1] сѣмянъ нагорнаго хлопка съ опытныхъ плантацій хлопка и, наконецъ, 172,458 штукъ молодыхъ растеній фруктовыхъ и садовыхъ деревьевъ и овощей[2].

Въ цѣляхъ поощренія корейскаго народа къ земледѣльческому труду весною 1909 г. былъ возобновленъ старинный обычай, въ силу коего корейскій государь лично распахивалъ т. н. восточное поле въ Санънонъдан 桑農壇[3] въ разстояніи 1 мили отъ Сеульскихъ Восточныхъ воротъ. Спеціальный императорскій указъ, опубликованный 1 апрѣля 1909 г., возвѣщая о предстоящей 5 апрѣля церемоніи, убѣждалъ населеніе послѣдовать этому высочайше указанному примѣру[4].

Въ тѣхъ же цѣляхъ поощренія народа къ производительному труду былъ предпринятъ въ январѣ—февралѣ 1909 г. императорскій объѣздъ корейскихъ провинцій на сѣверѣ (западѣ) и югѣ полуострова, при чемъ императора сопровождалъ японскій генеральный резидентъ князь Итō, произнесшій въ главныхъ городахъ восемь рѣчей, въ которыхъ возвѣщалъ цѣль настоящаго высочайшаго объѣзда[5] и подчеркивалъ лежащую на немъ обязанность вести корейское правительство къ просвѣщенному управленію страною[6].

Результаты этихъ поощрительныхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію корейскаго сельскаго хозяйства, уже успѣли

---

[1]) Тамъ же, верхняя таблица на стр. 110.

[2]) Тамъ же, нижняя таблица на стр. 110.

[3]) Санънонъдан находится за Сеульскими Восточными воротами у 2-го моста Покчхадари—въ прежнее время называлось 東郊親耕地 Конъгіочхингёнъджи т. е., земля, лично воздѣланная королемъ въ восточной пустоши (настоящая справка сообщена Г. В. Подставинымъ).

[4]) См. Seoul Press, 2 April 1909,2. Описаніе самой церемоніи дается въ Seoul Press, 6 Apr. 1909,2: въ императорскій плугъ были запряжены два черныхъ быка въ синей упряжи; слѣдомъ за этимъ плугомъ шли принцы и министры. Послѣ окончанія церемоніи распашки были посѣяны на томъ же полѣ лично императоромъ сѣмена тутовицы, сосны и кипариса. За императоромъ то же продѣлывали принцы и министры. Въ этотъ день всѣ присутственныя мѣста были закрыты.

[5]) Императорскій рескриптъ отъ 4 января 1909 г. объявлялъ, что цѣлью высочайшаго путешествія является желаніе императора лично наблюдать условія, преобладающія въ народѣ, ближе ознакомиться съ существующимъ положеніемъ дѣлъ и одновременно возвѣстить новую эру, ожидающую корейскую націю подъ опытнымъ руководительствомъ къ реформамъ и прогрессу (Second annual report on reforms and progress in Korea, 25).

[6]) Тамъ же, стр. 25—26.

сказаться до извѣстной степени, напримѣръ, какъ смотрятъ на это сами японскія власти, въ томъ, что урожай риса въ этомъ году въ Кореѣ оказался исключительно удачнымъ. Несомнѣнно, это объясняется въ значительной мѣрѣ благопріятными климатическими условіями, наблюдавшимися въ этомъ году, но равнымъ образомъ справедливо, что во многихъ случаяхъ улучшенныя сѣмена, которыми японскія власти снабжали корейскихъ земледѣльцевъ, обусловлили этотъ счастливый результатъ[1]. Въ недалекомъ же будущемъ японское правительство надѣется добиться того, что корейскій земледѣлецъ будетъ получать еще болѣе крупный доходъ отъ своихъ полей.

III.

Японская земледѣльческая колонизація въ Кореѣ. Въ видахъ укрѣпленія своего положенія въ Кореѣ, равно какъ развитія земледѣльческихъ богатствъ этой страны и вмѣстѣ съ тѣмъ открытія новой колонизаціонной области для растущей эмиграціи изъ самой Японіи, японское правительство за послѣдніе годы стало дѣятельно поощрять переселеніе въ Корею японскихъ земледѣльцевъ и всячески облегчать ихъ наиболѣе успѣшное и прочное водвореніе въ этой странѣ.

Еще до активнаго вмѣшательства японскаго правительства въ вопросъ объ японской эмиграціи, обнаруживалось стремленіе японскаго народа направить избытокъ населенія въ самой Японіи на азіатскій материкъ съ одной стороны и на американскій материкъ съ промежуточными Гавайскими островами съ другой; въ новѣйшее время возникло еще движеніе въ третьемъ направленіи—на югъ вдоль линіи большихъ и малыхъ острововъ, протягивающихся вплоть до материка Австраліи. При настоящихъ условіяхъ землепользованія въ самой Японіи и при наличности здѣсь значительной площади земли, годной для обработки, но не обрабатываемой вслѣдствіе необходимости предварительной затраты значительныхъ капиталовъ на подготовку этой земли для цѣлей земледѣльческой утилизаціи, быстрый ростъ населенія собственной Японіи (безъ позднѣйшихъ колоніальныхъ пріобрѣтеній—Формозы, Кореи, Южнаго Сахалина), увеличившій цифру населенія съ 1889 г. по 1899 г. на 4,2 милліона душъ приблизительно—съ 40,072,020 до 44,260,642 душъ, и съ 1899 г. по 1909 г. на 6 милліоновъ съ небольшимъ душъ—до 50,295,271 душъ и за послѣдніе годы явно ускорившій свой темпъ, вслѣдствіе повышенія рождаемости и сокра-

[1]) Seoul Press, 19 Dec. 1911.

щенія дѣтской смертности, заставляетъ японцевъ искать новыхъ мѣстъ для поселенія за предѣлами родины. Послѣ удачной войны 1904—5 г.г. японская эмиграція приняла въ особенности значительные размѣры, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ Японіей прочной позиціи на материкѣ въ Кореѣ и въ Маньчжуріи, гдѣ каждая японская семья, продающая у себя на родинѣ одну треть своей земли, могла пріобрѣтать участокъ, по крайней мѣрѣ, въ 5 разъ большій, почему туда стали переселяться съ родины младшіе члены японскихъ семей, которымъ нечѣмъ прокормиться у себя на родинѣ[1].

Такимъ образомъ возникло и развивалось усиленное движеніе японскихъ эмигрантовъ съ родины въ чужіе края, облегчавшееся дѣятельностью спеціально для этой цѣли учрежденныхъ въ самой Японіи эмигрантскихъ агентствъ, которыя направляли этотъ потокъ переселенцевъ въ тѣ страны, гдѣ наблюдался спросъ на дешевый и добросовѣстный трудъ. Эти агентства пользовались дипломатической и финансовой поддержкою японскаго правительства, которое понимало всю пользу удаленія изъ Японіи избытка населенія и пріобрѣтенія имъ новыхъ прибыльныхъ колонизаціонныхъ областей, обезпечивавшихъ успѣшное развитіе японскаго судоходства и внѣшней торговли.

Первое время эта эмиграція направлялась главнымъ образомъ въ Сѣверную Америку, привлекаясь сюда высокими заработными платами и широко развитой промышленностью, но затѣмъ вслѣдствіе проявленія въ слишкомъ рѣзкой формѣ враждебнаго къ японцамъ-колонистамъ, ремесленникамъ и торговцамъ настроенія мѣстнаго общества въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ, японское правительство, прекративъ посылку эмигрантовъ въ Сѣверную Америку, пыталось открыть ей новый путь въ Южную Америку при помощи различныхъ мѣръ поощренія эмигрантовъ и субсидированія японскихъ пароходныхъ компаній. Однако, эмиграція въ этомъ направленіи пошла малоуспѣшно отчасти вслѣдствіе неблагопріятнаго климата, но въ особенности вслѣдствіе низкаго уровня заработка на мѣстѣ благодаря отсутствію такой цвѣтущей промышленности, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Японскіе эмигранты не только оказались не въ состояніи сдѣлать здѣсь сбереженія, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣли возможности оплатить себѣ обратный проѣздъ. При этихъ обстоятельствахъ японское правительство должно было принять естественное рѣшеніе направить японскихъ эмигрантовъ въ Корею и Маньчжурію, усиливъ движеніе ихъ посредствомъ спеціальныхъ поощрительныхъ мѣръ, при чемъ близость этихъ странъ давала лишній доводъ въ пользу сосредоточенія въ этихъ областяхъ японскихъ эмигрантовъ, какъ выразился б. министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Комура въ своей рѣчи по настоящему вопросу[2].

---

[1]) «Харб. Вѣстникъ», № 2285. 28 ноября 1911. стр. 1 (изъ Tageblatt für Nord-China); см. ниже сравненіе стоимости земли въ Кореѣ и Японіи.

[2]) Въ этой рѣчи онъ открыто заявлялъ, что Японія смотритъ на Маньчжурію, равнымъ образомъ на Корею, какъ на страну, предназначенную ею для япон-

Это рѣшеніе правительства вызвало полное одобреніе со стороны многихъ японскихъ авторовъ, которые даже стали заявлять о необходимости разсѣять японскихъ колонистовъ по всѣмъ уголкамъ Кореи для поднятія ея сельско-хозяйственной и промышленной культуры, причемъ, съ точки зрѣнія выгодъ этой колонизаціи для самой Японіи, одинъ изъ этихъ авторовъ, Р. Нагаи, подробно разобравъ въ журналѣ «Син-Ниппон» экономическое состояніе земледѣльческаго населенія Японіи, пришелъ къ заключенію, что нужда въ колоніальныхъ областяхъ ощущается этимъ населеніемъ нынѣ весьма рѣзко и что въ качествѣ таковой области наиболѣе удобной представляется Корея[1].

Наряду съ подобными, несомнѣнно, преувеличенными оцѣнками выгодъ Кореи для японской колонизаціи въ смыслѣ размѣщенія въ этой странѣ избытка населенія собственной Японіи, въ японской періодической печати высказываются и болѣе сдержанные, если не прямо отрицательные, взгляды на этотъ вопросъ, какъ, напримѣръ, авторомъ статьи, помѣщенной въ газетѣ «Іородзу», касательно избытка населенія Японіи[2]. Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что ежегодное переселеніе въ Корею нѣсколькихъ тысячъ японцевъ, при содѣйствіи Восточной колонизаціонной компаніи, являясь каплей въ морѣ растущаго населенія Японіи, отнюдь не разрѣшаетъ вопроса, куда дѣвать весь избытокъ японскаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на то, что эти нѣсколько тысячъ японцевъ неизбѣжно будутъ поглощены корейскимъ народомъ, такъ какъ японцы, сдѣлавшись политическими господами Кореи, отнюдь не являются ими съ соціальной точки зрѣнія, да и совершенно безполезно навязывать съ этой цѣлью языкъ и обычаи метрополіи покоренной странѣ. При этихъ условіяхъ японцы въ Кореѣ должны пользоваться туземнымъ трудомъ и содѣйствіемъ, въ качествѣ основного принципа своей политики въ этой странѣ, но никакъ не наводнятъ ее японскими переселенцами, какъ того требовалъ графъ Комура.

ской колонизаціи. Правительство Японіи, говорилъ онъ, слѣдуетъ опредѣленной политикѣ сосредоточенія избытка населенія, склоннаго къ выселенію, на вышеупомянутыхъ земляхъ Востока («Россія», 26 марта 1909, стр. 1 статья, П. С. Попова).

[1]) См. переводъ выдержки изъ этой интересной статьи Japan W. Times, 22 July 1911, 759—760.

Въ этомъ же смыслѣ высказывался 10 лѣтъ тому назадъ б. японскій посланникъ въ Кореѣ Като Масуо въ журналѣ «Тайіô», отдавая даже предпочтеніе Кореѣ передъ Хоккайдô въ качествѣ колонизаціонной области, напримѣръ, въ отношеніи климата. Правда, въ то время японская колонизація на корейскомъ полуостровѣ затруднялась тѣмъ, что внутреннія области его оставались закрытыми для всякой иностранной иммиграціи; тѣмъ не менѣе корейскіе открытые порты съ окружающимъ райономъ доставляли уже тогда, по заявленію г. Като, достаточно простора и выгодъ для японскихъ переселенцевъ. Газета «Japan Times», отъ 8 января н. ст. 1901 г., обсуждая это предложеніе, вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что должны быть предприняты организованныя усилія къ переселенію японскихъ поселянъ въ Корею.

[2]) Переводъ ея дается въ Japan W. Chronicle, 19 January 1911,95 (перепечатанъ въ North-China Herald, 27 Jan. 1911, 199—200).

Еще до окончательнаго утвержденія на корейскомъ полуостровѣ японскаго политическаго господства, въ эту страну направилось извѣстное число японскихъ эмигрантовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, состоявшихъ какъ изъ рабочихъ, ѣхавшихъ въ Корею на временные заработки, такъ и изъ земледѣльческихъ переселенцевъ, которые желали прочно устроиться на постоянное жительство на новой родинѣ. Послѣдняя категорія эмигрантовъ являлась, конечно, предпочтительной съ точки зрѣнія японскихъ интересовъ въ Кореѣ[1], но эта форма колонизаціи требуетъ для осуществленія извѣстнаго капитала, почему сдѣлалась необходимой правительственная поддержка ей. Отсюда вытекали различныя мѣры поощренія и облегченія японской земледѣльческой колонизаціи въ Кореѣ, исходившія отъ японскаго правительства какъ въ эпоху существованія японскаго генеральнаго резидентства на полуостровѣ, такъ и нынѣ послѣ присоединенія его къ территоріи японской имперіи. Однако, первую попытку въ дѣлѣ облегченія и ускоренія названной японской колонизаціи въ Кореѣ японское правительство сдѣлало еще до установленія своего протектората надъ этой страною, именно въ 1904 г., къ чему его побуждало «совершенно неудовлетворительное состояніе корейской земледѣльческой промышленности и желаніе обезпечить своимъ подданнымъ возможность самимъ развить земледѣльческіе ресурсы Кореи путемъ разработки невоздѣланныхъ земель». Какъ заявляла японская полуоффиціозная газета «Japan Times» въ позднѣйшее время, «бѣдные корейцы не имѣютъ ни капитала, ни энергіи, ни знаній, чтобы извлекать наибольшую выгоду изъ огромныхъ естественныхъ богатствъ, которыми обильно наградила природа ихъ страну, но совсѣмъ иная должна получиться картина, когда за дѣло возьмутся японцы; подъ ихъ просвѣщеннымъ руководствомъ и при ихъ широкомъ содѣйствіи устранится возможность взяточничества со стороны корейскихъ чиновниковъ и страна быстро процвѣтетъ»[2].

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ высказался г. Сайтô, завѣдывающій эмиграціоннымъ отдѣломъ въ японскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; ему же принадлежатъ и вышеизложенныя замѣчанія относительно предпочтительности японской эмиграціи въ Корею передъ эмиграціей въ Южную Америку. См. Seoul Press, 18 June 1911.

[2]) Болховитиновъ, Японцы въ Кореѣ: «Россія», 3 декабря 1908 г., 1—2. Аналогичную мысль проводилъ и авторъ Канкоку-сбран на стр. 395 своего

Руководствуясь этими соображеніями, японское правительство обратилось 17 іюня 1904 г. къ корейскому министерству иностранныхъ дѣлъ съ предложеніемъ, чтобы вся необработанная земля въ Кореѣ была предоставлена японцамъ для разработки. Однако, это предложеніе вызвало настолько бурную оппозицію среди политически болѣе развитыхъ классовъ корейскаго населенія, выразившуюся въ многочисленныхъ народныхъ митингахъ и подачѣ ряда петицій въ этомъ смыслѣ корейскому правительству[1], что японскому правительству пришлось видоизмѣнить свое предложеніе въ томъ смыслѣ, что далеко большая часть предстоящей работы по раскрытію корейскихъ земледѣльческихъ богатствъ будетъ выполнена самими корейцами, лишь подъ японскимъ руководствомъ, и заявить вмѣстѣ съ тѣмъ, что названное предложеніе отнюдь не заключаетъ въ себѣ особаго плана японской колонизаціи[2].

Если такимъ образомъ рѣзкое проявленіе корейской оппозиціи заставило японское правительство отказаться отъ немедленнаго выполненія широко задуманной программы, все же въ дальнѣйшемъ оно продолжало неуклонно работать надъ постепенной подготовкою осуществленія намѣченной задачи японской земледѣльческой колонизаціи Кореи, столь тѣсно связанной съ вопросомъ о регулярномъ снабженіи метрополіи пищевыми продуктами, и съ этой цѣлью производило черезъ спеціалистовъ разслѣдованіе естественныхъ богатствъ полуострова и наилучшихъ способовъ ихъ эксплоатаціи и полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія старалось распространить

труда (предварительно изложивъ причины неудовлетворительнаго состоянія корейской земледѣльческой промышленности): «Въ силу этихъ условій, если бъ въ одинъ прекрасный день наши (японскіе) сельскохозяйственные дѣятели, объединившись, рѣшили предпринять земледѣльческую колонизацію Кореи и занялись ея осуществленіемъ, то отъ этого не только проистекла бъ польза лично для самихъ переселенцевъ, но и подобнымъ попеченіемъ о благосостояніи и развитіи Кореи была бъ завершена дружба между сосѣдними государствами. Развѣ такая задача не является обязанностью передовой націи по отношенію къ отсталой странѣ?»

[1]) См. Korea Review, 1904; IV, стр. 272-а, 312—320.

[2]) Korea Review посвятилъ этому японскому проекту особую статью: «Japanese industrial projects in Korea» (Korea Review, IV, 1909, стр. 289—297) и редакціонную замѣтку (тамъ же, стр. 308—312), въ которыхъ подчеркивались трудности осуществленія подобнаго проекта и разумность отказа японцевъ отъ него, въ виду корейской оппозиціи.

въ широкихъ кругахъ японской публики въ соотвѣтствующихъ печатныхъ изданіяхъ, дававшихъ богатый матеріалъ по вопросу объ экономическихъ условіяхъ на корейскомъ полуостровѣ; подготовивъ же окончательно почву для мѣропріятій въ этомъ направленіи, японское правительство повторило въ 1908 г. при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, хотя и въ измѣненной и смягченной формѣ, попытку организаціи правильной японской колонизаціи въ Кореѣ черезъ учрежденіе, на основаніи закона, принятаго 26 марта 1908 г. японскимъ парламентомъ и опубликованнаго японскимъ правительствомъ 26 августа и корейскимъ правительствомъ, также одобрившимъ его, 27 августа того же 1908 г., японо-корейской акціонерной компаніи[1] Tōiō-такусіоку-кабусики-кайся (въ корейскомъ чтеніи Тонъянъ-тхаксик-чюсик-хойся) 東洋拓植株式會社 Oriental Colonisation Company, по оффиціальному англійскому переводу японскаго названія.

Исторія названнаго закона въ оффиціальной версіи была такова: Отсталое состояніе земледѣлія и промышленности въ Кореѣ, при совершенной инертности корейскаго населенія въ дѣлѣ введенія въ этой отрасли труда современной техники, убѣдило представителей японскаго правительства въ этой странѣ въ лицѣ генеральнаго резидентства, что единственнымъ способомъ вывести страну изъ этихъ неблагопріятныхъ условій является учрежденіе надлежащимъ образомъ организованной компаніи, которая съ достаточнымъ капиталомъ и умѣлыми руководителями приступила бъ къ развитію земледѣлія и промышленности на полуостровѣ. Мысль о такой компаніи была поддержана въ самой Японіи Восточной ассоціаціей (Oriental Association, Tōxō-kiōkай 東方協會), и предсѣдатель ея маркизъ, нынѣ князь Кацура, впослѣдствіе японскій премьеръ-министръ, во время посѣщенія имъ Кореи въ свитѣ японскаго наслѣднаго принца, при чемъ онъ проѣхалъ по всему полуострову съ юга до сѣвера, могъ лично убѣдиться въ настоятельной важности учрежденія такой компаніи. Послѣ его возвращенія въ Японіи была образована коммиссія изъ государственныхъ дѣятелей, дѣловыхъ людей, банкировъ, экономистовъ и т. д. для изученія вопроса, которая и выработала проектъ организаціи и устава названной компаніи, съ субсидіей отъ казны, а 22 декабря 1907 г. маркизомъ Кацура было возбуждено отъ имени Восточной ассоціаціи передъ министромъ финансовъ формальное ходатайство въ этомъ смыслѣ, при чемъ законопроектъ касательно учрежденія вышеозначенной компаніи, одобренный кабинетомъ министровъ, былъ внесенъ

[1]) Акціонерами ея могутъ быть только японцы и корейцы.

уже 18 марта 1908 г. на утвержденіе парламента[1].

Согласно названному закону, акціонерный капиталъ Восточной колонизаціонной компаніи установленъ въ суммѣ 10,000,000 енъ, въ акціяхъ по 50 енъ, всего же 200,000 акцій[2]. Субсидія японскаго правительства компаніи въ 300,000 енъ въ годъ дается въ теченіе 8 лѣтъ, начиная съ 1908 г., если чистая прибыль ея не превышаетъ 8% на уплоченный капиталъ; компанія имѣетъ право выпустить облигацій на сумму до 100 милліоновъ енъ (точнѣе въ размѣрѣ десятикратной суммы уплоченнаго капитала), при чемъ японское правительство гарантируетъ изъ этой суммы на 20 милліоновъ проценты и капиталъ[3].

Основной цѣлью компаніи является развитіе естественныхъ богатствъ Кореи, въ особенности улучшеніе сельскаго хозяйства, путемъ разработки дѣвственныхъ или заброшенныхъ земель (для чего компанія покупаетъ, продаетъ и сдаетъ въ аренду эти земли), устройства орошенія и привлеченія колонистовъ — японскихъ и корейскихъ, которыхъ она вербуетъ и распредѣляетъ по своимъ землямъ, снабжая ихъ строительными матеріалами или строя для нихъ дома и выдавая сельско-хозяйственныя ссуды деньгами и инвентаремъ[4]. Компанія служитъ

---

[1]) Second annual report on reforms and progress in Korea, 16—17.

[2]) Изъ этого общаго числа акцій 60,000 акцій взяло корейское правительство, которое взамѣнъ наличныхъ денегъ обязалось уплатить свою долю по номинальной стоимости этихъ акцій въ 3 милліона енъ землею—5700 цю рисовыхъ полей и столько же прочихъ пахотныхъ полей. Изъ остальныхъ 140,000 акцій только 130,000 акцій были предложены на общую подписку, при чемъ подписка превысила это количество въ 36 разъ. Послѣ окончательнаго распредѣленія 186,138 акцій оказались въ рукахъ 50,590 японскихъ владѣльцевъ и 63.852 въ рукахъ 499 корейскихъ. Second annual report on reforms and progress in Korea, 19. Среди акціонеровъ компаніи можно назвать барона Сибусава.

[3]) Текстъ устава компаніи, опубликованнаго вышеназваннымъ закономъ, помѣщенъ въ Second annual report on reforms and progress in Korea, стр. 186—191.

[4]) Въ отношеніи всѣхъ перечисленныхъ функцій компаніи, направленныхъ въ конечномъ результатѣ къ поднятію земледѣльческой промышленности въ Кореѣ, цѣль ея сводится, по заявленію Кубота, служащаго въ японскомъ колоніальномъ управленіи, къ тому, чтобы устроить орошеніе и другія капитальныя сооруженія на обширныхъ пустующихъ дѣвственныхъ земляхъ въ Кореѣ, требующихъ затраты большихъ капиталовъ для этой цѣли, которыхъ нѣтъ у мелкихъ земледѣльцевъ, и затѣмъ распредѣлить ихъ между переселенцами путемъ продажи и сдачи въ аренду, чтобы не повторилась исторія колонизаціи о-ва Хоккайдô, гдѣ много проданной или отданной въ аренду земли попрежнему остается въ заброшенномъ состояніи, за отсутствіемъ капиталовъ на предварительныя работы. Japan W. Times, 13 Aug. 1910, 686—7.

и посредникомъ для сбыта переселенцами сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Помимо того, компанія съ одобренія правительства (ранѣе корейскаго и японскаго вмѣстѣ, теперь одного японскаго), подъ чьимъ строгимъ контролемъ она должна находиться, можетъ заниматься рыбнымъ промысломъ или иными предпріятіями, которыя окажутся необходимыми въ качествѣ дополненія къ главной задачѣ компаніи[1].

28 декабря н. с. 1908 г. были назначены должностныя лица компаніи, которыя, по уставу, должны были назначаться частью японскимъ правительствомъ, частью корейскимъ правительствомъ[2], при чемъ предсѣдателемъ компаніи былъ назначенъ баронъ Усагава, директоръ отдѣла военныхъ дѣлъ въ военномъ министерствѣ, оставившій по этому случаю свою прежнюю должность. 28-го же декабря состоялось въ Токіо и первое общее собраніе[3] акціонеровъ компаніи, послѣ того, какъ по уставу были внесены $2^1/_2$ милліона акціонернаго капитала, считая и $^1/_4$ стоимости доли корейскаго правительства, или 750,000 енъ, внесенныхъ землею.

Въ февралѣ 1909 г. компанія открыла дѣйствія въ Кореѣ (28 января этого года состоялось открытіе главнаго управленія ея въ Сеулѣ), при чемъ первымъ дѣломъ она занялась вопросомъ о составленіи земельнаго запаса. Въ качествѣ первой четверти своей доли (750,000 енъ) корейское правительство передало компаніи 1,830 ціо рисовыхъ полей и 606 ціо остальной пахотной земли по сосѣдству съ Сеуломъ, въ уѣздѣ Чарёнъ въ провинціи Хоанъхадо, въ уѣздѣ Пхёнъянъ въ провинціи Пхёнъандо, въ Чхянъуёнбу (Масанпхо) и въ 4 уѣздахъ Южной Кёнъсянъдо. Помимо того, компанія купила 2,082 ціо рисовыхъ полей и 226 ціо суходольныхъ полей въ Сѣверной и Южной Чёлладо, въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо и въ Хоанъхадо и получила въ аренду отъ корейскаго правительства 5,004 ціо рисовыхъ полей и 1,778 ціо прочихъ полей, вы-

[1]) Second annual report on reforms and progress in Korea, 17—18; въ частности на стр. 18 указываются правила выдачи сельскохозяйственныхъ ссудъ.

[2]) Японское правительство назначало предсѣдателя, одного изъ двухъ вице-предсѣдателей и двѣ трети изъ 4 директоровъ и 3 ревизоровъ. См. Second annual report on reforms and progress in Korea. 19—20, гдѣ приводится первый списокъ должностныхъ лицъ компаніи.

[3]) См. Japan W. Chronicle, 7 January 1909, 28.

бранныхъ въ различныхъ провинціяхъ и предназначенныхъ служить въ качествѣ послѣдующихъ взносовъ корейскаго правительства въ уплату остальной стоимости взятыхъ имъ акцій[1].

Слѣдующимъ шагомъ компаніи было учрежденіе филіальныхъ отдѣленій въ другихъ пунктахъ Кореи (въ Туксём въ Кёнъгыйдо, въ Сариуён въ Хоанъхäдо, въ Ёнъсанпхо въ Южной Чёлладо и въ Масанпхо въ Южной Кёнъсянъдо) для раздачи сѣмянъ (въ частности овощей и бобовыхъ растеній), удобреній и молодыхъ растеній (въ особенности въ Туксём, гдѣ была устроена съ этой цѣлью земледѣльческая станція въ непосредственномъ завѣдываніи компаніи). На отведенныхъ земляхъ были водворены японскіе и корейскіе поселяне изъ числа болѣе молодыхъ. Параллельно этому велись операціи по выдачѣ сельскохозяйственныхъ ссудъ, на основаніи правилъ, одобренныхъ въ маѣ 1909 г., при чемъ изъ 111 поданныхъ въ теченіе 1909 г. заявленій на этотъ счетъ было удовлетворено 17 на общую сумму ссуды въ 221,900 енъ, въ томъ числѣ 10 ссудъ было выдано японцамъ на сумму въ 163,000 енъ и 7 корейцамъ на сумму въ 58,900 енъ[2].

Что же касается привлеченія въ Корею японскихъ поселенцевъ, каковая задача признавалась за одну изъ главнѣйшихъ обязанностей компаніи[3], то, вопреки высказываемымъ

---

[1]) Third annual report on reforms and progress in Korea, 119.

Нынѣ Восточная колонизаціонная компанія владѣетъ уже 12,342 цiô земли, изъ коихъ 9670 цiô рисовыхъ полей. 2580 цiô пахотныхъ земель и 90 цiô лѣса. По провинціямъ эти земли распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Сѣверная Пхёнъандо (64 цiô), Хоанъхäдо (3852 цiô), Кенъгыйдо (873 цiô), Южная Чхюнъчхёнъдо (801 цiô), Сѣверная Чёлладо (2310 цiô), Южная Чёлладо (2756 цiô), Южная Кёнъсянъдо (1470 цiô) и Сѣверная Кёнъсянъдо (212 цiô). Изъ всей площади только 20 цiô обрабатывается самой компаніей, остальное—арендаторами (однихъ корейскихъ арендаторовъ у компаніи имѣется 60,000 душъ, считая и ихъ семьи?). Въ эти земли и вообще земледѣльческія предпріятія компаніей вложены 1.905,354 енъ. Seoul Press, 16 Aug. 1911,2.

[2]) Third annual report on reforms and progress in Korea, 119.

[3]) Для облегченія этой стороны дѣятельности колонизаціонной компаніи въ концѣ 1908 г. была учреждена особая южно-корейская акціонерная пароходная компанія, поставившая цѣлью содѣйствовать развитію торговли въ южной части Кореи. За правительственную субсидію въ 100,000 енъ въ годъ компанія обязалась организовать пароходные рейсы въ самые глухіе углы этой части корейскаго побережья съ тѣмъ, чтобы доставлять туда японскихъ эмигрантовъ, навербованныхъ Восточной колонизаціонной компаніей. Такая пароходная компанія была организована затѣмъ и для обслуживанія побережья Сѣверной Кореи, въ связи съ дѣятельностью названной колонизаціонной компаніи.

представителями японскаго правительства и самой компаніи оптимистическимъ взглядамъ, результаты, достигнутые пока компаніей въ этомъ отношеніи, не очень значительны, хотя, по заявленію корейскаго генералъ-губернатора графа Терауци въ рѣчи, обращенной къ съѣзду губернаторовъ корейскихъ провинцій (префектуръ)[1], компанія въ этомъ дѣлѣ имѣла бо́льшій успѣхъ, нежели отдѣльныя лица изъ японцевъ, дѣйствующихъ по собственной иниціативѣ, которые нерѣдко оказываются въ самомъ бѣдственномъ положеніи на новыхъ мѣстахъ. Къ началу 1911 г. названная компанія водворила въ Кореѣ 632 японскихъ земледѣльца и, предполагая въ этомъ 1911 году переселить еще въ общей сложности 2,000 ихъ, разослала во всѣ японскія провинціи вторичныя приглашенія мѣстнымъ земледѣльцамъ переселиться на земли компаніи. На этотъ второй вызовъ японскихъ земледѣльческихъ эмигрантовъ для Кореи въ компанію поступило до ноября н. ст. 1911 г. 1,556 заявленій, изъ нихъ 576 заявленій было принято и 862 отклонено[2]. Столь большое число отказовъ объясняется тѣмъ, что при выборѣ японскихъ переселенцевъ для Кореи компанія обращаетъ особое вниманіе на то, чтобы они обладали достаточными средствами, которыя позволили бъ имъ послужить примѣромъ для корейцевъ, и не нуждается вовсе въ бѣднякахъ[3]. Въ виду этихъ цифръ врядъ ли можно согласиться съ категорическимъ утвержденіемъ одного русскаго автора—г. Аркадія-Петрова, о широкой дѣятельности названной компаніи, скупающей за безцѣнокъ корейскія пустоши и продающей ихъ въ разсрочку японскимъ колонистамъ, которые по выкупѣ становятся полными собственниками корейской земли, при чемъ якобы компанія на свой счетъ отправляетъ желающихъ корейцевъ въ русскія владѣнія, предварительно скупивъ у нихъ земли[4]; словомъ, какъ-бы указывается и на то, что усилія компаніи направлены къ вытѣсненію съ ихъ земель корейцевъ-земледѣльцевъ. Этому, однако, противорѣчитъ заявленіе, сдѣланное въ

[1]) Japan W. Times, 22 April 1911, 102.
[2]) Seoul Press, 9 Nov. 1911, 3.
[3]) Japan W. Chronicle 8 Dec. 1910, 1023 (заявленіе вице-предсѣдателя названной компаніи).
[4]) Аркадій-Петровъ, Какъ защищаютъ свои интересы Россія и Англія, 28.

разговорѣ съ представителемъ японской печати предсѣдателямъ компаніи барономъ Усагава, въ которомъ подчеркивалось, что компанія имѣетъ на своихъ земляхъ 60,000 корейскихъ арендаторовъ, почему должна позаботиться о томъ, чтобы не лишить ихъ заработка чрезъ замѣну японскими земледѣльцами[1]. Подобная осторожность компаніи навлекаетъ на нее даже упреки японскихъ авторовъ въ томъ, что она дѣйствуетъ слишкомъ вяло въ этомъ отношеніи, почему само правительство должно принять необходимыя мѣры поощренія японской эмиграціи въ Корею[2].

22 мая 1909 г. въ Тōкіō состоялось первое полугодовое собраніе акціонеровъ компаніи, на которомъ былъ объявленъ дивидендъ въ 3% годовыхъ на уплоченный капиталъ, за исключеніемъ доли корейскаго правительства, уплоченной не наличными деньгами, а землею (между тѣмъ именно отъ этой земли сама компанія должна имѣть большую прибыль, когда вся земля эта будетъ обработана[3]). За 1910 г. компанія получила чистую прибыль въ 513,347 енъ[4], на 300,000 енъ болѣе предшествовавшаго года, благодаря увеличенію дохода отъ ссудъ и вкладовъ и съ земель, какъ результатъ расширенія площади обрабатываемыхъ земель компаніи и повышенія цѣнъ на хлѣбные продукты. Однако, изъ указанной суммы прибыли 300,000 енъ составляли правительственную субсидію, 190,000 енъ были перенесены со счетовъ предыдущаго года и только 23,000 енъ представляли дѣйствительную чистую прибыль[5]. Изъ указанной суммы въ 513,347 енъ было выдано акціонерамъ 6% дивиденда (150,000 енъ), а остальные 440,000 енъ были перенесены на слѣдующій годъ[6]. Въ виду увеличенія спроса на ссуды[7], рѣшено было объявить новый взносъ въ счетъ капи-

[1]) Japan W. Times, 19 Nov. 1910, стр. 253.

[2]) Цит. статья Р. Нагаи изъ «Син-Ниппон» въ Japan W. Times, 22 July 1911, 759—760.

[3]) По заявленію руководителей дѣлами компаніи на указанномъ собраніи.

[4]) Валовая прибыль была 703,854 енъ.

[5]) Japan W. Chronicle, 18 May 1911, 844.

[6]) См. балансовый счетъ за 1910 г. Seoul Press, 31 May 1911. На общемъ собраніи акціонеровъ компаніи 22 мая н. ст. 1911 въ Тōкіō, баронъ Усагава, предсѣдатель компаніи, произнесъ рѣчь, въ которой подробно обрисовалъ практическіе результаты, уже достигнутые ею въ Кореѣ. Содержаніе этой рѣчи помѣщено въ Japan Financial and Economical Monthly, June 1911 (томъ V, № 6), стр. 6—8.

[7]) О суммахъ выданныхъ уже компаніей ссудъ см. Japan Financial and Economical Monthly, June 1911, стр. 8.

тала, всего въ суммѣ 2,500,000 енъ.

Помимо предпріятій, непосредственно связанныхъ съ земледѣльческой промышленностью, Восточная колонизаціонная компанія принимаетъ мѣры къ лѣсоразведенію[1], для чего ею устраивается питомникъ и раздаются населенію молодыя деревца; она же приступила къ облѣсенію горы Пибонъ въ уѣздѣ Ён'ан въ Хоанъхѣдо, на площади въ 1,000 акровъ. Она же занялась въ качествѣ параллельной отрасли предпріимчивости рыбнымъ промысломъ въ водахъ сѣверо-западной Кореи, для чего выбрала себѣ рыболовный участокъ протяженіемъ въ 180 миль по берегу отъ устья р. Чхёнъчхёнганъ до устья р. Амнокканъ, гдѣ раньше не существовало ни одного предпріятія этого рода, и открыла контору морскихъ продуктовъ въ Аньдунъсянь; однако, эта отрасль дѣятельности компаніи пока не имѣла успѣха. Наконецъ, компанія дѣятельно изучаетъ естественныя богатства сѣверной Кореи, намѣреваясь приступить къ эксплоатаціи ихъ[2].

Если задачи Восточной колонизаціонной компаніи являлись по уставу исключительно экономическими, то на практикѣ, руководимая бывшимъ представителемъ японскаго военнаго вѣдомства, она въ широкой степени служила съ самаго начала своего существованія и политическимъ цѣлямъ японскаго правительства: прежде всего она заселяла прибрежныя области Кореи, затѣмъ мѣстности вдоль желѣзныхъ дорогъ, во время войны съ Россіей взятыхъ изъ стратегическихъ соображеній въ вѣдѣніе японскаго военнаго вѣдомства, затѣмъ въ вѣдѣніе японскаго генеральнаго резидентства и, наконецъ, японскаго министерства путей сообщенія, далѣе окрестности большихъ городовъ, занятыхъ японскими гарнизонами, наконецъ, сѣверо-восточную Корею въ виду ея стратегическаго значенія[3]. Правда, всѣ эти мѣстности Кореи представляли въ то же время наиболѣе выгодныя условія для экономической дѣятельности компаніи.

---

[1]) Въ 1909 г. по заказу компаніи на Сюуён'ской фермѣ было посѣяно 100 коку сѣмянъ индійской мальвы.

[2]) Japan W. Times. 22 April 1911, 106, и Third annual report on reforms and progress in Korea. 119.

[3]) Харбинск. Вѣстникъ, № 2285, 28 октября 1911, 1—2 (изъ Tageblatt für Nord-China).

Правильная оцѣнка результатовъ дѣятельности названной компаніи за истекшіе три полныхъ года ея операцій представляется довольно затруднительной, такъ какъ можно смотрѣть на весь этотъ промежутокъ времени, какъ на періодъ ея подготовительныхъ работъ, результаты коихъ должны сказаться лишь въ будущемъ, какъ заявляютъ сами должностныя лица этой компаніи. Однако, постороннему наблюдателю дѣятельность компаніи, особенно по сравненію съ аналогичнымъ предпріятіемъ полуправительственнаго характера, какъ компанія Южно-Маньчжурской ж. д., представляется малоуспѣшной; подобный отрицательный отзывъ о Восточной колонизаціонной компаніи даетъ, напримѣръ, газета «Харбинскій Вѣстникъ»[1], при чемъ подробно выясняетъ различныя причины неуспѣха компаніи, какъ-то: измѣненіе политическихъ тенденцій японскаго правительства въ Кореѣ, послѣ присоединенія послѣдней къ Японіи, въ результатѣ чего можно ожидать въ будущемъ столкновенія интересовъ компаніи съ чисто-правительственными на корейскомъ полуостровѣ; низкій нравственный уровень первыхъ японскихъ колонистовъ, водворенныхъ компаніей въ Кореѣ, вызвавшій отрицательное отношеніе къ нимъ со стороны корейскаго генералъ-губернатора графа Терауци; наблюдаемая вообще несклонность японцевъ къ переселенію въ Корею; недостатки организаторской дѣятельности компаніи. Ко всему изложенному названная газета добавляетъ, что предъявляемыя нынѣ къ переселенцамъ компаніи условія далеко не легки. Имъ отводятся участки въ 2 ціо, уплата стоимости коихъ, съ причисленіемъ 6%, разсрочивается на 25 лѣтъ. За матеріалы для построекъ, земледѣльческія орудія, скотъ— взимается 200 енъ, уплата коихъ разсрочивается на тотъ же срокъ съ причисленіемъ 7%. Такимъ образомъ только черезъ 25 лѣтъ, т. е. при другомъ поколѣніи, земля переходитъ въ собственность семьи. Если же переселенцы не отвѣчаютъ требованіямъ компаніи или не выполняютъ своихъ обязательствъ, она имѣетъ право согнать ихъ съ земли, при чемъ они лишаются уплоченныхъ уже денегъ и платятъ еще 10% со внесенной суммы. Отводъ участковъ (и ихъ качества) всецѣло зависятъ отъ усмотрѣнія самой компаніи. При этихъ условіяхъ переселеніе въ Корею не представляетъ для японскихъ поселянъ ничего привлекательнаго.

Независимо отъ развитія дѣятельности названной компаніи и еще до открытія ею дѣйствій на полуостровѣ, въ Кореѣ уже имѣлось довольно значительное число японскихъ земледѣльческихъ колонистовъ.

Первоначально этихъ японцевъ привлекали въ Корею лишь земельные участки близъ открытыхъ портовъ и желѣзныхъ дорогъ, но затѣмъ японскіе иммигранты стали углубляться и

[1]) № 2333, 18 декабря 1911 г., стр. 1—2.

въ менѣе благопріятно расположенныя мѣстности. До установленія надъ Кореей японскаго протектората японцы имѣли здѣсь только мелкіе участки для огородовъ, но послѣ этого ими стали покупаться болѣе обширные участки земли съ спеціальной цѣлью завести въ полномъ объемѣ сельское хозяйство, что считалось самой надежной и прибыльной отраслью предпріимчивости въ Кореѣ.

Весною 1906 г. японцы владѣли приблизительно 7,500 акровъ (3,000 японскихъ цiо) пахотной земли въ Кореѣ, по цѣнѣ 1500 енъ за цiо, или всего на 3,000,000 енъ[1].

Въ серединѣ 1906 г. различныя категоріи недвижимыхъ имуществъ, въ частности и въ видѣ обработанныхъ земель, которыми владѣли японцы въ Кореѣ, могли быть представлены въ слѣдующей таблицѣ[2]:

	Площадь въ цубо.	Рыночная стоимость въ енахъ.
Строеній[3]	69,809	3,252,628
Застроенныхъ земель	1,210,924	12,831,759
Рисовыхъ полей	14,624,852	1,220,274
Суходольныхъ полей	12,662,499	1,358,240
Горъ и лѣсовъ	711,586	46,392
Пустошей[4]	10,813,785	196,768
Сухихъ береговыхъ земель, озеръ и болотъ[5]	1,341,545	42,254
Концессій		830,239
Всего		19,778,554
Въ томъ числѣ на обрабатываемыя земли приходилось	27,287,351, или 9,091,9 цiо	2,578,514

[1]) Japan Year-book, 1906, стр. 538.

[2]) Канкоку-сiокуминсаку. приложенія, стр. 32—34 (здѣсь данныя располагаются также по отдѣльнымъ районамъ—японскимъ резидентскимъ округамъ). По этимъ даннымъ величина площади пахотныхъ земель въ Кореѣ въ японскомъ владѣніи является въ три раза большей, а цѣнность ихъ нѣсколько меньшей, чѣмъ указано выше; послѣднее объясняется преувеличенной оцѣнкою стоимости ихъ въ 1500 енъ за цiо: на дѣлѣ цѣнность ихъ въ четыре раза меньше.

[3]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ указывается только число строеній, безъ обозначенія ихъ площади; такихъ строеній было всего 2,542.

[4]) Наибольшее количество пустошей въ японскомъ владѣніи находилось въ резидентскихъ округахъ Чѣмульпхо (4,329,634 цубо) и Мокпхо (6,004,300 цубо).

[5]) Эти земли почти цѣликомъ находились въ резидентскомъ округѣ Пхёнъянъ.

Въ дальнѣйшемъ число японскихъ земледѣльцевъ въ Кореѣ продолжало неуклонно возрастать, въ особенности въ южныхъ провинціяхъ полуострова—Чёлладо и Кёнъсянъдо, и въ одномъ только районѣ Кунсана, гдѣ японскіе земледѣльцы стали селиться въ 1903 г., считалось въ ноябрѣ 1906 г. уже 200 человѣкъ ихъ съ общей площадью ихъ земельной собственности въ 15,000 цiō, что давало въ среднемъ по 75 цiō на каждаго, или свыше 50 разъ болѣе средняго земельнаго участка земледѣльца въ самой Японіи (безъ Формозы)—1,4 цiō[1].

Къ 31 декабря 1909 г. число японскихъ владѣльцевъ земледѣльческихъ предпріятій въ Кореѣ, площадь этихъ послѣднихъ, капиталы, вложенные въ нихъ, и доходъ отъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ показаны въ слѣдующей таблицѣ[2]:

Районы.	Число хозяевъ.	Площадь хозяйствъ въ цiō. Обработ. земли.	Необработ.	Всего.	Сумма вложеннаго капитала въ енахъ.	Доходъ отъ сельско-хоз. продуктовъ
Фузанъ	225	6,597,7	4,226,7	10,824,4	2,938,643	212,898
Масанпхо	13	796,0	927,0	1,723,0	174,951	15,410
Кунсан	66	18,398,5	1,298,2	19,696,7	2,249,389	213,130
Мокпхо	105	10,939,5	2,117,9	13,057,4	1,845,594	156,287
Сеулъ	112	2,924,8	1,284,6	4,209,4	1,018,229	191,685
Чѣмульпхо	38	654,2	93,9	748,1	289,815	71,075
Пхёнъянъ	17	7,528,9	1,580,1	9,109,0	673,590	93,547
Чынънампхо	19	1,209,8	498,0	1,707,8	131,711	12,298
Гензанъ	46	118,8	196,6	315,4	116,030	23,623
Тăгу	87	768,7	59,2	827,9	219,098	45,419
Новый Ыйчжю	9	19,8	1,4	21,2	1,590	850
Чхёнъчжин	13	18,0	10,0	28,0	11,270	14,925
Итого	750	49,974,7	12,293,6	62,268,3	9,659,910	981,147

Такимъ образомъ, считая съ необработанными землями, средній доходъ на земли, находившіяся въ японскомъ владѣніи въ Кореѣ, достигалъ въ 1909 г. въ среднемъ 10% на вложенный капиталъ, въ районѣ же Сеула, Пхёнъянъ и Тăгу многимъ больше (вслѣдствіе близости большихъ городовъ).

Въ концѣ 1910 г. японскихъ землевладѣльцевъ въ Кореѣ было 7,625 человѣкъ, владѣвшихъ 27,882 кёль земли, съ коихъ они уплачивали ежегодно поземельнаго налога 214,700 енъ. Всѣ остальные иностранцы, числомъ 346 человѣкъ, владѣли въ то время въ общей сложности 311 кёль земли (общая

[1]) Japan Year-book, 1908-9, 588.
[2]) Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, 30-й выпускъ, стр. 953—4.

сумма налога съ нихъ была 2,186 енъ); по національности это были 214 китайцевъ, 68 американцевъ, 28 англичанъ, 24 француза, 7 русскихъ, 4 нѣмца и 1 итальянецъ[1].

По позднѣйшимъ даннымъ, общее число японцевъ, занимавшихся земледѣліемъ въ Кореѣ, достигало 2,122 хозяйствъ и 6,892 душъ. Помимо нихъ, въ Кореѣ имѣлись по прежнему 364 хозяйства и 1,405 душъ китайскихъ земледѣльцевъ и небольшое число американцевъ, французовъ и нѣмцевъ, посвятившихъ себя земледѣльческой промышленности[2]. Наконецъ, по послѣднимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, общее число японцевъ, занятыхъ земледѣльческой промышленностью въ Кореѣ, нынѣ достигаетъ 2,254 человѣкъ хозяевъ и вложенный ими капиталъ исчисляется въ 13,736,567 енъ. Они владѣютъ площадью земли въ 86,952,3 цiō, включая 43,485,4 цiō рисовыхъ полей, 26,727 цiō прочей пахотной земли и 13,867,2 цiō лѣса. Изъ означеннаго числа японцевъ 172 лица вложили въ дѣло болѣе 10,000 енъ каждый, или въ общей сложности 9,564,787 енъ, и владѣютъ площадью земли въ 58,943,6 цiō[3], такъ что на долю остальныхъ 2,082 лицъ приходится 4,171,780 енъ капитала и 28,008,7 цiō земли. Главными отраслями дѣятельности японцевъ—земледѣльцевъ въ Кореѣ являются обычныя сельскохозяйственныя работы, затѣмъ разведеніе плодовыхъ деревьевъ и овощей, завѣдываніе плантаціями тутовицы и облѣсительныя работы[4]. Большинство изъ болѣе крупныхъ капиталистовъ обрабатываетъ землю съ помощью арендаторовъ[5].

По отдѣльнымъ корейскимъ провинціямъ, изъ общей цифры въ 6,391 человѣкъ и 2,020 семей японцевъ, занятыхъ земледѣльческимъ трудомъ въ серединѣ 1911 г., наибольшее число

---

[1]) Japan W. Times, 13 May 1911, 254.

[2]) Seoul Press, 27 Aug. 1911,2. Въ іюлѣ 1911 г. считалось 2,020 хозяйствъ и 6,391 душъ. Seoul Press, 15 July 1911,2.

[3]) По отличнымъ свѣдѣніямъ Seoul Press, въ серединѣ 1911 г. въ Кореѣ было 373 крупныхъ японскихъ фермера, вложившихъ въ землю капиталъ въ 9,119,450 енъ. «Харб. Вѣст.» 11 іюня 1910,3.

[4]) На вновь разрабатываемыхъ земляхъ японцами обычно воздѣлываются продукты, которые должны найти примѣненіе для промышленности, которая въ будущемъ сама собою разовьется въ странѣ. Подготовительныя работы въ этомъ отношеніи выполняются Сюуонской опытной станціей и ея бывшими отдѣленіями.

[5]) Seoul Press, 8 Dec. 1911,3.

находилось въ Южной Кёнъсянъдо (413 семей), затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ въ Кёнъгыйдо, Южной Чёлладо, Сѣверной Кёнъсянъдо и Сѣверной Чёлладо; провинціи Сѣверная Пхёнъандо и Южная Хамгёнъдо заключали въ себѣ наименьшее число японскихъ земледѣльцевъ[1].

Въ отношеніи будущаго роста японской сельскохозяйственной колонизаціи Кореи можно сослаться на заявленіе представителя правительства въ бюджетной подкомиссіи японской нижней палаты, что въ Кореѣ имѣется еще вдоволь мѣста для многихъ японцевъ, кромѣ 170,000, нынѣ проживающихъ въ этой странѣ, но что прежде всего должны быть построены дороги, а затѣмъ уже будетъ возможно посылать туда въ большомъ числѣ японскихъ переселенцевъ[2].

Однако, уже теперь для провоза клади японскихъ переселенцевъ, направляемыхъ въ Корею агентами Восточной колонизаціонной компаніи, японскія казенныя желѣзныя дороги дѣлаютъ скидку въ 50% съ обычной провозной платы (съ 1 декабря 1910). Равнымъ образомъ для тѣхъ же переселенцевъ дѣлается скидка въ 50% съ цѣны желѣзнодорожныхъ билетовъ III класса. Они пользуются еще другими льготами.

Въ отношеніи задачъ и пріемовъ японской земледѣльческой колонизаціи въ Кореѣ, между различными японскими авторами наблюдается значительное разногласіе, при чемъ многіе изъ нихъ, какъ показываютъ приведенныя ниже мнѣнія японскихъ газетъ, рекомендуютъ японскимъ сельскимъ хозяевамъ въ Кореѣ скупать только разработанныя земли и въ дальнѣйшемъ единственно заботиться объ увеличеніи числа корейскихъ арендаторовъ на нихъ, съ цѣлью извлечь изъ нихъ возможно большую выгоду для себя лично. Однако, болѣе правильнымъ и разумнымъ является взглядъ автора Канкоку-сōран[3], который рекомендуетъ японцамъ—колонистамъ въ Кореѣ обратить особое вниманіе на слѣдующіе пункты, наиболѣе важные съ точки зрѣнія успѣха ихъ сельскохозяйственныхъ начинаній въ этой странѣ: во-первыхъ на улучшеніе суще-

---

[1]) Seoul Press, 15 July 1911,2.
[2]) Japan W. Chronicle, 9 Febr. 1911, 237.
[3]) Стр. 395.

ствующихъ въ Кореѣ пріемовъ этой промышленности и во-вторыхъ, подобно тому, какъ ведется земледѣльческая колонизація въ Техасѣ, на снабженіе собственныхъ предпріятій соотвѣтствующимъ количествомъ капитала и рабочаго труда, въ разсчетѣ на созданіе долговременной колонизаціи. Въ противномъ случаѣ ихъ ожидаетъ въ конечномъ результатѣ неуспѣхъ, какъ это уже случалось неоднократно въ Кореѣ съ тѣми японцами, которые, движимые честолюбіемъ, желали здѣсь разбогатѣть въ короткій срокъ, или съ другими, которые думали имѣть успѣхъ съ однимъ лишь трудомъ. На это должны обратить неуклонное вниманіе лица, желающія трудиться на поприщѣ предпринимательской дѣятельности въ Кореѣ, въ частности въ земледѣльческой промышленности на полуостровѣ.

Благодаря появленію въ Кореѣ значительнаго числа японскихъ колонистовъ, нынѣ по сосѣдству съ корейскими хижинами, среди рисовыхъ полей, виднѣется не мало японскихъ бѣлыхъ домиковъ. Между этими японцами и корейцами отношенія гораздо дружественнѣе, чѣмъ въ городахъ. Неблагопріятнымъ для страны явленіемъ можетъ, однако, считаться то, что эти японскіе земледѣльцы не расчищаютъ для себя новыхъ земель, а оттѣсняютъ корейцевъ съ ихъ пашенъ; въ этомъ виноваты сами корейцы, продающіе имъ свои земли, не помышляя о завтрашнемъ днѣ[1].

---

[1]) Изъ «Écho de Chine», Харб. Вѣстн., 23 апр. 1911,2.

Что японцы въ Кореѣ избѣгаютъ покупать пустоши для разработки ихъ подъ рисовое или другое пахотное поле, объясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что рядъ бывшихъ примѣровъ среди нихъ въ бассейнѣ рѣкъ Кымганъ, Нактонъганъ и Ёнъсанганъ, заканчивавшихся въ 8 и 9 случаяхъ изъ десяти полной неудачею, убѣдилъ въ безплодности этого предпріятія, въ случаѣ недостаточности капитала. Въ самомъ дѣлѣ, эти пустоши были заброшены самими корейцами по той причинѣ, что онѣ либо не имѣютъ достаточнаго орошенія, либо подвержены наводненіямъ; поэтому и въ будущемъ они могутъ сдѣлаться пригодными, для культуры риса или другихъ растеній обычно лишь при условіи затраты большихъ суммъ на устраненіе причинъ недостатка орошенія или, наоборотъ, наводненій. Пока не будутъ приняты эти предварительныя мѣры, затрачивать деньги и трудъ на разработку этихъ земель подъ названныя культуры совершенно неразумно. Канкоку-сіокуминсаку, 73—75. Конкретнымъ подтвержденіемъ правильности этого взгляда можетъ служить неуспѣхъ, вслѣдствіе ежегодныхъ наводненій р. Нактонъганъ, обширной сельскохозяйственной фермы извѣстнаго Тôкіôскаго милліонера Мураи въ Чхильуён въ провинціи Южной Кёнъсянъдо, стоившей ему 400,000 енъ. Самъ владѣлецъ рѣшилъ было бросить свое предпріятіе, и лишь, послѣ осмотра его экспертомъ, согласился снова заняться имъ, удѣливъ для этой цѣли еще 45,000 енъ. Seoul Press, 14 Jan. 1912,2.

Однако, наряду съ этими неблагопріятными послѣдствіями японской колонизаціи, наблюдаются и ея полезныя вліянія. Такъ, въ Сѣверной Чёлладо многочисленные японцы, ведущіе нынѣ земледѣльческія хозяйства въ разныхъ мѣстностяхъ этой провинціи, способствуютъ въ большой степени улучшенію сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, употребляемыхъ корейцами, въ результатѣ чего не мало корейцевъ въ этомъ году обзавелись этими орудіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстные корейцы постепенно пріучаются къ болѣе интенсивному труду, отказываясь отъ прежней безпечности и лѣности[1].

Иниціативѣ же японскихъ земледѣльческихъ колонистовъ въ Кореѣ страна обязана въ настоящее время нѣсколькими важными для земледѣльческой промышленности сооруженіями. Въ уѣздахъ Иксан (на С.З. отъ Чёнчжю въ Сѣверной Чёлладо) и Имнхи, въ долинѣ р. Сасюганъ, японо-корейскимъ ирригаціоннымъ товариществомъ (состоящимъ изъ 800 японскихъ и корейскихъ земледѣльцевъ) нынѣ закончено сооруженіе изъ бывшаго здѣсь небольшого пруда оросительнаго озера, 25 миль въ окружности, куда вода проведена съ разстоянія 8 миль. На сооруженіе озера было получено отъ земледѣльческаго и промышленнаго банка ссуда въ 300,000 енъ. Новое озеро должно доставлять надлежащее орошеніе 3,000 цiō рисовыхъ полей и увеличить сборъ риса на 30,000 коку. Ранѣе эта мѣстность являлась одной изъ бѣднѣйшихъ въ Кореѣ, нынѣ же скоро не будетъ хватать мѣстныхъ рабочихъ рукъ, не находившихъ прежде примѣненія своему труду. Помимо того, за послѣдніе годы въ Сѣверной Чёлладо исправлено 24 заброшенныхъ оросительныхъ прудовъ и въ теченіе 1911 г. предполагалось исправить еще 30 ихъ[2]. Можно еще упомянуть, что группа японскихъ сельскихъ хозяевъ въ уѣздѣ Кымха въ Южной Кёнъсянъдо рѣшила предпринять устройство орошенія на 3,000 цiō рисовыхъ полей съ затратою 160,000 енъ[3].

---

[1]) Seoul Press, 22 Nov. 1911,3, изъ Кейдзiō Ниппō, гдѣ при этомъ случаѣ отмѣчается, что отношенія между японцами и корейцами въ этой бывшей странѣ мятежниковъ и разбойниковъ теперь наилучшія (ср. приведенное выше заявленіе газеты «Echo de Chine»).

[2]) Seoul Press, 8 June и 18 June 1911.

[3]) Japan W. Chronicle, 1 Dec. 1910, 959.

Въ Сеулѣ существуетъ, спеціально для содѣйствія наилучшему развитію корейскаго сельскаго хозяйства, Chōsen Agricultural Association, учрежденная по почину японцевъ и ранѣе состоявшая при земледѣльческомъ отдѣлѣ департамента земледѣлія, торговли и промышленности въ управленіи генералъ-губернатора, но съ 1 мая н. ст. 1911 г. превращенная въ самостоятельное учрежденіе. Въ маѣ 1911 г. она насчитывала свыше 3,700 членовъ[1], изъ нихъ $^2/_3$ составляли корейцы. Ассоціація имѣетъ представителей въ различныхъ провинціяхъ и издаетъ собственный ежемѣсячный журналъ. Осенью 1910 г. она устроила состязательную выставку земледѣльческихъ продуктовъ въ Сеулѣ. Власти принимаютъ мѣры къ расширенію полезной дѣятельности ассоціаціи[2].

По примѣру японцевъ, образовавшихъ въ районахъ наиболѣе развитой японской колонизаціи въ Кореѣ рядъ такихъ союзовъ, сами корейцы начинаютъ учреждать организаціи, ставящія цѣлью развитіе различныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ странѣ. Напримѣръ, въ Тагу учреждено коммерческое товарищество Кёнъбук-сир'ёп-ёнгухой 慶北實業研究會 съ отдѣленіями въ различныхъ уѣздныхъ городахъ провинціи Сѣверной Кёнъсянъдо въ составѣ около 2,000 членовъ; товарищество проектируетъ прежде всего устройство питомника и прочія мѣры для улучшенія земледѣлія среди населенія[3].

IV.

Величина земледѣльческой площади Кореи и распредѣленіе ея по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Какъ усматривается изъ всѣхъ вышеизложенныхъ замѣчаній, Корея является понынѣ въ основѣ всей своей хозяйственной организаціи земледѣльческой страною. Если горы въ ней многочисленны, а болѣе обширныя равнины рѣдки, однако, всюду имѣются небольшія площади ровной почвы и, при наличіи множества рѣкъ[4], по берегамъ ихъ встрѣчается не мало плодородныхъ

---

[1]) Нынѣ 15 отдѣленій и 4,000 членовъ во всѣхъ частяхъ полуострова. Seoul Press, 29 Sept. 1911,3.

[2]) Seoul Press, 26 May 1911, 2.

[3]) Seoul Press, 12 Dec. 1911,3 (изъ «Мäильсинбо», 10 декабря 1912, стр. 1).

[4]) Ціёсен-сангіёси, I-ый томъ, 6-ая глава, стр. 281—310, дастъ перечень рѣкъ,

равнинъ. Климатъ[1] и качество почвы[2] въ Кореѣ нельзя назвать неподходящими почти ни для одного изъ земледѣльческихъ произведеній. По сравненію съ Японіей, съ которой Корея имѣетъ болѣе всего сходства по устройству поверхности, наиболѣе неблагопріятными обстоятельствами для земледѣлія являются въ Кореѣ малое количество осадковъ и довольно рѣзкія крайности тепла и холода; кромѣ того, Корея не вполнѣ подходитъ для разведенія овощей изъ числа озимыхъ культуръ. Вообще же ее можно считать вполнѣ пригодной для земледѣльческой промышленности, при чемъ если недостатокъ осадковъ не благопріятствуетъ нѣкоторымъ сельскохозяйственнымъ культурамъ, зато для произростанія нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ, которымъ не подходитъ влажный климатъ Японіи, она представляетъ въ высшей степени благопріятныя условія, какъ, напримѣръ, для ячменя, свекловицы, европейскаго винограда, американскаго хлопка: для табака и тутовицы естественныя условія на полуостровѣ оказываются также вполнѣ пригодными[3].

Не взирая на эти благопріятныя данныя, равно какъ на то, что земледѣліе служитъ основнымъ источникомъ пропитанія населенія, относительная площадь земледѣльческой культуры въ Кореѣ не всюду является одинаковой, что прежде

какъ болѣе крупныхъ, такъ и меньшихъ, по отдѣльнымъ провинціямъ корейскаго полуострова, съ описаніемъ ихъ бассейновъ, указаніемъ размѣровъ и длины теченія, пригодности для судоходства и прочихъ условій, равно какъ распредѣленія обрабатываемой земли въ предѣлахъ отдѣльныхъ рѣчныхъ долинъ.

[1]) Цiôсен-сангiôси, томъ I, глава II, стр. 5—37, разсматриваетъ климатическія условія во всѣхъ корейскихъ провинцій въ отдѣльности или по группамъ, при чемъ, помимо данныхъ существующихъ метеорологическихъ станцій, приводитъ для цѣлаго ряда пунктовъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ, на подобіе аналогичныхъ, но менѣе обильныхъ свѣдѣній Канкоку-сôран (см. настоящій «Очеркъ», стр. 177, прим. 1), указаніе сроковъ первыхъ и послѣднихъ заморозковъ, перваго и послѣдняго снѣга, количества выпадающаго снѣга и сезона сильныхъ вѣтровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для каждой отдѣльной провинціи дѣлается разборъ ея климатическихъ условій съ точки зрѣнія земледѣльческой промышленности.

[2]) Подробный разборъ различныхъ видовъ корейской почвы дѣлается Канкоку-сôран, 411—420. Того же вопроса вкратцѣ касается Канкоку-синцири, 72. Наиболѣе подробныя свѣдѣнія по этому предмету излагаются указаннымъ трудомъ Цiôсен-сангiôси, въ особой главѣ перваго тома, стр. 38—197, гдѣ послѣдовательно разбираются составъ и свойства почвы, поскольку они играютъ роль для земледѣлія, съ обозначеніемъ границъ и относительной величины распространенія различныхъ горныхъ породъ и составовъ почвы въ каждой изъ корейскихъ провинцій и въ отдѣльныхъ ихъ районахъ.

[3]) Канкоку-iôран, 31.

всего объясняется преобладаніемъ гористой мѣстности надъ равнинами. Изъ всей площади земли въ Кореѣ, пригодной для сельскохозяйственной обработки, ровная часть ея вообще хорошо обработана[1]; вмѣстѣ съ тѣмъ и такія земли, какъ холмы и склоны горъ, по сравненію съ Японіей, всюду обрабатываются, вплоть до скатовъ горъ подъ угломъ 45°, причемъ въ этомъ случаѣ корейцы не прибѣгаютъ къ устройству искусственныхъ террасъ для облегченія запашки, какъ дѣлаютъ японцы, почему на крутизнахъ, какъ, впрочемъ, весьма часто и въ долинахъ, обработка идетъ только ручнымъ способомъ[2]. Такимъ образомъ, значительная часть покатой поверхности въ Кореѣ становится доступной для сельскохозяйственнаго пользованія, но всеже остается большая площадь болѣе возвышенной почвы, которая, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ условіяхъ совершенно теряется для корейскаго земледѣльца.

Однако, независимо отъ этихъ возвышенныхъ пространствъ земли, повсемѣстно въ Кореѣ разсѣяны участки болѣе низменной почвы, пригодные для обработки, но не обрабатыва-

---

[1]) На стр. 421—425 въ Канкоку-сôран приводится распредѣленіе по отдѣльнымъ провинціямъ всѣхъ 54 главныхъ земледѣльческихъ равнинъ въ Кореѣ, начиная съ юго-западной части уѣздовъ Син-Ыйчжю и Іонъчхён въ устьѣ р. Амнокканъ въ провинціи Сѣверной Пхёнъандо и кончая окрестнымъ райономъ города Онсёнъ на берегу р. Туманганъ въ Сѣверной Хамгёнъдо. Эти данныя можно сопоставить съ свѣдѣніями на стр. 39—51 Канкоку-іôран, гдѣ дается описаніе важнѣйшихъ земледѣльческихъ районовъ въ Кёнъсянъдо (равнина Тăгу, районъ Кымхă, округа Сянъчжю и Чинчжю; бассейнъ р. Кёнъчжючхён) и Чёлладо (равнина Чёнчжю, бассейнъ р. Ёнъсанганъ, округъ Тан'янъ, Коанъчжю и Начжю; бассейны р.р. Кымганъ и Сёмчжинганъ).

Аналогичное описаніе бассейновъ р.р. Ёнъсанганъ, Нактонъганъ и Кымганъ, какъ трехъ наиболѣе крупныхъ земледѣльческихъ районовъ въ Кореѣ, даетъ Канкоку-сіокуминсаку, 57—67, въ связи съ вопросомъ о цѣнахъ на землю въ этой части полуострова. Особо здѣсь же разбираются въ высшей степени благопріятныя условія для развитія земледѣльческой промышленности въ районѣ Кунсана, включающемъ двѣ равнины Чёнчжю и Канъгёнъпхо (тамъ же, стр. 67—73).

Еще болѣе подробныя свѣдѣнія насчетъ распредѣленія земледѣльческихъ районовъ въ предѣлахъ каждой отдѣльной корейской провинціи, съ указаніемъ въ особыхъ таблицахъ ихъ размѣровъ, качества почвы, условій орошенія, главныхъ производимыхъ продуктовъ и прочихъ данныхъ, можно найти въ Ціôсен-сангіôси, I, стр. 189—279, въ четвертой главѣ этого труда, гдѣ говорится о размѣрахъ и распредѣленіи по отдѣльнымъ частямъ полуострова земледѣльческой площади Кореи.

[2]) Альфтанъ, Поѣздка въ Корею въ 1895 и 1896 г.г., стр. 27. Этому, однако, противорѣчитъ приводимое ниже въ своемъ мѣстѣ сообщеніе Канкоку-сôран, 483, о существованіи въ Кореѣ не малаго числа террасированныхъ рисовыхъ полей, равно какъ и наблюденія путешественниковъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ Кореи.

емые въ силу различныхъ причинъ. О существованіи въ Кореѣ большого количества этихъ необработанныхъ земель можно заключить уже изъ того обстоятельства, что плотность населенія въ этой странѣ не достигаетъ и половины плотности въ Японіи[1].

Въ зависимости отъ распредѣленія болѣе густого населенія, земледѣльческая культура въ Кореѣ является болѣе интенсивной въ южныхъ областяхъ страны, по сравненію съ сѣверными, что объясняется, помимо рѣдкости населенія, возрастающей съ юга на сѣверъ полуострова, болѣе суровымъ климатомъ и наличностью болѣе высокихъ горныхъ цѣпей и обширныхъ плоскогорій въ сѣверной Кореѣ и сравнительной отсталостью многихъ мѣстностей въ этой части страны до послѣдняго времени въ экономическомъ отношеніи. Въ сѣверной Кореѣ, обычно, лишь вдоль большихъ дорогъ, напримѣръ отъ русской границы къ Гензану, отсюда къ Сеулу и Пхёнъянъ, всѣ земли, пригодныя для обработки, дѣйствительно обрабатываются.

Напротивъ, въ крайней сѣверной, гористой и мало населенной части Кореи Лубенцовъ и Стрѣльбицкій отмѣтили наличность весьма большихъ количествъ необработанной земли. Поэтому никакъ нельзя согласиться съ Вебелемъ, который утверждаетъ, будто въ Кореѣ не имѣютъ понятія о лугѣ или выгонѣ, такъ какъ де безусловно вся земля тамъ, какая только можетъ считаться удобной для обработки (включая и скаты горъ), обработана. Подобное заявленіе Вебеля, какъ и мнѣніе Альфтана и другихъ въ томъ же смыслѣ, если вообще можетъ быть принято, должно быть отнесено не ко всѣмъ мѣстностямъ Кореи безъ исключенія, но лишь къ наиболѣе заселенной полосѣ ея вдоль большихъ дорогъ.

Если относительно большее количество необработанныхъ

---

[1]) Канкоку-сіокуминсаку, 43. Средняя плотность населенія Японія (вмѣстѣ съ островами Рюкю и Хоккайдо, но безъ острова Формозы и Южнаго Сахалина), исчисляется въ 1989 душъ на 1 кв. ри противъ 916 душъ на 1 кв. ри въ Кореѣ. Нихонъ-тейкоку-токей-ненкан, № 30, стр. 14 и 947. По даннымъ отъ конца 1910 г. средняя плотность населенія Кореи повысилась до 929 душъ на 1 кв. ри (см. выше стр. 238 настоящаго «Очерка»), теперь же еще нѣсколько увеличилась, но соотвѣтственно тому или въ большей мѣрѣ увеличилась общая численность и плотность населенія Японіи.

земель находится въ сѣверной Кореѣ, то съ другой стороны такія же пустующія земли встрѣчаются и въ болѣе южныхъ частяхъ полуострова; иногда эти пустыри представляютъ собою песчаныя пространства отъ вывѣтрившагося гранита, но гораздо чаще обусловлены наводненіями. Эти земли располагаются вообще по берегамъ рѣкъ, будучи въ 8—9 случаяхъ изъ десяти заброшены подъ вліяніемъ наводненій[1]. При этихъ условіяхъ по всей странѣ найдется не мало хорошихъ примывныхъ земель по рѣкамъ и вообще въ низинахъ, которыя испытываютъ на себѣ послѣдствія отсутствія въ Кореѣ по общему правилу плотинъ и прочихъ защитныхъ сооруженій противъ наводненій[2] и наглядно доказываютъ, что подобнаго рода сооруженія, какъ и устройства для борьбы съ противоположнымъ явленіемъ—засухой, составляютъ понынѣ главнѣйшую нужду корейскаго сельскаго хозяйства.

Дѣйствительно, по природнымъ условіямъ Корея весьма походитъ на Японію, съ преобладаніемъ, какъ и въ этой странѣ, покатой поверхности почвы и со столь же большимъ числомъ рѣкъ. Послѣ болѣе продолжительнаго дождя корейскія рѣки разомъ разливаются; въ засуху совершенно изсякаютъ. Несмотря на то, что вредъ отъ разливовъ рѣкъ и засухъ весьма великъ, корейцы ничуть не заботятся о предупредительныхъ мѣрахъ въ этомъ отношеніи и предоставляютъ все естественному ходу обстоятельствъ. При такихъ условіяхъ горы благодаря хищнической рубкѣ лѣса совершенно оголяются и это является главной причиною усиленія съ каждымъ годомъ ущерба, причиняемаго рѣками земледѣлію; это же объясняетъ, почему нынѣ вдоль береговъ рѣкъ тянутся сплошной полосою заброшенныя поля. Такимъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія въ Кореѣ плотинъ и отводныхъ каналовъ, равно какъ и надлежащихъ устройствъ для орошенія, не только площадь земли, подверженная наводненіямъ и засухѣ, неизмѣнно растетъ, но и забрасываются безъ пользы земли, которыя человѣческій трудъ могъ бы превратить въ прекрасныя рисовыя поля. Въ этомъ, по истинѣ, сказалась недальновидность корейскаго народа въ борьбѣ съ природными силами; въ этомъ же нельзя не видѣть главной причины, почему земледѣліе не развивается въ Кореѣ[3] и съ другой стороны это же требовало неотложнаго вмѣшательства со стороны японцевъ въ цѣляхъ улучшенія технической постановки корейскаго земледѣлія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для разработки корейскихъ за-

[1]) Канкоку-сôран, 130.
[2]) Канкоку-сôран, 129.
[3]) Канкоку-сôран, 180—1.

брошенныхъ земель прежде всего необходимо заняться урегулированіемъ дѣла орошенія ихъ, для чего слѣдуетъ принять мѣры къ разведенію лѣсовъ, съ цѣлью обезпечить надлежащее питаніе рѣчныхъ источниковъ, и, одновременно съ тѣмъ, къ устройству оросительныхъ и осушительныхъ сооруженій[1]. Несомнѣнно, что въ Кореѣ найдется очень много такихъ земель, которыя въ будущемъ, по мѣрѣ развитія земледѣльческой промышленности, могутъ превратиться въ хорошія рисовыя поля при условіи надлежащихъ улучшеній въ способахъ орошенія и осушенія ихъ путемъ урегулированія водныхъ теченій и ремонта существующихъ оросительныхъ прудовъ.

Точная величина площади существующихъ въ Кореѣ необработанныхъ земель, которая въ будущемъ можетъ быть использована въ сельскохозяйственныхъ цѣляхъ, до недавняго времени не могла быть установлена, за отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ, и цитируемый на страницахъ Канкоку-сōран[2] отчетъ техническаго эксперта земледѣльческой опытной станціи министерства земледѣлія и торговли Камосита (Мацудзирō) ограничивается лишь перечисленіемъ, на основаніи личныхъ наблюденій, различныхъ категорій этихъ необработанныхъ земель для пяти провинцій Пхёнъандо, Хоанъхäдо, Канъуёндо, Хамгёнъдо и Чхюнъчхёнъдо, съ пояснительными замѣчаніями относительно ихъ особенностей и настоящаго состоянія и степени пригодности для сельскохозяйственной эксплоатаціи. Эти категоріи суть: пустоши на плоскогорьяхъ и холмахъ, земли въ рѣчныхъ лиманахъ и въ выступахъ побережья, заливаемыхъ моремъ, и земли по теченію рѣкъ, затопляемыя или заносимыя галькою.

При разборѣ въ названномъ отчетѣ пустующихъ земель на плоскогоріяхъ дается детальное описаніе четырехъ плоскогорій въ сѣверной Кореѣ: плоскогорья Коксан и плоскогорья Хоанъчжю въ провинціи Хоанъхäдо, плоскогорья Пхёнъганъ въ Канъуёндо и плоскогорья Косан въ Хамгёнъдо[3]. Пустопорожнія земли на холмахъ имѣются главнымъ образомъ въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Чёлладо въ западныхъ частяхъ ихъ, прилегающихъ къ морю. Нынѣ эти холмы заняты вообще лугами, кладбищами и въ меньшей мѣрѣ суходольными

[1]) Канкоку-сōран, 130—1.
[2]) Канкоку-сōран, стр. 131—150.
[3]) Тамъ же, стр. 432—439.

полями; рисовыхъ полей на нихъ мало, за отсутствіемъ орошенія[1]. Изъ пустопорожнихъ земель въ лиманахъ рѣкъ наибольшее число ихъ имѣется по р. Тадонъганъ; подробный подсчетъ количества ихъ въ этой мѣстности съ планами помѣщенъ въ томъ же отчетѣ[2]; пустопорожнія земли по морскому побережью (на западной сторонѣ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Чёлладо) по общему правилу занимаютъ узкую полосу, но мѣстами достигаютъ протяженія въ 1000 и 2000 цiō[3]. Изъ числа прирѣчныхъ пустующихъ земель наибольшее количество земель первой категоріи или подверженныхъ наводненіямъ, притомъ съ прекрасной почвою, расположено вдоль р. Ёнъсанганъ, а наибольшее количество земель второй категоріи, или засыпанныхъ галькою, лежитъ по дну горныхъ долинъ, почему земледѣлецъ обрабатываетъ здѣсь покатые и крутые склоны горъ.

Въ заключеніе вышеназваннаго отчета[4] излагаются по пунктамъ различныя условія, которыя должны быть приняты во вниманіе, въ случаѣ разработки означенныхъ пустующихъ земель: 1) въ отношеніи земель, лежащихъ въ рѣчныхъ лиманахъ и въ выступахъ морского побережья, условія приливовъ и отливовъ; 2) устройство плотинъ; 3) строеніе подпочвы; 4) условія орошенія: 5) условія транспорта.

Если составитель Канкоку-сōран затруднялся исчислить точную величину площади необрабатываемыхъ земель въ Кореѣ, то болѣе ранній японскій авторъ[5], при разсмотрѣніи того же вопроса, сослался на мнѣніе одного японскаго ученаго, который разрѣшалъ его такъ: Площадь всей земли, пригодной для обработки въ Кореѣ, составляетъ 16% отъ всей площади полуострова въ 21,413,000 цiō, при чемъ 15% или 3,210,000 цiō могутъ быть легко обработаны. Если вычесть отсюда 1,800,000 цiō нынѣ обрабатываемой земли, то для будущей разработки остается еще 1,410,000 цiō. Если принять, что половина этой площади въ качествѣ рисовыхъ полей давала бъ 15 енъ дохода съ 1 тан, или со всего количества этихъ полей 105 милліоновъ енъ, а другая половина въ качествѣ суходольныхъ полей могла бы давать дохода 8 енъ съ тан, или всего 56,000,000 енъ, то общій итогъ дохода съ пустующихъ нынѣ земель въ будущемъ выразился бъ въ 160,000,000

---

[1]) Тамъ же, стр. 439—440.

[2]) Тамъ же, на стр. 440—442.

[3]) О нихъ см. тамъ же, стр. 442; подробная классификація обѣихъ послѣдназванныхъ категорій земель помѣщена тамъ же, на стр. 443—444.

[4]) На стр. 446—450.

[5]) Канкоку-синцири, 135—6.

енъ. Если считать изъ этой вновь разрабатываемой площади въ 1,400,000 цiō по 2 тан въ среднемъ на одного человѣка, то вся площадь легко можетъ прокормить 7,000,000 человѣкъ населенія[1].

Если ранѣе даже японскія свѣдѣнія относительно количества необработанныхъ земель въ Кореѣ оставались неполными и неточными, то въ настоящее время этотъ пробѣлъ въ существующей литературѣ уже восполненъ авторомъ новѣйшаго труда Цiōсен-сангiōси, который на основаніи всѣхъ доступныхъ, частью оффиціальныхъ японскихъ данныхъ по этому предмету, сдѣлалъ окончательный подсчетъ всѣхъ необрабатываемыхъ земель въ разныхъ частяхъ полуострова, расположивъ полученныя цифры въ особыхъ таблицахъ для каждой отдѣльной провинціи[2], съ указаніемъ распредѣленія различныхъ категорій этихъ земель[3] по различнымъ районахъ данной провинціи и съ описаніемъ наиболѣе важныхъ изъ этихъ необрабатываемыхъ площадей[4]; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ излагаются для каждой провинціи способы и условія возможнаго использованія всѣхъ или нѣкоторыхъ категорій указанныхъ необрабатываемыхъ земель[5]. Настоящія данныя заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ по нимъ возможно судить о

---

[1]) Мнѣніе этого японскаго автора или аналогичное ему имѣетъ въ виду г. Аркадій-Петровъ, «Какъ защищаютъ свои интересы Россія и Англія», стр. 28, съ той лишь разницею, что изъ 15% отъ общей площади страны, падающихъ на долю земель уже обрабатываемыхъ (8%) или только пригодныхъ для обработки (7%), эта послѣдняя категорія земель, какъ заявляетъ о томъ г. Аркадій-Петровъ или источникъ, откуда онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія, можетъ быть приспособлена къ обработкѣ только по затратѣ огромнаго труда и тогда дѣйствительно способна давать общій доходъ въ указанной выше суммѣ 160 милліоновъ енъ.

[2]) Цiōсен-сангiōси, I, стр. 228-229 (для Кѣнъгыйдо); 235-236-7 (для обѣихъ Чхюнъчхѣнъдо); 240-241 (для Канъуѣндо); 244-246 (для обѣихъ Хамгѣнъдо); 249-250 (для обѣихъ Пхѣнъандо); 258-9 (для Хоанъхѣдо); 265-267 (для обѣихъ Кѣнъсянъдо); 275-276 (для обѣихъ Чѣлладо).

[3]) Долинныхъ, прирѣчныхъ, приморскихъ, прирѣчныхъ песчаныхъ, болотистыхъ, приморскихъ отмелей, гористыхъ.

[4]) Тамъ же, стр. 230-235 (въ Кѣнъгыйдо); 237-239 и 240 (въ обѣихъ Чхюнъчхѣнъдо); 241-243 (въ Канъуѣндо); 246-8 (въ обѣихъ Хамгѣнъдо); 250-257 (въ обѣихъ Пхѣнъандо); 259—265 (въ Хоанъхѣдо); 267-274 (въ обѣихъ Кѣнъсянъдо); 276-279 (въ обѣихъ Чѣлладо).

[5]) Тамъ же, стр. 233-5 (въ Кѣнъгыйдо); 239 (въ обѣихъ Чхюнъчхѣнъдо); 243 (въ Канъуѣндо); 248-9 (въ обѣихъ Хамгѣнъдо); 257—8 (въ обѣихъ Пхѣнъандо); 265 (въ Хоанъхѣдо); 274-5 (въ обѣихъ Кѣнъсянъдо); 279 (въ обѣихъ Чѣлладо; въ послѣднемъ случаѣ дается лишь ссылка на условія использованія аналогичныхъ земель и на ихъ будущую роль въ провинціяхъ Кѣнъсянъдо).

будущемъ развитіи земледѣльческой промышленности въ Кореѣ, составляющемъ предметъ особыхъ заботъ японскаго правительства, почему эти данныя приводятся въ нижеслѣдующей сводной таблицѣ, составленной авторомъ предлагаемаго «Очерка» съ помощью разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ указаннаго труда отдѣльныхъ таблицъ (см. рядомъ на стр. 431).

Не только при исчисленіи площади пустующихъ земель въ Кореѣ японскіе авторы не располагали раньше достаточно точными свѣдѣніями, но даже и при исчисленіи земледѣльческой, т. е. обрабатываемой площади Кореи, они оказывались вынуждены, за отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ, которыя позволяли бъ точно судить о размѣрахъ этой площади, довольствоваться лишь болѣе или менѣе правдоподобными данными, какъ заявлялъ еще въ 1907 г. составитель Канкоку-сōран[1]. Ниже приводятся нѣкоторые изъ болѣе раннихъ японскихъ подсчетовъ величины обрабатываемой площади Кореи для сравненія ихъ съ новѣйшими оффиціальными и частными данными, собранными за послѣдніе годы стараніями японскихъ спеціалистовъ на службѣ у корейскаго правительства.

По даннымъ сочиненія Юктчёнтчіорѣ 六典條例, изданнаго въ 1866 г. при старомъ корейскомъ правительствѣ, всѣхъ обрабатываемыхъ земель въ Кореѣ числилось 2,905,931 кёль[2], въ переводѣ на японскія мѣры 2,465,000 цiō[3]. Тотъ же общій итогъ въ 2,905,931 кёль былъ выведенъ и въ японскомъ сочиненіи Цiōсен-кокин-кейсей-сōран 朝鮮古今形勢總覽, при чемъ по отдѣльнымъ провинціямъ площадь обработанныхъ земель показывалась въ слѣдующихъ цифрахъ[4]:

Кёнъгыйдо	223,824 кёль	Чёлладо	679,486 кёль.
Хамгёнъдо	235,492 «	Чхюнъчхёнъдо	506,117 «
Канъуёндо	81,852 «	Хоанъхäдо	264,746 «

[1]) Стр. 425—6.

[2]) Канкоку-сōран, 426, гдѣ помѣщена таблица распредѣленія этой площади между различными категоріями обработанныхъ земель. Канкоку-цири, 73, указываетъ изъ того же источника нѣсколько большій итогъ въ 2,910,000 кёль.

[3]) Канкоку-сōран, 726; въ данномъ случаѣ 1 кёль принимается равнымъ менѣе 9 японскихъ тан, хотя въ самомъ текстѣ отмѣчается, что 1 кёль соотвѣтствуетъ 1 цiō 7 тан. Канкоку-цири, 73—4, принимая 1 кёль равнымъ 9 тан 28 цубо, получаетъ въ японскихъ мѣрахъ означенную площадь, указываемую Юктчёнтчіорѣ, равной 2,600,000 цiō слишкомъ.

[4]) Канкоку-сōран, 246—7.

Названіе провинцій.	Общая площадь въ кв. ри.			Общая площадь необрабатываемыхъ земель въ цiо̄.			На 1 кв. ри приходится необрабатываемыхъ земель (въ цiо̂).		% отношеніе необрабатываем. земель ко всей площади.
	На материкѣ.	На островахъ.	Всего.	На материкѣ.	На островахъ.	Всего.			
Кёнъгыйдо	780,84	15,63	797,47	95,502	2,833	98,334[1]	Матер.	122,31	7,86
							Остр.	181,19	11,65
Юж. Чхюнъчхёнъдо	—	—	526,70	—	—	51,581		97,44	6,29
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо	—	—	473,98	—	—	15,322		32,31	2,07
Канъуёндо	—	—	1,692,47	—	—	58,991		24,85	2,24
Юж. Хамгёндо	1,671,00	0,97	1,671,97	85,804	913	86,717	Матер.	51,75	3,30
							Остр.	942,16	60,00
Сѣв. Хамгёнъдо	1,760,00	0,46	1,760,46	123,641	361	124,002	Матер.	70,25	4,52
							Остр.	786,19	50,00
Юж. Пхёнъандо Сѣв. Пхёнъандо	—	—	2,997,01	—	—	116,471		38,52	2,59
Хоанъхäдо	—	—	1,033,06[1]	—	—	67,772		65,65	4,22
Юж. Кёнъсянъдо	—	—	785,00	—	—	111,427		141,90	9,13
Сѣв. Кёнъсянъдо	—	—	1,103,40	—	—	83,698		75,90	4,88
Юж. Чёлладо	—	—	671,70	—	—	106,200		158,10	10,17
Сѣв. Чёлладо	—	—	525,80	—	—	68,027		129,30	8,32
Итого			14,039,02			981,537			

[1]) Въ это число не включены приморскія отмели.

Кёнъсянъдо 674,944 кёль Пхёнъандо 239,470 кёль.

Согласно сводной таблицѣ корейскаго поземельнаго налога на 1894 г.[1], считалось всѣхъ обложенныхъ налогомъ кёль въ 13 провинціяхъ 990,000, въ переводѣ на японскія мѣры 899,000 ціō; согласно таковой же таблицѣ на 1904 г.[2], всѣхъ кёль считалось въ Кореѣ уже 1,004,066, въ переводѣ на японскія мѣры (1 кёль=1 ціō 8 тан) 1,700,000 ціō слишкомъ. Самъ составитель Канкоку-сōран между этими подсчетами—максимальнымъ въ 2,400,000 ціō и минимальнымъ въ 1,700,000 ціō признавалъ за наиболѣе вѣроятную величину земледѣльческой площади Кореи отъ 1,800,000 до 2,000,000 ціō[3] и въ этомъ оказался достаточно близокъ къ истинѣ, если принять недавнія оффиціальныя цифры. Къ той же цифрѣ въ 1,800,000 ціō земледѣльческой площади Кореи пришелъ японскій авторъ, цитируемый въ Канкоку-синцири[4], исходя изъ того соображенія, что въ среднемъ на одного корейскаго земледѣльца приходится не болѣе 1 тан 5 се земли, что дѣлаетъ и общую площадь, обрабатываемой земли, считая все населеніе Кореи въ цифрѣ 12,000,000, равной 1,800,000 ціō или 8,5% отъ всей площади страны въ 21,413,000 ціō, по сравненію съ отношеніемъ въ 13% для японской чистой земледѣльческой площади. Эту цифру въ 1,800,000 ціō тотъ же авторъ предпочиталъ другому подсчету, принимавшему, при равенствѣ одного корейскаго кёль японскимъ 1 ціō 7 тан, наличность въ Кореѣ 594,802 ціō рисовыхъ и 773,522 ціō суходольныхъ полей или всего 1,368,324 ціō.

---

[1]) Канкоку-цири, 74, при чемъ самъ авторъ отказывается, конечно, вѣрить этимъ цифрамъ (здѣсь 1 кёль принятъ также равнымъ 9 тан 28 цубо).

[2]) Канкоку-сōран, 427—428. По отдѣльнымъ 13 провинціямъ цифры кёль были слѣдующія:

Кёнъгыйдо	68,928	Сѣверная Пхёнъандо	45,130
Южная Чхюнъчхёнъдо	46,465	Южная Пхёнъандо	66,279
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	89,188	Сѣверная Кёнъсянъдо	122,352
Сѣверная Чёлладо	102,596	Южная Кёнъсянъдо	97,276
Южная Чёлладо	147,342	Сѣверная Хамгёнъдо	43,081
Хоанъхäдо	92,401	Южная Хамгёнъдо	68,141
Канъуёндо	22,181		

Ср. эту таблицу съ аналогичнымъ распредѣленіемъ количествъ облагаемыхъ кёль въ концѣ 1909 г., выше на стр. 388 (прим. 3 къ 387 стр.).

[3]) Канкоку-сōран, 429.

[4]) Стр. 135—6 (см. выше стр. 428).

Въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ расширеніемъ статистическаго обслѣдованія японцами Кореи, были собраны, въ результатѣ изысканій на мѣстахъ, новыя данныя относительно количества обработанныхъ земель въ Кореѣ. Данныя эти помѣщались въ различныхъ оффиціальныхъ и частныхъ изданіяхъ, при чемъ цифры послѣднихъ изданій оказываются выше оффиціальныхъ подсчетовъ. Наиболѣе подробными и детально разработанными являются данныя, приведенныя въ Канкоку-іōран и повторенныя въ новомъ изданіи этого сочиненія—Цiōсен-іōран[1]; однако, по сравненію съ двумя позднѣйшими оффиціальными подсчетами, приводимыми ниже, эти данныя обнаруживаютъ превышеніе отъ 500,000 до 1 милліона цiō, выражаясь въ общемъ итогѣ въ 2,873,113 цiō 5 тан 4 се. Возможно, что этотъ частный подсчетъ включаетъ земли, отнесенныя оффиціально въ разрядъ необработанныхъ, или же при переводѣ съ корейскихъ кёль на япōнскія мѣры принимаетъ болѣе крупную величину корейской земельной единицы въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія получались разспроснымъ путемъ.

По отдѣльнымъ провинціямъ цифры Канкоку-іōран[2] являются въ такомъ видѣ:

Изъ всей площади суши на материкѣ соединенныхъ провинцій Кёнъсянъдо, измѣряемой въ 1888 кв. ри слишкомъ, на долю горъ приходится 80%. Общая площадь обработанной земли—рисовыхъ и суходольныхъ полей, взятыхъ вмѣстѣ, по приблизительному подсчету, достигаетъ здѣсь 461,000 цiō 5 тан или въ среднемъ на каждую квадратную ри всей площади приходится 244 цiō 1 тан полей, что составляетъ около 16% (точно 15,69) отъ общей площади[3]. Это количество обработанной земли соотвѣтствуетъ приблизительно общей площади ея во всемъ округѣ Санъiōдō и трехъ провинціяхъ изъ округа Санъиндō—Идзумо, Хōки и Ивами въ Японіи, взятыхъ вмѣстѣ. Въ Южной Кёнъсянъдо обработанная площадь меньше на 50,000 цiō, зато % отношеніе ея къ общей площади выше, чѣмъ въ Сѣверной Кёнъсянъдо[4]. Отъ всей обработанной площади обѣихъ провинцій Кёнъсянъдо—Сѣвер-

[1]) Канкоку-іōран, стр. 35—38 (Цiōсен-іōран, стр. 40—44).

[2]) Аналогичныя данныя, но болѣе полныя, приводятся въ Цiōсен-сангiōси, I, 189—227, откуда и были внесены въ настоящій текстъ нѣкоторыя дополненія и исправленія, сравнительно съ цифрами Канкоку-іōран.

[3]) Обработанная площадь въ провинціи Сѣверной Кёнъсянъдо измѣряется въ 255,395 цiō, въ Южной—въ 205,605 цiō.

[4]) Это процентное отношеніе въ Южной Кёнъсянъдо выражается 16,84% (по 261,9 цiō на 1 кв. ри), въ Сѣверной—14,88% (по 231,5 цiō на 1 кв. ри).

ной и Южной, рисовыя поля, имѣющія общую площадь въ 329,767 цiō 4 тан[1], составляютъ 71,6%, при чемъ 4/10 всего количества ихъ находится въ Южной Кёнъсянъдо, а 6/10—въ Сѣверной. На долю суходольныхъ полей приходится 131,233 цiō 1 тан[2] или 28,3% отъ всей обработанной площади или не болѣе 1/3 всей площади рисовыхъ полей[3]. Въ Южной Кёнъсянъдо, по сравненію съ Сѣверной Кёнъсянъдо, суходольныхъ полей на 20% больше[4]. Площадь Сѣверной Кёнъсянъдо на материкѣ измѣряется въ 1,103,4 кв. ри, Южной Кёнъсянъдо—въ 785 кв. ри[5]. Общая площадь острововъ, принадлежащихъ обѣимъ провинціямъ Кёнъсянъдо, достигаетъ 51,19 кв. ри, въ томъ числѣ обрабатываются 11,178 цiō или 22,07% всей площади[6].

Въ провинціи Чёлладо въ части ея, смежной съ провинціей Кёнъсянъдо, высокія горы и узкія долины соединяются съ обширными равнинами; въ юго-западной части провинціи, выходящей на Желтое море, хотя холмовъ много, но долины широки и не мало ровной земли, какъ, напримѣръ, равнина Чёнчжю въ Сѣверой Чёлладо и равнина Начжю въ Южной Чёлладо. Провинція Чёлладо, занимающая южный уголъ Кореи и подверженная дѣйствію Куросиво, имѣетъ очень теплый климатъ и пригодна для разведенія всевозможныхъ земледѣльческихъ произведеній. Общая площадь обѣихъ провинцій на материкѣ 1197,5 кв. ри, изъ коихъ на Сѣверную Чёлладо приходится 525,8 кв. ри, а на долю Южной—671,7 кв. ри. Общая площадь обработанной земли измѣряется приблизительно въ 382,258 цiō 4 тан, въ томъ числѣ въ Сѣверной Чёлладо 146,496 цiō 5 тан и въ Южной—235,761 цiō 9 тан[7]; слѣдовательно, на долю Южной Чёлладо приходится 61,7% всей обработанной площади въ обѣихъ провинціяхъ. Площадь рисовыхъ полей составляетъ 303,080 цiō 5 тан, или почти 80% отъ общей обработанной площади[8]; суходольныхъ полей имѣется всего 79,177 цiō 9 тан[9]. Однимъ словомъ, обработанная площадь составляетъ болѣе 20%

---

[1]) Общая площадь рисовыхъ полей въ Южной Кёнъсянъдо 133.799 цiô, въ Сѣверной—195.968 цiô, что составляетъ 10,96% и 11,42% ко всей площади каждой изъ нихъ и 29,02 и 42,59% ко всей обрабатываемой площади обѣихъ провинцій.

[2]) Въ Сѣверной Кёнъсянъдо суходольныя поля составляютъ 59,426 цiô или 3,46% отъ всей площади ея (по 53,90 цiô на 1 кв. ри) и 12,89% отъ всей обработанной площади соединенныхъ провинцій; въ Южной—71,806 цiô, или 5,88% отъ всей площади (91,5 цiô на 1 кв. ри) и 15.47 отъ всей обработанной площади.

[3]) Въ текстѣ Канкоку-iôран ошибочно: 1/4.

[4]) Въ текстѣ Канкоку-iôран ошибочно: 55%.

[5]) Канкоку-iôран, 35.

[6]) Цiôсен-сангiôси, I, 223.

[7]) Процентное отношеніе обработанной земли ко всей площади каждой провинціи составляетъ въ Южной Чёлладо 22,57% (350 цiô на 1 кв. ри) и въ Сѣверной 17,92 (278 цiô на 1 кв. ри).

[8]) Въ Южной Чёлладо рисовыхъ полей 184,016 цiô или 17,61% отъ всей площади ея и 48,13% отъ всей обработанной площади обѣихъ провинцій; въ Сѣверной Чёлладо—рисовыхъ полей 119,064 цiô или 14,56% отъ всей площади ея и 31,14% отъ всей обрабатываемой площади обѣихъ провинцій.

[9]) Въ Южной Чёлладо суходольныхъ полей 51,746 цiô, въ Сѣверной—17,431

всей площади обѣихъ провинцій.

Общая площадь принадлежащихъ обѣимъ Чёлладо острововъ достигаетъ 157,82 кв. ри, изъ нихъ 24,035 цiō обрабатываются.

Общая обрабатываемая площадь обѣихъ Чёлладо соотвѣтствуетъ приблизительно той же площади въ японскомъ округѣ Хокурикудō, безъ провинціи Етцю̄, въ частности Южная Чёлладо близко подходитъ въ этомъ отношеніи къ провинціи Ециго въ указанномъ округѣ, а Сѣверная Чёлладо—къ тремъ провинціямъ Санъiōдō взятымъ вмѣстѣ—Бидзенъ, Битцю̄ и Бинго[1].

Общая площадь провинціи Кёнъгыйдо 580,84 кв. ри, общая обработанная площадь—220,533 цiō или на одну кв. ри 282,43 цiō, что составляетъ % отношеніе къ общей площади въ 18,16%. Обработанная площадь распадается на рисовыя поля, площадью въ 147,038 цiō или 188,31 цiō на 1 кв. ри или 12,11% къ общей площади и 62,63% къ общей обработанной площади, и суходольныя поля площадью въ 73,495 цiō, или 94,12 цiō на одну кв. ри, что составляетъ 6,05% къ общей площади и 37,37% къ общей обработанной площади. На островахъ, и ичисляемыхъ къ провинціи Кёнъгыйдо и имѣющихъ общую площадь въ 15,63 кв. ри, вся обработанная площадь достигаетъ 7,367 цiō, что составляетъ 471,34 цiō на 1 кв. ри всей площади указанныхъ острововъ и 30,30% отъ нея; указанное количество обработанной площади острововъ раздѣляется на 4,782 цiō рисовыхъ полей и 2,585 цiō суходольныхъ полей; первыя даютъ 305 цiō на 1 кв. ри всей площади или 19,67% отъ нея и 66,67% отъ всей обработанной площади; вторыя—165,39 цiō на кв. ри всей площади или 10,63% отъ нея и 33,32% отъ всей обработанной площади[2].

Отношеніе обрабатываемой площади ко всей площади въ провинціи Кёнъгыйдо походитъ на такое же отношеніе въ провинціяхъ Вакаса, Ецидзен, Етцю̄, Кага и Ното, при чемъ равнина вдоль теченія р. Ханганъ въ западной части провинціи Кёнъгыйдо можно сравнивать съ равниною Фукуяма, а равнину Ансёнъ въ южной части провинціи—съ равниною Фукуи. Тоже % отношеніе рисовыхъ полей къ суходольнымъ, почти вдвое превышая эти послѣднія, наблюдается въ Кага[3].

Чхюнъчхёнъдо.

	Южная Чхюнъчхёнъдо.	Сѣверная Чхюнъчхёнъдо.	
Общая площадь	526,70 кв. ри	473,98 кв. ри.	
Общая обработанная площадь	178,348 цiō	87,130 цiō	Въ среднемъ для обѣихъ провинцій:
На одну кв. ри приходится обработанной площади	338,61 цiō	183,82 цiō	265,29 цiō

цiō, что составляетъ для Южной Чёлладо процентное отношеніе ко всей площади ея въ 4,95 и ко всей обрабатываемой площади обѣихъ провинцій 13,53% и для Сѣверной—3,36 и 7,02%.

[1]) Цiōсен-сангiōси, I, 226.

[2]) Цiōсен-сангiōси, I, 198—199.

[3]) Тамъ же, 199.

			Итого
Общая площадь рисовыхъ полей	124,851 ціō	59,847 ціō	184,698 ціō.
Общая площадь суходольныхъ полей	53,497 ціō	27,283 ціō	80,780 ціō.

Въ западной части объединенной провинціи Чхюнъчхёнъдо, сравнительно съ восточной, % отношеніе обработанной земли ко всей площади выше (338,61 ціō на 1 кв. ри, или 21,77% отъ всей площади противъ 183,82 ціō и 11,81%). Что касается отношенія количества рисовыхъ и суходольныхъ полей ко всей площади и между собою, то въ Южной Чхюнъчхёнъдо количество рисовыхъ полей на 1 кв. ри составляетъ 237,08 ціō, т. е. 15,24% отъ всей площади и 70% отъ всей обрабатываемой площади этой провинціи, а аналогичныя цифры для Сѣверной Чхюнъчхёнъдо будутъ 126,26 ціō, т. е. 8,11% отъ всей площади и 68,68% отъ всей обработанной площади этой провинціи; съ другой стороны суходольныя поля даютъ въ Южной Чхюнъчхёнъдо 101,58 ціō на 1 кв. ри или 6,53% отъ всей площади и 30% отъ всей обрабатываемой площади, въ Южной Чхюнъчхёнъдо — 57,56 ціō или 3,70% и 31,32%[1].

Въ провинціяхъ Чхюнъчхёнъдо, взятыхъ вмѣстѣ, процентное отношеніе обработанной площади ко всей площади ихъ весьма близко къ отношенію обработанной площади къ общей площади въ четырехъ провинціяхъ въ самой Японіи—Идзумо, Ивами, Бидзен и Аки.

Канъуёндо.

Общая площадь 1692,47 кв. ри.

Обработанная площадь 214,458 ціō, т. е. 126,72 ціō на 1 кв. ри или 8,15% отъ общей площади, наименьшее процентное отношеніе обработанной площади ко всей площади изъ всѣхъ корейскихъ провинцій.

Рисовыхъ полей 42,712 ціō, т. е. 25,24 ціō на 1 кв. ри или 1,62% отъ всей площади и 19,91% отъ всей обрабатываемой площади.

Суходольныхъ полей 171,745 ціō, т. е. 101,48 ціō на 1 кв. ри или 6,53% отъ всей площади и 80,09% отъ всей обрабатываемой площади.

Пхёнъандо, Сѣверная и Южная.

Общая обработанная площадь 516,019 ціō 3 тан 3 се, или 331 кв. ри, что составляетъ 11,1% отъ общей площади соединенныхъ провинцій—Сѣверной и Южной, въ 2,997 кв. ри (172,11 ціō на 1 кв. ри) и соотвѣтствуетъ % отношенію, существующему въ сѣверо-восточныхъ мѣстностяхъ Японіи. На долю рисовыхъ полей приходится 68,623 ціō 7 се, или 13,3% отъ всей обработанной площади; на долю суходольныхъ полей 447,396 ціō 2 тан 6 се или 86,7% отъ общей обработанной площади. Слѣдовательно, въ этой провинціи относительное количество суходольныхъ полей велико, рисовыхъ полей—мало, выражаясь, какъ 5,6 къ1[2].

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 205-6.
[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 215.

Хоанъхäдо.

Общая обработанная площадь составляетъ 286,301 цiō 8 тан 1 се или 184 кв. ри, т. е. 17,8% отъ всей площади провинціи (1033,06 кв. ри, по 277,15 цiō на 1 кв. ри). Рисовыя поля имѣютъ площадь въ 64,864 цiō 5 тан 1 се, т. е. 22,7% отъ общей обработанной площади, суходольныя поля—221,437 цiō 3 тан, или 77,3% отъ всей площади. Такимъ образомъ, отношеніе количества рисовыхъ полей къ суходольнымъ выражается какъ 1 къ 3,4, а по всей площади обработанныхъ земель провинція Хоанъхäдо въ общемъ близко подходитъ къ округу Санъиндō или Тōкайдō въ самой Японіи.

Хамгёнъдо.

Общая обработанная площадь 554,198 цiō, въ томъ числѣ рисовыхъ полей 48,859 цiō; суходольныхъ полей—506,038 цiō. Въ отдѣльности обработанная площадь въ провинціи Южной Хамгёнъдо измѣряется въ общей цифрѣ 325,466 цiō, что, при общей площади этой провинціи въ 1,671 кв. ри, даетъ 194,77 цiō на 1 кв. ри или 12,52% ко всей площади; въ провинціи Сѣверной Хамгёнъдо вся обработанная площадь достигаетъ 229,431 цiō, составляя 8,38% отъ всей площади въ 1,760 кв. ри, или 130,36 цiō на 1 кв. ри. Рисовыхъ полей въ Южной Хамгёнъдо 40,767 цiō, т. е. 24,40 цiō на 1 кв. ри всей площади ея (1,57%) и 7,34% отъ всей обработанной площади обѣихъ провинцій; въ Сѣверной Хамгёнъдо цифры совершенно иныя: 8,092 цiō, т. е. 4,6 цiō на 1 кв. ри всей площади (0,3%) и 1,45% отъ всей обрабатываемой площади. Суходольныхъ полей въ Южной Хамгёнъдо 284,698 цiō, по 170,38 цiō на 1 кв. ри всей площади ея (10,96%) и 51,3% отъ всей обрабатываемой площади обѣихъ провинцій; въ Сѣверной Хамгёнъдо всѣхъ суходольныхъ полей 221,339 цiō, по 135,76 цiō на 1 кв. ри; процентное отношеніе ко всей площади ея 8,09 и ко всей обрабатываемой площади—39,88%. Для соединенной провинціи Хамгёнъдо процентное отношеніе обработанной площади ко всей площади (10,92%) то же, что въ префектурѣ Ивате въ собственной Японіи и немногимъ уступаетъ такому же % отношенію въ префектурахъ Аомори и Акита.

По оффиціальнымъ даннымъ[1], общее количество обработанныхъ земель на корейскомъ полуостровѣ, по приблизительному подсчету, исчислялось раньше въ 1,806,327 (1,806,329) цiō или 4,515,822 (4,424,700) акровъ[2], необработанныхъ 1,200,000 цiō, или 3,000,000 акровъ, такъ что отношеніе между тѣми и дру-

---

[1]) Они были помѣщены въ Japan W. Chronicle отъ 15 Dec. 1910, стр. 1061 (изъ Seoul Press); цифры, заключенныя въ скобкахъ, взяты изъ Japan W. Chronicle, 4 May 1911, 776.

[2]) Изъ 1,806,335 цiô 953,067 цiô приходятся на долю рисовыхъ полей и 953,268 цiô—сухихъ полей («Россія», 19 нояб. 1910,2 изъ «Токiô Ници-ници-симбун», 1 сент. 1910). По другому разсчету, изъ 1.806,329 цiô 950,355 цiô рисовыхъ полей и 955,971 цiô прочей пахотной земли. J. W. Chronicle, 4 May 1911, 776.

гими является, какъ 3 къ 2. Въ добавленіе къ нимъ полуостровъ имѣетъ 16,000,000 цiо̄, или 40,000,000 акровъ лѣсовъ, холмовъ и горъ. Невоздѣланныя земли включаютъ равнины, пустоши, травянистыя земли, болотистыя пространства и береговыя земли, являясь обычно плодородными и не требуя большого труда, или расходовъ (обычно затраты не болѣе 7.50—12.5 енъ на акръ) для превращенія въ пахотную землю[1].

По отдѣльнымъ провинціямъ обработанныя и необработанныя земли распредѣляются по этому подсчету слѣдующимъ образомъ:

Провинціи:	Обрабатываемой земли.	Необрабатываемой, но пригодной для обработки.
	цiо̄.	цiо̄.
Кёнъгыйдо	132,378	144,980
Южная Чхюнъчхёндо	63,635	171,577
Сѣверная »	15,322	90,173
Южная Чёлладо	240,266	146,722
Сѣверная »	191,632	73,877
Южная Кёнъсянъдо	194,143	116,433
Сѣверная »	249,302	83,698
Канъуёндо	36,422	52,489
Южная Хамгёнъдо	77,770	85,804
Сѣверная »	42,896	123,642
Хоанъхäдо	162,827	118,352
Южная Пхёнъандо	127,005	86,500
Сѣверная »	76,334	110,505
	1,806,327	1,209,397

По отдѣльнымъ провинціямъ наибольшее количество обработанной земли, согласно этому подсчету, оказалось въ провинціяхъ Сѣверной Кёнъсянъдо 249,302 цiо̄ и Южной Чёлладо̄ 240,266 цiо̄; затѣмъ идутъ Южная Кёнъсянъдо 194,143 цiо̄ и Сѣверная Чёлладо 191,632 цiо̄, Южная Чхюнъчхёнъдо

[1]) Причинами, объясняющими существованіе на полуостровѣ столь значительнаго количества невоздѣланныхъ земель, являются, по оффиціальному объясненію: 1) сравнительная рѣдкость населенія; 2) недостатокъ денежныхъ средствъ среди корейскаго населенія для устройства орошенія или производства осушительныхъ работъ; 3) надобность въ такихъ земляхъ, съ которыхъ получается трава въ качествѣ горючаго матеріала. Большая часть корейскихъ невоздѣланныхъ земель принадлежитъ казнѣ.

—171,577 цiō, Хоанъхäдо и Кёнъгыйдо; наименьшее же количество обработанной земли было найдено въ Канъуёндо—36,422 цiō и Сѣверной Хамгёнъдо—43,896 цiō.

Вышеприведенный оффиціальный подсчетъ является, однако, не окончательнымъ, притомъ неполнымъ, если судить по таблицѣ распредѣленія обработанной площади по отдѣльнымъ корейскимъ провинціямъ, помѣщеннымъ въ только что изданномъ 30-мъ выпускѣ «Японскаго статистическаго ежегодника»[1].

Настоящія оффиціальныя данныя представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Названіе провинцій.	Рисовыхъ полей.	Суходольныхъ полей.	Подъ паромъ и огневыхъ полей.	Всего.
		Въ цiō.		
Кёнъгыйдо	83,509,3	60,770,5	2,677,7	146,957,5
С. Чхюнъхёнъдо	47,972,2	76,511,4	12,713,1	137,196,7
Ю. Чхюнъхёнъдо	75,565,0	28,805,3	1,344,8	105,715,1
С. Кёнъсянъдо	100,291,0	57,890,2	480,6	158,661,8
Ю. Кёнъсянъдо	84,073,4	40,914,2	750,7	125,738,3
С. Чёлладо	64,252,6	18,858,4	368,0	83,479,0
Ю. Чёлладо	118,435,5	160,508,6	1,489,8	280,433,9
Хоанъхäдо	67,160,1	151,667,2	10,994,1	229,821,4
Ю. Шхёнъандо	27,720,9	193,808,1	9,182,1	230,711,1
С. Шхёнъандо	36,868,6	231,284,5	77,164,2	345,317,3
Ю. Хамгёнъдо	20,596,7	101,470,0	95,348,5	217,415,2
С. Хамгёнъдо	4,611,7	49,632,0	10,733,4	64,977,1
Канъуёндо	50,040,1	94,342,1	31,467,8	175,850,0
	781,097,1	1,266,462,5	254,714,8	2,302,274,4

Эта величина обработанной площади составляетъ свыше 10% всей площади Кореи[2].

[1]) Нихон-тейкоку-тōкей-ненкан, № 30, 1911, стр. 950. Приводимая таблица помѣчена 31 декабря 1909 г., при чемъ цифры ея оказываются значительно выше (въ особенности въ отношеніи отдѣльныхъ провинцій) цифръ предыдущаго оффиціальнаго подсчета, но должны быть признаны, по сравненіи съ ними, болѣе точными, такъ какъ примѣчаніе къ этой таблицѣ содержитъ единственную оговорку, что для провинціи Кёнъгыйдо площадь рисовыхъ и прочихъ полей показана въ круглыхъ цифрахъ, за неокончаніемъ подсчета, и что въ цифрахъ для провинціи Сѣверной Хамгёнъдо недостаетъ еще не приведенныхъ въ извѣстность данныхъ площади рисовыхъ полей въ двухъ уѣздахъ и площади суходольныхъ полей въ четырехъ уѣздахъ.

[2]) По словамъ Х. Накамура, директора земледѣльческаго отдѣла управленія корейскаго генералъ-губернатора, общая площадь обрабатываемой земли въ Кореѣ

По этимъ новымъ даннымъ порядокъ размѣщенія провинцій по абсолютному количеству обработанной земли всѣхъ наименованій оказывается инымъ, чѣмъ указывалось выше: на первое мѣсто выдвигается провинція Сѣверная Пхёнъандо, далѣе идутъ провинціи Южная Чёлладо, Хоанъхäдо и Южная Пхёнъандо, а провинція Сѣверная Кёнъсянъдо занимаетъ лишь седьмое мѣсто послѣ провинціи Канъуёндо, гдѣ обработанной земли считается нынѣ въ пять разъ болѣе, чѣмъ по прежнимъ оффиціальнымъ даннымъ, оказывающимся въ данномъ случаѣ совершенно неполными и неточными. Въ одной только провинціи Сѣверной Хамгёнъдо по прежнему отмѣчается наименьшее количество обработанной земли, но цифры его не включаютъ всей дѣйствительно обработанной площади въ этой провинціи (см. выше).

На корейскія пустопорожнія земли, пригодныя для сельскохозяйственной культуры, исчисляемыя нынѣ оффиціально въ количествѣ 1,200,000 цiô, обратили въ недавніе годы вниманіе японцы, усиленно добиваясь распоряженія ими какъ для производства зерновыхъ хлѣбовъ, но также и растительнаго воска, бумажной тутовицы, прядильныхъ растеній, хлопка. Ихъ чрезмѣрно настойчивыя притязанія въ этомъ отношеніи вызвали въ іюлѣ 1904 г. энергичные протесты корейскаго населенія, какъ было указано выше. Впослѣдствіи, однако, опытъ подсказалъ японцамъ предпочтительность въ сельскохозяйственныхъ цѣляхъ корейскихъ обработанныхъ земель передъ необработанными, по причинамъ частью уже отмѣченнымъ и частью указываемымъ ниже.

Цѣны на землю. Цѣны на обработанныя земли въ Кореѣ, вообще не будучи высокими, благодаря не слишкомъ густому населенію и плодородной почвѣ, которая позволяетъ кормиться съ небольшого участка, вслѣдствіе чего всегда оставался избытокъ свободной для обработки земли, естественно, измѣняются въ зависимости отъ наличности удобствъ сообщенія, плодородія почвы и прочихъ экономическихъ условій, что

составляетъ около 10% всей площади полуострова или 2,200,000 цiô. въ томъ числѣ 850.000 цiô орошаемыхъ и 1,250,000 цiô суходольныхъ полей. Это значитъ, что корейская земледѣльческая семья имѣетъ въ среднемъ 9,4 тан земли. Japan W. Chronicle. 5 Jan. 1911,26.

не требуетъ себѣ объясненій[1]. Впрочемъ, по сообщенію другого японскаго автора, высота цѣнъ на землю въ Кореѣ главнымъ образомъ опредѣляется степенью обладаемыхъ ею удобствъ орошенія и численностью арендаторовъ, а качество земли, удобства сообщеній и прочія аналогичныя обстоятельства не вліяютъ на колебанія цѣнъ; поэтому отнюдь нельзя говорить, что земля, продаваемая въ Кореѣ по дешевой цѣнѣ, должна быть плохой и, наоборотъ, можетъ случиться, что земля, продаваемая по высокой цѣнѣ, не является сравнительно хорошей по качеству[2].

Колебанія цѣнъ земли на единицу мѣры, напримѣръ, турак, объясняются также и тѣмъ, что величина этой мѣры, какъ отмѣчалось выше, не является въ Кореѣ постоянной. Такимъ образомъ, въ одномъ мѣстѣ цѣна за 1 турак земли (равный $^1/_3$ японскаго тан) можетъ быть 15—16 енъ, въ другомъ только 3 или 5 енъ[3]. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, куда японцы еще не проникали, цѣны на землю между корейцами на 1 турак высшаго качества рисового поля обычно достигаютъ такого высокаго размѣра, какъ 15—20 енъ, но это лишь въ предѣлахъ самой небольшой общины, экономически совершенно неразвитой. По сосѣдству съ открытыми портами и тамъ, гдѣ живутъ японцы, цѣны колеблятся за 1 турак обычно отъ 6—7 енъ до 10 енъ, но бываютъ даже по 3—4 енъ[4]; однако, неизбѣжно случаются значительныя отступленія отъ этихъ цифръ, въ зависимости отъ ловкости или неумѣнья, выказанныхъ покупателемъ. Вообще можно сказать, что въ этомъ отношеніи въ Кореѣ не существуетъ никакой правильной организаціи и системы.

На основаніи данныхъ сдѣлокъ на землю между японцами

---

[1]) Канкоку-сіокуминсаку, 55.

[2]) Канкоку-сôран, 471.

[3]) Канкоку-сіокуминсаку, 54—55.

[4]) Изъ этого заявленія Канкоку-сіокуминсаку, 55, можно выводить заключеніе, что присутствіе японцевъ въ Кореѣ способствуетъ пониженію цѣнъ на землю, но съ подобнымъ утвержденіемъ при нормальныхъ условіяхъ трудно согласиться, такъ какъ дѣйствительные факты говорятъ иное, напримѣръ, слѣдующее замѣчаніе автора Канкоку-сôран: Послѣ установленія надъ Кореей японскаго протектората, цѣны на землю въ Кореѣ, благодаря притоку многочисленныхъ японскихъ земледѣльцевъ, покупавшихъ земли въ особенности вдоль линіи Сеуло-Фузанской ж. д., поднялись въ зависимости отъ спроса (Канкоку-сôран, 472; это писалось въ 1907 г., а Канкоку-сіокуминсаку было издано въ 1908 г.). См. еще ниже.

и корейцами колебанія цѣнъ на нее могутъ быть выражены въ среднихъ цифрахъ въ слѣдующей таблицѣ (за 1 туракъ[1]; всѣ цѣны въ японскихъ енахъ):

Рисовыя поля.

Высшаго качества:		Средняго качества:		Низшаго качества:	
за 1 турак	за 1 яп. тан	за 1 турак	за 1 яп. тан	за 1 турак	за 1 яп. тан
12.00-20.00	36.00-60.00	6.00-10.00	18.00-30.00	4.00-10.00	12.00-18.00

Суходольныя поля.

Высшаго качества:		Средняго качества:		Низшаго качества:	
за 1 турак	за 1 яп. тан	за 1 турак	за 1 яп. тан	за 1 турак	за 1 яп. тан.
2.00-6.00	6.00-13.00	1.00-2.00	4.00-80.00	3.00-60.00	4.00-80-00

Пустоши.

Высшаго качества:		Средняго качества:		Низшаго качества:	
за 1 турак	за 1 яп. тан	за 1 турак	за 1 яп. тан	за 1 турак	за яп. тан
0.80-1.00	2.40-3.00	60-80 сенъ	1.80-2.40	40 сенъ	1.20.

Для сравненія можно указать, что средняя стоимость земли въ Японіи достигаетъ на рисовыя поля, дающія одинъ урожай въ годъ, за 1 тан 140 енъ 83 сенъ[2].

Одно время совсѣмъ недавно цѣны на землю въ Кореѣ сильно упали, такъ что въ юго-западныхъ уѣздахъ полуострова— наиболѣе плодородныхъ, можно было пріобрѣсти 1 японскій тан за 10-14 енъ; это объяснялось обнищаніемъ населенія и главное страхомъ передъ ожидавшейся аннексіей Кореи, побуждавшей корейцевъ продавать свои земли за безцѣнокъ. При этомъ случаѣ японскія газеты рекомендовали японскимъ колонистамъ, обладавшимъ необходимыми денежными средствами, воспользоваться столь благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы

---

[1]) Канкоку-сіокуминсаку, 55—57. Въ дальнѣйшемъ въ томъ сочиненіи подробно разбираются цѣны на земли въ бассейнѣ трехъ рѣкъ южной Кореи—Ёнъсанганъ, Нанктонъганъ и Кымганъ, на основаніи личныхъ наблюденій автора и сообщеній свѣдущихъ лицъ. Цѣны на обрабатываемыя земли въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи показаны на сводной таблицѣ, помѣщенной въ Канкоку-іо̂ран, стр. 59—62 (Ціо̂сен-іо̂ран, 64—68) и Канкоку-со̂ран, 472—478, гдѣ дается таблица цѣнъ (заимствованная изъ Канкоку-но̂гіо̂-ціо̂са 韓國農業調查) на земли высшаго, средняго и низшаго качества въ семи изъ 8 прежнихъ корейскихъ провинцій (за исключеніемъ провинціи Кёнъсянъдо); цѣны показаны здѣсь за 1 японскій тан.

Существующія цѣны на земли—рисовыя и прочія поля, указываются на таблицѣ въ Ціо̂сен-сангіо̂си, I, стр. 385—387 (для мѣръ турак и ильгёнъ 日耕, т. е. площади земли, которую можно распахать въ теченіе одного дня однимъ рабочимъ и однимъ быкомъ; эта мѣра является также измѣнчивой величиною и употребляется для исчисленія площади суходольныхъ полей, напримѣръ, въ Кёнъгыйдо, Пхёнъандо и Хамгёнъдо; въ обѣихъ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо счетъ ведется для обѣихъ категорій полей только на турак. Тамъ же, 385).

[2]) Канкоку-со̂ран, 660.

скупать въ Кореѣ рисовыя и прочія поля и обрабатывать ихъ корейскимъ трудомъ[1], предостерегая ихъ въ то же время отъ покупки въ земледѣльческихъ цѣляхъ пустырей, которыя требуютъ для своей обработки массы труда, благодаря отсутствію орошенія и неумѣнью японцевъ должнымъ образомъ удобрять землю, съ каковыми недостатками успѣшно справляются корейцы, которымъ и слѣдуетъ предоставить разработку пустошей[2]. Однако, притокъ въ Корею переселенцевъ изъ Японіи привелъ къ тому, что цѣна на землю на полуостровѣ снова болѣе, чѣмъ удвоилась, такъ что нынѣ въ южныхъ провинціяхъ японцы платятъ за десятину, т. е. приблизительно 11 тан, 300-400 енъ[3]. По послѣднимъ извѣстіямъ, повышеніе цѣнъ на землю продолжается и нынѣ въ окрестностяхъ Чѣмульпхо цѣна на 1 тан рисоваго поля стоитъ отъ 40 до 120 енъ и остальныхъ полей до 60 енъ[4], а вокругъ Тагу рисовыя поля расцѣниваются нынѣ вмѣсто 120 енъ по 200 енъ[5] за 1 тан.

Продажа земли въ Кореѣ практикуется весьма часто, такъ какъ корейскіе поселяне, не отличаясь большой привязанностью къ одному мѣсту, не стараются беречь свою землю и при нуждѣ въ деньгахъ, ничуть не задумываясь, легко продаютъ свои участки. Поэтому въ Кореѣ можно встрѣтить очень немного лицъ, которые понынѣ сохранили земли, перешедшія къ нимъ отъ предковъ. Это же объясняетъ столь значительное оживленіе торговли землею въ этой странѣ[6].

V.

Характеръ землевладѣнія. Земледѣльческая площадь Кореи состоитъ по преимуществу изъ мелкихъ хозяйствъ; среднюю величину крестьянскаго земельнаго участка Лубенцовъ[7] для сѣверной части страны (собственно для одного округа Кёнъсёнъ) опредѣляетъ въ $^5/_6$ десятины на душу, или $4^5/_8$ десятины на семью

[1]) Харбинскій Вѣстникъ, № 1871, 11 іюня 1910, стр. 3.
[2]) Тамъ же и Japan W. Chronicle, 16 June 1910, 1049, цитирующая въ данномъ случаѣ слова нѣкоего авторитета по корейскимъ дѣламъ изъ газеты «Дзидзисимпо».
[3]) Харбинскій Вѣстникъ, № 2131, 4 мая 1911, 3.
[4]) Seoul Press, 21 Oct. 1911, 2.
[5]) Seoul Press, 21 Sept. 1911, 2.
[6]) Канкоку-сôран, 478—9.
[7]) Хамкенская и Пхіенанская провинціи Сѣверной Кореи. 220.

(дворъ); однако, баронъ Корфъ и Звегинцовъ[1] исчисляютъ этотъ средній земельный надѣлъ корейскаго населенія въ болѣе обширномъ (12 округовъ) районѣ сѣверной Кореи во многимъ меньшей цифрѣ: въ сельскихъ округахъ въ 0,59 десятины на 1 дворъ и 0,16 десятины на 1 взрослаго жителя и всего въ 0,07 десятины на одну душу населенія (считая абсолютное число жителей въ 8,6 на 1 дворъ) и въ городахъ въ 0,75 десятины на 1 дворъ. Правда, ихъ разсчетъ касался только количества оффиціально зарегистрованныхъ земель, значительно пріуменьшеннаго противъ дѣйствительности, притомъ, повидиму, только земель ежегодно запахиваемыхъ безъ нагорныхъ полей[2]. Все же трудно объяснить такую разницу между обоими приведенными подсчетами русскихъ авторовъ и потому надлежитъ признать цифры Лубенцова преувеличенными, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ средней нормы для всей Кореи. Дѣйствительно, если принять недавнія оффиціальныя цифры для всего земледѣльческаго населенія Кореи въ 2,200,000 семей и $9^1/_2$ милліоновъ душъ[3] и для всей площади обработанной земли въ странѣ въ 1,806,000 цію[4], то на долю одной корейской земледѣльческой семьи придется земли только 0,81 цію и одной души изъ ея состава только 0,182 цію, что въ переводѣ на русскія мѣры составляетъ 0,72 и 0,163 десятины[5]. Если даже принять болѣе высокую величину обработанной площади въ Кореи, какъ ее даетъ позднѣйшій оффиціальный подсчетъ «Японскаго статистическаго ежегодника» (см. выше, стр. 439) въ 2,302,274,4 цію, все-же на 2,211,137 семей, составляющихъ нынѣ, согласно тому же «Ежегоднику», цифру корейскаго земледѣльческаго на-

---

[1]) Военный обзоръ Сѣверной Кореи, стр. 83—84, съ таблицей на стр. 210.

[2]) На стр. 85—86 «Военнаго обзора Сѣверной Кореи» вся пахотная земля, приходящаяся на 1 семью въ различныхъ мѣстностяхъ сѣверной Кореи, опредѣляется отъ 2,1 до 3,8 десятинъ (съ нагорными полями все же меньше, чѣмъ цифра Лубенцова).

[3]) См. выше, стр. 378, прим. 1.

[4]) См. выше, стр. 438.

[5]) Японскій авторъ, цитируемый въ Канкоку-синцири, 135—6, считаетъ на одну душу всего населенія Кореи, которое опредѣляетъ въ 12,000,000 душъ, обработанной земли 1 тан 5 се, т. е. 0,135 десятины, что даетъ одинаковую съ вышеприведенными оффиціальными данными среднюю цифру количества земли на 1 душу исключительно земледѣльческаго населенія.

селенія, это дастъ немногимъ болѣе 1 цiō земли на каждую семью, т. е. опять таки не полныхъ одну десятину[1]. Такимъ образомъ цифры барона Корфа и Звегинцева весьма близки къ тѣмъ, которые могутъ быть выведены изъ оффиціальныхъ данныхъ существующей земельной статистики; если они и должны быть увеличены, то лишь потому, что относятся къ сѣверной Кореѣ, гдѣ земля менѣе плодородна и потому количество земли, необходимое для прокормленія населенія, должно быть большимъ. Во всякомъ случаѣ высокая цифра Лубенцова, хотя и ограниченная предѣлами одного округа, не оправдывается новѣйшими данными, за исключеніемъ нижеприводимой таблицы изъ сочиненія «Цiōсен-сангiōси». Въ Южной Кореѣ количество земли на одну душу населенія, несомнѣнно, меньше, чѣмъ въ сѣверной Кореѣ[2].

«Описаніе Кореи»[3], признавая даже величину обработанной земли въ $4^5/_8$ десятины на корейскую семью недостаточной, считало, что эта недостаточная величина земледѣльческихъ участковъ является лишней причиною, почему большинство

[1]) Ср. выше (стр. 439, прим. 2) среднюю величину обработанной земли на 1 корейскую земледѣльческую семью въ 9,1 тан, согласно заявленію г. Накамура.

[2]) Цiōсен-сангiōси, 335, приводитъ слѣдующую таблицу среднихъ количествъ обработанной земли, приходящихся на одну корейскую земледѣльческую семью:

Провинціи.	Рисовыхъ полей.		Прочихъ полей.		В с е г о.	
	цiō	цубо.	цiō	цубо.	цiō	цубо.
Кёнъгыйдо	0,95	—	1,14	—	2,09	—
Южная Чхюнъчхёнъдо .	1,12	18	0,73	28	1,86	16
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	0,68	15	0,74	15	1,43	—
Канъуёндо	0,68	23	1,12	15	1,81	08
Южная Хамгёнъдо . .	0,90	25	3,57	07	4,47	32
Сѣверная Хамгёнъдо .	0,07	06	6,53	07	7,13	13
Южная Пхёнъандо . .	0,71	03	2,63	20	3,34	23
Сѣверная Пхёнъандо .	1,01	27	3,12	10	4,14	07
Хоанъхäдо	0,79	00	3,36	02	4,15	02
Южная Кёнъсянъдо . .	1,09	00	0,93	10	2,02	10
Сѣверная Кёнъсянъдо .	1,31	08	1,28	15	2,59	23
Южная Чёлладо . . .	1,21	11	—	—	—	—
Сѣверная Чёлладо . .	1,46	20	—	—	—	—

Значеніе этой любопытной таблицы, впрочемъ, ограничивается примѣчаніемъ на 336 стр., что, начиная съ провинціи Южной Хамъгёнъдо, приведенныя цифры представляютъ собою средній выводъ для 2—3 мѣстностей. Этимъ обстоятельствомъ могутъ быть объяснены высокія цифры настоящей таблицы, которыя для провинціи Сѣверной Хамгёнъдо превышаютъ даже данныя Лубенцова. Однако, изъ этой таблицы явствуетъ то, что среднее количество земли, приходящееся на 1 семью населенія въ сѣверной Кореи, значительно выше такового же въ болѣе южныхъ частяхъ полуострова, какъ это уже указано выше.

[3]) II, 119.

корейскихъ земледѣльцевъ обрабатываетъ землю только для удовлетворенія собственныхъ потребностей; къ этому еще добавляется, что недостатокъ хорошихъ путей сообщенія затрудняетъ сбытъ возможнаго излишка. Съ первымъ заявленіемъ, однако, никакъ нельзя согласиться, такъ какъ причины малаго развитія предпріимчивости среди корейскаго сельскаго населенія заключались въ неблагопріятныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ, но никакъ не въ недостаткѣ земли, при наличности въ странѣ довольно значительнаго количества пустующихъ земель и высокой доходности обрабатываемой земли.

Среди корейскаго земледѣльческаго населенія различаются четыре разряда[1]:

I. Низшій разрядъ безземельныхъ батраковъ, работающихъ поденно или по условію[2], фактически прикрѣпленныхъ къ землѣ и столь же безправныхъ, какъ рабы, продолжающіе фактически существовать въ Кореѣ, хотя номинально рабство было отмѣнено здѣсь въ 1894 году[3].

II. Второй разрядъ земледѣльцевъ, также безземельныхъ, арендующихъ[4] земельные участки за опредѣленную плату (независимо отъ урожая, обычно въ размѣрѣ $^1/_3$ средняго урожая[5]) или за извѣстную долю урожая—половину, если самъ владѣлецъ уплачиваетъ половину поземельнаго налога, или одну треть, если уплата всего налога, стоимость сѣмянъ и расходъ по обработкѣ цѣликомъ ложится на арендатора[6].

[1]) Griffis. Corea, The Hermit nation, VII edit., 1904, 447.

[2]) Канкоку-сôран, стр. 646—7, указываетъ размѣръ и условія вознагражденія земледѣльческихъ рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи; ср. ниже.

[3]) Griffis, Korea, The Hermit nation, стр. 447.

[4]) При этомъ надлежитъ замѣтить, что въ Кореѣ долголѣтняя аренда практикуется крайне рѣдко и въ обычаѣ большей частью краткосрочная аренда. Канкоку-сôран, 462.

[5]) Объ этой формѣ арендnаго договора см. Канкоку-сôран, 463. Аренда за опредѣленную, заранѣе условленную плату широко практикуется въ отношеніи рисовыхъ полей; помимо того, этотъ же способъ аренды примѣняется на казенныхъ и императорскихъ земляхъ (говорится въ 1907 г.). Канкоку-сôран, 463.

[6]) Аренда за долю урожая является въ Кореѣ наиболѣе употребительной формою арендныхъ договоровъ, при чемъ когда владѣлецъ (изъ чи́сла крупныхъ собственниковъ) живетъ вдали отъ своихъ земель, онъ обычно въ видахъ удобства беретъ себѣ $^1/_3$ урожая, оставляя самому арендатору остальныя двѣ трети и возлагая вмѣстѣ съ тѣмъ на него всѣ денежныя обязательства въ отношеніи уплаты поземельнаго налога. Канкоку-ібран, 58.

Различные способы опредѣленія половинной доли урожая, причитающейся землевладѣльцу, указываются въ Канкоку-сôран, стр. 463—4, при чемъ отмѣчается,

Этотъ разрядъ земледѣльцевъ образуетъ главную массу корейскаго сельскаго населенія, такъ какъ свыше половины всей обрабатываемой земли въ Кореѣ обрабатывается именно арендаторами и т. н. корейскіе поселяне (нонъмин 農民) обычно состоятъ на положеніи такихъ арендаторовъ[1].

Доходъ корейскаго землевладѣльца отъ сдачи имъ земель въ аренду[2] достигалъ раньше отъ 10% до 17—18% на капиталъ или покупную стоимость земли, но за послѣдніе годы, благодаря повышенію цѣнъ на земледѣльческіе продукты, увеличился до 20 и болѣе %, въ нѣкоторые годы былъ еще выше (напримѣръ, въ 1902 г. въ районѣ уѣздовъ Тагу и Кёнъсан крупные землевладѣльцы имѣли доходъ, который составлялъ 30—40% на капиталъ)[3]. Столь высокій процентъ доходности отъ земли корейскаго землевладѣльца могъ бы показаться сомнительнымъ при существующихъ столь несовершенныхъ пріемахъ корейскаго сельскаго хозяйства, но причиной его является дешевизна земли[4].

Доходъ арендатора приблизительно выражается въ той же цифрѣ, какъ и доходъ землевладѣльца[5], и въ будущемъ, по мѣрѣ увеличенія урожая путемъ сельскохозяйственныхъ улуч-

---

что если арендаторъ или, наоборотъ, самъ землевладѣлецъ, беретъ себѣ всю солому, то лицо, получившее ее, и уплачиваетъ полностью поземельный налогъ. Въ случаѣ ущерба, причиненнаго пахотнымъ землямъ стихійными бѣдствіями, если онъ невеликъ, то ложится на арендатора, если же значителенъ, то расходы раскладываются между землевладѣльцемъ и арендаторомъ по соглашенію между ними. Канкоку-сôран, 464.

Въ дальнѣйшемъ, въ томъ же сочиненіи на стр. 464—469, приводятся данныя эксперта земледѣльческой опытной станціи корейскаго министерства земледѣлія, торговли и промышленности Камосита относительно существующаго въ разныхъ мѣстностяхъ Кореи порядка разсчета арендной платы между землевладѣльцемъ и арендаторомъ. Ср. аналогичныя данныя въ Цiôсен-сангiôси, I, 370—378 (общія для всей страны и частныя для отдѣльныхъ провинцій и различныхъ мѣстностей этихъ послѣднихъ).

[1]) Канкоку-сôран, 461. Въ этомъ же смыслѣ высказывается и Канкоку-iôран, 57: «Въ Кореѣ, хотя и можно иногда встрѣтить, но очень рѣдко селенія съ большимъ числомъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ-собственниковъ; обычно же они состоятъ изъ большаго числа мелкихъ арендаторовъ или даже исключительно изъ нихъ».

[2]) Этотъ доходъ опредѣляется съ 1 тан въ японскихъ мѣрахъ отъ 1 коку и 1 коку 2 то до 7 то неочищеннаго риса, въ зависимости отъ качества земли; см. Канкоку-сôран, 469 (см. ниже стр. 448 прим. 1).

[3]) Канкоку-сôран, 469—470.

[4]) Канкоку-сôран, 470.

[5]) Канкоку-сôран, 470—1.

шеній и повышенія цѣнъ на вывозимые за границу земледѣльческіе продукты, несомнѣнно, долженъ возрасти[1].

Дѣйствительные владѣльцы указанныхъ арендныхъ земель иногда живутъ въ своихъ имѣніяхъ, но большей частью проживаютъ вдали отъ нихъ. Это либо мѣстныя богатыя фамиліи, либо представители извѣстныхъ столичныхъ дворянскихъ родовъ. Для завѣдыванія ихъ землями они имѣютъ на мѣстахъ особыхъ управляющихъ[2].

---

[1]) Обычно съ 1 тан корейскаго рисоваго поля собирается неочищеннаго риса отъ 1 до 4 корейскихъ сём 石, при чемъ 4 сём соотвѣтствуютъ въ японскихъ мѣрахъ 2 коку 7 то 4 сіô 4 гô (1 корейскій сём равенъ японскимъ 6 то 7 сіô 6 гô); долю арендатора составляетъ половина этого количества—въ японскихъ мѣрахъ отъ 3 то 4 сіô 3 гô до 1 коку 3 то 7 сіô 2 гô, въ корейскихъ отъ 1/2 до 2 сём. По другому мнѣнію нѣкоего японца, много покупавшаго земли въ Кореѣ, при покупкѣ земли по рыночной цѣнѣ послѣдняго времени въ 40 енъ за 1 тан и при сдачѣ ея въ аренду, можно имѣть, послѣ уплаты поземельнаго налога и прочихъ расходовъ, въ среднемъ отъ 1 до 3 сём неочищеннаго риса, что, при цѣнѣ 1 сём этого продукта въ 2 енъ 50 сен. составляетъ отъ 6,2 % до 18,7 % на затраченный капиталъ (Канкоку-іồран, 470).

Среди отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній, служащихъ цѣлью арендныхъ договоровъ, наибольшее количество приходится на долю риса; затѣмъ идутъ большіе бобы, хлѣба категоріи мäк, итальянское просо; остальные хлѣба и бобовыя растенія фигурируютъ въ данномъ случаѣ въ крайне небольшомъ количествѣ. Среди указанныхъ произведеній рисъ является главнымъ на арендуемыхъ земляхъ въ провинціяхъ Сѣверной и Южной Чёлладо и Сѣверной и Южной Кёнъсянъдо и встрѣчается въ большомъ количествѣ въ Сѣверной и Южной Чхюнъчхёнъдо, Кёнъгыйдо и Хоанъхäдо; итальянское просо и прочіе хлѣба и бобовыя растенія разводятся въ изобиліи въ обѣихъ Пхёнъандо и Хамгёнъдо. Большіе бобы и хлѣба категоріи хлѣба мäк распространены всюду въ Кореѣ въ соотвѣтствующемъ количествѣ. Причиной столь рѣзкой разницы между сѣверомъ и югомъ Кореи въ отношеніи сельско-хозяйственныхъ произведеній является ничто иное, какъ то, что на югъ отъ Кёнъгыйдо страна вообще является менѣе гористой и изобилуетъ плодородными равнинами; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря большимъ удобствамъ орошенія, эта часть Кореи оказывается весьма пригодной для рисовой культуры; наоборотъ, сѣверъ Кореи повсюду заполненъ нагроможденіемъ горъ; поверхность страны сплошь весьма возвышенная и сухость значительна; водныя удобства недостаточны (Ціôсен-сангіôси, I, 378-9).

Въ дальнѣйшемъ то же сочиненіе на стр. 379—381 описываетъ условія сбыта арендаторами излишка сельскохозяйственныхъ произведеній и на особой таблицѣ перечисляетъ мѣста сбыта и категоріи сбываемыхъ произведеній этого рода въ различныхъ районахъ Кореи. Параллельно этому, на стр. 383—5 отмѣчаются предметы потребленія, помимо хлѣбныхъ продуктовъ, необходимые для арендаторовъ, и перечисляются мѣста, откуда ведется снабженіе ими въ различныхъ районахъ Кореи.

Наконецъ, тамъ же на стр. 365—369 выясняется размѣръ потребности арендаторовъ въ оборотномъ капиталѣ, необходимомъ для его земледѣльческаго хозяйства по отдѣльнымъ статьямъ расхода, а на стр. 381—383 указываются условія, въ частности размѣръ процентовъ и срокъ, на которыхъ онъ получаетъ необходимыя денежныя средства.

[2]) О нихъ см. Канкоку-сôран, 462.

III. Третій разрядъ земледѣльческаго населенія въ Кореѣ—мелкіе собственники, составляющіе около 3% общаго числа сельскаго населенія[1] и владѣющіе участками, оцѣниваемыми отъ 500 до 5000 долларовъ (серебряныхъ)[2].

IV. Высшій разрядъ—это крупные собственники, изъ которыхъ самый богатый имѣетъ земли общей цѣнностью въ 4—5 милліоновъ долларовъ съ ежегоднымъ доходомъ въ 250,000 долларовъ[3]. Немногочисленные сами по себѣ, они обладали при прежнемъ режимѣ огромнымъ вліяніемъ и, проживая въ Сеулѣ, являлись фактическими руководителями судебъ страны[4].

Система землепользованія. Несмотря на хорошія климатическія условія и въ общемъ плодородную почву[5], болѣе

[1]) Упомянутый Х. Накамура считаетъ, что 7/10 всей обрабатываемой земли въ Кореѣ принадлежитъ крупнымъ собственникамъ и только 3/10 мелкимъ, но самостоятельнымъ хозяевамъ, и признаетъ это обстоятельство весьма неблагопріятнымъ для развитія корейской сельскохозяйственной промышленности, такъ какъ земли, обрабатываемыя арендаторами, помимо личнаго надзора ихъ владѣльцевъ, живущихъ въ Сеулѣ и управляющихъ ими лишь съ помощью агентовъ, неизмѣнно бѣднѣютъ и лишаются своей производительной силы. Japan W. Chronicle, 5 January 1911,21.

[2]) Griffis, Corea, The Hermit nation. VII edit, 447. Въ этомъ разсчетѣ американскій авторъ опирается на то, что обработанная земля расцѣнивается въ Кореѣ по 10—60 долларовъ за акръ, т. е. за 0,409 цiô, а пустоши—по 1—5 долларовъ за акръ.

[3]) Griffis, Corea, VII edit, 1904, 447. Изъ т. н. крупныхъ корейскихъ поземельныхъ собственниковъ можно зачастую встрѣтить лицъ, владѣющихъ нѣсколькими сотнями и даже тысячами цiô земли. Канкоку-сôран. 462.

[4]) Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій безусловнаго господства янъбаней въ Кореѣ, эти дворяне единственнымъ своимъ состояніемъ считали землю, и доходы каждаго изъ нихъ составлялись изъ прибылей отъ земледѣльческихъ продуктовъ; поэтому они не только пользовались высокимъ служебнымъ положеніемъ и вліяніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ владѣли землею. Канкоку-сôран, 461—2. Тотъ фактъ, что большинство крупныхъ землевладѣльцевъ проживаетъ нынѣ въ Сеулѣ, объясняется г. Накамура тѣмъ, что прежде всѣ провинціальные чиновники были уроженцами Сеула, куда и возвращались послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ провинціи, при чемъ деньги, пріобрѣтенныя на этой службѣ правдою или неправдою, они вкладывали въ землю. Такимъ путемъ большая часть обработанныхъ земель въ Кореѣ перешла въ руки янъбаней. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства продажа или покупка земли, если бываетъ крупныхъ размѣровъ, совершается также большей частью въ Сеулѣ (со словъ доклада Х. Накамура, директора земледѣльческаго отдѣла управленія корейскаго генералъ-губернатора, сдѣланнаго въ Сеульскомъ экономическомъ обществѣ. Japan W. Chronicle, 5 Jan. 1911,26).

[5]) Болѣе плодородная почва встрѣчается главнымъ образомъ на скатахъ горъ, у подножья холмовъ и на мѣстѣ бывшихъ лѣсовъ и содержитъ въ себѣ массу крупныхъ и мелкихъ камней и древесныхъ корней, затрудняющихъ работу земледѣльца и побуждающихъ его примѣнять особые пріемы распашки. Описаніе Кореи, II, 129.

тяжелую, чѣмъ въ Японіи, но менѣе глинистую, чѣмъ въ этой странѣ (тѣмъ чаще встрѣчаются песчаныя пространства, образованныя наводненіями), земледѣльческая промышленность въ Кореѣ по нынѣ не вышла изъ стадіи довольно примитивныхъ по сравненію съ китайской или японской тщательностью пріемовъ обработки почвы[1], чѣмъ и вызываются всѣ порицанія по ея адресу со стороны японскихъ авторовъ, но все же стоитъ выше русскаго крестьянскаго земледѣльческаго труда.

Для характеристики японскихъ взглядовъ на этотъ предметъ заслуживаетъ вниманія слѣдующій отзывъ о корейской земледѣльческой промышленности:

«Японцевъ, пріѣзжающихъ для опыта въ Корею, здѣсь встрѣчаетъ совершенно такая же картина, какъ и на ихъ родинѣ—разбросанныя въ порядкѣ шахматной доски большія и малыя поля, съ зелеными и желтыми волнующимися нивами риса и прочихъ хлѣбовъ, въ долинахъ и равнинахъ среди разстилающихся всюду горъ. Однако, не только внѣшній видъ корейскихъ полей и виды земледѣльческихъ растеній на нихъ одинаковы съ японскими, но и въ отношеніи пріемовъ сельскаго хозяйства, примѣняемыхъ тѣмъ и другимъ народомъ, неизвѣстно, кто изъ двухъ позаимствовалъ ихъ у другого—корейцы у японцевъ или, наоборотъ, такъ какъ въ основѣ ихъ положенъ одинъ и тотъ же принципъ. Только корейцы полагаются единственно на силы природы и ничуть не помышляютъ объ улучшеніи существующихъ пріемовъ»[2].

Съ другой стороны, «разливы рѣкъ въ Кореѣ и обвалы плотинъ и т. д. предоставлены тамъ почти совершенно самимъ себѣ и къ упорядоченію ихъ не прилагается населеніемъ никакого труда, почему питаніе источниковъ и польза отъ орошенія утрачиваютъ стройное дѣйствіе; когда сухая погода затянется болѣе продолжительное время, земледѣльческія растенія засыхаютъ и урожай сокращается; напротивъ, при продолжительномъ дождѣ, рѣки разливаютъ свои мутныя воды и поля и сады подвергаются запустѣнію; поэтому богатая и скудная жатва различается по мѣсту. Помимо того, пріемы сельскаго хозяйства крайне

---

[1]) Корейскій земледѣлецъ обрабатываетъ двойное количество земли, нежели японскій, однако, доходъ его, по сравненію съ обрабатываемой площадью, составляетъ только $^3/_4$ японскаго съ такого же участка земли, давая въ результатѣ потерю на $^1/_4$; все же считаютъ, что, по сравненію съ японскимъ земледѣльцемъ, корейскій въ конечномъ результатѣ остается лишь на $^1/_3$ въ выигрышѣ, чему является причиною то, что онъ не обращаетъ вниманія на сорную траву на грядахъ. Канкоку-сôран, 429.

Въ недавніе годы, вмѣстѣ съ усиленнымъ притокомъ въ Корею японскихъ земледѣльческихъ колонистовъ, постепенно ими стали разрабатываться здѣсь земли по сосѣдству съ открытыми портами, и урожайность этихъ земель также обнаружила тенденцію къ относительному увеличенію, чему нельзя не радоваться въ интересахъ Кореи. Канкоку-сôран, 429—430.

[2]) Канкоку-сôран, 395.

несовершенны и, какъ упомянуто, совершенно отсутствуетъ всякое стремленіе къ улучшеніямъ[1]; стараются лишь съ помощью труда, насколько возможно, извлечь производительную силу почвы; поэтому производительная способность послѣдней сама собою уменьшается и въ результатѣ даваемый ею урожай становится сравнительно невеликъ, а качество земледѣльческихъ продуктовъ неизбѣжно ухудшается. Какъ не пожалѣть объ этомъ!»[2].

По характеру земледѣльческаго труда, кореецъ является скорѣе огородникомъ, чѣмъ земледѣльцемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, работая болѣе заступомъ и лопатою, чѣмъ плугомъ или сохою за недостаткомъ рабочаго скота[3]. Употребляемыя имъ орудія отличаются примитивностью, будучи сдѣланы изъ дерева, безъ оковки[4]. Особую роль играетъ тяжелый заступъ, которымъ дѣйствуютъ разомъ трое: одинъ становится ногою на лопату заступа, надавливая ее какъ можно глубже въ землю, двое другихъ тянутъ за веревки, привязанныя къ рукояткѣ, и такимъ образомъ перекапываются цѣлыя поля[5]. Этотъ же способъ примѣняется корейцами и въ Южно-уссурійскомъ краѣ въ собственномъ хозяйствѣ, или на работахъ по найму

[1]) На стр. 663—671 Канкоку-сôран перечисляются въ подробностяхъ недостатки корейской системы земледѣлія, на ряду съ желательными мѣрами ихъ устраненія: небрежность въ пользованіи землею и рабочимъ трудомъ; отсутствіе улучшеній въ отношеніи земледѣльческихъ орудій и удобреній; непринятіе мѣръ борьбы противъ вредныхъ насѣкомыхъ; отсутствіе (вѣрнѣе: недостатокъ) оросительныхъ и осушительныхъ устройствъ.

Сколь важнымъ представляется для Кореи улучшеніе пріемовъ сельскаго хозяйства, доказывается тѣмъ, что нынѣ въ Кореѣ одинъ тан рисоваго поля, при всей важности для страны этой культуры, даетъ лишь 1 коку риса, такъ что 700,000 цiô рисовыхъ полей даютъ въ общей сложности 7 милліоновъ коку; въ будущемъ, въ случаѣ улучшенія пріемовъ этой культуры, можно безъ труда ожидать, что это количество удвоится. Канкоку-сôран, 671.

Однако, возможно и противоположное, столь же крайнее мнѣніе, что земля въ Кореѣ уже весьма полнымъ образомъ воздѣлывается съ помощью пріемовъ, извлекающихъ изъ почвы все, что она въ состояніи произвести, почему лишь съ очень большими затратами на удобренія возможно увеличить ея производительность. Japan W. Chronicle, 26 Jan. 1911,117.

[2]) Канкоку-сôран, 394.

[3]) Когда кореецъ и пользуется рабочимъ скотомъ для распашки поля, онъ дѣлаетъ это небрежно, и вообще его пріемы обработки поля не могутъ сравниться съ японскими. Канкоку-сôран, 671; но въ особенности небрежны корейскіе пріемы ухода за посѣвами.

[4]) Корейскія земледѣльческія орудія являются настолько несовершенными, что пользованіе ими необходимо вызываетъ напрасную трату времени и труда. Обработка ими, хотя бы одного тан земли, требуетъ вдвое болѣе времени и труда и даже болѣе, чѣмъ въ Японіи. Канкоку-синцири, 134.

[5]) Рисунокъ этого заступа см. Канкоку-сôран, 620. Онъ называется карä по корейски 鍤 (у японскихъ авторовъ 鋤, но это по корейски хôм'ый мотыка).

у русскихъ хозяевъ. Только этимъ способомъ оказывается возможнымъ обработать каменистое, или съ множествомъ древесныхъ корней поле, взамѣнъ отчасти корчевки. Помимо тщательнаго удаленія съ поля камней, складываемыхъ либо на межѣ, либо на самомъ полѣ отдѣльными кучами, происходитъ уже послѣ всхода посѣвовъ самая тщательная полотьба сорныхъ травъ[1], но при этомъ обычнымъ удобреніемъ является лишь сушеная трава[2].

Преобладаніе рисовой культуры въ Кореѣ дѣлаетъ надлежащее снабженіе ихъ влагою главной заботою земледѣльца[3] и приводитъ къ нерѣдкимъ ссорамъ и дракамъ между владѣльцами полей, пользующимися водою изъ одного и того же источника. Помимо существующихъ рѣчныхъ теченій, ранѣе (нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ) въ Кореѣ существовали многочисленные оросительные пруды, нынѣ частью исчезнувшіе, частью

---

[1]) Описаніе Кореи, II, 121. Однако, по словамъ Канкоку-сôран, 671, зачастую можно наблюдать въ Кореѣ, что въ отношеніи наиболѣе важной рисовой культуры почти не практикуется полотьба сорныхъ травъ съ момента самого посѣва, что достаточно свидѣтельствуетъ о примитивности корейскихъ пріемовъ земледѣлія (ср. выше примѣчаніе къ 1 стр. 450). Въ другомъ мѣстѣ то же сочиненіе дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что полотьбы не производится на рисовыхъ поляхъ, расположенныхъ по берегамъ рѣки и моря и подверженныхъ зачастую наводненіямъ, обычно же она производится отъ 1 до 3 разъ, первый разъ съ помощью корейской хôм'ый (мотыки), въ слѣдующіе же разы отъ руки. Канкоку-сôран, 486. Полотьба поля суходольнаго риса производится при помощи хôм'ый, первый разъ черезъ 20—40 дней послѣ посѣва, второй разъ черезъ 15 дней, въ третій разъ путемъ пропашки между грядами сохою. Канкоку-сôран, 490.

[2]) Въ отношеніи удобреній кореецъ не слѣдуетъ вовсе примѣру японца, который, сообразно качеству почвы, употребляетъ и искусственное удобреніе; онъ лишь пользуется для этой цѣли въ очень небольшомъ количествѣ навозомъ. Имѣется даже много мѣстностей, гдѣ земледѣліе ведется, помимо употребленія какого бы то ни было удобренія. Канкоку-сôран, 669.

Однако, столь категорическое заявленіе допускаетъ много поправокъ, такъ какъ то же сочиненіе называетъ и другіе виды корейскихъ удобреній, которые и упоминаются ниже при описаніи отдѣльныхъ земледѣльческихъ культуръ въ Кореѣ. Равнымъ образомъ и Цiôсен-сангiôси въ первомъ томѣ, при описаніи пріемовъ культуры того или другого сельскохозяйственнаго растенія, неизмѣнно отмѣчаетъ и тѣ виды удобренія, которыя примѣняется корейцемъ въ данномъ случаѣ. Поэтому никакъ нельзя утверждать, что корейскій земледѣлецъ не употребляетъ вовсе удобреній, но можно лишь оспаривать достаточность по количеству или цѣлесообразность того или другого рода удобреній изъ числа примѣняемыхъ имъ или указывать на полное отсутствіе въ Кореѣ искусственныхъ удобреній.

[3]) Хотя количество атмосферныхъ осадковъ въ Кореѣ сравнительно невелико, но, при условіи устройства оросительныхъ бассейновъ и урегулированія существующихъ водныхъ теченій, не должно быть здѣсь недостатка въ количествѣ влаги, нужной для произрастанія риса.

пришедшіе въ негодность[1], и лишь немногіе изъ нихъ выполняютъ болѣе или менѣе удовлетворительно роль, къ которой предназначены. Такимъ образомъ если нельзя говорить, чтобы въ Кореѣ не существовало вовсе устройствъ по орошенію или осушенію полей, но, какія имѣются, весьма несовершенны и обслуживаютъ лишь часть полей, не будучи въ состояніи орошать большой площади ихъ. Въ южной Кореѣ имѣются мѣстности, гдѣ устроены для орошенія полей резервуары поверхностью отъ 1 цō до 1 цō 2—3 тан, но въ сѣверной Кореѣ такихъ устройствъ вовсе не существуетъ и во многихъ мѣстахъ орошеніе рисовыхъ полей зависитъ вообще только отъ атмосферныхъ осадковъ. Съ другой стороны осушительныя приспособленія, гдѣ таковыя имѣются, весьма несовершенны, почему имѣется много сырыхъ земель, изъ которыхъ можно было бъ сдѣлать суходольное поле[2].

Для подъема воды на болѣе высокій уровень (напримѣръ, съ нижняго поля на верхнее, или съ одного поля на другое черезъ промежуточный валикъ) употребляются большіе черпаки на козлахъ, приводимые въ движеніе нѣсколькими людьми; примѣняются также водочерпательныя колеса[3].

Даже при всемъ несовершенствѣ, если смотрѣть съ японской точки зрѣнія, пріемовъ и орудій обработки, значительный трудъ, вкладываемый корейскимъ земледѣльцемъ въ почву[4], обез-

---

[1]) См. выше стр. 395, примѣчаніе 1.

[2]) Канкоку-сōран, 483—4.

[3]) Рисунокъ небольшого черпака на козлахъ дается Канкоку-сōран, на стр. 642 (изъ уѣзда Асан провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо; на стр. 643 изображенъ одинъ черпакъ безъ козелъ изъ уѣзда Чёнчжю провинціи Сѣверной Чёлладо). Фотографію большого оросительнаго черпака см. альбомъ Нихон но Цiōсен, 94.

Корейскія водочерпательныя приспособленія, хотя подобно корейскому плугу и заступу, болѣе или менѣе удовлетворяютъ своему назначенію, т. к. были выработаны на основаніи указаній непосредственнаго опыта, тѣмъ не менѣе они являются нынѣ устарѣлыми и слишкомъ примитивными. Канкоку-сōран, 669.

[4]) Этому способствуетъ и дешевизна земледѣльческихъ рабочихъ въ Кореѣ (она объясняется не только низкимъ, сравнительно съ японскимъ, уровнемъ жизненныхъ потребностей, сравнительной же дешевизною необходимыхъ продуктовъ пропитанія, какъ-то риса, овощей, рыбныхъ и вообще морскихъ продуктовъ, скотскаго мяса и свинины, но и тѣмъ, что, благодаря незначительному развитію ремесленной промышленности, предложеніе рабочихъ рукъ весьма велико. Канкоку-сōран, 646; далѣе на стр. 646—7 указывается размѣръ заработныхъ платъ (поденныхъ, мѣсячныхъ и годовыхъ, на хозяйскихъ и собственныхъ харчахъ) для земледѣльческихъ рабочихъ въ Сёнъчхён (Южная Цхёнъандо), въ окрестностяхъ г. Цхёцъянъ, въ Коксан (Хоанъхадо), Кăсёнъ, Конъчжю (Чхюнъчхёнъдо),

печиваетъ весьма высокую урожайность культивируемыхъ растеній, которая для нѣкоторыхъ мѣстностей признается «Описаніемъ Кореи» по истинѣ замѣчательной. Для сѣверной части Кореи средній урожай опредѣляется Лубенцовымъ[1] и Вебелемъ[2], для чумизы самъ 100—120 (плохой самъ 30); кукурузы самъ 60—80 (плохой самъ 15); риса самъ 20—50 (плохой самъ 5,6). Во многихъ мѣстностяхъ средней и южной Кореи съ одного поля собирается по 2 жатвы хлѣбныхъ злаковъ, а въ сѣверныхъ частяхъ страны одну жатву ячменя и вторую бобовъ или гороха[3]. При этихъ условіяхъ даже ограниченные размѣры земельнаго участка при благопріятной лѣтней погодѣ позволяютъ прокормиться цѣлой корейской семьѣ[4], хотя съ другой стороны засухи и обратное явленіе—наводненія и, какъ результатъ этого, частичный или полный неурожай и голодъ нерѣдки въ Кореѣ, благодаря обнаженію горъ отъ лѣсного покрова, что объясняется неумѣреннымъ истребленіемъ лѣса не только въ долинахъ, но и по скатамъ горъ какъ въ качествѣ топлива или строительнаго матеріала, такъ и съ цѣлью

въ районѣ Кунсан и въ Коанъчжю (Южная Чёлладо). Изъ всѣхъ перечисленныхъ пунктовъ заработныя платы оказываются сравнительно высокими въ районѣ Кунсана (благодаря спросу на рабочія руки для перевозки товаровъ и др. отраслей труда въ указанной гавани и др. мѣстахъ этого района). Еще болѣе подробныя свѣдѣнія относительно размѣра вознагражденія земледѣльческихъ рабочихъ и условій найма ихъ (поденно и погодно; обычно примѣняется первый или второй срокъ найма, тогда какъ наемъ на мѣсячный срокъ практикуется рѣдко; существуютъ еще рабочіе, работающіе поурочно или пожизненно живущіе въ домѣ хозяина; наконецъ, практикуется между земледѣльцами и обмѣнъ трудомъ) приводятся въ Цiôсен-сангiôси, I, стр. 336—344, и примѣчаніе на стр. 344—345; свѣдѣнія здѣсь даются по отдѣльнымъ провинціямъ и въ каждой по отдѣльнымъ уѣздамъ съ различными поясненіями.

Въ отличіе отъ Канкоку-сôран, Цiôсен-сангiôси, I, 344—5, признаетъ размѣръ вознагражденія корейскихъ рабочихъ, если принять во вниманіе количество выполняемой ими работы и уровень жизненныхъ потребностей ихъ, сравнительно болѣе высокимъ, чѣмъ въ Японіи, предположительно объясняя это либо несклонностью корейцевъ къ этому виду труда, либо относительной малочисленностью рабочихъ. Размѣръ платы рабочимъ, при наймѣ ихъ японцами, обычно еще выше, такъ какъ въ этомъ случаѣ отъ нихъ требуется регулярный и упорный трудъ. Въ виду лѣности корейскаго рабочаго, японцамъ лучше всего нанимать ихъ поурочно, разъ они подходятъ къ характеру требуемой работы.

[1]) Хамкенская и Пхіенанская провинціи Кореи, 221.

[2]) Поѣздка въ Корею въ 1889 г., стр. 164. Ср. ниже японскія данныя для урожайности различныхъ сельскохозяйственныхъ растеній Кореи.

[3]) Въ зависимости отъ условій климата, орошенія, удобренія и т. д. въ Кореѣ обычно получается одна жатва, но въ Кѣнъсянъдо, Чёлладо, Чхюнъчхёндо и Кѣнъгыйдо собираютъ двѣ жатвы—ячменя и пшеницы. Канкоку-сôран, 429.

[4]) Какъ это подчеркиваетъ Лубенцовъ, Хамкенск. и Пхіенанск. пров. Кореи, 221.

обращенія лѣсныхъ площадей подъ поля въ виду ихъ высокаго плодородія.

Сами японскіе авторы, столь подчеркивающіе недостатки корейскихъ пріемовъ сельскаго хозяйства, не отрицаютъ (совсѣмъ даже наоборотъ) выгодъ земледѣльческой промышленности въ Кореѣ[1], что объясняется ими цѣлымъ рядомъ благопріятныхъ условій[2]: хорошими климатическими условіями и плодородной почвой; дешевизною земли и невысокимъ размѣромъ земельнаго обложенія; дешевизною рабочаго труда; доходностью спеціальныхъ отраслей сельскаго хозяйства, какъ-то разведенія жэньшэня, табака, хлопка; прибылями отъ сдачи земель въ аренду. Дѣйствительно, въ послѣднемъ отношеніи наиболѣе выгоднымъ и вѣрнымъ способомъ веденія японскихъ земледѣльческихъ предпріятій въ Кореѣ, при томъ, такимъ, который выполнимъ и для лицъ, имѣющихъ лишь небольшія денежныя средства, является скупка и отдача въ аренду разработанной зем-

[1]) Корейскій землевладѣлецъ, помимо того, что снабжаетъ арендатора землею, не долженъ затрачивать никакого капитала и все-же получаетъ доходъ въ размѣрѣ 20—30% покупной стоимости земли; даже въ случаѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ онъ имѣетъ еще доходъ въ 15%. Эта большая разница въ сравненіи съ 5% дохода (см. Канкоку-сôран, 660) съ земли, приносящей одну жатву въ Японіи (Канкоку-сôран), 648—9; см. тамъ же на стр. 650—2 три примѣрныхъ разсчета дохода арендатора съ рисовыхъ полей въ районѣ Кунсан—25% въ нормальный годъ; въ Начжю и Ёнъсан столько же и въ Коанъчжю—18%. Вообще въ Кореѣ рисовая культура является гораздо болѣе прибыльной, чѣмъ въ Японіи, благодаря дешевизнѣ земли, низкимъ заработнымъ платамъ и незначительному налоговому бремени. Канкоку-сôран, 660—1 (подробные сравнительные разсчеты доходности этой культуры въ Кореѣ и Японіи приводятся тамъ же на стр. 654—660).

[2]) Какъ дѣлаетъ это съ большими подробностями Канкоку-сôран, стр. 644-653. Цiôсен-сангiôси, I, 334—5, перечисляетъ семь благопріятныхъ и пять неблагопріятныхъ условій для сельскохозяйственной промышленности въ Кореѣ: среди благопріятныхъ условій, помимо 1) относительной дешевизны земли и 2) необремененительности налоговъ, онъ называетъ еще 3) легкость пріобрѣтенія земли; 4) возможность значительнаго увеличенія доходности земли вслѣдствіе существующаго низкаго уровня эксплоатаціи ея; 5) удобство пользованія всюду силою рабочаго и прочаго скота; 6) вслѣдствіе сухости воздуха и обезпеченности отъ излишней сырости, легкость разведенія шелковичныхъ червей и храненія коконовъ, равно какъ размотки ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ тутовица рѣдко страдаетъ въ Кореѣ отъ позднихъ заморозковъ; 7) большой спросъ на овощи, фрукты и т. д. по причинѣ значительнаго увеличенія въ странѣ числа японскихъ переселенцевъ; вслѣдствіе естественныхъ условій фруктовыя деревья даютъ обильный урожай плодовъ, не требуя особыхъ заботъ въ отношеніи ухода за ними.

Что касается неблагопріятныхъ условій, то они суть: 1) недостатокъ удобствъ орошенія; 2) затруднительность ориентированія вслѣдствіе неопредѣленности обозначній земельной площади и ихъ величины; 3) неудобства для пріобрѣтенія удобреній, земледѣльческихъ орудій и 4) ремонта послѣднихъ; 5) неудобства для перевозки продуктовъ, удобреній и проч. въ силу отсталаго состоянія путей сообщеній.

ли—рисовыхъ полей и прочей пахотной земли, такъ какъ въ Кореѣ имѣется очень много ищущихъ взять въ аренду землю, несмотря на то, что обычно доходъ арендатора бываетъ сравнительно невеликъ, какой бы способъ арендной платы ни примѣнялся, въ видѣ половины урожая или большей доли въ пользу собственника. Поэтому-то и слѣдуетъ скупать въ Кореѣ пахотныя земли и отдавать ихъ въ аренду; когда, путемъ постепеннаго расширенія помѣстья, оно достигнетъ соотвѣтствующихъ размѣровъ, тогда слѣдуетъ приступить къ меліоративнымъ работамъ—улучшенію разработки земли или оросительнымъ и осушительнымъ сооруженіямъ и, пользуясь дешевымъ корейскимъ трудомъ, заняться самому земледѣльческой промышленностью. Такой планъ г. Іосикава считаетъ наиболѣе выгоднымъ для японскихъ земледѣльческихъ предпринимателей въ Кореѣ[1].

VI.

Обзоръ сельскохозяйственныхъ произведеній Кореи.

Виды культурныхъ хлѣбныхъ растеній. Среди культивируемыхъ въ Кореѣ злаковъ и вообще среди всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ первое мѣсто принадлежитъ рису, по той роли, которую онъ играетъ въ питаніи населенія и по тому уваженію, которымъ пользуется у него, болѣе, чѣмъ любой видъ пищи въ западныхъ странахъ. Большая часть состоятельнаго населенія въ Кореѣ питается главнымъ образомъ имъ круглый годъ; бѣднякъ питается рисомъ зимою, когда онъ болѣе дешевъ, замѣняя его въ лѣтнее время другимъ зерномъ: пшеницею, ячменемъ, или просомъ[2]. Рисъ не только

---

[1]) Канкоку-сôран, 661. На стр. 661—664 дается примѣрный разсчетъ (на стр. 665—6 поясненія къ этому разсчету) такого земледѣльческаго предпріятія въ районѣ Канъгёнъцхо съ капиталомъ въ 10,000 енъ; черезъ три года это предпріятіе должно давать 2410 енъ чистаго дохода.

[2]) Описаніе Кореи, II, 122.

Въ Кореѣ, какъ въ Японіи, рисъ составляетъ повседневную пищу всего населенія, безъ различія высшихъ и низшихъ классовъ, при чемъ, если судить по обычному образу жизни людей ниже средняго класса, можно думать, что количество потребленія риса въ Кореѣ скорѣе выше, чѣмъ въ Японіи. Канкоку-іôран, 63 (Ціôсен-іôран, 69, и Ціôсен-сангіôси, I, 390). Однако, въ статьѣ С. Кавата въ журналѣ «Тайіô» количество риса, потребляемаго въ Кореѣ, на 1 душу населенія исчисляется въ 51 сіô 3 гô въ годъ, тогда какъ въ самой Японіи это потребленіе достигаетъ почти 1 коку (100 сіô) на душу населенія.

является необходимымъ предметомъ питанія населенія въ Кореѣ, но и среди вывозимыхъ изъ Кореи продуктовъ онъ занимаетъ первое мѣсто, при чемъ онъ поддерживаетъ балансъ корейской внѣшней торговли[1]. Изъ вывоза земледѣльческихъ продуктовъ Кореи, составлявшихъ въ 1909 г. около 73% общей цѣнности вывоза этой страны или 11,300,000 енъ, на долю риса приходилось свыше 5½ милліоновъ[2]. Такимъ образомъ, отъ колебаній урожая риса, какъ главнаго продукта Кореи, зависитъ правильный пульсъ хозяйственной жизни этой страны[3].

По количеству воздѣлываемаго риса на первомъ мѣстѣ изъ корейскихъ провинцій стоятъ провинціи обѣ Чхюнъчхёнъдо, обѣ Чёлладо и обѣ Кёнъсянъдо или т. н. «три южныхъ», затѣмъ идутъ Кёнъгыйдо, Хоанъхѣдо и Южная Пхёнъандо; остальныя провинціи—Канъуёндо, обѣ Хамгёнъдо и Сѣверная Пхёнъанъдо имѣютъ сравнительно ничтожное значеніе въ этомъ отношеніи[4].

Въ южной Кореѣ, благодаря теплому климату, лучшимъ пріемамъ распашки полей и уходу за посѣвами, равно какъ полученію зачастую отъ полей двухъ жатвъ въ годъ, урожай риса достигаетъ во многихъ мѣстностяхъ около 2 коку съ 1 японскаго тан; напротивъ, въ сѣверной Кореѣ урожай вообще бываетъ отъ 1 коку 2—3 то до едва 7—8 то[5]. Таблица урожая и чистаго дохода съ орошаемыхъ рисовыхъ полей въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи (въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Хоанъхѣдо, Пхёнъандо, Канъуёндо, Чхюнъчхёнъдо и Чёлладо), приводимая въ Канкоку-сōран[6], исчисляетъ этотъ урожай отъ 4 то 8 сіō въ Касёк 花石 въ Южной Пхёнъандо до 2 коку 7 то въ Тчёнъчжю въ Сѣверной Пхёнъандо и 3 коку 6 то въ Чёлладо и

[1]) Канкоку-іōран, 63 (Ціōсен-іōран, 69).

[2]) Раньше это отношеніе было еще выше, такъ какъ цѣнность вывоза риса исчислялась свыше 4 милліоновъ изъ общей цѣнности вывоза земледѣльческихъ продуктовъ въ 7,540,000 енъ, составлявшей 90% отъ цѣнности всего вывоза.

[3]) Канкоку-іōран, 482—3.

[4]) По количеству рисовыхъ полей на первомъ мѣстѣ среди корейскихъ провинцій стоитъ Южная Чёлладо—132,956 ціō и Сѣверная и Южная Кёнъсянъдо; на послѣднихъ мѣстахъ Сѣверная Хамгёнъдо—899 ціō и Южная Хамгёнъдо—2,313 ціō. Въ послѣднихъ двухъ провинціяхъ единственными уѣздами, гдѣ рисъ произрастаетъ хорошо, является Хамхынъ, Ёнъхынъ, Анбёнъ, Тōкʼуōнъ и Кёнъхынъ (Кёнъсёнъ?). Products of Korea: Korea Review, 1902, II, стр. 50.

[5]) Канкоку-сōран, 482.

[6]) Стр. 488—9. Ср. данныя изъ Ціōсен-сангіōси, приводимыя ниже.

Нанъчхён въ Канъуёндо и даже 5 коку 4 то (?) въ Касан 嘉山 въ Южной Пхёнъандо[1]. Вообще урожайность рисовыхъ полей въ Кореѣ едва достигаетъ половины той же урожайности въ Японіи, вслѣдствіе явно дефектныхъ пріемовъ культуры и небрежности при выборѣ посѣвныхъ сѣмянъ. Если эти недостатки будутъ устранены, сборъ риса въ Кореѣ обнаружитъ огромное увеличеніе[2].

Посѣвы риса встрѣчаются во всѣхъ провинціяхъ Кореи отъ самой южной границы полуострова вплоть до р. Амнокканъ и даже нижней р. Туманганъ на сѣверѣ, но занимаютъ наибольшую площадь обрабатываемыхъ земель въ части полуострова, расположенной отъ Корейскаго пролива вплоть до параллели г. Пхёнъянъ, переходя также и на окружающіе острова. Сѣвернѣе указанной линіи въ провинціи Хамгёнъдо (Сѣверной Хамгёнъдо), рисовыя поля, занимая, впрочемъ, небольшіе участки среди прочихъ полей, начинаютъ попадаться уже на берегу нижней р. Туманганъ около русской границы, а по побережью Японскаго моря—на югъ отъ г. Пугёчжин 富居鎭, въ 100 верстахъ отъ русской границы, встрѣчаются низменныя долины, сплошь покрытыя полями риса. Внутри страны, напротивъ, климатъ оказывается слишкомъ суровымъ, и рисовыя поля прекращаются очень недалеко отъ р. Туманганъ, такъ какъ въ предѣлахъ извѣстныхъ широтъ, возможность его вызрѣванія зависитъ гораздо больше отъ абсолютной высоты мѣста, чѣмъ отъ географической широты.

По западную сторону сѣверно-корейскаго плоскогорья рисовыя поля появляются по р. Амнокканъ отъ д. Карыми (выше впаденія р. Хочхёнганъ), въ долинѣ этой рѣки у города Капсан, а также вѣроятно и въ долинахъ другихъ притоковъ главной рѣки. Однако, ранніе морозы часто побиваютъ здѣсь недозрѣвшій рисъ и успѣшное разведеніе его начинается лишь отъ деревни Маоэрршань, на высотѣ 1000 ф. надъ у. м., расширяясь по мѣрѣ опусканія дна долины, переходя и въ нижніе участки долинъ притоковъ[3].

---

[1]) Въ отношеніи послѣдней цифры, несоразмѣрно высокой, можно предполагать ошибку или опечатку въ цитир. японскомъ сочиненіи.

[2]) Japan W. Times, 19 Aug. 1911, 938 (со словъ Кикуци, бывшаго директора корейскаго отдѣла земледѣлія).

[3]) Какъ подробно указывается барономъ Корфомъ и Звегинцовымъ въ Военномъ обзорѣ Сѣв. Кореи, 81, откуда взяты и прочія настоящія указанія.

И на югъ отъ указанной линіи—параллели г. Пхёнъянъ, не всѣ части полуострова одинаково пригодны для рисовой культуры, напримѣръ, провинція Канъуёндо вслѣдствіе гористости уступаетъ въ этомъ отношеніи, кромѣ немногихъ отдѣльныхъ мѣстностей[1], всѣмъ другимъ провинціямъ, конечно, не считая провинціи Сѣверной Хамгёнъдо, занимающей совершенно особое положеніе. Въ обѣихъ названныхъ провинціяхъ культура риса была введена, по словамъ г. Хэльберта, много позже, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ полуострова, именно въ Канъуёндо изъ королевства Силла въ 57 г. до Р. Х., а въ Хамгёнъдо даже лишь въ 660 г. по Р. Х., тогда какъ введеніе рисовой культуры изъ Китая въ сѣверо-западную Корею приписывается уже Кыйчжа, въ XI в. до Р. Х. (во всякомъ случаѣ задолго до времени Р. Х.) и въ южную Корею въ періодъ отъ X—VI стол. до Р. Х. (въ Пёнхан) до I столѣтія до Р. Х. (въ Махан и Чинхан)[2]. Прославленная корейская житница риса лежитъ въ провинціи Сѣверной Чёлладо на югъ отъ порта Кунсан въ уѣздахъ Мангёнъ 萬頃 и Кымгу 金溝[3].

Общее количество производимаго въ Кореѣ риса еще немного лѣтъ тому назадъ опредѣлялось лишь предположительными цифрами, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ[4]; такъ, авторъ Канкоку-сбран[5] принималъ это количество равнымъ приблизительно 7,000,000 коку, что, при цѣнѣ въ 8 енъ за 1 коку, давало общую цѣнность сбора этого продукта въ странѣ въ 56 милліоновъ енъ. Составители Канкоку-ібран[6] опредѣляли общій сборъ риса въ Кореѣ въ 10,000,000 коку приблизительно, при чемъ высказали увѣренность, что, вмѣстѣ съ осуществленіемъ мѣръ улучшенія корейскаго сельскаго хозяйства, количество сбора риса и прочихъ хлѣбовъ въ Кореѣ, естественно, должно постепенно возрасти и въ недалекомъ будущемъ дастъ безъ труда увеличеніе на 3 милліона коку.

---

[1]) Какъ перечисляетъ ихъ Korea Review, II, 1902, стр. 50, въ статьѣ «The products of Korea», это—уѣзды Канънынъ, Чхюнчхён, Уёнчжю и отчасти Хойянъ.

[2]) См. (Hulbert), «The products of Korea» въ Korea Review, II, 1902, стр. 49—50.

[3]) Korea Review, II, 1902, 52.

[4]) «Описаніе Кореи» II, 125, прямо указывало, что количество риса, получаемаго въ Кореѣ, до настоящаго времени не опредѣлено.

[5]) Стр. 482.

[6]) Стр. 63.

Нынѣ уже имѣются точныя статистическія данныя, по которымъ возможно опредѣлять не только цифру ежегоднаго сбора риса во всей Кореѣ, но и цифру сбора въ каждой отдѣльной провинціи. Одинъ изъ первыхъ подсчетовъ этого рода исчислилъ общій сборъ риса въ 1908 г. въ 7,986,583 коку; въ дальнѣйшемъ цифры этого сбора по отдѣльнымъ годамъ были: въ 1909 г. 7,457,916 коку; въ 1910 г.—8,142,852 коку, по другому подсчету (см. ниже) 8,135,686 коку, и въ 1911 г.—9,887,424 коку (подсчетъ къ 1 ноября 1911 г.; предварительный подсчетъ, приводимый ниже, давалъ только цифру въ 9,524,477 коку).

По отдѣльнымъ провинціямъ цифры сбора риса въ 1909, 1910 и 1911 г.г. были:

Провинціи:	1909 г. (в ъ	1910 г. к о	1911 г.[1] к у).
Кёнъгыйдо	806,729	1,234,355	1,119,916
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	255,687	239,126	258,256
Южная Чхюнъчхёнъдо	787,583	786,028	991,553
Сѣверная Чёлладо	794,234	781,421	950,652
Южная Чёлладо	955,848	1,103,167	1,365,224
Сѣверная Кёнъсянъдо	1,389,096	1,423,134	1,500,000
Южная Кёнъсянъдо	879,438	1,045,098	1,507,422
Хоанъхѣдо	657,122	605,754	650,000
Южная Пхёнъандо	288,004	229,424	306,982
Сѣверная Пхёнъандо	189,141	353,021	342,380
Канъуёндо	259,440	134,902	322,608
Южная Хамгёнъдо	178,816	170,122	187,134
Сѣверная Хамгёнъдо	16,776	37,300	22,340
	7,457,916	8,142,852[2]	9,524,477

Въ 1909 г. благодаря засухѣ корейскіе земледѣльцы не могли во время произвести пересадку рисовой разсады или пересаженная уже разсада засохла въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Въ 1910 г. благодаря обильнымъ дождямъ пересадка была произведена успѣшно по всему полуострову, но сборъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ оказался ниже сбора предыдущаго года благодаря частичному ущербу, причиненному бурями или вредными насѣкомыми; кромѣ того, дожди сильно повредили

[1]) Предварительный подсчетъ.

[2]) Другой общій подсчетъ для 1910 г., въ 8,135,686 коку, уменьшалъ лишь цифру сбора въ Южной Кёнъсянъдо до 1.037,932 коку.

урожаю. Все же общій сборъ риса въ Кореѣ въ этомъ году былъ 8,135,686 коку, увеличеніе на 677,770 коку сравнительно съ 1909 г. Правда, общая площадь земли подъ рисовыми посѣвами была въ 1910 г. 801,875 цiō, увеличившись на 89,957 цiō сравнительно съ 1909 г. Въ 1911 г. сборъ риса достигъ наивысшей до сего времени цифры[1], что объясняется японскими властями не только благопріятной погодою, но и благодѣтельными результатами оказываемаго ими поощренія земледѣльческой промышленности въ странѣ, путемъ улучшенія сѣмянъ, орудій и пріемовъ сельскаго хозяйства. Въ особенности былъ хорошъ урожай риса въ Южной Кѣнъсянъдо, но слѣдуетъ отмѣтить также большой успѣхъ, достигнутый въ этомъ отношеніи и провинціей Канъуѣндо[2].

Считая въ настоящее время рыночную цѣну на рисъ въ неочищенномъ видѣ въ 74 к. за пудъ, весь урожай риса текущаго года (въ пудахъ 88,986,816, по исчисленію цитируемой газеты) далъ странѣ приблизительно 66,730,000 р. дохода.

Столь необычайный урожай этого продукта, считаемаго корейцами за главное богатство и главный хлѣбъ, поднялъ покупательную способность населенія и сильно оживилъ торговые обороты страны[3].

Въ Кореѣ разводится три сорта риса — обыкновенный болотный рисъ (тапкок по корейски 沓穀), употребляемый въ пищу въ вареномъ видѣ, горный или суходольный рисъ (тчёнгок 田穀), мелче и суше перваго, идущій въ значительной мѣрѣ на изготовленіе корейскаго «пива» и рисовой муки, и клейкій рисъ[4], употребляемый въ пищу въ видѣ лепешекъ и разнаго тѣста. Корейскіе земледѣльцы, говоритъ Цiōсен-сангiōси[5], вообще не заботятся о выборѣ сортовъ риса, въ результатѣ чего мало практикуется ихъ улучшеніе; отсюда явствуетъ также, что число ихъ въ Кореѣ невелико. Однако, повсюду, за исключеніемъ одной, двухъ мѣстностей[6], проводится общее различіе

[1]) Удачный урожай 1911 г. коснулся не только риса, но и бобовъ и хлопка, на которые также распространяются заботы японскихъ властей и сельскихъ хозяевъ.

[2]) Уѣзды Канънынъ и Косѣнъ въ провинціи Каньуѣндо въ текущемъ (1911) году имѣютъ богатѣйшій урожай риса, въ четыре раза превышающій нормальный сборъ, почему большое количество этого риса отправляется въ сѣверныя провинціи. Seoul Press, 3 Oct. 1911, 3.

Въ уѣздѣ Инджѣ той же провинціи урожай ожидается на 30% выше нормальнаго. Seoul Press, 7 Oct. 1911, 2.

[3]) «Харб. Вѣстн.», № 2312, 26 ноября 1911 г.

[4]) Т. е. съ большимъ содержаніемъ клейковины, тогда какъ обыкновенные сорта болотнаго риса содержатъ много меньшее количество клейковины.

[5]) I, 390—1.

[6]) На островѣ Кiодонъдо, напримѣръ, не дѣлается различія между этими обоими сортами риса. Цiōсен-сангiōси, I, 409.

между болотнымъ и суходольнымъ рисомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ всюду же существуетъ сортъ клейкаго риса (чхапссаль по корейски 糯米 или 粘米) Г. Хэльбертъ[1] упоминаетъ еще объ особомъ сортѣ риса, или «рисѣ огненнаго поля[2]» (хоаджёнгок 火田穀), какъ онъ его называетъ, воздѣлываемомъ на южныхъ склонахъ горъ. Рисъ «огненнаго поля» тверже обоихъ другихъ сортовъ (болотнаго и горнаго) и сохраняется лучше ихъ (до 10 лѣтъ противъ 5 лѣтъ, какъ эти послѣдніе, и то лишь при благопріятныхъ условіяхъ); поэтому этотъ сортъ употребляется для гарнизонныхъ запасовъ.

Суходольный рисъ[3] вызрѣваетъ въ сѣверной Кореѣ при наличности обильныхъ дождей и влажно-жаркаго климата лѣ-

---

[1]) Korea Review, II, 1902, статья: «The products of Korea», 50—51.

[2]) Имя хоаджён 火田 г. Хэльбертъ въ данномъ случаѣ объясняетъ между прочимъ тѣмъ, что означенный рисъ разводится почти всегда на поляхъ, лежащихъ на южной сторонѣ горъ и холмовъ и потому открытыхъ наиболѣе сильному дѣйствію солнца. Канкоку-сôран, 457, объясняетъ тотъ же терминъ черезъ «поле, очищенное огнемъ отъ густой травы, на которомъ сажаютъ итальянское просо 栗»; по замѣчанію Ціôсен-сангіôси, I, 315, хоаджён 火田 въ Кореѣ то же, что въ Японіи называютъ якибата 燒畑, по буквальному переводу «выжигаемое суходольное поле» или, пользуясь русскимъ терминомъ, «огневое поле». На «якибата» въ качествѣ удобренія служитъ зола отъ сжиганія травы и древесныхъ растеній, растущихъ на мѣстѣ. Въ Японіи эти поля, встрѣчающіяся въ обширныхъ гористыхъ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ, служатъ для разведенія итальянскаго проса и гречихи. Въ Кореѣ аналогичная огневая система примѣняется въ особенности на сѣверѣ страны, какъ будетъ видно ниже изъ разсмотрѣнія пріемовъ воздѣлыванія различныхъ сельскохозяйственныхъ растеній въ этой странѣ.

Gale, Korean-English Dictionary, 155, объясняетъ вышеуказанный терминъ хоаджён совершенно тожественнымъ образомъ черезъ: «земля, выжженная подъ (земледѣльческую) обработку» и даетъ синонимичное понятіе: «тпапый» 菑田 новь (стр. 638). Однако, о томъ, что на этихъ поляхъ выращивается особый видъ риса, ни Ціôсен-сангіôси, ни другія японскія сочиненія, которыми пользовался авторъ предлагаемаго «Очерка», ничего не говорятъ. Не упоминаетъ о немъ и «Описаніе Кореи», которое также различаетъ въ Кореѣ три сорта риса: обыкновенный рисъ, клейкій рисъ и горный рисъ («Описаніе Кореи», II, 122). Трудно, однако, предположить, что г. Хэльбертъ, столь освѣдомленный въ корейскихъ вопросахъ, смѣшалъ въ данномъ случаѣ рисъ съ просомъ, почему надо думать, что упоминаемый имъ «рисъ огненнаго поля» дѣйствительно существуетъ, какъ спеціальный сортъ, имѣющій ограниченное распространеніе и разводимый врядъ ли въ большомъ количествѣ.

[3]) Суходольный рисъ разводится въ большей или меньшей степени во всѣхъ провинціяхъ Кореи, при чемъ растетъ весьма успѣшно. Главнымъ образомъ его разводятъ въ мѣстахъ съ близкой подпочвенной водою, но непригодныхъ для обращенія въ орошаемое рисовое поле. Вслѣдствіе того, что онъ обычно даетъ больше выгодъ, чѣмъ итальянское просо, сорго (гаолянъ), просо Panicum frumentaceum (хіе) и т. д., то теперь обнаруживается усиленная склонность къ культивированію его. Канкоку-сôран, 489.

томъ (вообще рисъ для вызрѣванія требуетъ шесть мѣсяцевъ со средней температурою въ 20° R., но въ сѣверной Кореѣ онъ вызрѣваетъ и при меньшей средней температурѣ при условіи продолжительнаго лѣта и отсутствія раннихъ морозовъ[1]; это условіе обычно осуществимо въ Кореѣ, такъ какъ корейская осень вообще ясная, сухая и теплая, а лѣто жарко и достаточно влажно[2]; но бываютъ и уклоненія отъ этой нормы, и въ такихъ случаяхъ рисъ въ сѣверныхъ частяхъ страны либо погибаетъ вовсе, либо частью не вызрѣваетъ.

Между отдѣльными главными видами риса—обыкновеннаго (не клейкаго), клейкаго и суходольнаго, общее количество сбора риса и общая площадь его посѣвовъ распредѣлялась въ 1909 г. по различнымъ провинціямъ Кореи слѣдующимъ образомъ[3]:

Названіе провинціи:	Площадь подъ посѣвами отдѣльныхъ видовъ риса (въ цід); Неклейкаго.	Клейкаго.	Суходольнаго.	Всего.
Кёнъгыйдо	67,277,3	9,772,7	2,587,3	79,637,3
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо	23,699,7	2,817,8	28,5	26,546,0
Южн. Чхюнъчхёнъдо	58,642,6	6,959,0	158,9	65,760,5
Сѣверн. Кёнъсянъдо	87,846,2	8,417,5	376,5	96,640,2
Южная Кёнъсянъдо	68,982,6	7,544,4	325,3	76,852,3
Сѣверная Чёлладо	53,604,9	3,729,2	3,060,2	60,394,3
Южная Чёлладо	107,702,5	6,421,5	1,240,1	115,364,1
Хоанъхädo	61,300,5	5,811,6	94,4	67,206,5
Южная Пхёнъандо	26,268,9	1,452,0	3,897,7	31,618,6
Сѣверная Пхёнъандо	34,557,6	1,587,5	551,4	36,696,5
Южная Хамгёнъдо	16,127,2	2,698,1	67,2	18,892,5
Сѣверная Хамгёнъдо	3,953,5	604,2	—	4,557,7
Канъуёндо	29,483,2	2,236,9	31,9	31,752,0
Всего	639,446,7	60,052,4	12,419,4	711,918,5
	Количество сбора тѣхъ же видовъ риса въ коку.			
Кёнъгыйдо	696,593	86,070	24,066	806,729
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо	230,597	24,831	259	255,687
Южн. Чхюнъчхёнъдо	700,447	85,879	1,259	787,585

[1]) Описаніе Кореи, II, 123.

[2]) См. главу о корейскомъ климатѣ въ I части настоящаго «Очерка».

[3]) Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, стр. 951. Въ приводимыхъ здѣсь данныхъ недостаетъ свѣдѣній по 2 уѣздамъ Сѣверной Хамгёнъдо.

Сѣверн. Кёнъсянъдо	1,267,690	116,906	4,500	1,389,096
Южная Кёнъсянъдо	823,022	52,879	3,537	879,438
Сѣверная Чёлладо	705,755	45,388	43,091	794,234
Южная Чёлладо	900,590	44,785	10,473	955,848
Хоянъхädo	601,632	54,670	820	657,122
Южная Пхёнъандо	244,798	13,482	29,724	288,004
Сѣверная Пхёнъандо	177,193	8,167	3,781	189,141
Южная Хамгёнъдо	155,991	22,610	215	178,816
Сѣверная Хамгёнъдо	15,321	1,455	—	16,776
Канъуёндо	242,122	16,689	629	259,440
Всего	6,761,571	573,811	122,354	7,457,916

Болотный рисъ требуетъ себѣ настолько обильнаго орошенія, что пока почва совершенно не насытится водою, самое поле сохраняетъ видъ затопленнаго пространства; для этой цѣли рисъ выращивается на самыхъ низкихъ мѣстахъ близъ рѣкъ и ручьевъ, что дѣлаетъ также его поля наиболѣе подверженными наводненію[1]; при томъ поле устраивается такъ, чтобы поверхность его была горизонтальная и чтобы вода равномѣрно покрывала ее; кругомъ поле ограждается валомъ для предупрежденія стока воды.

Кромѣ наводненій, врагами рисового растенія является засуха (для суходольнаго риса, который довольствуется естественнымъ орошеніемъ черезъ атмосферные осадки), черви, саранча, вѣтеръ и градъ. Черви поражаютъ рѣже другихъ рисовые посѣвы, за то опустошеніе ими производится наиболѣе полное[2]. По этому поводу авторъ Канкоку-сōран[3] говоритъ слѣдующее: «Корейцы ничуть не заботятся объ удаленіи вредныхъ червей и насѣкомыхъ или о предупредительныхъ мѣрахъ противъ нихъ, въ чемъ, естественно, сказывается недостатокъ ихъ сельско-хозяйственныхъ познаній. Они смотрятъ

---

[1]) Мѣстоположеніе орошаемыхъ рисовыхъ полей въ Кореѣ находится главнымъ образомъ на примывныхъ земляхъ вдоль береговъ моря и рѣкъ, но не мало ихъ встрѣчается на покатыхъ склонахъ горъ въ видѣ ряда террасъ. Рисовыя поля въ Кореѣ отличаются неправильной формою съ весьма извилистыми межами; въ сѣверной Кореѣ размѣры ихъ невелики, при чемъ наиболѣе крупныя поля не превышаютъ здѣсь 1 японскаго тан; напротивъ, въ южной Кореѣ найдется не мало ихъ величиною въ три и болѣе тан. Канкоку-сōран, 483.

[2]) Korea Review, II, 1902, 51.

[3]) Стр. 670.

на цикады[1], саранчу и прочія вредныя насѣкомыя, какъ на бѣдствіе, посылаемое небомъ, и ничего не предпринимаютъ противъ него. Поэтому временами они испытываютъ отъ этого чрезвычайный вредъ[2].

Удобреніе рисовыхъ полей производится преимущественно на югѣ корейскаго полуострова по примѣру японцевъ (въ другихъ частяхъ страны рисовое поле часто вовсе не удобряется); удобреніемъ служатъ листья и вѣтви бобовыхъ растеній, рыбные и китовые туки; иногда — человѣческіе экскременты[3].

Рисъ рѣдко сажается въ Кореѣ подрядъ нѣсколько лѣтъ на одномъ и томъ же полѣ[4], при чемъ тамъ, гдѣ возможны въ годъ два урожая зерна (такихъ земель въ Кореѣ не много, при томъ лишь въ южной Кореѣ, не то, что въ собственной Японіи), послѣ риса сѣютъ осенью пшеницу или ячмень, которые и созрѣваютъ въ маѣ или іюнѣ слѣдующаго года, послѣ чего садится снова рисъ[5]. Въ частности суходольный рисъ сѣется не каждый годъ, а черезъ годъ, при чемъ въ промежутки раз-

---

[1]) Унка по японски 浮塵子 cicadula sexnotata; прилетаетъ роями на рисовыя поля, высасывая сокъ изъ молодыхъ побѣговъ и цвѣтовъ этого растенія, почему оно засыхаетъ (настоящая справка сообщена Е. Г. Спальвинымъ).

[2]) Если корейцы не знаютъ раціональныхъ мѣръ борьбы противъ вредныхъ червей и насѣкомыхъ, зато имъ извѣстенъ совершенно своеобразный пріемъ борьбы противъ этихъ враговъ, польза коего была подсказана ихъ суевѣріемъ (о немъ разсказываетъ Korea Review, II томъ, 1902, стр. 51), при чемъ онъ заключался въ томъ, что корейскій государь раскусывалъ одного червя, приговаривая: «Изъ-за васъ моему народу грозитъ голодъ, прочь!». Историческій примѣръ изъ XVIII столѣтія, приводимый тамъ же, доказываетъ въ глазахъ корейцевъ, сколь дѣйствительнымъ является это средство.

[3]) Медвѣдевъ, Медицинск. прибавленія къ Морск. Сборнику за окт. 1894, цит. въ «Описаніи Кореи», II, 124. Хотя на примывныхъ земляхъ по берегу р. Тѣдонъганъ дѣйствительно встрѣчаются мѣста, гдѣ удобренія орошаемыхъ рисовыхъ полей не производится вовсе, но большей частью корейцы употребляютъ удобренія для рисовыхъ полей. На сѣверѣ этими удобреніями является компостъ, сдѣланный изъ смѣси грязи съ золою изъ домовыхъ топокъ, стѣнной землею, лошадинымъ навозомъ, человѣческими экскрементами, свиными экскрементами. Изъ другихъ удобреній употребляютъ траву или дубовыя листья, а въ окрестностяхъ Гензана еще рыбный тукъ. Канкоку-сôран, 485. Удобреніемъ полей суходольнаго риса служитъ главнымъ образомъ зола изъ домовыхъ топокъ, которая смѣшивается съ стѣнною землею и свинымъ навозомъ, при чемъ на 1 японскій тан употребляютъ отъ 100 до 200 камме удобренія. Канкоку-сôран, 490. Для удобренія питомника рисовой разсады много употребляютъ въ провинціи Чёлладо шелуху отъ крупныхъ бобовъ и ихъ стебли, а въ Чхюнъчхёнъдо выжимки отъ нихъ. Канкоку-сôран. 484.

[4]) Описаніе Кореи, II, 124.

[5]) Bishop, Korea and her neighbours, 1898, I, стр. 186.

водится ячмень или пшеница и крупные или мелкіе бобы[1].

Корейскій рисъ по качеству, по мнѣнію однихъ, почти не уступаетъ японскому, по мнѣнію же другихъ, даже считается выше; большой недостатокъ, однако, тотъ, что вывозимый изъ Кореи рисъ оказывается загрязненнымъ различными примѣсями (камнемъ и пескомъ), что обезцѣниваетъ его[2]; причиною этому являются примитивные способы очистки зерна у корейскихъ производителей[3]. Однако, японцы нынѣ не признаютъ болѣе хорошихъ качествъ корейскаго риса и стремятся распространить среди корейскихъ хозяевъ улучшенные сорта этого злака. Въ Сѣверной Чёлладо сѣмена ихъ быстро занимаютъ мѣсто туземныхъ сортовъ. Въ 1910 г. во всей Кореѣ улучшенные сорта этого злака культивировались только на 250 акрахъ, нынѣ въ одной Сѣверной Чёлладо ими засѣяно около 625 акровъ. Выгоды разведенія этихъ сортовъ, какъ въ отношеніи количества урожая, такъ и цѣнности его, нынѣ сознаются очень многими корейскими земледѣльцами, такъ что культивированіе ихъ должно быстро распространиться и въ другихъ провинціяхъ Кореи. Способъ воздѣлыванія риса постепенно также улучшается благодаря присутствію сравнительно большого числа японскихъ земледѣльцевъ, чьему примѣру корейцы готовятся послѣдовать[4].

Руководствуясь свѣдѣніями Ціōсен-сангіōси, наиболѣе пол-

---

[1]) Канкоку-сōран, 489.

[2]) См. выше, стр. 395, прим. 2. Способы очистки риса въ Кореѣ являются крайне окольными и не экономными, что вызываетъ не малое уменьшеніе сбора и потерю въ цѣнности продукта. Канкоку-синцири, 134—5. Сами корейцы при обмываніи риса (передъ варкою) искусно удаляютъ путемъ отбора песокъ, примѣшанный къ нему вслѣдствіе примитивной очистки; японскіе купцы въ Кореѣ удаляютъ этотъ песокъ различными способами. Ціōсен-сангіōси, I, 407—8.

[3]) Шанъпинь-цзяокэшу 商品教科書 «Учебникъ товаровѣдѣнія», написанный японцемъ Хара и переведенный на китайскій языкъ Цяньтанъ-Янъхунъ (псевдонимъ), изданъ въ 1898 г. учебнымъ отдѣломъ Наньянъ'скаго арсенала 南洋官書局, стр. 3. О корейскомъ рисѣ здѣсь говорится вкратцѣ на стр. 2—3, при чемъ общее количество сбора его въ Кореѣ исчисляется въ 14 милліоновъ дань 石, пикулей, а вывозъ его въ Японію въ 400,000 пикулей, почему въ дѣлѣ снабженія Японіи рисомъ Корея уже тогда могла считаться, по мнѣнію составителя указаннаго учебника, важной страной производства этого продукта.

[4]) Seoul Press, 18 June 1911, 2. Предварительные опыты культивированія различныхъ сортовъ японскаго и корейскаго риса дѣлались съ 1906 г. на Сюуōнской образцовой фермѣ, откуда затѣмъ сѣмена ихъ раздавались корейскимъ земледѣльцамъ. См. Annual report on reforms and progress in Korea for 1907, 84 и 1908-9, 128.

ными и систематизированными въ этомъ отношеніи, можно дополнить вышеизложенныя общія данныя насчетъ культуры риса въ Кореѣ нѣкоторыми подробностями касательно воздѣлыванія въ отдѣльныхъ корейскихъ провинціяхъ двухъ главныхъ разновидностей его—болотной и суходольной, какъ требующихъ весьма неодинаковыхъ условій для своего произрастанія и обладающихъ различной экономической цѣнностью.

Прежде всего въ центральномъ районѣ Кореи, включающемъ провинціи Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо (Сѣверную и Южную), безусловное преобладаніе оказывается повсемѣстно, гдѣ только разводится этотъ злакъ, на сторонѣ культуры болотнаго риса, при чемъ по количеству воздѣлываемаго риса первенство среди четырехъ перечисленныхъ провинцій принадлежитъ Кёнъгыйдо, за которой близко слѣдуетъ Южная Чхюнъчхёнъдо; что касается обѣихъ остающихся провинцій, то хотя по абсолютному количеству воздѣлываемаго риса провинція Канъуёнъдо и превосходитъ нѣсколько провинцію Сѣверную Чхюнъчхёнъдо, но, вслѣдствіе крайняго неравенства площади той и другой провинціи, относительное распространеніе рисовой культуры въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо оказывается много большимъ, чѣмъ въ Канъуёндо[1].

Воздѣлываніе суходольнаго риса во всѣхъ четырехъ провинціяхъ центральной Кореи—Кёнъгыйдо, Канъуёндо и обѣихъ Чхюнъчхёнъдо является ничтожнымъ и въ настоящее время съ сельскохозяйственной точки зрѣнія роль его здѣсь никакъ нельзя назвать значительной. Нѣкотораго вниманія заслуживаютъ лишь условія культивированія его во второй половинѣ года въ трехъ уѣздахъ Кёнъгыйдо: Пхунъдёк, Кымпхо 金浦 и Янъчхён 陽川 и въ уѣздѣ Асан въ Южной Чхюнъчхёнъдо. Во всѣхъ этихъ уѣздахъ, въ тѣхъ частяхъ ихъ, которыя, прилегая къ морю или къ большой рѣкѣ (Ханганъ)—уѣздъ Пхунъдёк находится на сѣверномъ берегу ея устья, Кымпхо

[1]) Различные сорта болотнаго риса въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо указываются по отдѣльнымъ мѣстностямъ въ Ціôсен-сангіôси, I, 391—393. Пріемы культивированія болотнаго риса: посѣвъ его, въ связи съ устройствомъ разсадниковъ, распашка, унаваживаніе и прочія работы по подготовкѣ поля, пересадка разсады, полотьба и повторныя пропашки между посѣвами и уборка урожая описываются въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ того же центральнаго района Кореи на стр. 393—408 того же перваго тома Ціôсен-сангіôси.

и Янъчхён на южномъ берегу—и имѣя равнинный харектеръ, не даютъ удобства для орошенія, культивированіе болотнаго риса не можетъ быть достаточно успѣшнымъ, почему здѣсь обращаются къ разведенію суходольнаго риса, избѣгая тѣмъ необходимости большой затраты воды для орошенія поля. Дожди, проходящіе въ іюлѣ, августѣ или сентябрѣ, увлажняя поле суходольнаго риса, содѣйствуютъ его удобренію и успѣшному росту. Въ случаѣ, если, во время посѣва этого риса, дождя не будетъ и сѣмена его дадутъ мало всходовъ, то запахиваютъ весь рисъ и, въ усиленной надеждѣ на дождь, приготовляютъ къ посадкѣ разсаду болотнаго риса.

При такомъ способѣ воздѣлыванія риса, ради задержанія на полѣ влаги, необходимой во второй половинѣ растительнаго сезона, вокругъ полей, лежащихъ на низкомъ ровномъ мѣстѣ, устраиваются прочныя межи; самыя мѣста, на которыхъ растетъ этотъ рисъ, большей частью представляютъ собою глинистую почву[1].

На обыкновенныхъ суходольныхъ поляхъ тотъ же сортъ риса (суходольнаго) разводится въ сравнительно большомъ количествѣ въ уѣздѣ Янъчхён въ провинціи Кёнъгыйдо и въ окрестностяхъ города Чхёнъчжю въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо. Въ остальныхъ частяхъ центральной Кореи онъ встрѣчается лишь спорадически[2].

Среди риса, раздѣлываемаго въ провинціи Хоанъхъдо, пользуется широкой извѣстностью по всей Кореѣ т. н. Чарёнъ'скій рисъ, чья репутація признается и японскими торговцами риса въ самой Кореѣ и въ Кобе и Осака; этотъ же рисъ составляетъ большую часть вывоза риса изъ Чынънамхо. Имя Чарёнъ'скаго риса не только относится къ рису изъ уѣзда Чарёнъ, но и включаетъ рисъ, воздѣлываемый въ уѣздахъ Ан'ак, Мунхоа, Синчхён, Понъсан, расположенныхъ вокругъ Чарёнъ, какъ центра производства этого риса. Названные уѣзды составляютъ первый во всей провинціи районъ по производству риса, обладая, наряду съ большимъ или меньшимъ количествомъ гористой мѣстности, большимъ протяженіемъ

[1]) Цібсен-сангіби, I, 108.

[2]) Пріемы разведенія суходольнаго риса на этихъ поляхъ (въ уѣздѣ Янъчхён) см. тамъ же, 409.

равнинной почвы. По срединѣ этой равнины протекаетъ рѣка (Чäрёнъганъ), притокъ р. Тäдонъганъ, и по обѣмъ сторонамъ этой рѣки, на разстояніи нѣсколькихъ ри, имѣются многочисленныя тучныя рисовыя поля, которыя испытываютъ единственный ущербъ отъ наводненій. Перечисленнымъ уѣздамъ, можно сказать, не уступаютъ въ роли рисопроизводящихъ центровъ еще уѣзды Хäчжю, Ён'ан, Пäкчхён. Въ уѣздахъ Чянънён 長連, Сіонъхоа 松禾, Ыннюль и Канънёнъ, изобилующихъ горами, равно какъ въ уѣздахъ гористой части провинціи—Сёхынъ 瑞興, Пхёнъсан и Сюан, хотя и можно встрѣтить рисовыя поля, однако, количество разводимаго здѣсь риса не стоитъ упоминанія. Остальные уѣзды той же провинціи можно оставить и вовсе безъ разсмотрѣнія[1].

Суходольный рисъ воздѣлывается въ провинціи Хоанъхäдо въ гористыхъ уѣздахъ; въ остальныхъ же мѣстахъ онъ разводится въ столь незначительномъ количествѣ, что не стоитъ говорить[2].

Въ провинціи Южной Пхёнъандо на равнинахъ болотный рисъ наполовину сѣютъ прямо на полѣ, въ провинціи же Сѣверной Пхёнъандо на равнинахъ въ общемъ примѣняютъ пересадку, но, чѣмъ далѣе подвигаться на сѣверъ, тѣмъ примѣненіе непосредственнаго посѣва возрастаетъ. На сѣверъ отъ центральной части Пхёнъандо примѣняется своеобразный способъ культивированія риса, не встрѣчающійся въ другихъ мѣстностяхъ на полуостровѣ, въ особенности въ полосѣ Анчжю, Тчёнъчжю и Касан, по правому и лѣвому берегамъ рр. Тäрёнъганъ 大停江 и Чхёнъчхёнганъ, которыя разграничиваютъ всю провинцію на Сѣверную и Южную. Этотъ способъ заключается въ томъ, что болотный рисъ культивируется здѣсь такимъ же образомъ, какъ на суходольномъ полѣ. Недостатокъ орошенія обусловливаетъ, вѣроятно, подобное уклоненіе отъ общаго образ-

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 427—8. Тамъ же на стр. 428—9 перечисляются различные сорта риса, встрѣчающіеся въ этой провинціи и ихъ мѣстныя обозначенія; большую часть разводимаго риса составляютъ неклейкіе сорта его, тогда какъ клейкаго риса разводится мало. На стр. 429—433 дается подробное описаніе пріемовъ рисовой культуры въ этой провинціи, которые примѣняются также въ Хамгёнъдо и Пхёнъандо. На стр. 434—5 отмѣчается количество сбора риса по отдѣльнымъ мѣстностямъ съ 1 тан: отъ 1 коку (высшій размѣръ) до 6—7 то (средній) и 5 и менѣе (низшій).

[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 443.

ца. На такомъ полѣ, орошеніе коего зависитъ исключительно отъ атмосферныхъ осадковъ, при обильномъ выпаденіи ихъ, урожай бываетъ великъ; при маломъ количествѣ ихъ—скуденъ. Все-же земледѣльцы, по мѣрѣ возможности, заботятся объ орошеніи поля, для чего либо устраиваютъ канавы для проведенія по нимъ воды, либо копаютъ въ землѣ ямы и наполняютъ ихъ водою. Наибольшій урожай съ 1 тан бываетъ 1 коку 5 то, наихудшій 6—7 то, по приблизительному подсчету[1]. Качествомъ этотъ рисъ походитъ на суходольный, обладая жесткой и грубой соломою и хрупкимъ зерномъ некрасиваго цвѣта.

Въ перечнѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ провинціи Пхёнъандо, приводимомъ въ Ціôсен-сангіôси[2], суходольный рисъ вовсе не упоминается.

Въ провинціи Хамгёнъдо пріемы воздѣлыванія болотнаго риса[3] тѣ же, что въ Хоанъхädo, только въ Южной Хамгёнъдо примѣняютъ большой частью пересадку, а въ Сѣверной Хамгёнъдо (въ особенности въ сѣверной части ея) непосредственный посѣвъ.

Сборъ риса въ Южной Хамгёнъдо въ нормальный годъ бываетъ для зерна въ сыромъ видѣ: высшій 6—7 то, средній 4—5 то; въ Сѣверной Хамгёнъдо—высшій 5—6 то, средній 3—4 то. Однако, хотя сборъ сырого зерна по количеству бываетъ всегда достаточнымъ, но случается, что рисъ не вызрѣваетъ и, благодаря наличности большого числа незрѣлыхъ колосьевъ, количество сбора при дальнѣйшей очисткѣ зерна намного уменьшается, такъ что полуочищеннаго риса получается около $^1/_2$ первоначальнаго количества[4].

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 425—6.

[2]) I, стр. 424—5.

[3]) Въ Ціôсен-сангіôси, I, 421 указываются различные сорта болотнаго риса, встрѣчающіеся въ этой части страны.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 420—1.

Для поясненія надлежитъ указать, что въ обмолоченномъ видѣ рисъ называется японцами моми 籾 (сырой рисъ или paddy); это сырое зерно затѣмъ обдирается для удаленія шелухи (пленки), каковой процессъ называется японцами усудзури 臼磨, послѣ чего получается полуочищенный рисъ—геммай или курогоме 玄米, (цуканукоме—нетолченый рисъ), въ каковомъ видѣ вывозится изъ Кореи большая часть риса; окончательная отдѣлка зерна заключается въ его полировкѣ (толченіи, по яп. цуку); въ готовомъ или очищенномъ видѣ рисъ называется японцами хакумай 白米 или сеймай 精米.

Въ провинціи Хамгёнъдо суходольный рисъ разводится рѣдко и не заслуживаетъ особаго упоминанія[1].

Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо, помимо различныхъ корейскихъ сортовъ болотнаго риса (неклейкаго и клейкаго)[2], корейцами охотно разводятся и японскіе сорта его, которые, отличаясь хорошимъ качествомъ, даютъ зерно, расцѣниваемое дороже туземныхъ сортовъ[3].

Наибольшее количество риса воздѣлывается въ провинціи Чёлладо въ районѣ Чёнжю и Кунсан вдоль береговъ р. Чёнжючхён (Мангёнъчхён) и въ окрестностяхъ городовъ Начжю и Коанъчжю въ долинѣ р. Ёнъсанганъ, а въ провинціи Кёнъсянъдо—въ окрестностяхъ Кымха и Тагу[4].

Лучшій рисъ получается въ Чёлладо въ Коанъчжю, Ёнъгоанъ и Чянъсёнъ, въ Кёнъсянъдо—въ Чхянъуён и Масанпхо. Въ общемъ по качеству рисъ, воздѣлываемый въ этой части Кореи, не много разнится отъ среднихъ сортовъ японскаго риса[5].

Суходольный рисъ въ районѣ двухъ южныхъ провинцій Кореи: Кёнъсянъдо и Чёлладо (въ ихъ южныхъ и сѣверныхъ административныхъ подраздѣленіяхъ) много разводится вдоль р. Нактонъганъ, при чемъ наибольшее количество его встрѣчается въ особенности въ полосѣ страны отъ Кёнъчжю въ Сѣверной Кёнъсянъдо до Ёнъсан и Самнанъчжин[6].

Вывозъ риса. Каково бы ни было общее количество производимаго въ Кореѣ риса въ прежніе годы, во всякомъ случаѣ всегда получался извѣстный избытокъ его надъ потребленіемъ, который и вывозился, какъ и нынѣ, главнымъ образомъ изъ южныхъ частей полуострова, въ Китай, Азіатскую Россію и преимущественно въ Японію.

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 424.

[2]) См. названія обычнаго мѣстнаго туземнаго сорта риса, а также японскаго сорта, въ Ціôсен-сангіôси, I, 445. Тамъ же указывается распредѣленіе культированія того и другого сорта въ уѣздѣ Хёнпхунъ.

[3]) Тамъ же. Въ дальнѣйшемъ подробно описываются на стр. 445—451 пріемы рисовой культуры и очистки собраннаго риса въ указанныхъ провинціяхъ, а на стр. 451—453 въ особой таблицѣ указывается количество сбора съ 1 тан въ различныхъ мѣстностяхъ тѣхъ же провинцій (для сравненія приводятся данныя для Канъгёнъпхо въ провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо): отъ 5 то до 2 коку неочищеннаго риса, въ среднемъ около 9 то.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 453.

[5]) Тамъ же.

[6]) Ціôсен-сангіôси, I, 456.

Цѣнность вывоза корейскаго риса въ 1902 г. исчислялась въ 3,524 тыс. енъ; въ 1903 г.—4,224 тыс. енъ; въ 1904 г.—1,300 тыс. енъ; 1905 г.—889 тыс. енъ. Въ 1904 г. вывозъ риса далъ меньшую сумму, чѣмъ въ предшествовавшіе годы, благодаря усиленному спросу по хорошимъ цѣнамъ на рисъ въ самой странѣ для японскихъ войскъ. Въ 1905 г. сборъ риса въ Кореѣ былъ неудаченъ благодаря сильнымъ дождямъ и наводненіямъ, погубившимъ значительныя площади его посѣвовъ; кромѣ того на уменьшеніе вывоза риса въ этомъ году повліяли затруднительность разсчета за купленный рисъ вслѣдствіе обезцѣненія корейской никелевой монеты, установленіе ввозной пошлины на рисъ въ Японіи и т. д. Въ 1906 г. вывозъ риса изъ Кореи достигъ цѣнности въ 1,603,648 енъ, а въ слѣдующемъ 1907 г. сдѣлалъ огромный скачекъ вверхъ, показавъ увеличеніе въ цѣнности и количествѣ почти въ 5 разъ—въ цѣнности до 7,558,505 енъ. Въ 1908 г. цѣнность вывоза риса изъ Кореи была 6,484,831 енъ: въ Японію на сумму въ 4,809,028 енъ, въ Китай—1,166,945 енъ и въ Азіатскую Россію—446,989 енъ. Въ 1909 г. общая цѣнность вывоза корейскаго риса выразилась въ суммѣ 5,529,557 енъ, въ томъ числѣ въ Японію на сумму 3,943,081 енъ, въ Китай на сумму 1,145,895 енъ, въ Азіатскую Россію на сумму 431,526 енъ. Кромѣ того въ 1909 г. было вывезено корейскаго риса въ Европу и Америку черезъ Кобе и Осака на 400,000 енъ, наибольшее количество во Францію (190,000 енъ); этотъ рисъ главнымъ образомъ служитъ матеріаломъ для изготовленія крахмала[1]. Въ томъ же

[1]) Seoul Press, 26 May 1911. Распредѣленіе вывоза корейскаго риса черезъ Кобе между отдѣльными заграничными странами видно изъ слѣдующей таблицы, помѣщенной въ Seoul Press, 23 Dec. 1909, 2.

Куда:	1907	1908	1909 (янв.—іюнь)
		Мѣшковъ	
Канада	15,032	66,129	38,774
Австралія	7,340	9,197	1,668
Германія	4,372	—	2,240
Гаваи	386	—	2,251
Англія	2,202	3,742	5,814
Америка	1,380	1,755	11,424
Бельгія	—	447	4,000
Франція	—	—	3,370
	30,712	81,268	68,741

1909 г. изъ Кореи было вывезено большее количество риса прямо въ Голландію, откуда было частью вывезено въ различныя европейскія страны, въ такихъ же точно мѣшкахъ, въ какихъ рисъ отправляется за-границу изъ Японіи[1].

Въ 1910 г. цѣнность вывоза корейскаго риса выразилась въ 6,558,000 енъ приблизительно, давъ превышеніе на 22% сравнительно съ цифрами 1909 г. Сильные дожди, преобладавшіе въ 1910 г. въ Восточной Азіи и значительно повредившіе урожаю риса въ самой Японіи, оказались въ общемъ благопріятны, за нѣкоторыми исключеніями, для урожая риса въ Кореѣ, который обычно страдаетъ болѣе отъ засухи, присущей корейскому климату, и это обстоятельство, въ соединеніи съ высокими цѣнами на рисъ въ собственной Японіи, способствовало увеличенію вывоза риса изъ Кореи въ Японію, но также и въ Азіатскую Россію и Маньчжурію[2].

Благодаря усиленному вывозу риса[3] въ 1910 году въ Маньчжурію[4] и Владивостокъ, цѣны на рисъ въ самой Кореѣ настолько повысились, не смотря на достаточно успѣшный сборъ этого продукта въ 1910 г., что бѣдные классы населенія провинцій Чёлладо и Чхюнъчхёнъдо, у которыхъ,

---

[1]) Seoul Press, 23 Dec. 1909, 2.

[2]) Англійскій консульскій отчетъ о торговлѣ Кореи за 1910 г.: Diplomatic and consular reports. Annual Series, № 4676, стр. 7.

[3]) Этотъ усиленный вывозъ объясняется также тѣмъ, что, благодаря успокоенію страны, скупщики риса стали свободно проникать во внутренніе округа корейскаго полуострова.

[4]) Благодаря спросу на корейскій рисъ въ Маньчжуріи для быстро растущаго здѣсь числа японскихъ переселенцевъ, общая цѣнность риса, вывезенная изъ Кореи въ Дайренъ въ теченіе 2 съ чѣмъ то лѣтъ со времени открытія этого порта (съ 1 іюля 1907 г.) для иностранной торговли, превысила 977,000 енъ. Seoul Press, 23 Dec. 1909, 2.

Японское населеніе Южной Маньчжуріи, въ числѣ болѣе 70,000 душъ, потребляетъ 80,000 коку риса въ годъ, не считая 20,000 коку для японскихъ войскъ. Большая часть этого риса получается изъ Кореи черезъ Мокпхо, Кунсан, Чёмульпхо и Чынънампхо, при чемъ по качеству этотъ рисъ выдерживаетъ вполнѣ удовлетворительно сравненіе съ японскимъ рисомъ и можетъ быть отнесенъ къ среднему сорту послѣдняго; недостатокъ его заключается въ болѣе, чѣмъ обычной примѣси измельченнаго камня. Рыночная цѣна этого риса, достигаетъ въ Маньчжуріи нынѣ 21 енъ 30 сенъ за 1 коку, повысившись на 2 енъ 50 сенъ, чему способствуютъ высокія цѣны на рисъ въ самой Японіи и выжидательная тактика корейскихъ производителей этого продукта, которые, пользуясь финансовой поддержкою Восточной колонизаціонной компаніи и земледѣльческихъ промышленныхъ банковъ, въ состояніи нынѣ придерживать свои запасы риса до наступленія наиболѣе выгодныхъ цѣнъ на рынкѣ. Seoul Press, 19 January 1912, 2.

послѣ уплаты поземельнаго налога, остается совсѣмъ мало собственнаго риса, а послѣ израсходованія его не оказывается никакого побочнаго заработка, стали положительно голодать[1].

Усиленный вывозъ риса изъ Кореи продолжался и въ 1911 г., при чемъ въ теченіе первой половины этого года цѣнность его достигла 3,200,000 енъ, показавъ увеличеніе въ 584,000 енъ, сравнительно съ соотвѣтствующимъ полугодіемъ 1910 г.

Наибольшее количество вывозимаго изъ Кореи риса направляется нынѣ, какъ и ранѣе, въ собственную Японію, отчасти для вывоза отсюда въ другія страны, но главнымъ образомъ для пополненія, наряду съ прочимъ иностраннымъ рисомъ, ввозимымъ въ Японію для этой цѣли, недостатка въ этомъ продуктѣ въ самой странѣ. Слѣдующая таблица количествъ производства и потребленія риса въ Японіи позволяетъ установить, сколь значительной является въ этой странѣ потребность въ привозномъ, въ частности и въ корейскомъ рисѣ, равно какъ прослѣдить неизмѣнное вздорожаніе означеннаго продукта въ недавніе годы[2]:

Финанс. годы.	Производство риса.	Потребленіе его.	Превышеніе потребленія[3].	Ввозъ иностран. риса.	Цѣна за 1 коку (въ среднемъ)
	к о к у		коку	коку	енъ
1900	39,698,000	40,365,000	667,340	960,531	10,8
1901	41,466,000	42,243,000	776,718	1,307,014	11.8
1902	46,914,000	48,320,000	1,406,246	1,893,810	12,2
1903	36,933,000	41,863,000	4,931,382	5,108,510	13,8
1904	46,473,000	52,408,000	5,935,609	6,187,350	13,3
1905	51,430,000	56,427,000	4,997,040	4,870,283	12,3
1906	38,172,000	41,123,000	2,951,386	2,562,156	14,2
1907	46,302,000	49,309,000	3,007,077	2,843,511	16,1
1908	50,052,000	51,663,000	2,611,702	2,038,418	15,6

Повышеніе цѣнъ на рисъ въ Японіи въ 1911 г. достигло высшаго предѣла, при чемъ биржевая цѣна на этотъ продуктъ доходила въ іюлѣ 1911 г. до 19.45 енъ за коку, понизившись къ ноябрю до 14.98 енъ, но затѣмъ снова повысилась, подъ вліяніемъ ранняго истощенія запасовъ риса отъ прежнихъ урожаевъ, вопреки благопріятному новому урожаю, и къ концу декабря достигла вновь 18 енъ[4].

Для борьбы съ повышеніемъ цѣнъ на рисъ и, какъ результатъ этого, удорожанія всей стоимости жизни въ Японіи, повышенія заработныхъ платъ и проистекавшаго отсюда стѣсненія промышленности, было предпринято въ 1911 г. японскимъ правительствомъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, рядъ мѣръ, въ томъ числѣ и временное пониженіе ввозныхъ пошлинъ на иностранный рисъ, установлен-

[1]) Japan W. Chronicle, 1 June 1911, 945 (изъ «Майници-симбун»).

[2]) Japan W. Mail, 2 Dec. 1911, 656—7: переводъ статьи г. Кавата изъ журнала «Тайіô».

[3]) До 1900 г. недостатокъ собственнаго риса наблюдался въ Японіи лишь въ 1894, 1897 и 1898 гг. (въ послѣднемъ году въ размѣрѣ 4,207,329 коку).

[4]) Japan W. Times, 30 Dec. 1911, 657.

ныхъ ранѣе въ размѣрѣ 2 енъ на 1 коку, въ интересахъ поощренія японской земледѣльческой промышленности. Не довольствуясь этими мѣрами, руководящіе органы японской періодической печати[1] выступили осенью 1911 г. съ настойчивымъ требованіемъ отмѣны транзитныхъ пошлинъ на корейскій рисъ, которыя составляются изъ корейской вывозной пошлины въ размѣрѣ 48 сенъ съ 1 коку, оставшейся и послѣ присоединенія Кореи къ японской имперіи, и указанной японской ввозной пошлины, или всего въ суммѣ 2 1/2 енъ на 1 коку ввозимаго изъ Кореи въ Японію риса[2]; означенные періодическіе органы готовы были высказаться даже въ пользу уничтоженія японской ввозной пошлины вообще на иностранный рисъ въ качествѣ наиболѣе рѣшительной мѣры противъ колебаній цѣнъ этого продукта въ Японіи въ смыслѣ ихъ повышенія. Въ частности отмѣна транзитныхъ пошлинъ на корейскій рисъ, причинивъ японской казнѣ ежегодный ущербъ не болѣе 600—700 тысячъ енъ[3], должна была бъ, по мнѣнію названныхъ газетъ, увеличить вывозъ его въ Японію, уменьшившійся за

---

[1]) Взгляды ихъ въ этомъ отношеніи находили полнѣйшій откликъ и у полуоффиціознаго «Japan Times» (см. еженедѣльное изданіе этой газеты въ номерѣ отъ 14 Oct. 1911, стр. 123—4).

[2]) Изъ-за транзитныхъ пошлинъ въ 2 1/2 енъ на корейскій рисъ, японскій народъ ежегодно переплачиваетъ на потребляемый имъ въ количествѣ 50 милліоновъ коку рисъ 125 милліоновъ енъ, благодаря искусственному повышенію цѣнъ въ Японіи на мѣстный и иностранный рисъ, являющемуся въ результатѣ примѣненія этихъ пошлинъ. Japan W. Times, 16 Sept. 1911, 1109.

[3]) Вывозъ риса изъ Кореи, вмѣстѣ съ общими суммами вывозной пошлины на него въ Кореѣ и ввозной пошлины въ Японіи, которыя будутъ потеряны для японской казны послѣ отмѣны этихъ пошлинъ, за послѣдніе 6 лѣтъ можетъ быть представленъ въ слѣдующихъ цифрахъ (Seoul Press, 14 January 1912 и Japan W. Mail, 30 Dec. 1911, 758):

Годы	Вывозъ въ коку	Вывозной пошлины	Ввозной пошлины
1906	125,582	78,950 енъ	313,959 енъ
1907	612,265	397,739 «	1,530,664 «
1908	446,503	301,794 «	1,116,359 «
1909	399,216	222,085 «	998,040 «
1910	368,068	147,688 «	920,170 «
1911 (до ноября)	225,000	131,961 «	480,000 «

Seoul Press въ позднѣйшемъ номерѣ отъ 18 January 1912,2 вноситъ къ этимъ даннымъ, заимствованнымъ этой газетою изъ «Tôkiô-кейдзай-дзасси», поправку, въ томъ смыслѣ, что они, очевидно, не включаютъ количествъ корейскаго риса, хотя и вывезенныхъ въ собственную Японію, но предназначенныхъ къ вывозу отсюда въ другія страны. Поэтому, по свѣдѣніямъ финансоваго отдѣла корейскаго генералъ-губернаторства, дѣйствительныя количества вывоза корейскаго риса и суммы вывозной пошлины съ него должны быть представлены по отдѣльнымъ годамъ въ слѣдующихъ совершенно отличныхъ цифрахъ:

Годы	Вывозъ риса въ коку	Вывозной пошлины въ енъ
1907	674,320	311,368
1908	524,342	240,451
1909	506,785	197,154
1910	537,290	207,679
1911	295,450	134,714

послѣдніе годы, и поощритъ корейское земледѣліе освобожденіемъ его отъ косвеннаго бремени указанныхъ пошлинъ. Дѣйствительно, корейская вывозная пошлина на рисъ, при цѣнности одного пикуля его въ 4 енъ, является наиболѣе крупной статьей накладныхъ расходовъ при вывозѣ риса изъ Кореи[1].

Доводы сторонниковъ этого взгляда были услышаны японскимъ правительствомъ (впрочемъ, этотъ вопросъ еще раньше возбуждался японскими властями въ Кореѣ), которымъ уже объявлено объ уничтоженіи съ апрѣля текущаго года корейской вывозной пошлины на рисъ; помимо того, въ 1912—3 финансовомъ году предположено отмѣнить въ Кореѣ вывозныя пошлины на лѣсъ, морскіе продукты и прочія важныя статьи вывоза изъ этой страны для поощренія ея промышленнаго развитія[2]. Въ этомъ отношеніи правительство также слѣдуетъ мысли члена японскаго парламента К. Иноуе, предложившаго еще въ серединѣ 1911 г. въ журналѣ «Цю̄о̄» совершенно уничтожить въ Кореѣ вывозныя пошлины, которыя падаютъ главнымъ образомъ на японскихъ потребителей, какъ видно изъ дѣлаемаго имъ слѣдующаго подсчета: въ 1909—1910 гг. изъ 16,248,888 енъ, цѣнности всего вывоза изъ Кореи, 12,082,738 енъ, или 74,35% пришлись на долю вывоза въ Японію, въ отношеніи цѣнности вывоза въ эту страну зерновыхъ продуктовъ даже свыше 80%. Общая сумма поступленій вывозныхъ пошлинъ за тотъ же періодъ была около 700,000 енъ, изъ нихъ съ хлѣбныхъ продуктовъ—482,000 енъ[3].

Второе мѣсто по важности среди пищевыхъ продуктовъ корейскаго населенія, если говорить только о злакахъ, исключивъ бобовыя растенія, принадлежитъ ячменю—тämäk въ корейскомъ произношеніи іероглифовъ 大麥, о̄муги по японски, т. е. большого «мäк», въ отличіе отъ сіомäк, или малаго «мäк» 小麥—комуги японцевъ[4]. Обычное же обозначеніе ячменя въ Кореѣ—пори 牟 имѣетъ туземное происхожденіе[5].

Къ той же категоріи злаковъ, обозначаемыхъ родовымъ именемъ мäк (яп. муги) 麥, относятся между прочимъ два другихъ злака, какъ и показываютъ ихъ названія ёнмäк 燕麥 (яп. енбаку) овесъ и коамäк 稞麥 хадакамуги по японски

---

[1]) Japan W. Times, 1 July 1911, 626.

[2]) Seoul Press, 9 January 1912, 32. Ср. Seoul Press, 23 Jan. 1912.

[3]) Japan W. Times, 1 July 1911, 626.

[4]) Оба названія заимствованы изъ китайскаго языка, при чемъ подобное различіе въ ихъ обозначеніяхъ, по догадкѣ г. Хэльберта, можетъ объясняться тѣмъ, что зерно ячменя крупнѣе; въ отношеніи Кореи оно оправдывается тѣмъ, что ячмень оказывается для корейцевъ болѣе важныхъ изъ обоихъ злаковъ. The products of Korea: Korea Review, II, 1902, 111.

[5]) Тамъ же, 112.

голый ячмень, при чемъ всѣ четверо объединяются нерѣдко подъ общимъ наименованіемъ «мугируй» 麥類, или т. н. «ячменевыхъ», безразлично къ отдѣльнымъ представителямъ этого колѣна семейства злаковъ, и въ такомъ коллективномъ видѣ фигурируютъ въ японскихъ статистическихъ данныхъ и японскихъ описаніяхъ земледѣльческой промышленности Кореи[1].

Какъ ячмень, такъ и пшеница одинаково разводятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ каждой изъ корейскихъ провинцій[2]; но на сѣверѣ, хотя и здѣсь ячмень разводится въ качествѣ ярового злака, все же, благодаря большому количеству песчанистой почвы, больше разводятъ пшеницу; напротивъ, въ южныхъ частяхъ полуострова численное преобладаніе оказывается на сторонѣ культуры ячменя; въ особенности въ провинціяхъ Чёлладо и Чхюнъчхёнъдо найдется не мало мѣстностей, гдѣ ячмень разводится на рисовыхъ поляхъ для полученія второй жатвы[3]. Это же можно наблюдать еще въ большей степени въ обѣихъ провинціи Кёнъсянъдо, въ особенности въ Южной Кёнъсянъдо, гдѣ ячмень и вообще злаки изъ категоріи «муги», составляющіе въ совокупности всѣ посѣвы на суходольныхъ поляхъ, сѣются на 20% изъ общаго числа рисовыхъ полей; въ Сѣверной Кёнъсянъдо эта пропорція уже меньше, въ Чёлладо еще того меньше, понижаясь также и въ этой провинціи въ сѣверномъ направленіи[4]. Въ обѣихъ провинціяхъ Кёнъсянъдо ячмень, одинаково съ провинціями Чёлладо, встрѣчается въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ остальные

---

[1]) Подъ терминомъ просто «муги» 麥 японцы объединяютъ пшеницу и ячмень вмѣстѣ, почему провести разницу между ними въ японской статистикѣ является невозможнымъ.

[2]) Канкоку-сōран, стр. 491 указываетъ порядокъ чередованія посѣва ячменя съ другими злаками въ трехлѣтнемъ оборотѣ посѣвовъ; затѣмъ тамъ же на стр. 492—3 описывается время посѣва и количество посѣвнаго сѣмени на единицу площади, способъ распашки поля и унаваживанія его, дальнѣйшій уходъ за полемъ и время жатвы. Аналогичныя свѣдѣнія относительно культуры ячменя въ Кореѣ сообщаются и въ первомъ томѣ сочиненія Цiōсен-сангiōси, для отдѣльныхъ корейскихъ провинцій: на стр. 409—412 для центральныхъ провинцій: Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо; на стр. 423 для Хамгёнъдо; на стр. 427 для Пхёнъандо; на стр. 439 для Хоанъхäдо и на стр. 456—459 для Кёнъсянъдо и Чёлладо. Это также доказываетъ ошибочность утвержденія Лубенцова, Хамкенская и Пхіенанская провинціи Кореи, 224, будто культура ячменя не распространяется на корейскомъ полуостровѣ на западъ отъ Главнаго хребта.

[3]) Канкоку-сōран, 490.

[4]) Цiōсен-сангiōси, I, 459.

злаки названной категоріи, въ частности и пшеница[1].

Ячмень былъ введенъ въ Корею ея древнимъ и полулегендарнымъ, благодаря окружившимъ его личность позднѣйшимъ вымысламъ, правителемъ Кыйчжа изъ Китая впервые въ провинцію Пхёнъандо, откуда затѣмъ перешелъ въ Канъуёндо и далѣе на югъ. Лучшій сортъ ячменя нынѣ растетъ въ Канъуёндо (здѣсь разводится одинаково яровой и озимый ячмень)[2], слѣдующій по качеству въ Пхёнъандо[3], третій на югѣ, худшій—въ Хоанъхädo и Хамгёнъдо, другія провинціи производятъ средніе сорта зерна[4].

Вообще корейцы при разведеніи ячменя не обращаютъ никакого вниманія на сортъ его (въ отношеніи разновидностей ячменя въ Кореѣ различаются лишь озимый и яровой ячмень); однако, само собою разумѣется, что въ Кореѣ, по самой природѣ вещей, встрѣчается рядъ разновидностей этого злака, изъ коихъ нѣкоторыя встрѣчаются чаще другихъ (напримѣръ, шестирядный или остный ячмень)[5].

Въ Хоанъхädo ячмень разводится въ очень большомъ количествѣ, превосходя въ этомъ отношеніи пшеницу и прочіе злаки той же категоріи «муги»[6]. Средній сборъ его въ различныхъ уѣздахъ этой провинціи достигаетъ около 6 то на 1 тан (сѣется около 6 сіо), при чемъ если на лучшихъ поляхъ сборъ его можно считать въ 1 коку 5 то и больше, то на тощихъ земляхъ онъ не превышаетъ 4—5 то[7].

Въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо ячмень разводится въ наибольшомъ количествѣ изъ всѣхъ злаковъ категоріи «муги»[8]. Сборъ этихъ злаковъ въ этой части страны на суходольныхъ поляхъ достигаетъ отъ 5 то до $1^1/_2$ коку, въ среднемъ около 8 то; на поляхъ, дающихъ два урожая въ годъ,—въ половинѣ этого количества[9]. Ячмень, идущій въ Кореѣ на приготовленіе солода

[1]) Тамъ же.

[2]) Ціôсен-сангіôси I, 410.

[3]) Въ Южной провинціи Пхёнъандо ячменя вообще много, въ сѣверной мало. Ціôсен-сангіôси, I, 427.

[4]) The products of Korea: Korea Review, II, 1902, 111.

[5]) Ціôсен-сангіôси, I, 410.

[6]) Ціôсен-сангіôси, I, 439.

[7]) Тамъ же, 440. На таблицѣ, помѣщенной здѣсь и указывающей количества сбора этого зерна по отдѣльнымъ уѣздамъ, выведена средняя цифра его въ 8 то, но она кажется автору названнаго сочиненія преувеличенной.

[8]) Ціôсен-сангіôси, I, 456.

[9]) Тамъ же, 459.

(нурук 麵子), также получается большей частью съ отдаленнаго юга полуострова[1].

Изъ различныхъ областей Кореи населеніе столичной провинціи Кёнъгыйдо въ среднемъ употребляетъ въ пищу больше ячменя, нежели населеніе другихъ провинцій[2], что кажется нѣсколько удивительнымъ, такъ какъ эта провинція производитъ много другихъ злаковъ, въ частности большія количества риса, этого главнаго продукта питанія корейцевъ. Если принять Сеулъ за разграничительную линію, то на югъ отъ него въ столичной провинціи постепенно увеличивается разведеніе озимаго ячменя, по сравненію съ яровымъ, кромѣ уѣзда Коянъ, а на сѣверъ отъ него начинаетъ постепенно преобладаетъ культура ярового ячменя надъ озимымъ[3].

Важность ячменя для корейцевъ заключается въ томъ, что онъ раньше другихъ злаковъ созрѣваетъ весною (въ маѣ или іюнѣ) и позволяетъ населенію прокормиться имъ до сбора риса. Кромѣ того, ячмень служитъ важнымъ дополнительнымъ пищевымъ продуктомъ и въ этомъ отношеніи почти не уступаетъ роли различныхъ сортовъ бобовыхъ растеній. Кромѣ какъ непосредственно въ пищу и на изготовленіе солода, ячмень употребляется корейцами еще и на приготовленіе лекарственныхъ средствъ, леденцовъ, сиропа; наконецъ, онъ идетъ въ кормъ животныхъ, такъ какъ бобы слишкомъ дороги, чтобы ими пользоваться въ большомъ количествѣ для этой цѣли[4].

Пшеница носитъ по корейски особое имя «миль» туземнаго происхожденія, какъ и названіе для ячменя «пори». Это обстоятельство доказываетъ въ глазахъ г. Хэльберта, что оба злака существовали въ странѣ съ очень давнихъ временъ, иначе они были бы скорѣе извѣстны только подъ китайскими именами, указанными выше[5]. Впрочемъ, до времени помянутаго Кыйчжа, говоритъ далѣе г. Хэльбертъ, разведеніе зерна въ Кореѣ врядъ ли происходило въ большомъ количествѣ, да

---

[1]) Цит. статья «The Products of Korea», 111.
[2]) Цит. статья «The Products of Korea», 111.
[3]) Цiôсен-сангiôси, I. 110.
[4]) Цит. ст. «The Products of Korea», 111—112.
[5]) Тамъ же, стр. 203.

и послѣ него зерно первоначально служило въ пищу лишь знатному сословію и только 3—4 столѣтіями позже ячмень и пшеница сдѣлались обычной пищею въ сѣверныхъ областяхъ полуострова черезъ торговыя сношенія съ Шаньдуномъ, гдѣ растетъ лучшая пшеница въ Китаѣ[1].

Нынѣ лучшій сортъ корейской пшеницы встрѣчается въ провинціи Пхёнъандо, при чемъ эта пшеница при надлежащей переработкѣ, по мнѣнію г. Хэльберта, могла бы дать муку, не уступающую качествомъ американской, которая считается на Дальнемъ Востокѣ наилучшей.

Пшеница въ Кореѣ воздѣлывается[2] и во всѣхъ другихъ провинціяхъ, гдѣ только имѣются пригодныя мѣста для посѣва ея, неудобныя для риса. Много ея сѣется въ сѣверной части провинціи Хамгёнъдо[3], въ центральной Кореѣ—по долинѣ р. Ханганъ и на южныхъ островахъ: о-вѣ Квельпартъ, Auckland (Арандо) и др[4]. Пшеница, какъ и ячмень, разводится всюду и на материкѣ въ южной Кореѣ—въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо[5].

Въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо пшеница культивируется наравнѣ во всѣхъ мѣстностяхъ, при чемъ, вслѣдствіе болѣе поздняго, чѣмъ для ячменя, срока жатвы ея, ею пользуются (на рисовыхъ поляхъ) для вторичнаго посѣва; на суходольныхъ поляхъ пшеницу здѣсь разводятъ мало, такъ какъ она составляетъ большую помѣху лѣтнимъ посѣвамъ. Такъ, на огородныхъ земляхъ въ Туксём, хотя, случается, и сѣютъ послѣ нея рѣдьку (набуг 蘿蔔, дайкон по японски Raphanus sativus), но этотъ посѣвъ неизбѣжно запаздываетъ[6].

---

[1]) Цит. статья, 203. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ провинціи Шаньдунъ пшеница является понынѣ главнымъ хлѣбнымъ злакомъ, независимо отъ ея качества, которое здѣсь лучше, чѣмъ далѣе на югъ въ томъ же Собственномъ Китаѣ.

[2]) Способъ культивированія пшеницы въ различныхъ частяхъ Кореи указывается въ Цiбсен-сангiбси, I, 412 (для провинціи Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо, гдѣ онъ одинаковъ съ способомъ разведенія ячменя), 422 (для Хамгёнъдо), 440 (для Хоанъхäдо; здѣсь способъ одинаковъ съ таковымъ же для ячменя), 456—458 (для Кёньсянъдо и Чёлладо; способъ культивированія здѣсь одинаковъ для всѣхъ хлѣбовъ категоріи «муги»).

[3]) Сборъ пшеницы въ Хамгёнъдо достигаетъ: высшій 6—7 то, средній отъ 3—4 то на 1 тан. Цiбсен-сангiбси, I, 423.

[4]) Описаніе Кореи, II, 125.

[5]) Цiбсен-сангiбси, I, 459; см. еще выше, стр. 447 настоящаго «Очерка».

[6]) Цiбсен-сангiбси, I, 412.

Пшеницу, разводимую въ Хоанъхäдо, можно относить въ общемъ къ двумъ разновидностямъ—красной и бѣлой; той и другой нѣсколько сортовъ. Качество ея не можетъ быть названо плохимъ. По словамъ мѣстныхъ земледѣльцевъ, урожай пшеницы уступаетъ урожаю ячменя; количество въ пять то съ 1 тан поля является близкой къ точной цифрѣ его[1].

Подобно ячменю, пшеница служитъ въ дѣлѣ питанія населенія дополненіемъ къ рису, особенно въ случаѣ его недорода.

Пшеница въ Кореѣ, по справедливому заявленію г. Hulbert[2], бываетъ только озимой, тогда какъ ячмень сѣется и осенью и весною[3]. Послѣ освобожденія поля отъ этихъ злаковъ, весною сѣются рисъ, или бобы, горохъ, а то и овощи[4].

Изъ пшеничной муки[5] корейцы дѣлаютъ главнымъ образомъ «лекарственные плоды» яккоа 藥果, для чего тѣсто изъ этой муки, смѣшанное съ медомъ, разрѣзается на квадратные куски и поджаривается на кунжутномъ маслѣ. Бѣдные классы варятъ изъ пшеничныхъ зеренъ кашу на подобіе рисовой[6]. Цiō-

[1]) Какъ и показываетъ средній выводъ изъ цифръ урожая пшеницы по отдѣльнымъ уѣздамъ названной провинціи въ Цiōсен-сангiōси, I, 441.

[2]) Korea Review, II, 204.

[3]) Описаніе Кореи, 125, указываетъ и яровую пшеницу въ Кореѣ; однако, Канкоку-сōран, 494, отмѣчаетъ сроки посѣва пшеницы въ этой странѣ только осенью: на сѣверѣ отъ середины октября до начала ноября, на югѣ съ конца сентября по конецъ октября. Цiōсен-сангiōси, I томъ, также говоритъ только объ озимой пшеницѣ, напримѣръ, на стр. 412 указывается время посѣва пшеницы въ столичной провинціи, Канъуōндо и Чхюнъчхēнъдо въ октябрѣ, а время жатвы ея съ середины іюня до начала іюля. Въ Чēлладо и Кēнъсянъдо для всѣхъ хлѣбовъ категоріи «муги» посѣвъ производится въ среднемъ въ теченіе октября, наиболѣе ранній—въ августѣ, наиболѣе поздній—въ ноябрѣ. Тамъ же, 458.

[4]) Канкоку-сōран, 493, указываетъ чередованіе посѣвовъ пшеницы съ другими культурами въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первомъ году пшеница, во второмъ—большіе и мелкіе бобы, или сорта проса, въ третьемъ году пшеница или ячмень, въ мѣстностяхъ, производящихъ табакъ, онъ садится на третьемъ году, а пшеница лишь на четвертомъ.

[5]) Мукомольныхъ мельницъ, а слѣдовательно и мукомольнаго дѣла, въ Кореѣ не существуетъ, а потому и муки въ собственномъ смыслѣ слова туземнаго изготовленія; имѣются лишь грубыя ручныя круподерки, состоящія изъ двухъ каменныхъ жернововъ (ими перетираютъ зерна хлѣбныхъ растеній на мелкую крупу или муку; см. изображеніе одной изъ нихъ для овса, другой для мелкихъ бобовъ въ Канкоку-сōран, 638), и особые толчаки, приводимые въ дѣйствіе водою (устройство ихъ см. въ «Описаніи Кореи», II, 128) или иначе; при помощи толчаковъ кукуруза, просо и рисъ очищаются отъ шелухи (ср. Баронъ Корфъ и Звегинцовъ, Военный обзоръ Сѣверной Кореи, 68—7). Тѣмъ большее распространеніе въ Кореѣ пріобрѣла мука иностраннаго привоза, въ частности американскаго происхожденія.

[6]) Цит. ст.: The products of Korea, 204.

сен-сангіōси[1] отмѣчаетъ для центральныхъ провинцій Кореи (равнымъ образомъ и для остальной страны) слѣдующія примѣненія пшеницы: въ видѣ муки на круглые хлѣбцы, по кор. инчжёльми 引絕味 (по японски данго 團子), разное тѣсто (японскіе моци 餠), вермишель, кор. мён 麵 (яп. удон 溫飩) и т. д.; въ видѣ дрожжей—для гонки водки.

Овесъ ёнмäк 燕麥 Avena fatua воздѣлывается въ большей или меньшей мѣрѣ одинаково во всѣхъ корейскихъ провинціяхъ, однако, по сравненію съ разведеніемъ ячменя и пшеницы, въ относительно небольшомъ количествѣ[2]. Всюду онъ воздѣлывается преимущественно на огневыхъ поляхъ въ горахъ[3].

Если овесъ такимъ образомъ встрѣчается всюду въ Кореѣ, все же наиболѣе значительной культура его оказывается въ провинціяхъ Канъуōндо, Пхёнъандо и Хамгёнъдо (Сѣверной и Южной). Въ провинціи Хамгёнъдо овесъ является наиболѣе распространеннымъ злакомъ изъ числа употребляемыхъ въ пищу и въ горныхъ мѣстностяхъ овсяная каша замѣняетъ вареный рисъ[4]. Помимо высокаго положенія въ этой части страны полей—400—450 саженъ на восточныхъ склонахъ (т. е. на сторону Японскаго моря) и 450—500 саж. на западныхъ склонахъ, обращенныхъ къ Желтому морю, т. е. на такой высотѣ, гдѣ другіе хлѣба вызрѣвать не могутъ, на распространеніе культуры овса въ Хамгёнъдо (даже на болѣе низкія мѣста, но это не далѣе 200 в. отъ русской границы)[5], оказывалъ ранѣе вліяніе и

---

[1]) I, 412.

[2]) Цiōсен-сангіōси, I, 409, устанавливаетъ слѣдующій порядокъ по степени распространенности въ Кореѣ отдѣльныхъ злаковъ категоріи «муги»: ячмень и пшеница въ качествѣ главныхъ, на третьемъ мѣстѣ овесъ и, наконецъ, голый ячмень въ совсѣмъ небольшомъ количествѣ.

[3]) Канкоку-сōран, 494. Цiōсен-сангіōси, I, 423, прибавляетъ къ этому для провинціи Хамгёнъдо еще «на лѣсныхъ переложныхъ суходольныхъ поляхъ». На огневыхъ поляхъ удобренія для овса не употребляется; когда же овесъ сажаютъ на болѣе низкомъ мѣстѣ на грядкахъ, то примѣняютъ удобреніе (тамъ же, говорится о той же провинціи Хамгёнъдо). Время посѣва—въ началѣ октября, жатвы около середины іюня. Въ Кёнъгыйдо, Канъуōндо и Чхюнъчхёнъдо время посѣва весною въ мартѣ и апрѣлѣ; жатвы обычно—около середины іюля. Изъ всѣхъ растеній категоріи «муги» овесъ созрѣваетъ самымъ позднимъ.

[4]) Овесъ, служащій основою питанія населенія горныхъ внутреннихъ мѣстностей сѣверной Кореи, употребляется въ пищу цѣликомъ въ вареномъ видѣ, какъ рисъ, при чемъ ядро овсяного зерна, будучи тверже рисового, труднѣе перевариваетъ; новые поселенцы здѣсь страдаютъ цѣлыми мѣсяцами отъ несваренія желудка и поноса, пока не привыкнуть къ этой грубой пищѣ. Korea Review, IV. 1904, 398.

[5]) Баронъ Корфъ и Звегинцовъ, Военный обзоръ Сѣв. Кореи, 82. Тамъ же

большой спросъ на него на рынкахъ Уссурійскаго края для русскихъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ частей; доставка этого овса изъ корейскихъ селеній по р. Туманганъ и вдоль морского побережья производилась по указанной рѣкѣ и главнымъ образомъ моремъ; ранѣе этимъ путемъ провозилось въ Южно-Уссурійскій край 8-12 пудовъ тысячъ корейскаго овса ежегодно[1]. Въ провинціи Хамгёнъдо, гдѣ культура его имѣетъ такое значеніе, овса собирается съ 1 тан столько же, какъ и ячменя, именно въ высшемъ размѣрѣ 7—8 то, въ среднемъ отъ 4 до 5 то[2].

Изъ четырехъ провинцій Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо овесъ разводится въ наибольшомъ количествѣ въ Канъуёндо, гдѣ онъ не уступаетъ въ этомъ отношеніи ячменю. Въ провинціи Кёнъгыйдо овса разводится очень много въ уѣздѣ Санънёнъ 尚寧, а въ остальныхъ уѣздахъ, хотя онъ и встрѣчается всюду, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что не стоитъ о немъ говорить. Въ провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо овса разводится нѣсколько больше въ уѣздахъ Тансан и Тхаан, а въ провинціи Сѣверной Чхюнъчхёнъдо культура его весьма ничтожна. Овесъ разводится въ указанныхъ провинціяхъ главнымъ образомъ по низкимъ мѣстамъ въ узкихъ долинахъ въ горахъ, тогда какъ ячмень и пшеницу можно встрѣтить на болѣе возвышенной почвѣ на краю горъ и на самыхъ скатахъ ихъ[3]. Въ провинціи Пхёнъандо овесъ разводится только въ горныхъ уѣздахъ[4]. Въ провинціи Хоанъхѣдо разводится нѣкоторое количество овса только въ гористой мѣстности, прилегающей къ Хамгёнъдо[5]. Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо овесъ разводится въ крайне небольшомъ количествѣ[6].

Въ толченомъ видѣ овесъ главнымъ образомъ варятъ съ рисомъ и употребляютъ въ пищу; изрѣдка его даютъ также варенымъ въ кормъ рогатому скоту. Иногда изъ него приготовляютъ дрожжи и вмѣстѣ съ пшеничными дрожжами употребляютъ при гонкѣ водки[7].

Изъ овсяной соломы корейцы выдѣлываютъ хорошую жел-

обозначается слѣдующимъ образомъ площадь овса въ сѣверной Кореѣ: все плоскогорье, водораздѣлъ между Японскимъ и Желтымъ моремъ и восточная часть Хребта климатической границы (восточный участокъ цѣпи Міохянъсан, см. настоящій «Очеркъ», ч. I, стр. 132).

[1]) Вебель, Поѣздка въ Корею въ 1889 г., стр. 165.

[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 423.

[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 413.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 427.

[5]) Тамъ же, 429.

[6]) Тамъ же, 456.

[7]) Ціôсен-сангіôси, I, 413 (для провинціи Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо). Это, впрочемъ, справедливо и для другихъ частей Кореи.

тую бумагу, очень толстую и не гибкую (особенно въ городѣ Ёнъхынъ въ Южной Хамгёнъдо).

Рожь. Существованіе въ Кореѣ культуры ржи категорически отрицается Лубенцовымъ[1], хотя другіе путешественники увѣряютъ, что рожь не менѣе распространена въ Кореѣ, чѣмъ пшеница[2]. Позднѣйшіе авторы—баронъ Корфъ и Звегинцовъ[3], не менѣе категорически утверждаютъ, что рожь стала появляться здѣсь лишь за послѣдніе годы и то въ ничтожномъ количествѣ на плоскогорьѣ сѣверной Кореи.

Съ другой стороны японскіе авторы сообщаютъ о существованіи въ Кореѣ культуры коамäк 裸麥[4], яп. хадакамуги[5], каковой терминъ нѣкоторые авторы[6] и составители словарей[7] неправильно отожествляли съ обозначеніемъ ржи, не встрѣчавшейся вовсе въ Японіи. Въ дѣйствительности, это—*голый ячмень* Hordeum vulgare b nudum s. coeleste (по опредѣленію Dr. J. J. Rein), который, вмѣсто настоящаго ячменя, или ôмуги 大麥, много разводится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Японіи[8].

Указанный голый ячмень разводится въ Кореѣ въ такомъ небольшомъ количествѣ, что почти не причисляется къ земледѣльческимъ произведеніямъ этой страны[9].

---

[1]) Хамкенская и Пхіенанская провинціи Сѣв. Кореи, 223.

[2]) Описаніе Кореи, II, 126.

[3]) Военный обзоръ Сѣв. Кореи, 83.

[4]) Іероглифъ коа 裸 корейцамъ неизвѣстенъ вовсе, по свидѣтельству Г. В. Подставина; а рожь они называютъ «русской пшеницею»—маучжа-миль 毛胡子麥; разведеніе ея въ небольшомъ количествѣ въ сѣверной Кореѣ началось съ недавняго времени подъ русскимъ вліяніемъ.

[5]) Первый іероглифъ въ этомъ названіи можетъ писаться еще 裸, что буквально значитъ: голый (хадака по японскому).

[6]) Kinch, упоминаемый у Rein, Japan nach Reisen und Studien, II, 58.

[7]) Напр. Inouye's Japanese-English dictionary, который слѣдуетъ въ этомъ отношеніи Brinkley, Nanjo and Iwasaki, Unabridged Japanese-English dictionary, гдѣ названіе хадакамуги передается черезъ англійскіе «rye» (рожь) съ латинскимъ названіемъ Secale cereale.

[8]) Въ особенности въ префектурахъ Хиросима, Окаяма и Ехиме; см. Нôгейдайдзирин «Агрономическій словарь», изд. въ 1907 г., который пишетъ имя «хадакамуги» черезъ іероглифы 裸麥; научное названіе этого вида ячменя здѣсь обозначается нѣсколько иначе: Hordeum lexasticum nudum (Matsumura, Shokubutsu Mei-i. Enumeration of selected scientific names of both native and foreign plants. Tokyo, 1903, стр. 143, даетъ для хадакамуги тоже научное названіе, что и для ôмуги—Hordeum sativum Zess. var. vulgare L.). Настоящая справка дана Е. Г. Спальвинымъ.

[9]) Ціôсен-сангіôси, I, 409.

По отдѣльнымъ провинціямъ распространеніе культуры этого вида ячменя представляется въ слѣдующемъ видѣ: немного его разводится въ сосѣднихъ съ г. Пхёнъянъ уѣздахъ, но нѣсколько далѣе на сѣверъ онъ уже не встрѣчается вовсе[1]. Этотъ ячмень разводится и въ Хоанъхѣдо, гдѣ по количеству занимаетъ третье мѣсто среди злаковъ «муги», послѣ ячменя и пшеницы[2]; однако, и въ этой провинціи количество его не можетъ сравниться съ количествомъ ячменя и пшеницы; урожай его немногимъ меньше урожая ячменя; способъ разведенія не представляетъ ничего особеннаго сравнительно съ таковымъ же двухъ вышеозначенныхъ злаковъ[3]. Въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо этотъ видъ ячменя, какъ и овесъ, разводится въ крайне небольшомъ количествѣ[4].

Гречиха момиль по корейски, кіомäк по корейскому произношенію іероглифическаго обозначенія этого растенія 蕎麥 (яп. соба) Polygonum fagopyrum L. играетъ значительную роль въ корейскомъ сельскомъ хозяйствѣ, при чемъ мука изъ нея употребляется почти исключительно на изготовленіе вермишели, главной составной части корейскаго любимаго блюда—куксю (пäнмён 白麵)[5].

Положеніе культуры гречихи въ Кореѣ то же, что и въ Японіи: повсюду на полуостровѣ[6], какъ и въ этой странѣ, она разводится въ небольшомъ количествѣ, при чемъ время посѣва ея также неопредѣленно, какъ и въ Японіи. Ее разводятъ въ тѣхъ мѣстахъ орошаемыхъ полей, гдѣ за недостаткомъ орошенія не можетъ быть посаженъ рисъ; нерѣдко еще ее сѣютъ на обыкновенныхъ суходольныхъ поляхъ въ смѣси съ другими посѣвами[7]. Въ провинціи Хамгёнъдо, гречиха сѣется, либо одна, либо вмѣстѣ съ другими хлѣбами, въ маѣ и собирается въ августѣ или сентябрѣ[8]. Въ Хоанъхäдо гречихи разводится немного[9], хотя преданіе относитъ какъ-разъ къ этой провинціи начало культуры этого растенія въ Кореѣ[10]. Все же гречиха

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 427.
[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 439.
[3]) Тамъ же, I, 441.
[4]) Тамъ же, I, 456.
[5]) Цит. ст.: The products of Korea, 301.
[6]) Впрочемъ, при описаніи земледѣльческихъ культуръ въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо Ціôсен-сангіôси, I, 456, хотя и перечисляетъ всѣ злаки изъ категоріи «муги», разводимые въ этихъ провинціяхъ даже въ ничтожномъ количествѣ, не упоминаетъ вовсе о гречихѣ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы ея культура здѣсь вовсе не встрѣчалась, и подобное умолчаніе названнаго сочиненія является лишь случайнымъ.
[7]) Ціôсен-сангіôси, I, 417 (говорится про провинціи Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо, но это можетъ относиться и къ другимъ провинціямъ).
[8]) Тамъ же, 424.
[9]) Тамъ же, 443.
[10]) The products of Korea, 301.

воздѣлывается въ настоящее время въ наибольшемъ количествѣ въ Кёнъгыйдо и Канъуёндо, хотя по традиціи родиною упомянутаго національнаго кушанья «куксю» считается Пхёнъандо.

Изъ грубой гречневой муки изготовляется родъ хлѣба на подобіе ржаного—т. н. «собачій хлѣбъ» (по буквальному переводу корейскаго названія его каттёк), хотя онъ слишкомъ хорошъ для собакъ[1].

Сборъ двухъ важнѣйшихъ злаковъ изъ категоріи «муги»—ячменя и пшеницы, взятыхъ вмѣстѣ, въ Кореѣ въ 1908 и 1909 г.г. исчислялся въ слѣдующихъ цифрахъ по отдѣльнымъ провинціямъ[2]:

Названіе провинціи:	1908 г.	% увеличеніе или уменьш. сравнительно съ нормальн. сборомъ	1909 г.
	к	о к	у
Кёнъгыйдо	172,872	—23,8	212,417
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	272,260	+ 1,7	157,864
Южная Чхюнъчхёнъдо	226,407	+11,2	190,048
Сѣверная Кёнъсянъдо	891,894	+ 2,9	736,706
Южная Кёнъсянъдо	608,938	+ 4,9	525,855
Сѣверная Чёлладо	404,896	+12,0	211,524
Южная Чёлладо	661,026	+ 3,5	965,901
Хоанъхѣдо	160,753	—27,3	210,005
Южная Пхёнъандо	110,626	+ 6,0	118,415
Сѣверная Пхёнъандо	11,535	— 3,1	12,328
Южная Хамгёнъдо	149,426	—16,8	217,177
Сѣверная Хамгёнъдо	113,215	+ 3,3	31,869 41,516
Канъуёндо	83,897	—18,0	208,044
Всего . .	3,867,722	+ 1,0	3,839,659[3].

Общая площадь посѣвовъ подъ этими культурами въ 1909 г. была 423,466,6 цію[4].

---

[1]) Цит. ст.: «The products of Korea», 301.

[2]) По даннымъ Ціôсен-сангіôси, I, стр. 538—543 (для 1908 г., при чемъ на стр. 583 указывается, что подъ обозначеніемъ «муги» здѣсь разумѣются ячмень и пшеница) и Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, стр. 951, гдѣ помянутой оговорки не дѣлается.

[3]) Seoul Press, 19 Dec. 1909, опредѣляетъ общій сборъ ячменя (здѣсь надо разумѣть, вѣроятно, и сборъ пшеницы) въ 1909 г. въ 4,164,725 коку.

[4]) Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, стр. 952 (въ Seoul Press, 19 Dec. 1909 г., эта площадь указывается въ 421,838 ціô).

Въ 1910 г. общій сборъ тѣхъ же хлѣбовъ былъ 3,660,000 коку.

Просо, обозначаемое въ Кореѣ общимъ для всѣхъ разновидностей его именемъ чіо (или сок въ корейскомъ чтеніи іероглифа 粟, собственно названія итальянскаго проса, наиболѣе распространеннаго вида проса въ странѣ[1]), встрѣчается здѣсь въ числѣ шести сортовъ, перечисляемыхъ г. Хэльбертомъ[2], изъ которыхъ, однако, только одно (желтое клейкое просо или кичжянъ 黍) является, по заявленію того же автора, туземнымъ[3]. Эти шесть сортовъ проса, различаемыхъ корейцами, суть слѣдующіе: 1) чхачжіо—клейкое просо; 2) мэчжіо—сухое (неклейкое) просо (чумиза, т. е. сяомицза 小米子 у китайцевъ, иначе 粟); 3) кичжянъ 黍 желтое клейкое просо (чхалькичжянъ 粘黍); 4) мэгичжянъ—неклейкое (сухое) желтое просо; 5) чхёнъчжёнъми 青精米 зеленое клейкое просо 6) пхичжо метельчатое просо 稷. Японскіе авторы, при описаніи различныхъ категорій земледѣльческихъ продуктовъ Кореи, объединяютъ всѣ разновидности проса, встрѣчающіяся въ этой странѣ, подъ тремя обозначеніями (въ японскомъ употребленіи): ава 粟 итальянское просо Setaria italica или Panicum italicum (желтое початковое просо), хіе 稗 гребенчатое просо Panicum frumentaceum или Panicum crus galli, байцзы въ китайскомъ употребленіи 稗子[4], и киби 黍—названіе этого вида проса пишется еще 稷[5]—обыкновенное (настоящее) или метельчатое просо Panicum miliaceum.

Получаемое отъ различныхъ сортовъ проса пшено составляетъ для населенія въ Кореѣ важный пищевой продуктъ, особенно при неурожаѣ риса, наряду съ бобами и ячменемъ. Всѣ сорта проса корейцы съѣдаютъ въ вареномъ видѣ вмѣстѣ

[1]) Про этотъ видъ проса Канкоку-сōран, 495, говоритъ, что оно разводится въ большомъ количествѣ въ сѣверной Кореѣ, тогда какъ въ южной Кореѣ оно встрѣчается главнымъ образомъ въ гористыхъ мѣстностяхъ.

[2]) Цит. ст.: The products of Korea, Korea Review, II, 1902, 205.

[3]) Тамъ же.

[4]) «Пайцза» въ сочиненіи Комарова, «Флора Маньчжуріи», т. I, стр. 256, гдѣ говорится, что этотъ видъ проса культивируется китайцами въ меньшихъ количествахъ, чѣмъ другіе его виды. Здѣсь дается его научное названіе Panicum frumentaceum, тогда какъ у Piry, Manuel de langue mandarine, 820, таковымъ является Panicum crus galli (впрочемъ, это весьма близкія разновидности одного и того же вида).

[5]) Piry, Manuel de langue mandarine, 820, относитъ китайское названіе шу 黍 къ клейкому сорту обыкновеннаго проса Panicum miliaceum glutinosum.

съ рисомъ, или отдѣльно, за исключеніемъ зеленаго проса, идущаго только на изготовленіе рода сгущенной патоки[1]. Метельчатое просо употреблялось въ Кореѣ, какъ первое жертвенное зерно, въ храмѣ королевской (императорской) таблицы, такъ какъ въ Китаѣ оно созрѣваетъ ранѣе всѣхъ другихъ злаковъ (откуда и былъ заимствованъ корейцами этотъ обрядъ).

Желтое клейкое просо (кичжянъ), единственный сортъ проса туземнаго происхожденія, по цѣнѣ одинаково съ рисомъ; остальные сорта на $^1/_3$ или даже $^2/_3$ дешевле[2].

Вопреки мнѣнію Масанао Коике[3], что разведеніе проса въ Кореѣ ограничивается только нѣкоторыми опредѣленными мѣстностями, это растеніе воздѣлывается повсюду въ странѣ, что вполнѣ объясняется широкимъ потребленіемъ его, не только въ пищу, но и для другихъ цѣлей, какъ указывается ниже.

Относительно распространенія и роли отдѣльныхъ разновидностей проса въ Кореѣ можно сказать слѣдующее:

Въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо итальянское просо разводится всюду, при чемъ въ особенности цѣнится въ мѣстностяхъ, гдѣ мало риса. Иногда итальянское просо сѣютъ въ смѣси съ обыкновеннымъ просомъ, сорго и большими бобами. Посѣвъ его производится обычно въ концѣ апрѣля вплоть до мая, а если онъ производится, вслѣдъ за уборкою ячменя, на томъ же полѣ, то въ концѣ іюня или началѣ іюля; уборка хлѣба происходитъ въ сентябрѣ или октябрѣ. Имѣется нѣсколько сортовъ итальянскаго проса, которые въ свою очередь подраздѣляются на болѣе мелкія разновидности. Однако, корейскіе поселяне совершенно не придаютъ значенія этимъ различіямъ[4].

Будучи весьма важнымъ продуктомъ питанія сельскаго населенія, итальянское просо разводится всюду въ Хоанъхѣдо, даже въ такихъ случаяхъ, когда нѣтъ другихъ посѣвовъ. При этихъ условіяхъ трудно указать болѣе извѣстные центры производства этого злака среди уѣздовъ этой провинціи, все же болѣе выдающимися можно считать уѣзды Коксан, Сюан, Сингѣ. Урожай различныхъ разновидностей итальянскаго проса, встрѣчаемыхъ въ этой провинціи[5], достигаетъ, при количествѣ посѣвнаго сѣмени въ 2—3 сіо, въ среднемъ изъ цифръ для 9 уѣздовъ—7 то на

[1]) Цит. ст.: The products of Korea, 206.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ Internat. Arch. f. Ethnogr., IV, стр. 29; съ этимъ мнѣніемъ не соглашались и составители «Описанія Кореи», II, 127.

[4]) Ціосен-сангіоси, 413—415. Техника культуры итальянскаго проса въ названныхъ провинціяхъ описывается тамъ же.

[5]) См. Ціосен-сангіоси, I, 434; независимо отъ сорта, пріемы культивированія этого злака въ разсматриваемой провинціи, указываемые тамъ же на 434—5 стр., одинаковы.

1 тан; однако, это количество является скорѣе сборомъ выше средняго, такъ что средней цифрою будетъ лишь около 5 то[1], т. е. самъ 16—25.

Общее количество этого вида проса, собираемое въ Хоанъхäдо, превосходитъ таковое же количество въ любой изъ остальныхъ корейскихъ провинцій.

Въ провинціи Хамгёнъдо—Сѣверной и Южной, тотъ же видъ проса воздѣлывается такимъ же образомъ, какъ въ Хоанъхäдо, при чемъ урожай получается въ той же цифрѣ—на 1 тан высшій 7 то, средній 4—5 то[2].

Въ провинціи Пхёнъандо культивированіе этого проса процвѣтаетъ, не говоря уже о гористыхъ мѣстностяхъ, также на ровномъ мѣстѣ, при чемъ особую важность пріобрѣтаетъ удобреніе[3].

Второй видъ проса, встрѣчающійся въ Кореѣ, малое просо[4]—Panicum frumentaceum, хотя и разводится всюду въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо, но по сравненію съ итальянскимъ просомъ лишь въ весьма небольшомъ количествѣ, за исключеніемъ меньшей части территоріи этихъ провинцій. Его садятъ часто взамѣнъ итальянскаго проса, такъ какъ онъ не вызываетъ затрудненій въ отношеніи послѣдовательнаго посѣва. Пріемы воздѣлыванія этого вида проса не отличаются отъ культуры итальянскаго проса, съ тѣмъ лишь различіемъ, что этотъ видъ разводится не только на суходольныхъ, но и на рисовыхъ поляхъ[5].

Въ обѣихъ провинціяхъ Хамгёнъдо этотъ же видъ проса разводится на суходольныхъ поляхъ, но въ Сѣверной Хамгёнъдо оно разводится въ большомъ количествѣ и на сырыхъ поляхъ, не пригодныхъ для рисовой культуры, и на рисовыхъ поляхъ, какъ, напримѣръ, въ районѣ Сюсёнъ или въ долинѣ, ведущей къ городу Хойрёнъ. Просо, воздѣлываемое на орошаемыхъ поляхъ, внѣшнимъ видомъ и зерномъ превосходитъ просо, выращиваемое на суходольныхъ поляхъ; урожай его въ первомъ случаѣ даетъ высшій отъ 8 то до 1 коку, низшій—5—6 то на 1 тан, во второмъ же случаѣ—высшій 7 то, средній 4—5 то[6].

Въ провинціи Пхёнъандо разсматриваемый видъ проса разводится въ такомъ же количествѣ, какъ и итальянское просо[7], при этомъ, хотя оно и встрѣчается всюду, но разводится больше тамъ, гдѣ болѣе развита и культура итальянскаго проса[8].

---

[1]) Тамъ же, 435.

[2]) Тамъ же, 421—2.

[3]) Тамъ же, 426. Способъ культивированія тотъ же, что въ Хоанъхäдо.

[4]) Какъ называлъ его въ Японіи Тунбергъ—кокиби (Rein, Japan nach Reisen und Studien, II, 59).

[5]) Цiôсен-сангiôси, I, 415.

[6]) Тамъ же, 422.

[7]) На основаніи нижеприводимыхъ статистическихъ данныхъ, это справедливо лишь по отношенію къ Сѣверной Пхёнъандо, тогда какъ въ Южной Пхёнъандо многократное количественное преобладаніе находится на сторонѣ итальянскаго проса.

[8]) Тамъ же, 426.

Въ провинціи Хоанъхäдо то же просо, играя важную роль въ повседневномъ питаніи населенія, разводится почти въ такомъ же количествѣ, какъ и итальянское просо; уѣзды Коксан и Сюан наиболѣе выдаются въ отношеніи его культивированія, которое въ общемъ сходно здѣсь съ культурою итальянскаго проса, какъ можно считать одинаковой и величину урожая обоихъ видовъ[1].

Третій видъ проса—обыкновенное или метельчатое просо, хотя и разводится сравнительно больше въ юго-восточной части Кёнъгыйдо, южной части Южной Чхюнъчхёнъдо и во всѣхъ частяхъ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо, но количество его и здѣсь такъ невелико, что о немъ не стоитъ говорить. Въ другихъ мѣстностяхъ того же района (вмѣстѣ съ провинціей Канъуёндо) оно встрѣчается очень рѣдко. Посѣвъ этого проса бываетъ въ апрѣлѣ, жатва—въ сентябрѣ и октябрѣ. Хотя этотъ видъ проса и служитъ лишь въ пищу бѣднаго люда въ горныхъ мѣстностяхъ, но растетъ превосходно, а такъ какъ это просо, подобно предыдущему виду, допускаетъ послѣдовательный посѣвъ его, то въ мѣстностяхъ, гдѣ итальянское просо не растетъ хорошо, за недостаткомъ удобреній, разводятъ именно это просо[2]. Въ провинціи Хоанъхäдо этотъ видъ проса разводится лишь въ небольшомъ количествѣ[3]. Въ провинціи Хамгёнъдо это просо также встрѣчается, при чемъ способъ его воздѣлыванія тотъ же, какъ для культуры сорго[4]. Наибольшее количество этого проса, хотя и много уступающее въ распространенности другимъ видамъ проса въ той же провинціи, встрѣчается въ Сѣверной Пхёнъандо.

Помимо важной роли самаго зерна проса для населенія въ качествѣ пищевого продукта, другія части того же растенія получаютъ въ Кореѣ широкое примѣненіе. Въ особенности, стебли краснаго или круглаго проса, по заявленію г-жи Бишопъ[5], замѣняютъ корейцамъ бамбукъ, употребляясь на топливо, выдѣлку цыновокъ, плетеныхъ перегородокъ и даже на постройку домовъ; въ послѣднемъ случаѣ связки просовыхъ стеблей ставятся вертикально и переплетаются такими же связками, а промежутки заполняются землею.

Сорго, которое имѣетъ чисто корейское разговорное обозначеніе сюсю, въ подражаніе звуку сыплющихся зеренъ, и іероглифическое обозначеніе 秫 чхюль въ корейскомъ чтеніи (японцы обозначаютъ сорго именемъ морокоси 蜀黍—чхёксё

[1]) Цiбсен-сангiбси, 435—6.
[2]) Тамъ же, I, 416.
[3]) Тамъ же, 443.
[4]) Тамъ же, 423.
[5]) Korea and her neighbours, II, 25.

въ корейскомъ чтеніи—Holcus sorghum или vulgare, или кōріō, по китайски гаолянъ 高粱, каковое имя спеціально служитъ китайцамъ для обозначенія сорго), много разводится во всѣхъ провинціяхъ сѣверной Кореи, но больше всего въ обѣихъ провинціяхъ Пхёнъандо[1]. Этотъ злакъ встрѣчается въ Кореѣ, какъ говоритъ г. Хэльбертъ[2], въ трехъ сортахъ[3], изъ нихъ одинъ клейкій, введенный изъ Китая, гдѣ онъ служитъ для изготовленія сахара (т. н. няньгаолянъ), въ Кореѣ же онъ не даетъ сахара, а только зерно и растетъ главнымъ образомъ въ провинціи Кёнъгыйдо, но также и во всѣхъ другихъ провинціяхъ, особенно на югѣ[4]. Употребленіе сорго распространено много менѣе, чѣмъ пшеницы, овса или проса. Въ столицѣ сорго употребляется въ пищу смѣшаннымъ съ рисомъ, а въ деревняхъ съѣдается одно, какъ рисъ[5]; кромѣ того, сорго входитъ въ составъ приправъ и бобовыхъ жмыховъ. При изготовленіи изъ него упомянутой патоки, къ нему прибавляются въ значительномъ количествѣ медъ или китайскій сахаръ[6].

Въ провинціяхъ Кёньгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо сорго принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ хлѣбовъ, при чемъ разводится повсюду и, пожалуй, въ количествѣ большемъ, чѣмъ итальянское просо. Изъ числа разновидностей сорго здѣсь разводятся двѣ—съ расходящимися и съ собранными вмѣстѣ колосьями. Посѣвъ производится съ конца апрѣля до средины мая[7]. Благодаря высокому росту растенія его нельзя смѣшать съ другими злаками во время жатвы, почему часто практикуется смѣшанной посѣвъ его съ другими злаками[8].

---

[1]) Канкоку-сōран, 499.

[2]) Цит. ст.: The products of Korea, 204.

[3]) Эти сорта называются корейцами: чхальсюсю клейкое сорго, мэсюсю сухое (неклейкое) сорго и сонъчжансюсю (сонъчжанъ буквально значитъ: «трупъ»; объясненіе этого своеобразнаго названія приводится г. Хэльбертомъ, тамъ же).

[4]) Цит. ст.: The products of Korea, 204. Ср., однако, ниже заявленіе Цiōсен-сангiōси, изъ котораго можно заключить, что этотъ видъ сорго содержитъ сахаръ и произростаетъ въ Кореѣ; только сами корейцы не занимаются добываніемъ этого сахара.

[5]) Однако, въ провинціи Хоанъхäдо сорго не употребляется также одно въ пищу, но часто поджаривается вмѣстѣ съ мелкими бобами. Кромѣ того, изъ него приготовляютъ упомянутую патоку вродѣ японскаго аме 飴 (изъ клейкаго риса); наконецъ, оно служитъ матеріаломъ для гонки крѣпкой водки. Цiōсен-сангiōси, I, 442.

[6]) Цит. ст.: The products of Korea, 204.

[7]) Способъ подготовки и унаваживанія поля и посѣвъ этого злака описывается въ Цiōсен-сангiōси, I, 415 (для Ёнъдынъпхо, но такой же способъ примѣняется и въ другихъ мѣстностяхъ указанныхъ провинцій).

[8]) Тамъ же, I, 415—6.

Въ провинціи Пхёнъандо сорго разводится въ очень большомъ количествѣ, главнымъ образомъ по берегу рѣкъ, при чемъ въ Южной Пхёнъандо культура его болѣе распространена, чѣмъ въ Сѣверной[1].

Въ провинціи Хоанъхäдо сорго нельзя относить къ числу дѣйствительно важныхъ произведеній этой провинціи и, хотя оно разводится въ сравнительно большомъ количествѣ по сосѣдству съ рѣкою Тäдонъганъ, однако, размѣры этой культуры здѣсь не могутъ сравниться съ распространеніемъ ея на противоположной сторонѣ указанной рѣки въ провинціи Пхёнъандо, не смотря на столь близкое разстояніе между обѣими провинціями, раздѣленными одной рѣкою[2]. Изъ нѣсколькихъ разновидностей сорго лучшими здѣсь считаются двѣ—цучяккусюсю и ольсюсю[3], изъ нихъ первое отличается особенной урожайностью, а второе созрѣваетъ раньше другихъ. Изъ сортовъ клейкаго сорго имѣется чхальсюсю; затѣмъ можно назвать еще саттансюсю, соотвѣтствующее японскому родзоку 蘆粟 (сладкому сорго) и за сладкій вкусъ сока изъ его стеблей, благодаря содержанію въ немъ извѣстнаго количества сахара, называемое «сахарнымъ сорго»[4]; однако, въ Кореѣ оно разводится не для полученія сахара, а ради самого зерна[5]. Посѣвъ различныхъ разновидностей сорго въ провинціи Хоанъхäдо производится съ апрѣля до мая[6], жатва съ сентября по октябрь. По количеству получаемаго сбора сорго можетъ быть причислено къ числу наиболѣе урожайныхъ суходольныхъ злаковъ. Въ провинціи Хоанъхäдо урожай его достигаетъ, по даннымъ для всѣхъ мѣстностей, свыше 7 то на 1 тан, при чемъ на прирѣчныхъ тучныхъ поляхъ онъ повышается до $1^1/_2$ и даже 2 коку на 1 тан. Въ среднемъ цифра сбора сорго съ 1 тан въ 7—8 то не является слишкомъ высокой[7].

Сорго разводится также въ Хамгёнъдо, при чемъ пріемы воздѣлыванія его, количество сбора и способы примѣненія его тѣ же, что въ провинціи Хоанъхäдо[8].

Кукуруза (по корейски оксюсю 玉秫, по японски томорокоси 玉蜀黍 (намбанкиби или кōрайкиби—корейское просо; наконецъ тōкиби—китайское просо[9]) Zea Mais L. встрѣчается

---

[1]) Тамъ же, 425.

[2]) Однако, судя по нижеприводимымъ статистическимъ даннымъ, общій сборъ сорго въ Хоанъхäдо даже нѣсколько превосходитъ цифру того же сбора въ Южной Пхёнъандо.

[3]) Названіе буквально значитъ: раннее сорго; первое названіе дано въ японской транскрипціи, за невозможностью отожествить его съ корейскимъ именемъ.

[4]) Китайцы называютъ его няньгаолянъ 粘高粱 [клейкій гаолянъ] Sorghum saccharatum. Piry, Manuel de langue mandarine, 820.

[5]) Цiôсен-сангiôси, I, 441—442.

[6]) Способъ посѣва см. тамъ же.

[7]) Тамъ же, 442—3.

[8]) Тамъ же, 423.

[9]) Всѣ эти названія указываютъ на то, что въ самой Японіи кукуруза заимствована либо съ сосѣдняго материка—изъ Кореи или Китая, либо съ далекаго юга.

во всѣхъ провинціяхъ Кореи[1], идетъ какъ въ кормъ скоту, такъ и въ пищу самому населенію (въ сыромъ видѣ, пока зерна еще не высохли; высушенная же кукуруза идетъ на приготовленіе мелкой крупы, изъ которой дѣлается каша[2]).

Въ провинціяхъ Кѣнъгыйдо, Канъуѳндо и Чхюнъчхѣнъдо площадь распространенія этой культуры очень обширна, хотя обычно кукурузу разводятъ здѣсь лишь въ небольшомъ количествѣ по сосѣдству съ домомъ или въ одномъ углу огородной земли. Обычно она служитъ ѣдою лишь женщинъ и дѣтей въ промежуткѣ между регулярными трапезами и рѣдко разводится въ качествѣ продукта повседневнаго питанія, какъ, напримѣръ, въ провинціи Пхёнъандо. Время посѣва бываетъ между апрѣлемъ и маемъ. Существуютъ два сорта кукурузы—обыкновенный съ бѣлыми и красными тычинками и поздній съ широкими листьями и болѣе высокій; послѣдній сортъ созрѣваетъ почти мѣсяцемъ позже; онъ разводится въ провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо[3].

Въ провинціи Пхёнъандо, хотя кукуруза разводится всюду, но можно сказать, что ея встрѣчается больше всего въ гористыхъ уѣздахъ[4].

Въ провинціи Хоанъхäдо она разводится въ большомъ количествѣ въ уѣздахъ Коксан, Сюан и прочихъ уѣздахъ гористой части провинціи. Кукурузу ѣдятъ здѣсь, очистивъ зерно, или употребляютъ вареной въ натуральномъ видѣ въ качествѣ побочнаго пищевого продукта. Сборъ уступаетъ сбору сорго, будучи ниже 5—6 то на 1 тан[5].

Наконецъ, кукуруза встрѣчается и въ Хамгёнъдо, гдѣ разводится такимъ же образомъ и даетъ такой же сборъ, какъ и сорго[6].

Мѣстами въ провинціи Кѣнъгыйдо и Южной Чхюнъчхёнъдо можно встрѣтить спорадически культуру особаго злака, родственнаго кукурузѣ, юльмо по корейски, въ японскомъ обозначеніи хатомуги 薏苡 Coix Lacryma L.[7] Большей частью его сажаютъ въ числѣ не болѣе нѣсколькихъ десятковъ штукъ сбоку прочихъ посѣвовъ. Для употребленія въ пищу зерно толкутъ въ ступкѣ и ѣдятъ смѣшаннымъ съ рисомъ[8].

Сводныя данныя относительно годичнаго сбора различныхъ сортовъ проса, сорго и кукурузы по отдѣльнымъ провинціямъ

---

[1]) Кукурузы много разводится въ Сѣверной и Южной Пхёнъандо, въ остальныхъ провинціяхъ она также культивируется въ большей или меньшей мѣрѣ. Канкоку-сôран, 50.

[2]) Описаніе Кореи, II, 127.

[3]) Цiôсен-сангiôси, 416-7.

[4]) Цiôсен-сангiôси, I, 427.

[5]) Тамъ же, 443.

[6]) Тамъ же, 423.

[7]) Matsumura, Shokubutsu-Meii, 89; Rein, Japan nach Reisen u. Studien, II, 60.

[8]) Цiôсен-сангiôси, I, 417.

Кореи и для всей страны приводятся для 1909 г. въ нижеслѣдующей таблицѣ[1]):

Названіе провинціи:	Итальянское просо. 1909 г. В	1908 г. Ъ	Panicum. frumentaceum. К	Обыкновен. просо. О	Сорго. К	Кукуруза. У.
Кѣнъгыйдо	47,818	53,677	17,855	777	21,993	201
Сѣверная Чхюнъчхѣнъдо	21,546	19,606	123	380	5,747	176
Южная Чхюнъчхѣнъдо	6,078	8,146	239	513	6,443	367
Сѣверная Кѣнъсянъдо	96,651	244,956	473	834	3,575	650
Южная Кѣнъсянъдо	4,542	7,741	738	840	1,832	2,715
Сѣверная Чѣлладо	4,085	33,500	44	263	3,220	297
Южная Чѣлладо	92,756	161,651	13,013	531	5,238	111
Хоанъхѣдо	732,126	866,460	47,484	23,758	31,341	12,918
Южная Пхѣнъандо	633,428	518,915	68,004	29,088	50,338	72,641
Сѣверная Пхѣнъандо	275,221	422,219	106,850	3,874	46,767	103,570
Южная Хамгѣнъдо	318,516	179,219	244,594	41,058	56,411	70,726
Сѣверная Хамгѣнъдо	84,239	215,878	14,169	3,226	1,651	31,159
Канъуѣндо	147,582	— —	84,328	1,487	4,751	19,382
В С Е Г О	2,464,588	2,731,974	597,914	106,629	244,307	314,913
Общая посѣвная площадь тѣхъ же злаковъ въ 1909 г. была (въ цію)[2]:	361,490	— —	73,330	14,501	35,194	46,946

VII.

Бобовыя растенія. Масличныя растенія.

Стручковыя растенія—бобы и горохъ, по экономической важности и какъ предметъ питанія корейскаго народа, слѣдуютъ тотчасъ за рисомъ, превосходя въ этомъ отношеніи ячмень и прочіе злаки; равнымъ образомъ цѣнность вывозимыхъ изъ Кореи бобовъ и ихъ продуктовъ уступаетъ лишь цѣнности риса изъ всѣхъ земледѣльческихъ произведеній Кореи.

Существующіе въ Кореѣ сорта бобовъ крайне многочисленны, какъ доказываетъ множество самыхъ различныхъ названій для нихъ[3]—изъ

[1]) Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, стр. 952. По отношенію къ даннымъ для провинціи Сѣверной Хамгѣнъдо дѣлается оговорка, что въ нихъ не включены данныя по 5 уѣздамъ этой провинціи для Panicum frumentaceum, обыкновеннаго проса, сорго и кукурузы.

Данныя для сбора итальянскаго проса въ 1908 г. въ 12 корейскихъ провинціяхъ (кромѣ Канъуѣндо) взяты изъ Ціѣсен-сангіѣси, I, 538-543. Данныя эти могутъ казаться нѣсколько преувеличенными, превосходя, за 3 исключеніями, цифры 1909 г. (при чемъ въ подлинной японской таблицѣ для большей части провинцій еще отмѣчается, что сборы проса въ нихъ были въ 1908 г. ниже нормальныхъ), но не слѣдуетъ забывать, что 1909 годъ былъ весьма неудаченъ для корейской земледѣльческой промышленности, благодаря неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ; возможно также, что въ данныя 1908 г. включенъ сборъ и другихъ видовъ проса, не только собственно итальянскаго проса.

[2]) Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, стр. 953.

[3]) См. The products of Korea: Korea Review, 1902, II, 109.

числа круглыхъ бобовъ или гороха, носящихъ по корейски родовое обозначеніе кхонъ 太 (тхä): бобы лошадиные (иначе еще жмыховые бобы), по корейски матхä 馬太, черные (по корейски хыктхä 黑太 или чуйнуникхонъ 鼠目太, буквально: «мышиный глазъ»), зеленые чхёнътхä или чхёнъдäтхä (т. е. зеленые большіе бобы), масличные кирамкхонъ, пятнистые ынъмоктхä 鷹目太 (буквально: «ястребиный глазъ»), каштановые тамкхонъ, желтые нуранкхонъ, дѣдовскіе (съ однимъ зерномъ) харабикхонъ[1], красные чёкту 赤豆, южнорѣчные намчхёнтхä 南川太, японскіе ильбонкхонъ, коанъчжюскіе бобы коанъчжюкхонъ; изъ числа длинныхъ бобовъ, обозначаемыхъ корейцами общимъ именемъ пхат (ту) 荳, въ нѣкоторыхъ случаяхъ также кхонъ, можно отмѣтить: смѣшанные бобы сёккинпхат или чапхат 雜荳, бѣлые хыйнкхонъ, черные кёмчжёнъкхонъ, синіе пхуранкхонъ и т. д.[2]. Существуютъ и другія корейскія обозначенія отдѣльныхъ сортовъ бобовъ, не приводимыя г. Хэльбертомъ, какъ, напримѣръ, к(о)аннанъкхонъ 糀糒太 (красно-бѣлые), пурукхонъ 扶婁太, огородные уёндутхä 園豆太 (растутъ между огурцами, дынями, каштанами), бѣлые плоскіе бобы пäкпхёнду 白扁豆 и т. д.[3]

Наиболѣе полное изъ японскихъ описаній корейской земледѣльческой промышленности—Цiёсен-сангiёси, различаетъ главнымъ образомъ слѣдующіе сорта бобовъ въ Кореѣ: большіе бобы, дайдзу по японски 大豆 или 黃太豆 бобы сои Glycine hispida Moench. или Dolichossoja L. (они частью соотвѣтствуютъ корейскимъ «лошадинымъ бобамъ»); малые бобы адзуки по японски 小豆 или 赤小豆 Phaseolus Mungo L. var. subtrilobata у Matsumura[4] или Phaseolus radiatus у Рейна[5]; обыкновенный горохъ ендō 綠豆, вѣрнѣе 豌豆 Pisum sativum L.; красные бобы 紅豆 и нѣкоторые другіе.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ и прочихъ сортовъ бобовъ, встрѣчающихся въ Кореѣ, лошадиные или жмыховые бобы (еще они называются: бобы сои) наиболѣе распространены и составляютъ самую важную статью и въ вывозѣ корейскихъ бобовъ за границу: въ 1902 г. цѣнность вывоза бобовъ (лошадиныхъ и небольшого количества черныхъ) и гороха и ихъ продуктовъ достигала 1,675 тысячъ енъ; въ 1904 г.—

[1]) Прозваны такъ за морщинистую кожу, какъ говоритъ г. Хэльбертъ.

[2]) Отожествленіе корейскихъ обозначеній различныхъ сортовъ бобовъ, приводимыхъ г. Хэльбертомъ въ цит. статьѣ лишь въ англійскомъ переводѣ, съ подлинными корейскими названіями было сдѣлано, по просьбѣ автора настоящаго «Очерка», Г. В. Подставинымъ, при чемъ, однако, для нѣкоторыхъ изъ англійскихъ обозначеній не удалось подыскать соотвѣтствующихъ корейскихъ терминовъ, почему они здѣсь опущены.

[3]) Эти обозначенія были сообщены автору предлагаемаго «Очерка» Г. В. Подставинымъ.

[4]) Matsumura, Shokubutsu-Meii, 210.

[5]) Rein, Japan nach Reisen und Studien, II, 70.

2,515 тысячъ; въ 1905 г.—2,695 тысячъ енъ; въ 1906 году было вывезено бобовъ сои на сумму 3,510,146 енъ, малыхъ бобовъ—бѣлыхъ и красныхъ на сумму 86,252 енъ и всѣхъ прочихъ на сумму 6,395 енъ или всего на сумму 3,602,793 енъ; въ 1907 г.—бобовъ сои на сумму 3,881,617 енъ, малыхъ бобовъ на сумму 35,231 енъ и прочихъ на сумму 18,804 енъ, или всего на 3,935,652 ена; въ 1908 г.—бобовъ сои на 3,370,422 ена, малыхъ бобовъ на 41,194 ена и прочихъ 82,410 енъ, или всего въ 1908 г. на сумму 3,493,026 енъ, въ томъ числѣ въ Японію на сумму 3,286,637 енъ. Въ 1909 г. было вывезено изъ Кореи бобовъ сои на 3,513,753 енъ, малыхъ бобовъ на 146,849 енъ, прочихъ на 118,448 енъ или всего на 3,779,050 енъ, въ томъ числѣ было вывезено въ Японію всѣхъ сортовъ на 3,589,569 енъ. Въ 1910 г. бобовъ было вывезено изъ Кореи, согласно англійскому консульскому отчету, на сумму въ 584,510 ф. ст. (принимая курсъ японскаго ена равнымъ въ среднемъ 2 шилл. $^{9}/_{16}$ пенса), каковая цифра явилась выше всѣхъ предшествовавшихъ цифръ вывоза бобовъ; весь этотъ вывозъ состоялъ въ 1910 г. почти цѣликомъ изъ бобовъ сои[1]. Въ 1911 г. вывозъ бобовъ за границу по количеству былъ 806,530 коку, въ томъ числѣ 97% падало на долю вывоза въ Японію; по цѣнности вывозъ бобовъ былъ исчисленъ въ этомъ году въ 5,217,300 енъ, занимая второе мѣсто, послѣ риса, среди вывозимыхъ изъ Кореи произведеній[2].

Корейскій сортъ лошадиныхъ бобовъ, по догадкамъ, ведетъ начало изъ сѣверо-западнаго Китая[3]; названіе объясняется тѣмъ, что эти бобы служатъ въ значительной степени кормомъ для скота. Лошадиные бобы произрастаютъ въ Кореѣ въ наибольшемъ изобиліи, какъ говоритъ г. Хэльбертъ, въ обѣихъ провинціяхъ Кёнъсянъдо и на о-вѣ Квельпартъ[4], хотя

---

[1]) Diplomatic and consular reports, № 4676, Annual series. 7.

[2]) Харб. Вѣстн., № 2370, 29 января 1912.3.

[3]) Hulbert, цит. стат. The products of Korea, 110. Изъ другихъ сортовъ только черные бобы имѣютъ туземное происхожденіе, не встрѣчаясь нигдѣ въ другихъ областяхъ восточной Азіи.

[4]) Нижеприводимая таблица производства большихъ бобовъ въ Кореѣ указываетъ наибольшія количества сбора этихъ бобовъ въ провинціяхъ Кёнъгыйдо и Сѣверной Цхёнъандо, а затѣмъ въ провинціи Кёнъсянъдо (Сѣверной) наравнѣ съ

обычны всюду. Черные бобы наилучше растутъ въ провинціяхъ Чёлладо; зеленые и масличные—въ Кёнъгыйдо; желтые—въ Хоанъхäдо; южнорѣчные—въ Чхюнъхёнъдо; дѣдовскіе повсюду, но лишь въ небольшихъ количествахъ; коричневые и каштановые—въ Канъуёндо. Бобы изъ категоріи «пхат» лучше всего произростаютъ въ южныхъ частяхъ полуострова.

Вообще бобы въ Кореѣ сѣются всюду, кромѣ очень высокихъ мѣстъ, чаще всего встрѣчаясь въ видѣ одновременной междурядной культуры съ кукурузою, чумидзой и другими хлѣбами[1].

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Кореи положеніе культуры различныхъ бобовыхъ растеній представляется, по даннымъ Цiёсен-сангiёси, въ слѣдующемъ видѣ:

Въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо бобы разныхъ сортовъ встрѣчаются повсюду; обширность площади ихъ посѣва въ этой части страны, какъ и вообще въ Кореѣ, объясняется тѣмъ, что несовершенство существующихъ пріемовъ корейскаго сельскаго хозяйства и трудность полученія матеріаловъ для удобреній дѣлаютъ въ концѣ концовъ необходимымъ, ради поддержанія производительности почвы, либо оставлять землю подъ паромъ, либо засѣвать ее бобовыми растеніями. Поэтому какъ при плодосмѣнной системѣ, такъ и при междурядной или смѣшанной системѣ посѣвовъ, много прибавляютъ «большихъ» и «малыхъ» бобовъ[2].

Большія бобы или бобы сои дѣлятся въ разсматриваемой части Кореи на много сортовъ—черные, бѣлые, съ крупнымъ или мелкимъ зерномъ; съ крупнымъ зерномъ употребляются вообще людьми въ пищу, съ мелкимъ зерномъ въ кормъ скоту, въ особенности лошадямъ (отсюда и ихъ прозвище лошадиныхъ[3]). На рынкѣ Чѣмульпхо пользуются особой извѣстностью изъ той же категоріи «большихъ бобовъ» т. н. Чянъдан'скіе бобы; впрочемъ, бобы, произведенные въ самомъ Чянъдан'скомъ уѣздѣ, составляютъ только часть всего количества этихъ бобовъ, остальные получаются изъ уѣздовъ, лежащихъ по рѣкѣ Имчжинганъ, именно, Саннёнъ 朔寧, Маджён 麻田 и др. и только вывозятся на рынокъ подъ именемъ Чянъдан'скихъ.

Листья отъ «большихъ» бобовъ сушатся и въ зимнее время мѣстами

Хоанъхäдо. Канкоку-сôран, 502, также отмѣчаетъ, что крупные бобы выращиваются во всѣхъ провинціяхъ Кореи, однако, въ наибольшемъ количествѣ въ Хамгёндо, Хоанъхäдо и въ обѣихъ Пхёнъандо; равнымъ образомъ и мелкіе бобы разводятся во всѣхъ провинціяхъ, преимущественно же во всѣхъ сѣверныхъ провинціяхъ. Канкоку-сôран, 504.

[1]) Баронъ Корфъ и Звегинцовъ, Военной обзоръ Сѣверной Кореи, 83.

[2]) Цiёсен-сангiёси, I, 417—8.

[3]) На подобіе конскихъ бобовъ въ Россіи, или Vicia faba.

даются въ кормъ скоту, а листья отъ «малыхъ» бобовъ такимъ же образомъ употребляются въ пищу людямъ[1].

Бобы соп выращиваются по всей провинціи Хоанъхädo, однако, въ большемъ количествѣ въ уѣздахъ Хоанъчжю и Сёхынъ 瑞興. Существуетъ очень много разновидностей ихъ, извѣстныхъ подъ мѣстными названіями[2]. Сборъ бобовъ въ этой провинціи мѣняется въ зависимости отъ уѣзда, но въ среднемъ достигаетъ 5 то на 1 тан[3].

Распространеніе посѣвовъ малыхъ бобовъ въ Хоанъхädo такое же, какъ и большихъ бобовъ; также много сортовъ ихъ; способы разведенія ихъ тѣ же, что для большихъ бобовъ, но урожайность немногимъ меньше[4]. Въ той же провинціи встрѣчается еще обыкновенный горохъ въ небольшомъ количествѣ, который вообще употребляютъ въ пищу въ его натуральномъ видѣ или приготовляя изъ него «кирым» 白芽菜(豆), проросшіе бобы или горохъ—особое корейское лакомое блюдо.

Въ Пхёнъандо изъ большихъ и малыхъ бобовъ первый видъ разводится въ большомъ количествѣ, второй—въ небольшомъ. Наибольшія количества этихъ бобовъ производятся въ Южной Пхёнъандо въ уѣздахъ Пхёнъянъ, Чюнъхоа 中和, Іонъганъ 龍岡, Хамчжіонъ 咸從, Самхоа, Канъсё, а въ Сѣверной Пхёнъандо—въ Канъгѣ; впрочемъ, можно сказать, что въ этой части Пхёнъандо названному уѣзду не уступаютъ въ томъ же отношеніи и уѣзды Хыйчхён, Касан 嘉山, Пакчхён 博川, Тхäчхён, Унсан. За исключеніемъ болотнаго риса и двухъ сортовъ проса—итальянскаго и Panicum frumentaceum, изъ числа всѣхъ земледѣльческихъ культуръ бобы разводятся въ Пхёнъандо въ наибольшемъ количествѣ.

Въ провинціи Хамгёнъдо пріемы разведенія большихъ бобовъ тѣ же, что въ провинціи Хоанъхädo. По качеству лучшіе бобы растутъ въ Тансёнъ, затѣмъ идутъ бобы изъ Анбён, Тök'уён, Коуён, Мунчхён, Ёнъхынъ и прочихъ уѣздовъ по близости Гензана (въ торговлѣ они всѣ называются однимъ именемъ Анбён'скихъ). Не совсѣмъ хороши качествомъ, но производятся въ большомъ количествѣ, бобы въ Мёнъчхён и Кильчжю. Общее количество бобовъ, производимыхъ въ Хамгёнъдо, опредѣляется приблизительнымъ образомъ въ 300,000 коку. Въ нормальный годъ 1 тан обычно даетъ 7—8 то для высшаго и 4—5 то

---

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 420.

Способъ разведенія «большихъ» бобовъ (остальные сорта разводятся почти такимъ же путемъ) въ различныхъ мѣстностяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо см. тамъ же, 418—419.

[2]) Цiôсен-сангiôси, I, 436—7, помѣщаетъ особую таблицу съ обозначеніемъ мѣстныхъ названій различныхъ сортовъ этихъ бобовъ и ихъ отличительныхъ признаковъ для г. Хоанъчжю. Тамъ же на стр. 437—438 указываются способы культивированія бобовъ въ той же и другихъ провинціяхъ (напр. въ Хамгёнъдо).

[3]) Тамъ же, на стр. 438, въ особой таблицѣ приводятся цифры урожая бобовъ въ различныхъ уѣздахъ Хоанъхädo; наиболѣе высокими являются цифры для уѣздовъ Ён'ан (9 то на 1 тан) и Хоанъчжю (8 то).

[4]) Тамъ же, 439.

для средняго сбора[1]. Въ той же провинціи Хамгёнъдо разводятся также малые бобы такимъ же образомъ, какъ и большіе, причемъ на огневыхъ и лѣсныхъ переложныхъ поляхъ изъ бобовыхъ растеній непремѣнно сажаютъ эти бобы. Урожай ихъ немногимъ меньше сбора большихъ бобовъ[2]. Встрѣчается еще обыкновенный горохъ[3].

Въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо большіе бобы сѣятся послѣ пшеницы на грядкахъ между хлопчатникомъ или сѣются послѣ уборки пшеницы на предварительно вспаханномъ полѣ, при чемъ посѣвъ производится на ровномъ мѣстѣ обычно въ два ряда, на гористой почвѣ въ одинъ. Урожай бываетъ 6—7 то съ 1 тан[4].

Относительно культуры нѣкоторыхъ другихъ сортовъ бобовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи см. ниже въ отдѣлѣ огородныхъ растеній, къ которымъ они причисляются.

По статистическимъ даннымъ отъ сентября 1907 года, площадь, занятая подъ посѣвы большихъ бобовъ, и общее количество сбора ихъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Кореи представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ[5] (для сравненія приводятся болѣе полныя данныя для сбора большихъ и малыхъ бобовъ въ слѣдующемъ 1908 г.[6]).

В ъ 1 9 0 7 г о д у.

	Площадь въ цiō.	Сборъ въ коку.	Сборъ на 1 тан въ коку.
Кёнъгыйдо	5,860	120,773	2,06
Южная Чхюнъчхёнъдо	42,024	638,416	1,51
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	5,018	36,966	0,73
Южная Чёлладо	3,096	44,049	1,35

[1]) Цiōсен-сангiōси, I, 422.
[2]) Тамъ же, 423.
[3]) Тамъ же, 424.
[4]) Цiōсен-сангiōси, I, 459.
[5]) Свѣдѣнія для 1907 г. взяты изъ Канкоку-iōран, 64, при чемъ въ нихъ не вошли данныя для 8 уѣздовъ провинціи Кёнъгыйдо, 10 уѣздовъ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо, 9 уѣздовъ Южной Чёлладо, 1 уѣзда Южной Кёнъсянъдо и 20 уѣздовъ Сѣверной Кёнъсянъдо, 7 уѣздовъ Хоанъхäдо, 23 уѣздовъ Канъуёндо и всѣхъ уѣздовъ Сѣверной Хамгёнъдо, что является доказательствомъ внутреннихъ смутъ, происходившихъ въ то время въ Кореѣ, въ особенности въ провинціяхъ Канъуёндо и Сѣверной Хамгёнъдо.

Общая цѣнность всего сбора въ 1,498,259 коку исчислялась, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, въ 9,732,881 японскихъ енъ при средней цѣнѣ въ 6,49 енъ за 1 коку бобовъ.

[6]) Свѣдѣнія для 1908 г. взяты изъ Цiōсен-сангiōси, I, стр. 538—543; тамъ же на стр. 538 дѣлается оговорка по поводу этихъ свѣдѣній, что данныя для большихъ бобовъ являются полными и выражаютъ количество сбора ихъ для всей страны, но въ отношеніи данныхъ сбора малыхъ бобовъ, которые, въ силу условій климата и почвы въ Кореѣ, не могутъ быть причислены къ главнымъ

Сѣверная Чёлладо	12,650	36,993	0,29
Южная Кёнъсянъдо	77,691	330,410	0,42
Сѣверная Кёнъсянъдо	7,976	86,081	0,85
Хоанъхädо	4,825	28,822	0,58
Канъуёндо	1,350	20,115	1,49
Южная Пхёнъандо	2,056	12,798	0,62
Сѣверная Пхёнъандо	7,781	70,430	0,90
Южная Хамгёнъдо	5,964	91,000	1,52
Сѣверная Хамгёнъдо	—	—	—
Итого	176,290	1,498,259	0,85

Въ 1908 году.

	Сборъ въ коку.			
	Большіе бобы.	% увеличенія или уменьшенія сравнительно съ нормальнымъ годомъ.	Малые бобы.	% увеличенія или уменьшенія сравнител. съ нормал. годомъ.
Кёнъгыйдо	192,804	—33,1	4,195	—22,0
Южная Чхюнъчхёнъдо	95,118	+ 4,5		
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	50,186	+ 8,2		
Южная Чёлладо	127,515	— 6,5		
Сѣверная Чёлладо	123,551	— 3,0		
Южная Кёнъсянъдо	161,249	— 1,2		
Сѣверная Кёнъсянъдо	165,381	— 2,8		
Хоанъхädо	165,022	+ 6,8	93,068	+ 1,2
Канъуёндо	104,630	—15,0	7,730	+ 1,0
Южная Пхёнъандо	149,828	+28,4	54,590	+ 5,5
Сѣверная Пхёнъандо	185,289	—22,3	139,130	—13,5
Южная Хамгёнъдо	104,454	—15,7	7,979	—14,5
Сѣверная Хамгёнъдо	175,185	—10,1	2,536	— 4,5
Итого . .	1,737,215	— 8,9	309,199	—

Площадь, занятая большими бобами, въ 1910 г. была 305,198 цiō и общій сборъ 1,814,890 коку, увеличеніе сравнительно съ цифрами 1909 г. (280,090,1 цiō и 1,533,027 коку) соотвѣтственно на 25,108 цiō и 281,863 коку (площадь,

земледѣльческимъ продуктамъ этой страны, имѣются пробѣлы для немалаго числа мѣстностей; поэтому конечный итогъ не даетъ всего количества этихъ бобовъ, производимаго въ Кореѣ, въ виду чего не указывается и % отношеніе его къ общей цифрѣ сбора въ нормальный годъ.

занятая малыми бобами, въ 1909 г. измѣрялась въ 139,539,8 цiō). Увеличеніе площади, занятой подъ культуру большихъ бобовъ, можетъ быть объяснено усиленнымъ вывозомъ ихъ въ теченіе 1909 г., увеличеніе же сбора ихъ приписывается главнымъ образомъ увеличенію посѣвной площади, равно какъ хорошему урожаю самихъ бобовъ въ Сѣверной Пхёнъандо. По отдѣльнымъ провинціямъ сборъ большихъ бобовъ распредѣлялся въ указанныхъ годахъ слѣдующимъ образомъ (для 1909 г. прибавлены цифры сбора малыхъ бобовъ)[1]:

	1909 г.		1910 г.
	Большіе бобы.	Малые бобы.	Большіе бобы.
	к	о к	у
Кёнъгыйдо	155,866	31,230	170,223
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	58,136	11,620	60,358
Южная Чхюнъчхёнъдо	101,555	16,170	94,089
Сѣверная Чёлладо	71,285	16,897	63,130
Южная Чёлладо	89,350	16,959	89,942
Сѣверная Кёнъсянъдо	180,603	7,113	237,862
Южная Кёнъсянъдо	102,337	12,682	135,819
Хоанъхäдо	224,649	205,924	240,948
Канъуёндо	115,041	68,560	103,044
Южная Пхёнъандо	96,271	128,068	175,521
Сѣвѣрная Пхёнъандо	106,256	50,841	176,607
Южная Хамгёнъдо	120,385	43,682	115,958
Сѣверная Хамгёнъдо	111,293	3,457	151,389
	1,513,027	613,203	1,814,890

Урожай большихъ бобовъ въ Кореѣ исчислялся, по предварительному подсчету, въ 1911 году въ 1,967,255 коку или на 8,3% выше цифры предшествовавшаго года[2].

Трудно преувеличить значеніе различныхъ сортовъ бобо-

[1]) Цифры сбора большихъ и малыхъ бобовъ въ 1909 г. взяты изъ Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, стр. 951; для сбора большихъ бобовъ за 1910 г.—изъ Seoul Press, 10 Aug. 1911, 2 (по оффиціальнымъ даннымъ).

Англійскій консульскій отчетъ (Diplomatic and Consular reports. Annual Series, № 4676, стр. 7) указываетъ общій сборъ бобовъ въ 1910 г. въ количествѣ свыше 2,000,000 коку (включая сборъ малыхъ бобовъ?), отмѣчая также, что этотъ сборъ былъ нѣсколько выше средняго.

[2]) Seoul Press, 22 Oct. 1911, 3. Впрочемъ, дѣйствительный сборъ оказался, повидимому, много меньше этой цифры, такъ какъ «Харбинскій Вѣстникъ», № 2370 отъ 29 января 1912 г., опредѣляетъ его, по послѣднимъ извѣстіямъ, лишь въ 1,816,000 коку, т. е. почти въ той же цифрѣ, какъ въ 1910 г.

выхъ растеній для корейца, такъ какъ они доставляютъ ему жировыя и азотистыя вещества, отсутствующія въ рисѣ[1]; одинъ сортъ ихъ Phaseolus radiatus, состоящій изъ 2 разновидностей съ большими черными зернами (ранняя разновидность) и съ болѣе мелкими зелеными зернами (поздняя) по составу своихъ питательныхъ веществъ близко подходитъ къ мясу[2]. Благодаря этимъ цѣннымъ качествамъ бобовъ, невозможно перечислить всѣ блюда, которыя изготавливаются корейцами изъ нихъ. Въ среднемъ кореецъ съѣдаетъ бобовъ въ количествѣ равномъ $^1/_6$ количества съѣдаемаго имъ риса, будучи увѣренъ, что человѣкъ, который ѣстъ много ихъ, сдѣлается сильнымъ благодаря маслу, въ наибольшемъ количествѣ содержащемуся въ круглыхъ бобахъ (т. е. кхонъ)[3].

Бобы употребляются въ пищу корейцами въ приправленномъ видѣ, или вареными, при чемъ смѣшиваются пополамъ съ рисомъ, изъ-за ихъ пріятнаго для корейца вкуса и питательности. Посоленные и высушенные на солнцѣ бобы замѣняютъ зимою другіе пищевые продукты и въ этомъ видѣ заготавливаются населеніемъ въ большомъ количествѣ. Изъ бобовъ дѣлаютъ, подвергая ихъ броженію, сою (по японски сіо̄ю, по кор. чянъю 醬油), необходимую жировую приправу съ острымъ вкусомъ къ корейскимъ кушаньямъ, затѣмъ сыръ то̄фу (по кор. тобу) 豆腐, родъ тѣста мисо по японски 味噌 (кор. тойнчжянъ 土醬) и т. д. Наконецъ, побочнымъ пищевымъ продуктомъ является и выше упомянутый «кирым» 白菜芽 (или просто 芽), приготовляемый изъ большихъ и малыхъ бобовъ и гороха[4].

Достоинствомъ бобовыхъ растеній съ агрономической точки зрѣнія является для корейскаго сельскаго хозяина ихъ выносливость въ отношеніи жары и засухи, неприхотливость къ почвѣ, которую они не только истощаютъ очень мало, но и подготавливаютъ для другихъ посѣвовъ. Рыночная расцѣнка бобовъ въ среднемъ составляетъ, какъ утверждаетъ г. Хэльберть, $^1/_2$ стоимости риса, при чемъ одни сорта ихъ расцѣниваются наравнѣ съ рисомъ, другіе же только въ размѣрѣ $^1/_4$

[1]) Цит. ст.: The products of Korea, 110.
[2]) Описаніе Кореи, II, 128.
[3]) Цит. ст.: The products of Korea, 110.
[4]) Описаніе способа приготовленія этого блюда см. Ціо̂сенъ-сангіо̂си, I, 460.

стоимости послѣдняго. Самый обыкновенный сортъ—лошадиные бобы—стоятъ въ три раза дешевле риса[1].

Кромѣ бобовъ, масло добывается корейцами и изъ сѣмянъ кунжута, называемаго корейцами ккä 荏; т. н. черный кунжутъ носитъ у корейцевъ особое обозначеніе хома 胡麻. По словамъ г. Хэльберта[2], кунжутъ встрѣчается въ Кореѣ въ двухъ разновидностяхъ—культивируемой и дикой (японскіе авторы этого различія не проводятъ, хотя ими также указываются двѣ разновидности корейскаго кунжута, см. ниже). Масло, полученное отъ дикаго кунжута (онъ только для этой цѣли и служитъ), имѣетъ у корейцевъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Хэльбертъ, чрезвычайно широкое техническое примѣненіе: имъ покрывается бумага, которая въ этомъ видѣ служитъ настилкой пола во всѣхъ корейскихъ зажиточныхъ домахъ; дождевые обувь, плащи и шляпы, повсемѣстно распространенные, дѣлаются непромокаемыми при помощи того же

[1]) The products of Korea, 111. Канкоку-ібран, 64, указываетъ слѣдующую среднюю расцѣнку большихъ бобовъ для каждой изъ отдѣльныхъ провинцій Кореи въ сентябрѣ 1907 г. (цѣны указываются въ енахъ за 1 коку):

Кёнъгыйдо	6.50	Хоанъхäдо	5.96
Южная Чхюнъчхёнъдо	7.00	Канъуёндо	6.51
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	5.38	Южная Пхёнъандо	4.87
Южная Чёлладо	5.02	Сѣверная Пхёнъандо	5.30
Сѣверная Чёлладо	4.93	Южная Хамгёнъдо	7.83
Южная Кёнъсянъдо	6.06	Въ среднемъ	
Сѣверная Кёнъсянъдо	6.26	для всей страны	6.50

Эти цѣны оказываются болѣе высокими, нежели тѣ, которыя могли служить г. Хэльберту при дѣлаемомъ имъ сравненіи стоимости риса и бобовъ, и во всякомъ случаѣ превышаютъ половину стоимости риса, за исключеніемъ немногихъ провинцій (среднюю стоимость полуочищеннаго риса можно принять для 1907 г. въ 8—10 енъ, на югѣ страны скорѣе ниже этихъ цифръ; Канкоку-сбран указываетъ въ этой части Кореи стоимость 1 кор. сём неочищеннаго риса (вѣроятно во время сбора риса, когда цѣны стоятъ низкія) всего въ 2 енъ 50 сен, что составляетъ около 4 енъ за японскій коку; см. выше стр. 448, прим. 1. Нынѣ эта цѣна уже поднялась до 10 и болѣе енъ за 1 коку: весною и лѣтомъ много выше).

Канкоку но нôгіô, приложеніе, стр. 113, указываетъ слѣдующія цѣны на полуочищенный рисъ и большіе бобы (наряду съ цѣнами для другихъ сортовъ зерна и бобовъ) въ 1905 г.: для полуочищеннаго риса (геммай) за 1 коку въ Фузанѣ 14,8 енъ; въ Мир'янъ 6 енъ (во время сбора его) и 18 енъ (текущая рыночная цѣна); въ Кунсан 9 енъ (стоимость очищеннаго риса 14 енъ); въ Чѣмульпхо 10—12 енъ (стоимость очищеннаго риса 16—17 енъ); въ Мокпхо 12,5 енъ; для большихъ бобовъ—въ Фузанѣ 8,2 енъ; въ Мир'янъ 4,7 енъ (во время сбора), 13 енъ (текущая рыночная цѣна); въ Тäгу 5,5 енъ; въ Кунсан 7,2 енъ; въ Чѣмульпхо 8,5—9 енъ; въ Мокпхо 8,2 енъ. По этимъ даннымъ, стоимость бобовъ также оказывается выше половины стоимости риса, но вообще цѣны здѣсь показаны высокія, какъ онѣ стояли временами въ періодъ русско-японской войны.

[2]) The products of Korea, 300.

масла. Оно употребляется и для всѣхъ почти вѣеровъ, изготовляемыхъ въ Кореѣ, табачныхъ кисетовъ, зонтиковъ; имъ же обычно полируются статуи буддъ; до введенія въ страну керосина оно служило обычнымъ освѣтительнымъ матеріаломъ[1]. Культурная разновидность кунжута въ свою очередь дѣлится на бѣлую и черную. Отъ черной разновидности масло нѣжнѣе на вкусъ и употребляется въ пищу и въ медицинѣ[2]. Изъ зеренъ бѣлой и черной разновидностей дѣлаютъ родъ патоки и пирожныя; изъ зеренъ черной—небольшіе плоскіе и черные, какъ смоль, пирожки, постоянно разносимые на продажу по улицамъ корейскихъ городовъ (по корейски ккаттӧк 荏餠)[3].

Все же наиболѣе важнымъ продуктомъ, получаемымъ отъ кунжута, является его масло, которое можетъ считаться предметомъ первой необходимости въ каждомъ мало-мальски зажиточномъ корейскомъ домѣ. Послѣдняя оговорка г. Хэльберта является, пожалуй, лишней, такъ какъ кунжутное масло потребляется и менѣе состоятельными корейцами, что объясняетъ широкое распространеніе культуры этого растенія по всей Кореѣ.

По существующимъ японскимъ статистическимъ даннымъ (очевидно, неполнымъ), общій сборъ кунжута егома (кор. ккä), т. е. одной разновидности этого растенія, болѣе важной для японцевъ, въ Кореѣ достигаетъ 33,893 камме, которые по отдѣльнымъ провинціямъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ[4]:

Названіе провинціи:	Количест. сбора въ камме.	Названіе провинціи:	Количест. сбора въ камме.
Кёнъгыйдо	3,089	Хоанъхäдо	964
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	1,560	Южная Пхёнъандо	448
Южная Чхюнъчхёнъдо	5,494	Сѣверная Пхёнъандо	1,967
Сѣверная Кёнъсянъдо	1,952	Южная Хамгёнъдо	1,918
Южная Кёнъсянъдо	1,325	Сѣверная Хамгёнъдо	313
Сѣверная Чёлладо	4,598	Канъуӧндо	5,912
Южная Чёлладо	4,353	Итого . .	33893

[1]) The products of Korea, 300.

[2]) Наибольшее значеніе для медицинскихъ цѣлей имѣетъ масло отъ корейской клещевины, или «китайскаго кунжута», о которомъ говорится ниже. Можетъ быть, оно и разумѣется здѣсь г. Хэльбертомъ.

[3]) Тамъ же, 300—301.

[4]) Нихон-тейкоку-тӧкей-ненкан, № 30, 951 (свѣдѣнія относятся къ 1909 г.). Тамъ же, на стр. 952, общая площадь посѣвовъ кунжута (той же разновидности)

Какъ сказано, японскіе авторы, напримѣръ, Ціôсен-сангіôси, различаютъ двѣ разновидности культурнаго кунжута въ Кореѣ, не считая еще клещевины, или такъ называемаго китайскаго кунжута Ricinus communis L. Обѣ названныя разновидности обозначаются по японски гома (кор. хома) 胡麻 и егома 荏 (полнѣе 荏胡麻). Относительно распространенія той и другой разновидности въ различныхъ частяхъ корейскаго полуострова можно сказать слѣдующее:

Гома или Sesamum indicum разводится повсюду въ предѣлахъ провинцій Кёнъгыйдо, Канъуёндо и обѣихъ Чхюнъчхёнъдо, либо занимая одинъ уголъ суходольнаго поля, либо являясь въ качествѣ междурядной культуры среди прочихъ посѣвовъ, либо, наконецъ, засѣваясь въ смѣси съ ними. Рѣдко можно наблюдать, чтобы посѣвы этого растенія одни занимали болѣе обширную площадь. Посѣвъ его производится вообще съ марта до начала апрѣля, пересадка—въ іюнѣ, вплоть до середины іюля, уборка—въ октябрѣ[1].

Зерна этого растенія либо употребляются прямо въ пищу, либо служатъ для выдѣлки масла, которое и употребляется въ пищу; для смазыванія волосъ или для освѣщенія это масло употребляется только въ такихъ случаяхъ, когда рѣшительно нѣтъ никакого другого масла.

Въ Конъчжю поселяне продаютъ сѣмена гома и покупаютъ масло; но тѣ хозяева, которые разводятъ это растеніе въ большомъ количествѣ, отдаютъ выдѣлать изъ него масло спеціально занимающимся этимъ дѣломъ; выжимки идутъ въ кормъ скоту или служатъ въ пищу дѣтямъ въ промежутки отъ остальной ѣды. Излишка, который бы употреблялся въ качествѣ удобренія, почти не бываетъ[2].

Гома, какъ и егома, встрѣчается всюду въ Хамгёнъдо, но ничего особеннаго о нихъ здѣсь нельзя сказать[3].

Въ провинціи Хоанъхäдо гома разводится въ небольшомъ количествѣ, при чемъ здѣсь встрѣчаются черная и бѣлая разновидность ея[4], о которыхъ говоритъ г. Хэльбертъ.

Егома Perilla ocimoides L., какъ разсказываютъ, первоначально разводилась главнымъ образомъ въ Кёнъсянъдо, но нынѣ она разводится одинаковымъ образомъ повсюду въ Кореѣ[5]. Однако, культура

опредѣляется въ 6,120,8 ціô.

[1]) Пріемы посѣва и обработки растенія послѣ уборки для полученія его сѣмянъ (зеренъ) см. Ціôсен-сангіôси, I, 477—8.

[2]) Тамъ же, 478.

[3]) Тамъ же, 516.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 526. Это т. н. черный кунжутъ корейцевъ, называемый тѣмъ же именемъ, въ корейскомъ произношеніи—хома.

[5]) Конкоку-сôран, 855, также отмѣчаетъ, что хотя раньше мѣстомъ производства егома служила провинція Кёнъсянъдо, но нынѣ, наоборотъ, она разводится въ большомъ количествѣ въ провинціяхъ Чхюнъчхёнъдо и Чёлладо, при чемъ вслѣдствіе благопріятной перспективы, которая открывается для разведенія

этого растенія не занимаетъ одна большихъ площадей, но лишь уголъ суходольнаго поля или свободный участокъ прочей земли. Такъ какъ домашнія животныя не любятъ его листьевъ, то въ одной части провинціи Каньуёндо это растеніе непремѣнно сажаютъ по сторонамъ дорогъ между полями и этимъ избавляютъ остальные посѣвы отъ порчи ихъ домашними животными. Очень много сажаютъ то же растеніе въ качествѣ междурядной культуры среди ячменя и большихъ бобовъ[1]. Сѣвъ его производится въ теченіе марта и апрѣля, пересадка въ іюнѣ и іюлѣ, уборка въ октябрѣ. Сѣмена егома служатъ спеціально для приготовленія масла, и поселяне вымѣниваютъ ихъ у купцовъ на масло, или каждый самъ выжимаетъ изъ этихъ сѣмянъ масло. Послѣднее употребляется при выдѣлкѣ жмыховъ и въ качествѣ освѣтительнаго матеріала, иногда служитъ въ пищу. Мѣстами, вслѣдствіе увеличивающагося ввоза керосина, разведеніе егома, говорятъ, сокращается.

Въ Кореѣ егома, можно сказать, занимаетъ мѣсто растенія абурана 蓑基 въ Японіи или рапса Brassica chinensis, которое въ Кореѣ почти не культивируется въ качествѣ масличнаго растенія[2]. Выжимки егома, какъ и выжимки гома, служатъ въ пищу дѣтямъ, но мѣстами и для взрослыхъ, какъ, напримѣръ, въ уѣздѣ Чиксан въ Чхюнъчхёнъдо. Иногда сѣмена егома изъ разсадниковъ вывозятся въ очень большихъ количествахъ въ Японію[3]. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Чхёнъчжю въ провинціи Чхюнъчхёнъдо, кладутъ листья егома поверхъ риса во время его варки и затѣмъ завертываютъ въ нихъ рисъ и, приправивъ съ помощью мисо и перца, ѣдятъ[4].

Эта разновидность кунжута разводится и въ Хамгёнъдо и въ Хоанъхѣдо. Въ послѣдней провинціи она повсюду встрѣчается въ небольшомъ количествѣ, а въ горныхъ уѣздахъ въ сравнительно большомъ количествѣ. Масломъ этого растенія покрывается бумага для зонтиковъ, для настилки пола и т. д.[5].

Упомянутый выше «китайскій кунжутъ» — клещевина Ricinus communis L., по японски тōгома 蓖麻 (пхима 皮麻 по кор.)

этого растенія въ качествѣ побочнаго продукта сельско-хозяйственной промышленности, оно постепенно распространяется по всѣмъ направленіямъ.

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 478. Тамъ же, 478—9, говорится о пріемахъ разведенія указаннаго растенія.

[2]) Тамъ же, 479. Однако, Ціôсен-іôран, 69, указываетъ абурана среди масличныхъ растеній въ Кореѣ, наряду съ двумя указанными растеніями и тōгома (о которомъ см. ниже).

[3]) Въ 1907 г. изъ Кореи было вывезено сѣмянъ Perilla ocimoides всего 605,848 кин по вѣсу на сумму 28,401 енъ; въ 1908 г.—646,920 кин на сумму 26,765 енъ, цѣликомъ въ Японію и въ 1909 г.—1,811,672 кин на сумму 86,125 енъ; почти все это количество было вывезено въ Японію, именно 1.809,882 кин на сумму 86,029 енъ.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 479—480 и 559.

[5]) Ціôсен-сангіôси, I, 525—6. Можетъ быть, здѣсь идетъ рѣчь о дикой разновидности кунжута, о которой говоритъ г. Хэльбертъ.

также встрѣчается всюду въ Кореѣ, начиная съ провинцій Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо, при чемъ не только онъ разводится въ углу сада или на краю огорода, вмѣстѣ съ кукурузою, но можно часто наблюдать его посѣвы и въ полѣ, по сторонамъ прочихъ посѣвовъ или въ качествѣ междурядной или смѣшанной культуры[1]. Существуетъ два сорта—съ краснымъ и зеленымъ стеблемъ; первый разводится чаще. Сѣмена этого растенія спеціально идутъ на приготовленіе масла, которое главнымъ образомъ употребляется для смазыванія волосъ и для лекарственныхъ цѣлей, но также для освѣщенія[2]. Въ пищу употребляется рѣдко; но, какъ говорятъ, ѣдятъ вареными свѣжіе листья этого растенія или сушатъ ихъ и употребляютъ въ пищу зимою[3].

Въ провинціи Хоанъхäдо то же растеніе разводятъ много тамъ, гдѣ разводятъ хлопокъ. Кромѣ того, независимо отъ качества почвы, культивированіе этого растенія практикуется въ большемъ или меньшемъ количествѣ почти каждымъ земледѣльцемъ. Вслѣдствіе крупныхъ размѣровъ этого растенія, когда его разводятъ въ смѣси съ хлопкомъ, то обычно сажаютъ порѣже, съ промежутками въ 5—6 и даже 10 футовъ. Вслѣдствіе разницы разстояній между отдѣльными растеніями, сборъ съ нихъ на 1 тан площади бываетъ неодинаковъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда растеніе сѣется сравнительно болѣе тѣсно, сборъ съ 1 тан достигаетъ 4—5 то, а съ одного растенія можно собрать до 2 гō сѣмянъ. Столь усиленное культивированіе этого растенія въ провинціи Хоанъхäдо со стороны поселянъ объясняется тѣмъ, что масло его служитъ въ качествѣ слабительнаго средства и употребляется для смазыванія волосъ.

Что же касается способа добыванія масла, то онъ очень простъ: плоды растенія сперва парятъ и затѣмъ подвергаютъ выжиманію съ помощью весьма примитивнаго пресса[4].

Хотя въ провинціи Пхёнъандо разводятся вообще тѣ же сельскохозяйственныя произведенія, какъ и въ провинціи Хоанъхäдо, однако, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, тōгома и хлопокъ, растутъ недостаточно хорошо, почему засѣваемая ими площадь здѣсь замѣтно

---

[1]) Въ особенности часто клещевину сѣютъ вмѣстѣ съ хлопкомъ, какъ объ этомъ подробнѣе говорится еще ниже, при описаніи пріемовъ хлопковой культуры въ Кореѣ.

[2]) Для смазыванія волосъ клещевинное масло употребляется либо одно, либо смѣшаннымъ съ кунжутнымъ масломъ (гома) или съ масломъ камеліи (чхюн'ю по корейски, цубаки-абура по японски 椿油 (цубаки Camellia Japonica «дикое чайное дерево»), Канкоку-сōран, 518. Здѣсь же отмѣчается и примѣненіе клещевиннаго масла для освѣщенія.

[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 470 и 559.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 525.

сокращается и въ особенности въ Сѣверной Пхёнъандо она становится совсѣмъ ничтожной[1].

VIII.

Огородные овощи встрѣчаются въ Кореѣ въ большомъ изобиліи[2], хотя, какъ указывается ниже, спросъ иногда превышаетъ предложеніе ихъ. Всѣ овощи, выращиваемые въ городахъ Сеулѣ, Кăсёнъ, Чѣмульпхо и др.[3], продаются здѣсь на утреннихъ базарахъ, при чемъ эти овощи поставляются сюда китайцами, которые главнымъ образомъ занимаются огородничествомъ въ окрестностяхъ этихъ городовъ, а кромѣ китайцевъ этимъ дѣломъ занимается еще совсѣмъ незначительное число японцевъ. Рыночныя цѣны этихъ продуктовъ мѣняются, въ зависимости отъ количества ихъ на рынкѣ; особая таблица, помѣщенная въ Цйōсен-сангйōси[4], указываетъ эти цѣны для іюня 1910 г. на утреннемъ базарѣ у Сеульскихъ воротъ Намдăмун.

Разведеніе овощей въ Кореѣ должно возрасти вмѣстѣ съ увеличеніемъ здѣсь числа японскихъ поселенцевъ. Уже теперь (говорится въ 1904 г.) приходится временами доставлять овощи изъ Японіи, напримѣръ, изъ Симоносеки въ Фузанъ, когда запасы ихъ здѣсь истощаются. Количество привоза этихъ овощей очень велико, но, подъ вліяніемъ судовой качки, они съ виду портятся и запахъ и вкусъ ихъ также оказываются хуже, чѣмъ у свѣжихъ овощей[5]. При таковыхъ обстоятельствахъ огородническій промыселъ въ Кореѣ, въ цѣляхъ снабженія свѣжими овощами японцевъ, проживающихъ здѣсь, долженъ

---

[1]) Цйōсен-сангйōси, I, 424.

[2]) Баронъ Корфъ и Звегинцовъ, Военный обзоръ Сѣверной Кореи, 90, совершенно справедливо отмѣчаютъ по поводу корейскихъ огородныхъ овощей, что, въ виду тщательности обработки и содержанія полей, огородничество, собственно говоря, не представляетъ въ Кореѣ особой культуры и огородныя растенія (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ. Примѣч. автора настоящаго «Очерка») входятъ составной частью въ корейскій сѣвооборотъ.

[3]) По сосѣдству съ каждымъ иностраннымъ или японскимъ поселеніемъ въ Кореѣ непремѣнно встрѣчаются огородники для разведенія овощей. Канкоку-нōгйōрон, 216.

[4]) I, 549—551. По этой таблицѣ можно судить о большомъ разнообразіи овощей на этомъ рынкѣ: кромѣ корейскихъ, тутъ и китайскіе и японскіе овощи. Аналогичныя цѣны для важнѣйшихъ овощей въ г. Мир'янъ и въ портѣ Кунсан помѣщены въ приложеніи къ Канкоку но нōгйō, стр. 113—114 (для 1905 г.).

[5]) Канкоку-нōгйōрон, 216.

считаться безусловно прибыльнымъ занятіемъ, требующимъ лишь небольшого капитала[1].

Въ позднѣйшее время для нуждъ главнымъ образомъ иностраннаго, въ частности японскаго, населенія корейскихъ портовъ, изъ года въ годъ въ Корею продолжало ввозиться извѣстное количество иностранныхъ—китайскихъ и японскихъ овощей. Напримѣръ, въ 1909 г. было ввезено въ Корею овощей—лука 玉葱 на сумму 15,854, картофеля 蕃藷—на 11,541 енъ, сладкаго картофеля—на 19,692 енъ, грибовъ—на 18,235 енъ и всѣхъ прочихъ овощей на сумму 118,121 енъ, всего же на сумму 183,443 енъ. По отдѣльнымъ корейскимъ портамъ, общая цѣнность означеннаго ввоза, независимо отъ отдѣльныхъ ввозимыхъ продуктовъ, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: въ Чѣмульпхо на сумму 19,621 енъ; въ Фузанъ—на сумму 57,521 енъ; въ Гензанъ—на сумму 11,680 енъ; въ Чынънампхо—на сумму 9,721 енъ; въ остальные порта—на сумму 84,794 енъ. Изъ всей цѣнности означеннаго ввоза на Японію приходилась значительно большая часть въ суммѣ 175,399 енъ и на Китай значительно меньшая часть въ суммѣ 7,986 енъ; на долю Великобританіи и Германіи изъ цѣнности этого ввоза оставалось всего нѣсколько енъ.

Число различныхъ огородныхъ овощей, разводимыхъ въ Кореѣ, достаточно велико, но не всѣ они играютъ одинаковую роль въ дѣлѣ питанія населенія; ниже приводятся необходимыя свѣдѣнія относительно отдѣльныхъ корейскихъ овощей, коимъ принадлежитъ наибольшее значеніе среди всѣхъ произведеній огороднаго промысла въ этой странѣ или кои заслуживаютъ вниманія по роли ихъ въ будущемъ развитіи означеннаго промысла.

Прежде всего обыкновенный картофель Solanum tuberosum, по японски барейсіо или дзягатара-имо 馬鈴薯 (существуютъ и отличныя японскія обозначенія его). Этотъ картофель, по мнѣнію г. Хэльберта, является въ Кореѣ туземнымъ овощемъ, хотя носитъ китайское имя камчжа 藷, пишется еще 薯 (шу въ пекинскомъ произношеніи, точнѣе ганьшу 甘薯), но оно въ самомъ Китаѣ обозначаетъ сладкую разновидность этого овоща,[2]

[1]) Канкоку-нôгіôрон, 216.

[2]) Этотъ сладкій картофель (бататъ) упоминается въ Наньфанъцаомучжуан 南方

а въ Кореѣ обыкновенный картофель Solanum tuberosum, по китайски 荷蘭薯 хэланьшу голландскій (или вообще «иностранный») картофель или 薯仔 шуцзай[1]). Употребленіе картофеля въ Кореѣ, по мнѣнію г. Хэльберта, очень древне[2], но ограничивается гористыми мѣстностями на востокѣ и сѣверо-востокѣ полуострова, такъ какъ картофель считается весьма низкокачественной пищею и совершенно пренебрегается, если только имѣется рисъ[3]. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр. Кымсёнъ и Хойянъ въ Канъуёндо, картофель составляетъ основную пищу населенія, и рисъ встрѣчается только въ гостиницахъ для нуждъ столичныхъ путешественниковъ, доставляясь сюда съ большими затрудненіями[4].

По японскимъ свѣдѣніямъ, распространеніе картофеля по отдѣльнымъ провинціямъ сѣверной и центральной Кореи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Обыкновенный картофель разводится въ провинціи Хамгёнъдо въ гористой части провинціи или на огневыхъ поляхъ осталь-

草木狀, въ III стол. по Р. Х. среди описанія 80 видовъ растеній южнаго Китая, изъ нихъ нѣкоторыхъ, заимствованныхъ изъ далекихъ чужихъ странъ (Bretschneider, Botanicum Sinicum, I, 38; Journal of the North-China branch of the Roy. Asiat. Soc., т. XVI, ч. 1). Отсюда можно думать, что и въ Китаѣ, какъ, несомнѣнно, и въ Кореѣ, этотъ видъ картофеля не является туземнаго происхожденія.

[1]) Giles, Chinese-English dictionary. Piry, Manuel de langue mandarine, 823, даетъ еще китайскія обозначенія этого вида картофеля: шаньяо-дань 山藥蛋 (что значитъ буквально: яйца шаньяо или ямса—Dioscorea Batatas съ длинными бѣлыми съѣдобными корнями; ямсъ является, повидимому, туземнымъ растеніемъ въ Китаѣ. О немъ см. замѣтку І. Гошкевича въ Труд. Пекинск. Духовн. Миссіи, III, стр. 69—70, новое изданіе) и янъюй 洋(番)芋 иностранный таро (юй Colocasia antiquorum Schott), что также указываетъ на иностранное происхожденіе его въ Китаѣ.

[2]) Korea Review, II, статья: The Products of Korea, 301; напротивъ, Описаніе Кореи, II. 129, высказываетъ предположеніе, что знакомство съ этимъ растеніемъ корейцы пріобрѣли отъ европейскихъ миссіонеровъ, какъ это случилось и въ Японіи. Это предположеніе является болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ заявленіе г. Хэльберта о туземномъ происхожденіи картофеля въ Кореѣ.

[3]) Цит. ст.: The products of Korea, 302. Во многихъ частяхъ страны, какъ указываетъ Жданъ-Пушкинъ, Корея (Сборникъ истор.-стат. свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ, 1875, т. 1, стр. 11), картофель совершенно неизвѣстенъ, и было время, когда его разведеніе —по какой-то неизвѣстной причинѣ, запрещалось правительствомъ. Послѣднее обстоятельство можетъ указывать, что картофель въ Кореѣ являлся тогда иноземнымъ продуктомъ.

[4]) Цит. статья: The products of Korea, 302. Въ отношеніи уѣзда Хойянъ это врядъ ли справедливо, такъ какъ самъ г. Хэльбертъ отмѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ той же статьи пригодность, хотя и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, указаннаго уѣзда для рисовой культуры.

ной ея части, рѣдко на грядкахъ, болѣе въ бороздахъ, соотвѣтственнымъ образомъ проведенныхъ, при чемъ между отдѣльными растеніями оставляется разстояніе въ $1^1/_2$ фута; удобреніе примѣняется только на переложныхъ лѣсныхъ поляхъ, на огневыхъ же поляхъ обходятся безъ него. Посѣвъ производится съ конца апрѣля по май, сборъ въ августѣ и въ сентябрѣ, при чемъ съ 1 тан получаютъ отъ 150 до 50 камме картофеля. Для сбереженія послѣдній закапывается въ землю и сохраняется такимъ образомъ до слѣдующей весны[1].

Въ провинціи Хоанъхädo картофель не встрѣчается въ равнинной части провинціи, но разводится въ небольшомъ количествѣ лишь въ гористой части ея, по сосѣдству съ провинціей Хамгёнъдо. Разсказываютъ, что въ этой провинціи, гдѣ разводится овесъ, тамъ встрѣчается и картофель, и наоборотъ; это, должно быть, совершенно справедливо[2].

Въ провинціи Канъуёндо и въ сѣверо-восточной части Кёнъгыйдо картофель разводится въ очень большомъ количествѣ. Въ остальной части провинціи Кёнъгыйдо и въ обѣихъ Чхюнъчхёнъдо—въ весьма незначительномъ количествѣ[3]. Однако, населеніе уѣзда Сихынъ 始興 въ юго-западной Кёнъгыйдо, на югъ отъ столицы, въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ занялось разведеніемъ картофеля, будучи поощряемо къ тому (японскими?) властями, на томъ основаніи, что при неурожаѣ хлѣбовъ картофель можетъ замѣнить ихъ въ питаніи населенія. Въ 1911 г. Кёнъгыйдоское провинціальное управленіе раздало между мѣстными японцами и корейцами посѣвной картофель, и отъ него былъ полученъ прекрасный урожай, при чемъ японцами было собрано 2060 камме и корейцами 562 камме[4].

Среди произведеній провинцій Кёнъсянъдо и Чёлладо обыкновенный картофель японскими авторами не упоминается, за то, по ихъ сообщеніямъ, въ южныхъ частяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо разводится сладкій картофель или бататъ, по японски сацума-имо (рюкю-имо) 甘藷 Spomea Batatus Lam. (Convol-

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 423—4.
[2]) Цiôсен-сангiôси, I, 443.
[3]) Цiôсен-сангiôси, I, 556.
[4]) Seoul Press, 24 Aug. 1911.

vulus Batatus L.)[1]. Хотя въ районѣ Фузана и Мокпхо этотъ картофель встрѣчается въ довольно большомъ количествѣ, но вообще разведеніе его является рѣдкимъ[2]. Бататъ встрѣчается и въ районѣ провинціи Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что о немъ не стоитъ говорить[3].

Въ 1904 г. авторъ Канкоку-нōгіōрон[4], отмѣчая ограниченные размѣры разведенія въ Кореѣ обыкновеннаго и сладкаго картофеля и немногочисленность занимающихся здѣсь этимъ дѣломъ, все же предсказывалъ первому весьма значительное увеличеніе въ отношеніи воздѣлываемаго количества и числа самихъ производителей въ будущемъ, въ виду хорошихъ результатовъ, которые неоднократно получались отъ воздѣлыванія этого овоща въ Кореѣ для собственной потребности европейцами и американцами. Поэтому онъ обращалъ вниманіе самихъ японцевъ на этотъ картофель, какъ на хорошій продуктъ, который имъ надлежало бы попытаться разводить въ Кореѣ.

Лукъ, по корейски па 葱 Allium fistulosum, яп. неги, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди корейскихъ второстепенныхъ пищевыхъ продуктовъ или, вѣрнѣе, приправъ. Та разновидность корейскаго лука, что встрѣчается на сѣверъ отъ р. Имжинганъ, по утвержденію самихъ корейцевъ, китайскаго происхожденія; на югъ отъ указанной рѣки встрѣчается туземная разновидность этого овоща, совершенно отличная отъ первой, крупнѣе, но менѣе острая[5]. Лукъ не употребляется корейцами въ пищу одинъ, но лишь въ качествѣ приправы и въ этой роли входитъ въ составъ очень многихъ кушаній (въ очень немногихъ его нѣтъ). Корейцы знаютъ его лѣчебныя свойства и употребляютъ въ нѣкоторыхъ лѣкарствахъ. Лукъ употребляется въ пищу населеніемъ круглый годъ, начиная съ появленія зеленыхъ ростковъ[6].

---

[1]) Matsumura, Shokubutsu-meii, и Rein, Japan nach Reisen und Studien.

[2]) Цiōсен-сангiōси, I, 460—1. Здѣсь же описываются и пріемы этой культуры.

[3]) Тамъ же, 556.

[4]) Стр. 174.

[5]) Цит. ст.: The products of Korea, стр. 303.

[6]) Тамъ же.

Въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо лукъ нѣсколькихъ разновидностей—корейскій, китайскій, лукъ—шалотъ Allium ascalonicum и т. д., разводится въ большомъ количествѣ въ Сеулѣ, Чѣмульпхо, Кäсёнъ и другихъ мѣстахъ, но имѣются мѣстности, гдѣ его разводятъ мало[1].

Въ провинціи Хоанъхäдо упомянутый лукъ—шалотъ (分葱 вакеги по японски, пишется правильнѣе 冬葱 Allium ascalonicum[2]) разводится въ большомъ количествѣ, обыкновенный лукъ мало[3].

Лукъ встрѣчается и во всѣхъ другихъ корейскихъ провинціяхъ, но подробностей на этотъ счетъ японскими авторами не сообщается.

Еще большую важность, даже по сравненію съ лукомъ, пріобрѣтаютъ въ Кореи два другихъ овоща—рѣдька и капуста.

Рѣдька, какъ и капуста, являясь предметомъ домашняго потребленія, разводятся повсюду въ Кореѣ, при чемъ въ гористыхъ мѣстностяхъ земледѣльцы много сѣютъ ихъ попеременно съ коноплею. Въ особенности разведеніе обоихъ овощей практикуется широко въ округахъ Гензана, Сеула, Käсёнъ, Чѣмульпхо, Пхёнъянъ и т. д.[4].

К а п у с т а, пäкчхä (пäчху) по корейски, яп. сирона 白菜, будучи осеннимъ овощемъ, разводится повсемѣстно и является лучшимъ изъ корейскихъ овощей[5]; корейскій видъ ея, повидимому, составляетъ разновидность между т. н. шаньдунской капустою Brassica campestris L., var., и китайской капустою (о ней см. ниже[6]), достигая въ вышину около $1^1/_2$ фута, при чемъ вѣсъ одного кочана достигаетъ 700—800 момме (6,4 до 7,3 русскихъ фунта). По мѣстности внѣшній видъ корейской капусты болѣе или менѣе измѣняется; такъ, напримѣръ, ростъ разновидности, выращиваемой въ Сеулѣ[7], ниже, чѣмъ у

---

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 555.

[2]) Rein, Japan nach Reisen und Studien, II, 89—90. Matsumura, Shokubutsu-Meii, 15, даетъ этому луку то же научное названіе, какъ и для «неги»—Allium fistulosum L.

[3]) Тамъ же, 570.

[4]) Канкоку-сôран, 609.

[5]) Канкоку-дзицугiô-сисин. 233, также отмѣчаетъ, что капуста, вѣроятно, является первымъ (по качеству) изъ корейскихъ огородныхъ растеній.

[6]) Г. Хэльбертъ видитъ въ корейской капустѣ лишь разновидность между капустою и латукомъ, не обладающую вкусомъ первой и деликатностью второго. The products of Korea, 392.

[7]) Внѣ Большихъ Восточныхъ воротъ, гдѣ также находится средоточіе разведенія этого овоща, который, однако, растетъ здѣсь хуже, чѣмъ въ Käсенъ. Канкоку-дзицугiô-сисин, 223.

Кäсёнъ'ской[1]. Качество корейской капусты настолько хорошо, что стоило бы разводить ее въ самой Японіи[2].

Корейцы обычно употребляютъ въ пищу капусту въ посоленномъ видѣ въ составѣ кимчхи (кимчхä) 沈菜—общераспространенной корейской приправы (она дѣлается также изъ рѣдьки[3]). Иногда капусту примѣшиваютъ къ похлебкѣ изъ мисо и послѣ варки ѣдятъ[4]. Капусту приправляютъ еще чеснокомъ, петрушкой, перцемъ (обыкновеннымъ), словомъ ароматическими и острыми веществами; прибавляютъ ее къ рыбьему мясу[5].

Въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо капусту сѣютъ весною и осенью[6], постепенно разрѣживаютъ и снимаютъ ее. Хотя капуста, посѣянная осенью, и растетъ безспорно хорошо, но посѣянная весной развивается сравнительно лучше[7]. По сосѣдству съ Сеуломъ, съ поля капусты такой величины, какое можетъ быть вспахано въ теченіе одного дня, можно собрать 10,000 кочановъ, стоимостью въ 400 японскихъ енъ[8].

Въ провинціи Хоанъхäдо посѣвъ и посадка капусты производятся непрерывно съ весны до лѣта и позже; однако, главнымъ образомъ посѣвъ происходитъ весною; по мѣрѣ созрѣванія капусту снимаютъ и употребляютъ въ пищу. При

---

[1]) Касёнъ является главнымъ центромъ разведенія капусты въ Кореѣ, при чемъ здѣсь она растетъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ остальной странѣ. Канкоку-дзицугіô-сисин, 223,

[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 551. Такой опытъ разведенія капусты изъ сѣмянъ, вывезенныхъ въ большомъ количествѣ изъ Кореи (изъ г. Касёнъ), былъ сдѣланъ раньше въ Окицу въ префектурѣ Сидзуока въ собственной Японіи на огородахъ опытной земледѣльческой станціи министерства земледѣлія и торговли, при чемъ въ результатѣ была получена капуста, нѣжная и прекрасная на вкусъ; вѣсъ одного кочана былъ 500 момме; сѣмена дали 80% всхожести. Въ общемъ по качеству эта капуста оказалась на второмъ мѣстѣ среди различныхъ ея сортовъ въ Японіи. Ціôсен-сангіôси, I, 552.

[3]) Цит. статья: The products of Korea, 392-3.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 551.

[5]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 233.

[6]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 233, считаетъ корейскіе пріемы разведенія капусты нѣсколько улучшенными, по сравненію съ другими земледѣльческими культурами.

[7]) Ціôсен-сангіôси, I, 551. Въ Кäсёнъ осенній посѣвъ капусты производится въ концѣ іюля, въ Сеулѣ—въ началѣ августа; дальнѣйшій уходъ за полемъ описывается въ Канкоку-дзицугіô-сисин, 233; постепенная уборка въ концѣ октября и началѣ ноября (тамъ же). Въ Сеулѣ, Касёнъ и другихъ мѣстахъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ продажа сѣмянъ капусты. 1 сіô такихъ сѣмянъ стоитъ 90 сен. Способъ полученія ихъ указывается въ Ціôсен-сангіôси, стр. 551—2.

[8]) Тамъ же, 552.

посѣвѣ капусты съ конца іюня до начала августа, посѣвъ дѣлаютъ рѣдкій, и въ октябрѣ собираютъ. Помимо того, что капусту употребляютъ здѣсь въ пищу вареной, ее ѣдятъ еще въ соленомъ видѣ, при чемъ она держится съ конца осени до слѣдующей весны[1]. Растетъ капуста въ этой провинціи хорошо, вкусъ имѣетъ отличный, не будучи волокнистой. Хотя при посадкѣ ея вовсе не выбираютъ почвы, но лучше всего она растетъ на примывной песчаной почвѣ. Сѣменную капусту разводятъ рѣдко[2].

Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо количество разводимой капусты, какъ и рѣдьки, уступаетъ лишь чесноку, при чемъ качество ея повсюду является хорошимъ[3]; что касается китайской капусты, превосходящей видомъ и качествомъ обыкновенную корейскую капусту, то, несмотря на эти преимущества, она выращивается только проживающими здѣсь китайцами[4]. Стоимость мѣстной капусты достигаетъ 8—10 сен за штуку. Уходъ за капустою со стороны корейцевъ является здѣсь достаточно тщательнымъ[5], все же ихъ пріемы не могутъ сравниться съ интенсивностью этой культуры у китайцевъ[6].

Въ провинціяхъ Пхёнъандо и Хамгёнъдо капуста также разводится, хотя авторъ Ціôсен-сангіôси не сообщаетъ на этотъ счетъ никакихъ подробностей, какъ и насчетъ разведенія тамъ другихъ овощей, отсылая читателя къ сообщеннымъ имъ по этому предмету свѣдѣніямъ для провинціи Хоанъхäдо[7]. Г. Хэльбертъ, однако, упоминаетъ[8], что, хотя лучшая капуста въ Кореѣ растетъ близъ Сеула, однако, и въ Пхёнъандо встрѣчается очень хорошій сортъ ея.

Китайская капуста выращивается въ окрестностяхъ корейскихъ открытыхъ портовъ, какъ-то Чѣмульпхо, Чынънампхо, Кунсан, а также Сеула, исключительно проживающими тамъ китайцами, отсюда и ея обозначеніе. По качеству, капуста,

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 567.
[2]) Тамъ же, 567—8.
[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 575.
[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 576.
[5]) Подробности тамъ же, 576.
[6]) Тамъ же.
[7]) Стр. 562 и 564.
[8]) Цит. ст.: The products of Korea, 303.

выращиваемая на сѣверъ отъ Сеула и Чѣмульпхо, въ силу пригодности для нея климатическихъ и почвенныхъ условій, бываетъ лучшаго качества съ совершенно бѣлыми и красивыми листьями, образующими собою совершенно плотную массу; по формѣ она походитъ на маленькій воздушный шаръ; ее можно ѣсть свѣжей; вкусъ превосходный[1]. Капуста, выращиваемая на югъ отъ Кунсан, не сравнится качествомъ съ первой; причиною этому является отличный климатъ[2]. Сѣмена этой капусты ежегодно выписываются изъ Китая, должно быть, потому, что полученныя отъ той же капусты сѣмена въ самой Кореѣ оказываются смѣшанныхъ сортовъ. При такихъ условіяхъ разведеніе этой капусты въ Кореѣ на дѣлѣ является исключительнымъ промысломъ китайцевъ[3].

Рѣдька, му по корейски 蘿蔔, рафу или дайкон по японски, пишется еще 萊菔 райфуку, Raphanus sativus, играетъ въ Кореѣ важную роль въ питаніи населенія, служа въ соленомъ видѣ въ качествѣ «кымчхи» (см. выше) приправой къ рису, но приготовляется также иными способами въ качествѣ приправы къ другимъ кушаньямъ; употребляется въ пищу еще свѣжей. Корейская рѣдька бѣлая, китайская же бываетъ обычно красной, поэтому г. Хэльбертъ предполагаетъ, что корейская рѣдька можетъ считаться туземнаго происхожденія. Она достигаетъ въ длину 20 дюймовъ, при чемъ лучшій сортъ ея растетъ въ Кёнъсянъдо, откуда ранѣе доставлялся въ Сеулъ во дворецъ[4].

Рѣдька широко разводится въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо, являясь здѣсь вторымъ по значенію овощемъ послѣ капусты. Главнымъ мѣстомъ разведенія ея служатъ Сеулъ и Туксём. Существуютъ двѣ разновидности ея: длинная и тонкая, которая употребляется въ соленомъ видѣ, и круглая и толстая, которая съѣдается вареной. Посѣвъ рѣдьки производится на грядкахъ въ іюнѣ и іюлѣ, сборъ—

---

[1]) Канкоку-нôгіôрон, 216, также отмѣчаетъ хорошія качества капусты въ сѣверныхъ частяхъ Кореи, не упоминая, однако, спеціально о китайской.

[2]) Пріемы разведенія ея описываются въ Канкоку-дзицугіô-сисин. 234, откуда взяты и вышеприведенныя замѣчанія [стр. 233—4]. Ловкость, съ какой китайцы выращиваютъ эту капусту, не имѣетъ равной себѣ у другихъ націй. Канкоку-сôран, 609.

[3]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 234.

[4]) Цит. ст.: The products of Korea, 302.

по прошествіи 80—90 дней послѣ разрѣженія. Участокъ земли, размѣромъ въ 1 корейскій ильгёнъ, даетъ 50 лошадиныхъ вьюковъ рѣдьки, цѣною въ 100 енъ[1].

Въ провинціи Хоанъхäдо разведеніе рѣдьки менѣе распространено, нежели капусты; ее разводятъ на небольшомъ клочкѣ земли сбоку дома[2].

Въ провинціи Кёнъсянъдо и Чёлладо рѣдька разводится въ такомъ же количествѣ, какъ капуста, но меньше, чѣмъ чеснокъ.

Условія разведенія рѣдьки въ провинціяхъ Пхёнъандо и Хамгёнъдо тѣ же, что въ провинціи Хоанъхäдо[3].

Помимо вышеуказанныхъ огородныхъ растеній, за исключеніемъ картофеля, наиболѣе распространенныхъ и играющихъ наибольшую роль въ качествѣ дополнительныхъ пищевыхъ продуктовъ или просто въ качествѣ приправъ, среди прочихъ огородныхъ растеній въ Кореѣ встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ еще рѣпа, брюква, морковь, петрушка и чеснокъ; очень распространены также огурцы, тыквы, арбузы, баклажаны и помидоры[4]. Благодаря особенностямъ корейскаго климата лѣтомъ, когда воздухъ бываетъ совершенно насыщенъ влагою и яркіе лучи солнца обычно отсутствуютъ вслѣдствіе

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 552.

[2]) Тамъ же, 568.

[3]) Подробное описаніе корейскихъ пріемовъ разведенія рѣдьки въ Пхёнъянъ'скомъ округѣ въ Южной Пхёнъандо дается Канкуку-сôран, 609-611 (здѣсь указываются и мѣстныя цѣны этого овоща: за самые крупные коренья, которые продаются поштучно, и за болѣе мелкіе, продающіеся пучками). Рѣдьку обычно собираютъ здѣсь въ концѣ октября и началѣ ноября, когда коренья ея достигнутъ длины въ 1 сяку 6—7 сун и толщины въ 5 сун; но для удобства случается, что на рынокъ доставляются корни, длиною лишь въ 3—4 сун (тамъ же, 611). Канкоку-дзицугіô-сисин, 235, считаетъ корейскіе пріемы разведенія рѣдьки крайне примитивными, такъ какъ они предоставляютъ ей расти почти что самой. Поэтому листья и стебель растенія коротки и малы, а корень по качеству твердъ.

[4]) Этотъ перечень различныхъ корейскихъ овощей приводится «Описаніемъ Кореи», II, 129. Японскіе авторы о нѣкоторыхъ изъ нихъ вовсе не упоминаютъ, но называютъ рядъ другихъ, не встрѣчающихся въ этомъ спискѣ. Такъ, напримѣръ, Канкоку-іôран, 63, въ перечнѣ корейскихъ овощей указываетъ еще сіôга 生姜 (правильнѣе 生薑) имбирь Zingiber officinale Rosc., гобô 牛蒡 Arcticum Lappa L. лопушникъ (упоминается среди овощей въ провинціи Хоанъхäдо. Ціôсен-сангіôси, I, 571), ренкон 蓮根 корень лотуса, куваи 慈姑 Sagittaria sagittifolia L. стрѣлолистъ (Matsumura, Shokubutsu-Meii, 209), такеноко 筍 молодые побѣги бамбука, другой видъ имбиря міôга 茗荷 Zingiber mioga Rosc. (Rein, Japan nach Reisen und Studien, II, 89), сисо 紫蘇 Perilla nankinensis Dene., югао 夕顔 Lagenaria vulgaris Ser. (хіôтан 瓢簞 родъ бутылочной

сильной облачности, корейскіе тыквы, дыни, арбузы и огурцы достигаютъ съ одной стороны огромныхъ размѣровъ подъ вліяніемъ теплой влажности воздуха, съ другой же—перерождаются въ водянистые, безвкусные, наполненные массою сѣмянъ плоды[1].

Чеснокъ, манар 蒜 (хиру или ниннику[2] по японски 大蒜 Allium scorodoprasium), имѣетъ, вмѣстѣ со своими разновидностями, широкое распространеніе въ Кореѣ, особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ полуострова, благодаря тому, что почти для всѣхъ корейцевъ онъ является повседневной пищею[3].

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи центральная Корея составляетъ, повидимому, исключеніе, такъ какъ въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо, наряду съ нѣкоторыми другими овощами (въ частности и тальнä 韭, разновидностью дикаго чеснока Allium odorum, яп. нира), чеснокъ разводится въ такомъ небольшомъ количествѣ, что не стоитъ даже говорить[4]. Напротивъ, въ Хоанъхäдо чеснокъ, являясь весьма излюбленнымъ продуктомъ, разводится въ большемъ или меньшемъ количествѣ близъ каждаго дома[5]; а въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо чеснокъ является даже самымъ распространеннымъ среди овощей, превосходя по количеству даже капусту и рѣдьку[6].

тыквы), сироури 越瓜 бѣлая дыня Cucumis conomen, аоури 青瓜 зеленая дыня Cucumis flexuosus L. (она упоминается Цiôсен-сангiôси, I, 571, среди овощей Хоанъхäдо), тôга 冬瓜 Benincasa cerifera Savi (Cucurbit.) бѣлая индійская тыква, 掌薙? iомоги Artemisia vulgaris L., сато-имо 里芋 мелкій бѣлый картофель (по буквальному переводу японскаго названія: «деревенскій картофель») Colocasia antiquorum Schott—таро (у китайцевъ юй 芋; см. выше прим. 1 къ стр. 510). Встрѣчается и ямсъ—дикій и культурный, по кор. ма или сан'як Dioscorea quinqueloba. Gale, Korean-English dictionary, 799 и 515.

Цiôсен-сангiôси, I, 549, упоминаетъ еще среди овощей въ центральной Кореѣ мицуба 野蜀葵 Cryptotaenia japonica.

[1]) Описаніе Кореи, II, 139. Однако, съ этимъ утвержденіемъ, которымъ подчеркивается непригодность корейскаго климата для перечисленныхъ овощей, трудно согласиться, такъ какъ японскія наблюденія доказали полную пригодность корейскаго климата, именно вслѣдствіе его большей сухости, чѣмъ японскаго, для культивированія всякихъ овощей и фруктовъ. Низкія качества корейскихъ дынь и прочихъ указанныхъ выше овощей въ настоящее время объясняются скорѣе отсутствіемъ въ Кореѣ хорошихъ сортовъ этихъ овощей и недостаткомъ надлежащаго ухода за ними.

[2]) Это чтеніе «ниннику» указывается въ Цiôсен-сангiôси, I, 549.

[3]) Канкоку-нôгiôрон, 216.

[4]) Цiôсен-сангiôси, I, 556.

[5]) Тамъ же, 570.

[6]) Тамъ же, 575; на стр. 578 описывается способъ разведенія его въ этихъ провинціяхъ.

Наконецъ, въ провинціяхъ Пхёнъандо и Хамгёнъдо роль чеснока, повидимому, является такой же, какъ въ провинціи Хоанъхäдо.

Дыня, кор. чхам'ой 眞瓜, яп. макуваури 甜瓜 Cucumis Melo L., употребляется корейцами въ свѣжемъ видѣ, при чемъ въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо разводится всюду, въ особенности близъ торговыхъ пунктовъ, такъ что здѣсь ею иногда засѣваются участки величиною отъ 5—6 се до 2—3 тан въ одномъ мѣстѣ. Однако, дыни не разводятся въ этой части Кореи, какъ другіе овощи, каждымъ земледѣльцемъ для себя, но культивированіе ихъ составляетъ занятіе меньшинства. Въ городахъ внутри страны торговля овощами ограничивается почти только дынями. Въ указанномъ районѣ существуютъ различные сорта дынь, которые выращиваются на огородѣ вперемѣшку[1]. Посѣвъ производится въ апрѣлѣ и маѣ, сборъ въ іюлѣ и августѣ. Бѣдный людъ замѣняетъ дынями въ центральной Кореѣ рисъ, почему можно сказать, что разведеніе ихъ должно быть велико[2]. Этимъ же объясняется, почему постоянно устраиваются здѣсь небольшія сторожки (уёндумак по кор. 菰幕) для охраны огородовъ съ дынями отъ воровъ[3].

Въ провинціи Хоанъхäдо выращиваніе дынь весьма распространено, въ такой мѣрѣ, что дыня здѣсь скорѣе является особымъ, хотя и не главнымъ, пищевымъ продуктомъ, а не то, что служитъ въ пищу лишь между прочей ѣдою. Лѣтомъ ея ѣдятъ рѣшительно всюду; даже рабочіе утромъ замѣняютъ ею прочую пищу. При таковыхъ условіяхъ бываетъ, что дыню въ этой провинціи сѣютъ въ смѣси съ прочими посѣвами, напримѣръ, съ хлопкомъ, на участкѣ протяженіемъ въ одномъ мѣстѣ въ нѣсколько тан. Однако, вкусъ мѣстныхъ дынь нельзя назвать хорошимъ[4].

Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо[5] (главнымъ мѣстомъ разведенія здѣсь дынь является, напримѣръ, уѣздъ Ульсан

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 553; пріемы этой культуры описываются тамъ же.
[2]) Тамъ же, 553.
[3]) Тамъ же, 553.
[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 569.
[5]) Въ этой провинціи дынь скорѣе слѣдуетъ считать побочнымъ пищевымъ продуктомъ, а не просто овощной приправою. Наиболѣе славятся дыни, выращиваемыя въ Ульсан'скомъ уѣздѣ. Тамъ же, 575.

въ Южной Кѣнъсянъдо) существуютъ двѣ разновидности дынь съ бѣлой и зеленой наружной кожей; первая даетъ мало плодовъ, вторая является обычнымъ сортомъ и даетъ большой сборъ, но качествомъ хуже[1]. Расходы по выращиванію здѣсь дынь исчисляются въ 12—13 енъ на 10 турак, а цѣнность сбора съ той же площади достигаетъ 60—70 енъ[2].

Тыквы, кор. намгоа или хобак 南瓜, яп. кабоця Cucurbita pepo L., бываютъ двухъ родовъ: длинной овальной формы и круглой формы. Первыхъ въ провинціяхъ Кѣнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо больше (въ частности они разводятся близъ Сеула); оба сорта имѣютъ совершенно гладкую кожу безъ всякихъ морщинъ и бороздъ; діаметръ перваго сорта равняется 1—$1^1/_2$ сун, длина—5 или 6 сун.

Въ пищу употребляютъ вареными вмѣстѣ съ сѣменами молодыя тыквы темнозеленаго цвѣта; эти тыквы спѣлыми имѣютъ свѣтложелтый цвѣтъ и достигаютъ въ длину $1^1/_2$ фута при діаметрѣ въ 5—6 сун. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно видѣть, по словамъ автора «Цiōсен-сангiōси», какъ тыквы перваго сорта разрѣзаются на два-три кружка и, по удаленію зеренъ, обмываются и высушиваются на солнцѣ, а тыквы второго сорта зрѣютъ, между прочимъ, на изгороди, пока онѣ не пожелтѣютъ и не станутъ спѣлыми, и тогда употребляютъ тѣ и другія въ пищу вареными въ качествѣ дополнительнаго пищевого продукта или примѣшивая ихъ къ рису[3].

Въ провинціи Хоанъхäдо поселяне непремѣнно выращиваютъ нѣсколько штукъ тыквъ сбоку дома[4].

Равнымъ образомъ въ этой провинціи разводятъ близъ дома по нѣсколько штукъ тыкву горлянку, кор. пак, 瓠 яп. фукубе, главнымъ образомъ не съ цѣлью употребленія въ пищу, а для изготовленія изъ нихъ различной утвари, какъ-то для черпанья воды, накладыванія пищи, храненія зерна[5].

---

[1]) Цiōсен-сангiōси, I, 576—7; тамъ же указывается способъ разведенія дынь въ указанныхъ провинціяхъ, для чего предпочитается песчаная почва на возвышенномъ мѣстѣ съ свободнымъ стокомъ воды и орошеніемъ; повторный посѣвъ вообще избѣгается. Сѣвъ производится отъ средины апрѣля до начала мая, сборъ въ іюлѣ и августѣ.

[2]) Тамъ же, 578.

[3]) Цiōсен-сангiōси, I, 554.

[4]) Цiōсен-сангiōси, 569.

[5]) Тамъ же. Этотъ видъ тыквы (Pîry, Manuel de langue mandarine, 822, даетъ

Огурцы, кор. ойгоа, кюри по японски 胡瓜, Cucumis sativus L., сѣются въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо въ апрѣлѣ и маѣ и собираются съ середины іюня, когда они достигаютъ длины 4—6 сун. Для огурцовъ не устраиваютъ ни полокъ, ни раскладываютъ соломы, а оставляютъ имъ самимъ разстилаться по землѣ. Огурцы употребляются въ пищу солеными, иногда свѣжими[1]. Въ провинціи Хоанъхäдо огурцы охотно разводятся населеніемъ, при чемъ для нихъ не ставятъ подпорокъ, а оставляютъ лежать на землѣ; поэтому одна сторона ихъ зеленая, другая бѣлая; по формѣ они походятъ на обычный сортъ въ Японіи[2].

Въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо разводятся также арбузы, кор. сёгоа или сюбак 西瓜, суйка по японски, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что не стоитъ говорить[3]. Арбузы встрѣчаются, но рѣдко, въ провинціи Хоанъхäдо[4], возможно, и въ другихъ провинціяхъ, хотя этого и не указывается прямо.

Петрушка[5], кор. минари 芹, сери по японски, пишется также 水蘄 или 水芹, Oenanthe stolonifera, DC.[6], разводится повсе-

---

ему научное названіе: Lagenaria vulgaris, var. clavata, кит. хуцзы 瓠子) встрѣчается и въ районѣ центральныхъ провинцій Кореи—Кёнъгыйдо, Канъуёндо и обѣихъ Чхюнъчхёнъдо, при чемъ у каждаго дома выращиваются одна, двѣ штуки ихъ; плоды ея почти шаровидной формы, обыкновенно имѣютъ въ діаметрѣ 7 сун и употребляются для изготовленія различной утвари. Ціёсен-сангіёси, I, 557.

[1]) Ціёсен-сангіёси, I, 554.

[2]) Тамъ же, 569.

[3]) Тамъ же, 556.

[4]) Тамъ же, 571.

[5]) О ней говорится въ Канкоку-дзицугіё-сисин, 234—5; Канкоку-нёгіёрон, 216; Канкоку-сёран, 609; Ціёсен-сангіёси, I, 555, 570 и 578—9. Столь большое вниманіе, удѣляемое этому овощу японскими авторами, указываетъ на его роль и распространенность въ Кореѣ.

[6]) Этотъ корейскій овощъ, если онъ, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ японскому «сери», не является настоящей петрушкою, какъ показываетъ и несходное научное обозначеніе яп. «сери» Oenanthe stolonifera, приводимое Matsumura, Shokubutsu-Meii, 196, въ отличіе отъ обозначенія обыкновенной петрушки Petrosilium sativum Hoffm. Однако, разсматриваемое растеніе, широко распространенное въ различныхъ видахъ въ Южной и Восточной Азіи (Китаѣ и Японіи)—см. Engler, A., Die natürlichen Pflanzenfamilien, III. Teil, Abteilung 8, стр. 204,—доставляетъ также коренья и зелень (листья и стебель) для употребленія въ пищу и вообще представляетъ собою родственный петрушкѣ видъ, почему д-ръ Рейнъ (Japan nach Reisen und Studien) называетъ его по англійски «parsley», что буквально значитъ петрушка. Напротивъ, корейское слово «минари» 芹 безразлично можетъ обозначать и петрушку, и сельдерей, и кресъ (см. Gale, Korean-English dictionary).

мѣстно въ Кореѣ или почти такъ, въ районѣ же провинцій Кёнъгыйдо, Чхюньчхёнъдо и Канъуёндо на топкихъ поляхъ. Въ сентябрѣ растеніе даетъ сѣменные стебли, на слѣдующій годъ въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ снимаютъ сборъ, послѣ чего на мѣстѣ ранняго сбора растенія отрастаетъ новый, который и снимается въ маѣ и іюнѣ[1]. Близъ городовъ петрушка разводится много, въ сельскихъ округахъ—въ небольшомъ количествѣ[2].

Въ особенности разведеніе петрушки процвѣтаетъ по сосѣдству съ Сеуломъ; всякій, кто разъ былъ въ Сеулѣ, могъ самъ видѣть это[3]. Здѣсь низменныя сырыя мѣста у Большихъ Восточныхъ и Южныхъ воротъ, куда собираются городскія сточныя воды, оказываются наиболѣе пригодны для произрастанія этого овоща[4]. Благодаря этимъ сточнымъ водамъ отдѣльнаго удобренія не примѣняется[5].

Разведеніе петрушки внѣ Болыпихъ Южныхъ и Восточныхъ воротъ даетъ, какъ разсказываютъ, 33% чистой прибыли при стоимости 1 тан топкаго поля въ 100 енъ и при продажѣ сбора съ этого поля на 60 енъ. Петрушка обычно продается огородникомъ купцамъ въ томъ видѣ, какъ она собрана—неочищенной[6].

Въ провинціи Хоанъхѣдо культуру петрушки можно встрѣтить даже въ глухихъ мѣстахъ среди горъ, а по близости городовъ ея много разводятъ, хотя вообще лишь на клочкѣ земли въ нѣсколько цубо. Не говоря о томъ, что ее ѣдятъ въ качествѣ овоща въ концѣ осени и ранней весной, въ лѣтнее время не гнушаются ѣсть грубые и твердые листья и стебель этого растенія[7].

Въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо обычно въ іюнѣ,

---

[1]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 234—5, изображаетъ нѣсколько иначе способъ выращиванія петрушки. Въ іюнѣ, говорится здѣсь, когда петрушка достигаетъ роста въ 2 фута и начнетъ цвѣсти, ее вырываютъ и просто бросаютъ на сырое низменное поле, гдѣ изъ сочлененій стараго стебля выходятъ новые побѣги; въ августѣ ее снова вырываютъ и пересаживаютъ на распаханное суходольное поле безъ удобреній; въ октябрѣ приступаютъ къ сбору и продолжаютъ его до марта, апрѣля слѣдующаго года.

[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 554—5.

[3]) Канкоку-нôгіôрон, 216.

[4]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 234.

[5]) Канкоку-сôран, 609.

[6]) Ціôсен-сангіôси, I, 555.

[7]) Тамъ же, 570.

когда растеніе образуетъ вѣтвистый стебель (растетъ оно на орошаемыхъ поляхъ), то начинаетъ расти корень; сборъ начинается въ октябрѣ, но большей частью петрушка собирается весной въ апрѣлѣ, когда обнаруживается недостатокъ въ другихъ овощахъ[1].

Болотная мальва, кор. аук 冬葵, яп. фую-аои Malva verticillata L., въ Японіи не встрѣчается въ числѣ овощей. Въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо она разводится повсюду, при чемъ сѣется весною и въ началѣ совершенно походитъ на дзени-аои 錦葵[2]. Цвѣты, бывающіе въ серединѣ іюня, мелкіе и свѣтло-розоваго цвѣта. Въ пищу употребляютъ вареными листья растенія, примѣшивая ихъ къ похлебкѣ изъ мисо (эта похлебка называется по корейски пичжи-чжёнголь 水湯煎骨[3]).

Въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо встрѣчается и салатъ, кор. сянъчхи, по японски цися 萵苣, но въ небольшомъ количествѣ. Въ провинціи Хоанъхъдо разведеніе салата слѣдуетъ по значенію сейчасъ же за разведеніемъ капусты, при чемъ и сѣютъ и собираютъ его (ощипывая листья) по нѣсколько разъ[4]. Въ той же провинціи Хоанъхъдо разводится и 茼蒿 сингику (по японски) Chrysanthemum coronaria L., который собирается непрерывно съ весны до осени. По важности эта зелень слѣдуетъ за культурою салата[5]. Она же упоминается и среди маловажныхъ произведеній района центральной Кореи.

Шпинатъ, кор. сигымчхи, хōренсō по японски 菠薐草, также усердно разводится въ провинціи Хоанъхъдо, но принадлежитъ къ числу маловажныхъ огородныхъ растеній столичнаго района[6].

Баклажаны, качжи 茄子, по японски насуби Solanum melongena L., встрѣчаются и въ столичномъ районѣ и въ провинціи Хоанъхъдо, а также въ другихъ частяхъ Кореи.

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 578-9.

[2]) Дзени-аои, по опредѣленію Matsumura, Shokubutsu-Meii, 182, имѣетъ научное имя Malva sylvestris L., var. mauritania Boiss.

[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 555.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 568.

[5]) Тамъ же, 568.

[6]) Тамъ же, 556 и 568.

Въ провинціи Хоанъхädo ихъ существуетъ двѣ разновидности —длинная и круглая; вторая разводится больше.

Морковь, ниндзин въ японскомъ употребленіи 胡羅蔔, Daucus carota L., упоминается среди овощей, встрѣчаемыхъ въ провинціи Хоанъхädo, но почти что рѣдко[1].

Рѣпа, кор. сюнму, кабура по японски 蕪菁 Brassica rapa L., упоминается среди овощей провинціи Хоанъхädo, почти что рѣдко встрѣчающихся здѣсь[2]. Рѣпа, какъ и морковь, показана среди овощей, продающихся на рынкѣ въ Сеулѣ[3].

Среди огородныхъ растеній, встрѣчаемыхъ въ провинціяхъ центральной Кореи—Кёнъгыйдo, Чхюнъчхёнъдo и Канъуёндo, упоминаются, какъ разводимые въ ничтожномъ количествѣ, ингенмаме по японски 菜豆 или 隱元豆 Phaseolus vulgaris L. —обыкновенные бобы[4]. Въ качествѣ почти что рѣдко встрѣчающихся огородныхъ растеній провинціи Хоанъхädo отмѣчаются упомянутые обыкновенные бобы (ингенмаме) и бобы фудзимаме по японски 藤豆 Dolichos umbellatus Thunb.

Помимо всѣхъ перечисленныхъ огородныхъ растеній въ собственномъ смыслѣ слова, корейцы употребляютъ въ пищу или въ качествѣ лѣкарствъ, или наконецъ, для различныхъ техническихъ цѣлей весьма большое число другихъ растеній —травъ, кустарниковъ и деревьевъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и очень рѣдко, культивируются въ саду (огородѣ) или около дома, большей же частью произрастаютъ въ дикомъ состояніи. Названія этой категоріи растеній приводятся въ Цiōсен-сангiōси (въ первомъ томѣ, въ видѣ приложенія къ описанію произведеній корейскаго огородничества и плодового садоводства) для отдѣльныхъ провинцій и районовъ Кореи; но въ этой главѣ предлагаемаго «Очерка» они опускаются, одни вслѣдствіе слишкомъ спеціальнаго и ограниченнаго ихъ примѣненія, другія же потому, что либо уже были указаны попутно выше, либо будутъ отмѣчены въ своемъ мѣстѣ ниже. Въ помянутомъ спискѣ названій этого рода произведеній корейской природы, приводимомъ въ Цiōсен-сан-

[1]) Цiōсен-сангiōси. I, 570.
[2]) Цiōсен-сангiōси, I, 571.
[3]) Тамъ же, 550.
[4]) Тамъ же, 549 и 556.

гіōси можно найти и названія нѣкоторыхъ породъ древесныхъ грибовъ.

Можно еще упомянуть о цвѣтахъ и вообще цвѣтущихъ растеніяхъ, которые, однако, въ Кореѣ почти не культивируются въ коммерческихъ цѣляхъ въ качествѣ особой отрасли садоводства (за исключеніемъ японскихъ садоводовъ въ иностранныхъ поселеніяхъ Кореи). Въ большихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Сеулѣ, встрѣчаются нерѣдко красивые цвѣты въ горшкахъ, но въ деревенскихъ домахъ этого почти не бываетъ. Нѣкоторыя цвѣтущія растенія являются обычными, какъ-то піоны (Poeonia mudan и P. albiflora), хризантемы, вишня, лотусъ и т. д.[1] Въ частности въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо цвѣты культивируются очень рѣдко[2]; все же имѣется здѣсь довольно большое число такихъ цвѣтовъ, какъ и дикорастущихъ[3]. Въ провинціи Хоанъхäдо красивыхъ цвѣтовъ, въ особенности полевыхъ, встрѣчается не мало и въ маѣ сельскій ландшафтъ представляетъ собою весьма пріятное зрѣлище, благодаря ихъ пестрымъ краскамъ среди свѣжей зелени, и самый воздухъ бываетъ наполненъ ихъ ароматомъ[4]. Тоже можно сказать и относительно провинцій Хамгёнъдо и Пхёнъандо, которыя въ этомъ отношеніи не отличаются отъ провинціи Хоанъхäдо[5]. Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсяндо цвѣты (полевыя) очень малочисленны[6]. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что въ этой части страны относительная площадь обработанной земли значительно возрастаетъ, сравнительно съ болѣе сѣверными мѣстностями Кореи.

Свекловица, по японски кансай 甘菜, стала разводиться въ Кореѣ въ видѣ опыта японцами лишь въ самое недавнее время. Однако, уже въ 1904 г. авторъ «Канкоку-нōгіōрон» признавалъ необходимымъ и возможнымъ разведеніе въ Кореѣ свекловицы и сахарнаго тростника кансіō 甘蔗 (чя по корейски), съ цѣлью полученія сырого матеріала для выдѣлки сахара. Правда, въ то время потребленіе сахара въ Кореѣ

[1]) Ціōсен-сангіōси, 579, для провинцій Чёлладо и Кёнъсянъдо.
[2]) Ціōсен-сангіōси, I, 556.
[3]) Перечень ихъ названій приводится тамъ же на стр. 556-7.
[4]) Тамъ же, 571.
[5]) Тамъ же, 562 и 564.
[6]) Тамъ же, 579; сравни сказанное выше.

являлось ничтожнымъ, но, по убѣжденію названнаго автора, оно, безъ сомнѣнія, должно было возрасти впослѣдствіи (какъ это наблюдалось раньше въ самой Японіи и какъ это дѣйствительно случилось въ Кореѣ, если судить по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ[1]), по мѣрѣ возрастанія потребности въ сахарѣ у самихъ корейцевъ и увеличенія числа японскихъ поселенцевъ въ Кореѣ. Все это давало автору названнаго сочиненія основаніе предполагать, что воздѣлываніе въ самой Кореѣ вырабатывающихъ сахаръ растеній должно сдѣлаться въ будущемъ важной отраслью промышленности въ странѣ.

Въ то время (въ 1904 г.) оба эти растенія почти не разводились въ Кореѣ. Правда, сахарный тростникъ является растеніемъ жаркаго пояса, почему въ самой Японіи главныя области его разведенія—островъ Формоза и острова Рюкю, въ частности о-въ Осима, всѣ лежатъ къ югу отъ 30° с. ш. Между тѣмъ наиболѣе южныя точки Кореи—острова Кодо 孤島 и Чѣчжюдо, доходятъ только до 33° с. ш., такъ что съ этой точки зрѣнія почти нельзя было бъ разсчитывать на успѣхъ разведенія сахарнаго тростника въ Кореѣ. Однако, въ самой Японіи и много сѣвернѣе указаннаго градуса широты, въ теплыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, на островѣ Сикоку и въ части округа Токайдо, это растеніе разводится съ успѣхомъ (впрочемъ, въ настоящее время, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей въ префектурахъ Токіо и Сидзуока и на островѣ Сикоку, культура его здѣсь почти совершенно прекратилась, благодаря

[1]) Потребленіе сахара въ Кореѣ увеличилось въ 3 раза за послѣдніе 3 года, но понынѣ не превышаетъ 10,000,000 кинъ въ годъ. Japan W. Chronicle, 15 Dec. 1910, 1069 (со словъ Хонда, директора опытной фермы въ Сюуён, отмѣтившаго также, что, благодаря пригодности корейской почвы для разведенія свекловицы, сахарная промышленность въ Кореѣ подаетъ большія надежды).

Слѣдующая таблица указываетъ количество въ кинъ и цѣнность въ енъ сахара, ввезеннаго въ Корею въ теченіе 1907—1909 г.г.

	1907 г.		1908 г.		1909 г.	
	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.	Количество.	Цѣнность.
Темный сахаръ .	10,727,400	801,697	2,213,545	145,567	1,302,132	86,946.
Рафинадъ . . .			9,030,458	706,546	9,816,736	751,256.

Къ этому необходимо еще прибавить цѣнность привоза конфетъ и прочихъ сластей, исчисленную въ 1907 г. въ 73,380 енъ, въ 1908 г. въ 71,923 енъ и въ 1909 г. въ 26,352 енъ для печенья и 43,506 енъ для конфетъ и т. д. Нѣкоторая часть заграничныхъ (въ частности, японскихъ) издѣлій этого рода также служитъ развивающейся потребности въ нихъ самого корейскаго населенія и можетъ являться иллюстраціей возникшей у него привычкѣ къ большему потребленію сахара.

конкуренціи иностраннаго и формозскаго сахара), почему и на островахъ южной Кореи, гдѣ климатъ очень теплый, можетъ быть успѣшно разведеніе въ большемъ или меньшемъ количествѣ сахарнаго тростника для выдѣлки изъ него сахара, хотя, конечно, объ очень широкомъ производствѣ этого продукта не можетъ быть рѣчи. Напротивъ, въ очень холодныхъ сѣверныхъ странахъ обѣщаетъ хорошій успѣхъ разведеніе свекловицы, почему названный авторъ считалъ совершенно необходимымъ, чтобы японцы предприняли подобный опытъ съ этимъ растеніемъ въ трехъ корейскихъ провинціяхъ — Хамгёнъдо, Пхёнъандо и Канъуёндо[1].

Требуемый опытъ и даже рядъ опытовъ разведенія свекловицы были произведены еще въ 1907 г. на земледѣльческой станціи въ Сюуён[2], при чемъ настолько удались[3], что было немедленно приступлено къ посѣвамъ ея въ различныхъ пунктахъ остальной страны при посредствѣ отдѣленій станціи и частныхъ лицъ среди японскихъ сельскихъ хозяевъ. Дальнѣйшими опытами было установлено, что почва и климатъ къ сѣверу отъ Сеула въ высшей степени пригодны для широкаго развитія культуры свекловицы. Въ особенности же благопріятны для этой цѣли, какъ показали позднѣйшія наблюденія, климатическія условія между городами Пхёнъянъ и Сёнъчхён, также въ сѣверо-восточномъ направленіи отсюда къ Гензану, куда были также посланы для опытнаго посѣва сѣмена свекловицы съ Сюуёнской станціи. Въ частности количество дождя въ г.г. Пхёнъянъ, Хоанъчжю и по сосѣдству съ ними наилучше отвѣчаетъ цѣлямъ этой культуры, такъ какъ воздухъ здѣсь совершенно сухъ и послѣ конца августа рѣдко идутъ дожди, позволяя свекловицѣ накоплять большія количества сахара[4]. Пригодность почвы и климата по со-

[1]) Канкоку-нôгіôрон, 174-5.

[2]) Еще въ 1906 г. Сюуёнская опытная ферма роздала нѣмецкія сѣмена свекловицы для опытной посадки въ Туксём, Хоанъчжю и Гензанѣ.

[3]) Общій выводъ былъ тотъ, что разведеніе свекловицы въ Кореѣ, благодаря болѣе сухому климату, чѣмъ въ Японіи, должно быть болѣе успѣшнымъ, чѣмъ на островѣ Хоккайдô въ самой Японіи, гдѣ эта культура ведется въ ограниченныхъ размѣрахъ. Annual report on reforms and progress in Korea for 1907, 84, гдѣ даются также цифровые результаты первыхъ опытовъ разведенія свекловицы на самой фермѣ.

[4]) Seoul Press, 3 June 1911, 2.

сѣдству съ Хоанъчжю для разведенія свекловицы доказывается тѣмъ, что японскіе сельскіе хозяева въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ разводили ее въ этомъ районѣ, гдѣ имѣется до 25,500 акровъ земли, пригодной для этой цѣли.

Въ 1910 г. Восточная колонизаціонная компанія, слѣдуя указаніямъ экспертовъ, произвела, при помощи мѣстныхъ корейскихъ земледѣльцевъ и японскихъ сельскихъ хозяевъ, согласившихся выполнить всѣ необходимыя работы на своихъ земляхъ, опыты разведенія свекловицы въ 20 различныхъ мѣстахъ вдоль теченія р. Тѣдонъганъ между Сариуён на югѣ и Пхёнъянъ на сѣверѣ, съ Хоанъчжю въ качествѣ центра[1]. Въ случаѣ успѣха этого опыта, компанія проектировала устройство большого сахарнаго завода въ этомъ районѣ[2]. Эти опыты, повидимому, были удачны, какъ можно заключить изъ замѣтки въ «Seoul Press»[3], хотя газета «Дзидзи» и объявила объ ихъ неуспѣхѣ[4], но, даже въ случаѣ полной удачи ихъ, о промышленной утилизаціи свекловицы въ Кореѣ можетъ возникнуть рѣчь только черезъ извѣстное время въ будущемъ, такъ что едва ли сахарные заводы могутъ появиться ранѣе 5—6 лѣтъ.

Сами японскія власти, послѣ первоначальной энергіи, проявленной японской администраціей Сюуёнской станціи въ дѣлѣ опытнаго распространенія въ Кореѣ культуры свекловицы, стали впослѣдствіе дѣйствовать въ этомъ вопросѣ сдержанно, чтобы не создавать убыточной конкуренціи формозской сахарной промышленности[5], а, послѣ присоединенія Кореи къ Японіи, японское колоніальное управленіе въ тѣхъ же видахъ не сочло цѣлесообразнымъ поощрять культуру свекловицы въ Кореѣ, рѣшивъ даже вовсе остановить это дѣло и взамѣнъ того поощрять разведеніе хлопка въ этой странѣ[6]. Подобное рѣшеніе, если только оно дѣйствительно имѣло мѣсто (на свидѣтельство названной газеты не всегда можно полагаться),

[1]) Seoul Press, 23 January 1910, 2.
[2]) Japan W. Chronicle, 3 Febr. 1910, 195.
[3]) Отъ 3 June 1911, 2.
[4]) См. Japan W. Chronicle, 1 June 1911, 946.
[5]) Japan W. Chronicle, 3 Febr. 1910, 195.
[6]) Japan W. Chronicle, 1 June 1911, 946.

можетъ считаться при настоящемъ положеніи дѣлъ достаточно разумнымъ, такъ какъ оно предпочитаетъ обезпеченный успѣхъ развитія хлопковой промышленности въ Кореѣ, столь важной въ интересахъ собственной Японіи, проблематическому успѣху созданія тамъ же крупной свеклосахарной промышленности, въ чемъ сама Японія, обезпеченная въ большей мѣрѣ тростниковымъ сахаромъ изъ другой своей колоніи—Формозы, оказывается гораздо менѣе заинтересованной.

Среди корейскихъ приправъ весьма излюбленнымъ является перецъ, въ частности красный каенскій перецъ, по корейски кочхіо 藩椒, тōгараси по японски 蕃椒—Capsicum longum L. (annuum L.)[1], который якобы никогда не употреблялся въ Китаѣ, какъ въ томъ убѣждены корейцы (въ китайской письменности не существуетъ знака для его обозначенія)[2]. Этотъ перецъ, по словамъ того же г. Хэльберта, является произведеніемъ южной Кореи (провинцій Чёлладо, лучшій сортъ изъ города Сюнтчхён) и, будучи тропическимъ растеніемъ, указываетъ, какъ убѣжденъ въ томъ названный авторъ, на далекое южное происхожденіе предковъ обитателей этой части страны, принесшихъ съ собою сѣмена его[3]. Между тѣмъ Цiōсен-сангiōси не упоминаетъ вовсе объ этомъ перцѣ при описаніи (правда, очень неполномъ) различныхъ огородныхъ растеній въ обѣихъ южныхъ провинціяхъ Кореи, но сообщаетъ нѣкоторыя подроб-

---

[1]) Черный или обыкновенный перецъ (Piper nigrum) называется корейцами, какъ и китайцами, хочхіо(хочхю) 胡椒. Это названіе указываетъ также на заимствованіе его китайцами изъ другихъ областей Азіи (черезъ центральную Азію?).

[2]) Цит. статья: The products of Korea, 303. Возможно, что корейцы, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, съ которыми бесѣдовалъ г. Хэльбертъ, дѣйствительно, убѣждены въ томъ, что китайцы не употребляютъ этого перца, но во всякомъ случаѣ это не соотвѣтствуетъ истинѣ, такъ какъ потребленіе краснаго перца широко распространено въ Китаѣ и, напримѣръ, въ сѣверномъ Китаѣ во всякой деревнѣ можно видѣть осенью вывѣшенные на веревкѣ для сушки красные стручки этого перца, хотя, можетъ быть, и не въ такомъ количествѣ, какъ въ Кореѣ. Самостоятельнаго знака для обозначенія этого перца въ китайской письменности, дѣйствительно, не существуетъ и существующее китайское сложное наименованіе его—то же обозначеніе проникло, несомнѣнно, изъ Китая въ Корею и Японію, хотя нынѣ оно можетъ изображаться въ этихъ странахъ нѣсколько иными знаками, но съ тѣмъ же значеніемъ,—фаньцзяо 番椒, буквально значитъ: «иноземный (инородческій) перецъ, что указываетъ на его заимствованное происхожденіе и въ Китаѣ, не только въ Кореѣ и Японіи.

[3]) Тамъ же, 504. Однако, не лучше-ли предположить заимствованіе этого перца изъ Китая, вмѣстѣ съ самимъ названіемъ?

ности о культурѣ этого растенія и его потребленіи въ болѣе сѣверныхъ корейскихъ провинціяхъ, вплоть до Хоанъхäдо и Хамгёнъдо, при чемъ эти замѣчанія вполнѣ приложимы и къ остальной Кореѣ, за извѣстными исключеніями.

Въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо этотъ перецъ принадлежитъ къ крупному виду и разводится всюду. Онъ является для корейцевъ здѣсь, какъ и въ остальной странѣ, единственной любимой изъ пряностей и всегда употребляется примѣшаннымъ къ другимъ побочнымъ пищевымъ продуктамъ. Размѣры потребленія его въ странѣ способны удивить японца[1]. Посѣвъ растенія производится весною, а сборъ красныхъ спѣлыхъ стручковъ въ срединѣ сентября[2].

Въ провинціи Хоанъхäдо потребленіе того же перца весьма значительно, такъ какъ онъ постоянно употребляется въ качествѣ овощной приправы. Поэтому онъ разводится каждымъ земледѣльцемъ; въ особенности близъ торговыхъ пунктовъ онъ выращивается на продажу на участкахъ величиною по нѣсколько се. Существуютъ два сорта его въ этой провинціи: одинъ довольно тонкій и длинный, другой по срединѣ утолщенный[3].

Въ провинціи Хамгёнъдо положеніе культуры краснаго перца то же, что въ провинціяхъ Хоанъхäдо и Пхёнъандо, т. е. онъ усердно выращивается въ каждомъ домѣ; какъ это наблюдается и въ Хоанъхäдо, населеніе здѣсь имѣетъ поголовно привычку прибавлять его къ кушаньямъ[4].

По словамъ г. Хэльберта, корейцы такъ много употребляютъ перца въ пищу потому, что онъ во 1) служитъ противоядіемъ отъ ядовитыхъ испареній; 2) согрѣваетъ организмъ зимою; 3) предохраняетъ пищу отъ порчи и 4) предупреждаетъ заболѣванія отъ употребленія въ пищу морской рыбы или мяса. Одно изъ живописнѣйщихъ зрѣлищъ въ Кореѣ— видѣть соломенныя крыши деревенскихъ домовъ, покрытыя ярко-красными стручками перца, разложенными на солнцѣ для просушки[5]; иногда весь скатъ холма бываетъ покрытъ ими съ той же цѣлью и виденъ за много миль разстоянія[6].

Въ заключеніе настоящей главы, спеціально посвященной корейскимъ огороднымъ растеніямъ, необходимо отмѣтить не-

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 555.

[2]) Тамъ же, 556.

[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 570.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 517.

[5]) Ціôсен-сангіôси, I, 556, указываетъ также для столичнаго района, что здѣсь для просушки на солнцѣ красные стручки перца большей частью кладутъ на крышу дома, безъ всякой защиты отъ дождя и росы.

[6]) Цит. статья: The products of Korea, 304.

уклонныя старанія японскихъ властей въ Кореѣ, въ лицѣ организованныхъ ими здѣсь образцовыхъ фермъ и станцій, улучшить корейскіе сорта огородныхъ растеній и распространить среди населенія новыя огородныя культуры, заимствованныя изъ другихъ странъ. Опыты съ разведеніемъ лучшихъ сортовъ такихъ овощей, какъ баклажаны, тыквы, свекловица, лукъ, сельдерей, рѣпа, морковь, рѣдька (дайкон) и т. д. изъ Японіи и Китая, также европейскихъ и американскихъ, дали уже въ первые годы большей частью весьма удовлетворительные результаты на Туксёмской станціи огородничества и садоводства[1]. Въ дальнѣйшемъ число различныхъ сортовъ огородныхъ растеній, съ которыми производились опыты на этой станціи, было увеличено съ неизмѣннымъ успѣхомъ (ср. выше настоящій «Очеркъ», стр. 400) до ста — помимо вышеперечисленныхъ, еще монгольская капуста, арбузы, канталупы (ребристыя дыни), картофель обыкновенный, сладкій, таро и бобы[2].

IX.

Плодовыя растенія. Въ сѣверныхъ частяхъ корейскаго полуострова, посѣщенныхъ Лубенцовымъ, плодовыя деревья, по словамъ этого путешественника[3], встрѣчаются лишь въ дикомъ состояніи; но въ болѣе южныхъ (начиная съ Гензана) областяхъ страны, откуда фрукты вывозятся въ небольшомъ количествѣ въ Японію, Китай и даже во Владивостокъ[4], существуютъ мѣстами рощи фруктовыхъ деревьевъ или даже фруктовые сады, въ которыхъ разводятся различные

---

[1]) Second annual report on reforms and progress in Korea, 131. (На фотографіи къ стр. 130 тамъ же изображены образцы овощей, выращенныхъ на станціи).

[2]) Third annual report on reforms and progress in Korea (1909—10), стр. 116. Въ частности, изъ числа бобовыхъ растеній сѣмена земляныхъ орѣховъ, яп. раккасіо 花落生豆 (иначе нанкин-маме 南京豆 или тодзин-маме 唐人豆), которые нынѣ составляютъ одну изъ статей привоза въ Корею, раздавались еіце въ 1908—9 г.г. всѣмъ желающимъ въ различныхъ частяхъ страны изъ Сюуёнской опытной фермы. Цит. Second annual report, 129.

[3]) Пхіенанская и Хамкенск. пров. Сѣв. Кореи, 224.

[4]) Въ 1909 г. было вывезено изъ Кореи овощей, фруктовъ и орѣховъ всего на сумму 5,854 енъ (въ 1907 г. на сумму 19,014 енъ и въ 1908 г. на сумму 1,766 енъ), въ томъ числѣ въ Японію на сумму 3,869 енъ, въ Китай на сумму 1,894 енъ и въ Соединенные Штаты на сумму 91 енъ. Нѣкоторое количество этихъ фруктовъ попадаетъ во Владивостокъ, хотя корейскіе таможенные отчеты не указываютъ ихъ въ числѣ статей вывоза изъ Кореи въ Россію.

фрукты и орѣхи[1]. Однако, корейцы, по общему правилу, почти не обращаютъ вниманія на тщательный уходъ за этими садами[2], такъ что плодовыя деревья въ нихъ оказываются предоставлены совершенно самимъ себѣ, какъ это наблюдалось въ прежнее время въ Японіи, и рѣдко практикуется дѣйствительный уходъ за ними, унаваживаніе почвы и тому подобныя мѣры. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сравненія съ современнымъ состояніемъ этого дѣла въ Японіи[3].

При этихъ обстоятельствахъ было бъ не трудно объяснить не вполнѣ удовлетворительныя качества корейскихъ фруктовъ, но нѣкоторые европейскіе и русскіе авторы предпочитали раньше видѣть въ этомъ неблагопріятное дѣйствіе своеобразныхъ свойствъ корейскаго климата, какъ вредно вліяющихъ на качество корейскихъ фруктовъ и ягодъ, почему они не могутъ равняться въ этомъ отношеніи съ европейскими или американскими сортами, будучи безвкусными, недостаточно сладкими и водянистыми, за исключеніемъ немногихъ спеціальныхъ сортовъ. Въ силу тѣхъ же причинъ попытки разведенія въ Кореѣ хорошихъ китайскихъ и японскихъ сортовъ фруктовъ якобы оказывались неудачными[4]. Однако, подобное мнѣніе должно быть признано въ настоящее время неосновательнымъ, такъ какъ произведенные въ этомъ направленіи многочисленные и широкіе опыты японскихъ спеціалистовъ и сельскихъ хозяевъ и нѣкоторыхъ европейскихъ и американскихъ миссіонеровъ показали климатическія условія Кореи вообще вполнѣ пригодными для цѣлей широкаго развитія плодоводства. Поэтому авторъ Канкоку-нōгіōрон[5] вполнѣ справедливо указы-

[1]) Впрочемъ, это надлежитъ понимать съ большими ограниченіями, какъ видно изъ слѣдующаго заявленія японскаго автора: «Что касается устройства въ Кореѣ фруктовыхъ садовъ, то только по сосѣдству съ Сеуломъ имѣются сады (здѣсь говорится только о корейскихъ предпріятіяхъ этого рода), гдѣ разводятся смѣшанно персики, сливы, яблоки, груши, а въ остальныхъ частяхъ страны встрѣчаются лишь сады каштановъ на подобіе рощъ» (Цiōсен-сангiōси, I, 563). Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ настоящихъ плодовыхъ садовъ нельзя встрѣтить въ Кореѣ, но въ извѣстныхъ мѣстностяхъ въ рѣдкомъ корейскомъ домѣ не найти нѣсколькихъ штукъ плодовыхъ деревьевъ.

[2]) Какъ уже отмѣчалось «Описаніемъ Кореи», II, 138.

[3]) Цiōсен-сангiōси, I, 544 (для провинц. Кѣнъгыйдо, Канъуōндо и Чхюнъчхѣнъдо).

[4]) Описаніе Кореи, II, 139.

[5]) Стр. 215—6.

валъ еще въ 1904 г., въ качествѣ условій, весьма благопріятствующихъ разведенію фруктовыхъ деревьевъ въ Кореѣ, именно сухость воздуха и малое количество атмосферныхъ осадковъ, наряду съ обиліемъ песчанистой почвы, происходящей отъ разрушенія гнейса. Если же, не смотря на эти благопріятныя данныя, въ Кореѣ не существуетъ нынѣ хорошихъ фруктовъ, то это объяснялось названнымъ авторомъ, помимо недостатковъ ухода за ними, главнымъ образомъ отсутствіемъ хорошихъ сортовъ ихъ. Въ подтвержденіе справедливости своего взгляда онъ ссылался на весьма хорошіе результаты, достигнутые уже въ то время европейцами и американцами въ дѣлѣ разведенія въ Гензанѣ иностранныхъ сортовъ яблокъ и винограда[1], а съ другой стороны и на успѣшность разведенія въ Сеулѣ японцами шанхайскихъ персиковъ (шуймитао 水蜜桃) и европейскихъ и американскихъ яблокъ. Нынѣ число этихъ примѣровъ можно пополнить очень многими другими почти для всѣхъ открытыхъ для внѣшней торговли портовъ и другихъ мѣстъ Кореи, гдѣ японцами и иностранцами ведется культура фруктовыхъ деревьевъ съ большимъ успѣхомъ[2], такъ что уже начинаетъ отчасти оправдываться предсказаніе, сдѣлан-

[1]) Въ Гензанѣ американскіе миссіонеры, проживающіе всѣ внѣ города, занялись разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ на собственныхъ усадебныхъ участкахъ и на примыкающихъ къ нимъ участкахъ ровной или покатой почвы. Площадь этихъ участковъ, однако, не превышаетъ отъ нѣсколькихъ тан до двухъ-трехъ цю; все же, хотя и въ небольшомъ количествѣ, произведенія этихъ садовъ вывозятся во Владивостокъ. Выращиваются въ этихъ садахъ яблоки, вишни, груши и виноградъ. Подробности объ этихъ садахъ см. Цюсен-сангюси, I, стр. 561—2. Помимо того, въ Гензанѣ разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ занимаются и японцы. (Тамъ же).

[2]) Въ частности аналогичные опыты производятся на образцовой станціи огородничества и садоводства въ Туксёмъ; см. Second annual report on reforms and progress in Korea, 131. Здѣсь были получены отъ нѣкоторыхъ сортовъ фруктовъ даже лучшіе результаты, чѣмъ въ самой Японіи, благодаря большей сухости климата Кореи сравнительно съ японскимъ (см. тамъ же). Поэтому на этой станціи могли дѣлаться опыты и съ такими иностранными фруктами, которыхъ не легко было бы вырастить въ самой Японіи. Third annual report on reforms and progress in Korea (1909-10), 115. Въ общемъ означенная станція произвела опытную посадку (до 1909 г.) 79 сортовъ европейскаго винограда, 7 сортовъ американскаго, 26 сортовъ иностранныхъ фруктовъ, 34 сортовъ европейскихъ или американскихъ грушъ, 19 сортовъ японскихъ, 3 сортовъ иностранныхъ абрикосовъ, 10 сортовъ туземныхъ яблокъ, 24 сортовъ вишенъ, 5 сортовъ абрикосовъ, 16 сортовъ каки и т. д. Наилучшіе результаты все же были получены отъ разведенія винограда. Цит. отчетъ 1909-10 г.г., стр. 115. Къ стр. 130 отчета за 1908-9 г. и къ 116 стр. отчета за 1909-10 г.г. приложены фотографическіе снимки различныхъ фруктовыхъ деревьевъ и винограда, выращенныхъ на указанной станціи.

ное въ 1901 г. журналомъ «Korea Review»[1], что Корея въ будущемъ можетъ сдѣлаться фруктовымъ садомъ Дальняго Востока, въ виду пригодности для этого ея климатическихъ условій. Тогда же названнымъ журналомъ было отмѣчено, что изъ европейскихъ плодовыхъ растеній наилучше въ Кореѣ растетъ виноградъ, дающій здѣсь обильные сборы[2].

Въ виду той важности, которую должно пріобрѣсти въ будущемъ въ Кореѣ надлежащимъ образомъ поставленное и широко организованное промышленное плодоводство, японцами уже изданы спеціальныя систематическія руководства по раціональному веденію плодоваго хозяйства въ этой странѣ, съ перечнемъ различныхъ сортовъ фруктовъ и ягодъ, главнымъ образомъ заграничныхъ, которые должны успѣшно произрастать въ Кореѣ или уже показали при опытныхъ посадкахъ тамъ хорошіе результаты. Такимъ руководствомъ, при томъ, какъ подчеркиваютъ сами авторы, Такацу Кейдзабуро 高津敬三郎 и Осикири Юсаку 押切祐作[3], преслѣдующимъ исключительно практическія цѣли, является Дзиккен-Цiосен-кадзю-енгей 實驗朝鮮果樹園藝 «Опытное плодоводство въ Кореѣ», изданное въ 1911 г. Къ нему предпослано предисловіе Уебаяси Кейдзиро 上林敬次郎, который съ 1902 г., со времени первой своей поѣздки по Кореѣ, неизмѣнно заявлялъ, правда, только на основаніи вынесеннаго имъ изъ этой поѣздки личнаго впечатлѣнія, что изъ Кореи возможно создать страну производства виноградного вина въ Восточной Азіи. Съ того времени, продолжаетъ г. Уебаяси, «въ теченіе почти 10 лѣтъ, повсюду въ Кореѣ были устроены образцовыя сельско-хозяйственныя станціи, и наблюденія и опыты спеціалистовъ и хозяевъ-плодоводовъ охватили весь полуостровъ, установивъ въ концѣ концовъ тотъ фактъ, что вся Корея пригодна для плодоваго садоводства. Дѣйствительно, за послѣдніе 2-3 года это дѣло замѣчательно подвинулось впередъ, такъ что нынѣ то, что казалось 10 лѣтъ передъ тѣмъ фантастическимъ проектомъ, какъ будто, начинаетъ уже вступать въ сферу практическаго осуществленія»[4].

Указанная книжка состоитъ изъ шести главъ и одного приложенія, не считая предисловій и нѣсколькихъ фотографій на отдѣльныхъ листахъ впереди текста съ изображеніемъ съ натуры различныхъ плодовыхъ деревьевъ и цѣлыхъ участковъ плодовыхъ садовъ въ Кореѣ. Во второй главѣ описываются по порядку 17 видовъ плодовыхъ деревьевъ и кустовъ, которыя уже разводятся въ Кореѣ, съ перечисленіемъ различныхъ заграничныхъ сортовъ ихъ, которые могутъ успѣшно выращиваться въ Кореѣ, и съ пояснительными замѣчаніями относительно пріемовъ разведенія и цѣнности каждаго сорта; вмѣстѣ съ тѣмъ ука-

[1]) Korea Review, I. 1901, 512.
[2]) Тамъ же.
[3]) См. авторское предисловіе въ этомъ сочиненіи, стр. 1.
[4]) Тамъ же, предисловіе г. Уебаяси, стр. 1—2.

зываются и возможныя практическія примѣненія отдѣльныхъ фруктовъ и ягодъ. Указанные 17 видовъ фруктовъ, орѣховъ и ягодъ суть: персикъ, вишня Prunus pseudocerasus, слива, абрикосъ, жужубъ, яблоко, груша, гранатовое яблоко, каки, виноградъ, сугури (Ribes grossulariodes Maxim.), ицидзику 無花果 Ficus carica, или обыкновенная смоква (фиговое дерево), земляника, гинко, каштанъ, грецкій орѣхъ, кока (Actinidia arguta Pl.[1]); отдѣльные сорта иллюстрированы рисунками[2]. Три остальныя главы даютъ систематическое изложеніе пріемовъ выращиванія плодовыхъ деревьевъ, въ частности описываются болѣзни и враги этихъ растеній и мѣры предохраненія ихъ. Текстъ иллюстрируется соотвѣтствующими рисунками; особая глава (шестая) перечисляетъ орудія плодового хозяйства современнаго образца съ изображеніемъ каждаго изъ нихъ.

Въ общихъ чертахъ можно сказать, что по всей Кореѣ распространено культивированіе слѣдующихъ видовъ фруктовыхъ и орѣховыхъ деревьевъ: каштановъ, жужубовъ, каки, грушъ, персиковъ, яблокъ, вишенъ Prunus tomentosa, абрикосовъ и сливъ[3], при чемъ въ различныхъ мѣстностяхъ та или другая плодовая культура получаетъ преобладаніе или къ перечисленнымъ видамъ присоединяются нѣсколько другихъ видовъ. Такъ, въ районѣ центральной Кореи въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо, помимо указанныхъ фруктовыхъ деревьевъ, встрѣчаются, правда, въ крайне незначительномъ количествѣ, еще грецкій орѣхъ, плоды «мамегаки» по японски, или Diospyros Lotus L. (дикая курма) 君遷子, гранатовое яблоко 柘榴, дерево гинко, кедръ «силлаская сосна» 新羅松 (большое дерево); попадаются, но крайне рѣдко, также виноградъ, «кикоку или каратаци» по яп. 枳殼 Aegle sepiaria, DC. (родъ апельсина—сортъ японскаго тацибана; имѣетъ мелкіе и горькіе плоды; см. Bretschneider, Botanicum Sinicum, II, 312—3), вишня 櫻, яп. сакура Prunus pseudocerasus, лѣсная земляника 野莓[4].

---

[1]) Кока встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кореи въ дикомъ состояніи; въ особенности этотъ кустарникъ, съ ползучимъ стеблемъ, какъ у винограда, пышно растетъ по верхнему теченію р. Амнокканъ. Ягоды его осенью появляются и на рынкѣ г. Пхёнъянъ; спѣлыя, онѣ мягки и сладки и хороши для ѣды въ сыромъ видѣ, а также могутъ засушиваться; если незрѣлыя ягоды положить на нѣсколько дней въ рисовыя отруби, то они теряютъ горечь и дѣлаются сладкими (Цiôсен-кадзю-енгей, 69—70).

[2]) На стр. 72—74 на особой таблицѣ показаны сроки цвѣтенія и сбора плодовъ различныхъ заграничныхъ сортовъ фруктовъ и винограда въ Окицу въ Японіи и въ Туксём въ Кореѣ; на стр. 74—5 показано время цвѣтенія персика, сливы, груши, каштана и каки въ различныхъ провинціяхъ Кореи.

[3]) Цiôсен-сангiôси, I, 548.

[4]) Цiôсен-сангiôси, I, 548.

Въ провинціи Хамгёнъдо различныхъ породъ фруктовыхъ деревьевъ очень мало, и только одинъ сортъ мѣстныхъ фруктовъ извѣстенъ во всей странѣ—это хамхынъ'скія груши (о нихъ см. ниже)[1]. Однако, ни въ одной мѣстности на Д. Востокѣ, кромѣ Гензана, европейскіе или американскіе сорта яблокъ не растутъ столь же успѣшно, не утрачивая постепенно своего вкуса. Гензанскія яблоки, выращенныя здѣсь миссіонерами, не уступаютъ американскимъ. Слива, крыжовникъ и смородина изъ садовъ тѣхъ же миссіонеровъ также чрезвычайно хороши[2].

Нынѣ, какъ отмѣчалось выше, раціональное плодоводство въ этомъ районѣ практикуется также мѣстными японцами, по почину японскаго консульства въ томъ же Гензанѣ[3], а въ будущемъ здѣсь должно развиться въ широкихъ размѣрахъ промышленное плодоводство. Оно обѣщаетъ успѣхъ прежде всего потому, что у него имѣется крупный рынокъ въ Сибири и, кромѣ того, Владивостокъ находится на самомъ близкомъ разстояніи отсюда[4].

Въ провинціи Сѣверной Хамгёнъдо почти нѣтъ культивируемыхъ фруктовыхъ деревьевъ, заслуживающихъ упоминанія[5].

Въ провинціи Хоанъхѣдо среди фруктовъ не имѣется никакихъ выдающихся; но если хорошенько поискать, то можно назвать груши изъ мѣстности Понъсан; кромѣ того встрѣчаются жужубы, вишни Prunus tomentosa, каштаны, но всѣ они растутъ сами по себѣ и по отношенію къ нимъ не примѣняется настоящихъ пріемовъ культивированія[6].

Изъ фруктовъ, встрѣчающихся въ Пхёнъандо, главными являются указанныя вишни, жужубы, каштаны; изъ другихъ встрѣчаются, но рѣдко и мало, груши. Если названная провинція и можетъ чѣмъ нѣсколько похвалиться, такъ это каштанами изъ Хамчжіонъ 咸從, которые въ этомъ отношеніи, пожалуй, могутъ быть поставлены еще выше прославленныхъ Хам-

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 560.
[2]) Korea Review, I, 1901, 512.
[3]) Въ апрѣлѣ 1912 г. предположено учрежденіе близъ Гензана образцовой станціи садоводства, которая должна главнымъ образомъ заняться разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ. Seoul Press, 27 January 1912, 2.
[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 562.
[5]) Ціôсен-сангіôси, I, 562.
[6]) Ціôсен-сангіôси, I, 565.

хынъ'скихъ грушъ[1]. Тѣмъ не менѣе Пхёнъандо, признаваемая по климату и почвѣ очень благопріятной для этой отрасли садоводства, должна сдѣлаться въ недалекомъ будущемъ важнымъ центромъ производства фруктовъ въ Кореѣ. Японскія власти нынѣ ввозятъ въ эту провинцію много саженцевъ плодовыхъ деревьевъ и распространяютъ ихъ безплатно среди населенія; въ цѣляхъ большаго развитія садоводства, властями открыто здѣсь нѣсколько школъ садоводства[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ разведеніе плодовыхъ деревьевъ лучшихъ сортовъ даетъ очень успѣшные результаты въ г.г. Пхёнъянъ, Чынънампхо и другихъ мѣстахъ той же провинціи у японскихъ плодоводовъ и американскихъ миссіонеровъ.

Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо породы фруктовыхъ деревьевъ почти не отличаются отъ японскихъ, однако, благодаря холодной зимѣ здѣсь не встрѣчаются японская мушмала (бива 枇杷 Eriobotrya japonica), мандарины микан 柑 и тацибана 橘. Больше всего здѣсь растетъ жужубовъ, каштановъ и каки, затѣмъ идутъ груши, персики, абрикосы. За послѣднее время, благодаря притоку японцевъ и европейцевъ, спросъ на фрукты здѣсь увеличился и одновременно съ тѣмъ были постепенно введены въ эту часть страны новые и улучшенные сорта фруктовъ, которые нынѣ разводятся по сосѣдству съ открытыми для иностранной торговли портами[3]. Между прочимъ за послѣднее время весьма увеличилось число плодоводовъ въ Сѣверной Кёнъсянъдо, и общая площадь земли, отведенная для этой отрасли земледѣльческой промышленности, превысила здѣсь 200 цйō[4]. Въ частности, разведеніе фруктовыхъ деревьевъ распространяется въ районѣ Тагу, при чемъ персики, виноградъ и груши растутъ исключительно хорошо[5].

Отдѣльные виды фруктовъ и орѣховъ пріобрѣли въ Кореѣ болѣе широкое распространеніе и обладаютъ чрезъ это значительной экономической цѣнностью, почему ниже они указываются въ отдѣльности съ нѣкоторыми подробностями.

---

[1]) Цйôсен-сангйôси, I, 563.
[2]) Харб. Вѣстникъ, № 2368, 27 янв. 1912, 3.
[3]) Цйôсен-сангйôси, I, 573.
[4]) Seoul Press, 12 Nov. 1911, 3.
[5]) Seoul Press, 18 July 1909, 2.

Груши, кор. пă 梨, по яп. наси[1], несмотря на ихъ низкія качества съ европейской точки зрѣнія, являются излюбленнымъ фруктомъ для корейцевъ, которые цѣнятъ способность нѣкоторыхъ сортовъ корейскихъ грушъ, болѣе крѣпкихъ, сохраняться въ теченіе цѣлаго года (этой прочности лишены маньчжурскія груши). Въ качествѣ области распространенія грушъ въ Кореѣ, Канкоку-дзицугіō-сисин[2] называетъ лишь сѣверныя провинціи Кёнъгыйдо, Хоанъхăдо, Пхёнъандо и Хамгёнъдо, но здѣсь груши выращиваются въ каждомъ мѣстечкѣ. Все же Канкоку-сōран[3] съ большимъ основаніемъ отмѣчаетъ, что груши разводятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ всюду въ странѣ.

Въ Кореѣ вообще много сортовъ грушъ[4], изъ нихъ лучшій, чхамба 眞梨 «настоящая груша»[5] изъ Хоанъхăдо, достигаетъ двухъ дюймовъ въ діаметрѣ; однако, наиболѣе крупный видъ грушъ встрѣчается въ Кёнъсянъдо — 4 дюйма въ діаметрѣ и вѣсомъ въ 1 фунтъ каждая. Только два вида корейскихъ грушъ туземные, остальные введены изъ Японіи или Китая. Груши получаются корейскими садоводами исключительно посредствомъ прививокъ[6].

Корейцы обычно ѣдятъ груши въ натуральномъ видѣ; грушовый сокъ, смѣшанный съ медомъ, считается средствомъ противъ несваренія желудка. Особое блюдо составляютъ охлажденныя въ рисѣ вареныя груши[7].

Къ этимъ свѣдѣніямъ общаго характера можно прибавить нѣсколько подробностей:

Въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Канъуōндо и Чхюнъчхёнъдо встрѣчается нѣсколько сортовъ грушъ: груши желтыя, зеленыя, груши-каки —похожія на каки (какинаси по японски), кувшинныя—цубонаси по японски, за сходство въ ихъ формѣ 壺梨[8]; послѣднія рано созрѣваютъ, сочны и сладки и являются лучшими изъ корейскихъ грушъ. Осталь-

---

[1]) Научнымъ названіемъ корейской груши является Pyrus chinensis.

[2]) Стр. 235.

[3]) Стр. 600.

[4]) См. Korea Reviw, 1902. II, 343, въ статьѣ: The products of Korea.

[5]) Это имя, согласно Gale, Korean-English dictionary, 801, прилагается вообще къ культурнымъ сортамъ грушъ (полученнымъ путемъ прививки), въ противоположность дикимъ сортамъ ихъ, или тольбă 山梨.

[6]) Цит. статья: The products of Korea, 343.

[7]) Тамъ же.

[8]) Это названіе имѣетъ аналогію съ китайской хулу 壺盧 кувшинной (бутылочной) тыквою.

ные сорта качествомъ хуже, но имѣютъ то преимущество, что могутъ сохраняться до зимы. По сравненію съ каштанами, грушъ въ этомъ районѣ разводится очень мало; нѣсколько больше ихъ встрѣчается въ уѣздѣ Сюуён, въ одномъ пунктѣ въ уѣздѣ Янъчжю (Кёнъгыйдо); въ одномъ пунктѣ уѣзда Ичхён въ Канъуёндо; въ другихъ же мѣстахъ ихъ такъ мало, что не стоитъ говорить[1].

Въ провинціи Южной Хамгёнъдо разводятся т. н. хамхынъ'скія груши, о которыхъ упоминалось выше. Про нихъ говорятъ, что хотя въ Кореѣ не встрѣчается хорошихъ сортовъ фруктовъ, которые обращали бы на себя вниманіе, все же груши изъ Хамхынъ въ Хамгёнъдо заслуживаютъ нѣкоторой похвалы[2]. Этотъ сортъ грушъ разводится главнымъ образомъ въ уѣздѣ Хамхынъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ и селеніяхъ; лучшими считаются растущія въ уѣздѣ Хамхынъ, и груши, выращенныя въ Тчёнъпхёнъ и Ёнъхынъ, по вкусу въ общемъ не сравнятся съ ними. Въ самомъ Хамхынъ'скомъ уѣздѣ нѣсколько пунктовъ въ особенности славятся этими грушами[3].

Во время сбора одна такая груша стоитъ 1—2 ян. сенъ, а весною за хорошіе экземпляры платятъ 5—6 и 10 сенъ[4].

Въ провинціи Хоанъхäдо груши разводятся въ нѣсколько большемъ количествѣ въ уѣздахъ Понъсан и Сёхынъ (смотря по мѣстности, на усадебной землѣ ихъ сажаютъ по одному или по два дерева), но и то въ извѣстныхъ разведеніемъ грушъ мѣстахъ въ уѣздѣ Понъсан количество

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 546.

[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 563.

[3]) Перечень ихъ см. въ Ціôсен-сангіôси, I, 560; тамъ же указывается почва, на которой растутъ эти груши—примывная съ большей или меньшей примѣсью гальки; уходъ за ними ограничивается полотьемъ. Обычно ихъ сажаютъ въ числѣ нѣсколькихъ штукъ сбоку дома; особыхъ садовъ не устраивается.

Тамъ же стр., 560—1, перечисляются различные сорта этихъ грушъ и ихъ туземныя обозначенія.

Объ этихъ грушахъ говоритъ и Канкоку-дзицугіô-сисин, 235-6, отмѣчая ихъ прекрасный вкусъ и добавляя, что, помимо этихъ грушъ, въ Кореѣ всѣ остальные сорта грушъ имѣютъ твердую сердцевину и нехороши на вкусъ, въ частности и нижеуказываемыя Понъсан'скія груши, несмотря на ихъ репутацію. Впрочемъ, Канкоку-нôгіôрон, 214, и къ Хамхынъ'скимъ (Гензанскимъ) грушамъ относится нѣсколько критически. Канкоку-сôран, 600, также находитъ, что качество наиболѣе извѣстныхъ сортовъ корейскихъ грушъ, какъ-то Хамхынъ'скихъ и Анбён'скихъ (въ той же Южной Хамгёнъдо) и Понъсанскихъ, является низкимъ, такъ какъ онѣ растутъ безъ всякаго ухода. Однако, Хамхынъ'скія груши, выращенныя въ японскомъ консульствѣ въ Гензанѣ, имѣютъ тонкую кожу и отличный вкусъ. Канкоку-сôран, 602, даетъ изображеніе съ краткимъ описаніемъ этого улучшеннаго сорта Хамхынъ'ской груши, полученной въ японскомъ консульствѣ въ Гензанѣ, съ кожею свѣтложелтаго цвѣта, весьма ароматичной, сочной и при ѣдѣ не дающей остатка. На стр. 603 въ томъ же сочиненіи помѣщенъ рисунокъ наружнаго вида и въ разрѣзѣ Кымхоа'ской груши, разводимой въ уѣздѣ Кымхоа въ провинціи Канъуёндо, съ мягкой и тонкой наружной кожею желто-льняного цвѣта, съ нѣжной и сочной мяготью, но безъ особаго аромата; одна такая груша продается на мѣстѣ за 15 корейскихъ сен.

[4]) Ціôсен-сангіôси, 561.

грушевыхъ деревьевъ не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ. Однако, въ возрастѣ наиболѣе обильнаго сбора отъ этихъ деревьевъ (между 10 и 20 годами), одно дерево даетъ свыше 2000 плодовъ[1]. Сохраняются груши въ ямахъ, при чемъ сохранившіяся въ хорошемъ видѣ до весны продаются по цѣнѣ 10 и болѣе японскихъ сенъ (во время сбора только 1 или 2 сенъ) за штуку. Покупкою грушъ занимаются окрестные купцы, иногда за этимъ пріѣзжаютъ и купцы изъ болѣе дальнихъ мѣстъ[2].

Груши разводятся въ Сѣверной Чёлладо въ окрестностяхъ города Чёнчжю въ большомъ количествѣ, напротивъ, въ Южной Чёлладо въ крайне незначительномъ; въ провинціи Кёнъсянъдо ихъ производится много также въ сѣверной половинѣ этой провинціи, т. е. въ Сѣверной Кёнъсянъдо. Сортъ этихъ грушъ близокъ къ заграничнымъ; онѣ небольшой величины и неправильной формы[3].

Персики, поксонъа по корейски 桃, яп. момо, изъ всѣхъ фруктовъ наиболѣе широко разводятся въ Кореѣ[4]; издавна существуютъ персиковыя рощи въ предмѣстіяхъ Сеула и Кäсёнъ и въ другихъ мѣстахъ, а нынѣ замѣчается усиленное стремленіе къ распространенію въ странѣ культуры этого фрукта. Физическія условія въ Кореѣ являются весьма пригодными для нея, и персики здѣсь не имѣютъ тѣхъ дефектовъ, которые присущи отдѣльнымъ сортамъ ихъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ (напримѣръ, въ Китаѣ). Плодъ персика въ Кореѣ очень сладокъ, поэтому не прохлаждаетъ. Форма его зачастую бываетъ причудливой, какая рѣдко наблюдается въ другихъ мѣстахъ; въ особенности это справедливо относительно т. н. персиковъ-каки[5]. Сортовъ корейскихъ персиковъ очень много[6].

Корейцы ѣдятъ персики полусырыми, не потому, что они не вызрѣваютъ въ этой странѣ, какъ можно было бы заключить изъ тѣхъ немногихъ словъ, которыя «Описаніе Кореи» удѣляетъ имъ[7], но по той причинѣ, что населеніе снимаетъ

[1]) Тамъ же, I, 565 и 566. На стр. 565—6 описываются пріемы разведенія грушъ въ названной провинціи. На стр. 565 перечисляются сорта мѣстныхъ грушъ.

[2]) Тамъ же, 566—7.

[3]) Цiôсен-сангiôси, I, 574.

[4]) Цiôсен-кадзю-енгей, 5.

[5]) Цiôсен-кадзю-енгей, 15—16.

[6]) Различные сорта корейскихъ персиковъ указываются въ цит. статьѣ: The products of Korea: Korea Review, 1902, II, 344.

[7]) Описаніе Кореи, II, 139: «Въ большой части корейскаго полуострова персики, какъ и апельсины, благодаря сырому и туманному лѣту не созрѣваютъ». Этотъ отзывъ справедливъ лишь по отношенію къ апельсинамъ, которые дѣй-

ихъ съ дерева раньше времени изъ боязни быстрой порчи этого фрукта, когда онъ бываетъ спѣлымъ. Дѣйствительно, главный недостатокъ корейскаго персика—лучшаго среди другихъ фруктовъ, тотъ, что онъ не можетъ перевозиться и сохраняться, если не собирать его до полной зрѣлости[1].

Главной областью культивированія персика въ Кореѣ являются центральныя часть полуострова: провинціи Кёнъгыйдо, обѣ Чхюнъчхёнъдо (Сѣверная и Южная) и Канъуёндо, гдѣ встрѣчаются два сорта персика: волосатый и гладкій (масляный персикъ)[2]; первый сортъ сходенъ съ Тяньцзиньскимъ сортомъ «шуймитао» 水蜜桃 и имѣетъ прекрасный вкусъ; гладкій персикъ по формѣ походитъ на обычный японскій сортъ, качествомъ хуже. Внѣ Большихъ Южныхъ и Западныхъ воротъ Сеула въ двухъ мѣстахъ персиковъ разводится такъ много, что здѣсь персиковыя рощи тянутся одна за другой (подъ самими деревьями разводятъ здѣсь овощи[3]). Уѣздъ Кäсёнъ также извѣстенъ ими[4].

Вообще въ столицѣ и ея окрестностяхъ персиковъ разводится много, а въ сельскихъ мѣстностяхъ указаннаго центральнаго района Кореи они только рѣдко встрѣчаются[5].

Если персикъ по вкусу и почитается царемъ всѣхъ фруктовъ, но по природѣ своей это дерево сравнительно мало выносливо къ холоду, почему только центральная и южная полосы указанныхъ четырехъ провинцій могутъ быть пригодны для него, а сѣверная полоса, за исключеніемъ части по сѣверному берегу р. Ханганъ, не пригодна для него; но въ южной полосѣ названнаго района онъ вообще безъ труда растетъ на всякой почвѣ. Однако, всѣ сорта персиковъ не могутъ сохраняться болѣе, чѣмъ нѣсколько дней послѣ сбора; только одинъ

ствительно не встрѣчаются даже въ Южной Кореѣ (на материкѣ), но не вслѣдствіе неблагопріятныхъ свойствъ лѣтняго климата, а вслѣдствіе сравнительно суровой зимы, которой не переносятъ ихъ нѣжныя деревья.

[1]) Цiôсен-кадзю-енгей, 5 и 9; этимъ авторы настоящаго руководства желаютъ предостеречь всѣхъ лицъ, которые думаютъ заняться разведеніемъ персика въ Кореѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. См. также ниже.

[2]) Корейцы называютъ волосатый персикъ: модо или тхöльбоксанъа 毛桃, и гладкій персикъ: сынъдо 僧桃, буквально: персикъ-монахъ.

[3]) Цiôсен-сангiôси, I, 546—7.

[4]) Канкоку-дзицугiô-сисин, 236, также, упоминаетъ о персикахъ изъ района Кäсёнъ, которые хотя и мелки и неказисты на видъ, но сочны и превосходны на вкусъ. Тамъ же упоминается и о вышеназванномъ сортѣ персика, сходнаго съ Тяньцзиньскимъ.

[5]) Цiôсен-сангiôси, 547.

сортъ «саруе» выдерживаетъ двѣ недѣли; кромѣ того персикъ крайне легко повреждается и требуетъ надлежащей тщательности при выборѣ способовъ перевозки и упаковки. Въ виду этихъ обстоятельствъ, въ связи съ развитіемъ этой отрасли садоводства, надлежитъ признать рискованнымъ разведеніе персиковъ въ большихъ размѣрахъ; но съ другой стороны должно ожидать въ будущемъ выгодъ отъ разведенія лучшихъ сортовъ персика, какъ и грушъ (къ чему, однако, пока еще не приступлено), близъ столицы и прочихъ мѣстъ, гдѣ имѣются удобства для транспорта, тѣмъ болѣе, что еще не можетъ быть рѣчи о затрудненіяхъ для садоводовъ въ связи съ превышеніемъ предложенія этого фрукта надъ спросомъ. Все же необходимо прежде всего вполнѣ выяснить, какъ, напримѣръ, для яблокъ, размѣры спроса сравнительно съ разведеніемъ въ этой странѣ различныхъ фруктовыхъ деревьевъ[1].

Въ провинціи Чёлладо персикъ встрѣчается рѣдко; въ провинціи Кёнъсянъдо онъ тоже попадается лишь мѣстами разбросанно; единственно по сосѣдству съ Ыйсёнъ 義城[2], въ Сѣверной Кёнъсянъдо, персиковыя деревья образуютъ нѣчто въ родѣ садовъ[3]. Растетъ персикъ въ этой части страны вообще хорошо, такъ какъ, благодаря большому количеству сухихъ мѣстъ и не малому количеству почвы съ примѣсью крупнаго песка, она является наиболѣе пригодной для его произростанія[4].

Будущая роль культуры персика въ Кореѣ представляется въ оцѣнкѣ всѣхъ японскихъ авторовъ безусловно благопріятной. Напримѣръ, авторъ Канкоку-сōран[5], хотя и находитъ, что даже персики, разводимые нынѣ по сосѣдству съ Сеуломъ, мелки и ничего особеннаго собою не представляютъ, тѣмъ не менѣе подчеркиваетъ, что, благодаря многочисленности гранита, гнейса, примывной и песчанистой почвы, Корея въ высшей степени пригодна для выращиванія персиковъ; поэтому, при условіи разведенія лучшихъ сортовъ персиковъ, вродѣ Тяньцзиньскихъ «шуймитао», Корея въ будущемъ должна сдѣлаться страною крупнаго и прибыльнаго производства этихъ фруктовъ[6].

---

[1]) Цiōсен-сангiōси, 547-8.
[2]) Въ японскомъ текстѣ ошибочно: Ыйчжю 義州.
[3]) Цiōсен-сангiōси, I, 574.
[4]) Тамъ же.
[5]) Стр. 601.
[6]) Съ этимъ вполнѣ согласуется и мнѣніе автора Канкоку-дзицугiō-сисин, 236, который, однако, ставитъ для этого условіемъ еще примѣненіе надлежащихъ пріемовъ культивированія персиковъ. Объ этихъ пріемахъ подробно говоритъ Цiōсен-кадзю-енгей, стр. 5-10, перечисляя затѣмъ на стр. 10-15 различные

Абрикосъ, сальгу по корейски 杏, яп. андзу, является въ Кореѣ весьма хорошимъ фруктомъ, который лѣтомъ созрѣваетъ раньше другихъ фруктовъ. Въ Кореѣ существуетъ нѣсколько сортовъ его, изъ коихъ одинъ—«собачій абрикосъ» кäсальгу, является туземнымъ[1]. Корейцы употребляютъ абрикосъ въ пищу сырымъ, либо засахареннымъ или на меду, наконецъ, сушенымъ; нѣкоторые сорта его служатъ для жертвоприношеній; косточки его употребляются въ медицинѣ или въ перемолотомъ видѣ варятся на подобіе супа[2]. Относительно распространенія культуры абрикоса въ отдѣльныхъ частяхъ Кореи можно замѣтить, что абрикосъ, какъ и слива, въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо спеціально не разводится[3]. Напротивъ, въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо по количеству сбора абрикосъ, вмѣстѣ съ грушею и персикомъ, слѣдуютъ за каштаномъ, жужубомъ и каки, которые выращиваются въ наибольшомъ числѣ[4].

Слива встрѣчается въ Кореѣ въ двухъ разновидностяхъ, которыя считаются различными фруктами: чадо 紫桃 (коричневый персикъ)[5] и оят, туземное слово, соотвѣтствующее китайскому «ли» 李 Prunus communis (въ корейскомъ произношеніи «и», что являлось фамильнымъ именемъ правившей въ странѣ до 1910 г. династіи). Второй сортъ сливы имѣетъ плодъ темнофіолетоваго оттѣнка. Цвѣтокъ сливы «оят» считался національною эмблемою Кореи, подобно цвѣтку хризантемы въ Японіи. Однако, понынѣ слива находима въ Кореѣ не въ очень большомъ количествѣ; даже, если и разводится, то врядъ ли разведеніе ея можетъ явиться успѣшнымъ въ странѣ къ сѣверу отъ г. Кäсёнъ. Однако, Цібсен-кадзю-енгей отмѣчаетъ по этому поводу, что въ самой Японіи слива Prunus mume 梅, уме по японски, разводится всюду, и здѣсь имѣются

сорта персика, которые могутъ разводиться въ Кореѣ, въ частности Тяньцзиньскій и Шанхайскій «шуймитао» (съ изображеніемъ ихъ обоихъ на отдѣльныхъ рисункахъ).

[1]) Цит. ст.: The products of Korea, 344 (здѣсь же перечисляются различные корейскіе сорта абрикоса).

[2]) Цит. статья, 344—345, и Цібсен-кадзю-енгей, 21—22. Здѣсь же отмѣчаются различные иностранные сорта абрикосовъ, наилучше пригодные для Кореи.

[3]) Цібсен-сангібси, I, 548.

[4]) Цібсен-сангібси, I, 573.

[5]) Это обозначеніе сливы, приводимое Хэльбертомъ, можетъ соотвѣтствовать японскому виду Prunus mume 梅 (мäхоа по корейски).

очень хорошіе сорта ея. Помимо того, что цвѣтущая слива является прекраснымъ зрѣлищемъ, самый плодъ ея находитъ себѣ въ этой странѣ разнобразныя примѣненія и широкій спросъ[1]. Отсюда можно также заключить, что разведеніе сливъ должно было бъ явиться прибыльнымъ занятіемъ и въ Кореѣ[2].

Вишня. Въ Кореѣ встрѣчается двѣ разновидности вишни, рѣже вишня Prunus pseudocerasus, äнъ или äнъдо по корейски 櫻, яп. сакура, или 櫻桃[3], яп. ōтō (послѣдній видъ скорѣе европейскій, крупнѣе и слаще перваго)[4] и чаще дикая вишня мäдо 梅桃 или 山櫻桃, яп. юсура, Prunus tomentosa, которая разводится очень обильно въ Сеулѣ, образуя одна цѣлые сады. Въ Käсёнъ она также часто сажается около домовъ. Въ деревняхъ вообще ея мало. Плодъ ея имѣетъ въ діаметрѣ 3—4 пун (1 пун=$^1/_{10}$ сун); ее снимаютъ и ѣдятъ, когда она созрѣетъ до красна[5].

Спеціальнымъ корейскимъ фруктомъ, наиболѣе характернымъ изъ всѣхъ произведеній корейскаго плодового садоводства, является кам 柿 или 柹 (по японски каки, Dispyros kaki, англ. persimmon)[6], чей плодъ высоко цѣнится корейцами[7].

Съ климатической точки зрѣнія каки не имѣетъ широкой области распространенія и, за исключеніемъ южной Кореи, остальная Корея является совершенно непригодной для про-

---

[1]) Цiôсен-кадзю-енгей, 19.

[2]) На стр. 19—21 отмѣчаются пріемы разведенія сливъ и указываются лучшіе японскіе сорта ея изъ Бунго и Нанива.

[3]) Piry, Manuel de langue mandarine, называетъ этотъ видъ «инътао» по китайски, или «китайской вишнею».

[4]) Цiôсен-кадзю-енгей. 16, съ рисункомъ этого вида вишни, на стр. 17. На стр. 16—19 описываются пріемы разведенія и различные сорта той же вишни. Впрочемъ, опыты образцовой станціи садоводства и огородничества показали, что вишни (европейскіе сорта ихъ?) въ Кореѣ не могутъ выращиваться съ успѣхомъ, кромѣ какъ въ южныхъ частяхъ полуострова. Third annual report on reforms and progress in Korea (1909-10), 115—116.

[5]) Цiôсен-сангiôси, I, 548.

[6]) Японская хурма, какъ называетъ этотъ фруктъ Клингенъ. Среди патріарховъ земледѣлія, III.

[7]) Вообще родиною каки является Восточная Азія—Китай, Корея и Японія, гдѣ онъ разводился съ древнѣйшаго времени, и только въ недавніе годы европейскія и американскія страны вывезли этотъ плодъ изъ Японіи и постепенно начали выращивать его у себя. Цiôсен-кадзю-енгей, 40. Однако, г. Хэльбертъ передаетъ, что, по убѣжденію корейцевъ, плодъ каки былъ заимствованъ ими съ запада (вѣроятно, изъ Китая, лежащаго на западъ отъ Кореи). Цит. ст.: The products of Korea, 341.

израстанія его[1]. Поэтому по мѣрѣ того, какъ подниматься на сѣверъ по полуострову, качество этого плода все болѣе и болѣе ухудшается, такъ что уже по сосѣдству съ г. Пхёнъянъ онъ совсѣмъ плохъ, а въ болѣе сѣверныхъ частяхъ страны этого плода и вовсе нельзя болѣе увидѣть, кромѣ дикаго сорта его, яп. мамегаки 君遷子[2]. Такимъ образомъ, по сравненію съ прочими плодами, каки въ Кореѣ наиболѣе испытываютъ ограничительное вліяніе климата[3].

Много каки произрастаетъ въ южныхъ частяхъ корейскаго полуострова, напримѣръ, въ Чхюнъчхёнъдо[4]. Впрочемъ, Цiôсендзицугiō-сисин[5] въ данномъ случаѣ объ этой провинціи не упоминаетъ вовсе, но указываетъ провинцію Кёнъгыйдо, гдѣ, какъ и въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо—въ ихъ сѣверныхъ и южныхъ административныхъ подраздѣленіяхъ, выращивается много каки. Лучшій сортъ этого плода растетъ на югѣ полуострова (напримѣръ, въ уѣздахъ Пхунъгый и Корёнъ въ сѣверной Кёнъсянъдо)[6]. Вообще корейскіе каки, какъ говоритъ

[1]) Это доказали и опыты, произведенные съ различными сортами каки на Туксёмской станціи огородничества и садоводства; см. Third annual report on reforms and progress in Korea (1909-10), 115—116.

[2]) Къ деревцу, выращенному въ питомникѣ изъ сѣмени мамегаки, прививаютъ побѣгъ отъ хорошихъ сортовъ дерева каки и такимъ образомъ выращиваютъ эти сорта. Цiôсен-кадзю-енгей, 41. Bretschneider, Botanicum Sinicum, 307 (Journ. of the China Branch of the Royal Asiat. Soc., 1890—1, т. XXV), приводитъ научное названіе для мамегаки 君遷子 Diospyros Lotus L.; см. выше, стр. 535. Пріемы выращиванія каки въ Кореѣ, вмѣстѣ съ описаніемъ различныхъ сортовъ этого плода, наиболѣе пригодныхъ для этой цѣли, излагаются въ Цiôсен-кадзю-енгей на стр. 41—45. Въ частности упоминается одинъ китайскій сортъ—«башенный каки» дайкаки 臺柿, названный такъ за форму особаго выступа съ наружной стороны плода. Этого сорта много ввозится въ Корею. Тамъ же, 45.

[3]) Цiôсен-кадзю-енгей, 41.

[4]) Канкоку-сôран, 600.

[5]) Стр. 237.

[6]) Особой славою среди корейскихъ фруктовъ пользуются еще Тагу'скіе каки. Канкоку-дзицугiô-сисин, 237. На стр. 604—608 Канкоку-сôран помѣщены рисунки (наружнаго вида и въ разрѣзѣ плода) различныхъ сортовъ корейскихъ каки: изъ уѣзда Тхонъчхён въ Канъуёндо (на стр. 604), далѣе изъ уѣзда Янъянъ въ той же провинціи (на стр. 605)—сортъ очень красивый на видъ, но не пригодный для ѣды ввиду горечи; затѣмъ еще одного сорта каки изъ той же провинціи, т. н. мусигаки 蒸柹 (паренаго), сладкаго и употребляемаго на лакомства (стр. 606). На стр. 607 изображенъ плодъ каки чрезвычайно своеобразной формы изъ Ёсан въ провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо, сладкій, съ мягкимъ мясомъ; этотъ сортъ краснаго цвѣта. На стр. 608 изображены два сорта каки еще болѣе своеобразнаго вида изъ Кăсёнъ въ Кёнъгыйдо: 1) кислый и невкусный сортъ, красивый снаружи, съ темнокраснымъ мясомъ и 2) некрасивый съ вида, но

г. Хэльбертъ[1], считаются лучшими изъ всѣхъ существующихъ разновидностей этого фрукта въ Китаѣ и Японіи по величинѣ и аромату (этотъ взглядъ не подтверждается японскими авторами).

Въ Кореѣ различаются 12 сортовъ каки[2]; въ пищу они употребляются въ свѣжемъ или высушенномъ видѣ, иногда въ битомъ тѣстѣ изъ риса или муки[3].

Относительно разведенія этого плода въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ центральной и южной Кореи можно сказать слѣдующее:

Въ центральномъ районѣ Кореи въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо встрѣчаются слѣдующіе сорта каки: обыкновенные, большіе и длинные, водяные (сюси 水柿) и т. д., всѣ сладкіе сорта, затѣмъ рядъ горькихъ сортовъ[4]; вѣроятно, и т. н. сладкіе сорта являются также горькими, только въ меньшей степени[5]. Изъ окружающей страны много этихъ плодовъ везется въ Сеулъ и Чѣмульпхо.

Въ провинціи Кёнъгыйдо каки имѣются въ большомъ числѣ въ одномъ пунктѣ уѣзда Канъхоа и въ Южной Чхюнъчхёнъдо въ одномъ пунктѣ уѣзда Чхёнъянъ[6].

Горечь удаляютъ изъ каки при помощи соленаго кипятка, или ихъ кладутъ въ мѣшокъ для приданія большой спѣлости[7], или, очистивъ кожу, натыкаютъ на палочку изъ Lespedeza bicolor 萩, хаги по яп., и сушатъ[8].

Въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо каки бываютъ только

сладкій и съ малымъ количествомъ сѣмянъ, легко отдѣляемыхъ отъ мякоти. Для каждаго изъ перечисленныхъ сортовъ указаны мѣстные цѣны: отъ 3, 5 и 8 рин въ японской монетѣ до 2½, 3 и 5 сен въ корейской.

[1]) Korea Review, II, 1902, статья: The products of Korea, 341.

[2]) Korea Review, II. The products of Korea, 341-2.

[3]) Тамъ же, 343.

[4]) Они перечисляются въ Ціôсен-сангіôси, I, 546. Эти обозначенія можно сравнить съ приведенными въ цит. ст.: The products of Korea, 342.

[5]) Корейскіе каки главнымъ образомъ принадлежатъ къ горькимъ сортамъ (сибугаки 澁柿). Канкоку-сôран, 600; ср. также Канкоку-дзицугіô-сисин, 237. Едва только въ одной части Южной Кореи, по слухамъ, растутъ сладкіе каки (амакаки 甘柿). Ціôсен-кадзю-енгей, 41.

[6]) Ціôсен-сангіôси, I, 546.

[7]) Можно положить каки въ ящикъ, прикрыть соломою и поставить въ теплую комнату; когда они сдѣлаются сладкими, то становятся пригодными для продажи. Канкоку-сôран, 600. Однако, Канкоку-дзицугіô-сисин, 237, утверждаетъ, что корейцы не умѣютъ удалять горечь изъ плодовъ каки, поэтому оставляютъ ихъ лежать, пока они сами не утратятъ этой горечи. При этихъ обстоятельствахъ слѣдовало бъ ввести въ Кореѣ сладкіе сорта этого фрукта, что обѣщаетъ въ особенности большія прибыли, либо научить корейцевъ способу удаленія горечи изъ существующихъ горькихъ сортовъ, чѣмъ была бъ обезпечена упомянутому плоду весьма успѣшная будущность.

[8]) Ціôсен-сангіôси I, 546. Это т. н. коккам 角柿, названіе, данное имъ за угловатую форму, которую плоды принимаютъ отъ прессованія, передъ натыканіемъ на палочку. Цит. ст.: The products of Korea, 342.

мелкіе и горькіе; большей частью ихъ сушатъ. Разводятъ ихъ около дома или на суходольномъ полѣ; особаго ухода за ними не бываетъ. Хотя каки растутъ всюду, но лучшими считаются каки изъ Кăгый въ Кёнъсянъдо[1].

Жужубъ, чжо по кор. 棗, въ Кореѣ принадлежитъ къ числу плодовъ повсюду разводимыхъ, въ виду широкаго спроса на него, при чемъ потребляется большей частью въ сушеномъ видѣ, хотя много его идетъ въ пищу и въ свѣжемъ видѣ. Въ торжественные и праздничные дни онъ непремѣнно фигурируетъ въ числѣ ѣды; затѣмъ не мало его варятъ съ рисомъ или кладутъ въ пирожное (пёнъ 餠); далѣе онъ употребляется въ качествѣ лѣкарства, въ засахаренномъ видѣ или на меду, являясь очень хорошимъ лакомствомъ[2].

Существуютъ въ Кореѣ три вида жужубовъ—обычный мѣстный, японскій и китайскій; оба первыхъ считаются меньше и хуже по вкусу, по сравненію съ китайскимъ видомъ[3]. Г. Хэльбертъ различаетъ въ Кореѣ только двѣ разновидности этого фрукта, которыя обѣ были заимствованы, по его словамъ, корейцами изъ Китая, при чемъ сѣверный, или дикій жужубъ, хочжо 胡棗[4], крупнѣе, но менѣе сладкій, былъ введенъ въ страну, какъ говоритъ г. Хэльбертъ[5], въ періодъ династіи Когурё (36—672 г. по Р. Х.), а другая разновидность—южный или обыкновенный большой жужубъ, тăчжо 大棗 Ziziphus vulgaris Lam. (нацуме японцевъ), болѣе сладкій, былъ доставленъ въ Корею изъ южнаго Китая во дни господства Силла (VIII—IX столѣт. по Р. Х.). Иностранцы называютъ второй сортъ финикомъ[6], съ которымъ, однако, онъ не имѣетъ ничего общаго. Лучшіе жужубы растутъ въ Кореѣ въ Чхюнъчхёнъдо (въ уѣздахъ Чхёнъсан 靑山 и Поун 報恩) и въ Кăсёнъ въ Кёнъгыйдо[7].

[1]) Цйôсен-сангйôси, I, 575.

[2]) Цйôсен-кадзю-енгей, 23. На стр. 23—24 описываются пріемы выращиванія жужубовъ.

[3]) Цйôсен-кадзю-енгей, 24.

[4]) Китайцы называютъ дикую (колючую) разновидность жужуба цзи 棘 или кислымъ жужубомъ сюаньцзао 酸棗. Piry, Manuel de langue mandarine, 828.

[5]) Цит. статья: «The products of Korea» въ Korea Review, II, 1902, стр. 394.

[6]) «Китайскій финикъ». Piry, Manuel de langue mandarine, стр. 827 (подъ словомъ: цзао 棗).

[7]) Въ особенности жужубы, растущіе по сосѣдству съ Кăсёнъ, принадлежатъ къ хорошему и крупному сорту, имѣя въ длину 9 пун, т. е. почти 1 сун, и въ діаметрѣ 8 пун или въ длину 1 сун и въ діаметрѣ 7 пун. Канкоку-дзицугйô-

Жужубъ въ столичномъ районѣ провинціи Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо имѣетъ овальную форму и значительно меньше китайскаго вида. Корейцы пользуются жужубомъ въ свѣжемъ и сыромъ видѣ взамѣнъ сахара, котораго въ Кореѣ мало, почему въ этой странѣ жужубъ является однимъ изъ важныхъ произведеній и потребленіе его велико. Обнаруживается даже недостатокъ сбора этого продукта въ самой Кореѣ для удовлетворенія спроса, и онъ ввозится изъ Китая. Жужубы въ толченомъ видѣ примѣшиваются къ пирожному и такъ продаются.

Жужубъ въ центральной Кореѣ разводится болѣе, чѣмъ въ Японіи; иногда онъ образуетъ здѣсь цѣлыя рощи[1]; большее или меньшее количество плодовъ его изъ сельскихъ мѣстностей везется въ столицу.

Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо жужубъ водится всюду; хотя обычно онъ сажается по близости отъ дома, но въ побережной полосѣ р. Нактонъганъ это дерево, подобно каштану, образуетъ цѣлые сады. Количество сбора жужуба не уступаетъ сбору каштановъ. Плодъ бываетъ вообще крупный, не рѣдкость видѣть длиною въ 1 сун.

Главное употребленіе жужуба въ этой части Кореи на лѣкарства; но также вслѣдствіе его сладости его много кладутъ взамѣнъ сахара въ толченомъ видѣ въ пирожныя издѣлія[3].

Дикія яблоки—нынгым по корейски 林檎 (болѣе крупный видъ яблокъ, настоящія яблоки, корейцы называютъ сагоа 沙果, буквально «песчаный фруктъ», но, по мнѣнію г. Хэльберта[4], это имя является лишь искаженіемъ слова сёгоа 西果 или «западный фруктъ», чѣмъ указывается происхожденіе этого сорта яблокъ изъ Китая, къ западу отъ Кореи; впрочемъ, и въ самомъ Китаѣ эти яблоки могли быть заимствованы съ болѣе далекаго запада, въ особенности лучшіе европейскіе сорта ихъ, нынѣ встрѣчающіеся близъ иностранныхъ поселеній въ этой странѣ), употребляются корейцами въ пищу только въ свѣжемъ видѣ; лучшими являются Сеульскія[5], называемыя Кёнънынгым 京林檎. Съ этимъ, однако, не вполнѣ согласуется заявленіе Цiôсен-сангiôси, что въ столичномъ районѣ яблоки мелки и не совсѣмъ хороши на вкусъ, но вполнѣ

сисин, 236—7 (тоже говорится въ Канкоку-сôран, 601—602). Оба эти сочиненія предсказывали жужубу въ Кореѣ хорошую будущность.

[1]) Перечень мѣстъ, производящихъ много жужубовъ или имѣющихъ рощи его, приводится для Кёнъгыйдо и обѣихъ Чхюнъчхёнъдо (провинція Чхюнъчхёнъдо производитъ особенно много жужубовъ) въ Цiôсен-сангiôси, I, 545—6.

[2]) Тамъ же, 545.

[3]) Цiôсен-сангiôси, 574-5.

[4]) Цит. статья: The products of Korea, 345.

[5]) The products of Korea, 345.

возможно, что сами сеульскія яблоки дѣйствительно составляютъ исключеніе, хотя объ этомъ здѣсь не упоминается. Во всякомъ случаѣ яблокъ много разводятъ внѣ Сеульскихъ воротъ Чхянъыймун въ видѣ цѣлыхъ садовъ[1]; въ другихъ мѣстахъ ихъ можно рѣдко встрѣтить. Сѣютъ зерно дикой яблони, на третій годъ дѣлаютъ прививку[2] (одинъ молодой отростокъ яблони стоитъ 1 енъ), еще черезъ три года дерево начинаетъ давать плоды; на десятый годъ ихъ бываетъ наибольшее количество, такъ что съ одного дерева сборъ достигаетъ цѣнности въ 2 енъ. Деревья сажатся на разстояніи двухъ кен одно отъ другого; весною одинъ разъ унаваживаются человѣческими экскрементами; подъ деревьями сажаются овощи[3].

О разведеніи европейскихъ или американскихъ сортовъ яблокъ въ Кореѣ говорилось выше; въ этомъ отношеніи интересныя указанія даются Ціôсен-кадзю-енгей[4], гдѣ излагаются пріемы разведенія, которыя могутъ быть примѣнены въ Кореѣ, настоящихъ или улучшенныхъ сортовъ яблокъ—ринго по японски (пишется 苹果, у пекинскихъ китайцевъ пиньго 蘋果), превосходящихъ дикій сортъ ихъ (ринго 林檎, упомянутые корейскіе нынгым) по аромату, вкусу и величиною; вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же руководствѣ перечисляются и различные сорта этихъ яблокъ съ рисунками ихъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ, провинціальное управленіе Сѣверной Пхёнъандо предполагаетъ создать изъ окрестнаго района Новаго Ыйчжю центръ производства яблокъ въ Кореѣ. Для этой цѣли оно готово раздавать сѣянцы яблонь тѣмъ изъ японцевъ и корейцевъ, проживающихъ въ этой мѣстности, которые пожелали бъ заняться этимъ дѣломъ[5].

Китайская айва, карин (каринго) по японски 榠樝 Cydonia sinensis, растетъ всюду[6] въ провинціи Чхюнъчхёнъдо[7];

---

[1]) Между СВ. воротами Сеула и Пукхан, говорятъ, имѣется 200,000 дикихъ яблонь. The products of Korea, 345.

[2]) Это отмѣчается и въ указанной статьѣ.

[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 548.

[4]) Стр. 25—31.

[5]) Seoul Press, 2 February 1912, 2.

[6]) Канкоку-дзицугіô-сиспи, 237, говоритъ въ данномъ случаѣ только о районѣ города Конъчжю въ этой провинціи.

[7]) Bretschneider, Botanicum Sinicum, III, стр. 425, указываетъ этому плоду китайское имя мугуа 木瓜, по корейски могоа или моккоа 木苽 Pyrus Ca-

плодъ ея прекраснаго качества и весьма ароматиченъ. Величиною онъ въ длину 5 сун, въ діаметрѣ 4 сун, вѣсомъ болѣе 200 момме. Корейцы дѣлаютъ изъ него сладости, прибавляя меду, и употребляютъ также въ качествѣ лѣкарства. Нынѣ количество сбора этого плода не велико, но въ будущемъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ потребленія его, разведеніе его должно сдѣлаться болѣе прибыльнымъ[1].

Виноградъ, пходо по корейски, будō по японски 葡萄. Въ густо населенныхъ мѣстностяхъ уѣздовъ Ыйчжю и Канъгѣ въ сѣверо-западной Кореѣ Лубенцовъ встрѣтилъ мѣстами сплошные виноградники; виноградъ былъ уже снятъ, но остававшіяся ягоды оказались очень сладкими и внушили русскому путешественнику мысль о возможности въ странѣ винодѣлія. Это предположеніе въ позднѣйшее время не только стало всецѣло раздѣляться всѣми японцами, спеціалистами и неспеціалистами, начиная съ г. Уебаси (см. выше на стр. 534)[2], но ими же были предприняты первые шаги къ практическому подтвержденію и осуществленію его. Помимо другихъ весьма удачныхъ опытовъ разведенія японцами въ Кореѣ различныхъ сортовъ виноградной лозы, можно отмѣтить опытъ, сдѣланный въ болѣе широкихъ размѣрахъ фермою Тодзан въ Сюуōн, принадлежащей барону Ивасаки, которая уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ содержитъ фруктовый садъ близъ Чѣмульпхо, площадью въ 40 цiō. Въ 1909 г. здѣсь были посажены 10,000 побѣговъ разновидности германской виноградной лозы (Черной Гамбургской) и въ 1911 г. они дали очень хорошій сборъ, при чемъ по сладости этотъ виноградъ далеко превосходитъ ввозимый изъ Чжифу. Сборъ 1911 г. достигалъ 700 камме, въ текущемъ же году долженъ значительно увеличиться. Этотъ опытъ былъ произведенъ по почину главнымъ образомъ завѣдывающаго садоводственной фермою въ Туксѣм, также никогда не переставшаго доказывать природную пригодность корей-

---

thaensis. Gale, Korean-English dictionary, 332 и 333.

[1]) Канкоку-сōран, 602, и Канкоку-дзицугiō-сисин, 237.

[2]) Ср. мнѣніе эксперта б. корейскаго правительства Торіи, находившаго, что культура винограда является одной изъ наиболѣе обѣщающихъ отраслей промышленности въ Кореѣ, благодаря удивительно благопріятнымъ климатическимъ условіямъ. При надлежащемъ веденіи дѣла Корея безъ труда можетъ конкурировать съ Франціей въ качествѣ винодѣльческой страны. Seoul Press, 3 August 1909.

скаго полуострова для плодового садоводства[1].

Канкоку-сōран[2] и Канкоку-дзицугіō-сисин[3] упоминаютъ о разведеніи корейцами винограда въ районѣ Кäсёнъ въ провинціи Кёнъгыйдо, при чемъ хотя имъ здѣсь и извѣстно устройство подпорокъ (по способу «танадзукури 棚作»)[4], по которымъ растеніе и тянется вверхъ, однако, другихъ мѣръ ухода (обрѣзки вѣтвей, прививки) не практикуется по незнанію ихъ. Тѣмъ не менѣе сборъ винограда получается прекрасный и вкусъ его превосходный. При этихъ условіяхъ примѣненіе раціональныхъ пріемовъ культуры винограда должно обезпечить въ будущемъ этому дѣлу большія выгоды, какъ единодушно заявляютъ авторы обоихъ указанныхъ сочиненій.

Авторы Цiōсенъ-кадзю-енгей[5], предварительно перечисливъ выгоды разведенія вин града, въ особенности въ цѣляхъ винодѣлія, а также въ качествѣ весьма питательнаго фрукта, подчеркиваютъ пригодность корейскаго климата, съ малымъ выпаденіемъ дождя и съ неизмѣнно низкимъ процентомъ атмосферной влажности, для разведенія винограда, вслѣдствіе чего здѣсь виноградъ мало подверженъ нѣкоторымъ болѣзнямъ, причиняющимъ ему большой вредъ въ Европѣ; само растеніе здѣсь очень здорово, а ягоды его весьма сладки и качествомъ очень хороши[6].

Канкоку-дзицугіō-сисин[7] упоминаетъ среди фруктовъ, встрѣчающихся въ Кореѣ, юджа по корейски, юдзу по японски 柚, что буквально значитъ лимонъ Citrus medica L., var. acida Hook. Однако, Gale, Corean-english dictionary, указываетъ иное научное названіе этому корейскому фрукту Citrus decumana пампельмусевъ (англ. pomelo)—родъ большого кисловатаго апельсина[8].

---

[1]) Seoul Press, 19 Sept. 1911, 3.

О въ высшей степени успѣшныхъ результатахъ разведенія различныхъ сортовъ винограда (въ самой Японіи разведеніе этихъ лучшихъ сортовъ европейскаго винограда является совершенно безнадежнымъ) на Туксёмской опытной станціи говорится въ Second annual report on reforms and progress in Korea (1908—9), стр. 131, и Third annual report, 1909—10, стр. 115 (съ фотографическими снимками въ обоихъ отчетахъ), гдѣ также указывается, что разведеніе винограда въ Кореѣ доставило бъ превосходный матеріалъ для винодѣлія въ будущемъ.

[2]) Стр. 601.

[3]) Стр. 236.

[4]) См. рисунокъ этого способа «формированія» виноградnаго куста въ Цiōсенкадзю-енгей, 48.

[5]) Стр. 46.

[6]) Въ дальнѣйшемъ на стр. 46—57 объясняются пріемы культуры виноградной лозы и устройства виноградника (съ рисунками) и описываются различные сорта винограда—европейскіе и одинъ японскій изъ провинціи Кōсю̄ (Каи), наилучше пригодный для употребленія въ свѣжемъ видѣ и отлично сохраняющійся. На стр. 51 помѣщена фотографія части виноградной шпалеры съ спѣлыми виноградными гроздями изъ виноградника г. Томита въ Чынънампхо.

[7]) Стр. 238.

[8]) Правильность подобнаго отожествленія подтверждается и Бретшнейдеромъ въ Botanicum Sinicum, II, стр. 311: Journal China Branch of the Royal Asiat. Soc., 1890—1, XXV, и Piry, Manuel de langue mandarine, 828.

О немъ упоминаетъ и Цiōсен-iōран[1] (равнымъ образомъ Канкоку-iōран) въ общемъ перечнѣ корейскихъ фруктовъ. Съ другой стороны японскіе авторы, при описаніи встрѣчающихся въ Кореѣ плодовыхъ деревьевъ, не упоминаютъ вовсе о разведеніи здѣсь апельсиновъ, по корейски кюль 橘 (яп. тацибана) Citrus auranthius или оайгам 倭柑, буквально «японскій камчжа 柑 (яп. микан)» Citrus nobilis, мандаринъ. Только Цiōсен-сангiōси[2] отмѣчаетъ, что они не встрѣчаются даже въ южной Кореѣ. Однако, «Описаніе Кореи» указываетъ[3], что апельсинами славится островъ Квельпартъ, откуда они нѣкогда доставлялись въ дань корейскому двору. Дѣйствительно, упомянутые апельсины тацибана 橘 и микан 柑 (полнѣе пишется 蜜柑), какъ называютъ ихъ японцы, показаны среди произведеній острова Квельпартъ въ Канкоку-синцири[4]. Во всякомъ случаѣ туземныхъ апельсиновъ или, вѣрнѣе, мандариновъ въ самой Кореѣ производится слишкомъ немного, почему ежегодно ввозятся сюда мандарины изъ-за границы. Такъ, въ 1907 г. было ввезено въ Корею мандариновъ 蜜柑 изъ Японіи на сумму 94,458 енъ и изъ Китая на сумму 68 енъ; въ 1908 г. эти цифры были соотвѣтственно 124,553 и 104 енъ и въ 1909 г.—114,741 и 17 енъ.

Изъ *орѣховъ* каштаны, пам по корейски 栗, кури по японски Castanea vulgaris, заимствованные, по словамъ корейцевъ, изъ Западнаго Китая[5], растутъ по всей Кореѣ, но лучше всего, какъ говоритъ г. Хэльбертъ, въ Янъчжю, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Восточныхъ воротъ Сеула (по японскимъ же свѣдѣніямъ, наиболѣе славятся Хамчжiонъ'скіе каштаны, мелкіе, но съ легко отдѣляемой горькой кожею). Корейскій каштанъ величиною съ европейскій «конскій каштанъ». Каштаны въ Кореѣ весьма цѣнный плодъ, который разводится въ большомъ количествѣ и широко потребляется. Дерево каштана не только даетъ плоды, но и можетъ само употребляться широко для строительныхъ цѣлей; въ особенности цѣнятся

---

[1]) Стр. 69.
[2]) I, 573.
[3]) На стр. 139 второго тома.
[4]) Стр. 276 (см. настоящій «Очеркъ», стр. 76).
[5]) Цит. статья: The products of Korea, 393. Возможно, что и въ Китаѣ они не туземнаго происхожденія, какъ указываетъ составъ іероглифа, служащаго для обозначенія этого дерева: 栗 изъ 西 си западъ и 木 му дерево.

сдѣланныя изъ него желѣзнодорожныя шпалы[1].

Какъ отмѣчаетъ Канкоку-сōран[2], каштаны разводятся въ большомъ количествѣ на примывныхъ земляхъ вдоль береговъ р. Ханганъ въ Кёнъгыйдо. Сборъ ихъ долженъ быть великъ, такъ какъ они доставляются въ Сеулъ на продажу въ весьма большомъ количествѣ. По сорту они относятся къ среднимъ каштанамъ и имѣютъ сладкій вкусъ; растутъ прекрасно. Канкоку-дзицугіō-сисин[3] отмѣчаетъ лишь, что каштаны производятся въ очень большомъ количествѣ во всѣхъ мѣстностяхъ провинцій Чхюнъчхёнъдо, Чёлладо и Кёнъсянъдо; но въ особенности хорошими каштанами можно считать тѣ, что производятся въ Пхёнъандо.

Корейцы ѣдятъ каштаны свѣжими, вареными, поджаренными или сушеными[4]. Вареные и жареные каштаны перемалываются и идутъ съ медомъ на приготовленіе «чайныхъ пирожковъ», тасик 茶食 по корейски. Для корейца каштанъ скорѣе составляетъ лакомство, чѣмъ продуктъ питанія[5].

Въ районѣ провинціи Кёнъгыйдо, Канъуōндо и Чхюнъчхёнъдо каштаны бываютъ трехъ величинъ: большіе, величиною съ каштанъ изъ провинціи Тамба въ Японіи, средніе и мелкіе, которые все же больше каштана сасагури 笹栗 (въ той же Японіи[6]). Вкусъ всѣхъ ихъ очень хорошъ, сборъ великъ. Разведеніе ихъ достигаетъ мѣстами такихъ размѣровъ, что иногда образуются цѣлыя каштановыя рощи[7]. Упавшіе каштаны подбираются и отправляются въ столицу на продажу[8].

Въ провинціи Пхёнъандо каштаны встрѣчаются въ уѣздахъ Касан, Ыйчжю и прочихъ горныхъ уѣздахъ, но качествомъ они не выдерживаютъ сравненія съ Хамчжіонъ'скими, о которыхъ уже упоминалось выше. Эти каштаны водятся въ разстояніи 10 съ чѣмъ-то ри къ западу отъ г. Пхёнъянъ въ уѣздѣ Хамчжіонъ, затѣмъ въ уѣздахъ Канъсё, Іонъганъ 龍岡 и Самхоа; изъ всѣхъ этихъ мѣстъ они доставляются въ Пхёнъянъ. Въ уѣздѣ Хамчжіонъ, хотя каштановыя рощи и имѣются

[1]) Ціōсен-кадзю-енгей, 67—68.

[2]) Стр. 601.

[3]) Стр. 237—8.

[4]) Ціōсен-сангіōси, I, 544 указываетъ только второй и третій способъ употребленія ихъ въ пищу въ центральномъ районѣ Кореѣ. Сушеными на солнцѣ употребляются въ пищу т. н. Хамчжіонъ'скіе каштаны. Тамъ же, 564.

[5]) Цит. ст.: The products of Korea, 393.

[6]) Этотъ видъ каштана имѣетъ очень мелкіе плоды.

[7]) Перечень мѣстъ, дающихъ большія количества каштановъ или имѣющихъ каштановыя рощи, для провинціи Кёнъгыйдо и одного пункта въ Южной Чхюнъчхёнъдо, помѣщенъ въ Ціōсен-сангіōси, 544—5.

[8]) Тамъ же, 544.

здѣсь по холмамъ, но большей частью эти деревья посажены по близости отъ жилыхъ домовъ, въ видѣ каштанового сада. Хотя и здѣсь не примѣняется удобренія и прочихъ мѣръ ухода за деревьями, однако, обращается неуклонное вниманіе на выборъ мѣста, которое должно быть покатымъ и обращено на сѣверо-востокъ, въ ложбинѣ, защищенной отъ вѣтра; деревья располагаются такъ, чтобы не задѣвали другъ друга вѣтвями; число выращиваемыхъ деревьевъ здѣсь также значительно. Поэтому каштановыя насажденія въ Хамчжіонъ, вѣроятно, можно назвать главнымъ плодовымъ насажденіемъ въ Кореѣ[1].

Хамчжіонъскіе каштаны мелкіе, меньше Сибаскихъ каштановъ въ Японіи (сибагури 芝栗), и круглые, съ тонкой наружной кожей; внутренняя кожица также хорошо отдѣляется. Эти каштаны очень сладки на вкусъ. Ихъ употребляютъ въ пищу жареными (для этого они достаточно пригодны), а также высушенными на солнцѣ. Стоило бы распространить культивированіе этихъ каштановъ въ самой Японіи. Цѣна этимъ каштанамъ на мѣстѣ 1 енъ за 1 корейскій ту (приблизительно японскихъ 4 сіō 5 гō)[2].

Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо каштаны водятся повсемѣстно, при чемъ площадь, засаженная ими, и количество сбора самихъ орѣховъ, вѣроятно, являются самыми значительными изъ числа всѣхъ мѣстныхъ плодовъ. Въ особенности каштаны многочисленны вдоль береговъ р. Нактонъганъ, въ Оайгоан въ Сѣверной Кёнъсянъдо и Силли 實里 въ Южной Кёнъсянъдо, также вокругъ г. Мир'янъ. Качествомъ каштаны въ этой части страны хороши, не отличаясь вообще отъ японскихъ; по формѣ мелкіе; употребляются въ пищу жареными[3].

Грецкіе орѣхи, кор. ходо 胡桃 (яп. котō или куруми Junglans regia или Junglans Sieboldiana Maxim.[4]), были введены въ Корею изъ Персіи черезъ Китай, куда проникли при Ханьской династіи[5], въ IV—V стол. по Р. Х. Въ настоящее время они наиболѣе многочисленны въ Кёнъсянъдо въ долинѣ р. Нактонъганъ (въ Хёпчхён 陜川)[6]. Въ Кореѣ существуютъ

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 563—4.

Ціôсен-кадзю-енгей, 68—70, приводитъ изъ брошюры г. Такацу касательно Хамчжіонъ'скихъ каштановъ свѣдѣнія объ этомъ сортѣ каштановъ съ рисунками листьевъ и самихъ орѣховъ и о пріемахъ выращиванія ихъ.

[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 563—4.

[3]) Тамъ же, I, 573—7.

[4]) Научное названіе Junglans Sieboldiana Maxim. указываетъ Rein, Japan nach Reisen und Studien, II, 285 (второе японское названіе этому виду грецкаго орѣха тôгуруми). Китайцы обозначаютъ грецкій орѣхъ тѣми же іероглифами или еще 核桃 (хэтао). Piry, Manuel de langue mandarine, даетъ этому орѣху научное названіе Junglans regia L.

[5]) При посредствѣ посольства Чжанъ-цянь въ II стол. до Р. Х.

[6]) Цит. ст.: The products of Korea, 393—4.

двѣ разновидности этого орѣха[1]. По мнѣнію корейцевъ, голодный человѣкъ, наѣвшись грецкихъ орѣховъ, станетъ еще голоднѣе. Человѣкъ со слѣдами оспы на лицѣ называется «съ лицомъ грецкаго орѣха», по корейски ölьгор'и-ходо-копчиль катта 面如胡桃 (этимъ указывается на изрытую поверхность ядра орѣха). Эти орѣхи употребляются въ пищу свѣжими; иногда изъ нихъ выжимается масло, примѣняемое въ качествѣ слабительнаго средства[2].

Въ провинціи Хоанъхädo растетъ въ дикомъ состояніи въ горныхъ долинахъ т. н. «чертовъ грецкій орѣхъ» 鬼胡桃 (онигуруми по японски), который собирается поселянами; качество его среднее, количество сбора его не велико[3].

Корейцы собираютъ орѣхи и отъ дерева гинко билоба, которое достигаетъ въ Кореѣ большихъ размѣровъ и живетъ 700—800 лѣтъ (столь же древніе, историческіе экземпляры этого дерева встрѣчаются и въ Японіи). Бѣлые орѣхи гинко имѣютъ форму абрикосовъ, только меньше величиною, отсюда его имя: «серебряный абрикосъ», по корейски инхäнъ 銀杏 (гиннан по японски, Gingko biloba). Этотъ видъ орѣха былъ введенъ въ Корею около тысячи лѣтъ тому назадъ. Какъ говоритъ г. Хэльбертъ, въ южномъ Китаѣ этотъ орѣхъ называется 龍眼 лунъянь—блестящій (драконовый) глазъ (однако, въ дѣйствительности, это китайское названіе относится къ другому плоду: Nephelium longan—дикій литчи), въ сѣверномъ Китаѣ байго—бѣлый фруктъ. Эти орѣхи съѣдаются корейцами печеными; идутъ также въ лекарство или въ сласти[4]. Помимо того, изъ нихъ добывается масло, которое очень цѣнится въ кулинарномъ дѣлѣ; само дерево доставляетъ цѣнный строительный матеріалъ (доски)[5]. Созрѣвшіе орѣхи размачиваютъ въ водѣ и, удаливъ наружную кожу, сушатъ.

Обыкновенные или лѣсные орѣхи[6], по корейски käям 榛 (чин), введены въ Корею изъ маньчжурскихъ горъ; они считаются очень здоровыми, употребляясь въ пищу сы-

[1]) Цiôсен-кадзю-енгей, 70.
[2]) Цит. ст.: The products of Korea, 394.
[3]) Цiôсен-сангiôси, I, 567.
[4]) Цит. ст.: The products of Korea, 395.
[5]) Цiôсен-кадзю-енгей, 65.
[6]) Korea Review II, 395—6, приводитъ историческое преданіе объ «орѣховой битвѣ», гдѣ дѣло идетъ объ этихъ орѣхахъ.

рыми или перемолотыми въ видѣ похлебки.

Кедровые орѣхи отъ корейскаго кедра Pinus coreensis[1], по корейски чатнаму (пăньмок) 栢木, въ центральной Кореѣ употребляются для приготовленія пирожнаго и сластей; масло изъ орѣховъ смѣшивается съ красной тушью для печатей и употребляется также для другихъ цѣлей.

X.

Изъ прочихъ растеній, культивируемыхъ въ Кореѣ съ промышленной или коммерческой цѣлью и составляющихъ вспомогательныя отрасли сельскаго хозяйства въ этой странѣ, въ качествѣ занятій переходныхъ отъ сельскохозяйственной къ промышленной (ремесленной) дѣятельности, необходимо назвать табакъ и иныя наркотическія растенія, различныя волокнистыя растенія, рядъ техническихъ растеній, въ частности растенія, доставляющія матеріалъ для плетеній и корзиночныхъ издѣлій, растенія, доставляющія матеріалъ для изготовленія бумаги, далѣе красильныя растенія и, наконецъ, лѣкарственныя растенія; особое мѣсто занимаетъ разведеніе шелковичной тутовицы въ цѣляхъ выкармливанія шелковичныхъ червей и полученія отъ нихъ шелка.

Табакъ, тамбă или намчхо у корейцевъ 南草 (буквально: южная трава), табако у японцевъ 煙草, яньѣ 煙葉 (или просто янь 烟) или даньбагу 淡巴姑(菰) у китайцевъ, весьма широко культивируется въ Кореѣ[2].

---

[1]) О немъ упоминается на 202 стр. настоящаго «Очерка». Вѣроятно, это же дерево разумѣется подъ обозначеніемъ «силлаская сосна» 新羅松, съ японскимъ чтеніемъ «цiôсен-мацу», каковое дерево указывается въ перечнѣ плодовыхъ деревьевъ въ центральномъ районѣ Кореи, помѣщенномъ въ Цiôсен-сангiôси, I, 548.

Орѣхи «цiôсен-мацу» упоминаются и среди дикорастущихъ произведеній провинціи Хоанъхăдо, употребляемыхъ въ пищу. Цiôсен-сангiôси, I, 572. Плоды «цiôсен-мацу», если ихъ ѣсть жареными, издаютъ ароматъ; имѣется еще сладкій сортъ ихъ (тамъ же). Ср. Описаніе Кореи, II, 139-140 (о плодахъ Pinus Coreensis).

[2]) Свѣдѣнія о разведеніи табака въ Кореѣ, приводимыя ниже, взяты изъ Канкоку-сôран, стр. 562—581; Цiôсен-сангiôси, I, 480—2; 516; 517—19; 534—6; Канкоку-нôгiôрон, 175—190; Канкоку-дзицугiô-сисин, 207—231. Тѣ же свѣдѣнія относительно корейской табачной промышленности и относительно торговли привозными табачными издѣліями, какъ и въ Канкоку-дзицугiô-сисин, помѣщены, за немногими сокращеніями, въ Сайсин-Канкоку-дзидзiô, стр. 93—110. Общимъ источникомъ для нихъ послужилъ въ частности сочиненіе Канкоку-нôгiôрон, изданное въ 1904 г. (оба указанныхъ сочиненія: Канкоку-дзицугiô-сисин въ исправленномъ изданіи и Сайсин-Канкоку-дзидзiô, были выпущены въ 1905 г.).

Это растеніе не имѣетъ въ Кореѣ, какъ и въ обѣихъ другихъ важнѣйшихъ странахъ Восточной Азіи—въ Китаѣ и Японіи и вообще во всей Азіи, туземнаго происхожденія, что доказывается и тѣми изъ его обозначеній во всѣхъ указанныхъ странахъ, которыя представляютъ собою лишь болѣе или менѣе искаженную въ Кореѣ и Китаѣ (такъ какъ образцомъ для ней послужила малайская передѣлка европейскаго названія) и совершенно точную въ Японіи передачу европейскаго его обозначенія; остальныя существующія здѣсь обозначенія табака буквально значатъ лишь: «дымная трава или листъ» или просто: «дымъ», и первоначально могли относиться ко всякому курительному матеріалу, не только къ табаку[1]. Дѣйствительно, табакъ занесли въ Восточную Азію только европейцы, въ частности португальцы или испанцы, при чемъ въ Корею онъ проникъ черезъ Японію и при посредствѣ японцевъ уже въ XVII столѣтіи (въ самой Японіи онъ появился въ 1600 г. или вообще въ началѣ XVII столѣтія[2]). Точная дата введенія въ Корею культуры табака врядъ ли можетъ быть установлена, но во всякомъ случаѣ неправъ былъ Жданъ-Пушкинъ[3], относившій это событіе уже къ концу XVI

Авторъ Кайкоку-нѳгіѳрон, Като Суерѳ, описываетъ на стр. 176—186 разведеніе табака въ Кореѣ на основаніи данныхъ, собранныхъ имъ лично въ 1900 г. при обслѣдованіи корейской сельскохозяйственной промышленности. Эти данныя приводятся имъ въ первоначальномъ видѣ, хотя и съ оговоркою (тамъ же, стр. 175—6), что они могутъ требовать себѣ нынѣ (говорится въ 1904 г.) тѣхъ или другихъ поправокъ.

[1]) Эти обозначенія, прилагаемая нынѣ къ табаку, несомнѣнно, были въ употребленіи много раньше появленія табака въ восточной Азіи, такъ какъ въ 33-ей главѣ сочиненія Гайюйцунъкао 陔餘叢考, по справкѣ сообщенной автору настоящаго «Очерка» П. П. Шмидтомъ, отмѣчается, что уже при Танской династіи (словомъ въ періодъ VII—IX стол.) «яньцао, т. е. дымная трава», нынѣшнее обозначеніе табака, употреблялась въ Китаѣ; однако, въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, курительнымъ матеріаломъ служило какое-нибудь иное растеніе, но не табакъ, впервые появившійся въ Китаѣ въ XVI или XVII столѣтіи.

[2]) См. Satow, Introduction of tobacco into Japan: Transactions of the Asiat. Soc. of Japan, томъ II (также у Chamberlain, Things Japanese, подъ словомъ: «Tobacco»). Въ японскихъ сочиненіяхъ указывается также 1605 г., какъ дата перваго введенія въ страну табака, прежде всего посаженнаго въ Нагасаки; см. Сякай-дзирин 社會辭林, стр. 777; здѣсь дата введенія табака въ Японіи при посредствѣ намбан (буквально: южныхъ варваровъ; въ частности это имя прилагалось къ португальцамъ и испанцамъ) обозначается 10-ымъ годомъ Кейдзіѳ, т. е. 1605 г.; напротивъ, въ Нихон-сякай-дзии 日本社會事彙, II ч., стр. 638, указывается еще, но едва ли основательно, многимъ болѣе ранняя дата—въ періодъ Генки, т. е. 1570-72 гг.

[3]) Жданъ-Пушкинъ, Корея, стр. 11 (цит. въ «Описаніи Кореи», II, 129). Korea Review, I, 1901, стр. 68, совершенно вѣрно указываетъ время введенія въ Корею табака только въ XVII стол., вскорѣ послѣ появленія его въ Японіи (при посредствѣ испанцевъ, какъ говорится здѣсь, но въ данномъ случаѣ должны разумѣться португальцы, хотя испанцы сумѣли развести на Филиппинскихъ островахъ прекрасные сорта табака, перешедшіе затѣмъ въ Китай). Отъ корейцевъ, добавляется въ томъ же журналѣ, табакъ былъ заимствованъ маньчжурами во время ихъ вторженія въ страну, а черезъ нихъ проникъ въ Китай. Это послѣднее утвержденіе врядъ ли является справедливымъ, если только здѣсь не ра-

столѣтія, т. е. ко времени японскаго военнаго вторженія на полуостровъ. Скорѣе должно думать, что проникновеніе табака въ Корею явилось результатомъ не названной военной экспедиціи, когда табакъ еще не встрѣчался въ самой Японіи, а послѣдовавшихъ за ней болѣе мирныхъ торговыхъ сношеній. То, что табакъ проникъ въ Корею съ юга, доказывается и его корейскимъ обозначеніемъ «южная трава» (намчхо). Напротивъ, второе его обозначеніе, встрѣчающееся въ Кореѣ —тамбä, представляетъ собою скорѣе подражаніе китайскому «даньбагу (тамбагу)», каковое обозначеніе перешло къ маньчжурамъ въ формѣ дамбагу, а отъ тѣхъ могло попасть къ корейцамъ. Во всякомъ случаѣ оно не могло произойти отъ японскаго обозначенія «табако», въ которомъ звука «м» вовсе нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ различныхъ европейскихъ обозначеніяхъ этого продукта.

Корейцы, говоритъ Канкоку-нōгіōрон[1], любятъ табакъ даже болѣе пищи и можно сказать, что въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, почти не переставая, курятъ. Въ особенности длинная (свыше 2 футовъ длиною) трубка не вынимается изо рта даже во время работы ни ремесленникомъ, ни носильщикомъ паланкиновъ, ни земледѣльцемъ во время распашки поля. Авторъ указаннаго сочиненія, во время своихъ разъѣздовъ по всей Кореѣ, былъ пораженъ, встрѣтивъ крайне незначительное число совершенно некурящихъ среди корейцевъ[2]. Другіе японскіе авторы также отмѣчаютъ, что табакъ весьма любимъ корейцами, которые обычно употребляютъ его для куренія (при помощи боль-

зумѣть одинъ сѣверный Китай, такъ какъ цитированное сочиненіе Гайюйцунькао 33-я глава, прямо указываетъ Филиппинскіе острова, какъ страну, откуда табакъ проникъ въ Китай, въ слѣдующей фразѣ: 烟草—名淡巴菰出呂宋國, то есть: «дымная трава, иначе называемая: даньбагу, происходитъ изъ государства Люйсунъ»; имя же Люйсунъ являлось китайскимъ обозначеніемъ не только главнаго острова Филиппинской группы—Люзонъ, но и его туземнаго населенія въ качествѣ родового имени, а затѣмъ стало прилагаться къ испанцамъ, завладѣвшимъ Филиппинскими островами во второй половинѣ XVI стол.; понынѣ манильскіе сигары извѣстны въ Китаѣ подъ именемъ люйсунъянь (Laufer, Berth. The Relations of the Chinese to the Philippine Islands: Smithsonian miscel. collect., т. 50, стр. 250).

Имя даньбагу, которое стало прилагаться китайцами къ табаку, въ кантонскомъ произношеніи тамбагу, должно быть поставлено въ связь съ малайскимъ обозначеніемъ для табака: трамбаку; въ той же формѣ: тэмбагу, тэмбаку, тэмбак, названіе табака встрѣчается въ различныхъ языкахъ западной и южной Азіи (въ персидскомъ, въ языкѣ хинди и т. д.); ср. tambàkú у мусульманскихъ авторовъ въ Индіи, цитируемыхъ Yule and Burnell, Hobson-Jobson, 926.

Дата введенія табака въ Китай врядъ ли можетъ быть установлена въ точности; во всякомъ случаѣ табакъ проникъ въ страну еще до 1628 г., когда ввозъ его былъ уже воспрещенъ, почему китайское населеніе само стало разводить его. См. Giles, Glossary of reference, 3-е изданіе, 295—6.

[1]) Стр. 187.

[2]) Тамъ же.

шой трубки) въ листѣ ненарѣзаннымъ, только помявъ въ рукѣ[1]. Нѣкоторое представленіе о томъ, насколько куреніе распространено въ Кореѣ, можетъ дать, дѣлаемый авторомъ Канкоку-сōран[2], предположительный подсчетъ средняго количества ежедневнаго потребленія листового и рѣзанаго табака на 1 человѣка въ Кореѣ, при чемъ оно опредѣляется для листового табака отъ 5 момме 7 фун (1 фун=$^1/_{10}$ момме) до 4 момме; среднее же количество потребленія рѣзанаго табака тѣмъ же авторомъ опредѣляется въ 10 момме для одного лица на сумму около 5 сен на японскія деньги; такъ какъ табакъ крайне любятъ въ Кореѣ какъ мужчины, такъ и женщины, то общее количество потребленія его (говорится о листовомъ табакѣ) также не мало.

Для сужденія объ общемъ количествѣ сбора и потребленія табака[3] въ Кореѣ могутъ служить оффиціальныя данныя, коими сборъ табака по отдѣльнымъ провинціямъ Кореи опредѣлялся въ 1909 г. въ слѣдующихъ цифрахъ (въ камме[4]):

Кёнъгыйдо	61,579	Хоаньхäдо	336,025
Сѣверн. Чхюнъчхёнъдо	144,359	Южная Пхёнъандо	178,326
Южная Чхюнъчхёнъдо	92,852	Сѣверная Пхёнъандо	183,372
Сѣверная Кёнъсянъдо	184,088	Южная Хамгёнъдо	324,433
Южная Кёнъсянъдо	232,715	Сѣверн. Хамгёнъдо[5]	116,545
Сѣверная Чёлладо	101,132	Канъуёндо	689,750
Южная Чёлладо	424,617	Всего . .	3,069,793

---

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 536, и Канкоку-нôгiôрон, 186. Ср. «Описаніе Кореи», II, 129, со словъ Koike, Dr. Masanao, Zwei Jahre in Korea въ Archiv für Ethnographie, т. IV (1891),30: «Простой народъ (въ Кореѣ) крошитъ табачный листъ и сжимаетъ послюненной ладонью въ комокъ, входящій въ трубку».

[2]) Стр. 569.

[3]) Весь производимый въ Кореѣ табакъ остается въ самой странѣ, такъ какъ вывозъ его и папиросъ, выдѣланныхъ изъ него или изъ привозного табака, въ 1909 г. оцѣнивался лишь въ 3,980 енъ. Напротивъ, въ томъ же году было ввезено еще листового табака въ количествѣ 139,269 кин и рѣзанаго 154,723 кин, на сумму 19,963 енъ и 120,874 енъ и сигаръ и папиросъ на сумму 1,027,391 енъ, или всего на сумму 1,168,276 енъ. Этотъ ввозъ идетъ изъ собственной Японіи, Китая и Америки большей частью черезъ Oriental Tobacco Co. (Тôiô-табакокайся) изъ собственной Японіи и черезъ British-American Tobacco Co. изъ Шанхая. Кромѣ того, по догадкамъ, большое количество китайскаго табака ежегодно ввозится контрабандымъ путемъ черезъ сѣверную границу Кореи. Seoul Press, 11 Oct. 1911. 2.

[4]) Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, стр. 951.

[5]) Недостаетъ данныхъ для двухъ уѣздовъ.

Площадь посѣвовъ табака въ томъ же году исчислялась въ 21,481,4 цiō.

Болѣе ранній приблизительный подсчетъ, сдѣланный авторомъ Канкоку-сōран[1], указывалъ значительно болѣе высокія цифры количества сбора табака и нѣсколько болѣе высокія цифры площади его посѣвовъ (такъ какъ въ общемъ итогѣ для 6 провинцій дается почти та же цифра площади, какъ въ оффиціальныхъ данныхъ для всѣхъ 8 (13) провинцій) въ 6 изъ 8 корейскихъ провинцій (по старому дѣленію):

Названіе провинціи:	Количество сбора (въ камме):	Площадь посѣвовъ (въ цiō):
Кёнъгыйдо	400,000	2,000
Чхюнъчхёнъдо	445,100	2,225,5
Чёлладо	1,570,000	7,850
Хоанъхäдо	533,400	2,667
Пхёнъандо	501,500	2,507,5
Канъуёндо	550,000	2,750
Всего . .	4,000,000	20,000

По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, ежегодный сборъ табачнаго листа въ Кореѣ опредѣляется въ 4,300,000 камме, стоимостью въ 3 милліона енъ[2], т. е. въ цифрѣ весьма близкой къ цифрѣ автора Канкоку-сōран, если принять, что его подсчетъ не охватывалъ всей Кореи, и много превышавшей данныя вышеприведеннаго оффиціальнаго подсчета.

Большой спросъ на табакъ въ Кореѣ обусловливаетъ значительное оживленіе внутренней торговли этимъ продуктомъ, при чемъ относительно размѣровъ оборотовъ табачной торговли въ отдѣльныхъ распредѣлительныхъ центрахъ можно указать, что въ теченіе одного года черезъ рынокъ г. Пхёнъянъ про-

[1]) Стр. 563—4; на стр. 563 онъ подчеркивалъ невозможность, за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ, дать въ настоящемъ случаѣ точныя цифры.

[2]) Seoul Press, 11 Oct. 1911, 2. Правда, въ позднѣйшемъ номерѣ той же газеты къ этимъ цифрамъ, или, по крайней мѣрѣ, къ цифрѣ цѣнности ежегоднаго сбора табака въ Кореѣ внесена поправка въ томъ смыслѣ, что общее потребленіе табака въ Кореѣ въ 1910 г. было около 3,500,000 енъ по цѣнности; изъ этого количества одна треть была ввезена изъ собственной Японіи и различныхъ иностранныхъ государствъ, а остальное, т. е. на сумму около 2½ милл. енъ, произведено въ самой Кореѣ. Seoul Press, 2 Dec. 1911 г. Съ другой стороны Нихон но Цiōсен, текстъ, стр. 10, также опредѣляетъ цифру сбора табака въ Кореѣ въ 4,300,000 камме, а его цѣнность—въ 2,700,000 енъ.

ходитъ 393,600 камме табака, черезъ Сеульскій—1,500,000 камме, черезъ главные города прочихъ провинцій—отъ 10,000 до 30,000 камме[1].

Общее число зарегистрованныхъ плантаторовъ табака[2] въ Кореѣ, неизмѣнно прогрессирующее, было въ 1911 г. 386,418 человѣкъ (въ 1910 г. 336,104), которыми было уплачено въ этомъ году 233,487 енъ (въ 1910 г. 213,822,5 енъ) налога[3].

Во всякомъ случаѣ, по сравненію съ обширной площадью посѣвовъ табака въ Кореѣ, средній сборъ его въ этой странѣ не великъ, исчисляясь на 1 японскій тан всего въ 20 камме[4]. Причиною этого является то, что, когда примѣняется недостаточное, по свойствамъ почвы, количество удобренія, какъ это наблюдается въ Кореѣ, урожай табачнаго листа не бываетъ большимъ. Кромѣ того, сорта табака, разводимые въ Кореѣ, относятся къ числу среднихъ и потому даютъ сборъ на 1 тан едва въ 20—25 камме. Однако, при условіи улучшенія пріемовъ табачной культуры и примѣненія, напримѣръ, жмыховъ въ качествѣ удобренія, и въ Кореѣ, само собою

[1]) Канкоку-сôран, 569.

[2]) Seoul Press, 12 Jan. 1912, 3; иныя цифры налога въ Мäильсинбо, 11 янв. н. ст.

[3]) Налогъ на табакъ былъ установленъ въ силу закона, изданнаго 8 февр. н. ст. 1909 г., послѣ того какъ особымъ временнымъ комитетомъ—риндзи-дзайгенціôсакіоку 臨時財源調査局 «по изысканію новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ», были собраны необходимыя свѣдѣнія о состояніи табачной промышленности въ Кореѣ: относительно площади посѣвовъ табака, числа плантаторовъ, сбора табака, потребленія его и ввоза, наконецъ, относительно стоимости производства табака (Second annual report on reforms and progress in Korea, 1908-9, 99-100). Означенный налогъ взимается съ табачныхъ плантаторовъ въ размѣрѣ 50 сенъ въ годъ съ тѣхъ, кто сажаетъ не болѣе 900 корней его, независимо отъ того, для собственнаго ли потребленія или на продажу, и 2 енъ съ остальныхъ, и съ табачныхъ торговцевъ въ размѣрѣ 2 енъ съ розничныхъ и 10 енъ съ оптовыхъ. По даннымъ на 31 декабря н. ст. 1909 г., число плантаторовъ было—мелкихъ 253,565 и болѣе крупныхъ 21,813 человѣкъ, или всего 275,378 человѣкъ; съ нихъ ожидалось поступленія налога въ общей суммѣ 170,409 енъ; число торговцевъ къ тому же времени считалось въ 481 оптовыхъ и 15,078 розничныхъ, или всего 15,559 человѣкъ, которые должны были уплатить 34,966 енъ налога. Third annual report on reforms and progress in Korea, 1909—10, 56—7.

[4]) На стр. 578—9 въ Канкоку-сôран указывается величина урожая табака на 1 яп. тан въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи—отъ 14 камме 200 момме въ уѣздѣ Ёсан въ Чхюнъчхёнъдо до 22 камме 860 момме въ уѣздѣ Чхюнчхён въ Канъуёндо и 28 камме 571 момме въ уѣздѣ Кымсёнъ той же провинціи. Столь незначительная величина урожая приписывается тѣмъ же авторомъ отчасти свойствамъ почвы въ мѣстахъ культивированія табака, но главнымъ образомъ примѣненію недостаточнаго количества удобренія (о немъ см. тамъ же, стр. 576).

понятно, будутъ производиться достаточно хорошіе сорта табака съ тонкимъ листомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится самое количество сбора его. Необходимо еще отмѣтить, что табакъ разводится въ Кореѣ на песчанистыхъ почвахъ, которыя состоятъ большей частью изъ верхняго слоя рыхлой земли, толщиною въ 1 до 2—3 футовъ, и изъ нижняго песчанаго слоя; такая почва плохо задерживаетъ влагу и, если послѣ посѣва будетъ мало дождя, то можетъ случиться непредвидѣннымъ образомъ неурожай[1]. Въ результатѣ, въ зависимости отъ удачнаго или плохого урожая, въ Кореѣ имѣютъ мѣсто чрезвычайныя колебанія цѣнъ на табакъ, какъ усматривается изъ сравненія цѣнъ для различныхъ мѣстностей въ 1903 и 1904 гг., приводимыхъ авторомъ Канкоку-сбран[2].

Если табакъ разводится повсюду въ Кореѣ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, то число мѣстностей, гдѣ получается табакъ лучшаго качества, здѣсь не велико. Важнѣйшія изъ нихъ перечисляются уже Канкоку-дзицугіо-сисин[3]; это семь уѣздовъ въ Чхюнъчхёнъдо: Тчѣчхён, Мокчхён, Тчёнъсан, Чхёнъянъ, Тчхён'ан, Ён'янъ и Чён'ый и 11 уѣздовъ въ Чёлладо: Чёнчжю, Косан, Чинсан, Имсиль, Нам'уён, Курѣ, Чянъсю, Мучжю, Кымсан, Іонътхан, Чин'ан; два уѣзда въ Пхёнъандо: Сёнъчхён и Янъдёк и уѣздъ Коксан въ Хоанъхадо[4]. Въ сѣверной Кореѣ главныя мѣста производства табака располагаются по линіи, которую можно провести отъ Чхюнчхён и Ичхён въ Канъуёндо черезъ Коксан по направленію къ Янъ-

[1]) Канкоку-сбран, 564—5.

[2]) Стр. 565—567. Въ 1903 г. былъ плохой урожай, и цѣны на табакъ сильно поднялись; въ 1904 г. урожай былъ достаточно хорошъ и цѣны упали болѣе, чѣмъ на половину; но даже при этомъ условіи, онѣ отнюдь не являются низкими, если судить по качеству этого табака, которое соотвѣтствуетъ сортамъ ниже средняго японскаго (тамъ же, 567). Различіе между корейскимъ и японскимъ табакомъ заключается въ томъ, что послѣдній, хотя и хуже качествомъ, но лучше сушится; но тотъ и другой много уступаетъ качествомъ табаку, производимому въ Соединенныхъ Штатахъ. Monthly Consular and trade reports, издав. министерствомъ торговли и труда въ Вашингтонѣ, мартъ 1910, 58.

[3]) Стр. 217—231, съ указаніемъ для каждой изъ нихъ количествъ производства и сбыта, цѣнъ, пріемовъ культивированія растенія, способовъ обработки и упаковки листа, наконецъ, способовъ перевозки.

[4]) По словамъ «Описанія Кореи», II, 129, лучшіе сорта табака на сѣверѣ страны встрѣчаются въ уѣздахъ Кильчжю и Пхёнъянъ и въ округѣ Самхоа; однако, японскіе авторы нигдѣ не подтверждаютъ этого заявленія, кромѣ одного сообщенія Канкоку-дзицугіо-сисин, 215, что японскія табачныя фабрики въ Фузанѣ пользовались для своихъ папиросныхъ издѣлій табакомъ изъ Пхёнъянъ.

дöк и Сёнъчхён въ Пхёнъандо, при чемъ эта линія пройдетъ параллельно направленію Главнаго Корейскаго хребта. Подобное явленіе зависитъ не отъ условій климата, а, вѣроятно, отъ свойствъ почвы[1].

Среди всѣхъ перечисленныхъ мѣстъ, уѣздъ Сёнъчхён въ провинціи Южной Пхёнъандо является наиболѣе крупнымъ уѣзднымъ центромъ производства табака въ Кореѣ и въ годъ здѣсь получается сухого листа между 80 и 130 тысячъ фунтовъ (японскихъ). Уѣздъ Коксан въ провинціи Хоанъхäдо занимаетъ второе мѣсто съ производствомъ 50—60 тысячъ фунтовъ листа, затѣмъ идетъ уѣздъ Янъдöк въ той же Южной Пхёнъандо. Если, по сравненію съ листомъ, получаемымъ въ остальныхъ провинціяхъ Кореи, качество табака въ указанныхъ мѣстахъ и является хорошимъ[2], все же оно уступаетъ, какъ уже говорилось выше, японскому продукту[3]. Это обстоятельство, которое приписывается съ полнымъ основаніемъ недостаточному количеству удобренія, примѣняемаго въ Кореѣ при культивированіи самого растенія, и нераціональнымъ пріемамъ сушки листа, побудило корейское правительство, по японской иниціативѣ, предпринять въ недавніе годы рядъ мѣръ къ улучшенію и поощренію, въ мѣстностяхъ Кореи, наиболѣе благопріятствующихъ ей[4], табачной культуры. Послѣдняя, благодаря выгоднымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, позволяющимъ при надлежащемъ удобреніи разводить здѣсь хорошіе сорта табака, можетъ занять въ будущемъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ туземной сельскохозяйственной дѣятельности, такъ какъ въ настоящее время большой спросъ на табакъ и табачныя издѣлія долженъ покрываться значительнымъ ввозомъ заграничнаго табачнаго листа и издѣлій изъ него, какъ видно изъ слѣдующей таблицы[5]:

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 520.

[2]) Женщины въ Сёнъчхён далеко превосходятъ мужчинъ въ дѣлѣ культивированія и приготовленія табака, и Сёнъчхёнскій табакъ считается далеко лучшимъ въ Кореѣ. Korea Review, II, 53.

[3]) Seoul Press, 23 Nov. 1909.

[4]) Перечень мѣстъ, болѣе удобныхъ для культуры табака, дается въ Харбин. Вѣстн., № 1861, 29 мая 1910, стр. 3. Наиболѣе важными являются въ этомъ отношеніи уѣзды Сёнъчхён и Коксан.

[5]) Въ 1910 г. было привезено въ Корею напиросъ всего 514,940,000 штукъ, въ томъ числѣ изъ Японіи 179,808,000 и изъ Китая 298,560,000 штукъ и рѣ-

Ввезено въ Корею папиросъ:	1907 г. Количество (въ тысячахъ штукъ).	1907 г. На сумму (въ енахъ).	1908 г. Количество (въ тысячахъ)	1908 г. На сумму (въ енахъ).	1909 г. Количество (въ тысячахъ)	1909 г. На сумму (въ енахъ).
Изъ Японіи	430,351	706,055	399,857	615,290	430,228	637,194
« Китая	123,011	256,766	165,472	176,010	236,648	229,575
« Турціи	5,447	29,971	11,313	55.055	26,005	77,206
« Англіи	48,661	71,239	75,951	99.832	20,477	37,537
« Соединенн. Штатовъ	28,008	41,563	38,018	48,501	11,250	14,170
Всего (съ остальными странами привоза) . . .	635,774	1,056,907	735,037	1,053,050	734,222	1,011,403
	Кинъ.	Енъ.	Кинъ.	Енъ.	Кинъ.	Енъ.
Ввезено рѣзанаго табака изъ Японіи . . .	162,839	124,159	124,135	100,337	150,859	118,480
Всего (съ остальными странами привоза)[1] . .	193,935	130,442	132,149	104,099	154,723	120,874

Въ указанныхъ цѣляхъ улучшенія корейской табачной культуры были учреждены съ ноября 1905 г. въ шести пунктахъ Кореи табачныя опытныя станціи для изученія мѣстныхъ климатическихъ условій и туземныхъ пріемовъ культивированія этого растенія, равно какъ для опытнаго разведенія лучшихъ сортовъ его—туземныхъ[2], американскихъ и японскихъ, и распространенія ихъ среди населенія путемъ раздачи сѣмянъ; были также оборудованы по современному образцу камеры для просушки табачнаго листа на опытной станціи въ Сѣнъчхён, гдѣ культивированіе желтаго табака «ориноко» американскаго происхожденія дало превосходные результаты[3]. Въ 1908 г. были учреждены двѣ новыхъ аналогичныхъ станціи въ Тäджён и Тäгу и ими были предприняты въ широкихъ размѣрахъ опыты культивированія этого растенія[4]. Результатъ

занаго табака всего 215,473 англ. ф., въ томъ числѣ 210,185 ф. изъ Японіи. Уменьшеніе привоза папиросъ объясняется растущей фабрикаціей ихъ въ самой Кореѣ на фабрикахъ англо-американской табачной компаніи въ Чѣмульпхо и Восточно-азіатской табачной компаніи въ Сеулѣ.

[1]) Нѣсколько большее количество листового табака привозится, кромѣ Японіи, изъ Китая, Англіи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ.

[2]) Канкоку-сбран, стр. 570—1, перечисляетъ 15 существующихъ сортовъ корейскаго табака съ ихъ корейскими обозначеніями и съ указаніемъ формы (для всѣхъ этихъ сортовъ), величины и качества листьевъ (для нѣкоторыхъ изъ нихъ); на стр. 571 тамъ же отмѣчаются мѣстности въ отдѣльныхъ корейскихъ провинціяхъ, въ которыхъ наиболѣе распространены тѣ или другіе перечисленные сорта.

[3]) Annual report on reforms and progress in Korea for 1907, 45.

[4]) Second annual report on reforms and progress in Korea (1908—9), 99.

этихъ опытовъ въ Тäджён въ теченіе 1909 г. былъ очень удаченъ, при чемъ листъ, собранный здѣсь по американскому способу, оказался очень хорошимъ по аромату и позволялъ надѣяться, что въ концѣ концовъ корейскій табакъ станетъ равнымъ во всѣхъ отношеніяхъ американскому листу[1]. Однако, и табакъ американскихъ сортовъ можетъ хорошо произрастать въ Кореѣ, какъ показали опыты надъ нимъ въ 1911 г. въ Тäджён и Тäгу. Около 60 камме этого листа, собраннаго здѣсь, были просушены на фабрикѣ управленія табачной монополіи въ Японіи, при чемъ, по заключенію экспертовъ, готовый листъ не уступаетъ, если не былъ лучше, высшему сорту американскаго табачнаго листа, выращеннаго въ Японіи[2].

Главныя мѣста производства табака въ Кореѣ находятся въ долинахъ, окруженныхъ высокими горами, при чемъ онъ сажается здѣсь на суходольныхъ поляхъ по горнымъ склонамъ[3] или у подножья горъ или вдоль береговъ горныхъ ручьевъ. Вообще всѣ эти мѣста весьма неудобны съ точки зрѣнія условій сообщенія и транспорта. Поэтому, хотя культура табака, по сравненію съ другими сельскохозяйственными культурами въ Кореѣ, является болѣе прибыльной[4], все же, вслѣдствіе отсталаго состоянія путей сообщенія въ этой странѣ, корейскіе земледѣльцы вообще придаютъ бóльшую важность

[1]) Seoul Press, 12 March 1910.

[2]) Seoul Press, 21 Dec. 1911, 2. Впрочемъ, повидимому, не всѣ мѣстности Кореи являются одинаково благопріятными въ этомъ отношеніи, такъ какъ опыты разведенія въ 1911 г. американскихъ сортовъ табака въ Кымхä (Южная Кёнъсянъдо), Чäрёнъ (Хоанъхäдо), Янъчжю и Коанъчжю (Кёнъгыйдо), Кымхоа и Кымсёнъ (въ Канъуёндо) и въ Чхюнъчжю (въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо) показали, по мнѣнію эксперта г. Оката, что наиболѣе пригодными для этой цѣли являются уѣзды Кымхоа, Кымсёнъ и Чхюнъчжю, Seoul Press, 2 March 1912, 2.

[3]) Это совершенно вѣрно отмѣчается и «Описаніемъ Кореи», II, 129: «Табачныя поля въ Кореѣ располагаются на возвышенностяхъ или горныхъ скатахъ, при чемъ подъ нихъ предпочтительно отводится земля, подвергаемая впервые обработкѣ».

[4]) Канкоку-дзицугіô-сисин, стр. 223—226 (этотъ подсчетъ заимствованъ изъ Канкоку-нôгіôрон, 180—1), исчисляетъ чистый доходъ съ 1 турак поля табака въ уѣздахъ Тчёнъсан и Чхёнъянъ въ Чхюньчхёнъдо въ 13 корейскихъ янъ 2 чён при валовомъ доходѣ въ 48 янъ съ 50 сок 束 табака (въ одномъ сок, или связкѣ считается отъ 240 до 320 листьевъ. Канкоку-дзицугіô-сисин, 221) и расходы въ 34 янъ 8 чён и въ уѣздѣ Ён'янъ въ 20 янъ при валовомъ доходѣ въ 60 янъ (съ 60 сок табака) и расходѣ въ 40 янъ. Въ провинціи Чёлладо чистый доходъ съ 1 турак табачнаго поля достигаетъ 16 янъ 9 чён при валовомъ доходѣ въ 55 янъ и расходѣ въ 38 янъ 1 чён. Тамъ же, стр. 228—9. Курсъ 1 янъ указывается въ Канкоку-нôгіôрон, 178, въ 15 японскихъ сен приблизительно; въ 1 янъ содержится 20 чён.

разведенію проса (итальянскаго), большихъ и мелкихъ бобовъ, могущихъ служить въ пищу, а посѣвамъ табака удѣляютъ не болѣе 1/3 площади другихъ перечисленныхъ посѣвовъ[1]. Даже въ главныхъ мѣстахъ производства табака, хотя вообще каждый земледѣлецъ разводитъ здѣсь это растеніе, но рѣдко на участкѣ величиною свыше 1 цйо, большей же частью этотъ участокъ бываетъ отъ 5 тан до 4 сё. Когда табакъ разводится только для собственной надобности, то занимаетъ отъ 20 до 60 цубо земли[2].

Корейскіе поселяне знаютъ, что если сажать табакъ подрядъ нѣсколько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, то онъ перестаетъ родиться. Поэтому они либо сажаютъ его три года подрядъ, а затѣмъ въ теченіе 2 лѣтъ употребляютъ другіе посѣвы, именно, злаки изъ категоріи «муги», или оставляютъ землю подъ паромъ; либо сажаютъ табакъ черезъ годъ поперемѣнно съ ячменемъ и другими посѣвами; примѣняются и другіе способы плодосмѣна или совмѣстнаго посѣва[3].

Въ трехъ провинціяхъ центральной Кореи—Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо (взятой въ цѣломъ ея двухъ частей) слѣдующіе уѣзды либо выдѣляются по количеству воздѣлываемаго табака, либо пріобрѣли извѣстность его качествомъ: въ провинціи Кёнъгыйдо уѣзды Коачхён 果川, Саннёнъ, Чянъдан, Кäсёнъ, Іонъин 龍仁, Коанъчжю и Янъгон; въ провинціи сѣверной Чхюнъчхёнъдо: уѣзды Поын 報恩, Хойин 懷仁, Чинчхён 鎭川 и Койсан 槐山; въ провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо: уѣзды Чён'ый 全義, Чхёнъянъ 靑陽, Тчхён'ан 天安 и въ провинціи Канъуёндо: уѣзды Кымхоа и Хойянъ[4]. Однако, и во всѣхъ другихъ

---

[1]) Канкоку-сôран, 567—8.

[2]) Канкоку-сôран, 569.

[3]) Цйôсен-сангйôси, I, 482 (говорится о центральной Кореѣ). Канкоку-сôран, 572—574, отмѣчаетъ порядокъ чередованія посѣвовъ табака съ другими сельскохозяйственными культурами въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи въ четырехлѣтнемъ и болѣе продолжительномъ оборотѣ посѣвовъ.

Общая характеристика пріемовъ культивированія табака и сбора листа, съ указаніемъ особенностей для отдѣльныхъ мѣстностей, см. Канкоку-сôран, 574—578. Тамъ же на стр. 579—580 дается общая характеристика пріемовъ сушки и приготовленія табачнаго листа, отдѣльно для провинцій Пхёнъандо, Хоанъхäдо Кёнъгыйдо и Канъуёндо и для Чёлладо и Чхюнъчхёнъдо; въ послѣднихъ двухъ провинціяхъ этотъ процессъ является болѣе упрощеннымъ.

[4]) Авторъ Канкоку-сôран, 563, указываетъ, на основаніи отчета, изданнаго земледѣльческой опытной станціей японскаго министерства земледѣлія и торговли, откуда онъ почерпаетъ вообще свѣдѣнія относительно табачной промышленности въ Кореѣ, въ качествѣ извѣстныхъ мѣстъ производства табака въ Канъуёндо уѣзды Кымсёнъ, Чхюнъчхён, Хончхён и Нанъчхён, не упоминая объ указанныхъ выше двухъ другихъ уѣздахъ этой провинціи; по словамъ «Seoul Press», 17 Aug.

уѣздахъ найдется не мало мѣстъ, гдѣ разводится довольно большое количество табака[1].

Въ названномъ районѣ различаются по формѣ листьевъ четыре сорта табака[2], изъ коихъ одинъ съ веретенообразнымъ листомъ безъ стебля наиболѣе распространенъ и разводится въ наибольшемъ количествѣ, считаясь лучшимъ по качеству. Другой сортъ съ короткимъ овальнымъ листомъ и со стеблемъ, хотя и разводится широко, но лишь для личнаго потребленія сельскаго населенія, которое вообще пользуется имъ въ качествѣ временнаго запаса, когда не окажется другого табака, такъ какъ этотъ сортъ собирается рано, еще зеленымъ, и, послѣ просушки на солнцѣ, можетъ тотчасъ употребляться. Поэтому онъ разводится около дома на 2—3 цубо земли. Населеніе называетъ его танътамбä 唐煙草 или уёнтамбä 猿煙草 «обезьяній табакъ» (изъ-за формы листьевъ). Хотя слѣдуетъ думать, что этотъ табакъ былъ недавно введенъ изъ Китая, но нельзя указать точно, когда именно[3].

Пріемы культивированія табака въ указанномъ районѣ значительно разнятся по тщательности, въ зависимости отъ того, предназначается ли онъ на продажу или для собственнаго употребленія; равнымъ образомъ, эти пріемы измѣняются въ зависимости отъ климата и прочихъ условій. На сѣверъ отъ Сеула табакъ прямо высѣвается въ назначенномъ для него мѣстѣ, а на югъ отъ указаннаго города выращивается сперва въ питомникѣ. Подобное различіе, вѣроятно, происходитъ отъ того, собираются ли въ той или другой мѣстности одна или двѣ жатвы въ году, въ зависимости отъ климатическихъ условій или избытка земли[4].

Въ провинціи Хамгёнъдо табакъ сажается въ небольшомъ количествѣ рѣшительно каждымъ земледѣльцемъ. Способъ культивированія растенія и приготовленія листа тотъ же, что въ Хоанъхäдо и Пхёнъандо. Въ провинціи Хамгёнъдо не имѣется извѣстныхъ мѣстъ производства табака[5].

Въ провинціи Пхёнъандо славится Сёнъчхёнскій табакъ, культивируемый въ сосѣднемъ съ Янъдёк районѣ (въ уѣздахъ Сёнъчхён и Янъдёк). Воздѣлываніе табака практикуется здѣсь въ маломъ масштабѣ

1911, 2, еще уѣздъ Ёнъуёль въ Канъуёндо славится производствомъ табака. Въ Южной Чхюнъчхёнъдо авторъ Канкоку-сôран называетъ въ данномъ случаѣ уѣзды Ён'янъ, Ѣсан, Мокчхён, Тчёнъсан, Тчѣчхён 陜川.

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 480.

[2]) Всѣ они перечисляются въ Ціôсен-сангіôси, I, 481.

[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 481.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 481—2.

[5]) Ціôсен-сангіôси, I, 516. Однако, Описаніе Кореи, II, 129, указываетъ, со словъ Лубенцова, Хамкенская и Пхіенанская провинціи Сѣв. Кореи, 224, (это утвержденіе повторяется бар. Корфомъ и Звегинцовымъ, Военный обзоръ сѣв. Кореи, 91), что лучшіе сорта табака на сѣверѣ корейскаго полуострова встрѣчаются, наряду съ уѣздомъ Пхёнъянъ и округомъ Самхоа, въ уѣздѣ Кильчжю (см. выше).

и не бываетъ, чтобы отдѣльный хозяинъ имѣлъ подъ табакомъ нѣсколько тан земли. Здѣсь встрѣчается только одинъ сортъ табака[1]. Посѣвъ его производится въ апрѣлѣ, сборъ—въ августѣ[2].

Если судить о количествѣ сбора по тому, какъ растетъ табакъ, то хорошимъ сборомъ можно считать около 20 камме на 1 тан, при чемъ стоимость одного лошадинаго груза табачнаго листа (20 камме слишкомъ) бываетъ высшая 40 енъ, средняя 35 енъ и низшая 25 енъ[3].

Въ Хоанъхѣдо рѣшительно каждый земледѣлецъ разводитъ нѣкоторое количество табака, но болѣе крупными центрами производства его слѣдуетъ считать нѣсколько гористыхъ уѣздовъ, въ особенности извѣстнымъ въ этомъ отношеніи въ этой провинціи является, какъ выше сказано, уѣздъ Коксан[4]. Однако, участки, засѣваемые поселянами табакомъ, являются здѣсь весьма ничтожныхъ размѣровъ. Самые обширные изъ нихъ не превышаютъ нѣсколькихъ сотъ цубо или площади земли, какая можетъ быть распахана въ теченіе 1 дня[5].

Коксанскій табачный листъ не толстъ и зажигается не плохо, но даетъ черный пепелъ и лишенъ аромата; кромѣ того, форма его листьевъ не одинаковая[6]. Существуютъ здѣсь два сорта табака—обыкновенный (имѣющій нѣсколько разновидностей) и намнёк—«южная трава». У послѣдняго листъ толстый и внутренняя сторона его покрыта волосками; качествомъ этотъ сортъ хуже, но разводится по той причинѣ, что рано созрѣваетъ. Листъ его по сборѣ немедленно рѣжется ножемъ и сушится на солнцѣ, послѣ чего и употребляется. Культивируется его, однако, немного[7].

Количество сбора табака въ этой провинціи измѣняется по отдѣльнымъ мѣстностямъ и въ точности неизвѣстно, но въ табачномъ центрѣ Коксан хорошимъ сборомъ считаютъ 60 камме съ 1 ильгёнъ; къ этому количеству еще надо прибавить вторичный сборъ листа съ того же поля, составляющій по количеству $^1/_4$ перваго или основного сбора. Если судить по тому, какъ растетъ здѣсь табакъ, то средній урожай,

---

[1]) Пріемы культивированія его см. Ціôсен-сангіôси, I, 517—8.

[2]) Тамъ же, 518. Далѣе описывается способъ просушки собраннаго листа, очень продолжительный и достаточно сложный: сперва листъ, связанный пучками по 4—5 штукъ, просушивается на веревкѣ въ тѣни въ теченіе 5 дней и затѣмъ на солнцѣ въ теченіе 15 дней, послѣ чего на одни сутки кладется въ домѣ подъ прессъ, состоящій изъ доски съ положенными на нее камнями, и затѣмъ снова раскладывается для просушки на воздухѣ на одинъ день и снова прессуется въ домѣ вышеуказаннымъ способомъ. Этотъ пріемъ повторяется около 3 разъ и тогда только обработка листьевъ заканчивается. Ціôсен-сангіôси, I, 518.

[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 518.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 520.

[5]) Ціôсен-сангіôси, I, 521.

[6]) Тамъ же, 521.

[7]) Ціôсен-сангіôси, I, 520. Далѣе на стр. 521—52 описываются пріемы культивированія табака въ указанной провинціи. На стр. 522—3 описывается способъ обработки листа, въ частности детально описывается процессъ броженія, которому онъ подвергается при этомъ.

включая первый и второй сборы, можно опредѣлять въ 20 камме съ 1 тан и выше[1].

Въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо табакъ культивируется почти вездѣ, при этомъ въ наибольшемъ количествѣ въ окрестномъ районѣ города Чёнчжю въ сѣверной Чёлладо[2] и въ окрестномъ районѣ г. Кёнъчжю въ Сѣверной Кёнъсянъдо[3]. Сборъ листа съ 1 тан достигаетъ здѣсь около 20—30 камме[4].

Изъ другихъ *наркотическихъ* средствъ слѣдуетъ упомянуть объ опіумѣ и морфіи, исключительно привозныхъ, такъ какъ, напримѣръ, культура мака въ цѣляхъ изготовленія опіума въ Кореѣ, повидимому, не встрѣчается, развѣ только въ глухихъ мѣстностяхъ по сѣверной окраинѣ полуострова, куда она могла быть занесена за послѣдніе годы изъ сосѣдней Маньчжуріи, отчасти и изъ русскаго Уссурійскаго края, подъ вліяніемъ репрессивныхъ мѣръ противъ этой культуры въ самой Маньчжуріи, для сбыта ея продукта (опіума) китайцамъ[5]. Еще въ 1896 г. Лубенцовъ утверждалъ, на основаніи наблюденій его путешествія по сѣверной Кореи въ концѣ 1895 г., что куреніе опіума вовсе неизвѣстно корейцамъ. До нѣкоторой степени это утвержденіе являлось справедливымъ, такъ какъ куреніе опіума стало распространяться среди корейцевъ только незадолго передъ тѣмъ, при томъ же лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны, какъ результатъ китайской временной военной оккупаціи части сѣверной и центральной Кореи въ 1894 г. Раньше спасительную роль въ качествѣ предупредительной мѣры противъ распространенія въ странѣ куренія опіума

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 523.

[2]) Въ провинціи Сѣверной Чёлладо Канкоку-сôран, 563, отмѣчаетъ слѣдующіе уѣзды, извѣстные культивированіемъ табака, не считая уѣздъ Чёнчжю: Косан, Инсиль 任實, Нам'уён, Чянъсю, Кымсан, Іонътхан 龍潭, Чин'ан и Чинсан 珍山.

[3]) Цiôсен-сангiôси, I, 534; далѣе описываются пріемы табачной культуры въ указанныхъ провинціяхъ, сперва на стр. 534—5 въ общихъ чертахъ для всего района и затѣмъ на стр. 535—36 для отдѣльныхъ мѣстностей его.

[4]) Тамъ же, 534, гдѣ описывается также мѣстный пріемъ обработки листа, весьма упрощенный.

[5]) Макъ, по корейски ăнъсоккот 鴛粟花, яп. ôдзоку (кеси) 罌粟, Papaver rhoeas, L., въ качествѣ цвѣтущаго растенія, впрочемъ, упоминается среди цвѣтовъ, какъ культивируемыхъ, такъ и дикорастущихъ, въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Канъуôндо и Чхюнъчхёнъдо (Цiôсен-сангiôси, I, 556—7), но въ спискѣ цвѣтовъ въ провинціи Хоанъхăдо (тамъ же, 571; согласно оговоркамъ, сдѣланнымъ тамъ же на стр. 562 и 564, это является справедливымъ и по отношенію къ провинціямъ Пхёнъандо и Хамгёнъдо) и въ южныхъ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо онъ не упоминается (тамъ же, 579).

сыграло строгое запрещеніе ввоза и продажи опіума въ Корею, включенное, по настоянію японскаго правительства, въ текстъ перваго торговаго соглашенія между Японіей и Кореей 1876 г., а впослѣдствіи по тому же примѣру и въ договоры между Кореей и европейскими державами, равно какъ и Китаемъ[1].

Только въ 1894 г., въ первый періодъ японо-китайской войны и нѣсколько раньше, еще до открытія военныхъ дѣйствій между Японіей и Китаемъ, пока китайскія войска зани-

[1]) Означенное запрещеніе въ видѣ короткой фразы: «продажа опіума строго воспрещается» составляетъ 10-ую статью торговыхъ правилъ между Японіей и Кореей, подписанныхъ 24 августа 1876 г. (опіумъ именуется здѣсь 鴉片煙). Напротивъ, статья 7-ая договора между Кореей и Соединенными Штатами, подписаннаго 22 мая 1882, запрещаетъ въ болѣе пространной формѣ ввозъ опіума въ любой изъ открытыхъ портовъ Кореи и торговлю имъ въ этой странѣ для всѣхъ подданныхъ Соединенныхъ Штатовъ и обратно аналогичное абсолютное запрещеніе устанавливается для корейскихъ подданныхъ по отношенію къ портамъ Соединенныхъ Штатовъ (опіумъ называется въ данномъ случаѣ янъяо по китайски 洋藥, т. е. иностранное лѣкарство). Такое же постановленіе содержится въ VII-ой же статьи договора между Кореей и Англіей, подписаннаго 6 іюня 1882 г. Нѣсколько позже, запрещеніе для подданныхъ обѣихъ сторонъ ввозить или продавать иностранный или туземный опіумъ (янъяо 洋藥 и туяо 土藥 по кит.) какъ въ портахъ, такъ и на границѣ, было включено въ VI-ую статью правилъ о пограничной торговлѣ между Кореей и Китаемъ отъ сентября 1882.

Торговыя правила между Кореей и Японіей, подписанныя 25 іюля 1883 г., въ статьѣ XXXVI подтверждали строгое запрещеніе ввоза опіума (кор. апхён, яп. ахен 鴉片) и устанавливали конфискацію и штрафъ за контрабандный привозъ его. Ввозъ опіума допускался подъ гарантіей японскаго консула для надобностей корейскаго правительства или для лекарственнаго примѣненія среди японцевъ, проживающихъ въ Корею. Ввозъ опіума для медицинскихъ цѣлей допускался и согласно таможенному тарифу, приложенному къ Сеульскому договору между Кореей и Англіей. подписанному 26 ноября 1883 г., такъ какъ опіумъ включенъ здѣсь въ число предметовъ, запрещенныхъ къ ввозу въ Корею, кромѣ какъ для медицинскихъ цѣлей; равнымъ образомъ эта оговорка имѣется въ тарифѣ, приложенномъ къ договору между Кореей и Германіей, подписанному 26 ноября 1883 г. (то же можно отмѣтить по отношенію къ договору между Кореей и Италіей, подписанному 26 іюня 1884 г., къ договору между Кореей и Россіей, подписанному 25 іюня ст. ст. 1884 г., равно какъ къ договору между Кореей и Франціей, подписанному 4 іюня 1886 г.). Согласно правиламъ о сухопутной торговлѣ между Россіей и Кореей 1888 г., пункту 2-му V-ой статьи, опіумъ отнесенъ къ числу предметовъ, запрещенныхъ къ ввозу, и, въ случаѣ нарушенія этого постановленія, подлежащихъ конфискаціи.

Въ новѣйшее время, въ текстъ договора между Кореей и Китаемъ, подписаннаго 30 августа/11 сентября 1899 г. былъ включенъ особый пунктъ (пунктъ 2 статьи IX), что въ Китай ввозъ опіума разрѣшается при условіи уплаты за него пошлины, въ Корею же ввозъ такового запрещенъ и если бъ китайскій подданный ввозилъ иностранный или китайскій опіумъ, то послѣдній подлежитъ конфискаціи, а ввозитель онаго подвергается штрафу въ размѣрѣ двойной стоимости опіума (цит. по переводу, помѣщенному въ «Описаніи Кореи», III, стр. 91 и въ «Сборникѣ договоровъ и дипломатич. документовъ по дѣламъ Дальняго Востока», изд. министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. СПБ. 1906, стр. 376).

мали въ Кореѣ г.г. Асан и Пхёнъянъ, корейцы въ сѣверныхъ областяхъ впервые научились отъ нихъ куренію опіума. Кромѣ того, эту же привычку пріобрѣли и нѣкоторые изъ корейцевъ, кому приходилось имѣть дѣло съ китайцами-курильщиками опіума въ корейскихъ договорныхъ гаваняхъ[1]. Необходимый для нихъ опіумъ получался контрабаннымъ путемъ или черезъ ввозъ его подъ видомъ лѣкарства.

Въ концѣ 90 гг. по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ врачей, состоявшихъ при миссіонерскихъ организаціяхъ въ Кореѣ и лѣчившихъ противъ привычки къ опіуму съ помощью вспрыскиваній морфія, сами туземные врачи стали примѣнять тотъ же способъ лѣченія, но столь неумѣреннымъ образомъ, что породили среди корейцевъ другую не менѣе вредную привычку—морфинизмъ, и нынѣ среди туземцевъ встрѣчается довольно значительное число лицъ, страдающихъ этимъ порокомъ, чему способствуетъ и то, что японскіе разносчики занимаются нерѣдко тайной продажею населенію морфія[2].

Въ цѣляхъ искорененія обѣихъ зловредныхъ привычекъ, санитарный отдѣлъ корейскаго министерства внутреннихъ дѣлъ предписалъ въ іюнѣ 1908 г. начальникамъ полицейскихъ участковъ и ихъ отдѣленій выполненіе мѣръ, необходимыхъ для прекращенія опіумокуренія и ненадлежащаго примѣненія вспрыскиваній морфія, и обязалъ ихъ доставлять періодически свѣдѣнія по этому предмету. Одновременно управленіе генеральнаго резидента предписало мѣстнымъ японскимъ резидентамъ обуздать японцевъ, торгующихъ морфіемъ или аналогичными препаратами. Путемъ этихъ мѣръ въ 1908 г. были достигнуты слѣдующіе результаты въ сокращеніи размѣровъ злоупотребленія означенными наркотическими средствами[3]:

Число курильщиковъ опіума:

Постепенно прекращавшихъ куреніе	Совершенно прекратившихъ его
90.	762.

Число морфинистовъ:

Постепенно прекращавшихъ вспрыскиванія морфія	Совершенно отказавшихся отъ этой привычки
1,366.	2,285.

[1]) Second annual report on reforms and progress in Korea, 162.
[2]) Тамъ же, 163.
[3]) Тамъ же, 163.

Въ теченіе 1909 г. означенныя мѣры продолжали примѣняться столь же успѣшнымъ образомъ, какъ и въ предыдущемъ году[1]. Надо полагать, что и въ дальнѣйшемъ борьба противъ тѣхъ же нежелательныхъ явленій велась съ той же энергіей, и тѣмъ не менѣе въ серединѣ 1911 г. японскій полуофиціальный органъ въ Сеулѣ принужденъ былъ заявить, что многіе корейцы, въ особенности въ сѣверо-западной Кореѣ и вдоль китайской границы, привержены привычкѣ куренія опіума, и что нынѣ правительствомъ вырабатывается законъ съ цѣлью искорененія этого порока[2]. Что куреніе опіума пріобрѣло значительное распространеніе въ странѣ, можно судить по тому, что общее число корейцевъ и китайцевъ—курильщиковъ опіума въ разныхъ провинціяхъ Кореи достигаетъ нынѣ, по свѣдѣніямъ союза торговцевъ аптекарскими товарами, 35,730 человѣкъ, изъ нихъ около 8,000 человѣкъ находятся въ Сеулѣ, 20,000 въ Сѣверной и Южной Пхёнъандо, 600 въ Южной Кёнъсянъдо, 500 въ Южной Хамгёнъдо и 6,000 въ Сѣверной, 350 въ Кенъгыйдо, 130 въ Южной Чхюнъчхёнъдо и 150 въ Сѣверной Чёлладо[3].

Въ Пхёнъянъ и сосѣднихъ уѣздахъ среди корейцевъ очень многочисленны морфинисты и число ихъ быстро растетъ, при чемъ въ городѣ Пхёнъянъ ежемѣсячно продается морфія на сумму 3,000 енъ[4]. При этихъ условіяхъ вполнѣ своевременнымъ явилось установленіе болѣе строгаго полицейскаго контроля надъ продажею его въ февралѣ н. ст. 1912 г., при чемъ первое же примѣненіе этихъ мѣръ повлекло за собою запрещеніе японскому аптекарю Ясуи въ г. Сёнъчхён торговать впредь морфіемъ[5].

Какъ говоритъ авторъ Канкоку-нōгіōрон[6], чайный кустъ, чха(та) 茶 по корейски, ця-но-ки по яп. 茶木, лучше 茶樹, или просто ця 茶(茗), Thea sinensis L. (Camellia Thea), въ Кореѣ почти не встрѣчается; впрочемъ, говорятъ, что онъ произрастаетъ здѣсь въ дикомъ состояніи[7]. Сами корейцы большей частью

---

[1]) Third annual report on reforms and progress in Korea, 134.

[2]) Seoul Press, 2 June 1911, 2.

[3]) «Мäильсинбо», 16 января н. ст., и Seoul Press, 18 January, 1912, 3 (съ неточностями).

[4]) Seoul Press, 6 Febr. 1912, 3.

[5]) Seoul Press, 14 Febr. 1912, 2.

[6]) Стр. 215.

[7]) По справкѣ, сообщенной автору настоящаго «Очерка» Г. В. Подставинымъ,

не любятъ пить чай, но, возможно, лишь потому, что они не знакомы съ его вкусомъ[1]. Нынѣ, корейцы пьютъ вмѣсто чаю или просто теплую воду, или настой листьевъ боярышника, съ приправою имбиря[2] или съ плодами дерева Torreya nucifera (яп. кая 榧), привозимыми изъ Японіи[3]. Лубенцовъ[4] утверждаетъ, что въ Кореѣ, даже въ сѣверныхъ ея областяхъ, вполнѣ возможна культура чайнаго куста и что этого рода промышленности въ странѣ предстоитъ блестящая будущность. Однако, на опытной станціи въ Сюуён чайной культурѣ придается мало значенія, вслѣдствіе отсутствія спроса на ея продуктъ со стороны корейскаго населенія. Авторъ Канкоку-нōгіōрон[5] также полагаетъ, что, вмѣсто того, чтобы разводить чай въ Кореѣ, скорѣе слѣдовало бы усилить сбытъ здѣсь японскаго чая. Нынѣ привозъ чая въ Корею—японскаго и китайскаго, не достигаетъ большой цифры; въ 1909 г. чая было ввезено въ Корею всего 224,880 кин, на сумму 77,528 енъ (въ 1907 г. цифры были 187,700 кин и 52,396 енъ и въ 1908 г. 198,152 кин и 64,119 енъ); слѣдовательно, привозъ чая постепенно возрастаетъ; значительно большая часть привоза приходится на долю японскаго чая (въ 1909 г. 211,668 кин на сумму 73,383 енъ, тогда какъ китайскаго чая было ввезено въ этомъ году всего 10,778 кин на сумму 3,010 енъ). Весь этотъ чай почти цѣликомъ идетъ на нужды иностраннаго—европейскаго и китайскаго и японскаго населенія въ Кореѣ, и привозъ его, вмѣстѣ съ ростомъ японскаго населенія, увеличивается самъ.

чай, вывезенный изъ Китая въ XIX стол. нѣкіимъ Тчёнъ Яг'іонъ 丁若鏞, который вслѣдствіе этого обстоятельства принялъ прозвище: Тасан 茶山 «чайная гора», разводится въ провинціи Чёлладо у горы Чирисан, при чемъ въ народѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ: чянсёль 鵲舌, буквально: «сорочій языкъ».

[1]) Описаніе Кореи, II, 139, также отмѣчаетъ, что чай въ Кореѣ извѣстенъ очень мало, по мнѣнію же многихъ путешественниковъ, даже вовсе неизвѣстенъ.

[2]) Въ эти свѣдѣнія Г. В. Подставинъ вноситъ поправку въ томъ смыслѣ, что кустарникъ, похожій на боярышникъ, съ бѣлыми и желтыми цвѣтами (онъ встрѣчается и въ Уссурійскомъ краѣ), доставляющій продуктъ, завариваемый корейцами, какъ чай, и обладающій самъ по себѣ запахомъ имбиря, называется корейцами сăнъганънаму, т. е. «имбирное дерево» 生薑樹—сăнъганъ буквально значитъ: «зеленый (сырой) имбирь». Gale, Korean-english dictionary, 538.

[3]) Gottsche, Ueber Land und Leute in Korea: Verhandl. Ges. f. Erdkunde zu Berlin, XIII (1886), 254 (цит. въ Описаніи Кореи, II, 139).

[4]) Хамкенская и Пхіенанская пров. сѣв. Кореи, 225.

[5]) Стр. 215.

XI.

Къ числу *волокнистыхъ* растеній, культивируемыхъ корейцами, относятся конопля, абутилонъ, «рами» и хлопчатникъ; встрѣчается еще вьющееся растеніе чхильк 葛 Pueraria Thunbergiana, чьи волокна имѣютъ спеціальное примѣненіе въ рыбномъ промыслѣ, но употребляются также для другихъ цѣлей, хотя и не столь широко, какъ въ Китаѣ.

Конопля, сам по корейски, аса по японски 麻 или 大麻, Cannabis sativa L., большей частью разводится въ Кореѣ въ селеніяхъ гористой части страны, при чемъ площадь ея посѣвовъ у отдѣльныхъ земледѣльцевъ очень рѣдко превышаетъ 1 тан, чаще же всего бываетъ только отъ 1 до 2 се[1]. Мѣста, занятыя подъ культуру конопли, представляютъ собою въ Кореѣ, какъ и для табака, очень ограниченные участки пахотной земли, окруженные высокими и крутыми горами. Столь малые размѣры посѣвной площади для этого растенія, вѣроятно, обусловлены тѣмъ, что въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не развиты пути сообщенія, населеніе по необходимости должно придавать больше значенія воздѣлыванію итальянскаго проса, сорго, большихъ и малыхъ бобовъ, какъ могущихъ служить въ пищу. Поэтому-то оно разводитъ коноплю обычно попеременно съ овощами, при чемъ большая часть ея служитъ для домашнихъ надобностей и только излишекъ продается[2].

Важнѣйшія мѣста разведенія конопли въ Кореѣ указывались авторомъ Канкоку-сōран только на сѣверѣ[3] страны, именно, въ провинціи Хамгёнъдо—уѣзды Ханъёнъ 行營, Кёнъсёнъ, Мёнъчхён, Кильчжю, Мунчхён (съ добавленіемъ, что эта провинція въ наибольшомъ количествѣ производитъ коноплю, хотя цифра его еще и не выяснена) и въ провинціи Канъуёндо —уѣзды Чхюнчхён и Пхёнъганъ. Пенька изъ обоихъ послѣдненазванныхъ уѣздовъ ежегодно доставляется, какъ говоритъ тотъ же авторъ, въ Сеулъ въ количествѣ около 54,000—76,000 кин на сумму 12,000—16,000 корейскихъ долларовъ. Впрочемъ, Сеулъ является не единственнымъ потребителемъ этой

---

[1]) Канкоку-сōран, 581.
[2]) Канкоку-сōран, 581—2.
[3]) Въ этомъ смыслѣ говоритъ и «Описаніе Кореи», II, 130.

пеньки, такъ какъ часть всего количества снова вывозится отсюда въ городъ Кăсёнъ въ той же провинціи Кёнъгыйдо. Кромѣ того, говоритъ далѣе авторъ Канкоку-сбран, пенька изъ провинціи Канъуёндо въ большомъ количествѣ вывозится въ Хамгёнъдо, гдѣ изъ лучшаго волокна выдѣлываются ткани, вывозимыя затѣмъ въ другія части Кореи[1]. Потребленіе этихъ тканей лѣтомъ повсюду въ Кореѣ очень значительно, почему, по мнѣнію названнаго японскаго автора, общее количество сбора конопли въ Кореѣ не можетъ быть небольшимъ, хотя она и разводится только въ двухъ провинціяхъ—Канъуёндо и Хамгёнъдо. Однако, понынѣ, какъ заявляетъ выше названный авторъ въ 1906 г., въ Кореѣ остается достаточный просторъ для будущаго развитія этой культуры, такъ какъ въ провинціяхъ Кёнъгыдо, Хоанъхăдо, обѣихъ Пхёнъандо и даже самой Канъуёндо, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ конопля еще не разводится, существуетъ много земли, пригодной для этой цѣли[2].

Если такимъ образомъ, по даннымъ автора Канкоку-сбран, разведеніе конопли въ Кореѣ ограничивалось только провинціями Хамгёнъдо и Канъуёндо, то, по сообщеніямъ другихъ японскихъ авторовъ, напримѣръ, автора Цібсен-сангібси, область распространенія этой культуры охватываетъ всю Корею, и это сообщеніе является, несомнѣнно, болѣе правильнымъ.

По свѣдѣніямъ этого автора (Цібсен-сангібси), состояніе культуры конопли въ различныхъ мѣстностяхъ Кореи рисуется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо конопля культивируется рѣшительно повсюду, однако, наиболѣе выдаются въ этомъ отношеніи уѣзды Хойянъ, Ичхён 伊川 и Янъянъ 襄陽 въ провинціи Канъуёндо и уѣзды Танъчжин 唐津, Порёнъ 保寧 и Нампхо 藍浦 въ Южной Чхюнъчхёнъдо. Въ особенности конопля изъ уѣзда Янъянъ считается первой по качеству во всей Кореи. Пріемы культивированія этого растенія болѣе или менѣе разнятся въ отношеніи тщательности по отдѣльнымъ мѣстностямъ; наблюдаются нѣкоторыя различія и въ способѣ очистки волокна[3]. Очищенное волокно (пень-

[1]) Ср. ниже съ тѣмъ, что говорится у другихъ японскихъ авторовъ относительно разведенія въ Хамгёнъдо растенія «рами» и о торговлѣ здѣсь издѣліями изъ него. Возможно, что въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто смѣшеніе двухъ различныхъ растеній, такъ что въ дѣйствительности было бъ справедливѣе относить частью или цѣликомъ эти свѣдѣнія именно къ конопле.

[2]) Канкоку-сбран, 582—3.

[3]) Для примѣра Цібсен-сангібси, I, 471, вкратцѣ описываетъ эти пріемы, какъ они практикуются въ уѣздѣ Янъянъ. Посѣвъ конопли здѣсь производится въ

ку) главнымъ образомъ употребляютъ для изготовленія пеньковыхъ тканей (мапхо 麻布 по корейски). Въ большей части страны эти ткани служатъ женщинамъ и дѣвушкамъ для собственнаго употребленія, но также ихъ продаютъ на сторону; изъ того же матеріала еще выдѣлываютъ веревки, сандаліи и т. д.

При условіи примѣненія удобреній конопля допускаетъ послѣдовательный посѣвъ[1].

Въ провинціи Хамгёнъдо конопля культивируется сходнымъ съ провинціей Пхёнъандо образомъ[2]; для отдѣленія волоконъ отъ древесины примѣняется способъ, аналогичный вышеописанному для центральной Кореи[3]. Количество сбора волокна въ точности неизвѣстно, но если судить по росту растенія, то съ 1 тан должно получаться около 10 камме неочищеннаго волокна. Изготовленіемъ изъ него тканей занимаются здѣсь исключительно женщины[4].

Въ провинціи Пхёнъандо извѣстными центрами производства конопли считаются горные уѣзды, расположенные вдоль теченія р. Амноккань въ Сѣверной Пхёнъандо[5]. Въ провинціи Хоанъхäдо мѣстъ, извѣстныхъ производствомъ конопли, нѣтъ. Она разводится здѣсь въ ничтожномъ количествѣ, будучи сажаема только на нѣсколькихъ цубо сбоку дома. Она служитъ лишь для собственныхъ надобностей населенія. То же можно сказать здѣсь и про абутилонъ (см. ниже)[6].

Въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо конопля повсюду разводится понемногу; при этомъ больше ея разводится по сосѣдству съ Андонъ

апрѣлѣ, уборка—въ августѣ. Отъ собранныхъ стеблей конопли прежде всего удаляютъ корни и листья и затѣмъ вяжутъ ихъ въ пучки такой величины, насколько можно обхватить обѣими руками. Эти пучки подвергаются, для отдѣленія лубяныхъ волоконъ, распариванію на раскаленныхъ камняхъ, какъ это подробно описывается въ цитируемомъ сочиненіи, и полученныя волокна сушатся. Затѣмъ, въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, ихъ размачиваютъ въ водѣ, смѣшавъ съ золою, и кипятятъ въ котлѣ со щелокомъ; по окончаніи этого процесса дочиста вымываютъ готовое волокно въ рѣкѣ. Цiôсен-сангiôси, I, 471—2.

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 472.

[2]) Цiôсен-сангiôси, I, 514—5, отмѣчаетъ вкратцѣ эти пріемы.

[3]) Цiôсен-сангiôси, I, 515, подробно излагаетъ всѣ послѣдовательныя стадіи его: распариванія, самого отдѣленія волоконъ, щелоченія и сушки послѣднихъ. Пріемы культивированія конопли въ уѣздѣ Анбён въ провинціи Хамгёнъдо и очистки ея волоконъ описываются также въ Канкоку-сôран, 583—586. Тамъ же на стр. 586 указывается для этой мѣстности въ Хамгёнъдо, а также для Канъуёндо, что 1 тан конопляного поля даетъ 137 кин невыдѣленнаго волокна, стоимостью въ 8 енъ 57 сен при расходѣ въ 2 енъ 58 сенъ, т. е. получается чистая прибыль въ 5 енъ 99 сенъ (въ Хамгёнъдо); а въ Канъуёндо чистая прибыль съ 1 тан выражается въ 5,54 енъ, при сборѣ въ 91 кин стоимостью въ 11 енъ 91 сен и при расходѣ въ 6 енъ 37 сен.

[4]) Тамъ же.

[5]) Цiôсен-сангiôси, I, 519, описываетъ вкратцѣ пріемы разведенія конопли и отдѣленія волоконъ въ районѣ уѣзда Сакчю, аналогичные описаннымъ раньше. Лучшій сборъ волокна достигаетъ 10 камме съ 1 тан.

[6]) Цiôсен-сангiôси, I, 526.

въ Сѣверной Кёнъсянъдо[1]. На посѣвъ идетъ отъ 3 сіо̄ до 1 то сѣмянъ на 1 тан; очищеннаго волокна[2] получается съ 1 тан 5—6 камме. Высшимъ сборомъ считается такое количество волокна, изъ котораго дѣлаются 10 кусковъ (по 40 корейскихъ футовъ) пеньковыхъ тканей, стоимостью около 600 мон (чоховъ) каждый. Очищенная и расчесанная пенька сучится и свертывается въ мотки, въ какомъ видѣ служитъ непосредственно для изготовленія тканей, при чемъ хранится до наступленія свободнаго отъ земледѣльческихъ работъ времени, когда большею частью и ткутся сами ткани[3].

Качество корейской пеньки очень низкое, такъ какъ способъ очистки волоконъ конопли въ этой странѣ является настолько примитивнымъ, что корейскій земледѣлецъ получаетъ лишь самый грубый продуктъ[4]. Между тѣмъ конопля въ Кореѣ растетъ прекрасно, достигая въ вышину 6 сяку 6 сун, что достаточно показываетъ съ перваго же взгляда, сколь эта страна пригодна для ея произрастанія. Словомъ, при условіи улучшенія способовъ культивированія самого растенія и очистки его волоконъ, въ будущемъ возможно получить здѣсь продуктъ хорошаго качества[5].

Сборъ конопли въ Кореѣ по отдѣльнымъ провинціямъ ея исчислялся въ 1909 г. въ слѣдующихъ цифрахъ (въ камме)[6]:

Кёнъгыйдо	11,522	Хоанъхѣдо	15,339
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо	16,169	Южная Пхёнъандо	27,138
Южн. Чхюнъчхёнъдо	30,233	Сѣверная Пхёнъандо	171,566
Сѣверная Кёнъсянъдо	81,274	Южная Хамгёнъдо	111,121
Южная Кёнъсянъдо	220,504	Сѣверная Хамгёнъдо	146,490
Сѣверная Чёлладо	113,567	Канъуёндо	106,578
Южная Чёлладо	70,379	Итого .	1,121,880

[1]) Ціо̂сен-сангіо̂си, I, 530. Далѣе описываются мѣстные пріемы культивированія этого растенія.

[2]) Мѣстный способъ очистки волокна (о немъ Ціо̂сен-сангіо̂си, I, 531) нѣсколько отличается отъ ранѣе описаннаго; въ частности процессъ щелоченія производится здѣсь такимъ образомъ, что намоченныя волокна опускаются въ печную золу и оставляются лежать въ ней 6—7 дней.

[3]) Ціо̂сен-сангіо̂си, I, 531.

[4]) Канкоку-со̂ран, 583.

[5]) Канкоку-со̂ран, 583.

[6]) Нихон-тейкоку-то̂кей-ненкан, № 30, 951. Въ этихъ данныхъ недостаетъ свѣдѣній относительно сбора конопли въ 2 уѣздахъ Сѣверной Хамгёнъдо.

Въ этой таблицѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ высокая цифра производства конопли въ провинціи Сѣверной Кёнъсянъдо, въ каковомъ отношеніи эта провинція превосходитъ любую изъ остальныхъ провинцій, даже на сѣверѣ.

Площадь посѣвовъ конопли въ томъ же году измѣрялась въ 16,154,4 цiō, но въ слѣдующемъ, 1910 г. сократилась до 14,491,1 цiō, тогда какъ сборъ повысился до 1,191,691 камме[1].

Помимо конопли, въ Кореѣ встрѣчается еще другое растеніе, дающее волокнистый матеріалъ—абутилонъ, чхёнъма въ корейскомъ чтеніи іероглифическаго названія 青麻, по японски аосо[2], кит. цинъма, Abutilon avicennae[3]; однако, это растеніе разводится въ Кореѣ въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ конопля и другія прядильныя растенія, и обладаетъ здѣсь несравненно меньшей промышленной цѣнностью. Хотя оно можетъ встрѣчаться всюду въ Кореѣ, но Цiōсен-сангiōси упоминаетъ о немъ только для центральнаго района Кореи и провинцій Хамгёнъдо и Хоанъхäдо (см. выше). Въ первомъ случаѣ, т. е. въ центральныхъ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо, культивированіе абутилона является весьма рѣдкимъ: едва только можно встрѣтить его въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ уѣздѣ Исан 伊山[4] и на островѣ Кiодонъдо. При томъ же это растеніе не выращивается на болѣе обширныхъ участкахъ земли, но сажается понемногу на лишнемъ мѣстечкѣ огорода[5]. Въ провинціи Хамгёнъдо абутилонъ культивируется въ небольшомъ количествѣ сбоку жилища земледѣльцевъ; изъ

Это обстоятельство не вполнѣ согласуется съ вышеприведенными свѣдѣніями относительно положенія культуры конопли въ различныхъ районахъ Кореи и, можетъ доказывать преувеличенность этой цифры или преуменьшеніе цифръ сбора конопли въ другихъ провинціяхъ, составляющихъ главныя области этой культуры.

[1]) Тамъ же, 952, и Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-iōран, вып. 1, 118-119.

[2]) По справкѣ, сообщенной Е. Г. Спальвинымъ, въ Японіи это названіе обозначаетъ конопляную солому, идущую на приготовленіе веревокъ; см., однако, слѣдующее примѣчаніе.

[3]) Это научное названіе дается Dr. A. Henry, Chinese names of plants, цитируемымъ д-ромъ Бретшнейдеромъ въ Botanicon Sinicum, II часть, стр. 207 (Journal of the China Branch of the Royal Asiat. Soc., XXI, 1890—91). Д-ръ Henry указываетъ еще иное написаніе китайскаго названія этого растенія: 苘麻, которое Matsumura, Shokubutsu-Meii, 2, читаетъ по японски «ициби», съ тѣмъ же научнымъ названіемъ: Abutilon avicennae Gaertn. или Abutilon Theophrasti Medic. Такимъ образомъ «ициби», независимо отъ іероглифовъ, которыми пишется это названіе (такъ, Канадзава приводитъ еще написаніе 黃麻), является болѣе подходящимъ японскимъ именемъ для абутилона, чѣмъ выше приведенное «аосо», или буквальная японская передача іероглифическаго названія.

Абутилонъ даетъ въ центральномъ Китаѣ—въ долинѣ р. Янъцзыцзянъ, красивое на видъ шелковистое волокно, не уступающее «рами» по техническимъ достоинствамъ. Клингенъ, Среди патріарховъ земледѣлія, Ш, 69 и 76.

[4]) Названія такого уѣзда нѣтъ въ Кореѣ; имѣется лишь Ичхён въ Канъуёндо.

[5]) Цiōсен-сангiōси, I, 473.

его волоконъ изготовляются веревки для домашняго употребленія[1].

Китайская крапива, Boemeria nivea Hooker & Arn., иначе Urtica nivea L., прозванная французами не вполнѣ правильно рами[2], по корейски обозначаемая чё 苧 (моси[3]), яп. карамуси 苧 или 苧麻[4] или въ современномъ употребленіи—рами, по словамъ двухъ цитируемыхъ ниже европейскихъ авторовъ, сѣется въ Кореѣ южнѣе конопли, будучи заимствована изъ Японіи (почему эти авторы и называютъ ее японской крапивою). Изъ ея бѣленыхъ волоконъ корейцами дѣлается рѣдкая и неровная ткань для лѣтнихъ одеждъ. Это растеніе сажается между тутовыми деревьями и кустарниками[5].

[1]) Цібсен-сангібси, I, 516.

[2]) Это названіе болѣе соотвѣтствуетъ другому, яванскому виду этой крапивы. Клингенъ, Среди патріарховъ земледѣлія, III, 82. Въ торговлѣ волокна вышеозначенной крапивы извѣстны подъ англійскимъ названіемъ «china-grass» или еще «rhea-fibre», а ткани изъ нихъ—подъ англійскимъ же названіемъ «grass-cloth». Однако, эти торговыя названія распространяются безразлично на волокна (и ткани изъ нихъ) отъ нѣсколькихъ другихъ однородныхъ растеній (см. China Imperial Maritime Customs. III. Miscellaneous series: № 28. Catalogue of the Collection of Chinese Exhibits at the Louisiana Purchase Exposition, St. Louis, 1904, стр. 91—92, 149, 261—2, 274, 353, гдѣ указываются различные сорта «grass-cloth» и растенія, служащія для нихъ); въ особенности для этой цѣли служитъ, помимо указанной крапивы, еще Pueraria Thunbergiana, о которомъ говорится ниже. Ткани изъ волоконъ этого растенія спеціально называются китайцами гэбу 葛布 (яп. кудзунуно)—грубая желтая ткань, какъ опредѣляетъ ее Giles, Chinese-English dictionary, 623, хотя тамъ же указывается и болѣе тонкая ткань изъ того же матеріала; за желтый цвѣтъ эти ткани можно называть желтымъ полотномъ, въ отличіе отъ названія «бѣлаго полотна», прилагаемаго къ тканямъ изъ бѣленыхъ волоконъ китайской крапивы. Общимъ китайскимъ именемъ для всѣхъ видовъ тканей изъ «china-grass» является сябу 夏布, т. е. лѣтнія ткани, въ силу ихъ назначенія служитъ для изготовленія лѣтнихъ одеждъ. Оффиціальные таможенные отчеты относительно внѣшней торговли Кореи (Korea. Tables of the foreign trade and shipping) употребляютъ нынѣ (1909 г.) терминъ 葛布 (яп. кудзунуно) для обозначенія всѣхъ тканей изъ «china-grass», ввозимыхъ въ Корею, выдѣляя въ особую статью прочія издѣлія изъ пеньки и рами (? упомянутой китайской крапивы).

[3]) По англійски, grass-cloth («травяная ткань») или бѣлое полотно (white linen); см. Gale, Korean-english dictionary (подъ словомъ «моси»).

[4]) Другимъ ея названіемъ въ Японіи является: мао 眞麻.

[5]) Bishop, Korea and her neighbours, I, 106; Жданъ-Пушкинъ, Корея, 158 (цит. въ Описаніи Кореи, II, 130). Канкокуси (японскій переводъ русскаго «Описанія Кореи»), стр. 14, передаетъ выраженіе «японская крапива» черезъ «нихон-тамма 日本薜麻», при чемъ, согласно словарю Канва-дайдзирин, 1317, іероглифическому обозначенію «тамма» 薜麻 соотвѣтствуютъ японскія чтенія: мамусигуса, итаитагуса 痛痛束 и рагуса 束草; согласно Matsumura, Shokubutsu-Meii, 303, всѣ эти названія обозначаютъ одну и ту же крапиву Urtica Thunbergiana S. et. Z.; Rein, Japan nach Reisen und Studien, II, 97, указываетъ, что на волокна этой японской крапивы распространяется также названіе «china-

По словамъ автора Канкоку-нōгіōрон[1], китайская крапива, подобно хлопку, широко культивируется въ Кореѣ, однако, въ наибольшемъ количествѣ въ провинціи Чёлладо, и ткани изъ нея являются важнымъ продуктомъ этой провинціи. Напротивъ, авторъ Канкоку-дзицугіō-сисин[2], подтверждая, что разсматриваемое растеніе разводится всюду въ Кореѣ, отмѣчаетъ въ то же время, что наиболѣе извѣстнымъ въ Кореѣ мѣстомъ производства ея (въ частности тканей изъ этого матеріала) является Хамгёнъдо, въ особенности сѣверная часть этой провинціи. Въ старину подати уплачивались здѣсь этимъ продуктомъ и ежегодно производимое количество его достигаетъ суммы въ 300,000 енъ слишкомъ, такъ что корейскія лѣтнія и траурныя одѣянія могутъ быть названы большей частью произведеніемъ Хамгёнъдо, являясь важной статьей каботажной торговли (по восточному побережью). Отъ большаго или меньшаго вывоза этихъ издѣлій въ значительной мѣрѣ зависитъ большій или меньшій размѣръ торговыхъ оборотовъ портовъ Гензана и Сёнъчжин[3].

Помимо провинціи Хамгёнъдо (съ отмѣченной ниже оговоркою насчетъ возможнаго смѣшенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ двухъ различныхъ растеній), много «рами» производится и въ Чёлладо и Чхюнъчхёнъдо[4]. Цѣнность вывоза ея въ другіе корейскіе порты изъ Кунсана дости-

---

grass». Повидимому, въ данномъ случаѣ переводчикъ «Описанія Кореи» пытался буквально передать оригинальный текстъ, взамѣнъ употребленія болѣе подходящаго здѣсь японскаго обозначенія: карамуси, т. е. китайская крапива—Boemeria nivea.

[1]) Стр. 214—215.

[2]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 205—206, и Канкоку-іōран, 67.

[3]) Остается открытымъ вопросъ, идетъ-ли въ данномъ случаѣ рѣчь только о «китайской крапивѣ» или «рами», или здѣсь подразумѣвается также другое волокнистое растеніе, въ частности конопля, обиліе коей въ Сѣверной Хамгёнъдо было отмѣчено выше. Къ послѣднему предположенію позволяетъ склониться сообщеніе Канкоку-синцири, 148, что конопля и «рами» производятся повсюду въ Кореѣ, въ особенности въ сѣверной части Хамгёнъдо, которая въ старину уплачивала подати этимъ продуктомъ—при чемъ пенька, идущая на лѣтнія и траурныя одежды корейцевъ, большей частью, называется произведеніемъ Хамгёнъдо. Что вообще китайская крапива («рами») культивируется, по исключенію, въ Сѣверной Хамгёнъдо въ значительномъ количествѣ, усматривается изъ таблицы на стр. 118—119 Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-іōран, № 1, гдѣ показанъ въ 1910 г. сборъ ея здѣсь въ цифрѣ 5,535 камме съ площади въ 68,2 цiō (въ провинціи Сѣверной Чёлладо, гдѣ ея больше всего, цифры были 308,2 цiō и 22,248 камме).

[4]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 206. Канкоку-іōран, 67, упоминаетъ еще провинцію Пхёнъандо въ качествѣ мѣстности, производящей «рами». Дѣйствительно, можно было бъ предположить, что это растеніе имѣется въ виду въ слѣдующей замѣткѣ: «Разведеніе льна—(настоящій ленъ [о немъ ниже] врядъ ли встрѣчается въ Кореѣ, развѣ только на русской границѣ (въ Уссурійскомъ краю онъ культивируется въ значительныхъ размѣрахъ); но бѣленыя волокна «рами» имѣютъ сходство со льномъ. Прим. автора.)—въ провинціи Южной Пхёнъандо находится въ очень цвѣтущемъ состояніи. Около 2,799 тан (218 кв. саж. въ 1 тан) земли служатъ для этой культуры каждый годъ, при чемъ сборъ волокна достигаетъ 24,711 камме цѣнностью въ 27,047 енъ». Seoul Press, 4 Oct. 1911, 3. На дѣлѣ оказывается, что здѣсь идетъ рѣчь о коноплѣ, какъ видно изъ оригинальнаго текста этой замѣтки въ Маильсинбо, 3 окт. н. ст. 1911.

гаетъ 250,000 енъ. Въ частности бассейнъ рѣки Кымганъ является центромъ производства рами на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ ри, при чемъ главнымъ средоточіемъ является на дѣлѣ мѣстечко Магонни 麻谷里. Кромѣ того много ея растетъ въ обѣихъ указанныхъ провинціяхъ и въ дикомъ состояніи[1].

Въ районѣ провинціи Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо разведеніе рами ограничивается одной Южной Чхюнъчхёнъдо[2]. Наиболѣе процвѣтаетъ эта культура въ уѣздахъ Нимчхёнъ 林川, Хонъсан 鴻山, Пуё 扶餘 и Сёксёнъ, а въ сосѣднихъ съ ними уѣздахъ она также непремѣнно встрѣчается въ большемъ или меньшемъ количествѣ[3]. Семь уѣздовъ—Хансан, Сёчхён 舒川, Хонъсан, Пиин, Нимсан, Тчёнъсан и Нампхо являются центромъ производства тканей[4] изъ волоконъ этого растенія. Однако, съ большимъ распространеніемъ культуры рами не совпадаетъ здѣсь непремѣнно и большее развитіе ткацкой промышленности. Такъ, напримѣръ, въ уѣздѣ Хансан, несмотря на широкое развитіе производства самихъ тканей, культивированіе рами вовсе не встрѣчается и большая часть матеріала для нихъ здѣсь получается изъ уѣздовъ Импхи и Мангёнъ въ Сѣверной Чёлладо[5].

Благодаря тому, что ткани изъ означенной крапивы («рами)» или, употребляя болѣе широкій терминъ, «china-grass» во-

---

[1]) Канкоку-синцири, 148, и Канкоку-дзицугіô-сисин, 205—206. Далѣе указываются вкратцѣ пріемы разведеніе рами и очистки ея волокна.

[2]) Однако, присутствіе культуры «рами» въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо удостовѣряется сообщеніемъ Мäильсинбо отъ 23 авг. н. ст. 1911 г., что изъ числа коноплевыхъ растеній здѣсь наиболѣе важными являются собственная конопля и «рами», при чемъ около 386 цiô (3859 тан) или 348 десятинъ земли занято подъ культуру перваго растенія и 96,4 цiô подъ культуру второго, доставляя ежегодно всего 32,105 камме волокна, на сумму 66,050 енъ. Въ 1911 г. въ Южной Чхюнъчхёнъдо культивированіе льна (т. е. «рами»), благодаря поощренію мѣстныхъ властей, было весьма успѣшно; около 10,000 кусковъ полотна—мапхо 麻布, какъ говоритъ Мäильсинбо, 7 марта н. ст.—прислано нынѣ оттуда въ Сеулъ. Seoul Press, 8 March 1912, 3. Аналогичныя свѣдѣнія даются Мäильсинбо отъ 14 янв. н. ст. 1912, стр. 2, для провинціи Сѣверной Чёлладо, гдѣ въ 1911 г. подъ посѣвами конопли (大麻) находилось 310 цiô и сборъ съ нихъ былъ 70,400 камме на сумму 54,200 енъ и подъ посѣвами «рами» 苧麻 находилось 240 цiô, давшихъ 15,600 камме сбора на сумму 58,800 енъ.

[3]) Цiôсен-сангiôси, I, 472.

[4]) Настоящая провинція издавна славилась производствомъ тканей изъ «рами», какъ подтверждаетъ Канкоку-дзицугiô-сисин, 207.

Изготовленіе тканей изъ рами составляетъ побочное занятіе корейскаго земледѣльческаго населенія; много ихъ производится въ уѣздѣ Хансан въ Южной Чхюнъчхёнъдо и въ Сѣверной Чёлладо. Ткацкіе станки здѣсь не отличаются отъ т. н. японскихъ «дзибата» 地機. Цiôсен-сангiôси, I, 533. Грубыя крученыя нити изъ волоконъ рами идутъ на мѣшки и другія примѣненія, а сорта ихъ выше средняго употребляются на изготовленіе траурныхъ и лѣтнихъ одеждъ. Канкокуiôран, 68. Само пряденіе производится такимъ образомъ, что руками разрываютъ волокна и, при помощи пальцевъ, скручиваютъ изъ нихъ тонкія нити. Тамъ же, 67.

[5]) Цiôсен-сангiôси, I, 472.

обще употребляются въ Кореѣ для лѣтнихъ или траурныхъ одеждъ, спросъ на нихъ очень великъ въ самой странѣ. Между тѣмъ корейскіе пріемы какъ культивированія самаго растенія, такъ и бѣленія его волоконъ весьма примитивны[1]. Въ первомъ отношеніи можно отмѣтить, что при культивированіи рами даже въ провинціи Чёлладо, гдѣ это растеніе играетъ важную роль, не примѣняется почти никакого удобренія[2]. Все же, подобно тому какъ это наблюдается въ Китаѣ, и въ Кореѣ сборъ растенія[3] производится болѣе двухъ разъ въ годъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: черезъ 70 дней, считая со времени появленія ростковъ, косятъ первый сборъ; затѣмъ черезъ сорокъ дней—второй, еще черезъ пятьдесятъ дней—третій; такимъ образомъ первый сборъ бываетъ въ концѣ мая или началѣ іюня, второй сборъ—въ іюлѣ, третій—въ концѣ августа; послѣ послѣдняго сбора растеніе еще вырастаетъ на 1 футъ и отъ заморозковъ погибаетъ, поэтому, еще до наступленія ихъ, его прикрываютъ соломою, служившей подстилкою скоту, а весною въ качествѣ удобренія прибавляютъ нѣкоторое количество земли[4].

Для отдѣленія волокнистаго луба, стебли «рами» распариваютъ, какъ стебли конопли, или его руками сдираютъ съ растенія въ свѣжемъ видѣ и затѣмъ такимъ же образомъ отдѣляютъ наружную оболочку, послѣ чего сами волокна сушатъ. Ткани вываривaютъ въ щелочной водѣ, приготовленной изъ золы отъ оболочки растенія, послѣ чего онѣ становятся бѣлыми[5].

Въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо, чтобы побѣлить сырыя волокна, ихъ мочатъ въ водѣ и раскладываютъ на крышѣ на солнце или зимою подвергаютъ дѣйствію инея и солнца и ждутъ, пока они сами не побѣлѣютъ[6].

Въ зависимости отъ того, являются ли условія въ данной мѣст-

---

[1]) Канкоку-нôгіôрон, 215.

[2]) Ціосен-сангіôси, I, 533.

[3]) Рами (китайская крапива) является многолѣтнимъ растеніемъ и сажается очень густо, срѣзаясь на второй или третій годъ послѣ посадки корней.

[4]) Ціôсен-сангіôси, I, 473 (для центральнаго района Кореи, въ дѣйствительности для провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо).

[5]) Ціôсен-сангіôси, I, 473 (для провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо).

[6]) Ціôсен-сангіôси, I, 533, и Канкоку-іôран, 67, также Канкоку-дзицугіô-сисин, 206.

ности Кореи пригодными для разведенія рами или нѣтъ[1], возможно опредѣлять заранѣе большую или меньшую цифру сбора растенія. При этомъ, если примѣнять удобреніе, удалять сорную траву и вообще улучшить пріемы культивированія этого растенія, то сборъ его долженъ увеличиться въ нѣсколько разъ, сравнительно съ настоящимъ; опять таки если примѣнить къ прядению и тканью изъ этого матеріала усовершенствованныя машины, то полученныя этимъ путемъ ткани не только будутъ служить для удовлетворенія спроса на нихъ въ самой Кореѣ, но и должны бы сдѣлаться въ будущемъ одной изъ важныхъ вывозныхъ статей этой страны[2]. Послѣднее обстоятельство представляетъ большой интересъ для Японіи, такъ какъ ежегодно въ Японію ввозится изъ Китая волокна «рами» на сумму почти 1 милліона енъ[3], почему это растеніе должно явиться въ будущемъ въ Кореѣ, послѣ хлопка, многообѣщающимъ произведеніемъ, такъ какъ въ этой странѣ имѣется просторъ для значительнаго расширенія его культуры[4]. Нынѣ количество тканей изъ «льна» (здѣсь надо также разумѣть: china-grass), производимыхъ въ Кореѣ, недостаточно для удовлетворенія спроса на всемъ полуостровѣ, и въ 1910 г. изъ Китая было ввезено большое количество ихъ, цѣнностью около 800,000 енъ. Въ 1911 г. ввозъ «льна» изъ Китая отличается особымъ оживленіемъ, такъ что за первую половину года его уже было ввезено на сумму въ 800,000 енъ[5]. При этихъ обстоятельствахъ вполнѣ естественно, что Сюуёнская образцовая ферма энергично занялась опытами культивированія рами («китай-

---

[1]) Это растеніе достигаетъ въ Кореѣ вышины въ 4 или 5 футовъ и при благопріятныхъ условіяхъ даетъ 3,000 фунтовъ на 1 акръ (0,4 цід). Seoul Press, 13 June 1909, 3.

[2]) Канкоку-дзицугіѳ-сисин, 206—7.

[3]) Въ 1908 г. на сумму даже 2,506,559 енъ, въ 1909 г.—2,478,652 енъ и въ 1910 г.—3,060,711 енъ.

[4]) Канкоку-нѳгіѳрон, 214—5.

[5]) Seoul Press, 5 Oct. 1911, 2. Ввозъ этихъ тканей (china-grass cloths въ оффиціальныхъ таможенныхъ отчетахъ 葛布, кудзунуно по японски) въ Корею достигалъ въ предшествовавшіе три года слѣдующихъ суммъ: въ 1907 г. (вмѣстѣ съ другими пеньковыми и иными, кромѣ хлопчатобумажныхъ, тканями, но тѣхъ ввозится на несравненно меньшую сумму) 911,261 енъ, въ 1908 г.—1,597,997 енъ (вмѣстѣ съ прочими пеньковыми тканями и издѣліями изъ рами) и въ 1909 г.—1,417,258 енъ (для china-grass cloths) и 16,644 енъ для тканей изъ пеньки и рами.

ской травы»)[1], и при ея посредствѣ 292,130 молодыхъ растеній «рами» были посажены въ южныхъ провинціяхъ и вдоль линіи Сеулъ-Фузанской и Сеулъ-Ыйчжю'ской ж. д.[2].

Настоящаго л ь н а, ама по японски 亞麻, Linum usitatissimum L., въ Кореѣ, по всѣмъ даннымъ, не встрѣчается[3]. Между тѣмъ страна весьма пригодна для произрастанія этого растенія, которое даетъ, при культивированіи его въ сосѣднемъ Уссурійскомъ краѣ, вполнѣ благопріятные результаты, какъ и въ Японіи на островѣ Хоккайдо[4]. Опыты съ культивированіемъ льна дѣлались на Сюуёнской образцовой фермѣ и вполнѣ успѣшно, какъ показываетъ фотографія плантаціи этого растенія, много выше человѣческаго роста, въ Second annual report on reforms and progress in Korea for 1908—9[5].

Упоминавшееся уже прядильное растеніе, называемое по корейски ч х ӣ(л)к, по японски кацура 葛, Pueraria Thunbergiana (кит. гэ)[6], хотя и встрѣчается въ центральной Кореѣ въ горныхъ мѣстностяхъ, но въ очень небольшомъ количествѣ. Стебли его употребляютъ для связыванія сноповъ; изъ корней

---

[1]) См. фотографію плантаціи этого растенія къ стр. 128 Second annual report on reforms and progress in Korea.

[2]) Цит. отчетъ, стр. 128-129.

[3]) Нѣкоторое количество льняныхъ нитокъ и тканей ввозится ежегодно въ Корею: первыхъ было ввезено въ 1908 г. на сумму 15,800 енъ и въ 1909 г.—на сумму 15,419 енъ; вторыхъ въ 1907 г.—на сумму 84,528 енъ, въ 1908 г.—на сумму 40,945 енъ и въ 1909 г.—на сумму 1,804 енъ.

[4]) Въ Китаѣ ленъ Linum sativum L., по сообщенію д-ра Бретшнейдера, разводится нынѣ въ горахъ сѣверной части страны (вѣроятно и въ другихъ частяхъ) и въ Южной Монголіи, но только ради масла изъ его сѣмянъ, а не ради волокна. Китайцы зовутъ эти сѣмена хумацзы—«сѣмена иностранной конопли» (именемъ хума называется и кунжутъ). Бэньцаоганъму, изданн. въ XVI стол., не упоминаетъ о немъ, почему распространеніе этого растенія въ Китаѣ должно относиться къ болѣе недавнему времени. Bretschneider, Botanicon Sinicum, III, 204, прим. 17. Масло изъ льняного сѣмени ввозится изъ Китая въ Корею въ небольшомъ, впрочемъ, количествѣ, значительно уступающемъ ввозу того же масла изъ Японіи: въ 1909 г. этого масла было ввезено изъ Китая 388 кин на сумму 41 енъ и изъ Японіи 28,984 кин на сумму 4,905 енъ.

[5]) Къ 128 стр.

[6]) Это дикорастущее ползучее растеніе изъ семейства бобовыхъ, родъ Dolichos, встрѣчается въ очень большомъ количествѣ въ Китаѣ въ провинціи Цзянъси, и во множествѣ въ средней и сѣверной Японіи; сѣмена этого растенія И. Клингеномъ были привезены въ Чакву на Кавказѣ, гдѣ оно стало роскошно разростаться на свободѣ. Всѣ части этого растенія полезны: волокно годится на ткани, самый стебель на обвязку виноградниковъ, листья—хорошій кормъ, въ особенности стручья и корневища, содержащія много питательныхъ веществъ. И. Клингенъ, Среди патріарховъ земледѣлія, 1899 г., Ш, 76.

выдѣлываютъ крахмалъ[1]. Тѣ же примѣненія растенія практикуются и въ Хоанъхädо[2]. Г. Гэль[3] отмѣчаетъ широкое примѣненіе стеблей этого растенія на тросы рыбачьихъ сѣтей и для другихъ цѣлей.

Хлопокъ, по корейски мокхоа 木花, яп. момен 木綿[4], культивируется въ широкихъ размѣрахъ по всей Кореѣ, за исключеніемъ обѣихъ провинцій Хамгёнъдо и приморской полосы провинціи Канъуёндо[5]. По всѣмъ даннымъ, корейцы заимствовали хлопчатникъ изъ Китая, какъ и самые пріемы культивированія его; однако, время введенія въ страну этого растенія опредѣляется неодинаково различными авторами: одними, писавшими въ 80 и 90 гг. XIX стол., за 60—70 лѣтъ передъ тѣмъ, т. е. въ 20—30 гг. XIX стол.[6]; другими—въ концѣ XVI столѣтія черезъ японцевъ, хотя скорѣе слѣдуетъ предполагать, что сами японцы получили хлопокъ черезъ Корею[7]; наконецъ, въ европейской литературѣ высказано было мнѣніе, что названное растеніе воздѣлывалось въ Кореѣ уже 500 лѣтъ назадъ[8]; это мнѣніе получаетъ подтвержденіе въ японскихъ данныхъ[9]

---

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 558; этотъ продуктъ въ видѣ муки корейцы называютъ кальбун 葛粉, кит. гэфынь, препаратъ на подобіе аррорута (Henry, Chin. names of plants, 176).

[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 571.

[3]) Korean-English dictionary, 815, на стр. 194; тамъ же дается названіе матерій, выдѣланныхъ изъ волоконъ того же растенія—кальпхо 葛布, отсюда можно заключить, что это примѣненіе растенія извѣстно и въ самой Кореѣ.

[4]) Бретшнейдеръ даетъ китайскому травянистому хлопчатнику (мяньхуа 綿(棉)花 или цаомяньхуа 草綿花) научное имя Gossypium herbaceum L. и древовидному хлопчатнику (мумянь 木綿) имя Bombax malabricum, D. C. Въ виду того, что корейскій видъ хлопчатника относится также къ травянистой разновидности, какъ это отмѣчается ниже японскими авторами, то научнымъ названіемъ его должно являться Gossypium herbaceum, какъ это и указывается въ словарѣ Gale, Korean-English dictionary, 333.

[5]) См. также Нихон но Ціôсен, текстъ, стр. 10, гдѣ отмѣчается, что за тѣми же исключеніями, хлопокъ въ Кореѣ разводится почти всюду. Однако, Канкоку-іôран, 65 (Ціôсен-іôран, 71), утверждаетъ, безъ всякаго къ тому основанія, будто хлопокъ разводится повсемѣстно въ Кореѣ.

[6]) Когда будто бы одному корейцу удалось хитростью доставить на родину изъ Китая сѣмена этого растенія, вопреки всѣмъ предосторожностямъ китайцевъ, не желавшихъ выдавать секрета разведенія его. Описаніе Кореи, II, 130 (со словъ Жданъ-Пушкина, «Корея», и Reclus, Nouvelle Géographie universelle, VII, 674).

[7]) См. ниже, гдѣ говорится о сортахъ японскаго хлопка.

[8]) Hesse-Wartegg, Korea. Eine Sommerreise nach dem Lande der Morgenruhe. 1894, 210 (см. англ. Diplom. and Consular Reports, № 317, Miscell. Series, 1894: Report on the cultivation of cotton in Korea).

[9]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 182, относитъ введеніе хлопка въ Кореѣ ко вре-

и, возможно, является единственно правильнымъ, такъ какъ трудно предположить, чтобы хлопковая культура успѣла пріобрѣсти въ странѣ существующіе, весьма значительные размѣры въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ десятилѣтій, который указывается ей первымъ изъ вышеприведенныхъ мнѣній, или согласиться съ заимствованіемъ ея корейцами отъ японцевъ.

Хлопокъ въ Кореѣ служитъ главнымъ матеріаломъ для бѣлой одежды, которое корейское населеніе постоянно носитъ круглый годъ, почему и является въ этой странѣ весьма важнымъ сельскохозяйственнымъ произведеніемъ, которое потребляется въ большомъ количествѣ, будучи необходимо для каждаго. При этихъ условіяхъ корейцы стараются по мѣрѣ возможности получать этотъ продуктъ каждый въ своемъ собственномъ хозяйствѣ, какъ и другіе важные земледѣльческіе продукты[1]. Этимъ объясняется, почему разведеніе хлопка все болѣе практикуется даже въ такихъ мѣстностяхъ Кореи, которыя въ отношеніи климата и почвенныхъ условій скорѣе должны быть признаны не вполнѣ пригодными для этой культуры и почему, за исключеніемъ двухъ—трехъ провинцій, почти всюду, отъ южной оконечности до сѣверной окраины страны, эта культура непремѣнно встрѣчается[2].

Если вообще граница произрастанія хлопка въ сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ лежитъ приблизительно подъ 35^0 широты, все же возможно наблюдать во многихъ странахъ, что она переступаетъ за указанный градусъ широты. Напримѣръ, въ Японіи хлопковая культура, какъ разъ наоборотъ, наиболѣе процвѣтала къ сѣверу отъ 35^0; въ сѣверной Америкѣ самыя сѣверныя мѣста этой культуры касаются почти 40^0. Такъ же точно обстоитъ дѣло и въ Кореѣ: хотя и здѣсь наибольшее про-

мени династіи Корё, когда сѣмена его привезъ въ Корею нѣкій Мун Икчём 文益漸, бывшій посланникомъ въ Китаѣ при дворѣ Юаней (XIII—XIV стол.). По его порученію, сѣмена эти были посажены его тестемъ Чёнъ Тчхён'ик 鄭天益. Первоначально, по незнанію пріемовъ культивированія этого растенія, весь посѣвъ засохъ, за исключеніемъ почти одного только стебля, который черезъ три года далъ многочисленное поколѣніе и положилъ начало новой крупной отрасли промышленности. Таково было происхожденіе культуры хлопка въ Кореѣ. Говорятъ, что указанный Чёнъ Тчхён'ик изобрѣлъ также корейскій приборъ для очистки хлопка и мотовило.

[1]) Канкоку-сôран, 506.

[2]) Тамъ же; о происходящей нынѣ перемѣнѣ въ этомъ отношеніи см. ниже.

цвѣтаніе эта культура обнаруживаетъ южнѣе 34°; однако, и между 38 и 39° можно встрѣтить мѣстности съ достаточно развитымъ производствомъ хлопка, а наиболѣе сѣверныя мѣста этой культуры въ этой странѣ находятся на дѣлѣ на сѣверъ отъ 40°[1].

Распространеніе хлопковой культуры въ отдѣльныхъ провинціяхъ Кореи можетъ быть изображено въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

Въ провинціяхъ: Кёнъсянъдо[2] и Чёлладо—въ южныхъ и сѣверныхъ подраздѣленіяхъ ихъ, хлопокъ разводится всюду, однако, въ наибольшемъ количествѣ онъ встрѣчается въ провинціи Южной Кёнъсянъдо въ районѣ Чинчжю и Мир'янъ. Въ первомъ районѣ въ этомъ отношеніи наиболѣе выдаются уѣзды Чинчжю и Хам'ан и прилегающіе къ нимъ уѣзды, а во второмъ—уѣзды Мир'янъ, Чхянънёнъ, Ёнъсан и сосѣдніе съ нимъ уѣзды; наибольшимъ же изъ всѣхъ этихъ уѣздовъ обиліемъ производимаго хлопка славится уѣздъ Чинчжю[3].

Въ провинціи Сѣверной Кёнъсянъдо главнымъ центромъ хлопковой культуры въ южной части этой провинціи являются уѣзды Тагу, Чхильгок, Чхёнъдо, Хёнпхунъ, Корёнъ, Сёнъчжю, въ сѣверной же части ея уѣзды Кымсан, Карёнъ, Индонъ, Сёнсан, Сянъчжю, Ыйхынъ, Ыйсёнъ.

Провинція Южная Чёлладо считается первой во всей Кореѣ по процвѣтанію хлопковой культуры[4], которая здѣсь ведется во всѣхъ уѣздахъ. Все же важнѣйшими мѣстами этой культуры являются въ этой провинціи уѣзды: Муан[5], Начжю, Коанъчжю[6], Ханам, островъ

---

[1]) Канкоку-сōран, 507-8. См. карту, приложенную тамъ же къ стр. 506, на которой обозначена коричневой краскою площадь распространенія хлопковой культуры на Корейскомъ полуостровѣ, при чемъ болѣе темными оттѣнками той же краски нанесены мѣста 1) болѣе значительнаго развитія и 2) наибольшаго развитія названной культуры.

[2]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 183, спеціально не называетъ провинціи Кёнъсянъдо среди болѣе значительныхъ хлопковыхъ центровъ, какъ и провинцію Чхюнъчхёнъдо (послѣдняя, напротивъ, является у этого автора, какъ и въ Канкоку-нōгіōрон, главной потребительницей хлопка и хлопчатобумажныхъ издѣлій изъ Чёлладо), но указываетъ въ данномъ случаѣ послѣ провинціи Чёлладо лишь провинцію Хоанъхадо и Южную Пхёнъандо. Канкоку-нōгіōрон, 204, упоминаетъ, однако, среди главныхъ центровъ производства хлопка въ Кореѣ, помимо трехъ указанныхъ провинцій, также Кёнъсянъдо, Чхюнъчхёнъдо и Кёнъгыйдо; словомъ, этимъ авторомъ не причисляются къ крупнымъ хлопкопроизводящимъ провинціямъ Кореи лишь провинціи Канъуёндо и Хамгёнъдо.

[3]) Канкоку-сōран, 508.

[4]) Въ Чёлладо производится также лучшій хлопокъ, съ тонкимъ и длиннымъ волокномъ совершенно бѣлаго цвѣта; онъ превосходитъ китайскій и бомбейскій хлопокъ и тотчасъ слѣдуетъ за американскимъ. Содержаніе въ немъ чистаго хлопка достигаетъ 24—25%, рыночная цѣна (въ 1905 г.) за 1 тюкъ 俵 25—33 енъ, за 1 пикуль 5,50 до 6 енъ. Канкоку-дзицугіō-сисин, 183.

[5]) Страна вокругъ Мокпхо (въ уѣздѣ Муан) издавна считалась въ Кореѣ наиболѣе пригодной для культивированія хлопка; этотъ фактъ подтвердили и опыты разведенія лучшихъ сортовъ хлопка, въ частности американскаго нагорнаго хлопка, въ этой мѣстности (см. ниже).

[6]) Хлопокъ изъ Коанъчжю (Южной Чёлладо) считается наилучшимъ въ Кореѣ.

Чиндо, Нампхёнъ, Нынъчжю[1], за ними идутъ уѣзды: Хампхёнъ, Ёнъгоанъ, Хоасюн 和順, Чхянъпхёнъ, Оккоа 玉果, Коксёнъ, Курѣ, Сюнтчхён, Ёнъам, Хам'янъ и островъ Оандо[2].

Въ провинціи Сѣверной Чёлладо главные центры хлопковой культуры лежатъ по сосѣдству съ провинціей Южной Чёлладо, но совершенно отличаются отъ той въ этомъ отношеніи. Только одинъ уѣздъ Сѣв. Чёлладо, Сюнчхянъ 淳昌, по развитію въ немъ названной культуры, можетъ еще выдержать сравненіе съ хлопкопроизводящими мѣстностями Южной Чёлладо. За нимъ идутъ части уѣздовъ Нам'уён и Имсиль, южная половина уѣзда Чёнчжю и уѣздъ Иксан. Изъ остальныхъ уѣздовъ той же провинціи ни одинъ не заслуживалъ бы особаго упоминанія въ качествѣ мѣста производства хлопка, хотя нѣкоторые изъ нихъ производятъ большее или меньшее количество его, какъ, напримѣръ, въ сѣверной части названной провинціи уѣзды Мусынъ 茂承, Чин'ан, Чянъсю и въ южной части ея—Чынъып, Тхäин и Кымгу.

Въ общемъ взятая въ цѣломъ провинція Чёлладо обладаетъ болѣе развитой хлопковой культурою, нежели Кёнъсянъдо, что сказывается и въ соотвѣтственной цифрѣ сбора этого продукта въ нихъ.

Въ центральной Кореѣ въ четырехъ провинціяхъ Кёнъгыйдо, Канъуёндо и обѣихъ Чхюнъчхёнъдо, хлопокъ болѣе или менѣе воздѣлывается въ каждомъ округѣ и уѣздѣ ихъ, если исключить восточную приморскую полосу провинціи Канъуёндо; однако, по сравненію съ центрами производства этого продукта въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо, культивированіе хлопка въ указанномъ центральномъ районѣ имѣетъ, безъ сомнѣнія, лишь незначительные размѣры. Только въ провинціяхъ Чхюнъчхёнъдо—Сѣверной и Южной, сравнительно больше хлопка производится въ уѣздахъ, лежащихъ въ южной части ихъ: Пуё, Сёксёнъ, Конъчжю, Ёнги 燕岐, Мун'ый, Хойдок 懷德, Окчхён, Ёнъдонъ и Чхёнъеан[3].

Въ провинціи Кёнъгыйдо хлопокъ повсюду производится населеніемъ въ небольшомъ количествѣ для собственнаго употребленія, но

Англ. Diplom. and Consular reports. Report for the year 1909 on the trade of Korea, 6.

[1]) Какъ указываетъ Канкоку-дзицугіô-сисин, 183, въ провинціи Чёлладо въ отношеніи хлопковой культуры на первомъ мѣстѣ стоятъ острова Ымдо 陰島 и прочіе острова, затѣмъ идетъ уѣздъ Начжю.

[2]) Канкоку-сôран, 508—9.

[3]) Ціôсен-сангіôси, I, 462. Къ этому списку Канкоку-сôран, 509, присоединяетъ еще Носёнъ 魯城 въ Южной Чхюнъчхёнъдо, при чемъ замѣчаетъ, что хорошій хлопокъ произрастаетъ въ побережной части долины р. Кымганъ по сосѣдству съ Тäгіо 大橋, хотя площадь его культуры здѣсь ограничена; въ остальныхъ уѣздахъ той же провинціи, не перечисленныхъ выше, хлопокъ разводится въ ничтожномъ количествѣ. Въ числѣ главныхъ мѣстъ производства хлопка въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо тѣмъ же японскимъ сочиненіемъ (тамъ же, 509) называются еще уѣзды Хоанъган 黃澗, Поын 報恩, Хойин 懷仁; однако, и здѣсь хлопка собирается немного.

здѣсь не встрѣчается ни одной мѣстности, къ которой было бы приложимо наименованіе хлопкового центра, развѣ только при желаніи городъ Кäсёнъ[1].

Въ провинціи Хоанъхäдо, которая можетъ быть названа самой цвѣтущей хлопковой страною въ Сѣверной Кореѣ, главнымъ центромъ этой культуры являются уѣзды Понъсан, Хоанъчжю, Чäрёнъ, Сёхынъ[2], но хлопокъ производятъ также уѣзды Тхосан 兎山 и Сингѣ[3].

Въ провинціи Южной Пхёнъандо хлопокъ производятъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ уѣзды Пхёнъянъ, Самдынъ 三登, Сянъуён 祥原 и прочіе приморскіе уѣзды[4], причемъ болѣе извѣстными изъ нихъ въ этомъ отношеніи являются три названныхъ уѣзда и уѣздъ Хамчжіонъ.

Въ провинціи Сѣверной Пхёнъандо всѣ уѣзды по западному морскому побережью болѣе или менѣе производятъ хлопокъ, въ наибольшемъ же количествѣ уѣзды Тчёнъчжю и Ыйчжю[5].

На основаніи личныхъ наблюденій, впрочемъ, нѣсколько противорѣчивыхъ и недостаточно полныхъ, авторъ Канкоку-сôран[6], устанавливалъ между отдѣльными корейскими провинціями слѣдующій порядокъ въ отношеніи количества производимаго ими хлопка. На первомъ мѣстѣ имъ ставится провинція Южная Чёлладо, гдѣ хлопокъ превосходно растетъ во многихъ мѣстахъ. Слѣдомъ за этой провинціей изъ числа посѣщенныхъ названнымъ авторомъ провинцій идетъ Сѣверная Кёнъсянъдо, хотя, какъ ему передавали, Южная Кенъсянъдо превосходитъ въ этомъ отношеніи Сѣверную и немногимъ отличается отъ Южной Чёлладо. Послѣ этихъ двухъ провинцій тотъ же авторъ называетъ обѣ Чхюнъчхёнъдо, хотя площадь занятая здѣсь хлопковыми посѣвами не велика и собственно о ней не стоило бъ и говорить. Изъ другихъ провинцій Хоанъхäдо всегда могла считаться цвѣтущей хлопковой страною; однако, климатъ и природныя условія здѣсь не вполнѣ подходятъ для этой цѣли и, хотя иногда сборъ хлопка бываетъ здѣсь большимъ, но вообще эта провинція не сравнится въ этомъ отношеніи съ провинціями южной Кореи. Въ

[1]) Канкоку-сôран, 509—510.

[2]) Ціôсен-сангіôси, I, 523, называетъ еще, среди уѣздовъ указанной провинціи, извѣстныхъ хлопковою культурою, уѣздъ Синчхёи, но не упоминаетъ въ данномъ случаѣ объ уѣздѣ Хоанъчжю.

[3]) Канкоку-сôран, 510.

[4]) Они перечисляются въ Канкоку-дзицугіô-сисин, 182.

[5]) Канкоку-сôран, 510.

[6]) Стр. 525—6.

Южной Пхёнъандо культура хлопка, правда, существуетъ, но эту провинцію нельзя назвать настоящей хлопковой страной; при томъ урожай хлопка здѣсь не превышаетъ, по сравненію съ южными корейскими провинціями, $^2/_3$ количества его въ этой части полуострова[1].

Въ общемъ итогѣ можно сказать, что большая часть корейскаго хлопка доставляется четырьмя провинціями: Южной Чёлладо, Хоанъхäдо, Южной Пхёнъандо и Южной Кёнъсянъдо, климатическія и почвенныя условія коихъ (разложившійся гранитъ и рыхлая почва) благопріятствуютъ этой культурѣ; но хлопокъ, какъ сказано, разводится также въ обѣихъ Чхюнъчхёнъдо, Кёнъгыйдо и Сѣверной Пхёнъандо, какъ и въ Сѣверной Чёлладо и Сѣверной Кёнъсянъдо, которыя въ этомъ отношеніи, уже по прежнимъ извѣстіямъ, были почти равны Хоанъхäдо; нынѣ же, по нижеприводимымъ оффиціальнымъ даннымъ, сборъ хлопка въ Сѣверной Кёнъсянъдо даже превосходитъ соотвѣтствующія цифры всѣхъ остальныхъ провинцій, за исключеніемъ Южной Чёлладо.

Общій сборъ хлопка въ Кореѣ, равно какъ площадь его посѣвовъ въ этой странѣ, могли ранѣе исчисляться лишь въ предположительныхъ цифрахъ, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, но и нынѣ, несмотря на существованіе оффиціальной статистики, этотъ вопросъ не является окончательно разрѣшеннымъ и продолжаетъ еще вызывать нѣкоторыя сомнѣнія въ безусловной точности новыхъ оффиціальныхъ данныхъ. А сколь различными въ настоящемъ случаѣ были цифры у прежнихъ авторовъ—европейскихъ и японскихъ, можно судить по нижеслѣдующимъ немногимъ примѣрамъ. Такъ, Гессе-Вартеггъ опредѣлялъ въ 1894 г. площадь земли, занятую подъ хлопкомъ въ Кореѣ, въ 366 тысячъ десятинъ, но ежегодный сборъ его лишь въ $1^1/_2$ милліона фунтовъ. Напротивъ, комиссаръ Фузанской таможни[2] исчислялъ годовой сборъ неочищеннаго хлопка въ Кореѣ въ 1,300,000,000 фунтовъ, а годовое потребленіе очищеннаго хлопка въ странѣ въ 330 милліоновъ фун-

[1]) Канкоку-сôран, 525—6.

[2]) Какъ говорится въ указанномъ болѣе раннемъ англійскомъ консульскомъ отчетѣ относительно хлопковой культуры въ Кореѣ 1894 г.: Diplom. and Consular Reports, № 317, Miscellaneous series.

товъ. Хотя составители «Описанія Кореи»[1] не считали эту цифру преувеличенной, принимая во вниманіе, что большинство населенія въ странѣ одѣвается исключительно въ бумажныя ткани и что, кромѣ того большое количество хлопка идетъ на подбивку одежды и обуви, носимой зажиточными классами не только зимою, но и лѣтомъ, все же трудно согласиться со столь высокой оцѣнкою сбора корейскаго хлопка, почти въ десять разъ превышающей всѣ позднѣйшіе, наиболѣе высокіе подсчеты японскихъ авторовъ. Поэтому необходимо признать указанную цифру въ 1,300,000,000 фунтовъ безусловно ошибочной и предпочесть ей болѣе умѣренныя японскія цифры. Изъ этихъ послѣднихъ можно сослаться прежде всего на данныя отъ 1905-6 г.г.[2], коими общая площадь, засѣваемая хлопкомъ въ Кореѣ, была исчислена въ 300,000 англ. акровъ, или около 120,000 японскихъ цiо̄[3], изъ нихъ $^1/_3$ или 99,000 акровъ въ Южной Чёлладо, а годовой сборъ туземнаго неочищеннаго хлопка—въ 101 милліоновъ англ. фунтовъ (около 12,213,000 камме[4]), потребленіе же мѣстнаго очищеннаго хлопка въ неполныхъ 27 милліоновъ фунтовъ[5].

---

[1]) II, 130—1.

[2]) Онѣ были помѣщены въ англійскомъ консульскомъ отчетѣ: Diplom. and consular reports. Miscel. Series, № 654 (1906 г.): Cotton culture in Korea, стр. 8—10, въ видѣ перевода отчета японскаго эксперта кандидата агрономіи Андô 安藤 (на данныя этого эксперта ссылается и авторъ Канкоку-сôран).

[3]) Точнѣе 298,200 акровъ, или 4.5% всей обрабатываемой площади въ странѣ; изъ этой площади посѣвовъ хлопка на долю другихъ главныхъ хлопкопроизводящихъ провинцій Кореи приходилось: 47,500 акровъ въ Южной Кёнъсянъдо; 43,000 акровъ въ Южной Пхёнъандо; 32,500 акровъ въ Хоанъхädo. Цифру въ 298,200 акровъ подъ посѣвами хлопка г. Андô находилъ возможнымъ безъ труда увеличить въ будущемъ до 500,000 акровъ.

[4]) Въ этой суммѣ на долю Южной Чёлладо приходилось 72 милл. фунтовъ, Южной Кёнъсяндо $17^1/_2$ милл. ф., Южной Пхёнъандо $13^3/_4$ милліоновъ ф., Хоанъхädo—$8^3/_5$ милл. ф.; остальное количество доставлялось другими провинціями.

[5]) Точнѣе—26,862,000 англ. ф., согласно слѣдующему расчету, дѣлаемому названнымъ экспертомъ Андô: общее потребленіе очищеннаго хлопка въ Кореѣ, считая по $3^1/_3$ англ. ф. его на 1 душу населенія, при общей цифрѣ послѣдняго въ 14 милліоновъ, достигаетъ 46,000,000 англ. ф. Въ это количество входитъ 1,428,000 англ. ф. привознаго очищеннаго хлопка (почти цѣликомъ изъ Китая—средняя цифра за 4 года съ 1902 по 1905 гг.) и 18,850.000 годичнаго ввоза заграничныхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій или всего 20,278.000 англ. ф. привознаго хлопка, такъ что на долю сбора туземнаго хлопка остается 25,722,000 ф.; съ другой стороны изъ самой Кореи вывозится 1,140,000 англ. ф. хлопка (средняя цифра за 1904 и 1905 гг.); если присоединить эту цифру къ полученному итогу, то годовое производство хлопка въ Кореѣ должно выразиться въ 26,862,000 англ. ф., какъ показано выше.

Аналогичнымъ пріемомъ вычисленія общей цифры сбора хлопка въ самой Кореѣ пользуется и авторъ Канкоку-сбран[1], за совершеннымъ отсутствіемъ, какъ онъ заявляетъ, точныхъ данныхъ по этому вопросу. По примѣру г. Андо, онъ исходитъ изъ общаго подсчета количества потребленія населеніемъ Кореи этого продукта въ невыдѣланномъ и выдѣланномъ видѣ, при чемъ, путемъ тщательнаго разбора различныхъ видовъ примѣненія корейцами хлопка и хлопчатобумажныхъ издѣлій[2], онъ приходитъ къ заключенію, что среднее количество потребленія этого матеріала въ Кореѣ лишь немногимъ разнится отъ таковой же цифры въ Японіи. Правда, корейцы больше носятъ бумажныя одѣянія, чѣмъ японцы, такъ какъ шелковыя одѣянія встрѣчаются въ Кореѣ лишь у лицъ высшихъ классовъ или у богатыхъ людей; остальные же классы, исключая лѣта, когда употребляютъ на одежду матеріи изъ пеньки и «рами» (и другихъ аналогичныхъ матеріаловъ), постоянно носятъ бумажныя матеріи; однако, у большинства корейцевъ имѣется только одна смѣна бумажнаго ватнаго платья, которую они имѣютъ на себѣ и дома, и на работѣ, и на улицѣ, и во время спанья, почему, если кругъ потребленія бумажныхъ тканей является въ Кореѣ крайне обширнымъ, то, наоборотъ, количество потребленія ихъ оказывается относительно много меньшимъ. Равнымъ образомъ постельныя принадлежности, тюфяки и т. д., сдѣланные изъ бумажныхъ матерій, а также подушки для сидѣнія, употребляются въ Кореѣ только между людьми высшихъ классовъ, при томъ же они дѣлаются плоскими изъ малаго количества ваты. Съ другой стороны носки, которыми пользуются корейцы, отличаются отъ японскихъ тѣмъ, что цѣликомъ бываютъ подбиты ватой, что требуетъ большаго количества хлопка, и они носятся круглый годъ какъ высшимъ, такъ и низшимъ классами; помимо нихъ, корейцы непремѣнно обертываютъ пальцы ногъ тонкимъ и длиннымъ кускомъ бумажной матеріи, что дѣлаютъ и бѣдняки, когда не надѣваютъ вовсе носковъ. При такихъ обстоятельствахъ можно безъ большой погрѣшности утверждать, что

---

[1]) На стр. 542—551.
[2]) Тамъ же, 542—5.

корейцы въ среднемъ расходуютъ на 1 душу населенія то же количество хлопка, какъ и японцы, а для тѣхъ это количество можетъ быть опредѣлено, со включеніемъ тканей, въ 400 момме, т. е. въ той же цифрѣ, какъ это дѣлаетъ и японскій экспертъ Андо — $3^1/_3$ англ. ф. или 3,64 русск. ф.[1] Если принять эту же цифру и для корейцевъ и предположить общую численность населенія страны въ 12,000,000 душъ (слѣдовательно, на 2 милліона ниже цифры г. Андо; нынѣ надо считать $13^1/_2$ милл.), то общее количество потребленія очищеннаго хлопка въ Кореѣ выразится въ 4,800,000 камме (т. е. въ 39,648,000 англ. ф.). Для того, чтобы получить количество хлопка, произведеннаго въ самой странѣ, изъ указанной цифры слѣдуетъ вычесть количество привознаго хлопка; въ 1903 г. оно исчислялось въ 1128 камме хлопка и 1,850,096 камме издѣлій изъ него[2], или всего 1,851,224 камме. Слѣдовательно, на долю внутренняго производства названнаго продукта изъ указанной цифры оставалось 2,948,776 камме, что соотвѣтствуетъ 11,795,104 камме неочищеннаго хлопка (считая, что корейскій хлопокъ даетъ очищеннаго хлопка 27%; сами корейцы указываютъ 30%, а экспертиза Осака-цюсай-сіотен дала въ 1903 г. 24% и въ 1904 г.—22%). Къ вышеозначенной цифрѣ необходимо еще прибавить то количество хлопка, которое вывозится изъ Кореи —въ неочищенномъ или очищенномъ видѣ или въ видѣ тканей; въ 1903 г. это количество было для очищеннаго хлопка и ваты—ginned cotton, яп. куривата 繰綿, и wadding cotton, яп. уцивата 打綿, въ переводѣ на неочищенный хлопокъ 39,274 камме; для неочищеннаго хлопка 481,130 камме и для бумажныхъ издѣлій, въ переводѣ на неочищенный хлопокъ, 1,770 камме, всего же 522,174 камме. Если сложить

[1]) Взрослый кореецъ, при томъ принадлежащій къ лучшему сословію, потребляетъ гораздо большее количество хлопка, чѣмъ названная средняя цифра, такъ какъ на изготовленіе двухъ одѣяній въ годъ—ватнаго и болѣе легкаго, ему требуется въ общемъ 1 камме 500 момме хлопка; если прибавить сюда хлопокъ, идущій на носки, тюфяки и т. д., то среднее количество потребленія хлопка на 1 человѣка въ этомъ случаѣ достигнетъ 2 камме (т. е. 18,2 ф.). Однако, это вѣрно лишь по отношенію къ людямъ средняго класса; низшіе классы, составляющіе большинство корейскаго населенія, рѣдко имѣютъ такой комплектъ гардероба, да и расходованіе хлопка на дѣтей является небольшимъ, почему и можно принять указанную среднюю цифру въ 400 камме. Канкоку-сбран, 544—5.

[2]) Въ переводѣ этихъ издѣлій на очищенный хлопокъ (ginned cotton).

оба полученныхъ итога—первый въ 11,795,104 камме и послѣдній въ 522,174 камме, то получится конечный итогъ въ 12,317,278 камме, что и должно выражать собою общее количество годичнаго сбора хлопка въ Кореѣ.

По отдѣльнымъ корейскимъ провинціямъ, это количество, по мнѣнію указаннаго японскаго автора, распредѣляется слѣдующимъ образомъ: на долю Южной Чёлладо, гдѣ развитіе хлопковой культуры не имѣетъ равной себѣ среди другихъ провинцій, приходится 30% общаго количества производимаго въ Кореѣ хлопка. Между тѣмъ, по японскимъ свѣдѣніямъ, въ означенной провинціи считалось 16,000 цiō полей, занятыхъ хлопкомъ (20% отъ общаго количества суходольныхъ полей); эти поля давали общій сборъ хлопка въ 4,000,000 камме (по 25 камме съ 1 тан); разъ сборъ хлопка въ Чёлладо составляетъ 30% сбора этого продукта во всей странѣ, то, исходя изъ указанной цифры, общій сборъ хлопка во всей Кореѣ увеличивается до 13,300,000 камме[1]. Однако, другой подсчетъ количества хлопка, производимаго въ Южной Чёлладо, приводимый тѣмъ же авторомъ,—этотъ подсчетъ беретъ количество хлопка, необходимое для потребленія 900,000 населенія этой провинціи, и прибавляетъ цифру вывоза хлопка изъ Мокпхо,—повышаетъ цифру въ 4,000,000 камме до 4,702,367 камме, а все количество сбора хлопка во всей Кореѣ доводитъ до 16,000,000 камме[2]. Тѣмъ не менѣе, чтобы избѣжать преувеличенія, авторъ Канкоку-сōран принимаетъ въ конечномъ итогѣ цифру общаго производства хлопка въ Кореѣ въ 14 милл. камме[3], распредѣляя ее пропорціонально между отдѣльными корейскими провинціями такимъ образомъ:

Названіе провинцій:	%
Южная Чёлладо	30
Южная Кёнъсянъдо	20
Сѣверная Кёнъсянъдо	15

[1]) Канкоку-сōран, 548—6.

[2]) Канкоку-сōраи, 549—550.

[3]) Общее количество хлопка, производимаго въ Кореѣ, составители Канкоку-iōран, 65 (Цiōсен-iōран, 71), опредѣляли также въ цифрѣ около 14 милліоновъ камме, при чемъ высказывали увѣренность, что можно расчитывать на увеличеніе этой цифры при условіи улучшенія сѣмянъ и пріемовъ культивированія, равно какъ увеличенія площади посѣвовъ этого растенія.

Хоанъхäдо и Кёнъгыйдо	10
Сѣверная Чёлладо и обѣ Чхюнъчхёнъдо	15
Обѣ Пхёнъандо	10

Таковы болѣе ранніе подсчеты сбора хлопка въ Кореѣ, въ основу коихъ были положены лишь болѣе или менѣе правдоподобныя предположенія, почему и цифры ихъ носили гадательный характеръ. Нынѣ же, наряду съ этими частными свѣдѣніями, имѣются уже по тому же предмету оффиціальныя статистическія данныя, которыя, однако, оказываются, какъ это часто бываетъ, значительно ниже прежнихъ подсчетовъ. Это можетъ указывать и на извѣстные пробѣлы въ оффиціальной статистикѣ или на то, что въ Кореѣ нынѣ собирается, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ меньшее количество этого важнаго продукта, чѣмъ раньше[1]. Ниже приводятся эти оффиціальныя цифры сбора хлопка (въ камме) въ 1909 г. для отдѣльныхъ провинцій[2]:

Кёнъгыйдо	33,674	Хоанъхäдо	168,964
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо	94,304	Южная Пхёнъандо	298,185
Южн. Чхюнъчхёнъдо	85,382	Сѣверная Пхёнъандо	155,499
Сѣверная Кёнъсянъдо	338,013	Южная Хамгёнъдо	112
Южная Кёнъсянъдо	304,955	Сѣверная Хамгёнъдо	—
Сѣверная Чёлладо	157,052	Канъуёндо	30,127
Южная Чёлладо	1,226,305	Всего .	2,892,572

[1]) Подобное заключеніе можно вывести изъ недавней лекціи д-ра К. Хонда, президента земледѣльческой и промышленной образцовой станціи въ Сюуён, прочитанной въ Сеулѣ и помѣщенной въ краткомъ изложеніи въ Seoul Press отъ 24 Febr. 1912, 3. Въ этой лекціи д-ръ Хонда, между прочимъ, упомянулъ, что раньше корейскій земледѣлецъ стремился выращивать на своей землѣ всѣ продукты, потребные ему, независимо отъ того, насколько та или другая часть страны является дѣйствительно пригодной для ихъ культуры. Нынѣ же, благодаря достигнутому японцами улучшенію путей сообщенія и возникновенію прибыльныхъ рынковъ въ лицѣ растущихъ городовъ, корейскіе поселяне могутъ выгодно продавать весь излишекъ извѣстныхъ продуктовъ и взамѣнъ покупать по дешевой цѣнѣ необходимые предметы, вмѣсто того, чтобы самимъ выращивать ихъ. Въ силу этихъ соображеній, нынѣ въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Кореи годъ за годомъ количество земли, засѣвавшейся раньше хлопкомъ, неизмѣнно уменьшается и на его мѣсто большей частью стали разводиться бобы. Правда, проистекающее отсюда частичное сокращеніе сбора хлопка можетъ съ избыткомъ пополняться ростомъ этой культуры на югѣ полуострова.

[2]) Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, 951. Въ этой таблицѣ недостаетъ свѣдѣній относительно сбора хлопка въ двухъ уѣздахъ Сѣверной Хамгёнъдо, хотя врядъ ли это составитъ какую-либо разницу, такъ какъ въ этой провинціи куль-

Сборы хлопка въ оба слѣдующіе годы соотвѣтственно были 2,080,911 камме въ 1910 г.[1] и 4,105,494 камме въ 1911 году[2], при этомъ сборъ 1910 г. по отдѣльнымъ провинціямъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ (въ камме)[3]:

Кёнъгыйдо	20,856	Хоанъхädo	249,440
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо	66,559	Южная Пхёнъандо	217,617
Южн. Чхюнъчхёнъдо	58,182	Сѣверная Пхёнъандо	218,251
Сѣверная Чёлладо	89,835	Южная Хамгёнъдо	562
Южная Чёлладо	656,051	Сѣверная Хамгёнъдо	—
Сѣверная Кёнъсяндо	301,504	Канъуёндо	45,362
Южная Кёнъсянъдо	156,692	Всего	2,080,911

Площадь посѣвовъ хлопка измѣрялась, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 1909 году въ 48,734,1 цiō[4] и въ 1910 году— 50,896,9 цiō. Эта послѣдняя площадь распредѣлялась между отдѣльными провинціями такимъ образомъ (въ цiō)[5]:

Кёнъгыйдо	914,6	Хоанъхädo	3,459,5
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо	1,578,3	Южная Пхёнъандо	3,816,1
Южн. Чхюнъчхёнъдо	1,134,9	Сѣверная Пхёнъандо	5,326,2
Сѣверная Чёлладо	1,183,3	Южная Хамгёнъдо	7,5
Южная Чёлладо	22,250,2	Сѣверная Хамгёнъдо	—
Сѣверная Кёнъсянъдо	6,991,1	Канъуёндо	1,480,6
Южная Кёнъсянъдо	2,754,6	Всего	50,896,9

Однако, составители Нихон но Цiōсен[6], изданнаго въ концѣ 1910 г., исчисляютъ площадь посѣвовъ хлопка въ Кореѣ въ 120,000 цiō[7], а общій сборъ его, считая по 70—80 кин съ 1 тан, въ 80—90 милліоновъ кин (12,800,000—14,400,000 камме)[8].

тура хлопка едва ли существуетъ вовсе.

[1]) Въ 1910 г. сборъ хлопка въ Кореѣ, въ частности въ районѣ Мокпхо, былъ менѣе удачный, чѣмъ въ 1909 г., благодаря избытку дождей.

[2]) Seoul Press, 23 Dec. 1911, 2.

[3]) Цiôсен-сôтокуфу-тôкей-iôран, № 1. 119.

[4]) Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, 952.

[5]) Цiôсен-сôтокуфу-тôкей-iôран, № 1, 118.

[6]) Текстъ, стр. 10.

[7]) Въ этой же цифрѣ исчислялъ площадь посѣвовъ хлопка въ Кореѣ и членъ японскаго парламента Цунода, участникъ нижеуказываемой ассоціаціи корейскаго хлопководства. Japan W. Chronicle, 7 June 1906, 695.

[8]) По другимъ даннымъ, сообщеннымъ въ газетѣ Seoul Press, 29 Dec. 1911, площадь, засѣянная туземными сортами хлопка (въ Чёлладо), достигаетъ 60,000 цiô, а американскимъ нагорнымъ хлопкомъ въ той же провинціи—2,683,6 цiô.

Для сравненія этихъ данныхъ съ болѣе ранними можно замѣтить, что общая площадь, занятая хлопковой культурою въ Кореѣ, опредѣлялась авторомъ Канкоку-нōгіōрон[1] къ 1904 г. въ 25,000 ціō (въ томъ числѣ 9,000 ціō въ Чёлладо), а средній сборъ въ 1 пикуль неочищеннаго хлопка съ 1 тан; слѣдовательно, общій сборъ его измѣрялся въ 25,000,000 кин (4,000,000 камме). Въ Японіи въ томъ же году площадь посѣвовъ хлопка была 24,000 ціō (въ цвѣтущія времена этой культуры 96,000 ціō, т. е. въ 4 раза больше). По мнѣнію того же автора Канкоку-нōгіōрон, въ будущемъ явится вполнѣ возможнымъ обратить подъ посѣвы хлопка въ шести хлопкоразводящихъ провинціяхъ Кореи часть площади, равную 10% отъ всего количества обработанной земли въ тѣхъ же провинціяхъ въ 1,419,500 ціō, именно 141,950 ціō, причемъ, если улучшить пріемы этой культуры, то сборъ съ 1 тан могъ бы увеличиться вдвое противъ существующихъ цифръ, т. е. до 200 кин (въ самой Японіи 1 тан хлопковой плантаціи даетъ 440 кин), а весь сборъ неочищеннаго хлопка съ указанной площади въ 141,950 ціō, которую возможно еще удѣлить этой культурѣ, выразился бы въ будущемъ въ 283,900,000 кин и очищеннаго хлопка (считая % содержаніе его въ 28%)—въ 79,492,000 кин. Слѣдовательно, тогда явится возможность для Японіи получать изъ Кореи 1/3 количества всѣхъ сортовъ иностраннаго хлопка, которымъ она пользуется теперь—всего 250,000,000 кин[2].

Всѣ вышеприведенныя цифры блѣднѣютъ, однако, передъ сообщеніемъ нижецитируемой газеты, что подъ посѣвы хлопка корейцами занято до 600,000 акровъ изъ общей площади земли, пригодной для этой цѣли, въ 2,093,000 акровъ[3].

Какъ говорилось выше, уже въ настоящее время изъ Кореи ежегодно вывозится, почти исключительно въ Японію, туземный хлопокъ на болѣе или менѣе значительную сумму. Вы-

---

[1]) Стр. 213.

[2]) Канкоку-нōгіōрон, 213—4. Новѣйшія цифры ввоза хлопка въ Японію указываются въ своемъ мѣстѣ ниже.

[3]) Харбин. Вѣстникъ, № 2103, 1 апрѣля 1911, стр. 2: Разведеніе хлопка въ Кореѣ. Англ. конс. отчетъ о торговлѣ Кореи въ 1910 г. (Diplomatic and Consular reports. Annual series. № 4676), стр. 9, приводитъ цифру въ 1,000,000 акровъ для площади земли, пригодной въ Кореѣ подъ хлопковую культуру, добавляя, что изъ этого количества 600,000 акровъ, по разсказамъ, будутъ засѣяны нагорнымъ хлопкомъ къ 1917 году.

возъ этотъ, несомнѣнно, оказалъ полезное вліяніе на развитіе хлопковой культуры въ самой Кореѣ, а въ будущемъ роль его явится въ этомъ отношеніи еще болѣе значительной. Между тѣмъ въ первые годы, послѣ открытія Кореи для иностранной торговли, когда въ Корею стали ежегодно ввозиться въ большомъ количествѣ изъ Японіи, Америки, Англіи и Китая хлопокъ и хлопчатобумажныя пряжа и ткани, культура хлопка въ самой Кореѣ, достигшая къ тому времени значительнаго развитія по всей странѣ, въ особенности въ Чёлладо, благодаря тому, что ею почти цѣликомъ удовлетворялся большой спросъ на бумажныя ткани и вату для одѣяній населенія, понесла отъ этого болѣе или менѣе значительный уронъ, и только впослѣдствіи, когда японцы, оцѣнивъ хорошія качества корейскаго хлопка, организовали вывозъ его въ Японію, означенная промышленность снова стала обнаруживать процвѣтаніе. Раньше хлопокъ изъ Чёлладо, гдѣ культура его являлась наиболѣе цвѣтущей, служилъ для снабженія этимъ продуктомъ провинціи Чхюнъчхёнъдо, а также въ видѣ тканей доставлялся отсюда въ Сеулъ, Гензанъ и сѣверную часть Хамгёнъдо. Хлопокъ изъ другихъ корейскихъ провинцій также служилъ лишь для удовлетворенія спроса въ самой Кореѣ и, хотя иногда японцы дѣлали попытки къ вывозу изъ страны этого продукта, однако, всѣ они неоднократно терпѣли убытки и почти не оставалось надежды на то, что корейскій хлопокъ можетъ вывозиться на заграничные рынки. Но, какъ говоритъ Канкоку-дзицугіо-сисин, въ 1901 г. (въ 1902 г.[1]), при всемъ хорошемъ урожаѣ хлопка въ Чёлладо, онъ и его издѣлія—пряжа и ткани, не находили сбыта въ провинціи Чхюнъчхёнъдо, которая являлась обычной покупательницею для нихъ, вслѣдствіе неурожая риса въ этой провинціи[2], почему само собою вывозъ хлопка (неочищеннаго) изъ указанной провинціи Чёлладо направился въ Японію, гдѣ былъ

[1]) Канкоку-нôгіôрон, 210. Въ этомъ году, говорится здѣсь, хлопокъ сдѣлался замѣтной статьей вывоза изъ Кореи.

[2]) Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что во 1) благодаря паденію курса корейской монеты создались весьма благопріятныя условія для вывоза хлопка и во 2), вслѣдствіе неурожая риса въ 1902 г., повсюду въ Кореѣ торговля замерла и хлопчатобумажное производство въ районѣ Мокпхо находилось въ застоѣ (изъ отчета японскаго консула въ Мокпхо). Канкоку-нôгіôрон, 210-211.

встрѣченъ весьма радушно въ виду хорошаго качества, и на слѣдующій 1902 г. вывозъ его повысился уже до 12,708 пикулей на сумму 63,540 енъ (въ 1900 г. 71 пикуль на сумму 355 енъ и въ 1901 г. 1,135 пикулей на сумму 5,675 енъ[1]) и съ того времени сталъ увеличиваться необычайно большими шагами (въ 1903 г. онъ оцѣнивался въ 150,365 енъ—30,073 пикулей) и нынѣ (1905 г.) достигъ суммы въ 400,000 енъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сами корейскіе земледѣльцы убѣдились, что для нихъ выгодно вывозить ихъ собственный хлопокъ, расцѣниваемый высоко, и взамѣнъ пріобрѣтать дешевый индійскій и японскій продуктъ. Со своей стороны японскіе бумагопрядильные фабриканты, сознавая, сколь убыточнымъ для нихъ съ экономической точки зрѣнія является необходимость ежегодно закупать потребный для нихъ на сумму 80 (теперь свыше 100) милліоновъ енъ заграничный хлопокъ, вопреки далекому 2-хъ мѣсячному пути и различнымъ неудобствамъ и риску, высказались въ пользу замѣны иностраннаго хлопка корейскимъ, при каковыхъ условіяхъ указанный авторъ предсказывалъ корейской хлопковой промышленности безспорно прибыльное будущее[2]. Въ послѣдующіе годы вывозъ хлопка изъ Кореи продолжался, хотя и не равномѣрно. Въ 1906 г. вывозъ его, какъ не очищеннаго, такъ и очищеннаго, выражался въ количествѣ 11,666 пикулей на сумму 90,207 енъ, въ 1907 г.—въ 6,124 пикулей на сумму 63,452 енъ, въ 1908 г.—въ 3,372 пикулей на сумму 18,215 енъ (для неочищеннаго хлопка) и въ 4,428 пикулей на сумму 85,292 енъ (для очищеннаго). Въ 1909 г. вывозъ неочищеннаго хлопка изъ Кореи достигалъ 25,201 пикуля на сумму въ 141,316 енъ и очищеннаго 7,698 пикулей на сумму въ 131,779 енъ, хлопчатобумажныхъ тканей и прочихъ ткацкихъ издѣлій на 12,641 енъ, или всего на 285,736 енъ. Вывозъ хлопка урожая 1909 г. достигъ вплоть до начала марта 1910 г. по цѣнности 1 милліона енъ, или въ 5 разъ большей цифры, чѣмъ въ предшествовавшій сезонъ, вслѣдствіе большого урожая и повышенія цѣнъ на американскій хлопокъ. Въ томъ числѣ

[1]) Канкоку-нôгіôрон, 210.
[2]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 184—5.

вывозъ хлопка отъ нагорныхъ сортовъ достигъ 400,000 ф.[1].

Культивированіе хлопка въ Кореѣ главнымъ образомъ происходитъ на покатой почвѣ по склонамъ возвышенностей[2] и скорѣе рѣдкими бываютъ случаи пользованія для этой цѣли болѣе обширной площадью равнинной земли. Въ провинціи Южной Чёлладо по срединѣ небольшихъ открытыхъ пространствъ болѣе низкой и ровной почвы между большими или меньшими возвышенностями, прорѣзывающими эту провинцію по всѣмъ направленіямъ, устраиваются рисовыя поля, а вокругъ ихъ слегка покатая поверхность распахивается подъ суходольныя поля, среди которыхъ разбросаны и хлопковыя плантаціи. Съ другой стороны въ сѣверной Кореѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ культуры риса, на болѣе низкихъ и ровныхъ мѣстахъ населеніе культивируетъ сорго и различные сорта бобовыхъ растеній, а на прилегающихъ покатыхъ земляхъ обычно выращиваетъ хлопокъ. Однако, культура хлопка является достаточно развитой и на примывныхъ земляхъ по берегу р. Ёнъсанганъ по сосѣдству съ Коанъчжю, по берегу р. Сёмчжинганъ въ Сёксёнъчжин 赤城津 въ Южной Чёлладо, по берегу р. Кымганъ около Конъчжю въ Южной Чхюнъчхёнъдо и по верхнему теченію р. Чарёнъганъ около Сёхынъ въ Хоанъхѣдо. Подобныя мѣстныя исключенія объясняются, въ концѣ концовъ, тѣмъ, что въ указанныхъ мѣстностяхъ сравнительно многочисленны суходольныя поля и вообще мѣста, которыя, за недостаткомъ орошенія, не позволяютъ разводить рисъ, а для хлопковой культуры наиболѣе пригодными должны считаться по общему правилу въ Кореѣ, какъ разъ, земли съ хорошимъ стокомъ воды[3].

Въ почвенномъ отношеніи, какъ и въ отношеніи другихъ физическихъ условій, Корея весьма благопріятствуетъ названной культурѣ[4]. Въ частности, въ отношеніи климата—въ виду большой важности его для культуры хлопка авторъ Канкоку-сōран[5]

---

[1]) Seoul Press, 2 March 1910, 2 (эта крупная цифра однако, является сомнительной: см. ниже).

[2]) Это отмѣчается и Описаніемъ Кореи, II, 131.

[3]) Канкоку-сōран, 510—511.

[4]) Канкоку-сōран, 512. Тамъ же на стр. 511—512 перечисляются составы почвы, наилучше пригодные для произрастанія хлопка въ Кореѣ.

[5]) На стр. 512—516.

съ особымъ вниманіемъ и тщательностью[1] разбираетъ всѣ три составныхъ элемента климата хлопковыхъ районовъ Кореи[2], оказывающихъ наибольшее вліяніе на хлопокъ: температуру, вѣтры и дождевые осадки—общимъ выводомъ является то, что колебанія температуры въ Кореѣ вообще значительны, лѣто жаркое и относительно продолжительное, зима —очень холодная, весна и осень короткія; количество дождя вообще невелико, вѣтры также рѣдки[3]. Всѣ эти условія должны быть благопріятны для культуры хлопка. Такимъ образомъ, естественныя условія въ Кореѣ дѣлаютъ эту страну весьма пригодной для хлопковой культуры, при чемъ если наилучшія условія для этой цѣли существуютъ, какъ сказано выше, въ провинціи Южной Чёлладо, въ частности въ районѣ Мокпхо, то устройство опытныхъ плантацій хлопка въ различныхъ частяхъ полуострова обнаружило пригодность для этой цѣли и многихъ другихъ мѣстностей въ Кореѣ.

Пріемы культивированія хлопка[4] въ Кореѣ въ отношеніи ихъ тщательности или обилія удобренія, весьма разнятся отъ тѣхъ, которые понынѣ примѣнялись въ хлопковыхъ районахъ самой Японіи[5]; но, если судить вообще по состоянію корей-

---

[1]) Серьезное вниманіе этому вопросу удѣляется и авторомъ Канкоку-нôгіôрон, 207—209, который и проводитъ параллель въ этомъ отношеніи между климатическими условіями Японіи и Кореи, при чемъ приходитъ къ выводу, что въ Кореѣ климатическія и почвенныя условія весьма выгодны для разведенія американскаго нагорнаго хлопка (米國陸地棉 бейкоку-рикуцимен по японски), который не достаточно успѣшно растетъ въ самой Японіи. Если бъ разведеніе американскаго хлопка въ Кореѣ пошло удачно, продолжаетъ тотъ же авторъ (тамъ же, 209—210), то Японія, съ большей выгодою для своей хлопчатобумажной промышленности, могла бъ закупать этотъ хлопокъ въ близкой Кореѣ, чѣмъ изъ далекой Америки, переплачивая лишніе расходы по перевозкѣ, а этого хлопка ей требуется ежегодно 767,000 пикулей (средняя цифра за три года, предшествовавшіе 1904 году). Составители Канкоку-іôран, 65 (Цiôсен-іôран, 71), также подчеркивали, что Корея въ высшей степени пригодна для разведенія американскаго хлопка именно вслѣдствіе малаго количества дождевыхъ осадковъ.

[2]) Для Мокпхо въ Южной Чёлладо, Фузанъ въ Южной Кёнъсянъдо, Кунсан въ Сѣверной Чёлладо, Сеула въ Кёнъгыйдо, Чынънампхо и Пхёнъянъ въ Южной Пхёнъандо.

[3]) Канкоку-сôран, 516.

[4]) Существующій туземный способъ разведенія хлопка въ Кореѣ цѣликомъ заимствованъ изъ Китая вмѣстѣ съ самимъ растеніемъ; см. Описаніе Кореи, II, 131—2.

[5]) Авторъ Канкоку-дзицугіô-сисин, 183, называетъ корейскіе пріемы культивированія хлопка совершенно примитивными и высказываетъ предположеніе, что если бы корейцы усвоили тщательность пріемовъ этой культуры у японцевъ, то урожай хлопка былъ бы нынѣ въ нѣсколько разъ больше.

скаго сельскаго хозяйства, то должно скорѣе признать, что плантаціи хлопка пользуются въ этой странѣ весьма заботливымъ уходомъ. При этомъ можетъ показаться въ особенности удивительнымъ то обстоятельство, что пріемы культивированія хлопка въ общемъ остаются въ Кореѣ одинаковыми, начиная съ юга полуострова, гдѣ сельскохозяйственные пріемы вообще болѣе интенсивны, и кончая сѣверомъ, гдѣ они являются обычно экстенсивными[1]. Въ отношеніи этихъ пріемовъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что хлопокъ крайне рѣдко культивируется въ Кореѣ одинъ, но въ 99 случаяхъ изъ ста — совмѣстно съ другими сельскохозяйственными культурами, которыя занимаютъ межи, промежутки среди отдѣльныхъ растеній хлопчатника или края его поля. Въ этомъ отношеніи никакая другая сельскохозяйственная культура въ Кореѣ не сравнится съ хлопчатникомъ, хотя и по отношенію къ нимъ нерѣдко примѣняется аналогичный способъ совмѣстнаго сѣва. Наиболѣе обычными растеніями, засѣваемыми совмѣстно съ хлопчатникомъ, являются клещевина и красный перецъ, безъ которыхъ корейцы не могутъ обойтись ни одинъ день, но которые не требуютъ себѣ особыхъ участковъ земли для самостоятельнаго посѣва, такъ какъ, по сравненію съ главными пищевыми продуктами, количество потребленія ихъ невелико. Поэтому-то они и засѣваются въ смѣси съ другими растеніями, въ особенности съ хлопкомъ. Изъ другихъ сельскохозяйственныхъ культуръ, встрѣчающихся вмѣстѣ съ хлопкомъ, можно назвать кунжутъ (кор. гома), мелкіе бобы, Perilla ocimoides, итальянское просо, гаолянъ, дыни, овощи[2].

При посѣвѣ хлопка корейцы всегда пользуются собственными сѣменами, развѣ только при неурожаѣ они прибѣгаютъ къ чужимъ сѣменамъ, при этомъ, кромѣ какъ на югѣ и то лишь изрѣдка, они не отбираютъ лучшихъ сѣмянъ для посѣва, а прямо оставляютъ изъ общаго сбора, какое нужно, количество ихъ[3].

---

[1]) Канкоку-сôран, 517. Тамъ же на стр. 517—523 описываются корейскіе пріемы выращиванія хлопка.

[2]) Канкоку-сôран, 517—8.

[3]) Тамъ же, 518—9. Затѣмъ говорится о самой обработкѣ поля и способѣ сѣва (онъ дѣлается обычно тѣсный, чтобы воспрепятствовать чрезмѣрному разростанію растенія). Тамъ же, 519—520. Далѣе описывается уходъ за плантаціями и самый сборъ хлопка (этимъ занимаются большей частью женщины по

Въ южной Кореѣ хлопокъ обычно засѣвается послѣ злаковъ категоріи «муги», но въ сѣверной Кореѣ хлопокъ во многихъ случаяхъ является единственнымъ посѣвомъ, такъ какъ въ этой части страны нельзя собирать двѣ жатвы въ годъ съ одного поля. Болѣе продолжительный и послѣдовательный посѣвъ хлопка вообще нежелателенъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ уменьшается его урожай. Поэтому, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ посѣва хлопка, обычно сѣютъ итальянское просо, крупные бобы и т. д.[1].

Эти общія указанія пополняются Цібсен-сангібси[2] нѣкоторыми подробностями относительно культивированія хлопка въ отдѣльныхъ уѣздахъ провинцій Кёнъгыйдо, обѣихъ Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо, равно какъ относительно количества урожая его въ этихъ мѣстностяхъ и способовъ потребленія. Въ частности, эти свѣдѣнія относятся къ уѣздамъ Саннёнъ (здѣсь хлопка производится не очень много, хотя и болѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ; хлопокъ служитъ для собственнаго потребленія населенія и только излишекъ его продается) и Ичхён въ провинціи Кёнъгыйдо, къ уѣзду Янъгу въ провинціи Канъуёндо, гдѣ весь сборъ хлопка потребляется на мѣстѣ, и уѣздамъ Кёльсёнъ и Ёнги въ Южной Чхюнъчхёнъдо (въ послѣднемъ уѣздѣ весь хлопокъ цѣликомъ вывозится, при чемъ земледѣльцы, культивирующіе и продающіе его, сами покупаютъ для изготовленія одежды и т. д. привозный хлопокъ, который дешевъ; покупаютъ и пряжу. Хотя существующій здѣсь сборъ хлопка, сравнительно съ тѣмъ, что было 10 лѣтъ тому назадъ, увеличился, но теперь онъ обнаруживаетъ склонность къ уменьшенію, т. к. плохо сбывается вслѣдствіе большого привоза этого продукта[3]. Наконецъ, аналогичныя свѣдѣнія даются и для уѣзда Чхюнъ-чжю въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо.

Въ другомъ мѣстѣ Цібсен-сангібси[4] указываются сорта и качество хлопка въ провинціи Хоанъхäдо. Длина волоконъ здѣсь въ среднемъ

всей Кореѣ, тогда какъ обработка поля и посѣвъ выполняются главнымъ образомъ мужчинами; женщины же отдѣляютъ сѣмена, прядутъ и ткутъ. Въ частности, отдѣленіе волокна отъ сѣмянъ совершается въ Кореѣ съ помощью примитивныхъ приборовъ, производящихъ эту очистку медленно и не вполнѣ (въ день изъ 12 ф. хлопка получается только 3 ф. очищеннаго; впрочемъ, нѣкоторые корейскіе хлопководы заимствовали у японцевъ лучшіе приборы, дающіе до 35 ф. очищеннаго хлопка въ день). Описаніе Кореи, I, 132. Все же понынѣ значительное количество корейскаго хлопка поступаетъ въ Японію въ неочищенномъ видѣ или очищается самими японскими экспортерами въ открытыхъ для иностранной торговли портахъ Кореи. Канкоку-сбран, 520—1. На стр. 522—523 говорится объ удобреніи плантаціи хлопка.

[1]) Канкоку-сбран, 522. На стр. 523—5 указывается вредъ отъ болѣзней хлопчатника, въ особенности отъ червей и насѣкомыхъ, равно какъ отъ засухи и раннихъ заморозковъ.

[2]) На стр. 464—470 перваго тома.

[3]) Тамъ же, 469.

[4]) Стр. 524.

6 фун; хотя волокна твердыя и грубыя, но обладаютъ большой эластичностью; очищенный отъ сѣмянъ хлопокъ составляетъ 1/3 первоначальнаго количества[1]. На 1 тан средній сборъ въ нормальный годъ достигаетъ 6—7 камме[2].

Пріемы культивированія хлопка въ обѣихъ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо также описываются въ Цiōсен-сангiōси[3]. Сборъ хлопка достигаетъ здѣсь въ среднемъ 18 камме на 1 тан, что по рыночной цѣнѣ составляетъ стоимость въ 7 енъ слишкомъ[4].

Средній сборъ неочищеннаго хлопка въ Кореѣ достигаетъ около 20 камме съ 1 тан, и сборъ въ 30 камме уже можно вполнѣ назвать высшимъ. Однако, какъ уже говорилось, въ Кореѣ постоянно практикуется совмѣстный посѣвъ хлопка съ другими культурами; поэтому, когда все поле бываетъ засѣяно однимъ хлопкомъ, то сборъ долженъ относительно увеличиться, что понятно само собою; въ этомъ случаѣ, чтобы опредѣлить его размѣръ, слѣдуетъ прибавить къ указаннымъ цифрамъ 10 или 20%[5]. Однако, другіе авторы указываютъ меньшія цифры, напримѣръ, 1035 ф. неочищеннаго хлопка съ одной десятины на югѣ полуострова (очищеннаго хлопка 250 ф.[6]). Японскій экспертъ Андō исчислялъ средній сборъ хлопка мѣстами до 500 англ. ф. неочищеннаго хлопка, но въ общемъ меньше 427 ф. съ акра, т. е. съ 4 тан въ Южной Чёлладо, 370 ф. въ Южной Кёнъсянъдо и 320 ф. въ Южной Пхёнъандо[7].

Среди обычнаго хлопка въ Японiи въ наибольшемъ обиліи встѣчается сортъ, называемый «Цiōсен (Корейскій)»; имѣется не мало и измѣненныхъ сортовъ, происшедшихъ отъ него же[8]. Нынѣ разводимый въ Кореѣ хлопокъ, должно быть, имѣетъ одинаковое происхожденіе съ этимъ «Корейскимъ» хлопкомъ въ Японiи и, какъ тотъ, принадлежитъ къ обыкновенному травянистому виду этого растенія[9].

---

[1]) Пріемы разведенія хлопка въ названной провинціи описываются тамъ же, стр. 524—5.

[2]) Тамъ же, 525.

[3]) I, 528—529.

[4]) Тамъ же, 529.

[5]) Канкоку-сōран, 525.

[6]) «Описаніе Кореи», II, 131, со словъ цит. англ. консульскаго отчета: Report on the cultivation of cotton in Korea, 1894.

[7]) 8,26 англ. фунта составляютъ 1 японскій камме.

[8]) Они перечисляются въ Канкоку-нōгiōрон, 206, въ самой же Кореѣ сорта хлопка еще не выяснены.

[9]) Канкоку-сōран, 516. Далѣе на стр. 516—17 дается описаніе самаго растенія.

Корейскій хлопокъ, вывозимый въ Японію, оказывается смѣшанныхъ сортовъ и, кромѣ того, съ многими посторонними примѣсями, что составляетъ весьма существенный недостатокъ его. Первое объясняется тѣмъ, что корейскіе хлопководы не дѣлаютъ различія между разновременными сборами хлопка, а агенты при упаковкѣ также не производятъ сортировки его, почему онъ и оказывается разносортнымъ. Значительная засоренность хлопка въ свою очередь объясняется тѣмъ, что корейскіе поселяне производятъ просушку хлопка крайне неаккуратнымъ образомъ на цыновкахъ, сдѣланныхъ изъ рисовой соломы, а скупщики и экспортеры большей частью упаковываютъ тюки хлопка съ помощью рогожъ; кромѣ того, скупщики, вмѣстѣ съ усиленіемъ спроса на корейскій хлопокъ, стали прибѣгать къ недобросовѣстнымъ уловкамъ для увеличенія его вѣса, чрезъ прибавленіе къ нему песка и камней или смачиваніе его, чѣмъ еще болѣе ухудшали качество ввозимаго въ Японію корейскаго хлопка[1].

Само по себѣ качество корейскаго хлопка не является низкимъ и, по наблюденіямъ одной осакской прядильной компаніи, которая широко пользовалась для своихъ издѣлій этимъ хлопкомъ, онъ вообще отличается совершенно бѣлымъ цвѣтомъ, имѣетъ блескъ и довольно длинныя волокна, которыя позволяютъ выдѣлывать изъ него номера (手) 12—16 пряжи. Однако, если первосборный корейскій хлопокъ дѣйствительно обладаетъ красивымъ цвѣтомъ, то хлопокъ позднихъ сборовъ имѣетъ красный цвѣтъ, черезчуръ толстыя волокна и не годится для тонкаго пряденія, поэтому названная компанія смѣшивала всѣ сорта китайскаго хлопка съ корейскимъ и такимъ образомъ перерабатывала ихъ. Все же, если бъ было только возможно имѣть достаточное для удовлетворенія спроса количество корейскаго хлопка, то вполнѣ возможно было бъ выдѣлывать пряжу изъ одного его. По мнѣнію другихъ экспертовъ, качество корейскаго хлопка достаточно хорошо для изготовленія 20-го номера (手) пряжи.

На стр. 535—38 Канкоку-сōран приводятся данныя экспертизы г. Андō по измѣренію длины и тонины волоконъ, количества получаемаго очищеннаго хлопка, упругости и блеска хлопка для 32 мѣст-

[1]) Канкоку-сōран, 533—4.

ностей во всѣхъ хлопковыхъ провинціяхъ Кореи съ самаго южнаго до сѣвернаго конца полуострова. Въ среднемъ длина волоконъ корейскаго хлопка является 28,66 милимм., тонина 0,0239; содержаніе чистаго хлопка достигаетъ 27,6%, упругость онъ имѣетъ большей частью среднюю, блескъ, кромѣ нѣсколькихъ образцовъ, только удовлетворительный. Три другихъ таблицы на стр. 538—541 сравниваютъ длину, тонину и % чистаго содержанія корейскаго хлопка съ аналогичными качествами японскаго и различныхъ иностранныхъ хлопковъ[1]; впрочемъ, сравненіе % содержанія дѣлается только съ японскимъ хлопкомъ, въ каковомъ отношеніи корейскій хлопокъ много уступаетъ японскому—35,2% для перваго, 40,4% для второго[2]. Въ отношеніи длины волоконъ корейскій хлопокъ не уступаетъ американскому и индійскому и въ этомъ отношеніи пригоденъ служить прядильнымъ матеріаломъ, но, будучи слишкомъ толстымъ, не можетъ употребляться на тонкіе сорта пряжи, что и составляетъ весьма досадный недостатокъ его[3]. По отзыву другого японскаго автора, корейскій хлопокъ имѣетъ длинныя волокна и пригоденъ для всякаго рода примѣненій. Сами корейцы весьма цѣнятъ туземный хлопокъ за то, что онъ, обладая большей клейкостью, чѣмъ привозный хлопокъ, можетъ наилучше служить для подбивки платья, такъ какъ его хлопья не расползаются[4].

Корейское хлопководство представляетъ особый интересъ и важность для японской хлопчатобумажной промышленности и японскіе авторы, напримѣръ, Канкоку-сōран, съ особымъ вниманіемъ стараются дать ему надлежащую оцѣнку съ этой точки зрѣнія. Прежде всего названный авторъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что разведеніе хлопка въ Японіи съ самаго начала не подходило къ физическимъ условіямъ этой страны, почему съ каждымъ годомъ сокращалось; и нынѣ (говорится

---

[1]) Сравненіе свойствъ корейскаго хлопка—въ отношеніи длины, тонины, % содержанія чистаго хлопка и блеска съ другими хлопками дѣлается также Канкоку-нōгіōрон, 205—206.

[2]) Канкоку-нōгіōрон, 205, указываетъ высшую цифру содержанія чистаго хлопка въ корейскомъ хлопкѣ въ 30%, обычно же 25% (т. е. изъ 100 кинъ неочищеннаго хлопка получается 25 кин очищеннаго), для японскаго же хлопка обычной цифрою является 30%. Въ отношеніи блеска корейскій хлопокъ мало отличается отъ китайскаго и индійскаго, но уступаетъ японскому; зато по длинѣ онъ превосходитъ японскій на 10—15%, будучи нѣсколько длиннѣе китайскаго и равняясь индійскому, почему случалось въ недавніе годы, что въ Японіи имъ замѣняли, не говоря объ индійскомъ, американскій хлопокъ.

[3]) Канкоку-сōран, 542.

[4]) Цiōсен-сангiōси, I, 462 (для провинцій Кѣнъгыйдо, Чхюнъчхѣнъдо и Канъуōндо). Далѣе на стр. 462—3 указывается длина, тонина и % полуочищеннаго волокна для хлопка, собираемаго въ различныхъ мѣстностяхъ 4 провинцій центральной Кореи; на стр. 464 даются свѣдѣнія о количествѣ сбора хлопка въ различныхъ уѣздахъ того же района: отъ 16 до 22 камме съ 1 яп. тан.

въ 1906 г.), по сравненіи съ тѣмъ, что было 20 лѣтъ назадъ, эта культура занимаетъ въ Японіи только $^1/_5$ прежней площади[1]. Всѣ мѣры поощренія хлопковой культуры не даютъ въ самой Японіи полезнаго результата, и туземный продуктъ все болѣе вытѣсняется привознымъ изъ другихъ странъ и едва только влачить свое существованіе, въ качествѣ матеріала на подбивку. Вслѣдствіе упадка хлопководства въ самой Японіи, эта страна принуждена, вмѣстѣ съ значительнымъ ростомъ ея хлопчатобумажной промышленности, ввозить этотъ сырой матеріалъ, котораго не можетъ доставить ей въ необходимомъ количествѣ туземное хлопководство, изъ Китая, Индіи и Америки, несмотря на дорогую цѣну. При этихъ обстоятельствахъ ввозъ въ Японію иностраннаго хлопка чрезвычайно возросъ и, изъ года въ годъ увеличиваясь, достигъ огромной цифры въ 3 милліона пикулей, нынѣ даже превысивъ эту цифру[2]. Такимъ образомъ японская хлопчатопрядильная промы-

---

[1]) Если судить по новѣйшимъ даннымъ, помѣщеннымъ въ оффиціальномъ изданіи: Outlines of agriculture in Japan. Published by Agricultural Bureau, Department of agriculture and commerce, Tokyo, 1910, относительное сокращеніе площади посѣвовъ хлопка и сбора его въ Японіи оказывается еще значительнѣе, такъ какъ въ 1887 г. названная площадь измѣрялась въ 98,000 цiô, въ 1902 г. —20,000 цiô, въ 1907 г.—всего 7,000 цiô; сборъ же неочищеннаго хлопка въ 1887 г. былъ 22,380,000 камме, въ 1902 г. 3,320,000 камме и въ 1907 г. всего 1,420,000 камме (тамъ же, 37 и 40). Эти данныя можно сравнить съ болѣе подробными данными касательно послѣдовательнаго сокращенія хлопковой культуры въ Японіи въ періоды 1887—1906 гг., съ указаніемъ причинъ этого сокращенія; въ частности дороговизны туземнаго хлопка сравнительно съ привозными, въ спеціальной монографіи: Nishi, Dr. Hikotaro. Die Baumwollspinnerei in Japan въ Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, herausgeg. von Dr. K. Bücher, Ergänzungsheft XL, стр. 12—17). Такимъ образомъ уменьшеніе площади посѣвовъ хлопка въ Японіи въ пять разъ имѣлось въ дѣйствительности только въ 1902 г., нынѣ же это уменьшеніе оказывается въ 14 разъ.

[2]) Количество (въ пикуляхъ) и цѣнность (въ енъ) ввоза хлопка—неочищеннаго и очищеннаго въ позднѣйшее время, именно, за три года 1908-1910, можетъ быть выражено въ слѣдующихъ цифрахъ (изъ Нихон-тейкоку-тôкей-ненкан, № 30, 300):

	1908 г.		1909 г.		1910 г.	
	Колич.	Цѣнность.	Колич.	Цѣнность.	Колич.	Цѣнность.
Хлопокъ-сырецъ	229,305	1,542,809	214,521	1,524,054	168,851	1,398,205
Очищенный хлопокъ	3,114,690	88,713,480	3,770,901	106,783,731	4,784,348	157,823,603

Въ 1910 г. по отдѣльнымъ странамъ ввозъ очищеннаго хлопка въ Японію распредѣлялся по количеству и цѣнности слѣдующимъ образомъ: изъ Китая 1,125,690 пикулей, на сумму 34,030,190 енъ, изъ Британской Индіи 3,097,496 пикулей, на сумму 101,218,305 енъ, изъ Французскаго Индо-Китая 11,655 пикулей на сумму 305,258 енъ, изъ Соединенныхъ Штатовъ 444,703 пикуля на

шленность цѣликомъ зависитъ отъ иностраннаго хлопка и послѣдній является вершителемъ ея судебъ, въ чемъ заключается, какъ не требуетъ себѣ дальнѣйшихъ объясненій, опасность для нея. Поэтому, если бъ по счастью оказалось возможнымъ для Японіи получать часть этого сырого матеріала изъ Кореи, то этимъ былъ бы положенъ предѣлъ причудамъ рынка иностраннаго хлопка, что доставило бъ не малое успокоеніе и выгоду названной крупной отрасли промышленности Японіи[1]. Если подобное заявленіе являлось справедливымъ въ то время, когда Корея оставалась хотя бы номинально независимымъ отъ Японіи государствомъ, то нынѣ оно еще менѣе способно вызывать сомнѣнія, послѣ того какъ Корея сдѣлалась частью японской имперіи.

Предпочтительность корейскаго хлопка передъ хлопкомъ изъ другихъ странъ для нуждъ японской промышленности объясняется, помимо прочихъ соображеній, и тѣмъ, что, напримѣръ, въ 1904 г., считая стоимость неочищеннаго хлопка въ Мокпхо въ 5 енъ вмѣстѣ съ расходами по доставкѣ его въ Осака, и въ 6 енъ 50 сен, 1 пикуль корейскаго хлопка по очисткѣ его въ Японіи обходился все же дешевле японскаго, какъ и индійскаго и китайскаго. Если производить очистку хлопка въ самой Кореѣ—нынѣ, говорится въ 1904 г., хлопокъ вообще везется оттуда неочищеннымъ[2], то можно было бъ

сумму 17,193,128 енъ, изъ Египта—74,217 пикуля на сумму 4,143,388 енъ, изъ другихъ странъ (въ частности изъ Кореи) 30,581 пикуля на сумму 933,344 енъ. Ввозъ неочищеннаго хлопка въ томъ же году шелъ изъ британской колоніи Стрэтсъ-Сеттлементовъ, Французскаго Индо-Китая, Голландской Индіи и другихъ странъ, въ частности, и изъ Кореи.

Слѣдующая таблица, заимствованная изъ указанной монографіи д-ра Ниси, стр. 20, даетъ цифры ввоза корейскаго хлопка въ Японію по отдѣльнымъ годамъ:

Годы.	Количество въ кинъ.	Цѣнность въ енъ.
1902	1,268,100	67,840
1903	3,215,300	175,522
1904	3,512,200	229,260
1905	1,381,700	97,059
1906	1,491,100	116,141
1907	839,800	105,206
1908	1,447,000	247,993
1909	2,743,000	342,126

[1]) Канкоку-сôран, 506—507.

[2]) Въ настоящее время, наоборотъ, значительная, даже большая часть хлопка изъ Кореи идетъ въ Японію ужъ очищенной, съ тѣхъ поръ какъ «ассоціація хлопководства», о ней см. ниже, устроила въ 1906 г. хлопкоочистительный заводъ въ Мокпхо.

уменьшить расходы по транспорту и кромѣ того оставить хлопковыя сѣмена въ Кореѣ для удобренія[1].

Исходя изъ вышеуказанныхъ соображеній, отдѣльныя лица изъ числа японскихъ сельскихъ хозяевъ въ Кореѣ или цѣлыя группы ихъ, совмѣстно съ представителями бумагопрядильной промышленности въ Японіи, равно какъ государственными и общественными дѣятелями въ этой странѣ, при полной поддержкѣ, или даже подъ непосредственнымъ руководствомъ, японскаго и корейскаго (по указаніямъ перваго) правительствъ, либо сами занялись за послѣдніе 6-7 лѣтъ хлопководствомъ въ Кореѣ, либо въ видѣ особыхъ организацій приступили къ поощренію и содѣйствію развитію хлопководства на полуостровѣ и увеличенію вывоза этого продукта отсюда въ Японію, съ конечной цѣлью избавить японскую хлопчатобумажную промышленность отъ зависимости отъ иностранныхъ рынковъ хлопка-сырца и сохранить въ своей странѣ часть золота, ежегодно уходящаго за-границу въ уплату за это сырье. Благопріятныя условія, существующія въ Кореѣ для хлопковой культуры и правильно оцѣненныя уже болѣе ранними японскими авторами[2], весьма облегчали этимъ лицамъ и самому правительству задачу поощренія корейскаго хлопководства, тѣмъ болѣе, что окончательное утвержденіе японскаго политическаго вліянія въ Кореѣ, въ качествѣ подготовительной мѣры къ присоединенію полуострова къ японской имперіи, позволяло японскому правительству затратить необходимыя денежныя средства на развитіе названной отрасли корейской сельской промышленности.

Дѣятельность въ данномъ отношеніи первоначально корейскаго правительства подъ японскимъ руководствомъ, нынѣ самого японскаго генералъ-губернаторства прежде всего была направлена къ улучшенію качества корейскаго хлопка путемъ распространенія заграничныхъ сѣмянъ (преимущественно изъ Америки), ознакомленію туземныхъ хлопководовъ съ лучшими пріемами культивированія этого растенія, въ частности съ выгодами болѣе обильнаго удобренія поля, равно какъ расширенію площади посѣвовъ хлопка устройствомъ новыхъ плантацій его, служившихъ образцомъ для другихъ. Въ этихъ же цѣляхъ былъ

---

[1]) Канкоку-нôгіôрон, 211-2. Цѣны на корейскій хлопокъ, естественно, устанавливаются въ зависимости отъ цѣнъ хлопка въ Америкѣ, и паденіе ихъ въ этой странѣ неминуемо должно понижать и цѣны на корейскій хлопокъ, чего корейскіе земледѣльцы пока не могутъ понять и нынѣ выжидаютъ повышенія цѣнъ, придерживая свои запасы хлопка. Seoul Press, 2 December 1911,3.

[2]) Помимо мнѣній, приведенныхъ въ своемъ мѣстѣ выше, можно процитировать здѣсь слѣдующій отзывъ весьма осторожнаго японскаго изслѣдователя, который, принявъ во вниманіе пригодность для хлопковой культуры въ Кореѣ почвы, климата, количества осадковъ и прочихъ естественныхъ условій, не сомнѣвался въ возможности значительнаго увеличенія площади и количества сбора хлопка въ Кореѣ въ будущемъ, подъ условіемъ использованія для этой цѣли свободныхъ земель и улучшенія пріемовъ культивированія. Канкоку-нôгіôрон, 214.

предпринятъ чрезъ экспертовъ рядъ опытовъ разведенія въ Кореѣ лучшихъ сортовъ хлопка, для выясненія наиболѣе пригодныхъ изъ нихъ по мѣстнымъ условіямъ. Эти опыты велись съ 1906 г. на образцовой сельско-хозяйственной фермѣ въ Сюуён и на спеціально открытомъ въ іюнѣ 1906 г. въ Мокпхо отдѣленіи фермы, подъ наименованіемъ Кангіō-мохандзіō-Моппо-сидзіō 勸業模範場木浦支場[1]. Это отдѣленіе приняло въ свое завѣдываніе хлопковыя плантаціи, заведенныя особой ассоціаціей, субсидированной правительствомъ, о которой говорится ниже, при чемъ результаты первыхъ опытовъ, весьма удачные, были опубликованы экспертомъ Андō въ особомъ отчетѣ, на который нерѣдко дѣлались ссылки выше[2]. Наиболѣе важнымъ изъ этихъ результатовъ было доказательство преимуществъ разведенія въ Кореѣ американскаго нагорнаго хлопка передъ туземными сортами его, заключающихся въ слѣдующемъ[3]: 1) онъ даетъ значительно большій сборъ съ той же площади земли: максимальный въ 350 кин съ 1 тан, въ среднемъ же 130—140 кин (туземные сорта только 70—80 кин съ 1 тан); между тѣмъ культивированіе его не требуетъ большей рабочей силы или обильнаго удобренія; 2) доставляетъ прекрасное волокно, увеличивая цѣнность продукта; 3) повышаетъ доходность земли и этимъ побуждаетъ многихъ сельскихъ хозяевъ засѣвать свои поля хлопкомъ, какъ болѣе выгоднымъ растеніемъ, и способствуетъ расширенію площади хлопковой культуры и увеличенію сбора этого продукта въ странѣ, что въ свою очередь должно выгодно отразиться на ея внѣшней торговлѣ[4].

Помимо правительства, хлопководствомъ въ Кореѣ занялась, какъ сказано, японская и частная предпріимчивость—нѣсколько отдѣльныхъ японскихъ сельскихъ хозяевъ и въ особенности спеціально для этой цѣли организованная въ 1905 г. «ассоціація хлопководства»: менка-сайбай-кіōкай 綿花栽培協會—Cotton cultivation (plantation) association, при чемъ учредителями ея являлись нѣсколько членовъ обѣихъ палатъ японскаго парламента, высшія должностныя лица—японскіе и корейскіе (служащіе управленія японскаго генералъ-резидента и нѣсколько корейскихъ министровъ), хозяева-хлопководы, представители японской бумагопрядильной промышленности[5]. Указанная ассоціація

---

[1]) Въ мартѣ 1908 г. функціи этого отдѣленія перешли къ спеціально организованной для той же цѣли «риндзи-менка-сайбайсіо», т. е. временной станціи хлопкоразведенія 臨時綿花栽培所.

[2]) Данныя этого отчета были напечатаны въ переводѣ въ англійскихъ Diplomatic and consular reports. Miscellaneous series, № 654.

[3]) Нихон но Ціôсен, текстъ, 10, и «Харбинскій Вѣстникъ», № 2103, 1 апрѣля 1911,2.

[4]) Благодаря тому, что корейскій хлопокъ много превосходитъ китайскій по качеству, хлопководство въ этой странѣ является болѣе прибыльнымъ дѣломъ, чѣмъ разведеніе риса, который хуже качествомъ. Japan W. Times, 9 July 1910, 519.

[5]) Какъ можно судить на основаніи отчета генеральнаго резидента за 1906 г. (русскій переводъ, стр. 44-45), иниціатива въ вопросѣ объ улучшеніи корейскаго хлопководства исходила отъ названной ассоціаціи, такъ что корейскому правитель-

устроила опытныя хлопковыя плантаціи въ окрестностяхъ Мокпхо и въ другихъ мѣстахъ южной Кореи, вплоть до Конъчжю въ Чхюнъчхёнъдо, и заручилась матеріальной поддержкою корейскаго правительства въ видѣ денежной субсидіи въ 100,000 енъ, разсроченныхъ на три года, начиная съ 1906 г., подъ условіемъ, что она станетъ распространять сѣмена американскаго нагорнаго хлопка съ собственныхъ плантацій въ Кореѣ среди широкихъ круговъ корейскихъ хлопководовъ и устроитъ хлопкоочистительный заводъ[1]. Дѣятельность ассоціаціи контролировалась черезъ Сюуёнскую образцовую ферму, при чемъ завѣдываніе хлопковыми плантаціями самой ассоціаціи въ Мокпхо было возложено, по ея просьбѣ, на отдѣленіе фермы въ этомъ городѣ, вплоть до марта 1908 г., когда для этой цѣли была устроена въ томъ же Мокпхо спеціальная станція подъ упомянутымъ выше обозначеніемъ «риндзи-менка-сайбайсіо». Уже въ 1907 г. ассоціаціей были устроены плантаціи американскаго нагорнаго хлопка въ 7 различныхъ мѣстахъ, каковое число возросло въ 1908 г. до 13 (въ 1909 г.—11 мѣстъ); площадь земли, засѣянной этимъ хлопкомъ по почину самой ассоціаціи и прочихъ японскихъ и корейскихъ хлопководовъ, пользовавшихся сѣмянами отъ ассоціаціи, въ 1906 г. была 51,6 ціō, въ 1907 г.—66,2 ціō, въ 1908 г.—196,9 ціō, въ 1909 г.—412 ціō; сборъ того же хлопка неизмѣнно повышался изъ года въ годъ, начавшись въ 1907 г. съ 77,074 кин и въ 1908 г.—124,342 кин и достигнувъ въ 1909 г. 380,160 кин (въ этомъ году ассоціаціей было роздано 88,000 кин сѣмянъ указаннаго хлопка); число занимавшихся культивированіемъ этого хлопка было въ 1906 г. 348 корейцевъ (помимо того, въ 5 японскихъ хозяйствахъ) и въ 1907 г. 921 корейцевъ и 16 японцевъ, въ 1908 г. указанное число возросло до 4,475 и въ 1909 г. —8,336 человѣкъ. Въ 1910 г. плантаціи американскаго хлопка достигли площади 1200 ціō, а вывозъ корейскаго очищеннаго хлопка въ Японію въ теченіе первой половины 1910 г. оцѣнивался въ 1,000,000 енъ[2], что дало г. Фудзіи поводъ заявить на общемъ собраніи означенной

ству оставалось лишь послѣдовать ея желаніямъ; правда, сама ассоціація передала затѣмъ это дѣло въ руки Сюуёнской образцовой фермы, которой первоначально было поручено лишь наблюденіе за ея дѣятельностью, почему ферма и открыла отдѣленіе въ Мокпхо.

[1]) Этотъ заводъ и былъ построенъ въ Мокпхо съ затратою 30,000 енъ.

[2]) Эта оцѣнка, однако, являлась чрезмѣрно преувеличенной, такъ какъ цѣнность вывоза хлопка изъ Кореи за весь 1910 г. была лишь 79,873 енъ для неочищеннаго хлопка (14,553 пикуля) и 224,991 енъ для очищеннаго хлопка (10,993 пикуля), или всего 304,768 енъ. Ціôсен-сôтокуфу-тôкей-іôран, № 1, 174—5. Справедливость этого подтверждается и газетными извѣстіями, что, благодаря избытку дождей лѣтомъ 1910 г., сборъ хлопка вокругъ Мокпхо былъ не столь удаченъ, какъ въ 1909 г., когда его было вывезено черезъ Мокпхо на 270,000 енъ. Между тѣмъ, въ ожиданіи хорошаго сбора, было занято въ 1910 г. подъ посѣвы хлопка вокругъ Мокпхо 1200 ціô, т. е. въ 3 раза большая площадь, чѣмъ въ 1909 г., и предполагалось, что вывозъ хлопка въ этомъ году превыситъ 1/2 милл. енъ. Japan W. Chronicle, 1910, 20 Oct., 725 и 15 Dec., 1054.

ассоціаціи въ Токіо, что при этой пропорціи роста плантаціи по сосѣдству съ Мокпхо черезъ десять лѣтъ охватятъ 153,600 ціо и дадутъ на сумму 11,000,000 енъ очищеннаго хлопка[1]. Въ 1911 г. подъ посѣвами американскаго нагорнаго хлопка находилось уже 2,683 ціо, при чемъ его культивированіемъ занималось 43,185 человѣкъ; добыча этого хлопка въ 1911 г. опредѣлялась директоромъ-распорядителемъ названной ассоціаціи въ 2,000,000 кин противъ 690,000 кин въ 1910 г.[2]. Въ виду столь успѣшныхъ результатовъ, указанная ассоціація сочла свою миссію законченной и на собраніи въ декабрѣ 1911 г. постановила ликвидировать свое предпріятіе и передать дальнѣйшее руководство дѣломъ распространенія въ Кореѣ хлопковой культуры, въ частности насажденнаго ассоціаціей съ такимъ успѣхомъ американскаго хлопка, всецѣло въ руки корейскаго генералъ-губернатора, выработавшаго особый планъ широкаго поощренія и охраненія этой отрасли промышленности[3]. Въ частности, въ текущемъ 1912 году имъ предположено устроить десять новыхъ питомниковъ хлопковаго сѣмени въ Южной Чёлладо, въ дополненіе къ 20 существующимъ, состоящимъ въ вѣдѣніи отдѣленія образцовой фермы въ Мокпхо, и, кромѣ того, раздавать денежныя ссуды хлопководамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они пока малочисленны за отдаленностью рынковъ сбыта. Помимо денежной поддержки, наиболѣе ревностнымъ изъ нихъ будетъ роздано по нѣкоторому количеству удобреній[4]. Въ бюджетѣ 1911 г. на предметъ поощренія этой отрасли промышленности было ассигновано 61,954 енъ, но по смѣтѣ 1912—3 финансоваго года эта цифра увеличена на 60,227 енъ[5].

Наиболѣе осязательные результаты совмѣстной плодотворной дѣятельности японскаго правительства, указанной ассоціаціи и частныхъ лицъ на пользу развитія корейскаго хлопководства наглядно обнаруживаются въ Мокпхо, который является центромъ этой отрасли японской предпріимчивости. Нынѣ поля, окружающія этотъ городъ, почти сплошь заняты хлопкомъ, съ разбросанными среди нихъ постройками японскихъ земледѣльцевъ. При этомъ въ названной мѣстности обращаетъ на себя вниманіе широкое распространеніе культуры американскаго нагорнаго хлопка. По сосѣдству съ самимъ Мокпхо, въ уѣздахъ Іонъданъ 龍堂 и Муан поля цѣликомъ засѣяны этимъ хлопкомъ, и корейская разновидность этого растенія почти совершенно вытѣснена отсюда[6].

---

[1]) Seoul Press, 2 Dec. 1911,3.

[2]) Japan W. Times, 9 July 1910,519.

[3]) Seoul Press, 29 Dec. 1911,2.

[4]) Раньше тѣмъ же хлопководамъ, для распространенія культуры нагорнаго хлопка среди населенія, власти раздавали орудія, необходимыя для этой цѣли.

[5]) Seoul Press, 10 March 1912; въ частности, по сообщенію «Харб. Вѣстн.», № 2372, 31 янв. 1912,3, въ смѣту 1912—13 фин. года внесено 59,966 енъ на распространеніе въ Кореѣ культуры высшихъ сортовъ американскаго хлопка.

[6]) Seoul Press, 2 Dec. 1911,3 (со словъ г. Сібдзи, директора—распорядителя названной «ассоціаціи хлопководства»).

Столь значительный успѣхъ, выпавшій на долю выше названной ассоціаціи, вызвалъ къ жизни рядъ проектовъ учрежденія японскихъ компаній съ крупными капиталами, задававшихся цѣлью заняться еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, притомъ спеціально съ коммерческой цѣлью, хлопководствомъ въ Кореѣ. Такъ, въ 1911 г. было проектировано учрежденіе наиболѣе значительной изъ аналогичныхъ компаній «Korean cotton cultivation company»[1], съ капиталомъ въ 5 милліоновъ енъ. Эта компанія предполагала открыть операціи покупкою 12,500 акровъ (5,000 ціо) хлопковыхъ полей для эксплоатаціи ихъ съ помощью арендаторовъ. Однако, компанія была принуждена ликвидировать свое предпріятіе, прежде чѣмъ окончательно сформировалась и приступила къ дѣлу. Неудача этой компаніи, какъ нѣсколькихъ другихъ ранѣе возникавшихъ аналогичныхъ предпріятій съ большими капиталами, объясняется виконтомъ Сонъ, бывшимъ корейскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, во 1) несоразмѣрно высокой расцѣнкою корейскихъ хлопковыхъ полей въ тѣхъ мѣстностяхъ Кореи, которыя являются дѣйствительно пригодными для этой цѣли[2], и во 2) тѣмъ, что эти компаніи, будучи учреждаемы одними японцами, возбудили бъ ревность и даже непріязнь корейскаго населенія скупкою большого количества земель. Чтобы избѣжать этихъ невыгодныхъ условій, приводившихъ къ крушенію всѣ прежнія крупныя предпріятія этого рода, самъ виконтъ Сонъ, вмѣстѣ съ г. Томоцуне изъ Кобе, проектировалъ учрежденіе компаніи съ капиталомъ лишь въ 500,000 енъ, съ тѣмъ, чтобы она воздержалась отъ поспѣшной скупки хлопковыхъ полей и занялась лишь оказаніемъ денежной поддержки хлопководамъ, распространяя среди нихъ лучшіе пріемы этой культуры[3].

Большая часть хлопка улучшенныхъ сортовъ, производимаго нынѣ въ Кореѣ, отправляется на бумагопрядильни въ Японіи, остающееся же количество, совмѣстно съ мѣстнымъ же хлопкомъ болѣе низкаго качества, перерабатывается на ткани для корейскаго населенія въ самомъ Мокпхо на существующихъ здѣсь 3 фабрикахъ, которыми было выпущено за время съ октября 1909 г. по май 1910 г. этихъ тканей на сумму 1 милліона рублей[4].

---

[1]) Japan W. Chronicle, 1 June 1911,961. Объ этой компаніи упоминаетъ и цит. англійскій консульскій отчетъ о торговлѣ Кореи за 1910 г., стр. 9.

[2]) По словамъ виконта Сонъ, въ Кореѣ только шесть мѣстностей дѣйствительно пригодны для хлопководства, при чемъ многовѣковый опытъ показалъ, что внѣ ограниченной площади этихъ мѣстностей означенная культура не можетъ развиться въ прибыльное предпріятіе. Этимъ объясняется, почему даже предложеніе заманчивой цѣны не легко можетъ склонить корейскаго владѣльца хлопковаго поля къ продажѣ его. Seoul Press, 14 Sept. 1911,2.

[3]) Seoul Press, 14 Sept. 1911,2.

[4]) Харб. Вѣстникъ, № 2103, 1 апрѣля 1911, стр. 2.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ цифровыхъ данныхъ и общихъ соображеній можно судить, сколь успѣшная или даже блестящая будущность ожидаетъ разведеніе лучшихъ сортовъ хлопка въ Кореѣ, если ужъ теперь со столь ограниченной площади въ 2,500 цiō получается до 2,000,000 кин этого хлопка, такъ что при соотвѣтствующемъ расширеніи этой площади сборъ его долженъ возрасти прямо до колоссальной цифры. Для подобнаго расширенія площади хлопковыхъ посѣвовъ въ будущемъ имѣется понынѣ въ Кореѣ достаточное количество свободной земли, пригодной для этой цѣли, такъ какъ площадь ея достигаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, 2,093,000 акровъ, изъ коихъ не болѣе 600,000 акровъ, по самой широкой оцѣнкѣ утилизируется нынѣ корейскими хлопководами. Примѣръ японцевъ и выгодность улучшенія культуры (черезъ употребленіе сѣмянъ американскаго хлопка) заставляютъ уже теперь корейскихъ хлопководовъ измѣнять пріемы этой культуры, заботиться о лучшемъ выборѣ сѣмянъ и расширять площадь посѣвовъ этого растенія. На быстрый ростъ хлопководства окажетъ благопріятное вліяніе и строющаяся ж. д. Хонам, которая пройдетъ какъ разъ черезъ тѣ районы корейскаго полуострова, гдѣ хлопководство является главнымъ занятіемъ корейскаго населенія. Наличность всѣхъ этихъ благопріятныхъ данныхъ позволяетъ болѣе увлекающимся среди японскихъ дѣятелей въ Кореѣ или въ собственной Японіи почти что катеторически предсказывать, что Корея черезъ сравнительно короткій промежутокъ времени—какой-нибудь десятокъ лѣтъ, можетъ сдѣлаться одной изъ главныхъ міровыхъ странъ по производству хлопка, при чемъ близость ея къ фабрично-заводскимъ центрамъ Японіи сдѣлаетъ то, что сама Японія получитъ возможность пользоваться исключительно своимъ хлопкомъ, отпуская даже его излишки въ другія страны[1].

Если даже не соглашаться въ цѣломъ со столь радужной перспективой, открывающейся для корейскаго хлопководства, все же трудно отрицать, что Корея обладаетъ многими данными для быстраго и успѣшнаго развитія этой отрасли ея сельскохозяйственной промышленности и что прогрессирующая добыча

[1]) Харб. Вѣстн., № 2103, 1 апрѣля 1911, стр. 2.

здѣсь хлопка, при томъ улучшенныхъ сортовъ, должна въ недалекомъ будущемъ принести значительную пользу самой Японіи, которая въ лицѣ правительственныхъ учрежденій и частныхъ предпринимателей, дѣйствующихъ въ Кореѣ, затратила не мало усилій и денежныхъ средствъ для достиженія столь благопріятнаго результата.

Въ заключеніе спеціальной главы, посвященной разсмотрѣнію корейскаго хлопководства, авторъ Канкоку-сōран на стр. 551—562 резюмируетъ въ общихъ чертахъ будущность этой отрасли сельской промышленности въ Кореѣ, путемъ послѣдовательной оцѣнки отдѣльныхъ условій, имѣющихъ значеніе для нея, какъ-то: качества корейскаго хлопка (при этомъ случаѣ авторъ касается и опытовъ культивированія въ Кореѣ американскаго нагорнаго хлопка); увеличенія общей цифры сбора хлопка черезъ: 1) улучшенія этой культуры и 2) расширеніе площади посѣвовъ; наконецъ, вывоза хлопка. Далѣе разсматривается вопросъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя уже существуютъ или имѣютъ быть созданы въ Кореѣ ради поощренія и улучшенія хлопковой культуры. Въ частности здѣсь идетъ рѣчь объ опытныхъ поляхъ и станціяхъ, экспертахъ и инструкторахъ, которые должны заняться практическимъ распространеніемъ въ этой странѣ лучшихъ пріемовъ и орудій означенной культуры, наряду съ насажденіемъ лучшихъ сортовъ самаго растенія. Послѣднимъ пунктомъ авторъ касается и вопроса о привлеченіи капиталовъ для указанной отрасли сельскаго хозяйства черезъ финансовыя учрежденія, объ улучшеніи путей сообщенія, правительственныхъ поощреніяхъ и субсидіяхъ и т. д.

XII.

Для приготовленія бумаги въ Кореѣ разводится бумажное дерево—бумажная тутовица, танънаму по кор. 楮木 или просто 楮 (чё), каминоки 紙木 или кōдзо 楮 по японски (Broussonetia papyrifera Vent.); кромѣ того, для той же цѣли служатъ различные другіе матеріалы, которые будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ при разсмотрѣніи этой отрасли обрабатывающей промышленности.

Въ районѣ центральной Кореи бумажная тутовица сажается на межахъ орошаемыхъ и суходольныхъ полей, у подножья горъ и на плотинахъ близъ рѣкъ, при чемъ растетъ безъ всякаго ухода; только около сентября обрѣзаютъ хорошо развившіяся вѣтви, но, какъ кажется, большихъ заботъ этому дереву никѣмъ не удѣляется. Насколько пока извѣстно, культура этого дерева встрѣчается въ слѣдующихъ уѣздахъ

Кёнъгыйдо и Сѣверной Чхюнъчхёнъдо: въ Маджён, Саннёнъ, Чянъдан, Ёчжю, Чипхёнъ 砥平 и Янъгын 楊根, всѣ въ Кёнъгыйдо, и въ Койсан 槐山, Инсёнъ 陰城 и Чхюнъчжю въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо[1].

Производство бумаги существуетъ въ уѣздѣ Янъянъ въ въ Канъуёндо, въ слѣдующихъ четырехъ уѣздахъ Кёнъгыйдо: Капхёнъ, Саннёнъ, Тонъчхёнъ и Чипхёнъ, въ уѣздѣ Конъчжю въ Южной Чхюнъчхёнъдо и въ уѣздахъ Инсёнъ, Чхюнъчжю, Ёнъдонъ 永同 и Окчхён 沃川 въ Сѣверной Чхюнъчхёнъдо. Большей частью этимъ дѣломъ занимаются въ зимнее время. Матеріаломъ для бумаги служитъ кора дерева, но нерѣдко и старая бумага. Бумага неказиста, но хорошими сторонами ея являются прочность и гибкость[2].

Бумажная тутовица не разводится въ провинціи Хоанъхѣдо на суходольныхъ поляхъ, но встрѣчается въ дикомъ состояніи по возвышенностямъ, на плотинахъ, на краю огорода. Размноженіе дерева происходитъ путемъ разсадки пучковъ стеблей[3]. Это дерево доставляетъ сырой матеріалъ для бумаги, при чемъ при фабрикаціи ея, какъ и въ Японіи, прибавляютъ клеевое вещество, называемое по корейски такпхуль 楮草 (по японски нори). Въ гористыхъ мѣстностяхъ фабрикація бумаги изрѣдка происходитъ, но въ малыхъ размѣрахъ; по разсказамъ, въ уѣздѣ Понъсан горные монахи частнымъ образомъ занимаются этимъ дѣломъ[4].

О бумажной тутовицѣ (какъ и о шелковичной тутовицѣ) въ провинціи Хамгёнъдо можно сказать то же, что и о разведеніи ея въ Хоанъхѣдо[5].

Бумажная тутовица въ провинціяхъ Кёнъсянъдо и Чёлладо растетъ большей частью въ дикомъ состояніи у подножья горъ, при чемъ весь уходъ за ней выражается лишь въ срѣзываніи стеблей. Наружная кора ихъ употребляется для фабрикаціи бумаги[6].

---

[1]) Цiôсен-сангiôси, I. 473—4.
[2]) Тамъ же, I, 474.
[3]) Этотъ способъ называется кабуваке по японски 株分.
[4]) Цiôсен-сангiôси, I, 526.
[5]) Тамъ же, I, 516.
[6]) Тамъ же, I, 532. Самый процессъ фабрикаціи бумаги описывается тамъ же на стр. 532—3.

Изъ нѣкоторыхъ другихъ корейскихъ техническихъ растеній —кустарниковъ и деревьевъ, можно назвать иву, которая въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо встрѣчается по берегу рѣкъ, въ горныхъ долинахъ, по краямъ пустырей; изъ ея побѣговъ, очищенныхъ отъ коры, изготовляются сита, корзины и т. д. Молодыя вѣтви ивы, вмѣстѣ съ листьями, употребляются для удобренія полей болотнаго риса[1]. Въ провинціи Хоанъхäдо ива (родъ кыйрю въ корейскомъ чтеніи 杞柳, кирю по японски) также служитъ для изготовленія корзинъ[2]. Въ центральной Кореѣ на пустыряхъ въ горахъ встрѣчается кустарникъ хаги по японски 萩, Lespedeza bicolor; его примѣненія тѣ же, что для ивы[3]. Въ провинціи Хоанъхäдо это растеніе употребляютъ на корзины[4]. Наконецъ, въ той же провинціи населеніе утилизируетъ кору бѣлой березы, дѣлая изъ нея кровлю для сараевъ и другихъ надворныхъ строеній или употребляя ее на различныя подѣлки[5].

Широкое техническое примѣненіе получаетъ въ Кореѣ бамбукъ, гдѣ только онъ встрѣчается; однако, роль его на полуостровѣ является далеко не столь значительной, какъ въ другихъ странахъ Восточной Азіи—Китаѣ и Японіи, гдѣ это растеніе имѣетъ болѣе широкую область распространенія и разводится въ большемъ изобиліи. Въ Кореѣ бамбукъ встрѣчается только въ южныхъ частяхъ полуострова, при чемъ въ наибольшемъ количествѣ въ провинціи Чёлладо, а также на югъ отъ окрестностей Тäгу; бамбукъ растетъ вокругъ домовъ, по скатамъ горъ и берегамъ рѣкъ. Въ Коанъчжю и Начжю, гдѣ населеніе искони имѣло большой доходъ отъ бамбука, оно особенно цѣнитъ его, называя его рощи «золотыми полями». Здѣсь встрѣчается нѣсколько разновидностей бамбука: тонкій бамбукъ 淡竹, горькій бамбукъ 苦竹 (хацику по японски), бамбукъ для табачныхъ трубокъ и т. д. Бамбукъ доставляетъ матеріалъ для занавѣсокъ и корзинъ, употребляется на постройки и на рыбачьи снасти[6].

---

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 557.
[2]) Тамъ же, I, 571.
[3]) Тамъ же, I, 557.
[4]) Тамъ же, I, 572.
[5]) Тамъ же, I, 572.
[6]) Тамъ же, I, 579.

Различные сорта камыша, тростника и другихъ аналогичныхъ растеній находятъ себѣ въ Кореѣ постоянное примѣненіе въ производствѣ плетеній и цыновочныхъ издѣлій. Авторъ Цiōсен-сангiōси въ I томѣ называетъ рядъ растеній этой категоріи, извѣстныхъ ему большей частью лишь подъ японскими названіями.

Въ районѣ центральной Кореи тростникъ, каль по корейски, обыкновенный тростникъ Phragmites communis Trin.[1], яп. аси 葦, иначе іоси 蘆, изобилуетъ и прекрасно растетъ по морскому побережью, на низменной сырой почвѣ. Его употребляютъ на цыновки, изгороди, на покрытіе крышъ и въ качествѣ топлива[2]. Тотъ же тростникъ служитъ въ провинціи Хоанъхäдо строительнымъ матеріаломъ для настилки пола, изготовленія цыновокъ, покрытія кровли и устройства потолка[3].

Камышъ, пхо по кор.[4], яп. гама 蒲, Typha japonica Miq. (пишется рѣже 香蒲), большей частью растетъ въ дикомъ состояніи, но изрѣдка культивируется; онъ служитъ матеріаломъ для цыновокъ[5]. Изъ того же камыша въ Хоанъхäдо также дѣлаютъ цыновки[6].

Изъ разновидностей камыша авторъ Цiōсен-сангiōси называетъ «камышъ изъ Бинго», по японски Бинго-и 備後藺[7]. Впрочемъ, о разведеніи его, кромѣ какъ на островѣ Кiодонъдо, этотъ авторъ не слыхалъ. Что касается указаннаго острова, то

---

[1]) Gale, Korean-english dictionary, 870. Piry, Manuel de langue mandarine, 826, указываетъ нѣсколько иное научное названіе для вэй 葦 или лу 蘆 (яп. іоси) въ китайскомъ чтеніи (каль по корейски пишется также этимъ іероглифомъ) Arundo phragmites L.

[2]) Цiōсен-сангiōси, I, 557.

[3]) Тамъ же, I, 571.

[4]) Gale, Korean-english dictionary, 982, указываетъ второе корейское названіе, соотвѣтствующее этому іероглифу—чхянъпхо 菖蒲, которое обозначаетъ особый родъ камыша—иръ благовонный Acorus calamus L. (Piry, Manuel de langue mandarine, 826).

[5]) Цiōсен-сангiōси, I, 558 (для района центральной Кореи).

[6]) Тамъ же, I, 571.

[7]) И 藺, кор. (л)ин, Juncus effusus L., var. decipiens F. Buch., служитъ въ Японіи общимъ наименованіемъ для разновидностей камыша: хосои 細藺 и футои 太藺; первый видъ съ указаннымъ выше латинскимъ именемъ имѣетъ еще особое обозначеніе тōсингуса 燈心草, такъ какъ издревле употреблялся на фитили; второй видъ имѣетъ научное имя Scirpus lacustris L., var. Tabernaemontani Cl. болотный камышъ; первымъ покрываютъ японскіе «татами»—маты 疊; второй идетъ на цыновки «секи» 席.

этотъ камышъ выращивается здѣсь въ двухъ мѣстахъ. Пріемы разведенія не многимъ отличаются отъ японскихъ; пересадка сѣянцевъ производится въ мартѣ или апрѣлѣ, сборъ посредствомъ косьбы—въ іюлѣ. Изъ этого растенія плетутся здѣсь простыя и цвѣтныя цыновки для вывоза. Въ прежнее время онѣ пріобрѣтались для надобностей корейскаго королевскаго двора и нынѣ еще иногда изготовляются по его заказу (говорится еще о времени до аннексіи Кореи). Однако, количество производства этихъ цыновокъ въ настоящее время значительно сократилось и въ годъ не превышаетъ 100 штукъ. При изготовленіи цвѣтныхъ цыновокъ бѣлые стебли растенія перекрываются въ видѣ цвѣтного рисунка стеблями, спеціально для сего окрашенными, такъ что получаются довольно искусно сдѣланныя ландшафтныя сцены и животныя. Стоимость такой цыновки 1 енъ 40—50 сен[1].

Ситникъ «и» 藺 (родъ тōсингуса), по японски 莞, кор. коан, разводится по 2—3 цубо; въ уѣздахъ Имджѣ и Чхюнчхён провинціи Канъуёндо служитъ для изготовленія цыновокъ[2].

Камышъ сицитō-и 七島藺, разновидность Juncus communis, растущій на островахъ Сицитō въ Японіи—отсюда его обозначеніе—въ провинціи Хоанъхäдо не разводится въ большомъ количествѣ. Разрѣзанные и высушенные стебли его служатъ для изготовленія цыновокъ, большей частью простыхъ (безъ рисунка)[3].

Тотъ же видъ камыша встрѣчается въ Хамгёнъдо, при чемъ въ Южной Хамгёнъдо извѣстнымъ центромъ производства издѣлій изъ него является одна мѣстность въ районѣ Кōсан 居山 въ уѣздѣ Пукчхёнъ. Ежегодно здѣсь вырабатывается, какъ говорятъ, 400—500 штукъ цыновокъ. Для разведенія этотъ камышъ требуетъ себѣ обильныя влагою, орошенныя поля. Получаемый камышъ рѣжется пополамъ и плетется въ цыновки; этимъ дѣломъ занимаются мужчины[4].

Камышъ «и» 藺 и сицитō-и, пишется въ данномъ случаѣ 茳芏[5],

---

[1]) Цiōсен-сангiōси, I, 476—7.

[2]) Тамъ же, I, 477.

[3]) Тамъ же, I, 526. Тамъ же указываются вкратцѣ пріемы культивированія этого камыша.

[4]) Цiōсен-сангiōси, I, 516.

[5]) Это названіе (въ китайскомъ чтеніи цзянъту) особой разновидности камыша упоминается Bretschneider, Botanicon Sinicum, III, стр. 91, при чемъ со

Cyperus Tegetiformis Roxb., встрѣчаются въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо, при чемъ второй видъ особенно обильно разводится. Въ провинціи Южной Чёлладо сдѣланные изъ этого растенія маты вообще употребляются въ качествѣ лучшихъ постилокъ на ондоль (корейскій «канъ»)[1].

Оанъголь 王草 (названіе буквально значитъ по корейски: большая трава или тростникъ), Cyperus Iwasaki etc. Makino; его японское имя: каньенкаяцури 灌園沂草[2]. Въ Японіи культура его не встрѣчается; онъ нѣсколько сходенъ съ «и» 藺, разновидностью травы ситника на островахъ Сицитō. Въ Кореѣ онъ разводится почти во всѣхъ уѣздахъ провинціи Кёнъгыйдо и въ уѣздѣ Чхюнъчжю Южной Чхюнъчхёнъдо. Внѣшній видъ растенія и пріемы его культуры описываются въ Ціōсен-сангіōси[3]. Стебли этого растенія, разрѣзанные на три части, спеціально идутъ на приготовленіе цыновокъ[4]. Хотя цыновки изъ оанъголь плетутся всюду въ указанномъ районѣ, но наиболѣе извѣстными являются тѣ, что изготовляются на островѣ Канъхоадо—шириною въ 3,35 фута и длиною въ 5,85 фута каждая, стоимостью въ 50—60 сен. Эти цыновки, будучи мягки и пріятны наощупь, охотно употребляются корейцами на постилку въ комнатахъ. Цыновки, выдѣлываемыя въ уѣздѣ Янъянъ, грубы, по сравненію съ канъхоадоскими, и стоятъ 10—20 и до 40 сенъ за штуку; чюксан'скія (竹山) расцѣниваются по 50—60 сенъ за штуку[5].

Лаковое дерево, оннам по корейски 漆樹, урусиноки по японски, Rhus vernicifera, произрастаетъ въ провинціи Кёнъгыйдо въ уѣздахъ Саннёнъ, Чянъдан, Касёнъ, Янъгын, Янъчжю, Коанъчжю и Ёчжю; въ провинціи Южной Чхюнъчхёнъдо въ уѣздахъ Чин'уй 振威, Нам'янъ, Асан, Мёнчхён

словъ Siebold, Plantarum oeconomicarum universi regni japonici, 1827, указывается научное названіе этому растенію: Juncus liukiuwi (камышъ съ острововъ Рюкю, кит. Люцю). Matsumura, Shokubutsu-Meii, 100, указываетъ для обоихъ іероглифическихъ обозначеній растеній одно и то же научное названіе, приведенное выше.

[1]) Ціōсен-сангіōси, I, 531—2; пріемы разведенія этого вида камыша см. тамъ же; косьба происходитъ послѣ выпаденія инея, такъ какъ иначе сердцевина его остается твердой.

[2]) Каяцуригуса обозначаетъ Cyperus Iria 莎草.

[3]) Томъ I, 474 и 475.

[4]) Способъ этого плетенія описывается въ Ціōсен-сангіōси, I, 475—6.

[5]) Ціōсен-сангіōси, I, 474—476.

汚川, Пуё 扶餘 и Мун'ый; въ провинціи Сѣверной Чхюнъчхёнъдо въ уѣздѣ Чхюнъчжю и въ провинціи Канъуёндо въ Тчхёльуён. Большею частью дерево произрастаетъ въ дикомъ состояніи и только въ Синдонъ въ уѣздѣ Мун'ый оно культивируется въ весьма большомъ числѣ. При этомъ большей частью въ обычаѣ для лакировщиковъ, шляпныхъ мастеровъ и фабрикантовъ лаковыхъ издѣлій отправляться самимъ въ страну для скупки лаковыхъ деревьевъ, соотвѣтственно надобности[1].

О лаковомъ деревѣ въ Хамгёнъдо можно сказать то же, что и о распространеніи его въ Хоанъхädo (см. ниже)[2].

Лаковыя деревья изрѣдка встрѣчаются въ горныхъ уѣздахъ провинціи Пхёнъандо въ состояніи подобномъ дикому; ими почти не пользуются. Ихъ сравнительно много въ уѣздѣ Тхäчхён. Конечно, на уходъ за ними и здѣсь не обращается вниманія; они просто растутъ на краю огорода и на покатой землѣ. Что касается Тхäчхён'скаго лака, то хотя эта мѣстность считается наибольшимъ центромъ производства его по всей провинціи Хоанъхädo и Пхёнъандо, но производимое количество его и здѣсь не велико и качество грубое[3].

Въ провинціи Хоанъхädo лаковое дерево произрастаетъ мѣстами въ гористой странѣ на совершенной свободѣ; спеціально оно не разводится. Для того, чтобы добыть лакъ, дерево срубается у корня, мѣстами срѣзывается кора и съ помощью огня заставляютъ сочиться сокъ, который и собирается съ помощью лопаточки[4].

Изъ числа другихъ техническихъ растеній «Описаніе Кореи» отмѣчаетъ произрастаніе въ Кореѣ воскового дерева; японскій переводъ названнаго «Описанія» — Канкоку-си[5], обозначаетъ это дерево черезъ японск. хадзе или хадзи (хадзе-ноки) 櫨, полнѣе 黃櫨, съ научнымъ названіемъ Rhus succedanea L.[6]. Однако, японскіе авторы не даютъ о немъ для Кореи никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

---

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 484.
[2]) Тамъ же, I, 516.
[3]) Тамъ же, I, 520.
[4]) Тамъ же, I, 527.
[5]) Стр. 18.
[6]) Matsumura, Shokubutsu-Meii, 251. Piry, Manuel de langue mandarine, 824, указываетъ для второй іероглифической орѳографіи научное имя Rhus cotinus L.

Тѣсно связывается съ обработкою прядильныхъ матеріаловъ и разведеніе въ Кореѣ нѣсколькихъ видовъ *красильныхъ растеній,* дающихъ между прочимъ синюю (разныхъ оттѣнковъ), фіолетовую, желтую и красную краски. Изъ числа этихъ растеній слѣдующія заслуживаютъ спеціальнаго упоминанія:

Сафлоръ красильный, Carthamus tinctorius L., по кор. хонъхоа 紅花 или хонънамхоа 紅藍花, яп. кōранка[1], разводится въ центральной Кореѣ—въ районѣ провинцій Кѣнъгыйдо, Канъуёндо и Чхюнъчхёнъдо, не въ большомъ количествѣ, какъ и сіонънам по корейски 松藍[2], почти только въ двухъ уѣздахъ Чянъдан и Ён'янъ; употребляется для окраски дѣтской одежды; мѣстами (напримѣръ, въ уѣздѣ Кёльсёнъ) то же растеніе разводится для лѣкарственныхъ цѣлей[3] (говорятъ, что оно помогаетъ при мозговыхъ болѣзняхъ)[4].

Другимъ красильнымъ растеніемъ является чхичжа по кор., Gardenia florida L. (Rubia) 梔子, яп. куцинаси, пишется еще 黃梔子[5], которое можно много видѣть въ колоніальныхъ лав-

---

[1]) Канадзава читаетъ обѣ указанныя орѳографіи одинаково—бенибана. Rein, Japan nach Reisen und Studien, II, 208, даетъ растенію Carthamus tinctorius L. японскія обозначенія: бени и бенинохана.

[2]) Это названіе, кит. сунълань, правильнѣе пишется: 菘藍 съ тѣмъ же чтеніемъ. Согласно Bretschneider, Botanicon Sinicum, II, стр. 213 (Piry, Manuel de langue mandarine, 824), это—Isatis indigotica, Fortune, иначе кит. далань 大藍 «большое индиго», или китайская вайда, въ отличіе отъ сяолань 小藍 «малое индиго», каковое имя прилагается въ Китаѣ къ нижеуказываемому, виду этого растенія—Poligonum tinctorium. Matsumura, Shokubutsu-meii, 351, указываетъ только Isatis tinctoria L. (Crucifer), по японски тайсей 大青 (это іероглифическое написаніе указывается ниже въ текстѣ настоящаго «Очерка») или 松藍.

О различныхъ растеніяхъ, дающихъ въ Китаѣ и вообще въ Восточной Азіи, синюю краску индиго, и обозначаемыхъ общимъ именемъ «лань» 藍, яп. аи, кор. нам или ччіок, подробно говорится у Bretshneider, Botanicon Sinicum, II, стр. 211—214.

Въ Японіи названіе «аи» прилагается спеціально къ растенію Poligonum tinctorium Lour. Matsumura, Shokubutsu-meii, 228,

[3]) Цвѣты отъ Carthamus tinctorius (съ различными іероглифическими обозначеніями) показаны среди китайскихъ лѣкарственныхъ продуктовъ подъ № 530 (на стр. 452), въ указателѣ упомянутаго: China. Imperial maritime customs. List of Chinese medicines, 1889.

[4]) Цібсен-сангібси, I, 483.

[5]) Сѣмена санчхичжи 山梔子, т. е. горный или дикій чхичжи, дикая разновидность Gardenia florida, какъ указываетъ Gale, Korean-english dictionary, 519, употребляются въ качествѣ лѣкарства и для полученія желтой краски. Подробности относительно этого растенія см. Bretshneider, Botanicon Sinicum, III, стр. 500—503, гдѣ отмѣчается, среди прочихъ разновидностей этого растенія,

кахъ; этого растенія употребляется не мало; однако, въ самомъ столичномъ районѣ его разводятъ совсѣмъ немного, и только вдоль береговъ р. Имчжинганъ оно выращивается въ большемъ или меньшемъ количествѣ; большая же часть его ввозится изъ Китая[1].

Болѣе важную роль играетъ рядъ растеній, доставляющихъ синюю краску, называемую индиго, каковое имя прилагается и къ самому растенію[2]. Область культуры травовиднаго индиго, 草藍[3], въ Кореѣ указывается авторомъ Канкоку-сôран[4] только въ провинціи Чёлладо, именно въ Южной Чёлладо—въ долинѣ р. Ёнъсанганъ и на югъ отсюда, и въ Сѣверной Чёлладо, въ районѣ Чёнчжю. Въ полосѣ провинціи Южной Чёлладо вдоль береговъ р. Ёнъсанганъ и въ районѣ Нампхёнъ свойства почвы совершенно одинаковы съ прирѣчными землями въ долинѣ р. Іосиногава на островѣ Сикоку въ самой Японіи и пригодны для разведенія одной разновидности растенія индиго, Poligonum tinctorium, яп. мадеаи 蓼藍 (см. ниже)[5]. Помимо того, это же растеніе разводится въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ районѣ Тонъбок, Посёнъ и Чянъхынъ въ той же Южной Чёлладо и въ прирѣчныхъ земляхъ уѣзда Чёнчжю въ Сѣверной Чёлладо[6]. Къ этому Сайсин-Канкоку-дзидзіō[7] добавляетъ въ видѣ поясненія, что культивированіе индиго практи-

---

также дикій видъ его; тамъ же упоминается о вывозѣ этого растенія (корней, сѣмянъ и плодовъ) изъ южныхъ портовъ Китая, въ особенности изъ Кантона; это же растеніе показано въ List of chinese medicines (China. Imperial maritime customs. III. Miscellaneous series, № 17, 1889), въ общемъ алфавитномъ указателѣ, подъ №№ 103, 139, 140 и 512 (въ кит. чтеніи чжицзы).

[1]) Ціôсен-сангіôси, I, 483—4.

[2]) О культурѣ индиго въ Кореѣ нижеприводимыя свѣдѣнія заимствуются изъ Сайсин-Канкоку-дзидзіô, стр. 120—1; Канкоку-дзицугіô-сисин, стр. 204—5; Канкоку-сôран, 598—599, и Ціôсен-сангіôси, I томъ.

[3]) Стр. 598.

[4]) 草藍, яп. сôран, въ отличіе отъ 木藍, яп. мокуран, кит. мулань, древовиднаго индиго Indigofera tinctoria; о немъ Bretschneider, Botanicon Sinicum, II, 213; (иначе ланьдянь 藍澱(靛), что обозначаетъ само красильное вещество индиго).

[5]) Согласно словарю Канадзава, 956, это и другія названія употребляются японцами вмѣсто «аи».

Канкоку-сôран, стр. 598, также отмѣчаетъ, что для культуры индиго (травянистаго индиго) наиболѣе подходящей является область р. Ёнъсанганъ, при чемъ этотъ продуктъ здѣсь получается сравнительно хорошаго качества.

[6]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 204.

[7]) Стр. 120.

ковалось издавна въ мѣстности Ёнъсанпхо въ уѣздѣ Начжю въ Южной Чёлладо, а съ недавняго времени и въ указанныхъ уѣздахъ Посёнъ, Чянъхынъ и Тонъбок и, по слухамъ, въ Чёнчжю, куда оно проникло черезъ переселенцевъ изъ вышеназванной мѣстности.

Указанный видъ индиго, іорам по корейски, Poligonum tinctorium, 蓼藍[1], яп. мадеаи, кит. ляолань, разводится въ районѣ провинцій Кёнъгыйдо, Канъуёндо и обѣихъ Чхюнъчхёнъдо очень рѣдко, едва только въ мѣстностяхъ Сёчхёнъ, Хансан и Сёксёнъ. Всѣ разновидности этого растенія имѣютъ круглые листья и мало вѣтвей. Обычно разводятъ его безъ удобренія, но, если удобрять его уриною, то, какъ говорятъ, получается хорошій результатъ. Сборъ растенія производятъ въ іюлѣ и августѣ, послѣ чего его кладутъ на 3-4 дня въ горшокъ съ водою, затѣмъ, удаливъ листья и стебли, употребляютъ жидкость для окрашиванія[2]. При этомъ случаѣ японскій авторъ, однако, замѣчаетъ, что вообще употребленіе красильныхъ растеній въ Кореѣ сильно уменьшилось благодаря ввозу заграничныхъ красокъ[3]. Другого вида индиго—Isatis indigotica, сіонънам по корейски 松藍, иначе 靑黛 чхёнъдä[4] или тäчхёнъ 大靑[5], разводится въ районѣ Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо также очень мало, какъ и Poligonum tinctorium, едва только по сосѣдству съ Сеуломъ и въ уѣздѣ Порёнъ. Растеніе культивируется земледѣльцами, каждымъ для себя, въ качествѣ матеріала для окраски женской одежды. Посѣвъ растенія бываетъ въ апрѣлѣ, сборъ—въ іюлѣ[6]. Срѣзанные листья кладутъ въ воду и раз-

---

[1]) 蓼 по кор. ёккуй, является общимъ названіемъ для различныхъ видовъ Poligonum—въ частности почечуйной травы (горчака) Poligonum persicaria. См. Bretschneider, Botanicon sinicum, II, 179—180.

[2]) Цібсен-сангібси, I, 482.

[3]) Тамъ же, I, 482–3; ср. ниже.

[4]) Какъ указываетъ Piry, Manuel de langue mandarine, 824, растеніе цинъдай въ китайскомъ чтеніи 靑黛 или мулань 木藍, имѣетъ научное имя Indigofera tinctoria и является настоящимъ растеніемъ индиго. Однако, Bretschneider, Botanicon Sinicum, II, стр. 212, добавляетъ къ этому, что настоящее растеніе индиго является тропическимъ растеніемъ и не встрѣчается нигдѣ въ сѣверномъ Китаѣ; возможно, что и въ Кореѣ, за исключеніемъ южныхъ частей полуострова, это растеніе не встрѣчается, а его іероглифическое обозначеніе прилагается къ нѣсколько отличному виду.

[5]) Это обозначеніе, по японски тайсей, упоминается выше въ примѣчаніи 2 къ стр. 622, съ нѣсколько инымъ научнымъ названіемъ.

[6]) Цібсен-сангібси, I, 483.

мѣшиваютъ; черезъ сутки прибавляютъ извести и снова размѣшиваютъ, пока не появится пѣна; тогда опускаютъ въ жидкость матерію и оставляютъ лежать 2-3 дня, послѣ чего она окрашивается въ пурпурно-темносиній цвѣтъ[1].

Всѣ вышеперечисленныя красильныя растенія указываются авторомъ Цiōсен-сангiōси главнымъ образомъ для центральной Кореи, хотя само собою разумѣется, что они распространены болѣе или менѣе по всей Кореѣ, при чемъ къ ихъ числу присоединяются въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ нѣкоторыя другія растенія той же категоріи. Справедливость этого подтверждается самимъ авторомъ Цiōсен-сангiōси и другими японскими авторами, какъ можно усмотрѣть изъ нижеприводимыхъ немногихъ замѣчаній. Такъ, изъ красильныхъ растеній въ Хоанъхѣдо встрѣчаются чачжи (чячхо) по корейски, сисō по яп. 紫草, Lithospermum erythrorhizon, упомянутый сіонъам 菘藍 Isatis indigotica, затѣмъ кальмänаму 染青木 (каруме въ японской транскрипціи) и т. д. Первое растеніе окрашиваетъ въ пурпуровый цвѣтъ, оба вторыхъ—въ синій цвѣтъ (ими нынѣ, впрочемъ, мало пользуются)[2]. Относительно болѣе сѣверныхъ провинцій Кореи аналогичныхъ свѣдѣній не приводится, но можно заключить, что и здѣсь встрѣчаются приблизительно тѣ же красильныя растенія. Болѣе подробныя указанія касаются южной Кореи, гдѣ въ провинціяхъ Чёлладо и Кёнъсянъдо индиго (въ данномъ случаѣ, японскій авторъ употребляетъ общее японское обозначеніе для этого растенія ай 藍, болѣе спеціально относимое къ Poligonum tinctorium[3]) разводится, хотя и въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ спросъ на него не великъ, едва лишь для окраски нижнихъ женскихъ одеждъ[4]. Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ Кореѣ не имѣется спеціально

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Цiōсен-сангiōси, I, 573.

[3]) Помимо этой разновидности индиго, въ южной Кореѣ встрѣчается и Isatis indigotica 菘藍, которой употребляется здѣсь не мало въ качествѣ красящаго вещества. Цiōсен-сангiōси, I, 534.

[4]) Цiōсен-сангiōси, I, 533. Тамъ же вкратцѣ указываются пріемы культивированія этого растенія, при чемъ, какъ поясняетъ Сайсин-Канкоку-дзидзiō, 120, эти пріемы въ общемъ не отличаются отъ японскихъ; въ Кореѣ также практикуется послѣдовательный двукратный сборъ растенія—первый и второй, путемъ косьбы.

занимающихся культивированіемъ индиго и это занятіе является здѣсь вообще лишь побочной отраслью сельскаго хозяйства[1].

Изготовленіе краски индиго и примѣненіе ея составляетъ въ провинціи Чёлладо, какъ, вѣроятно, и въ другихъ частяхъ Кореи, кромѣ столицы и большихъ городовъ, побочное занятіе самихъ земледѣльцевъ. Хотя способъ изготовленія краски въ общемъ походитъ на японскій, но здѣсь не дѣлаютъ изъ нея твердыхъ кусковъ, а обыкновенно оставляютъ ее въ видѣ липкой массы, сохраняя въ кувшинахъ, и въ этомъ видѣ употребляютъ для окрашиванія. Въ Кореѣ не имѣется и спеціально занимающихся торговлею индиго и красильнымъ дѣломъ; тѣ, кто занимаются культивированіемъ растенія и изготовленіемъ краски, обычно занимаются вмѣстѣ съ тѣмъ и красильнымъ ремесломъ. Поэтому готовая краска не поступаетъ въ продажу при посредствѣ купцовъ. Впрочемъ, въ захолустныхъ мѣстностяхъ, гдѣ красильное дѣло не можетъ развиться, только изготовленіе краски производится на мѣстѣ, а затѣмъ краска сбывается въ тѣ мѣстности, гдѣ существуетъ красильная промышленность[2]. Одинъ кувшинъ краски—длинный и тонкій, подобно тѣмъ, въ которыхъ держатъ соленія и пикули, стоитъ отъ 700 до 1000 мун (чоховъ), т. е. до двухъ связокъ ихъ—коан 貫; впрочемъ, цѣна мѣняется по отдѣльнымъ годамъ.

Для извлеченія изъ нихъ краски свѣжія листья растенія индиго опускаютъ въ горшокъ съ водою; въ провинціи Чёлладо, послѣ того какъ они перебродятъ, прибавляютъ извести для того, чтобы вызвать осѣданіе красящаго вещества и получаютъ такимъ образомъ сгущенное индиго, т. н. нирам 泥藍, въ какомъ видѣ и хранятъ его; для полученія краски этотъ экстрактъ разбавляютъ горячей водою[3].

Вообще можно сказать, что разведеніе растенія индиго, независимо отъ ботаническихъ видовъ этого растенія, въ Кореѣ

---

[1]) Сайсин-Канкоку-дзидзіō, 120.

[2]) По словамъ Ціōсен-ібран, 74 (также въ Канкоку-ібран), наиболѣе цвѣтущей красильная промышленность является въ Чёнчжю (въ Сѣверной Чёлладо).

[3]) Ціōсен-сангіōси, I, 533; см. также Канкоку-сōран, 599. Канкоку-дзицугіō-сисин, 204, также описываетъ пріемы приготовленія краски изъ растенія индиго, какъ и пріемы культивированія этого растенія, при чемъ о самой краскѣ говоритъ, что качество ея низкое, цвѣтъ нечистый и легко выцвѣтаетъ; ср. Канкоку-сōран, 599.

не очень значительно, такъ какъ корейцы имѣютъ привычку носить бѣлое одѣяніе и окрашенныя въ индиго хлопчатобумажныя ткани употребляются ими только для нижняго платья женщинъ (для юбки, или чхима)[1]. Только на островѣ Квельпартъ, гдѣ обычаи нѣсколько походятъ на японскіе, употребляютъ больше окрашенныхъ въ индиго тканей, которыя получаются здѣсь съ материка изъ Начжю, который является центромъ производства хлопка и тканей изъ него[2]. Поэтому, если въ будущемъ корейцы совершенно не измѣнятъ своихъ вкусовъ и не откажутся отъ привычки носить бѣлое одѣяніе, то спросъ на индиго для самихъ корейцевъ останется безъ перемѣны, какъ и теперь; только растущее число японцевъ въ Кореѣ должно постепенно увеличить существующій сбытъ этого продукта. Поэтому нѣтъ другого средства, какъ только культивировать индиго (именно, видъ Poligonum tinctorium) на пригодныхъ для этой цѣли пустошныхъ рѣчныхъ земляхъ и организовать заграничный вывозъ его[3]. Въ этомъ же смыслѣ высказывается и авторъ Канкоку-сōран[4]. Однако, въ настоящемъ вопросѣ необходимо считаться съ растущей конкурренціей въ восточной Азіи естественному индиго со стороны искусственнаго индиго или анилиновыхъ и прочихъ химическихъ красокъ, что, напримѣръ, побудило самихъ японцевъ сократить культуру этого растенія (Poligonum tinctorium Lour.) въ Японіи; дѣйствительно, сборъ индиго (листьевъ) понизился въ этой странѣ съ 15,420,000 камме въ 1887 г. до 6,330,000 камме въ 1907 г.[5]. Аналогичное явленіе можно наблюдать и въ Китаѣ, гдѣ также усилился за послѣдніе годы ввозъ извнѣ химическихъ красокъ и въ связи съ этимъ сократилось воздѣлываніе красильныхъ растеній.

---

[1]) Незначительность культивированія индиго по тѣмъ же причинамъ подтверждается и Канкоку-сōран, 599. Впрочемъ, Цiōсен-iōран, 74, указываетъ и нѣкоторыя другія примѣненія въ Кореѣ окрашенныхъ тканей—на постельныя принадлежности, для завертыванія, при похоронныхъ церемоніяхъ и т. д.

[2]) Сайсин-Канкоку-дзидзiō, 121, также отмѣчаетъ фактъ вывоза значительнаго количества хлопчатобумажныхъ тканей изъ Начжю, окрашенныхъ въ индиго, на островъ Квельпартъ (Чѣчжю).

[3]) Канкоку-дзицугiō-сисин, 205.

[4]) Стр. 599.

[5]) Outlines of agriculture in Japan, издан. японскимъ Agricultural Bureau. Department of Agriculture and Commerce, 1910, стр. 40 и 521.

Общее количество добычи индиго въ Кореѣ совершенно не можетъ быть выражено въ цифрахъ, но вообще, какъ сказано, въ силу корейскихъ обычаевъ спросъ на этотъ продуктъ невеликъ и потребленіе его въ странѣ, естественно, никогда не было большимъ. Въ 1904 г. одинъ японскій купецъ отправился лично въ мѣста производства индиго въ Чёлладо для закупки его съ цѣлью вывоза, но, какъ говорятъ, результаты этой попытки были неутѣшительны, въ частности же и количество индиго оказалось невелико. Надо думать, что размѣры производства индиго въ Кореѣ понынѣ не болѣе, какъ въ точности соотвѣтствуютъ спросу на него со стороны самихъ корейцевъ и недостаточны для скупки и вывоза его японцами[1]. Съ этимъ взглядомъ возможно вполнѣ согласиться, въ противномъ случаѣ японцамъ, по всей вѣроятности, удалось бы организовать значительный вывозъ этого продукта изъ страны —особенно раньше, когда спросъ на него являлся значительнымъ.

XIII.

Особую отрасль сельскаго хозяйства въ Кореѣ составляетъ разведеніе лѣкарственныхъ растеній. «Описаніе Кореи»[2] называло только два такихъ растенія, при чемъ отъ обоихъ примѣненіе въ медицинѣ имѣютъ одинаково корни, это—хоанъгым и жэньшэнь. Первое растеніе—хоанъгым 黃芩[3], доставляющее корень желтоватаго цвѣта, выращивается въ окрестностяхъ Канъгѣ главнымъ образомъ китайскими поселенцами, которые и вывозятъ его въ Китай[4]. Позднѣйшіе японскіе авторы не упоминаютъ вовсе въ данномъ случаѣ о корнѣ хоанъгым, изъ чего возможно заключить, что культура этого корня имѣетъ лишь мѣстное значеніе, но перечисляютъ для отдѣльныхъ мѣстностей въ Кореѣ, не говоря уже о жэньшэнѣ, рядъ дру-

[1]) Сайсин-Канкоку-дзидзіо, 120.

[2]) II, 132.

[3]) China. Imperial Maritime Customs. List of chinese medicines, общій указатель, № 513 (стр. 452), даетъ этому растенію (хуанъцинь по китайски) научное названіе Scutellaria viscidula, Bunge (растеніе съ желтыми цвѣтами). По другимъ свѣдѣніямъ, это Scutellaria macrantha, Fischer (растеніе съ синими цвѣтами); см. Bretschneider, Botanicon Sinicum, II, стр. 71—72.

[4]) Лубенцовъ, Хамкенск. и Пхіенанск. пров. сѣв. Кореи, 224.

ѓихъ лѣкарственныхъ растеній; однако, и этотъ списокъ является далеко неполнымъ.

Среди лѣкарственныхъ растеній центральной Кореи—Кёнъгыйдо, Чхюнъчхёнъдо и Канъуёндо, Цiбсен-сангiбси[1], отмѣчаетъ дикій жэньшэнь 山蔘, произрастающій на свободѣ въ горныхъ мѣстностяхъ, но крайне рѣдкій; по своему дѣйствію превосходитъ культурный жэньшэнь 蔘; затѣмъ Alisma plantago L., омодака по японски 澤瀉, или частуха обыкновенная[2], окера по яп. 蒼朮 Atractylis ovata, далѣе мацуходо 茯苓 Pachyma cocos Fries[3] и меуриноки по японски Acer crataegifolium S. et Z.[4]. Изъ лѣкарственныхъ растеній въ Хоанъхäдо встрѣчаются, по словамъ того же автора, дикій жэньшэнь, горькій жэньшэнь 苦蔘, Alisma plantago, Atractylis ovata, Pachyma cocos Fries., наконецъ, ревень, täхоанъ по кор. 大黃, яп. дайō, Rheum officinale Baillou[5].

Къ числу корейскихъ лѣкарственныхъ произведеній принадлежитъ и гугыйчжа по корейски 枸杞子[6], плоды отъ Lycium chinense[7], который представляетъ собою кустарникъ

---

[1]) I, 558.

[2]) Цзѣсѣ по кит., Alisma plantago; о ней Bretschneider, Botanicon Sinicum, II, стр. 61—62 и III, 340—341; корни производятъ крупныя шишки, которыя и употребляются въ медицинѣ.

[3]) Фулинъ по китайски, Pachyma cocos Fries, «China root»; растетъ изъ корней сосенъ или въ землѣ близъ этихъ деревьевъ. Употребляется въ пищу и въ медицинѣ; въ послѣднемъ случаѣ считается укрѣпляющимъ и успокаивающимъ желудочныя боли средствомъ, съ мочегоннымм свойствами. Catalogue of the collection of Chinese exhibits at the Louisiana purchase exposition, 1904, 81, и Bretschneider, Botanicon Sinicum, III, 532—536.

[4]) Matsumura, Shokubutsu-meii, 4.

[5]) Цiбсен-сангiбси, 572.

[6]) Кугыйчжа указывается Канкоку-iбран, 63, въ числѣ лѣкарственныхъ продуктовъ Кореи, наряду съ жэньшэнемъ, при чемъ только эти два продукта въ данномъ случаѣ и упоминаются.

[7]) Относительно растенія гоуци въ Китаѣ, Lycium chinense, китайскій кизиль, см. Bretschneider, Botanicon Sinicum, II, 363—4. Сѣмена отъ этого кустарника фигурируютъ въ цит. выше спискѣ китайскихъ лѣкарственныхъ продуктовъ, изданномъ китайской морской таможнею, въ указателѣ подъ № 607. По другимъ свѣдѣніямъ, плоды отъ Lycium chinense, въ родѣ ягодъ барбариса, сладковатыя и терпкія на вкусъ, почитаются укрѣпляющимъ, прохладительнымъ, успокоительнымъ и проясняющимъ зрѣніе средствомъ. Молодые побѣги и листья отъ этого кустарника употребляются въ качествѣ овощей или для настоя въ видѣ чая. Catalogue of Collection of Chinese exhibits at the Louisiana purchase exposition, 1904, стр. 22. Корень этого растенія (его называютъ еще индійскій барбарисъ) продается въ желтовато-коричневыхъ сплоенныхъ кускахъ, имѣющихъ очень мало вкуса или запаха. Противолихорадочныя, противоревматическія, укрѣпляющія, вяжущія и цѣлительныя свойства приписываются этому корню (тамъ же, 25).

съ опадающимъ листомъ, разводимый на островѣ Чиндо въ Южной Чёлладо. Отдѣльные пучки стеблей растенія сажаются на разстояніяхъ около 2 сяку одинъ отъ другого на грядкахъ суходольнаго поля по близости отъ усадебной земли; дважды въ годъ примѣняютъ удобреніе (урину, золу изъ домовыхъ топокъ, грязь); два-три раза въ годъ производятъ пропашку между растеніями и удаляютъ траву. Вообще на третій годъ растеніе приноситъ плоды. Послѣдніе созрѣваютъ въ августѣ, когда ихъ собираютъ и сушатъ въ тепломъ помѣщеніи, послѣ чего они продаются спеціально въ качествѣ лѣкарства и большей частью вывозятся въ мѣстности Конъчжю въ Южной Чхюнъчхёнъдо и Тагу въ Сѣверной Кёнъсянъдо (гдѣ бываютъ лѣкарственныя ярмарки). Въ уѣздномъ городѣ Чиндо листья этого растенія кладутъ въ обыкновенную лѣкарственную водку (кор. якчю 藥酒, якусю по японски), отчего послѣдняя окрашивается въ красный цвѣтъ; приготовленная такимъ образомъ водка на мѣстѣ и носитъ названіе «лѣкарственной»[1].

Наиболѣе извѣстнымъ и цѣннымъ корейскимъ лѣкарственнымъ продуктомъ является жэньшэнь, согласно китайскому чтенію іероглифовъ 人參, кор. сам 蔘 (дикій жэньшэнь называется корейцами сансам 山蔘, культурный инсам 人蔘 или просто сам 蔘, что является общимъ корейскимъ обозначеніемъ для всѣхъ разновидностей растенія и его корня), яп. ниндзин 人參; научнымъ названіемъ растенія является Panax ginseng, т. е. «всецѣлитель изъ рода жэньшэнь»; существуютъ особыя научныя обозначенія для отдѣльныхъ разновидностей растенія[2].

Въ качествѣ наилучшаго укрѣпляющаго и возбуждающаго средства, жэньшэнь пользуется громкой извѣстностью среди китайцевъ и корейцевъ. Въ Китаѣ почти среди всѣхъ классовъ населенія вошло въ привычку употреблять его въ качествѣ лѣкарства или повседневнаго напитка, такъ что, по разсказамъ, врачъ даже судитъ о матеріальномъ достаткѣ больного по количеству жэньшэня, который онъ видитъ у его изголовья[3].

---

[1]) Цiôсен-сангiôси, I, 536—7.

[2]) См. Bretschneider, Botanicon Sinicum, III, 24—25; китайскія данныя объ этомъ растеніи см. тамъ же, 18—23.

[3]) Какъ говоритъ Канкоку-нôгiôрон, 191, жэньшэнь, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ

По этой-то причинѣ Китай можетъ считаться самымъ крупнымъ покупателемъ этого корня[1].

Высокая репутація цѣлебности, которой пользуется жэньшэнь понынѣ у китайцевъ и корейцевъ, какъ могущественное средство для излѣченія всевозможныхъ болѣзней и даже для продленія жизни, украшенная ими рядомъ сказаній о чудесныхъ свойствахъ этого корня[2], побудила европейскихъ изслѣдователей заняться научнымъ выясненіемъ фактической обоснованности подобной вѣры, поскольку она можетъ быть установлена анализомъ состава корня и наблюденіями надъ его дѣйствіемъ на человѣческій организмъ. По изслѣдованію М. Я. Галвяло въ его диссертаціи, за которую онъ былъ удостоенъ званія магистра фармаціи, подъ заглавіемъ: «Жэньшэнь». Матеріалы къ техническому составу китайскаго корня «Сань-самъ». Изъ лабораторіи физіологической химіи акад. А. Я. Данилевскаго», СПБ. 1906., названный корень содержитъ растительное вещество, которое по своимъ химическимъ свойствамъ тождественно со сперминомъ. Кромѣ того, въ немъ было обнаружено присутствіе другого дѣйствующаго вещества— коланина. Наличность обоихъ этихъ веществъ позволила г. Галвяло выставить въ означенной диссертаціи положеніе, коимъ вполнѣ оправдывалось утвержденіе китайцевъ, что жэньшэнь можетъ обнаруживать въ организмѣ человѣка цѣлебное дѣйствіе. Само по себѣ это положеніе не можетъ вызывать никакихъ возраженій, но едва ли слѣдуетъ преувеличивать полезное дѣйствіе названнаго корня, въ особенности по отношенію къ организму европейцевъ. Въ Восточной Азіи, именно въ болѣе южныхъ областяхъ ея, благодаря особымъ климатическимъ и прочимъ физическимъ условіямъ, растительному режиму питанія населенія, особенностямъ его орга-

---

лѣкарствомъ, является декоративнымъ предметомъ, почему на рынкѣ играетъ большую роль его величина.

[1]) Канкоку-дзицугіо-сисин, 188.

[2]) Врадій, Китайскія легенды о корнѣ жэньшэнь. СПБ. 1909, 38 стр. Въ рецензіи на эту брошюру газета «Россія» 27 авг. 1909, 4, заявляетъ, что вѣра въ жэньшэнь имѣетъ нѣкоторыя основанія, благодаря содержащемуся въ немъ растительному сперминy, близкому къ животному сперминy. Напротивъ, ботаникъ Е. Е. Поповъ объяснялъ цѣлебное дѣйствіе дикаго корня жэньшэня радіактивностью почвы, на которой онъ произрастаетъ (Д-ръ Ивановъ, Корень-человѣкъ Жэньшэнь, стр. 33 и слѣд.).

низма, съ повышенной дѣятельностью нервной системы и даже признаками истеричности (это можно сказать по отношенію къ южнымъ китайцамъ), дѣйствіе различныхъ лѣкарственныхъ препаратовъ изъ корня жэньшэнь оказывается болѣе сильнымъ и потребность въ немъ, благодаря болѣе страстному темпераменту населенія, является большей (въ сѣверномъ Китаѣ жэньшэня продается гораздо меньше). Все это способствовало увеличенію здѣсь репутаціи самаго корня и повышало его рыночную цѣнность; но при иныхъ климатическихъ условіяхъ и на иной человѣческій организмъ онъ можетъ вовсе не обладать тѣмъ же лѣчебнымъ дѣйствіемъ, хотя и въ этомъ случаѣ наличность въ немъ установленныхъ анализомъ г. Галвяло лѣкарственныхъ началъ, несомнѣнно, повышающихъ энергію организма, можетъ вызвать извѣстное благопріятное вліяніе на ослабленный и истощенный организмъ больного[1]. Тѣмъ не менѣе, понынѣ остается единственно правильнымъ отзывъ д-ра Ришаръ (Richard), принятый уже «Описаніемъ Кореи», именно, что если и нельзя совершенно отрицать полезнаго дѣйствія корня въ нѣкоторыхъ случаяхъ, все же онъ можетъ быть замѣненъ въ европейской современной медицинской практикѣ сотнею другихъ средствъ, не менѣе полезныхъ, но несравненно болѣе дешевыхъ[2].

Независимо отъ вопроса, насколько вѣра въ цѣлебныя свойства жэньшэня является дѣйствительно обоснованной и оправдываетъ высокую стоимость этого корня, фактъ тотъ, что онъ имѣетъ постоянный и прибыльный сбытъ на китайскомъ рынкѣ, и это обстоятельство дѣлаетъ изъ него цѣнный продуктъ, который утилизируется по возможности для указанной практической цѣли всѣми странами, производящими его. Нынѣ существуютъ во всемъ мірѣ четыре области производства этого лѣкарственнаго продукта[3]: Китай, гдѣ туземный жэнь-

---

[1]) Одно время въ С.-Петербургѣ и Москвѣ открыло операціи особое «товарищество Жэньшэнь», начавшее приготовлять питательные препараты изъ жэньшэня, вродѣ «какао силодаръ», и распространять широковѣщательныя рекламы о своихъ издѣліяхъ; была выпущена отдѣльная брошюра д-ра Иванова. «Корень—человѣкъ жэньшэнь», представлявшая собою въ сущности одну изъ такихъ рекламъ, подъ видомъ попытки научнаго обоснованія лѣчебныхъ свойствъ корня.

[2]) Описаніе Кореи. II, 133—4.

[3]) Канкоку-дзицугіо-сисин, 185—6.

шэнь носитъ еще наименованіе Гуанъдунъ'скаго 廣東[1], онъ идетъ изъ Гириньскаго района и другихъ частей Маньчжуріи[2]; 2) Сѣверная Америка (Сѣверная Каролина и Канада)[3]; 3) Японія, гдѣ жэньшэнь (только культурный) производится въ префектурахъ Фукусима, Нагано, Ямагуци, Тоциги, Симане и Тоттори[4], при чемъ культура этого растенія началась въ префектурѣ Тоциги, въ священной обители горъ Никкō въ годы Кіōва (1801—3 гг.), послѣ того, какъ князь изъ рода Токугава досталъ сѣмена его изъ Кореи[5]. Четвертой міровой областью производства жэньшэня и является Корея[6], при чемъ корейскій жэньшэнь качествомъ превосходитъ всякій другой жэньшэнь, въ частности и японскій, и потому расцѣнивается выше всѣхъ другихъ[7].

---

[1]) Если въ данномъ случаѣ японскій авторъ не ошибается (Гуанъдунъ вмѣсто Гуань-дунъ 關東, т. е. маньчжурскій), то названіе Гуанъдунъ'скаго или Кантонскаго жэньшэнь могъ получить въ Китаѣ потому, что главныя фирмы, торгующія имъ, находились въ Кантонѣ и большая часть этого корня поступала въ продажу черезъ Кантонъ; какъ отмѣчено выше, болѣе всего этотъ корень употребляется въ среднемъ и южномъ Китаѣ.

[2]) Лучшимъ маньчжурскимъ жэньшэнемъ считается Чанъбошань'скій; но кромѣ этого «дикаго жэньшэня» (въ дѣйствительности онъ можетъ также искуственно разводиться) культура жэньшэня происходитъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Маньчжуріи, какъ и въ сосѣднемъ Уссурійскомъ краѣ, и наконецъ, въ собственномъ Китаѣ.

[3]) Жэньшэнь культивируется въ сѣверной Америкѣ въ странѣ на СВ. отъ р. Миссиссипи. За послѣдніе годы этотъ промыселъ обнаруживаетъ здѣсь нѣкоторый упадокъ сравнительно съ тѣмъ, что было 7—8 лѣтъ раньше, и, хотя количество ежегоднаго сбора не измѣнилось, но, благодаря паденію цѣнъ, цѣнность годового сбора его нынѣ колеблется лишь отъ 1,000,000 до 1,500,000 долл. Д-ръ Міяке, посѣтившій эти плантаціи жэньшэня, выяснилъ, что онѣ ведутся въ цѣломъ по корейскому способу, при чемъ предупредительныя мѣры противъ болѣзней крайне несовершенны. Въ частности незнакомо полезное дѣйствіе въ этомъ отношеніи формалина. Seoul Press, 23 Sep., 1911, 2.

[4]) Japan W. Chronicle, 15 Dec. 1910, 1069, упоминаетъ въ данномъ случаѣ только три японскія префектуры: Симане, Фукусима и Гумма.

[5]) Вывозъ жэньшэня изъ Японіи исчислялся въ 1908—1910 гг. въ слѣдующихъ цифрахъ:

1908 г.		1909 г.		1910 г.	
Количество. кинъ.	Цѣнность. енъ.	Количество. кинъ.	Цѣнность. енъ.	Количество. кинъ.	Цѣнность. енъ.
137,760	280,049	306,289	567,293	158,406	307,727

Согласно Outlines of agriculture in Japan, изд. департаментомъ земледѣлія министерства земледѣлія и торговли, стр. 55—6, цѣнность вывоза въ 300,000 енъ соотвѣтствуетъ болѣе, чѣмъ половинѣ всей цѣнности добычи жэньшэня въ Японіи; при этомъ указывается, что спросъ на жэньшэнь въ самой Японіи сталъ за послѣдніе годы не очень великъ, и это, въ связи съ конкурренціей со стороны Америки и Кореи, вызываетъ упадокъ культивированія его въ Японіи.

[6]) Въ литературѣ встрѣчается еще упоминаніе о разновидности жэньшэня, находимой въ Непалѣ и носящей особое научное обозначеніе; во всякомъ случаѣ этотъ жэньшэнь не играетъ роли для китайскаго рынка.

[7]) Японскій жэньшэнь мелкій, такъ что около 50 штукъ его идетъ на 1 кин,

Жэньшэнь (именно, культурный жэньшэнь—инсам по корейски) является важнымъ сельскохозяйственнымъ продуктомъ въ Кореѣ; хотя площадь его культуры здѣсь не велика, но общая цѣнность сбора весьма значительна (въ настоящее время это справедливо лишь съ извѣстными оговорками, въ виду временнаго значительнаго сокращенія сбора подъ вліяніемъ болѣзней растенія); большая часть его вывозится въ Китай, а въ самой Кореѣ едва только потребляется часть всего количества; примѣняется онъ здѣсь въ качествѣ укрѣпляющаго и возбуждающаго средства[1].

Искусственное разведеніе корня, возникшее подъ вліяніемъ большого спроса на дикій жэньшэнь и соотвѣтственно этому высокой цѣнности его въ Китаѣ, распространено во многихъ мѣстностяхъ корейскаго полуострова, именно, какъ указываетъ Цiбсен-сангiбси[2], жэньшэнь культивируется по всей Кёнъгыйдо, Хоанъхädo, Канъуёндо, Чёлладо и Кёнъсянъдо[3]; однако, главными центрами его культуры являются уѣзды Кäсёнъ, Чянъдан, Пхунъдёк въ Кёнъгыйдо и Тхосан, Кымчхён, Пхёнъсан и Сингѣ въ Хоанъхädo[4]. Кäсёнъ'скiй жэньшэнь пользуется

какъ говоритъ Канкоку-нбгiброн, 191, тогда какъ корейскаго для этого достаточно 12—13 штукъ (это нѣсколько преувеличено. Прим. автора); между тѣмъ величина корня вліяетъ какъ-разъ на повышеніе или пониженіе цѣны его. Отсюда слѣдуетъ, что, независимо отъ качества, которымъ японскiй жэньшэнь уступаетъ корейскому, онъ долженъ расцѣниваться на рынкѣ дешевле. На стр. 201 Канкоку-дзицугiб-сисин, указаны цѣны на жэньшэнь на рынкѣ Шанхая 3—4 года передъ тѣмъ (въ 1901—2 г.) и для сравненія на стр. 201—202 цѣны на томъ же рынкѣ на японскiй жэньшэнь изъ провинціи Идзумо (префектуры Симане). Въ Шанхаѣ 1 кин корейскаго краснаго жэньшэня стоилъ въ 1908 г. 45 ланъ, американскаго лишь 30 ланъ, а мѣстнаго (китайскаго) всего 3 ланъ.

Послѣднія волненія въ Китаѣ оказали значительное вліяніе на цѣны жэньшэня: если въ 1910 г. онѣ стояли около 100 енъ за 1 кин, то въ прошломъ и нынѣшнемъ году онѣ повысились до 150 енъ; при этомъ, подъ вліяніемъ смутъ, сдѣлокъ совершенно нѣтъ. Мäильсинбо, 9 янв. н. ст. 1912. Вліяніе китайской революціи сказалось еще въ томъ, что осенью 1911 г. (корейскiй жэньшэнь вывозился большей частью въ Китай, въ особенности въ Шанхай и Ханькоу весною и осенью) вслѣдствіе указаннаго событія ни одного китайскаго купца не прибыло въ Кäсёнъ и большая часть жэньшэня, изготовленнаго въ этомъ году, оставалась (ко времени этой газетной замѣтки) еще на складѣ. Seoul Press, 17 Nov. 1911, 3.

[1]) Цiбсен-сангiбси, I, 484.

[2]) I, стр. 484.

[3]) Описаніе Кореи. II, 135 указываетъ, со словъ Korean Repository, 1898, стр. 165, въ Южной Кёнъсянъдо уѣздъ Ёнъсан 靈山 по нижнему теченію р. Нактонъганъ, въ качествѣ второго значительнаго центра культуры жэньшэня въ Кореѣ, кромѣ Кäсёнъ'скаго; японскіе авторы спеціально о немъ не упоминаютъ.

[4]) Въ той же провинціи Хоанъхädo указывается еще уѣздъ Сёхынъ, гдѣ въ мѣстечкѣ Тäдäдонъ 大大洞 выращивается лѣкарственный жэньшэнь; имъ заня-

наибольшей извѣстностью, и здѣсь правительство учредило отдѣлъ жэньшэневого управленія—самчжёнъгук 蔘政局 Ginseng administration section, по оффиціальному англійскому переводу, для завѣдыванія всѣмъ, относящимся до монополіи «краснаго жэньшэня»[1]. Жэньшэнь, производимый въ другихъ мѣстахъ Кореи, не хорошъ качествомъ и, хотя вывозится въ Китай, но не пользуется тамъ особой репутаціей[2]. Изъ числа перечисленныхъ и другихъ мѣстностей, согласно распоряженію (令) корейскаго правительства № 22, отъ іюля 1908 г., были особо назначены для культивированія жэньшэня, спеціально служащаго для изготовленія «краснаго» или настоящаго лѣкарственнаго жэньшэня, слѣдующія мѣстности: въ провинціи Кёнъгыйдо уѣзды Кäсёнъ, Чянъдан и Пхунъдёк и въ провинціи Хоанъхäдо—уѣзды Кымчхён, Тхосан, Пхёнъсан, Сёхынъ и Понъсан[3].

Корейскіе плантаторы жэньшэня различаютъ, какъ заявляетъ европейскій авторъ, спеціально изучавшій эту отрасль корейской сельскохозяйственной промышленности, пять болѣе важныхъ разновидностей этого корня: 1) Сансан 山蔘 дикій (букв. горный) жэньшэнь; 2) Ёнъсам 嶺蔘 жэньшэнь, производимый въ Кёнъсянъдо (Ёнънам является другимъ обозначеніемъ этой провинціи); по величинѣ корень этой разновидности меньше Касёнъ'скаго; онъ сушится только на солнцѣ, но считается очень сильнодѣйствующимъ средствомъ; сами корейцы высоко цѣнятъ его (12 корейскихъ долларовъ за англійскій фунтъ въ 1902 г.), почему этотъ сортъ рѣдко вывозится; 3) Канъчжиксам 江直蔘 изъ Канъуёндо; онъ цѣнится дешевле предыдущаго сорта, будучи болѣе тяжелымъ, но менѣе цѣлебнымъ; по наружному виду только опытный

та площадь въ 4—5 тан, при чемъ предпріятіе организовано на капиталы уроженцевъ Сеула и Кäсёнъ. Сѣянцы растенія доставляются сюда изъ Кäсёнъ; культивированіе растенія происходитъ не столь тщательнымъ образомъ, какъ въ районѣ Кäсёнъ, но пріемы тѣ же. Цібсен-сангібси, I, 572.

[1]) Зданіе указаннаго управленія бывшаго корейскаго министерства финансовъ находится внѣ западныхъ воротъ г. Кäсёнъ, въ 1/2 мили отъ желѣзнодорожной станціи (2 часа ѣзды отъ Сеула). Здѣсь же расположена и фабрика «краснаго жэньшэня», вмѣстѣ съ образцовымъ полемъ жэньшэня.

[2]) Цібсен-сангібси, I, 484.

Въ числѣ мѣстностей, производящихъ жэньшэнь, Канкоку-сбран, стр. 587, указываетъ: Сіонъдо (Кäсёнъ) и Іонъин 龍仁 въ провинціи Кёнъгыйдо, Канъгѣ въ пров. Пхёнъандо, Кымсан въ пров. Чёлладо и Чхюнъчжю въ пров. Чхюнъчхёнъдо, при этомъ оговаривается, что только въ Кäсёнъ производятся болѣе значительныя количества этого корня, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ указанныхъ мѣстностяхъ сборъ его очень невеликъ, и что только въ одномъ Кäсёнъ имѣется казенная фабрика краснаго жэньшэня (紅蔘製造場).

[3]) Цібсен-сангібси, I, 494.

глазъ можетъ отличить его отъ слѣдующаго, или четвертаго сорта: 4) Сіонъсам 松蔘, т. е. разводимаго въ Сіонъдо (Кăсёнъ) и высушиваемаго только на солнцѣ; онъ не такъ сильно дѣйствуетъ, какъ три вышеперечисленные сорта, а по цѣнѣ одинаковъ съ третьимъ сортомъ; 5) Хонъсам 紅蔘 «красный жэньшэнь» представляетъ собою послѣдненазванную разновидность корня, прошедшую черезъ казенное сушильное заведеніе въ Кăсёнъ; онъ и вывозится главнымъ образомъ изъ страны.

Въ корейской таможенной классификаціи различаются только два сорта жэньшэня—бѣлый, кор. пăксам, яп. хакудзин 白參, т. е. корень, высушенный на солнцѣ, или заготовленный въ прокъ какимъ-либо другимъ простымъ способомъ, и упомянутый красный жэньшэнь, яп. кōдзин 紅參[1]. Отдѣльно регистрируются т. н. «бородки жэньшэня» (roots, кор. сюсам) яп. сюдзин 鬚參, (какъ отъ бѣлаго, такъ и отъ краснаго жэньшэня).

Японскіе авторы[2] устанавливаютъ нѣсколько иную классификацію разновидностей жэньшэня въ Кореѣ, съ перечнемъ общихъ и мѣстныхъ названій для нихъ; общихъ имѣется пять: 1) красный жэньшэнь (хонъсам); 2) чиксам 直蔘 буквально: «прямой жэньшэнь», сушеный жэньшэнь изъ Кăсёнъ (сіонъчжик) и Іонъин въ Кёнъгыйдо, изъ Канъуōндо (т. н. канъчжик), изъ Канъгѣ въ Пхёнъандо—канъгѣчжик, изъ Кёнъсянъдо (кёнъчжик), изъ Кымсан въ Чёлладо (кымчжик) и Чхюнъчжю въ Чхюнъчхёнъдо; 3) коксам 曲蔘 буквально: «кривой жэньшэнь», иначе называется: тонъчжасам 僮子蔘, т. е. жэньшэнь съ фигурою ребенка, изъ тѣхъ же мѣстъ[3]; 4) дикій жэньшэнь изъ Канъуōндо и оттуда же 5) камфарный жэньшэнь или чянъносам 樟腦蔘.

Настоящій жэньшэнь, извѣстный европейскимъ ботаникамъ подъ указаннымъ научнымъ названіемъ Panax Ginseng, встрѣчается въ природномъ состояніи лишь въ дикихъ горныхъ ущельяхъ Маньчжуріи и Кореи, среди непроходимыхъ дебрей кустовъ и валежника, отличаясь отъ японской, американской и непальской разновидностей[4]. Эта разновидность растенія, или т. н. «дикій жэньшэнь» представляетъ огромную рѣдкость даже на мѣстѣ въ Кореѣ (въ глухихъ горныхъ мѣстностяхъ

[1]) Collyer, Rev. C. T. The culture and preparation of ginseng in Korea, 18—19 (въ Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society, vol. III, part I, 1903).

[2]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 186-190.

[3]) Лучшій жэньшэнь этого сорта производятъ провинціи Канъуōндо (т. н. канъгок) и Кёнъсянъдо (кёнъгок), за ними слѣдуютъ Чёлладо, Чхюнъчхёнъдо и Пхёнъандо; наихудшимъ является производимый въ Кăсёнъ (сіонъгок); это, вѣроятно, потому, что въ этой мѣстности корни спеціально служатъ для изготовленія «краснаго жэньшэня» и только худшіе изъ нихъ, которые не годятся для этой цѣли, превращаются въ «коксам».

[4]) См. Описаніе Кореи, II, 132—3, гдѣ дается также описаніе внѣшняго вида растенія.

восточной Маньчжуріи онъ попадается все же чаще), будучи настолько рѣдокъ, что среди самихъ корейцевъ не мало никогда не видавшихъ его[1]. Этотъ жэньшэнь поставлялся здѣсь раньше только ко двору, встрѣчаясь въ продажѣ подъ большимъ секретомъ въ видѣ отдѣльныхъ корешковъ за баснословную цѣну[2]. Длина дикаго корня доходитъ до 4 футовъ, искусственнаго не превышаетъ 1 фута. Конечный возрастъ дикаго корня 30—40 лѣтъ[3]. Въ Кореѣ этотъ корень находимъ почти исключительно въ Хамгёнъдо и Пхёнъандо[4]. По сравненію съ культивируемымъ корнемъ, дѣйствіе дикаго корня жэньшэня является несравненно болѣе сильнымъ, какъ можно судить изъ слѣдующаго любопытнаго разказа: послѣ пріема лѣкарства изъ дикаго жэньшэня, человѣкъ на три дня лишается сознанія, затѣмъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца чувствуетъ тѣлесное и душевное недомоганіе и только послѣ этого здоровье его возстанавливается; цвѣтъ крови улучшается, и все тѣло становится замѣчательно крѣпкимъ. Съ этого времени онъ не рискуетъ болѣе заболѣть, способенъ прожить до 90—100 лѣтъ и можетъ совершенно не бояться холода и жары[5].

Способъ искусственнаго разведенія жэньшэня на грядахъ изображается въ «Описаніи Кореи» по болѣе раннимъ даннымъ, собраннымъ европейскими изслѣдователями[6]. Болѣе подробныя

---

[1]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 189.

[2]) Крупный корень дикаго жэньшэня стоилъ на китайскомъ рынкѣ иногда до 2,000 долларовъ, тогда какъ стоимость корня культивируемаго, или искусственнаго жэньшэня, при томъ китайскаго происхожденія, правда, много меньшаго по величинѣ, почти въ 1,000 дешевле разъ (около 2 долларовъ).

Когда корейскій плантаторъ жэньшэня находитъ въ своемъ сборѣ исключительно крупный корень, онъ нерѣдко тайкомъ высушиваетъ его и затѣмъ выдаетъ его за дикій жэньшэнь, якобы найденный имъ въ какомъ нибудь горномъ ущельѣ; фактически настоящаго дикаго жэньшэня въ продажѣ не встрѣчается (Collyer, The culture and preparatiou of ginseng in Korea, 18). Исключенія, однако, бываютъ, какъ показываетъ недавній случай въ уѣздѣ Пуан въ Сѣверной Чёлладо, гдѣ были найдены однимъ земледѣльцемъ въ горахъ 2 корня дикаго жэньшэня, толщиною съ большой палецъ; эти корни были проданы мѣстному янъбаню за 100 енъ. Seoul Press, 20 Jan. 1912, 2.

[3]) Описаніе дикаго корня см. Канкоку-дзицугіō-сисин, 189.

[4]) Описаніе Кореи, II, 134. Мѣстонахожденіе дикаго корня указывается Канкоку-дзицугіō-сисин, 187, только въ Канъуёндо.

[5]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 189 (японскій авторъ приводитъ этотъ разсказъ съ чужихъ словъ). Приведенный разсказъ, очищенный отъ преувеличеній, можетъ быть, является въ извѣстной мѣрѣ справедливымъ.

[6]) II, 135—6.

свѣдѣнія на этотъ счетъ даются японскими авторами[1], которые почерпаютъ ихъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ и спеціальныхъ монографій. Изъ всего этого обильнаго матеріала ниже приводятся наиболѣе существенныя указанія болѣе общаго характера насчетъ этой своеобразной отрасли корейской сельскохозяйственной промышленности спеціально для района Кäсёнъ (Сіонъдо), гдѣ она достигла наибольшого развитія и процвѣтанія[2].

По общему правилу жэньшэнь выращивается изъ сѣмянъ[3] предварительно въ особыхъ разсадникахъ[4] и только, по дости-

---

[1]) Цібсен-сангібси, I, 485—492; Канкоку-нбгібран, 193—202 (съ рисунками орудій и прочихъ принадлежностей, примѣняемыхъ въ этой культурѣ); Канкоку-дзицугіб-сисин, 190—195; Канкоку-сбран, 587—593 (свѣдѣнія здѣсь заимствуются главнымъ образомъ изъ журнала «Цібсен-кібкай-дзасси» 朝鮮協會雜誌); Сайсин-Канкоку-дзидзіб, 111—115; во всѣхъ указанныхъ японскихъ сочиненіяхъ, кромѣ Цібсен-сангібси, свѣдѣнія буквально одни и тѣ же, указывая на заимствованіе ихъ изъ общаго источника, каковымъ является авторъ Канкоку-нбгіброн, такъ какъ свѣдѣнія относительно культивированія и изготовленія жэньшэня были собраны имъ лично въ Кымсан въ Чёлладо и Кäсёнъ, въ особенности въ этомъ городѣ, во время оффиціальной командировки по Кореѣ въ 1900 г. Только Канкоку-дзицугіб-сисин сообщаетъ нѣкоторыя подробности насчетъ области распространенія жэньшэня и его корейскихъ обозначеній, которыхъ нѣтъ у другихъ перечисленныхъ авторовъ.

[2]) То, что главнымъ центромъ культуры жэньшэня въ Кореѣ является уѣздъ Кäсёнъ, бывшая столица Кореи—Сіонъдо, вѣроятно, имѣетъ главной причиною особую пригодность почвы и климата этой мѣстности (на разстояніи 25 миль вокругъ указаннаго города) для названной культуры, но также этому способствовало и то обстоятельство, что съ давняго времени жэньшэнь служилъ потребностямъ корейскаго двора (пребывавшаго въ этой мѣстности), въ результатѣ чего помянутая отрасль сельскохозяйственной промышленности сдѣлалась спеціальностью этого района. Канкоку-дзицугіб-сисин, 186.

Плантаціи жэньшэня вокругъ Кäсёнъ имѣли около 10 лѣтъ тому назадъ около 40 миль въ окружности (Japan Times, 30 Dec. 1900, по свѣдѣніямъ газеты «Бсака-майници-симбун»). Общая площадь полей жэньшэня въ районѣ Кäсёнъ и девяти вокругъ лежащихъ уѣздовъ—Чянъдан, Хыкчён 黑川(?), Пхунъдбк, Куйсан 鬼山(?), Сингѣ, Пхёнъсан, Сёхын, Кымчхён, Понъсан, въ 1903 г. измѣрялась, какъ говорятъ, въ 600,000 кан. Канкоку-дзицугіб-сисин, 188.

[3]) Сѣмена для посѣва либо заготавливаются самимъ плантаторомъ для себя, либо пріобрѣтаются имъ—однообразнаго порядка въ этомъ отношеніи не наблюдается; однако, большей частью сѣмена покупаются на сторонѣ, при чемъ не играетъ роли, откуда они: случается, что пользуются сѣменами, привезенными изъ Японіи; кромѣ того, ежегодно ввозится нѣкоторое количество ихъ изъ Китая. Цібсен-сангібси, I, 487. Способъ полученія сѣмянъ (отъ 4-лѣтняго растенія) см. тамъ же, 487—8 (этимъ дѣломъ разрѣшается заниматься всякому). Сборъ (отъ 4 и 5 лѣтняго растенія), храненіе и подготовка къ посѣву сѣмянъ жэньшэня—весьма кропотливая процедура—описывается подробнѣе въ Канкоку-дзицугіб-сисин, 191—192.

[4]) Устройство разсадника жэньшэня описывается Канкоку-дзицугіб-сисин, 190—191 и въ Цібсен-сангібси, I, 485—6. Разсадникъ, какъ и собственное поле, состоитъ изъ отдѣльныхъ грядокъ; длина каждой грядки обычно бываетъ болѣе

женіи сѣянцами его опредѣленной величины, они пересаживаются на собственное поле (сампхо по корейски 蔘圃). Разсадники 苗圃 обычно устраиваются внутри самого города Кäсёнъ, но поля располагаются внѣ городскихъ стѣнъ на покатой почвѣ окружающихъ городъ возвышенностей[1]. Разсадникъ жэньшэня можетъ служить для этой цѣли лишь съ промежутками болѣе года, иначе результатъ бываетъ нехорошъ. На слѣдующій годъ, послѣ снятія разсады жэньшэня, обычно сѣютъ овощи[2]. Собственное поле жэньшэня можетъ употребляться для той же цѣли не ранѣе 10—15 лѣтъ (по другимъ свѣдѣніямъ, не ранѣе, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ), иначе корни загниваютъ и даютъ плохой сборъ[3]. Поэтому, послѣ сбора жэньшэня, на слѣдующую же весну поле употребляется подъ подходящую сельскохозяйственную культуру, совершенно безразлично—какую[4]. Необходимость отвода новыхъ земель подъ культуру жэньшэня, равно какъ и то, что долгое созрѣваніе корня требуетъ для этой отрасли промышленности относительно большого количества земли и большого капитала, способствуютъ увеличенію цѣнности самого продукта.

---

10 кан 間. Канкоку-дзицугіō-сисин, 190, поясняетъ, что именемъ «кан»—въ корейскомъ и японскомъ чтеніи, обозначается часть грядки длиною въ 9 сяку при ширинѣ отъ 2,7 сяку до 3 сяку и при вышинѣ въ 1,4 сяку. Эта же мѣра примѣняется и къ грядкамъ собственнаго поля жэньшэня, хотя величина ея можетъ нѣсколько измѣняться. Канкоку-нōгіōрон, 193, указываетъ величину 1 «кан» для питомника жэньшэня также въ 9 сяку длиною, при ширинѣ грядки отъ 2,7 сяку до 3 сяку и высоты въ 1 сяку, добавляя, что эта мѣра площади не отличается отъ таковой же для собственнаго поля жэньшэня, при чемъ ею обычно пользуются для расчетовъ при всякаго рода сдѣлкахъ по продажѣ и покупкѣ въ этой промышленности. Однако, при описаніи способа посѣва сѣмянъ жэньшэня тотъ же авторъ на 195 стр. указываетъ другую величину «кан»—въ длину 6,5 сяку при ширинѣ грядки въ 2,7 сяку. Напротивъ, на стр. 203 отмѣчается, что при расчетѣ арендной платы величина «кан» считается въ 9 сяку длины при 3 сяку ширины. Нихон-тейкоку-тōкей-ненкан, № 30, стр. 954, отмѣчаетъ, что величина 1 кан измѣняется по мѣсту, но въ среднемъ можно принять ее для главнаго поля жэньшэня соотвѣтствующей около 1 японскаго цубо, или 36 кв. сяку (считая и промежутки между грядками. Прим. автора.) и для питомника разсады жэньшэня около 1,38 цубо, но въ дѣйствительности даже одно жэньшэневое поле требуетъ себѣ больше земли, почему по числу «кан» трудно узнать точную величину его въ цубо.

[1]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 190.

[2]) Дыни и аналогичные овощи, какъ говоритъ Канкоку-дзицугіō-сисин, 190.

[3]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 194, отмѣчаетъ, однако, что вторично сажать жэньшэнь на томъ же полѣ нельзя минимально въ теченіе 4—5 лѣтъ, максимально—10 лѣтъ.

[4]) Цiōсен-сангіōси, I, 492.

При посѣвѣ сѣмянъ на грядкахъ разсадника употребляютъ 21 зерно поперекъ грядки и 60 зеренъ вдоль ея на 1 «кан»[1]. Послѣ появленія ростковъ (на 15—20 день послѣ посѣва) устраиваютъ навѣсы для защиты ихъ отъ солнечнаго свѣта и отъ сильнаго дождя[2], производятъ регулярно поливку[3], удаляютъ сорную траву (разрѣживанія, однако, не производятъ[4]) и вообще тщательно ухаживаютъ за молодымъ растеніемъ[5].

Къ слѣдующей послѣ посѣва веснѣ корень жэньшэня выростаетъ на 1,5 сун до 2 сун слишкомъ въ длину и не совсѣмъ 1 фун въ діаметрѣ; само растеніе поднимается надъ землею на 2 сун; листьевъ три. На 1 кан[6] разсадника бываетъ 800—900 штукъ молодыхъ растеній[7]. Съ наступленіемъ этого времени, совершаютъ пересадку разсады на главное поле[8]. Самая пересадка производится двоякимъ образомъ—въ лежачемъ и стоячемъ положеніи корня; первый способъ лучше и примѣняется чаще[9]. Уходъ за дальнѣйшимъ ростомъ растенія требуется весьма тщательный[10]. Для защиты отъ сильнаго дождя и солнечнаго свѣта служатъ навѣсы надъ каждой грядкой[11]; для предохраненія отъ остыванія почвы зимою цыновки отъ навѣсовъ кладутъ на землю поверхъ растенія. Для охраны отъ воровъ на полѣ устраиваютъ на помостѣ сторожки до 2

---

[1]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 192. Способъ посѣва см. тамъ же и въ Цiōсен-сангіōси, I, 486.

[2]) Устройство ихъ см. Канкоку-дзицугіō-сисин, 192.

[3]) Тамъ же, 193, описывается способъ ея.

[4]) Цiōсен-сангіōси, 486.

[5]) См. Канкоку-дзицугіō-сисин, 193.

[6]) См. выше.

[7]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 193.

[8]) Устройство главнаго поля описывается въ Канкоку-дзицугіō-сисин, 193—194. Цiōсен-сангіōси, I, 488, также описываетъ подготовку и устройство этого поля (грядки такія же, какъ для разсадника); говорится также о способахъ удобренія этого поля.

[9]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 194.

[10]) См. Канкоку-дзицугіō-сисин, 194—5; Цiōсен-сангіōси, I, 489—490.

[11]) Фотографическій снимокъ плантацій жэньшэня въ окрестностяхъ Касёнъ помѣщенъ у Bourdaret, En Corée, 1904, къ стр. 28; часть грядокъ здѣсь покрыта циновками, положенными на протянутыя для этой цѣли жерди на подпоркахъ; другія грядки открыты, хотя указанный остовъ для навѣса оставленъ. Bourdaret, En Corée, 284. См. также фотографіи къ стр. 178 Канхантō, изд. въ 1901 г., и почти въ каждомъ другомъ японскомъ сочиненіи, гдѣ только имѣются иллюстраціи, напримѣръ, Канкоку-нōгіōрон, къ стр. 190, или альбомъ Нихон но Цiōсен, стр. 78 (на той же страницѣ изображены пучки корней жэньшэня разной величины, сколько ихъ приходится на 1 кин—отъ 4 до 20 штукъ).

дзіō вышиною (на большемъ полѣ ихъ бываетъ двѣ—три)[1]. Наиболѣе подходящей величиною для поля является 1,000 кан, но бываютъ поля въ 2,000 кан; однако, чрезмѣрная величина поля не годится[2], такъ какъ при величинѣ, превышающей 1,000 кан, возрастаютъ расходы по содержанію поля (найму людей), но прибыль отъ него не увеличивается въ той же пропорціи[3].

Послѣ пересадки растеніе остается на главномъ полѣ, въ теченіе пяти и шести лѣтъ, постепенно увеличиваясь въ ростѣ надъ поверхностью почвы, чему соотвѣтствуетъ и постепенное увеличеніе самаго корня—въ длину и толщину; этотъ послѣдовательный ростъ растенія изображается Ціōсен-сангіōси[4] по отдѣльнымъ годамъ.

Сборъ корней производится большей частью на седьмомъ году[5] послѣ посѣва, хотя плохо развившіеся корни можно оставить еще для роста на 1—2 года. Хорошо выросшіе корни въ это время имѣютъ 1 футъ слишкомъ въ длину[6]; сборъ ихъ происходитъ по старому китайскому календарю въ 7-ой или 8-ой мѣсяцъ[7]. Изъ 600 момме обмытаго сырого корня получается 1 кин (вѣсомъ въ 120 момме) «краснаго жэньшэня»; однако, если запоздать съ уборкою, то для полученія того же количества готоваго продукта потребуется 800 момме сырого корня[8].

---

[1]) Помимо этихъ враговъ, владѣлецъ поля жэньшэня долженъ считаться съ еще болѣе опасными врагами въ видѣ вредныхъ насѣкомыхъ и болѣзней, которыя губятъ цѣлыя плантаціи, какъ это случилось въ послѣдніе годы, почти уничтоживъ эту отрасль промышленности въ районѣ Кäсёнъ. Ціōсен-сангіōси, I, 490 сообщаетъ нѣкоторыя подробности о вредныхъ насѣкомыхъ (одинъ видъ портитъ корни, другой—листья).

[2]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 105.

[3]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 200.

[4]) I, 490—491.

[5]) Ціōсенъ-сангіōси, I, 491, говоритъ о сборѣ корней на 6-ой или на 7-ой годъ; изъ шестилѣтнихъ корней берутъ только болѣе крупные, остальные оставляются еще на 1 годъ, при чемъ для ускоренія ихъ развитія почва удобряется; на седьмомъ году обычно собираютъ всѣ безъ исключенія корни.

[6]) Эта величина корня является скорѣе рѣдкой, такъ какъ обычной величиною вполнѣ развитаго корня является лишь свыше $^1/_2$ фута; толщиною онъ бываетъ съ большой палецъ, обычно съ раздвоеннымъ концомъ; весь корень покрытъ волосами. Seoul Press, 12 Oct. 1909, 2.

[7]) Какъ указываетъ Ціōсен-сангіōси, I, 491, поздно осенью, передъ тѣмъ, какъ замерзаетъ почва.

[8]) Канкоку-дзицугіō-сисин, 195—196.

Послѣ сбора обмываютъ корни въ водѣ и сортируютъ ихъ по величинѣ. Этимъ заканчивается предварительная стадія производства жэньшэня въ качествѣ сырого матеріала или «водяного жэньшэня» 水蔘, могущаго служить дальнѣйшей обработкѣ для полученія собственнаго лѣкарственнаго продукта.

Что касается цифры сбора жэньшэня, то съ площади 1 «кан» 間, которая, какъ говорилось выше, мѣняется по величинѣ, получаютъ черезъ 6—7 лѣтъ сырого жэньшеня отъ 20 до 35 корней, вѣсомъ отъ 300 до 500 момме (отъ 2,74 до 4,58 русск. фунта); цѣнность этого сбора съ 1 кан является на японскія деньги отъ 1 до 1,5 енъ, при чемъ продажная цѣна устанавливается на каждый годъ и заранѣе публикуется правительствомъ[1].

Въ первоначальномъ, или сыромъ видѣ или въ полуобработанномъ (только высушенномъ на солнцѣ) видѣ цѣнность корня жэньшэня сравнительно не велика вслѣдствіе того, что въ такомъ видѣ онъ не можетъ долго сохраняться или перевозиться на далекія разстоянія. Настоящимъ лѣкарственнымъ, или т. н. краснымъ жэньшэнемъ онъ становится лишь подвергнувшись особому процессу обработки и сушки на особой фабрикѣ въ г. Кäсёнъ. Производство краснаго жэньшэня и продажа его составляетъ нынѣ монополію правительства, какъ раньше корейскаго королевскаго двора. Для этой цѣли служатъ корни, произведенные въ извѣстныхъ, спеціально для сего назначенныхъ правительствомъ, мѣстностяхъ (см. выше)— семи уѣздахъ въ провинціяхъ Кёнъгыйдо и Хоанъхäдо, при чемъ плантаторы этого жэньшэня выбираютъ особыя свидѣтельства на право заниматься этой культурою въ томъ или другомъ размѣрѣ и безъ разрѣшенія подлежащихъ властей не могутъ располагать сборомъ корней, которымъ ведется строгій учетъ.

Въ первой половинѣ 1909 г. число лицъ, выбравшихъ свидѣтельства на право культивированія жэньшэня, предназначен-

---

[1]) Цiōсен-сангiōси, I, 491—2, цѣны арендныя (вообще онѣ вдвое выше, чѣмъ для другихъ полей) и продажныя—на разсадники и собственныя поля жэньшэня указываются въ Канкоку-нōгiōрон, 203, Канкоку-дзицугiō-сисин, 200—201, и т. д. 1 кан питомника съ двухлѣтней разсадою, которой достаточно для пересадки на 4 кан главнаго поля, стоитъ въ среднемъ 3 енъ.

Названіе уѣзда.	Корни жэньшэня.																				Всего.		
	Сѣянцы.			Двухлѣтніе.			Трехлѣтніе.			Четырехлѣтн.			Пятилѣтніе.			Шестилѣтніе.			Семилѣтніе.					
	Плантатор.	Пунктовъ.	Кан.	Плантатор.	Пунктовъ.	Кан.	Плантатор.	Пунктовъ.	Кан.	Плантатор.	Пунктовъ.	Кан.	Плантатор.	Пунктовъ.	Кан.	Плантатор.	Пунктовъ.	Кан.	Плантатор.	Пунктовъ.	Кан.	Плантатор.	Пунктовъ.	Кан.
Касёнъ.	[39 / 8[1]	54	10,602	[10 / *15*	27	16,251	[7 / *11*	20	11,106	*3*	4	1,213	[2 / *6*	9	4,505	[1 / *3*	4	3,550	[1 / *2*	3	815	[60 / *48*	121	48,042
Кымчхён.	*3*	3	3,800	[2 / *7*	12	15,600	[1 / *2*	4	7,515	—		—	[1 / *2*	3	3,340	—	—	—	—	—	—	[4 / *14*	22	30,255
Пхунъдёк.	[4 / *6*	11	1,610	[9 / *14*	29	34,921	[3 / *10*	19	12,273	*1*	2	269	*3*	6	5,016	—	—	—	—	—	—	[16 / *34*	67	55,799
Чянъдан.	[5 / *1*	6	155	[4 / *2*	6	1,990	[1 / *1*	2	1,000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	[10 / *4*	14	4,600
Понъсан.	[1 / *1*	2	—	[2 / *2*	5	6,000	*5*	5	3,582	—	—	—	—	—	—	—	1	1,200	—	—	—	[4 / *8*	13	10,937
Сёхынъ.	—	—	—	[2 / *3*	19	18,750	[2 / *7*	10	16,790	*3*	4	5,300	[1 / *4*	5	5,478	1	1	207	—	—	—	[8 / *14*	39	46,525
Пхёнъсан.	—	—	—	—	—	—	*1*	1	440	—	—	—	*1*	1	759	*1*	—	—	—	—	—	*2*	2	1,199
Всего . . .	[49 / *19*	76	19,487	[32 / *49*	98	93,512	[14 / *37*	61	52,706	7	10	6,782	[4 / *16*	14	19,098	[2 / *4*	6	4,957	[1 / *2*	3	815	[102 / *124*	278	197,357

[1]) Курсивныя цифры обозначаютъ число плантаторовъ, культивирующихъ жэньшэнь болѣе, чѣмъ въ одномъ пунктѣ каждый.

наго служить для изготовленія краснаго жэньшэня, было 102 человѣка; число зарегистрированныхъ «кан» полей этого жэньшеня—197,357 въ 270 пунктахъ; сравнительно съ весною 1908 г. число плантаторовъ уменьшилось на 27 человѣкъ, но число «кан» увеличилось на 56,151 и число отдѣльныхъ пунктовъ этой культуры на 61. Это объясняется всякаго рода мѣрами поощренія культивированія жэньшэня, которыя оказывались властями въ широкихъ размѣрахъ плантаторамъ[1].

Въ апрѣлѣ 1909 г. свѣдѣнія о количествѣ «кан», занятыхъ корнями жэньшэня разнаго возраста, отъ сѣянцевъ (т. е. однолѣтнихъ) до семилѣтнихъ, и распредѣленіи ихъ и самихъ плантаторовъ по отдѣльнымъ уѣздамъ—изъ числа предназначенныхъ доставлять матеріалъ для выдѣлки краснаго жэньшэня, приводятся въ особой таблицѣ на стр. 643[2].

По поводу этихъ данныхъ Цібсен-сангібси[3] отмѣчаетъ, какъ весьма благопріятное обстоятельство для будущаго развитія корейской жэньшэневой промышленности, то, что наиболѣе увеличилось въ первой половинѣ 1909 г. противъ весны 1908 г. число сѣянцевъ и двухлѣтнихъ корней.

---

[1]) Министерское распоряженіе 部令 о выдачѣ наградъ (медалей и похвальныхъ отзывовъ) тѣмъ изъ плантаторовъ жэньшэня, кои достигли наилучшихъ результатовъ въ этой культурѣ и могутъ служить примѣромъ для другихъ, было издано въ сентябрѣ 1908 г. за № 37; устанавливаемыя имъ правила выдачи этихъ наградъ см. Цібсен-сангібси, I, 511.

Награды выдаются (выдача эта производилась б. корейскимъ министромъ финансовъ) слѣдующимъ тремъ разрядамъ плантаторовъ: 1. показавшихъ лучшее качество жэньшэня; 2. высокую цифру сбора и 3. точное соблюденіе законоположеній и прочихъ инструкцій касательно культуры жэньшэня. На основаніи положеній того же распоряженія частныя правила устанавливаютъ для плантаторовъ поощрительныя денежныя награды. Въ 1908 г. изъ числа 26 плантаторовъ были выданы награды 14-ти, послѣ строгой оцѣнки результатовъ ихъ хозяйства и качества представленнаго жэньшэня: 3 награды I степени (золотая медаль съ присоединеніемъ 100 енъ), 3—второй степени (серебряная медаль и 80 енъ), 3—третьей степени (бронзовая медаль и 50 енъ), 5—четвертой степени (похвальный отзывъ и 30 енъ).

[2]) Цібсен-сангібси, I, 495.

Дѣйствительное количество кан, служащихъ для культивированія жэньшэня въ означенномъ районѣ, оказывается выше зарегистрированнаго на основаніи заявленій самихъ плантаторовъ, приблизительно на 2%, какъ обнаружила оффиціальная провѣрка полей, произведенная въ маѣ и іюнѣ 1909 г. Это происходитъ отъ того, что когда при посѣвѣ и пересадкѣ оказывается излишекъ сѣмянъ и сѣянцевъ, то плантаторы издавна привыкли увеличивать культивируемую подъ жэньшэнь площадь, сравнительно съ тѣмъ количествомъ «кан», которое было исчислено ими при первоначальной подачѣ заявленій, и медлятъ отказаться отъ этого порядка. Цібсен-сангібси, I, 495—6.

[3]) I, 495.

Самый процессъ фабрикаціи «краснаго жэньшэня» заключается въ томъ, что изъ всего сбора лучшіе шестилѣтніе корни, послѣ обрѣзки и окончательной промывки, подвергаются распариванію надъ парами кипящей воды въ теченіе нѣсколькихъ часовъ или даже дольше[1], просушкѣ на полкахъ въ особыхъ жарко отапливаемыхъ помѣщеніяхъ въ теченіе 10 дней[2] и окончательной просушкѣ на солнцѣ на открытомъ воздухѣ[3]. Послѣ подобной обработки, самый корень принимаетъ цвѣтъ отъ вишневокраснаго до бурокоричневаго (вишневаго цвѣта, какъ говорятъ японскіе авторы), становится очень твердымъ, но хрупкимъ, пріобрѣтая прозрачность и теряя 50% своего первоначальнаго вѣса[4]. По другому, японскому способу

---

[1]) Какъ отмѣчаетъ Описаніе Кореи II, 137, со словъ европейскихъ путешественниковъ; по японскимъ свѣдѣніямъ, всего 50 минутъ—1 1/2 часа, въ зависимости отъ величины корней. Канкоку-дзицугіō-сисин, 196—7.

[2]) Устройство сушильни въ корейскомъ и японскомъ домѣ см. Канкоку-дзицугіō-сисин, 197—8.

Сушка корней, въ зависимости отъ величины ихъ, продолжается 4—5 дней. Канкоку-дзицугіō-сисин, 198.

[3]) Подробности относительно процесса распариванія и просушки см. Описаніе Кореи, II, 137. Эта фабрикація корня жэньшэня описывается Канкоку-дзицугіō-сисин: процессъ обмывки и распариванія на стр. 196—197 и сушки на 197—198. Нынѣ въ Кäсёнъ устроена новая казенная фабрика указаннаго управленія монополіи краснаго жэньшэня, при чемъ, благодаря примѣненію на этой фабрикѣ, взамѣнъ старыхъ пріемовъ фабрикаціи краснаго жэньшэня въ туземныхъ котлахъ и сушки его на солнцѣ, современнаго процесса обработки паромъ, качество краснаго жэньшэня улучшилось, а стоимость его производства уменьшилась. Осмотръ казенной фабрики жэньшэня въ Касёнъ описывается въ Seoul Press, 14 Oct. 1909.

[4]) Описаніе Кореи. II, 138. Въ дѣйствительности, потеря вѣса оказывается болѣе значительной, именно, какъ говоритъ Канкоку-нōгіōрон, 204 (это указаніе повторяется другими японскими авторами, какъ то Канкоку-дзицугіō-сисин и т. д.) готовый корень имѣетъ вообще только 1/4 вѣса сырого корня передъ началомъ фабрикаціи, такъ какъ изъ трехъ кин сырого корня получается одинъ кин готоваго корня; для поясненія этого надо замѣтить, что «кин», которымъ опредѣляется вѣсъ сырого корня, имѣетъ 200 момме вмѣсто 160 момме, составляющихъ обычный «кин», почему Цiōсен но кенкю обозначаетъ первый, или крупный «кин» черезъ 次 вмѣсто обычнаго 斤; счетъ же вѣса готоваго корня (краснаго жэньшэня) идетъ на обычные кин въ 160 момме—впрочемъ, Канкоку-нōгіōрон, 204, считаетъ въ немъ только 150 момме. По другимъ японскихъ свѣдѣніямъ, корень жэньшэня по изготовленіи вѣситъ только 24% первоначальнаго вѣса.

Въ эти свѣдѣнія Цiōсен-сангіōси, I, 508—9, вноситъ поправку въ томъ смыслѣ, что раньше изъ трехъ кин (по 200 момме) сырого корня обычно получалось 1 кин (въ 160 момме) готоваго корня и до 20% этого вѣса «хвостового» жэньшэня т. е. хвостовъ (концовъ) и бородокъ или мелкихъ вѣтокъ и волосковъ самого корня, составляющихъ обрѣзки отъ него, послѣ окончанія процесса сушки. Нынѣ (въ 1908 г.), если принять во вниманіе, что изъ 13,216 кин сырого жэньшэня получено 4,173 кин собственнаго жэньшэня и 961 «кин» хвостового, то изъ 3 кин сырого жэньшэня получается только 0,95 кин готоваго жэньшэня и 0,23 кин хвостоваго. То,

корень варится въ водѣ и высушивается на солнцѣ на бумажныхъ рамахъ.

Выпаренный жэньшэнь извѣстенъ подъ именемъ «краснаго жэньшэня»[1]; отъ него, какъ сказано, отличается т. н. «бѣлый жэньшэнь, приготовленіе коего изъ корней похуже ограничивается обмывкою, скобленіемъ и просушкою на солнцѣ. Онъ не выдерживаетъ дальней перевозки, но употребляется въ широкой степени въ самой странѣ, хотя также довольно дорогъ[2]. По окончаніи просушки, корни краснаго жэньшэня сортируются, завертываются въ бѣлую бумагу, затѣмъ въ промасленную бумагу и сверху въ пеньковую ткань и укладываются въ ящики[3], которые снаружи укупориваются въ пеньковую ткань[4].

Въ 1908 г. сборъ жэньшэня для поставки управленію монополіи былъ произведенъ въ 49 пунктахъ у 43 плантаторовъ, всего съ 40,322

что нынѣ не получается прежнихъ результатовъ, объясняется: 1) благодаря болѣе усовершенствованному способу приготовленія остается 23% хвостоваго жэньшэня; 2) по прежнему способу при изготовленія корня очень сильно увлажняли его; не только для того требовалось много рукъ, но на слѣдующій годъ во время дождливаго періода появлялась плѣсень, измѣнялся цвѣтъ корня и качество его портилось; поэтому въ 1908 г. на способъ увлажненія корня обратили особое вниманіе и по возможности хорошенько высушивали его; 3) при приготовленіи по обычному способу крупные «хвосты» жэньшэня упаковывались вмѣстѣ съ самимъ корнемъ, но въ указанномъ году этого не дѣлалось. При этомъ изготовленный въ 1908 г. корень, по сравненію съ продуктомъ 1907 г., въ отношеніи блеска и прочихъ качествъ далеко былъ лучшимъ.

Стоимость изготовленія корня въ 1908 г. показаны на стр. 509—510 въ детальной таблицѣ съ перечнемъ отдѣльныхъ статей производственныхъ расходовъ.

[1]) Цѣны за жэньшэнь (красный) въ самой Кореѣ указываются Канкоку-дзицугіо-сисин, 199, слѣдующія: за 1 кин, состоящій изъ 15 корней, что бываетъ рѣдко, 55 енъ; за такой же кин изъ 80 корней—1—2 енъ. Осенью 1903 г. цѣны на жэньшэнь въ Кäсёнъ стояли слѣдующія: за 1 кин 15-штучнаго жэньшэня (въ дѣйствительности до 18 корней) 40 енъ, 20-штучнаго (въ дѣйствительности до 28 корней) 30 енъ и т. д., вплоть до 60-штучнаго—4 енъ и 70-штучнаго—2 енъ. Позднѣйшая расцѣнка краснаго жэньшэня: по 15 корней (до 18 корней) на 1 кин —30 енъ за кин; по 50 корней на 1 кин—15—20 енъ за кин; по 60 корней—7½—10 енъ за кин. Цiосен-сангiоси, I,492.

[2]) 5—6 енъ за фунтъ. Seoul Press, 12 Oct. 1909.

Бѣлый жэньшэнь въ значительномъ количествѣ вывозится изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Китай (въ 1898 г. 174,063 англ. фунт. на сумму въ 836,446 долларовъ); напротивъ, изъ Кореи вывозъ бѣлаго жэньшэня съ каждымъ годомъ уменьшался (въ 1892 г. 210 пикулей, въ 1898 г. 14 пикулей, въ 1900 г. 10 пикулей), такъ какъ всѣ пригодные для этой цѣли корни расцѣниваются гораздо дороже, будучи превращены въ красный жэньшэнь. Collyer, Rev. C. J. The culture and preparation of ginseng in Korea: Transactions of the Korean branch of the Royal Asiatic Society, vol. III, part I, стр. 18—20.

[3]) Деревянный ящикъ, въ который укладываются готовые корни послѣ просушки, имѣютъ 5 сун въ ширину, 1 сяку въ длину, 5 сун въ вышину; мѣста скрѣпленій покрыты бумагою. Канкоку-дзицугіо-сисин, 198.

[4]) Цiосен-сангiоси, I, 492.

Производство бѣлаго жэньшэня по различнымъ провинціямъ Кореи изображается въ слѣдующей таблицѣ[1]:

Названіе провинціи.	Сѣянцы.			КОРНИ.												Всего.		
				Двухлѣтніе.			Трехлѣтніе.			Четырехлѣтніе.			Пятилѣтніе.					
	Плантатор.	Мѣстъ.	Кан.	Плантатор.	Мѣстъ.	Кан.	Плантатор.	Мѣстъ.	Кан.	Плантатор.	Мѣстъ.	Кан.	Плантатор.	Мѣстъ.	Кан.	Плантатор.	Мѣстъ.	Кан.
Кёнъгыйдо	1	1	200	—	—	—	3	3	239	—	—	—	—	—	—	4	4	439
Канъуёндо	3	3	110	4	5	451	10	10	610	16	16	627	8	8	1,000	41	42	2,798
Хоанъхäдо.	—	—	—	—	—	—	4	1	338	—	—	—	—	—	—	4	1	338
Сѣв. Кёнъсянъдо.	69	89	2,975	52	54	1,592	45	45	1,381	30	32	1,400	21	21	555	217	241	7,885
Южн. Кёнъсянъдо.	80	55	729	96	68	923	43	29	638	52	42	709	52	41	445	323	235	3,444
Сѣв. Чёлладо.	79	75	807	62	57	521	43	43	352	5,518	577	5,707	4,858	507	6,453	10,560	1,259	13,840
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	68	—	1,080
Юж. Чхюнъчхёнъдо.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	276
Всего	232	223	4,803	214	184	3,487	148	131	3,558	5,616	667	8,443	4,939	547	8,453	11,218	1,782	30,100

[1]) Цйōсен-сангйōси, I, 513—514.

кан[1]. Изъ этого общаго количества только въ 32 пунктахъ у 26 плантаторовъ могъ быть полученъ корень, пригодный для переработки въ красный жэньшэнь, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ корень пострадалъ отъ болѣзней и не годился для указанной цѣли, а былъ цѣликомъ возвращенъ плантаторамъ въ качествѣ «хусам» 後蔘 для приготовленія бѣлаго жэньшэня или въ качествѣ «осенняго сбора» 秋採 для вторичной посадки на слѣдующій годъ. Сравнительно съ предварительными свѣдѣніями, количество принятаго въ 1908 г. для фабрикаціи краснаго жэньшэня корня обнаружило уменьшеніе на 1591 кин въ отношеніи вѣса и 50,422 въ отношеніи числа корней. Это произошло вслѣдствіе того, что, въ предварительные расчеты включались корни мельче 21 штукъ на 1 фунтъ вплоть до 25 штукъ, а въ указанномъ году, въ видахъ улучшенія качества краснаго жэньшэня, было рѣшено избѣгать по возможности пріемки худшихъ и мелкихъ корней, почему не были приняты изъ числа представленныхъ корней всѣ мельче 20 штукъ на 1 фунтъ. Этихъ оказалось всего 38,038 штукъ вѣсомъ въ 1540 кинъ. Больныхъ и плохо развитыхъ и мелкихъ корней, возвращенныхъ плантаторамъ въ качествѣ «хусам» для переработки въ бѣлый жэньшэнь, было 16,520 кин и 521,575 корней, т. е. 54% всего представленнаго количества по вѣсу и 71% по числу корней. По этому можно судить о томъ ущербѣ, который за послѣдніе годы все болѣе причинялся полямъ жэньшэня болѣзнями.

Въ 1908 г. было возвращено плантаторамъ корней водяного жэньшэня, хорошаго качества и не тронутаго болѣзнями, но не достаточно развившихся, для посадки ихъ еще въ теченіе одного года всего 24,885 корней вѣсомъ въ 694 кин. Наконецъ, было уничтожено совершенно испорченныхъ болѣзнями или дуплистыхъ корней и не пригодныхъ ни въ качествѣ «хусам», ни въ качествѣ «осенняго сбора», всего 2,550 штукъ вѣсомъ въ 76 кин[2].

Въ вывозѣ изъ Кореи жэньшэнь занимаетъ важное мѣсто, уступая по цѣнности только вывозу риса и крупныхъ бобовъ. По отдѣльнымъ годамъ вывозъ его исчислялся въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Количество въ кинъ.	Цѣнность въ енъ.
1897	33,037	629,375

[1]) Распредѣленіе этихъ цифръ по отдѣльнымъ мѣстностямъ подробно указывается на таблицѣ въ Цiбсен-сангiбси, I, 497—9, и распредѣленіе «кан», съ которыхъ былъ сдѣланъ сборъ, по возрасту корней на другой таблицѣ тамъ же на стр. 499—500.

[2]) Сводка вышеозначенныхъ данныхъ по отдѣльнымъ уѣздамъ см. на таблицахъ на стр. 503—4 Цiбсен-сангiбси, I; на стр. 504—506 показано распредѣленіе этихъ корней по сортамъ (по числу корней на 1 кин въ 160 момме), съ указаніемъ суммы вознагражденія за каждый сортъ; на таблицѣ на стр. 507—508 дается сравненіе этихъ суммъ по отдѣльнымъ сортамъ для шести лѣтъ съ 1902 по 1906 и за 1908 годы.

1898	45,087	954,007
1899	23,178	379,376
1900	60,310	1,547,400
1901	18,431	515,955
1902	63,901	1,198,093
1903	—	984,000
1904	—	980,000
1905	—	1,100,000

	красный.	бѣлый.	красный.	бѣлый.
1906	3,765	6,300	6,330	7,132
1907	37,712	5,302	1,200,066	2,897
1908	—	2,490	—	1,759[1]
1909	17,159	385	848,172	990
1910	22,569		179,804[2]	

По поводу цифръ вывоза жэньшэня въ 1897 и 1898 гг. японскіе авторы удостовѣряютъ, что эти цифры не давали дѣйствительнаго количества вывоза этого жэньшэня, въ виду процвѣтанія контрабаднаго вывоза. Для борьбы съ нимъ, правительство размѣщало сторожевыхъ солдатъ на поляхъ жэньшэня, готоваго къ сбору, также была назначена награда въ 30% со стоимости тому, кто обнаружитъ тайнаго продавца жэньшэня, безразлично, будетъ ли то иностранецъ или кореецъ. Помимо того, вывозившіе контрабаднымъ путемъ жэньшень подвергались строгому наказанію. Тѣмъ не менѣе всѣ эти мѣры не могли совсѣмъ остановить тайную торговлю жэньшэнемъ. Дѣло въ томъ, что по причинѣ задержки свыше одного года казною (министерствомъ двора) слѣдуемыхъ за жэньшэнь платежей и тяжелыхъ налоговъ, лежавшихъ на нихъ, корейскіе плантаторы принуждены были занимать деньги подъ обезпеченіе жэньшэня, при чемъ размѣръ процента являлся 10% въ мѣсяцъ, въ лучшемъ случаѣ, т. е. когда кредитъ былъ дешевъ, не спускаясь ниже 7%. 8—9 изъ 10 должниковъ къ

[1]) Въ 1908 г. сырого жэньшэня было пріобрѣтено на сумму въ 71,041 енъ и сфабриковано изъ него 4,173 кин лучшаго качества и 961 кин низшаго, но вывезено въ томъ же году изъ Кореи жэньшэня всего на 1,759 енъ, такъ какъ случается, что не весь закупленный казною жэньшэнь вывозится въ томъ же году, но лежитъ нѣсколько лѣтъ и затѣмъ сразу продается; въ виду этого количество вывоза жэньшэня значительно разнится въ отдѣльные годы. Цiōсен-сангiōси, I, 494.

[2]) Цифры для 1910 г. взяты изъ Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-iōран, № 1, 174—5; здѣсь указываются иныя цифры для 1907 и 1909 гг. (22,542 кин въ 1909 г.).

сроку оказывались не въ состояніи вернуть долгъ, и многіе изъ нихъ предлагали взамѣнъ его жэньшэнь (который затѣмъ и вывозился контрабаннымъ образомъ). Нынѣ (1905 г.) изъ числа японцевъ, проживающихъ въ Кёсёнъ, девять человѣкъ изъ десяти занимаются отдачей денегъ въ ростъ, отсюда можно заключать объ общемъ положеніи этого дѣла[1].

Торговля краснымъ жэньшэнемъ, съ цѣлью вывоза его за границу[2], составляла монополію бывшаго корейскаго двора и

---

[1]) Канкоку-дзицугіô-сисин, 203—204.

[2]) Вывозъ краснаго жэньшэня по договорамъ, заключеннымъ Кореей съ иностранными державами въ послѣдней четверти XIX стол., не допускался вовсе или лишь съ особаго разрѣшенія корейскаго правительства; въ Китай, въ періодъ существованія вассальныхъ отношеній между ними и Кореей, вывозъ этого жэньшэня былъ разрѣшенъ корейскимъ купцамъ, а китайскимъ лишь съ особаго дозволенія. Подтвержденіемъ сего служатъ соотвѣтствующія постановленія означенныхъ договоровъ, относящіяся къ вывозу жэньшэня, какъ онѣ перечисляются ниже.

Статья VIII договора между Кореей и Соединенными Штатами 1882 г., сославшись на то, что Корея издавна воспрещала вывозъ краснаго жэньшэня, устанавливала конфискацію и наказаніе для американскихъ подданныхъ за тайную покупку его для вывоза. Аналогичное постановленіе находится въ статьѣ VIII договора между Кореей и Великобританіей отъ 1882 г. Въ вывозномъ тарифѣ, приложенномъ къ торговымъ правиламъ между Кореей и Японіей 1883 г., относительно краснаго жэньшэня сдѣлана оговорка, что корейскіе подданные, вывозящіе его въ Японію, уплачиваютъ пошлину въ 15% ad valorem; если японскіе подданные вывезутъ его тайно безъ особаго на то разрѣшенія корейскаго правительства, то этотъ жэньшэнь конфискуется. Согласно вывозному тарифу, приложенному къ Сеульскому договору между Кореей и Великобританіей 1883 г., вывозъ краснаго жэньшэня воспрещается (аналогичное запрещеніе находится въ договорѣ между Кореей и Германіей 1883 г., между Кореей и Италіей 1884 г., между Кореей и Россіей 1884 г., между Кореей и Франціей 1886 г.). Вывозъ краснаго жэньшэня воспрещенъ изъ Кореи и, въ случаѣ нарушенія сего постановленія, послѣдній подлежитъ конфискаціи, также согласно второму пункту статьи V правилъ о пограничной торговлѣ между Кореей и Россіей 1884 г.

Обращаясь къ постановленіямъ касательно торговли жэньшэнемъ между Кореей и Китаемъ, слѣдуетъ указать прежде всего VI статью правилъ 1882 г., относительно пограничной торговли между этими государствами, которой устанавливалось, что корейскимъ купцамъ разрѣшено по существующимъ законоположеніямъ (例) везти съ собой красный жэньшэнь въ китайскіе предѣлы при уплатѣ пошлинъ въ 15% ad valorem. Но если окажется, что китайскій купецъ тайно вывозитъ этотъ жэньшэнь изъ предѣловъ Кореи безъ спеціальнаго разрѣшенія (特允) корейскаго правительства, то его товаръ конфискуется. VIII статья тѣхъ же правилъ разрѣшаетъ корейскимъ посланникамъ (使臣), слѣдующимъ съ періодическими посольствами съ данью къ китайскому двору, провозить безпошлинно, когда они не имѣютъ при себѣ товаровъ, любое количество одежды, личныхъ вещей, книгъ и лѣкарствъ (сюда можетъ относиться и жэньшэнь), общимъ вѣсомъ не превышающее 300 катти (китайскихъ фунтовъ, или цзинь 斤). Младшимъ чинамъ посольства разрѣшается провозить извѣстное количество краснаго жэньшэня (здѣсь онъ обозначается именемъ хунъшэнь 紅蔘), ограниченное для чиновъ посольства (差官) двадцатью катти каждому, и для служителей или сопровожатыхъ (從人) 10 катти

находилась съ 1899 г. до конца 1907 г. въ вѣдѣніи министерства императорскаго двора. Въ бытность существованія вассальной зависимости Кореи отъ Китая, корейскій жэньшэнь, какъ столь высоко цѣнимый въ Китаѣ продуктъ, составлялъ одну изъ главныхъ статей ежегодной дани, представлявшейся корейскимъ дворомъ при посредствѣ особыхъ посольствъ императорскому двору въ Пекинѣ и въ качествѣ таковой находился въ вѣдѣніи корейскаго переводческаго приказа, выполнявшаго функціи министерства иностранныхъ дѣлъ—司譯院 саёг'уён, которому такимъ образомъ принадлежало монопольное право распоряженія этимъ продуктомъ въ Кореѣ. Если весь красный жэньшэнь уходилъ изъ Кореи въ Китай, то во всякомъ случаѣ онъ не поступалъ цѣликомъ къ китайскому двору, но остатокъ его продавался публично въ Пекинѣ. Съ прекращеніемъ вассальныхъ отношеній между Кореей и Китаемъ и обычая отправленія корейской дани въ Пекинъ, монополія краснымъ жэньшэнемъ была передана особой корейской компаніи въ Кёсёнъ подъ надзоромъ министерства финансовъ, при чемъ послѣднее взимало съ сентября 1894 г. налогъ въ размѣръ $^1/_{40}$ продажной цѣны на жэньшэнь, каковой налогъ былъ измѣненъ въ 10 енъ съ 1 кинъ въ 1895 г[1]. Неумѣлое веденіе дѣлъ названной компаніей постоянно обнаруживало дефекты подобной организаціи монополіи, почему въ 1899 г. эта отрасль промышленности была передана въ исключительное вѣдѣніе кёнъ-

каждому. IX статья устанавливаетъ для краснаго жэньшэня въ Чжунъцзянъ 中江 (открытомъ для корейско-китайской пограничной торговли взамѣнъ Цэмынь 柵門), въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ подлежитъ оплатѣ пошлины, пошлину въ размѣрѣ 15% со стоимости. Напротивъ, пунктъ 3 статьи IX новаго договора между Кореей и Китаемъ отъ 11 сентября 1899 г. содержитъ относительно вывоза краснаго жэньшэня постановленіе, однородное съ соотвѣтствующими постановленіями договоровъ между Кореей и европейскими державами, а именно: «Корея всегда запрещала вывозъ краснаго жэньшэня. Если китайскіе подданные станутъ тайно покупать и вывозить его безъ особаго на то разрѣшенія правительства, то жэньшэнь будетъ подлежать конфискаціи, а ввозители онаго будутъ подвергаться штрафу въ размѣрѣ двойной стоимости корня» (цит. по Сборнику договоровъ и дипломатич. документовъ по дѣламъ Д. Востока, 1895—1905, изд. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1906, стр. 376—6).

[1]) На производство своего промысла плантаторъ получалъ раньше особыя свидѣтельства отъ министерства финансовъ, уплачивая за право выпариванія 100 ф. корня 20 енъ и налогъ на сырой матеріалъ въ 20 сенъ съ фунта. При вывозѣ заграницу краснаго жэньшэня уплачивался сборъ въ 15 енъ съ фунта (Описаніе Кореи II, 147—8), при чемъ въ 1895 г. изъ этого источника было получено 150,000 енъ.

ниуён 經理院 въ составѣ министерства двора—кунайбу 宮內府.

До этого событія корейскіе плантаторы жэньшэня уплачивали стоимость удобреній, пріобрѣтавшихся ими у японскихъ торговцевъ, жэньшэнемъ, который японцы перепродавали затѣмъ съ большой прибылью; но теперь единственными агентами корейскаго двора въ дѣлѣ торговли жэньшэнемъ сдѣлались корейцы и японцамъ было запрещено торговать имъ, почему японскій посланникъ добился отъ корейскаго правительства, въ видѣ компенсаціи своимъ соотечественникамъ за утрату прежнихъ прибылей, права заниматься рыбнымъ промысломъ вдоль побережья Кёнъгыйдо и 4 другихъ провинцій, а затѣмъ побудилъ корейское министерство двора поручить продажу краснаго жэньшэня японской фирмѣ, каковой и явилась Мицуи-буссан-кайся 三井物產會社[1]. Выгода этой комбинаціи для корейскаго двора, ощущавшаго хроническую нужду въ деньгахъ, была та, что онъ могъ получать отъ японской фирмы авансы въ счетъ будущихъ доходовъ монополіи, какъ это уже имѣло мѣсто нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда тѣ же операціи съ монополіей были поручены японскому Первому банку, передавшему корейскому министерству двора авансъ въ 300,000 енъ[2].

Новый порядокъ продажи краснаго жэньшэня при посредствѣ названной японской компаніи порождалъ также постоянныя злоупотребленія, такъ какъ ради увеличенія доходности подлежащія власти понижали, насколько возможно, покупную цѣну корня, уплачиваемую плантаторамъ[3], а это вызывало не только контрабандный вывозъ и хищеніе корня, но и быстрое истребленіе молодыхъ корней, съ цѣлью возмѣстить количествомъ пониженіе покупной цѣны, ровно какъ прене-

[1]) Japan Times, 30 Dec. 1900.

[2]) Japan Times, 9 Nov. 1900.

[3]) Напротивъ, продажныя цѣны на жэньшэнь нерѣдко искусственно повышались самимъ монополистомъ, т. е. корейскимъ дворомъ, или его агентами; такъ, фирмою Мицуи-буссан-кайся въ маѣ 1902 г. было сожжено въ Чѣмульпхо 10,000 кин жэньшэня изъ общаго количества его въ 50,000 кин для поддержанія цѣнъ на высокомъ уровнѣ. (Griffis, Korea, the Hermit nation, VII edit. 455). Объ этомъ фактѣ упоминаетъ и Канкоку-нёгіборон, 190, сопоставляя его съ аналогичными мѣрами въ Америкѣ, гдѣ для той же цѣли—поддержанія цѣнъ, закономъ ограничивалась площадь культивированія жэньшэня, а постановленіями соотвѣтствующихъ организацій фиксировалось однообразіе самого продукта и принимались иныя мѣры, дабы чрезмѣрнымъ предложеніемъ не вызвать паденія цѣнъ.

бреженіе уходомъ за растеніемъ и предохраненіемъ его отъ паразитовъ и болѣзней. Все это вызвало быстрый упадокъ промышленности[1] и уменьшеніе доходовъ отъ монополіи, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ: въ 1905 г. доходъ этотъ достигалъ 1,792,000 енъ, въ 1906 г.—1,650,000 енъ, въ 1907 г.—1,170,000 енъ.

По настоянію японскаго генеральнаго резидента, указомъ корейскаго императора, изданнымъ въ декабрѣ 1907 г., завѣдываніе монополіей было передано съ января 1908 г. корейскому министерству финансовъ (度支部) и доходы съ нея стали поступать на удовлетвореніе общегосударственныхъ нуждъ, при чемъ въ серединѣ 1908 г. въ Кäсёнъ былъ учрежденъ отдѣлъ управленія монополіей жэньшэня—самчжёнъгоа 蔘政課 (Ginseng monopoly section); для улучшенія культуры корня и выработки мѣръ предупрежденія вредныхъ болѣзней растенія[2] былъ устроенъ при названномъ отдѣлѣ опытный садъ жэньшэня и назначены поощрительныя награды въ видѣ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей, вмѣстѣ съ извѣстными денежными суммами, лучшимъ изъ туземныхъ плантаторовъ, какъ говорилось выше.

16 іюля 1908 г. былъ опубликованъ законъ о монопольной продажѣ краснаго жэньшэня 紅蔘專賣法, при чемъ само изготовленіе этого жэньшэня было сдѣлано исключительной монополіей правительства. Всѣ продукты культуры жэньшэня, служащіе

---

[1]) Для сравненія съ нижеприводимыми цифрами нынѣшняго производства жэньшэня можно отмѣтить, что въ 1896 г. сборъ достигалъ 45,440 фунтовъ, цѣнностью въ 600 тыс. енъ; въ 1897 г. даже 1,200,000 енъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что весь запасъ былъ скупленъ министерствомъ двора, въ 1901 г. сборъ женьшэня достигъ 28,000 англ. ф. краснаго и 35,000 фунт. «сырого», или несушенаго корня. Korea Review, 1902, 26.

[2]) Мѣры борьбы администраціи противъ болѣзней жэньшэня указываются въ Seoul Press, 2 Dec. 1909, 2. Впослѣдствіи, д-ру Міяке, было поручено изучить наилучшія средства противъ болѣзней жэньшэня; съ этой цѣлью онъ и предпринялъ поѣздку въ Соединенные Штаты. Ему удалось затѣмъ обнаружить полезное дѣйствіе формалина въ этомъ отношеніи; нынѣ онъ изучаетъ вопросъ объ ускореніи процесса созрѣванія растенія съ 6 лѣтъ до 4 или 5 лѣтъ. Seoul Press, 23 Sept. 1911, 2.

Для обученія плантаторовъ жэньшэня предупредительнымъ мѣрамъ противъ болѣзней этого растенія въ мартѣ 1912 г. были организованы въ городѣ Кäсёнъ особые курсы для 100 человѣкъ. 4 марта н. ст. состоялся выпускъ 76 человѣкъ, прошедшихъ курсы; 60 изъ нихъ должны были отправиться на различныя плантаціи весною, когда производится пересадка жэньшэня, для примѣненія на нихъ предохранительныхъ мѣръ.

въ качествѣ матеріала для изготовленія этого лѣкарственнаго корня, должны покупаться правительствомъ, а разведеніе жэньшэня этой категоріи дозволяется лишь лицамъ, которыя выберутъ надлежащія разрѣшенія, и только въ мѣстностяхъ, указанныхъ правительствомъ[1].

Сборъ сырого жэньшэня 水蔘, сумма уплоченнаго за него вознагражденія и количество производства краснаго жэньшэня въ періодъ восьми лѣтъ—съ 1902 г. до 1909 г. по отдѣльнымъ годамъ представляются въ слѣдующемъ видѣ[2]:

	Сырой жэньшэнь.		Красный жэньшэнь.
Годы.	Количество сбора въ кин 次 по 200 момме.	Сумма вознагражденія въ енъ.	Количество производства въ кин 斤.
1902	138,138	328,544	56,608
1903	100,605	247,748	32,091
1904	196,516	516,722	74,400
1905	46,821	163,315	19,060
1906	43,118	178,971	17,554
1907	35,685	259,666	14,554
1908	13,242	71,041	5,134
1909	7,903	31,910	2,394[3].

Общее количество краснаго жэньшэня распредѣлялось въ 1908 г. слѣдующимъ образомъ по отдѣльнымъ сортамъ его: 20 кин по 15 корней на кин, 622 кин по 20 корней, 1,617 по 30 корней, 302 кин по 40 корней, 1592 кин по 50 корней и 20 кин остальныхъ (болѣе мелкихъ); кромѣ того 962 кин хвостового жэньшэня, или мисам по кор. 尾蔘 (мелкіе корешки жэньшэня).

Въ 1908 г. общее количество жэньшэня, пріобрѣтеннаго правительствомъ у плантаторовъ въ качествѣ матеріала для производства краснаго жэньшэня, было 13,242 кин по цѣнѣ въ 71,041 енъ[4], или въ среднемъ 5,3 енъ за кин, въ 1909 г.

---

[1]) Second annual report on reforms and progress in Korea, стр. 96—98.

[2]) Цiōсен-сангiōси, I, 493—4 и по другимъ свѣдѣніямъ.

[3]) Къ этому Цiōсен но кенкō, 167, прибавляетъ еще 540 кин «хвостового» жэньшэня. Нихон-тейкоку-тōкей-ненкан, № 30, 954, указываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣсколько иныя цифры.

[4]) Въ 1908 г. было всего пріобрѣтено казною 13,242 кин сырого жэньшэня, число же корней было 187,172 штуки. По сравненію съ представленнымъ плантаторами общимъ количествомъ въ 30,532 кин и 736,182 корней, это составляло едва

—только 7,903 кин (изъ общаго количества производства въ 13,242 кин) за 31,910 енъ, или по цѣнѣ 4 енъ за кин[1]. Изъ купленнаго жэньшэня было сфабриковано краснаго жэньшэня въ 1908 г. 4,173 кин лучшаго качества и 961 кин низшаго качества и общая выручка достигла 267,691 енъ, т. е. по средней цѣнѣ въ 64,5 енъ за кин, а въ 1909 г. —2,394 кин высшаго качества и 547 кин низшаго качества: въ этомъ году выручка въ общей суммѣ понизилась до 169,648 енъ, но средняя цѣна за проданный кин увеличилась до 69,7 енъ.

Продажа краснаго жэньшэня въ 1907 и 1908 г. производилась съ торговъ и оба раза доставалась китайской фирмѣ Тунъ-шунь-тай, какъ предлагавшей лучшія цѣны, но ввиду искусственнаго повышенія этимъ путемъ рыночныхъ цѣнъ на жэньшэнь, въ 1909 г. ежегодная продажа съ торговъ была замѣнена сдачею съ торговъ подряда на покупку продукта по опредѣленной цѣнѣ въ теченіе 5 лѣтъ. На этотъ разъ подрядъ былъ взятъ названной японской фирмою Мицуи-буссанкайся, которая предложила покупать въ теченіе 5 лѣтъ весь сборъ краснаго жэньшэня лучшаго качества по цѣнѣ въ 82 енъ за кинъ и худшаго качества отъ 36 до 58 енъ за кин.

Несмотря на эту перемѣну въ завѣдываніи монополіей, доходы изъ этого источника продолжали сильно падать вслѣдствіе сокращенія и даже почти полной пріостановки производства жэньшэня подъ вліяніемъ паразитныхъ болѣзней. Такъ, сборъ жэньшэня въ Кäсёнъ въ 1909 г. исчислялся всего въ 5,000 кин (въ 1908 г.—4,500 кин) противъ 80,000 кин въ прежніе годы наибольшаго процвѣтанія этой промышленности. 1910 г. оказался особенно неудачнымъ въ

43% въ отношеніи количества по вѣсу и около 25% въ отношеніи числа корней. Изъ общей суммы вознагражденія въ 71,040 енъ 60 сен за 7,656 кин корней наилучшаго сорта, при одинаковомъ числѣ корней на 1 кин. было уплачено 47,752 енъ 10 сенъ; за 2,693 кин высшаго сорта было уплочено 11,998 енъ 30 сенъ, за 2,893 кин обыкновеннаго сорта—11,390 енъ 20 сен. Въ среднемъ за одинъ кин уплачено 5 енъ 36 сенъ 5 ринъ. Въ среднемъ на 1 кан поля приходилось 0,42 фунта принятыхъ въ казну корней по вѣсу и 5,87 штукъ по числу корней и вознагражденія 2 енъ 22 сенъ 8 ринъ.

[1]) Уменьшеніе производства жэньшэня въ 1909 г. явилось, какъ сказано, результатомъ прежней нехозяйственности въ дѣлѣ веденія монополіи министерствомъ двора и гибели плантацій растеній отъ вредныхъ болѣзней.

этомъ отношеніи, такъ какъ сборъ корня не превышалъ 1,000 кин[1]. Если добыча жэньшэня въ указанномъ году выразилась въ столь минимальной цифрѣ, то, благодаря всѣмъ принимаемымъ нынѣ мѣрамъ поощренія плантаторовъ и улучшенія культуры корня, въ связи съ энергичной борьбою противъ его болѣзней и паразитныхъ насѣкомыхъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда только могутъ сказаться осязательные результаты всѣхъ этихъ мѣропріятій, годовая добыча жэньшэня въ Кореѣ можетъ достигнуть прежнихъ цифръ и опредѣлится, какъ этого ожидаютъ, не менѣе, какъ въ 40,000 кин, цѣнностью[2] въ 3,200,000 енъ. Въ связи съ этимъ, на общемъ собраніи гильдіи плантаторовъ жэньшэня въ Кäсёнъ рѣшено было засѣять въ 1911 году сѣменами жэньшэня площадь въ 130,000 кан, какой площади бъ цѣломъ никогда прежде не удѣлялось въ данномъ случаѣ этой культурѣ[3]. Уже въ 1911 г. сборъ жэньшэня въ Кäсёнъ оказался превосходнымъ, при чемъ среди корней попадались такіе крупные, что три штуки ихъ вѣсили одинъ кин (1,47 ф.), тогда какъ раньше самыхъ крупныхъ корней шло четыре на 1 кин. Отдѣлъ управленія монополіи жэньшэня пріобрѣлъ въ этомъ году сырого жэньшэня всего 7,719 кин за 36,760 енъ по цѣнамъ на 10% выше цѣнъ предшествовавшаго года[4].

Изъ указаннаго количества жэньшэня должно получиться около 2,600 кин краснаго жэньшэня цѣнностью въ 200,000 енъ. Въ 1912 г. предположено пріобрѣсти для Кäсёнъскаго управленія монополіей 27,000 кин жэньшэня по общей цѣнѣ въ 91,715 енъ; изъ этого количества имѣетъ быть сфабриковано 5,500 кин хорошаго жэньшэня и 200 низшаго сорта, стоимостью въ 460,600 енъ. Эти цифры болѣе, чѣмъ вдвое, превышаютъ цифры 1911 г.[5]

---

[1]) Japan W. Chronicle. 15 Dec. 1910, 1069, по заявленію директора Сюуёнской опытной станціи г. Хонда.

Доходъ отъ жэньшэневой монополіи исчислялся, по смѣтѣ 1910 г., всего 101,550 енъ.

[2]) 50—60 тысячъ кин краснаго жэньшэня въ недалекомъ будущемъ, какъ говоритъ Цібсен но кенкю, 167.

[3]) Seoul Press, 23 Sept. 1911, 2.

[4]) Seoul Press, 15 и 21 Oct. 1911, 2.

[5]) Seoul Press, 1 Febr. 1912, 2.

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

Томы XLI—XLIII.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
13-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 1911—1912 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.
Томы XLI—XLIII.

Н. В. Кюнеръ.
ПРОФЕССОРЪ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.

СТАТИСТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ

ОЧЕРКЪ КОРЕИ,

НЫНѢ ЯПОНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВА ЦІÔСЕНЪ.

Выпускъ I.

Часть I. Статистико-географическій очеркъ Кореи.

Часть II. Экономическій очеркъ Кореи.

Отдѣлъ I. Сельское хозяйство.

ВЛАДИВОСТОКЪ.
ИЗДАНІЕ И ПЕЧАТЬ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА.
1912.

Напечатано по опредѣленію Конференціи Восточнаго Института.

Оглавленіе перваго выпуска „Очерка Кореи“.

	Стр.
Предисловіе	I—XIII
Таблица китайскихъ, корейскихъ и японскихъ «названій годовъ правленія» съ 1876 г. . .	XIV
Употребительныя японскія мѣры. . . .	XV—XVI

Часть I.

Глава I. Общія замѣчанія. Взаимодѣйствіе между корейскимъ полуостровомъ и сосѣдними областями на материкѣ и островахъ. Значеніе Кореи, какъ колоніальной области для Японіи . .	1 — 8
Глава II. Имя страны. Географическое положеніе. Границы. Площадь. Протяженіе . . .	8—29
Глава III. Строеніе береговъ	29—34
Глава IV. Обзоръ береговой линіи корейскаго полуострова, съ указаніемъ открытыхъ для иностранной торговли портовъ и ихъ торговаго значенія на соотвѣтствующемъ участкѣ берега: Восточное побережье. Южное побережье. Западное побережье. Острова	34—100
Глава V. Устройство поверхности . . .	100—133
Глава VI. Рѣчныя системы	133—175
Глава VII. Климатъ	175—200
Глава VIII. Растительный міръ. Животный міръ .	200—217
Глава IX. Населеніе: 1) Корейцы. Численность населенія. Плотность населенія. Ростъ населенія.	218—243
Глава X. Корейская эмиграція	243—258
Глава XI. Иностранцы въ Кореѣ: 2) Китайцы: 3) Иностранцы бѣлой расы . . .	258—264

Глава XII. 4) Японцы . . . . . 264—269
Глава XIII. Политическое дѣленіе . . . 269—281
Глава XIV. Обзоръ корейскихъ провинцій, съ указаніемъ главныхъ городовъ и прочихъ примѣчательныхъ населенныхъ пунктовъ . . . . 281—371

Часть II.

Отдѣлъ I. Сельское хозяйство.

Предисловіе . . . . . XVII-XXX
Глава I. Общая характеристика роли земледѣлія въ экономической жизни Кореи. Земледѣліе въ качествѣ основного источника финансоваго хозяйства въ Кореѣ. . . . . 377—389
Глава II. Правительственныя поощренія земледѣлія 390—403
Глава III. Японская земледѣльческая колонизація въ Кореѣ . . . . . 403—422
Глава IV. Величина земледѣльческой площади Кореи и распредѣленіе ея по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Цѣны на землю . . . . 422—443
Глава V. Характеръ землевладѣнія. Система землепользованія . . . . . 443—456
Глава VI. Обзоръ сельскохозяйственныхъ произведеній Кореи. Виды культурныхъ хлѣбныхъ растеній. Вывозъ риса . . . . 456—494
Глава VII. Бобовыя растенія. Масличныя растенія. 494—508
Глава VIII. Огородные овощи . . . . 508—531
Глава IX. Плодовыя растенія . . . . 531—556
Глава X. Табакъ и прочія наркотическія растенія 556—573
Глава XI. Волокнистыя растенія. Хлопокъ . . 574—615
Глава XII. Прочія техническія растенія . . 615—628
Глава XIII. Лѣкарственныя растенія . . . 628—656

Необходимыя исправленія и дополненія къ первому выпуску «Очерка Кореи» . . . . . 01—032

ЧАСТЬ I.

Статистико-географическій очеркъ Кореи.

Необходимыя исправленія и дополненія къ первому выпуску „Очерка Кореи".

Часть I.

Стр. V, строка 20 сверху. Вмѣсто: 洒 должно быть: 酒.

Стр. IX, примѣчаніе 1. Слѣдуетъ назвать еще: Wertheimer, Die japanische Kolonialpolitik (отзывъ въ Ostasiat. Lloyd, 16. Dez. 587—8 и 23. Dez. 1910, 609—612), такъ какъ для главы о Кореѣ (стр. 42—57) этотъ авторъ пользовался, помимо личныхъ наблюденій, также данными Second annual report on reforms and progress in Korea.

Стр. XI, строка 15—16 сверху. Передъ словами: для Аньдунъсянь, добавить: въ частности.

Стр. XV. Добавить къ 13 строкѣ сверху: 1 сун равенъ 10 бу 分.

Стр. 5, 5 строка сверху. Поставить «и» передъ словомъ: ранѣе.

Стр. 9, 12 строка снизу. Добавить «первоначально» передъ словами: почти въ тѣхъ же границахъ.

Стр. 10, 10 строка снизу. Г. Гаазъ (Haas) высказалъ въ статьѣ «Ursprung des Namens Nippon» въ Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, XI, 1902-3, 331—341 (Ср. Nachod, Geschichte von Japan, I, 267—273) вполнѣ правдоподобное, поскольку можно судить на основаніи цитируемыхъ здѣсь японскихъ и китайскихъ текстовъ, предположеніе, что обозначеніе «Жибэньго» (Нихонкоку) было предложено китайцамъ самими японцами, заимствовавшими его у корейцевъ, взамѣнъ прежняго китайскаго наименованія ихъ «вожэнь» 倭人, которое они считали для себя оскорбительнымъ, и что это предложѐніе было принято въ концѣ концовъ китайцами, но лишь послѣ долголѣтнихъ переговоровъ и обмѣна рядомъ посольствъ. Во всякомъ случаѣ новое имя имѣло смыслъ лишь, какъ указаніе на географическое положеніе Японіи относительно Китая.

Стр. 11, 10 строка текста снизу. Напечатано: 127°34' в. д., надо: 124°34' в. д.

Стр. 11-12. Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-немпō, № 4, стр. 1, указываетъ крайнія географическія точки Цiōсен (Кореи) слѣдующимъ образомъ:

На востокѣ (восточная оконечность о-ва Уллынъдо)	130°54' в. д.
На западѣ (западная оконечность Амнокканъ'ской дельты)	124°18' в. д.
На югѣ (южная оконечность о-ва Квельпартъ)	33°12' с. ш.
На сѣверѣ (сѣверная оконечность Сѣверной Хамгёнъдо)	43°02' с. ш.

Такимъ образомъ, эти цифры, принятыя уже б. корейскимъ правительствомъ, сохраняютъ и нынѣ свой официальный характеръ.

Стр. 12 и 141. Въ 1898 г. Гаринъ (инженеръ Михайловскій), находясь въ Красносельской заставѣ, занялся изслѣдованіемъ сосѣдняго (приморскаго) участка р. Туманганъ и нивеллировкой окружающей мѣстности, въ предположеніи дать рѣкѣ болѣе благопріятный выходъ въ море. Онъ признаетъ весьма вѣроятнымъ[1], что эта рѣка прежде текла въ бухту Посьета. И теперь въ высокую воду одинъ изъ ея рукавовъ, какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, переливается и течетъ по старому руслу. Работы по отводу, по мнѣнію инж. Михайловскаго, не представили бъ серьезныхъ препятствій. Длина такого канала, по совершенно ровной мѣстности, въ мягкомъ грунтѣ, составила бъ 4 съ половиной версты. При теперешнемъ выходѣ въ море, благодаря какъ встрѣчному морскому теченію, такъ и вѣтрамъ, устье рѣки настолько засоряется пескомъ, что выходъ изъ нея обставленъ непреодолимыми препятствіями. Гаринъ, По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунскому полуострову, СПБ., 1904, 99.

Стр. 13, прим. 1. Направленіе корейско-маньчжурской границы, обозначенной кучами камней, сложенными на равномъ разстояніи одна отъ другой, указывается, со словъ проводниковъ и по личнымъ наблюденіямъ, Анертомъ въ Путешествіи по Маньчжуріи: Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. географіи, т. XXXV, стр. 277.

Стр. 16, 24 строка сверху. Напечатано: Чіосенъпу, слѣдуетъ читать: Чіонъсёнъбу.

Стр. 17, 26 строка сверху. Самое имя города—Цзюйцзыцзѣ, указываетъ на административную роль его и должно было войти въ употребленіе уже послѣ возникновенія упомянутаго управленія (局).

Стр. 17, 10 строка снизу. Вмѣсто: осталась, надо читать: оставалась.

Стр. 21. Четырьмя открытыми для иностранной торговли пунктами въ Цзяньдао являются: Цзюйцзыцзѣ (Яньцзифу) 局子街, Лунъцзинъцунь 龍井村 (Людаогоу), Тоудаогоу 頭道溝 и Байцаогоу 百草溝. Японское консульство (какъ и русское вице-консульство, учрежденное въ 1911 г.) находится въ Цзюйцзыцзѣ, а въ трехъ другихъ указанныхъ пунктахъ, какъ и въ сосѣднемъ городѣ Хуньчунь, помѣщаются его отдѣленія (всѣ названія даны въ китайскомъ чтеніи іероглифовъ).

Стр. 22. На всемъ плато, вплоть до Пäктусан, на маньчжурской сторонѣ пограничной горной страны, раньше жили одни корейцы, которыхъ постепенно вытѣснили китайцы; послѣдніе здѣсь недавніе пришельцы и господа; этимъ объясняется, между прочимъ, что въ этой мѣстности до сихъ поръ сохранились корейскія названія мѣстностей около китайскихъ охотничьихъ фанзъ. Анертъ, Путешествіе по Маньчжуріи, 293 (1897 г.).

Стр. 23, 13-14 строки снизу. Японское вторженіе, о которомъ идетъ

[1]) Озера, имѣющіяся на югѣ Посьетскаго участка близъ Зарѣчья, образовались именно въ результатѣ этого измѣненія Тумангановъ своего русла.

здѣсь рѣчь, относится къ концу XVI стол., маньчжурское—къ третьему и четвертому десятилѣтіямъ XVII стол.

Стр. 25. Въ Маньчжуріи, въ долинѣ р. Амнокканъ, «кореецъ рабъ китайскаго поземельнаго собственника—ни одинъ китаецъ не умѣетъ такъ ухаживать за землею, какъ кореецъ (китайцы нанимаютъ корейцевъ пахать имъ землю), рабъ хунхуза, который дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ. Гаринъ, По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунск. полуострову, 230. «Корейцы бѣдны, китайцы—богаты. Земля китайская и корейцы оттѣснены къ горамъ. Изъ 10 сноповъ четыре отдаютъ китайцамъ, пашутъ имъ пашню». Тамъ же, 234 (въ той же долинѣ верхней р. Амнокканъ).

Стр. 25. Китайцы нынѣ (говорится въ началѣ 1910 г.) обнаруживаютъ значительную дѣятельность на корейской границѣ по р. Амнокканъ. Ими учреждены губернаторское управленіе и отдѣленіе лѣсного депо въ Маоэрршань, который соединенъ нынѣ дорогою въ 65 миль длиною и 10 ярдовъ шириною съ Тунъхуасянь, откуда строится дорога въ Чанъбайфу. Маоэрршань имѣетъ нынѣ телеграфное сообщеніе съ Аньдунъсяномъ и Мукденемъ черезъ Гиринь и Тунъхуасянь. Указанное лѣсное депо также расширило свои операціи и теперь имѣетъ на службѣ около 3,000 порубщиковъ. Seoul Press, 27 Febr. 1910,2.

Стр. 27, прим. 3. Цифра въ 14,123 кв. ри для общей площади Кореи показана и въ Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-iōран, № 1, на стр. 2.

Стр. 27. Даже нынѣ, несмотря на лучшее знакомство японцевъ съ корейскими берегами, иногда ими открываются новые острова и цѣлыя группы ихъ въ т. н. Корейскомъ архипелагѣ или исправляется положеніе ихъ на картахъ. Такъ, лѣтомъ 1912 г. нѣсколько острововъ и скалъ, изъ нихъ одинъ обитаемый, было найдено полицейскими властями въ морскомъ районѣ Мокпхо; см. Seoul Press, 18 Aug. 1912.

Стр. 32. Канкоку-синцири, стр. 51—53, отмѣчаетъ время и высоту прилива—большого и малаго, въ 25 различныхъ пунктахъ по западному, южному и восточному побережью Кореи. Такъ какъ эти данныя разнятся отъ цифръ, помѣщенныхъ въ текстѣ настоящаго «Очерка», дополняя или исправляя ихъ, то ниже онѣ приводятся полностью (только для высоты прилива).

Названіе мѣста:	Высота прилива.	
	Большого.	Малаго.
Западное побережье.	Сяку.	Сяку.
Чёлладо.		
О-въ Чиндо	14 слишк.	9,8
Мокпхо	14,5	10
О-ва Начжюгундо	10,8	4
О-ва Кёг'ымгундо	24	17
Гавань Кунсан	25	17
Чхюнъчхёнъдо.		
Заливъ Шоалъ	26 слишк.	18 слишк.
Кёнъгыйдо.		
Чѣмульпхо	30	24 слишк.

Названіе мѣста.	Высота прилива.	
	Большого.	Малаго.
Южное побережье.	Сяку.	Сяку.
Кёнъсянъдо.		
Чюннимпхо 竹林浦	9	6,6
Тхонъёнъ	7,3	7
Тхарянъдо 蛇梁島	10	6,3
Чёлладо.		
Въ морѣ у Ёсю	12	7,8
Сюнтчхёнман	13,3	8,7
О-въ Сіоандо	10,8	7,5
О-въ Кёмундо	11	
О-въ Квельпартъ	около 12	

Пхёнъандо.			*Восточ. побережье.*		
Чынънамшхо	28	—	Кёнъсянъдо.		
Якорная стоянка			Ульсан	около	3
у о-ва Тчхёльдо	20 слишк.	17 слишк.	Ёнъильман	»	3
Южное побережье.			Хамгёнъдо.		
Кёнъсянъдо.			Гензанскій заливъ	около	1,5
Фузанъ	14,5	3	Бухта Сіонъджён	»	1
Заливъ Чинхäман	7 слишк.	4,3	Синпхо (Марянъдо)	»	2
			Чосанман (Заливъ Гошкевича)	»	3,5

Стр. 32, строка 16 снизу, исправить имя Гэля на Галля или Холла.

Стр. 37, 10 строка сверху. Вмѣсто: Кейсин слѣдуетъ читать: Сейсин.

Стр. 38. Въ гавани Чхёнъчжин къ концу 1911 г. должна была закончиться постройка двухъ волнорѣзовъ въ 70—130 кенъ длиною; засыпана площадь въ 6,000 цубо; также построены рядъ дорогъ и зданіе таможни въ Ю.-В. части этой площади съ 2 пакгаузами. Seoul Press, 8 March 1910.

Стр. 38. Въ настоящее время уже наблюдается улучшеніе въ торговыхъ условіяхъ порта Чхёнъчжин, въ томъ отношеніи, что сюда направился растущій ввозъ товаровъ изъ южнаго Китая для города Хуньчунь и части области Цзяньдао. Этому способствуетъ установленіе, по иниціативѣ китайскихъ купцовъ, правильнаго торговаго сообщенія между южнымъ Китаемъ и Цзяньдао и г. Хуньчунь при посредствѣ Ниппон-юсен-кайся черезъ Нагасаки. Seoul Press, 16 Sept. 1911. Словомъ, Чхёнъчжин занялъ нынѣ въ этомъ отношеніи мѣсто Владивостока, игравшаго такую же посредническую роль до закрытія въ немъ портофранко.

Стр. 39. 21 окт. н. ст. прибылъ въ Чхёнъчжин вновь назначенный русскій вице-консулъ. Временно вице-консульство будетъ помѣщаться въ наемномъ помѣщеніи, но уже выбранъ участокъ для постройки собственнаго зданія консульства. Seoul Press, 2 Nov. 1911,3.

Стр. 41, 11 строка сверху, вмѣсто «Гисю» надо читать: Киссю.

Стр. 43, 16 строка снизу. Объявленіе Чинхä въ качествѣ военнаго порта состоялось въ силу актовъ отъ 27 дек. 1910 г. См. Deutsche Japan-Post, IX, № 41, 7 Jan. 1911, 17.

Стр. 43, 10 строка сверху. Вмѣсто: Сönътчёнман надо читать: Сіонъджёнман.

Стр. 43. Границы бухты Тök'уён (бухты Ёнъхынъ русскихъ картъ) составляетъ линія острововъ Никольскаго, Купріянова, мыса Десфосе (на полуостровѣ Нахимова), мыса Алпманова (Коническаго), сѣвернаго угла японскаго города и мыса Муравьева. На сѣверъ отъ мыса Коническаго начинается портъ Лазарева; на югъ отъ сѣвернаго угла японскаго города—Гензанская бухта, какъ ее считаютъ японцы (корейцы называютъ этимъ именемъ лишь южный уголокъ бухты возлѣ корейскаго города). Д. В-инъ. Путев. замѣтки, III: «Дальній Востокъ», № 192, 7 сент. 1911,4.

Въ Гензанской бухтѣ, въ западной ея части, лежитъ небольшой остро-

вокъ, скорѣе камень съ японскимъ маякомъ; тамъ же стоитъ астрономическій пунктъ, опредѣляющій положеніе Гензана: 39°10'53" с. ш. и 127°26'18" в. д. (Тамъ же).

Оба полуострова, замыкающіе со стороны моря заливъ Ёнъхынъ— полуострова Нахимова и Муравьева (Канробера), соединяются съ берегомъ низменной косою, почти незамѣтной. Поэтому возвышенности на полуостровахъ кажутся островами; въ частности полуостровъ Нахимова представляетъ группу такихъ возвышенностей, изъ коихъ наибольшая достигаетъ 1015 ф. (Тамъ же).

Стр. 43 и 46. Зимою, когда Портъ-Лазаревъ замерзаетъ, а въ бухту Гензана заносятся льдины съ моря, остается пригоднымъ для стоянки судовъ лишь внутренній рейдъ бухты Ёнъхынъ. Чтобы устранить это неудобство и обезпечить городу свободное пользованіе моремъ въ зимніе мѣсяца, а также чтобы прикрыть мелкія суда отъ морскихъ волнъ лѣтомъ, японцы вытянули отъ скалы, что заканчиваетъ городъ съ сѣвера, невысокій молъ, длиною въ 200—250 саженъ, съ маякомъ на концѣ его; этотъ молъ является границею японскаго коммерческаго порта Гензана. Д. В-инъ, Путевыя замѣтки: «Дальній Востокъ», № 192 (7 сент. 1911), 4. Объ этой дамбѣ съ моломъ говоритъ и Seoul Press, 18 March 1910, исчисляя ея общую длину въ 200 кенъ, т. е. въ нѣсколько меньшей цифрѣ.

Стр. 44, 1 строка сверху, вмѣсто Сёнътчён надо читать: Сіонъджён.

Стр. 48, 2 строка сверху, вмѣсто «бобовъ и сои» надо читать: бобовъ сои.

Стр. 48 и 49. Слѣдуетъ писать Ёнъиль и Ёнъильман, а не: Ёнъил и Ёнъилман.

Стр. 49. На островъ Марянъдо спаслись уцѣлѣвшіе солдаты съ судна «Кинсю-мару», потопленнаго огнемъ русскихъ военныхъ судовъ во время русско-японской войны. Канкоку-цири, 176.

Стр. 52, 11 строка снизу. Вмѣсто: изъ Кореи, лучше: съ материка Кореи.

Стр. 53. Согласно картѣ, приложенной къ Ціосен но кенкю, изд. 1911 г., островъ Уллынъдо причисляется къ провинціи Южной Кёнъсянъдо.

Стр. 55, 5 строка снизу, вмѣсто: Коган читай Когоан.

Стр. 56, 10 строка снизу, вмѣсто: Макиносина читай: Макиносима.

Стр. 58. Описаніе новыхъ портовыхъ сооруженій въ Фузанѣ, см. Seoul Press, 30 Sept. 1911,2.

Стр. 58. Кимъ Манъ Гемъ. Письма изъ Кореи. III (Далекая Окраина, № 1317, 19 окт. 1911,2) рисуетъ картину цвѣтущаго японскаго Фузана съ громадными каменными зданіями и широкими улицами и рядомъ стараго корейскаго Фузана съ бѣдными грязными глиняными мазанками и кривыми, узкими и вонючими переулками. Впрочемъ, и въ японскомъ Фузанѣ рядомъ съ каменными красивыми зданіями можно видѣть въ уголкахъ убогія мазанки подъ сгнившей соломенной крышей. Этотъ контрастъ знаменуетъ въ глазахъ названнаго корреспондента

противоположность дѣловой предпріимчивости и культурнаго развитія японцевъ и корейцевъ.

Стр. 61, 21 строка сверху. Вмѣсто: Пусанпу читай: Пусанбу.

Стр. 62. Вице-адмиралъ Кимоцуки заявилъ въ газетѣ «Токіо-Ницинници-симбун», что, съ закрытіемъ порта Масанпхо для иностранной торговли, Японское море становится замкнутымъ со всѣхъ сторонъ и положеніе Японіи на Востокѣ Азіи нынѣ очень напоминаетъ положеніе Англіи въ Средиземномъ морѣ, при чемъ Масанпхо является Гибралтаромъ, а проливъ Цугару изображаетъ собою Суэцкій каналъ. «Харб. Вѣстникъ», № 1992, 19 окт. 1910, стр. 2. Это заявленіе во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, сколь важное стратегическое значеніе приписывается бухтѣ Масанпхо самими японцами, которые не даромъ боролись противъ утвержденія въ этомъ пунктѣ политическаго и военнаго вліянія Россіи.

Стр. 62, 7 строка снизу. Понъамчжин—въ цитируемой газетѣ говорится о бухтѣ Hang-Am.

Стр. 62, 1 строка снизу. Подробности относительно инструкціи корейскаго генералъ-губернатора на счетъ движенія японскихъ торговыхъ судовъ въ районѣ базы Чинхä см. Deutsche Japan-Post, IX, № 41, 7 Jan., 1911,17.

Стр. 63, 7 строка сверху. Вмѣсто: Масанпхопу надо читать: Масанпхобу.

Стр. 63. Resumé statistique de l'empire du Japon, 25 année, 1911 указываетъ на 31 дек. 1908 г. цифру населенія Масанпхо лишь въ 2,549 семей и 10,807 душъ.

Стр. 66-67. Адмиралъ Кондзуми рисуетъ въ Seoul Press, 1 May 1912,2, въ яркихъ краскахъ блестящую будущность порта Чинхä, который, въ силу своего положенія и благопріятныхъ природныхъ условій, долженъ сдѣлаться, по убѣжденію этого адмирала, не только наибольшей военно-морской базою на Дальнемъ Востокѣ, но и однимъ изъ важнѣйшихъ торгово-промышленныхъ и просвѣтительныхъ центровъ въ этой части азіатскаго материка. Приводимыя имъ цифры дѣйствительно говорятъ о кипучей дѣятельности здѣсь японцевъ, хотя позднѣйшія данныя, сообщенныя въ той же газетѣ въ номерѣ отъ 6 Aug. 1912, не совсѣмъ подтверждаютъ ихъ.

Стр. 67. Вопреки убѣжденію въ нѣкоторыхъ кругахъ, что развитіе Чинхä принесетъ матеріальный ущербъ Масанпхо, Масанпхо растетъ наряду съ развитіемъ военнаго порта, доказательствомъ чего служитъ увеличеніе числа домовъ въ Масанпхо на 500 съ тѣхъ поръ, какъ въ заливѣ Чинхä были предприняты работы по улучшенію порта. Japan W. Mail, 25 Nov. 1911,624 (изъ «Токіо Асахи»).

Стр. 69, 11—12 строки сверху, вмѣсто Сѣчхён (яп. Сейсен) 洒川 читай: Сачхён (яп. Сисен) 泗川.

Стр. 69, 20 строка сверху, вмѣсто: низменный, читай: низменнымъ.

Стр. 72. Въ 1854 г. въ гавани группы острововъ Портъ-Гамильтонъ останавливался фрегатъ «Паллада», на которомъ плавалъ Гончаровъ.

Впечатлѣнія отъ трехдневнаго пребыванія здѣсь, вмѣстѣ съ замѣтками о мѣстныхъ корейцахъ, см. Гончаровъ, Фрегатъ «Паллада», II часть, стр. 366—381 (большая часть этихъ страницъ удѣляется общимъ разсужденіямъ и замѣчаніямъ о китайцахъ, японцахъ и самихъ корейцахъ). Отсюда фрегатъ прошелъ вдоль восточнаго побережья Кореи, изслѣдовавъ бухту Лазарева и устье р. Туманганъ; см. тамъ же, стр. 388—400.

Стр. 73. Плаваніе на парусныхъ судахъ близъ береговъ острова Квельпартъ опасно вслѣдствіе теченій и обычно бурнаго состоянія моря по сосѣдству съ островомъ. Bourdaret, En Corée, 351-2.

Стр. 74. Лѣса острова Квельпартъ состоятъ главнымъ образомъ изъ дуба; встрѣчается также бамбукъ. Bourdaret, En Corée, 352 и 355. Ср. стр. 209 предлагаемаго «Очерка».

Изъ дикихъ животныхъ на о-вѣ Квельпартъ встрѣчаются еще медвѣди, но тигровъ нѣтъ. Bourdaret, En Corée, 352. Всюду встрѣчаются также змѣи, насчетъ происхожденія копхъ на островѣ существуетъ особая легенда; о ней см. тамъ же 355—6.

Стр. 75. Bourdaret, En Corée, 123, упоминаетъ о существованіи въ прежнее время на о-вѣ Квельпартъ особаго закона, запрещавшаго мужчинамъ выходить изъ дома днемъ, когда женщинами производился морской промыселъ. Это обстоятельство вызвало ошибочное предположеніе, будто островъ управляется женщинами. Бурдаре (тамъ же 352), лично посѣтившій островъ, описываетъ способъ ловли женщинами жемчужныхъ раковинъ. Онъ подтверждаетъ, что, съ прибытіемъ японцевъ на островъ, число женщинъ, занятыхъ этимъ промысломъ, стало уменьшаться съ каждымъ днемъ, по той причинѣ, что японскіе промышленники, съ помощью своихъ водолазовъ, снаряженныхъ по современному образцу, получаютъ обильный уловъ, который совершенно обезкуражилъ рыбачекъ.

Стр. 77, 2 строка снизу, вмѣсто: именемемъ, читай: именемъ.

Стр. 78. Примѣчаніе 3. Доступъ въ гавань Мокпхо съ моря затрудняется разсѣянными всюду подводными камнями, утесами и островками, оставляющими въ промежуткѣ для судоходства только узкіе каналы (изъ нихъ два главныхъ). Bourdaret, En Corée, 350.

Стр. 82. Имя рѣки Пăнъăганъ должно читаться Пăнъмаганъ.

Стр. 82. Самымъ высокимъ островомъ въ группѣ Кёг'ымгундо является островъ Кёг'ымсандо 隔音山島. Между нимъ и островомъ Муйиндо лежитъ закрытая отъ всѣхъ вѣтровъ якорная стоянка. Канкоку-цири, 167.

Стр. 82, 11 строка сверху. Вмѣсто: устьемъ, надо читать: устью.

Стр. 83. Канкоку-цири, 167, называетъ среди вывознымъ статей порта Кунсан еще лѣсные матеріалы (дерево кири по японски 桐, Paulownia Imperialis).

Стр. 85, 4 строка сверху. Вмѣсто іероглифа 州 въ имени Очхён слѣдуетъ поставить: 川.

Стр. 85. Заливъ Шоолъ имѣетъ около 25 морскихъ саженъ глубины и образуетъ безопасную якорную стоянку; но здѣсь вызываетъ затруд-

ненія сила прилива и отлива. Канкоку-сōран, 55.

Стр. 86. Seoul Press, 5 Aug. 1911, 2, подъ заголовкомъ: «Утопія въ корейскихъ моряхъ» содержитъ любопытную замѣтку относительно острова Пäк'адо 白牙島 въ архипелагѣ Императорскаго принца, уединенно лежащаго въ 60 морскихъ миляхъ отъ Чѣмульпхо; обитатели этого острова въ числѣ 45 семей и 240 душъ, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій совершенно отрѣзанными отъ сообщенія съ материкомъ—нынѣ только два или три раза въ годъ они ѣздятъ въ Чѣмульпхо для мѣновой торговли и разъ въ мѣсяцъ посѣщаютъ ближайшій островъ Тōкчхёкто 德積島 въ томъ же архипелагѣ—сохранили до настоящаго времени патріархальную простоту нравовъ.

Стр. 87, 6-7 строка сверху. Вмѣсто: Мансёкдонъ, читать: Мансёктонъ.

Стр. 87. На сѣверномъ берегу острова Большой Уōльмидо находятся угольные склады японскаго военнаго вѣдомства. Канкоку-сōран, 51. На южномъ берегу того же острова раньше находились такіе же русскіе склады, перешедшіе во время войны въ руки японцевъ.

Стр. 87-88. Численность населенія Чѣмульпхо въ концѣ апрѣля 1912 года была: 14,908 японцевъ, 18,451 корейцевъ, 3,201 китайцевъ и прочихъ иностранцевъ, всего 36,560 обитателей. Seoul Press, 16 May 1912,2.

Стр. 88. Внутренняя гавань Чѣмульпхо, расположенная передъ самымъ городомъ, образована островами Большимъ и Малымъ Уōльмидо, Чхюнъдо 忠島 и другими небольшими островами. Снаружи этихъ острововъ лежитъ внѣшняя гавань. Внутренняя гавань узка и недоступна для судовъ свыше 2,000 тоннъ водоизмѣщенія; во время отлива вдоль берега материка обнажаются скалы и судамъ остается только бросать якорь у противоположнаго берега острова Уōльмидо. Канкоку-синцири, 297. Когда почтовый пароходъ останавливается на внѣшнемъ рейдѣ Чѣмульпхо, въ 3—4 километрахъ отъ внутренней гавани, то для переѣзда отъ берега къ нему требуется почти одинъ часъ времени, при чемъ это путешествіе затрудняется теченіемъ прилива или отлива и при сильномъ вѣтрѣ дѣлается даже опаснымъ. Bourdaret, En Corée, стр. 22.

Стр. 99, 1 строка снизу. Вмѣсто: Ёнъцзонъдо читать: Ёнъчжонъдо.

Стр. 109. Намнам-буннё 南男北女 южные мужчины и сѣверныя женщины—красивы и прекрасны. Gale, Korean-English dictionary, 357.

Стр. 111, 16 строка снизу. Вмѣсто: Сакчжю, слѣдуетъ читать: Сакчю.

» 112, 16 строка снизу. Вмѣсто: въ заливъ, должно быть: съ запада.

» 114, 12 строка снизу. Вмѣсто: Часёнъ, должно быть: Чäсёнъ.

» 116, 13 строка сверху. Вмѣсто: Ютōкхён, должно быть: Юдōкхён.

» 118, 7 строка снизу. Вмѣсто: Сіобäксан, слѣдуетъ читать: Сіобäннёнмäк.

Стр. 119, 12 строка снизу. Вмѣсто: Пунъхоа слѣдуетъ читать: Понъхоа.

Стр. 120, 17 и 15 строки снизу. Вмѣсто: Ёмпхокок, должно быть: Ёмпхогок.

Стр. 121, 14 и 17 строки сверху. Вмѣсто: Сунчхянъ слѣдуетъ читать: Сюнчхянъ.

Стр. 121, 17 строка снизу. Вмѣсто: Сунтчхён слѣдуетъ читать: Сюнтчхён.

Стр. 124, 24 строка снизу. Вмѣсто Пхёнъ-андо, должно быть: Пхёнъандо.

Стр. 125, 13 строка сверху. Поставить «горной» передъ словомъ: «группѣ».

Стр. 126-129. Горная область Пäктусан (Пэйшан) съ примыкающими къ ней по корейской и маньчжурской сторонамъ хребтами и прочими возвышенностями описывается Анертомъ въ «Путешествіи по Маньчжуріи», 306—307 и 308, при чемъ этотъ авторъ подчеркиваетъ, что водораздѣлы между верхней Сунгари и водами рр. Ялуцзянъ, Туманганъ, Муданьцзянъ, средней Сунгари и Ляохэ являются не непрерывной и однообразной кольцеобразной горной страною, а цѣлымъ рядомъ высокихъ плато и горныхъ странъ, весьма разнообразнаго характера и различной высоты надъ уровнемъ моря. (Тамъ же, стр. 308).

Стр. 127, прим. 2. Заглавіе Чынъбо Мунхёнбиго пишется іероглифически: 增補文獻備考.

Стр. 127, прим. 2. Въ Тäджён (Taichon) 13 янв. н. ст. 1912 наблюдалось въ теченіе 15 минутъ землетрясеніе. Seoul Press, 17 Jan. 1912,2.

Стр. 128, 3 строка сверху. Лунъванътань буквально значитъ: пучина царя-дракона. Непрерывныя періодичныя явленія, происходящія на вершинѣ Пäктусан—вихри, вылетающіе изъ потухшаго кратера пары, а иногда и пемзовая пыль; раздающійся по временамъ подземный гулъ—всѣ эти явленія принимаются мѣстными жителями за доказательство живущаго тамъ дракона, и случайные охотники здѣшнихъ мѣстъ—и китаецъ, и кореецъ, спѣшатъ уйти подальше отъ этого дракона. Гаринъ, По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунскому полуострову, 178. Возможная глубина озера опредѣляется этимъ авторомъ въ 330 ф. (тамъ же, 189).

Стр. 128. Относительно области верховьевъ р.р. Сунгари, Ялуцзянъ и Туманганъ, по разспроснымъ свѣдѣніямъ и по личнымъ наблюденіямъ, см. Анертъ, Путешествіе по Маньчжуріи, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общей географіи, XXXV, стр. 269 и 281—2. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же изслѣдователь подчеркиваетъ, что заключеніе Джемса о томъ, что истоки этихъ рѣкъ, повидимому, находятся внѣ озера Лунъванътань, было подтверждено и послѣдующими изслѣдователями: Стрѣльбицкимъ, Михайловскимъ и имъ самимъ (тамъ же, предисловіе, стр. VII).

Стр. 129, 17 строка сверху. Гаринъ (Михайловскій), По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунскому полуострову, 206, отмѣчаетъ положеніе истоковъ р. Ялуцзянъ въ деревнѣ Шодаренъ въ 180 ли (60 верстахъ) отъ Пäктусан.

Тамъ же добавить послѣ слова «Стрѣльбицкимъ»: «и окончательно Михайловскимъ» (см. ниже, стр. 137).

Стр. 128, 18 строка сверху. Добавить: относительно Сунгари—Михайловскимъ; см. однако, оговорку его относительно существованія подземнаго истока.

Стр. 128. Родевичъ, Вс.—Сунгари отъ истока до впаденія въ Амуръ. Изданіе управленія внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ, выпускъ XI, 1906, часть I, стр. 7, 8 и 9, устанавливаетъ, что изъ трехъ группъ истоковъ р. Сунгари—западной, собирающейся въ Тодоцзянъ, восточной, собирающейся въ Эрлъдоцзянъ (р. Пэйхо—Сѣверная рѣка) и сѣверо-восточной—рр. Кунтунхэ-Фуэрлхэ, западная группа—Тодоцзянъ беретъ начало въ видѣ двухъ истоковъ непосредственно изъ озера Лунъванътань, при этомъ дѣлается ссылка именно на инженера Михайловскаго. Однако, въ дѣйствительности непосредственнаго выхода изъ озера Лунъванътань нѣтъ, какъ подчеркиваетъ самъ Гаринъ (Михайловскій), По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунскому полуострову, 201, но имѣются два подземныхъ источника, на 330 футовъ ниже поверхности озера (6700 ф.), т. е. на высотѣ 6370 ф. (цит. соч., 189), которые, вмѣстѣ съ тремя другими, отстоящими далѣе отсюда и стекающими: два отъ подножья г. Пäктусан и пятый и послѣдній уже съ Чанъбошань (цит. соч., 207—8: Орибимори(?)—5 рѣкъ) составляютъ западный притокъ (истокъ) р. Сунгари (Тодоцзянъ).

На листѣ № 2, приложенія къ Родевичъ, Вс.—Описаніе р. Сунгари, часть III, показана подробная схема истоковъ р. Сунгари (по картѣ инжен. Э. Анерта) съ обозначеніемъ главныхъ истоковъ р.р. Ялуцзянъ и Туманганъ.

Стр. 137, 10 строка снизу. Озеро Понга, діаметромъ около 100 саж. Гаринъ (Михайловскій), По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунскому полуострову, 179.

Уже полк. Стрѣльбицкій сдѣлалъ предположеніе, что р. Туманганъ беретъ начало не на Пäктусан, а южнѣе, въ лѣсахъ и болотахъ, окружающихъ названную вершину. Гаринъ, цит. соч., 178—9.

Стр. 143, 18 строка сверху, вмѣсто Сöнджёнман(анъ) слѣдуетъ читать: Сіонъджёнман (хан).

Стр. 144, 10 строка снизу, вмѣсто: классификаціи слѣдуетъ читать: классификацію.

Стр. 145, 2 примѣчаніе. Исправить приводимыя данныя сообразно цифрамъ таблицы мѣръ на стр. XVI.

Стр. 148, 10 строка сверху. Вмѣсто: Коянъянъ, должно быть: Коанъянъ.

Стр. 149, 3 строка сверху. Вмѣсто: Тан'янъ, должно быть: Чоянъ.

Стр. 150, 16 строка снизу. Имя города Кымсан пишется: 錦山, а не 金山.

Стр. 150, 18 строка сверху, вмѣсто Симнюннёнъ (въ яп. чтеніи Дзюрокурей) 十六嶺 читай: Юксимнёнъ (въ яп. чтеніи Рокудзюрей) 六十嶺.

Стр. 151, 8 строка снизу, прибавить: стр. 33 послѣ ссылки на Канкоку-синцири.

Стр. 152, 8 строка снизу, поставить «и» между словами—«судоходства» и «торговаго движенія».

Стр. 152, 18 строка сверху. Вмѣсто: Тайхаку, должно быть: Тайхакудзан.

Стр. 153, 5 и 7 строки сверху, первый іероглифъ въ названіи города Ёчжю долженъ быть 驪, а не 驤.

Стр. 155, 18 строка снизу. Напечатано: Пуканъ, должно быть: Пукканъ.

Стр. 155, прим. 3. Лѣтомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, во время дождливаго сезона, судоходство по рѣкѣ Ханганъ прерывается, такъ какъ теченіе становится въ это время чрезвычайно стремительнымъ и никакая лодка не можетъ отважиться бороться съ нимъ безъ опасности для себя. Bourdaret, En Corée, 243.

Стр. 159, 2 строка сверху. Вмѣсто: Матчженнёнъ, должно быть: Маджёнънёнъ.

Стр. 163-4. Приводимыя свѣдѣнія относительно истоковъ р. Амнокканъ нѣсколько расходятся со свѣдѣніями на этотъ счетъ у другихъ изслѣдователей, приведенныхъ выше на стр. 128 и въ добавленіяхъ къ этой страницѣ.

Стр. 164, 14 строка сверху. Вмѣсто Чянъчжинъганъ должно быть: Чянъчжинганъ.

Стр. 167, 17 строка снизу. Вмѣсто: Сакчжю должно быть: Сакчю.

Стр. 173, 18 строка снизу. Напечатано: Ыйчжоу, надо: Ыйчжю.

Стр. 175, 17 строка снизу, пропущено слово: близъ, передъ словами: города Фынъхуанъчэнъ.

Стр. 176. Въ началѣ октября н. ст. 1911 г. должна была открыться новая метеорологическая станція въ г. Канънынъ въ провинціи Канъуёндо; открытіе ея было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что двѣ существующія на восточномъ побережьѣ Кореи метеорологическія станціи въ Гензанѣ и Фузанѣ отстоятъ одна отъ другой на 300 миль, почему давно ощущалась необходимость въ учрежденіи новаго пункта наблюденій на полдорогѣ между ними. Seoul Press, 28 Sept. 1911,2.

Стр. 192, 18 строка снизу. Вмѣсто: Мохпхо слѣдуетъ читать: Мокпхо.

Стр. 199. Мапльсинбо сообщаетъ, что въ уѣздѣ Янъянъ въ провинціи Канъуёндо проживаетъ старикъ-кореецъ, которому 130 лѣтъ отъ роду. Онъ сохранилъ еще совершенно крѣпкіе зубы, но волосы его совершенно побѣлѣли. Seoul Press, 8 Sept. 1911,2.

Стр. 199, прим. 2. Относительно эндемическихъ болѣзней въ Кореѣ, въ связи съ санитарными условіями въ этой странѣ и ея климатомъ (рѣзкія измѣненія погоды и сухость воздуха обусловливаютъ многочисленныя заболѣванія дыхательныхъ путей и распространеніе легочнаго туберкулеза) см. мнѣніе д-ра Морпясу въ Seoul Press, 7 Oct. 1911, 2.

Вообще корейцы крѣпкаго сложенія и пользуются лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ японцы, почему менѣе страдаютъ отъ послѣдствій своихъ негигіеническихъ привычекъ и могутъ не обращать вниманія на санитарныя условія.

Стр. 213. Въ прежнія времена въ каждомъ провинціальномъ управленіи велся списокъ тигровъ, живущихъ въ подвѣдомственномъ данному управленію районѣ, въ цѣляхъ прекращенія ихъ набѣговъ на людей и животныхъ. Нынѣ одинъ такой списокъ въ уѣздномъ управленіи Іонъам въ Южной Чѣлладо отмѣчаетъ нахожденіе въ уѣздѣ нѣсколькихъ тигровъ, укрывающихся на горѣ Уёльчхюльсан 月出山. Въ сосѣднемъ уѣздѣ Хänам имѣется аналогичный списокъ трехъ тигровъ, хозяйничающихъ тамъ. Въ дѣйствительности, въ 2 указанныхъ уѣздахъ имѣется не менѣе 20 тигровъ, изъ нихъ 15 живетъ на горѣ Уёльчхюль. По полицейскимъ свѣдѣніямъ, на горѣ Уёльчхюль имѣется 10 тигровъ и 10 леопардовъ, въ уѣздѣ Хänам 3 тигра и въ Токчхёнчжянъ 4 тигра. Seoul Press, 15 Dec. 1911,2. Въ холодное время года эти животныя нерѣдко выходятъ изъ своихъ убѣжищъ и похищаютъ скотъ, иногда убивая или раня корейскихъ поселянъ. Нынѣ для охоты на этихъ тигровъ прибылъ въ Мокпхо изъ Кобе англичанинъ Barclay, который предприметъ экспедицію съ японскими спортсменами изъ Мокпхо и нѣсколькими опытными корейскими тигровыми охотниками. Seoul Press, 14 Dec. 1911,2.

Стр. 213. Для защиты противъ тигровъ и леопардовъ вокругъ корейскихъ деревень устраиваются изгороди изъ вѣтвей, связанныхъ тростникомъ. Однако, эта предосторожность не достигаетъ цѣли, такъ какъ тигръ либо продѣлываетъ себѣ брешь въ менѣе прочной части изгороди, либо просто перепрыгиваетъ черезъ нея и проникаетъ ночью на улицы деревни въ поискахъ добычи. Echo de Chine, 12 Juin 1904. Les champs en Corée. Для той же цѣли прибѣгаютъ и къ различнаго рода амулетамъ, назначеніемъ коихъ является восполнить недостатки матеріальной охраны.

Стр. 214. Дикія свиньи особенно многочисленны на южно-корейскихъ островахъ, гдѣ онѣ причиняютъ часто вредъ посѣвамъ. Это Пхогильдо, Когымдо и Оандо въ Южной Чѣлладо (по просьбѣ мѣстныхъ обитателей полицейскими властями предполагалось снарядить 17 февраля н. ст. охоту за этими животными). Seoul Press, 14 Febr. 1912,2. Изъ четырехъ огромныхъ дикихъ свиней, убитыхъ въ горахъ на СВ. отъ г. Пхёнъянъ въ 1912 г., обдѣланная туша одной вѣсила 179 англ. ф. Seoul Press, 18 Febr. 1912,3. Ср. аналогичныя извѣстія изъ Южной Кёнъсянъдо въ Seoul Press въ номерѣ отъ 9 Sept. 1911,2 и изъ Сѣверной Хамгёнъдо въ номерѣ отъ 21 Sept. (здѣсь говорится еще о вредѣ, причиняемомъ медвѣдями).

О дикихъ звѣряхъ въ Сѣверной Пхёнъандо и о причиненныхъ ими убыткахъ въ 1911 г. (наибольшій отъ волковъ) смотри: Seoul Press, 6 March 1912,3 и въ Южной Хамгёнъдо: Seoul Press, 14 March

1912,2. Наиболѣе опасной является «дикая лошадь, похожая на дикаго борова».

Стр. 215. Въ СВ. углу Кореи, недалеко отъ Красносельской заставы, въ Косан (Чосан) на берегу бухты Гошкевича экспедиціей Гарина (Михайловскаго) въ 1898 г. было встрѣчено множество змѣй; двѣ разновидности ихъ—китайская и корейская, являются обѣ ядовитыми. Гаринъ, По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунскому полуострову, 103—4.

Стр. 220, 14-15 строки сверху. Поставить тире передъ: «почти столь же несомнѣнно» и т. д.

Стр. 224, прим. 1. Проф. Frederick Starr (изъ Чикагскаго университета) признаетъ искусство татуированія въ Японіи полинезійскаго, а не малайскаго происхожденія, не смотря на малайское происхожденіе самого народа. См. Seoul Press, 25 Febr. 1912,3.

225. William George Aston въ 1884 г. былъ назначенъ англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Кореѣ, но пробылъ менѣе одного года въ этой странѣ. Онъ не только установилъ родство корейскаго и японскаго языка, но и доказывалъ, что они являются отпрыскомъ одной и той же урало-алтайской семьи языковъ. Seoul Press, 17 Jan. 1912,3 (изъ некролога, прочитаннаго на засѣданіи Азіатскаго общ. въ Токіо 21 Dec. 1911).

Стр. 235, 14 строка снизу, вмѣсто: мѣнчхянъ читай: мѣнчжянъ.

Стр. 239. Въ концѣ 1911 г. населеніе Кореи составляли (Seoul Press, 14 July 1912,2; тамъ же указывается распредѣленіе корейскаго и японскаго населенія по отдѣльнымъ провинціямъ):

Корейцевъ	13,832,376	человѣкъ обоего пола.
Японцевъ	210,689	
Иностранцевъ	12,804	
	14,055,869	

Стр. 241. Въ деревнѣ Косани (Чосани на берегу бухты Гошкевича) Гаринъ насчиталъ въ двухъ семействахъ 15 человѣкъ дѣтей; на вопросъ его, всѣ-ли корейцы такъ плодородны, онъ получилъ отвѣтъ: «Бываетъ и 10, и 15—много дѣтей». Гаринъ, По Кореѣ, Маньчжуріи и Ляодунскому полуострову, 106.

Стр. 242. Смотри еще: Preliminary investigation of the causes of infant mortality in Korea. The China Medical Journal, March 1912.

Стр. 243. Сравнивая цифру корейскаго населенія въ Кореѣ въ 13,122,496 душъ въ концѣ 1910 г. съ только что приведенной цифрою въ 13,832,376 душъ для того же населенія къ концу 1911 года, должно заключить, вопреки возможнымъ погрѣшностямъ въ этихъ подсчетахъ, что корейское населеніе въ настоящее время обнаруживаетъ несомнѣнный ростъ, въ чемъ могли сказаться благопріятные результаты реформъ, насаждаемыхъ японцами въ Кореѣ, вмѣстѣ съ наблюдаемымъ успокоеніемъ страны и выясненіемъ ея политическаго положенія.

Стр. 246. Общее число корейцевъ изъ сѣверныхъ провинцій Кореи, проживающихъ въ Цзяньдао, было въ концѣ іюня 1911 г., по даннымъ японскаго генеральнаго консула въ этой мѣстности, 118,008 душъ —22,555 семей (и 35,000 китайцевъ. Seoul Press, 26 Jan. 1912) противъ 78,158 душъ корейцевъ въ 1909 г. и 98,137 ихъ въ 1910 г. Быстрый ростъ корейской иммиграціи въ Цзяньдао обусловленъ трудностью для населенія въ сосѣднихъ корейскихъ провинціяхъ[1] добывать себѣ пропитаніе. Seoul Press, 11 Jan. 1912, 2. Однако, благодаря очень удачному урожаю риса въ Кореѣ въ 1911 г. число корейцевъ, эмигрировавшихъ въ Цзяньдао въ самомъ 1911 г., было сравнительно невелико; такъ, въ теченіе ноября и декабря, когда эмиграція обычно бываетъ наиболѣе значительной, выселилось въ 1911 г. всего 900 корейцевъ (со словъ японскаго генеральнаго консула въ Цзяньдао Ейтаки). Seoul Press, 26 January 1912, 2.

Стр. 247, прим. 5. Не касаясь прошлой японской роли въ дѣлѣ корейской иммиграціи въ Цзяньдао, можно утвердительно сказать, что въ настоящее время японская администрація въ Кореѣ отнюдь не расположена поощрять выселенія корейцевъ съ ихъ родины, гдѣ отъ нихъ ожидается энергичная работа по раскрытію природныхъ ресурсовъ страны, и въ этихъ цѣляхъ старается разочаровать населеніе въ тѣхъ выгодахъ, которыя ими ожидаются отъ переселенія въ Цзяньдао. Въ этомъ смыслѣ можно понять замѣтку газеты «Seoul Press», органа корейскаго генералъ-губернатора, въ номерѣ отъ 27 апр. н. ст. 1912, въ которой подчеркивается неудовлетворительное положеніе корейскихъ иммигрантовъ въ Цзяньдао въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, за немногими исключеніями.

Стр. 249. Пунктъ 8 соглашенія о корейско-маньчжурскомъ прямомъ сообщеніи между Китаемъ и Японіей отъ 12 числа 9 мѣсяца 3-го года Сюаньтунъ и 2 ноября 44-го года Мейдзи (1911) гласитъ: «Корейцы, проживающіе еще съ прежняго времени въ Китаѣ, могутъ оставаться на мѣстѣ (теперешняго) жительства; другіе же корейцы могутъ пріѣзжать въ Китай по желѣзной дорогѣ, только будучи снабжены хучжао, т. е. паспортомъ, отъ китайскаго правительства». «Харб. Вѣстникъ», № 2297, 9 ноября 1911, 2.

Стр. 249, прим. 4. Лѣтомъ 1912 г. въ полосѣ отчужденія Китайской Восточной ж. д. проживало всего 640 корейцевъ, изъ нихъ въ Харбинѣ 136 человѣкъ. Распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ станціямъ указывается въ «Харб. Вѣстникѣ», № 2468, 21 мая 1912,2.

Стр. 253. Иностранное желтое населеніе въ районѣ Амгунской золотопромышленной системы къ 1 янв. 1908 г. составляли 1119 корейцевъ и 637 китайцевъ (Листокъ Приморск. обл. стат. Комитета, 1908, № 3 и 4, стр. 13). Благодаря удаленію корейскихъ рабочихъ съ золо-

[1]) Впрочемъ, какъ отмѣчаетъ Seoul Press, 27 April 1912, корейскіе переселенцы для Цзяньдао идутъ не только изъ Южной Хамгёнъдо, но изъ Канъуёндо, Сѣверной Кёнъсянъдо и Хоанъхѣдо.

тыхъ пріисковъ, мѣсто ихъ заняли китайцы, число которыхъ поэтому возрасло въ этомъ районѣ къ концу 1910 г. до 4,152 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 женщинъ.

Стр. 253. Китайцевъ въ 1911 г. по заграничнымъ и каботажнымъ линіямъ прибыло во Владивостокъ 12,322 человѣка, выбыло 21,319; корейцевъ прибыло 7,408, выбыло 8,879. «Харбинскій Вѣстникъ», № 2430, 7 апр. 1912,3 (изъ «Приамурскихъ Вѣдомостей»).

Стр. 253. Въ текущемъ (1912) году начался притокъ корейцевъ на Камчатку, гдѣ къ 1 янв. 1912 г. ихъ было: въ Петропавловскѣ всего 97 человѣкъ (7 женщинъ); въ Петропавловскомъ уѣздѣ 13 человѣкъ. Въ 1912 г. до 15 іюня на Камчатку прибыло корейцевъ 273 человѣка, изъ этого числа четверо остались въ Петропавловскѣ, остальные выбыли на рыбалки на время рыболовнаго сезона. «Харб. Вѣстн.», № 2520, 15 іюля 1912,3.

Стр. 257. Численность корейцевъ—иностранныхъ подданныхъ въ Амурской области въ 1910 г.:

Названіе мѣста:	Мужчинъ.	Женщинъ.
Г. Благовѣщенскъ	576	137
Г. Зея-Пристань	92	24
Амурскій уѣздъ	196	2
Округа Амурскаго казачьяго войска	385	281
Зейскій горно-полицейскій округъ	2	5
Буреинскій горно-полицейскій округъ	321	12
Районъ 3-го полицейскаго участка при постройкѣ западной части Амурской жел. дор.	37	4
	1,609	465

Для сравненія: общая численность китайцевъ въ Амурской области въ томъ же году была 31,809 мужчинъ и 63 женщинъ.

(Обзоръ Амурской области за 1910 г. Изд. Амурск. обл. статистическаго комитета, прилож. № 1).

Стр. 257. Какъ говорится въ отчетѣ управленія генеральнаго резидента за 1906 г., число корейцевъ, первоначально переселившихся, благодаря увѣщаніямъ одного американца, на Гавайскіе острова 5—6 лѣтъ передъ тѣмъ, достигало около 8,400 человѣкъ, въ томъ числѣ 400 женщинъ, см. «Очеркъ административныхъ реформъ въ Кореѣ». Русскій переводъ отчета управленія генеральнаго резидента за 1906 г. въ Извѣстіяхъ Восточнаго Института, стр. 43 (англійскій переводъ того же отчета въ Japan W. Times, 8 June 1907, стр. 352).

Стр. 258. Корейцы, законтрактованные для работъ въ Мексикѣ, по прибытіи на мѣсто, имѣли со своими нанимателями цѣлый рядъ недоразумѣній. Между тѣмъ въ то время у Кореи не оказалось соотвѣтствующихъ властей, обязанныхъ попеченіемъ объ интересахъ ея подданныхъ, отправляющихся заграницу, и правительство не было въ состояніи помочь этимъ эмигрантамъ въ ихъ затруднительномъ положеніи, почему въ апрѣлѣ 1905 г., наученное этимъ опытомъ, оно издало

распоряженіе о воспрещеніи эмиграціи корейскихъ рабочихъ «до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ изданъ законъ объ эмиграціи и не будутъ предусмотрѣны мѣры къ защитѣ корейскихъ эмигрантовъ заграницей». Учрежденное вслѣдъ за тѣмъ, управленіе генеральнаго резидента признало подобное запрещеніе эмиграціи несостоятельнымъ, почему была снова разрѣшена свободная эмиграція, но одновременно съ тѣмъ были приняты мѣры къ охранѣ корейскихъ эмигрантовъ заграницею и къ строгому контролю эмиграціонныхъ агентовъ путемъ изданія въ іюлѣ 1906 г. корейскимъ правительствомъ закона объ охранѣ эмигрантовъ и инструкціи его примѣненія. Основныя начала этого закона излагаются въ «Отчетѣ управленія генеральнаго резидента за 1906 г.», при чемъ наиболѣе важными являлись слѣдующіе два пункта: 1) Никто изъ эмигрантовъ не имѣетъ права выбыть заграницу безъ разрѣшенія министра земледѣлія, торговли и промышленности и 8) Всякаго рода мѣропріятія въ связи съ эмиграціоннымъ дѣломъ проводятся съ согласія генеральнаго резидента. См. цитированный отчетъ управленія генеральнаго резидента за 1906 г., русскій переводъ, стр. 43—45 (ср. англійскій переводъ, Japan W. Times, 8 June 1907, стр. 352—3).

Стр. 263. Новѣйшая статистика методистской церкви въ Кореѣ помѣщена въ Seoul Press, 13 March 1912,2.

Стр. 269. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, общее число брачныхъ союзовъ, заключенныхъ до сего времени между японцами и корейцами, составляетъ 96, въ томъ числѣ въ 59 случаяхъ японцы женились на корейскихъ женщинахъ и въ 37 случаяхъ корейцы брали японскихъ женъ. Seoul Press, 26 November 1911, 3.

Стр. 272, 12 строка сверху, вмѣсто Коанчжю читай: Коанъчжю.

Стр. 277, 1 строка снизу, выбросить запятую послѣ: стр. 1.

Стр. 284. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Сѣверной Хамгёнъдо, гдѣ проживаетъ наименьшее число японцевъ, уже теперь 2,376 корейцевъ въ состояніи пользоваться японскимъ языкомъ для обычныхъ цѣлей. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о быстромъ распространеніи этого языка среди корейскаго народа. Подобный успѣхъ заставляетъ автора этой газетной замѣтки сдѣлать нѣсколько преждевременное заключеніе, что «не пройдетъ много лѣтъ, какъ японскій языкъ сдѣлается національнымъ языкомъ на полуостровѣ, замѣстивъ корейскій, который останется въ качествѣ нарѣчія». Seoul Press, 24 March 1912,2.

Стр. 284. Наблюдаемый въ послѣдніе годы въ сѣверной Кореѣ экономическій подъемъ, какъ результатъ благотворнаго примѣра и вліянія японцевъ, отмѣчается въ частности для сѣверо-западной Кореи журналомъ „Ostasiatisch. Lloyd“, 5 Apr. 1912 (см. Seoul Press, 13 Apr. 2). Нынѣ эта часть Кореи начинаетъ пріобрѣтать экономическую независимость отъ Маньчжуріи.

Стр. 284. По японскому подсчету, корейскіе рабочіе, отправляющіеся изъ Сѣверной Хамгёнъдо на лѣтнія работы въ русскихъ предѣлахъ, привозятъ назадъ заработокъ отъ 20 до 400 енъ, въ среднемъ 150 енъ

каждый, такъ что ежегодно въ эту часть Кореи притекаетъ почти 100,000 енъ русскихъ денеъ. Seoul Press, 18 May 1912. Нѣтъ необходимости указывать, сколь важнымъ факторомъ въ экономическомъ развитіи населенія Сѣверной Хамгёнъдо являлся раньше и является понынѣ болѣе или менѣе постоянный притокъ столь крупной суммы.

Стр. 287, 18 строка снизу, вмѣсто: Чіонсёнъ читай: Чіонъсёнъ.

Стр. 297. Саро являлось однимъ изъ названій королевства Силла до 504 г. по Р. Х. (Korea Review, I, 225: Hulbert, Korean History).

Стр. 304, 5 строка снизу, вмѣсто іероглифа 基 слѣдуетъ поставить: 基.

Стр, 301, 2 строка сверху, выбросить «къ» передъ словами: первымъ столѣтіямъ.

Стр. 325, 12 строка снизу. Напечатано: «913 человѣкъ)²», а надо: «913 человѣкъ²)».

Стр. 331, 10 строка снизу, вмѣсто Ёнъынман читай: Ёнъынмун.

Стр. 332, 11 строка снизу. Названіе Кёнъхору—павильонъ отдыха и веселья, пишется 慶會樓 Кёнъхойру и значитъ точнѣе: «павильонъ радостнаго собранія».

Стр. 338. Въ концѣ апрѣля н. ст. 1912 г. населеніе Сеула достигло 292,716 душъ: 46,061 японцевъ, 244,246 корейцевъ, 2,078 китайцевъ и 331 иностранцевъ (106 американцевъ, 87 англичанъ, 59 французовъ, 31 нѣмцевъ, 31 русскихъ, 17 остальныхъ иностранцевъ). Seoul Press, 25 May 1912,2.

Стр. 339. Въ южной части Сеула, образующей спеціальный японскій кварталъ, японцы постепенно вытѣсняютъ корейцевъ, которыхъ въ концѣ 1911 г. считалось здѣсь всего 15,193 душъ, уменьшеніе на 1,956 душъ, сравнительно съ цифрами отъ конца іюня того же года. Seoul Press, 25 June 1912,2.

Стр. 355, 16 строка снизу. Въ дѣйствительности, имя горы Марисан имѣетъ буддійское происхожденіе отъ слова мони (санскр. чистый), яп. мани, въ корейскомъ произношеніи мари и, слѣдовательно, относится ко времени не ранѣе IV—V стол. по Р. Х.

Стр. 358. По заявленію С. Охара, населеніе въ Хоанъхѣдо, какъ и обѣихъ Пхёнъандо, является зажиточнымъ, будучи трудолюбиво и бережливо. Въ этомъ отношеніи населеніе южной Кореи значительно уступаетъ обитателямъ болѣе сѣверныхъ частей страны, такъ какъ среди него встрѣчается гораздо больше бѣдняковъ. Средній достатокъ населенія сѣверо-западной Кореи близокъ къ достатку населенія префектуры Аомори въ Собственной Японіи. См. Seoul Press, 29 March 1912,2.

Стр. 365, 4 строка снизу, надо читать: если не относить е г о.

Стр. 366-367. Въ концѣ января 1912 г., Пхёнъянъ, по полицейскимъ свѣдѣніямъ, заключалъ населеніе въ 155,169 душъ, изъ коихъ 6,962(7,428) были японцы, 548(391)—китайцы, 6(3) англичане, 59(62) американцы и 2 французы. Seoul Press, 17 Febr. 1911,2[1].

[1]) Цифры въ скобкахъ взяты изъ Seoul Press, 28 Febr. 1912,2, гдѣ общее число корейцевъ въ городѣ указывается въ 141,476 человѣкъ.

Стр. 367, 13 строка сверху, вмѣсто 1907 г. читай: 1909 г.
Стр. 369, 11 строка снизу, вмѣсто: его, читай: ея.

Часть II. Отдѣлъ I.

Стр. 378, примѣчаніе 1. Численность корейскаго земледѣльческаго населенія по официальнымъ даннымъ:

	къ 31 декабря 1909 г.[1]		къ 10 мая 1910 г.[2].
	Семей (вѣрнѣе хозяевъ).	Душъ.	Семей.
Кёнъгыйдо[3]	201,874	891,020	219,020
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	103,679	395,938	112,117
Южная Чхюнъчхёнъдо	172,915	730,300	174,805
Сѣверная Кёнъсянъдо	280,538	1,209,313	295,658
Южная Кёнъсянъдо	249,607	1,054,102	252,636
Сѣверная Чёлладо	168,893	703,499	174,881
Южная Чёлладо	245,000	1,079,574	310,424
Хоанъхädo	184,516	736,252	192,025
Южная Пхёнъандо	158,101	656,771	151,948
Сѣверная Пхёнъандо	140,476	668,904	161,215
Южная Хамгёнъдо	127,494	632,186	171,019
Сѣверная Хамгёнъдо	44,642	186,576	74,847
Канъуёндо	133,402	546,259	142,855
	2,211,137	9,490,694	2,433,450

Въ концѣ 1911 г. земледѣльческой промышленностью въ Кореѣ занималось всего 10,986,468 корейцевъ (2,372,195 семей). Seoul Press, 14 July 1912,2.

Стр. 378, прим. 2. Въ 1912 г. 30 корейскихъ дѣвушекъ были наняты работать на прядильной фабрикѣ въ префектурѣ Міе; это было

[1]) Нихон-тейкоку-тōкей-ненкан, № 30, 950, и Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-немпō, № 4, стр. 387 (общіе итоги для всей страны и отдѣльныхъ провинцій) и стр. 388—402 (распредѣленіе указанныхъ общихъ цифръ земледѣльческаго населенія по отдѣльнымъ уѣздамъ въ каждой провинціи).

[2]) Нихон-тейкоку-тōкей-ненкан, № 30, стр. 947, въ таблицѣ распредѣленія населенія Кореи по промысламъ. Общее число семей здѣсь показано въ 2,894,777, т. е. выше дѣйствительнаго числа семей всего населенія въ Кореѣ вслѣдствіе того, что нѣкоторые хозяева занимаются одновременно 2 и даже 3 промыслами. Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-ненкан, № 4, стр. 63-79, указываетъ распредѣленіе населенія по профессіямъ также для отдѣльныхъ уѣздовъ во всей странѣ, въ частности и для каждой изъ пяти городскихъ частей и предмѣстія Іонъсан въ Сеулѣ.

[3]) Вслѣдствіе того, что въ этой провинціи подсчетъ незаконченъ, числа показаны приблизительныя. Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-немпō, № 4, стр. 387, выдѣляетъ изъ цифръ этой провинціи 4,779 семей и 19,237 душъ въ качествѣ числа земледѣльческаго населенія въ предѣлахъ административной территоріи Сеула,—впрочемъ, эти цифры приблизительныя, такъ какъ самый подсчетъ еще не законченъ, какъ указываетъ особое примѣчаніе тамъ же.

первое появленіе корейскихъ работницъ на фабрикѣ въ Японіи. Работа ихъ оказалась настолько удовлетворительной, что агентъ фабрики недавно нанялъ въ Масанпхо, откуда были взяты первыя работницы, новую партію въ 30 дѣвушекъ. Seoul Press, 17 Aug. 1912,2.

Стр. 379. Распредѣленіе занятій корейскаго земледѣльческаго населенія въ теченіе года (по отдѣльнымъ провинціямъ) см. Цiōсен-сангiōси, I, стр. 355—361.

Стр. 381. О стоимости жизни для корейскихъ мелкихъ арендаторовъ, т. е. большей части сельскаго населенія, см. Цiōсен-сангiōси, I, 362—365. Средняя цифра этой стоимости 35 японскихъ енъ (при колебаніяхъ отъ минимума въ 20 до максимума въ 50 енъ) на одного человѣка. Цифры для отдѣльныхъ статей этой стоимости въ различныхъ провинціяхъ Кореи показаны на стр. 363—5.

Стр. 383, прим. 2. Въ 1911 г. цѣнность вывоза изъ Кореи земледѣльческихъ продуктовъ была 13,600,000 енъ, или 74% цѣнности всего вывоза. Seoul Press, 14 July 1912,2.

Стр. 384. Народное богатство Кореи исчисляется въ Нихон-но-Цiōсен, текстъ, стр. 22, всего въ 2,525,372,081 енъ, въ среднемъ на 1 душу населенія—въ 200 енъ капитала и 20 енъ дохода.

Стр. 384, 4 строка снизу—вмѣсто: источниковъ, надо читать: источникомъ.

Стр. 385, 18 строка снизу. Объ измѣненіи величины стараго корейскаго ту или маль 斗 по отдѣльнымъ мѣстностямъ южной и центральной Кореи см. Канкоку-дорiō-кōхō, стр. 29—33.

Стр. 388. Въ сентябрѣ 1911 года корейскій генералъ-губернаторъ предложилъ городскимъ префектамъ и уѣзднымъ начальникамъ побудить землевладѣльцевъ принять на себя обязанность уплаты поземельнаго налога взамѣнъ арендаторовъ. Въ то время изъ общаго числа землевладѣльцевъ въ 3,113,000 человѣкъ 807,000 чел. (27%) еще возлагали эту обязанность на арендаторовъ, но нынѣ уже 3,049,000 землевладѣльцевъ сами уплачиваютъ поземельный налогъ и наступило уже время сдѣлать этотъ порядокъ обязательнымъ и по закону. Seoul Press, 11 Aug. 1912,2.

Стр. 389. Земельный налогъ въ Кореѣ на 1912—3 г. исчисленъ въ суммѣ 6,245,045 енъ изъ общей суммы обыкновенныхъ доходовъ по смѣтѣ въ 11,347,536 енъ. См. отдѣльныя статьи этой смѣты въ Харб. Вѣстн., № 2372, 31 янв. 1912,3.

Стр. 392, 20 строка сверху. Распредѣленіе количества казенныхъ земель (рисовыхъ и прочихъ полей) и числа арендаторовъ на нихъ, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, для различныхъ корейскихъ провинцій въ концѣ 1908 г. см. Цiōсен-сангiōси, I, 388-9: всего 103,179.04 цiō и 298,047 арендаторовъ.

Стр. 395, прим. 1. Въ смѣту 1912-3 финансоваго года по корейскому генералъ-губернаторству включено 30,000 енъ на приведеніе въ порядокъ оросительныхъ прудовъ. Харб. Вѣстникъ, № 2372, 31 января 1912, 3.

Въ теченіе 1911—1912 финансоваго года были исправлены администраціей оросительные пруды болѣе, чѣмъ въ 70 мѣстахъ Кореи съ затратою 163,000 енъ, при чемъ управленіе генералъ-губернатора выдало субсидій на производство этихъ работъ въ размѣрѣ 13,000 енъ. Seoul Press, 24 March 1912,2.

Стр. 396. Въ цѣляхъ развитія земледѣлія въ Кореѣ предпринята постройка шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ и гаваней въ этой странѣ на дополнительныя ассигнованія 1911 г. въ 12,350,000 енъ изъ общеяпонскаго бюджета, такъ какъ, по заявленію виконта Терауци, развитіе земледѣлія является одной изъ важнѣйшихъ мѣръ для развитія Кореи. Japan Financial and Economical Monthly, March 1911, 5.

Стр. 396. Задача японцевъ по отношенію къ Кореѣ заключается въ томъ, чтобы, путемъ улучшенія земледѣльческихъ пріемовъ въ этой странѣ и введенія въ ней новыхъ культуръ, вызвать въ ней производство продуктовъ, въ отношеніи подвоза коихъ собственная Японія зависитъ отъ иныхъ государствъ. Въ особенности это справедливо по отношенію къ хлопку, но также къ высшимъ сортамъ фруктовъ и минеральнымъ богатствамъ (желѣзу и золоту). Заявленіе г. Dernburg, б. германскаго министра колоній, въ докладѣ 8 дек. 1911 г. въ Берлинѣ по возвращеніи его изъ поѣздки на Д. Востокъ, въ частности и въ Корею. Seoul Press, 10 Jan. 1912.

Стр. 396 (сравни стр. 28—29). Поземельное обслѣдованіе Кореи въ цѣляхъ точнаго размежеванія казенныхъ и частныхъ земель было начато въ маѣ 1910 г., при общей смѣтной стоимости работъ въ 15,985,202 енъ. Въ 1911-12 финансовомъ году было предусмотрѣно для этой надобности ассигнованіе въ 1,757,246 енъ, а въ смѣту 1912—1913 финансоваго года первоначально предполагалось включить ассигнованіе на этотъ предметъ свыше 3 милліоновъ енъ, но въ дѣйствительности включена цифра меньшая, именно 2,380,319 енъ, почему исполненіе всей работы нѣсколько замедлится. Seoul Press, 19 January 1912,2.

Стр. 398. Въ теченіе 1911 г. количество казенныхъ невоздѣланныхъ земель, сданныхъ въ аренду управленіемъ корейскаго генералъ-губернатора для различныхъ цѣлей, достигало 2,050 цiō и земель, переданныхъ безплатно въ собственность лицамъ, эксплоатировавшимъ ихъ, по причинѣ успѣшности этой эксплоатаціи, 111 цiō; по сравненію съ цифрами 1910 г., это дало увеличеніе въ 310 цiō для первой категоріи земель и 105 цiō для второй. Seoul Press, 26 January 1912, 2.

Стр. 399. Учрежденіе образцовой земледѣльческой фермы въ Кореѣ первоначально входило въ планы японскаго министерства земледѣлія и торговли, почему и было осуществлено въ 1906 г. Положеніе объ этой фермѣ, при управленіи генеральнаго резидента, было объявлено особымъ указомъ японскаго императора отъ 13/26 апрѣля 1906 г., № 91—92. Такъ какъ корейское правительство предполагало само завести аналогичную ферму, то управленіе генеральнаго резидента убѣдило его воспользоваться съ 1907 г. уже устроенной фермою со всѣмъ

штатомъ служащихъ, не устраивая второй такой же. См. отчетъ управленія генеральнаго резидента, русск. переводъ 1906, стр. 43—44.

Стр. 405, 17 строка снизу. Вмѣсто: «Стр. 1 статья,» слѣдуетъ читать: «Стр. 1, статья».

Стр. 410. Перечень существующихъ отдѣленій Восточной колонизаціонной компаніи, съ указаніемъ мѣстностей, на которыя распространяется дѣятельность каждаго изъ нихъ, и времени открытія, приводится въ Цiосен-сōтокуфу-тōкей-iōран, № 1, 132—133. На стр. 134-135 указывается распредѣленіе земель, принадлежащихъ компаніи или арендуемыхъ ею въ различныхъ провинціяхъ Кореи.

Стр. 412. Въ текущемъ 1912 г., по приглашенію Восточной Колонизаціоной компаніи, должны переселиться въ Корею 441 японскихъ земледѣльческихъ семьи (2010 душъ); они будутъ водворены въ Сюуён, Туксём, Сариуён, Канъгёнъ, Ёнъсанпхо, Тагу, Кымчжѣ 金堤 и Масанпхо. Seoul Press, 11 Jan. 1912,3. Въ общей сложности этой компаніей водворено въ Кореѣ уже болѣе 1000 семей японскихъ колонистовъ. Seoul Press, 17 July 1912,2.

Стр. 413. Въ 1911 г. Восточная колонизаціонная компанія имѣла чистую прибыль въ 510,200 енъ и выдала 6,5% дивиденда. Въ виду достаточнаго размѣра дивиденда ежегодная казенная субсидія ей будетъ уменьшена до 278,000 енъ взамѣнъ 300,000. Seoul Press, 23 Apr. 1912,2.

Стр. 415. Въ самой Японіи финансовая политика Восточной колонизаціонной компаніи навлекаетъ на себя рѣзкія нареканія со стороны періодической печати (см., напримѣръ, отзывъ газеты «Асахи», переведенный въ Japan W. Chronicle, 22 Febr. 1912,327), въ особенности тѣмъ, что директора компаніи умышленно понижаютъ размѣръ дивиденда, чтобы продолжать пользоваться казенной субсидіей. Японскіе критики обвиняютъ также компанію въ умышленномъ повышеніи цѣнъ на земли въ Кореѣ въ чисто спекулятивныхъ цѣляхъ. Отвѣтъ на эти обвиненія старается дать вицепредсѣдатель компаніи въ бесѣдѣ съ представителемъ газеты «Кокумин», см. Seoul Press, 17 Febr. 1912,3.

Стр. 418. Японское земледѣльческое населеніе въ Кореѣ достигло въ концѣ 1911 г. 9,407 душъ (2,960 хозяйствъ). Seoul Press, 16 July 1912,2. Къ этому же времени въ Кореѣ занималось земледѣльческой промышленностью еще 906 китайцевъ (311 семействъ) и 5 другихъ иностранцевъ (2 семьи). Seoul Press, 14 July 1912,2.

Стр. 419, 14 строка снизу. Прибавить послѣ словъ «приведенныя ниже» указаніе на стр. 442—3 настоящаго «Очерка».

Стр. 420, 12 строка снизу. Выбросить запятую послѣ: пригодными.

Стр. 422. Группа корейскихъ аристократовъ съ графомъ И Оан'іонъ 李完用 во главѣ проектируетъ устройство необходимыхъ инженерныхъ сооруженій для превращенія въ рисовыя поля площади земли въ 80 кв. «и» на равнинѣ передъ г. Чинчжю въ Южной Кёнъсянъдо, нынѣ заливаемой протекающей здѣсь рѣкою во время дождливаго сезона. Для полученія необходимаго капитала указанныя лица начали пере-

говоры съ Восточной колонизаціонной компаніей. Seoul Press, 1 Febr. 1912, 2 (исправлено по Мäильсинбо отъ 28 янв. н. ст.).

Стр. 423, примѣчаніе 2. На картѣ, помѣщенной въ Цiōсен-сангiōси, I, передъ текстомъ, обозначено различными красками и знаками распредѣленіе по корейскому полуострову различныхъ горныхъ породъ (геологическихъ) и различныхъ составовъ (видовъ) почвы.

Стр. 443. Въ теченіе первой половинѣ 1911—12 финансоваго года, т. е. съ 1-го апрѣля по 1-е октября 1911 г., было зарегистровано въ общей сложности 65,414 сдѣлокъ по продажѣ и передачѣ въ другія руки земель и домовъ въ Кореѣ на общую круглую сумму въ 17,299,900 енъ. Seoul Press, 30 January 1912, 2.

Стр. 445, 1 и 2 строки. Среднее количество обработанной земли на одну корейскую земледѣльческую семью указывается Цiōсен-сōтокуфутōкей-немпō, № 4, стр. 387, въ слѣдующихъ цифрахъ для отдѣльныхъ провинцій (въ цiō):

Хансёнъбу (Сеулъ)	0,16	Хоанъхäдо	1,25
Кёнъгыйдо	0,74	Канъуōндо	1,32
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	1,32	Южная Пхёнъандо	1,46
Южная Чхюнъчхёнъдо	0,61	Сѣверная Пхёнъандо	2,46
Сѣверная Чёлладо	0,49	Южная Хамгёнъдо	1,71
Южная Чёлладо	1,14	Сѣверная Хамгёнъдо	1,46
Сѣверная Кёнъсянъдо	0,57	Для всей Кореи	1,04
Южная Кёнъсянъдо	0,50		

Далѣе на стр. 388—402 указывается среднее количество обработанной земли на 1 земледѣльческую семью по отдѣльнымъ уѣздамъ.

Стр. 448, прим. 1. Вспомогательныя сельскохозяйственныя занятія арендаторовъ включаютъ культивированіе хлопка, конопли (и другихъ прядильныхъ растеній), табака, жэньшэня. Цiōсен-сангiōси, I, 387-8, даетъ краткую оцѣнку значенія каждой изъ этихъ культуръ и указываетъ главныя области распространенія ихъ. Далѣе перечисляются для немногихъ мѣстностей спеціальные мѣстные промыслы земледѣльческаго населенія, какъ то, для районовъ Чинчжю и Чёнчжю—выдѣлка бумаги; для Конъчжю и Чёнчжю—изготовленіе цыновокъ, для Хонъчжю 洪州—фабрикація табачныхъ трубокъ.

Стр. 449, примѣчаніе 3. По оффиціальнымъ даннымъ (Seoul Press, 16 March, 1912, 3), общее число корейцевъ и японцевъ, владѣющихъ въ Кореѣ болѣе, чѣмъ 10 кёль или 45 акровъ пахотной земли каждый, достигаетъ 3,857 корейцевъ и 837 японцевъ, въ томъ числѣ:

	Корейцевъ.	Японцевъ.
Свыше 10 кёль.	2,784	434
» 20 »	640	160
» 30 »	284	135
» 50 »	114	88
» 100 »	35	20
	3,857	837

По поводу этихъ свѣдѣній, «Далекая Окраина» отъ 13 апр. 1912 г. замѣчаетъ, что если быстрый ростъ японскаго крупнаго землевладѣнія въ Кореѣ, который обнаружился за послѣдніе нѣсколько лѣтъ, продолжится, то не далеко то время, когда число японскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ этой странѣ сравняется съ числомъ корейскихъ. Однако, съ этимъ утвержденіемъ трудно согласиться въ виду обнаруживающихся нынѣ признаковъ сокращенія указаннаго роста.

Стр. 455, 10 строка снизу. Напечатано: для размотки коконовъ, слѣдуетъ читать: для уборки коконовъ (изъ спеціально устроенныхъ для нихъ гнѣздъ); этотъ пріемъ называется по японски: токинобосу 解舒 (эта справка сообщена Е. Г. Спальвинымъ).

Стр. 460. Окончательный подсчетъ урожая риса въ 1911 г. опредѣляетъ его въ 9,597,014 коку. См. Seoul Press, 12 June 1912,2.

Стр. 465, примѣчаніе 3. Благодаря пользованію отапливаемыми канами (ондöль по корейски), количество золы, которымъ корейцы могутъ располагать въ качествѣ удобренія, хотя разная трава и сосновые листья, служащіе имъ для этой цѣли, и даютъ мало золы, должно въ 3—4 раза превышать количество той же золы въ Японіи, какъ признаютъ всѣ лица, освѣдомленныя въ корейскихъ дѣлахъ. Канкокусöран, 522.

Стр. 466. Особенно широкое распространеніе въ Кореѣ получилъ японскій сортъ риса, называемый васе-синрики, и отличающійся особой выносливостью по отношенію къ наводненіямъ. Во время наводненій въ южной Кореѣ въ 1911 г. всѣ посѣвы туземныхъ сортовъ риса здѣсь погибли, тогда какъ посѣвы указаннаго японскаго сорта, несмотря на долгое нахожденіе подъ водою, дали очень хорошій сборъ. Этотъ фактъ былъ столь очевиденъ, что нынѣ во всей южной Кореѣ врядъ ли найдется хоть одно (?) поле туземнаго сорта риса. Seoul Press, 7 April 1912. Подобное утвержденіе является пока преувеличеніемъ, хотя несомнѣнно, что площадь подъ культурою улучшенныхъ сортовъ риса, исчислявшеяся въ 1911 г. во всей Кореѣ въ 6,922,5 цiō (Seoul Press, 24 May 1912,2), въ 1912 г. обнаружила замѣчательное увеличеніе.

Стр. 472. Вывозъ корейскаго риса въ Европу черезъ Японію (Кобе) съ каждымъ годомъ быстро растетъ, какъ видно изъ сравненія слѣдующихъ цифръ вывоза риса изъ Кореи въ Японію по корейскимъ таможеннымъ даннымъ и ввоза его въ эту страну по японскимъ таможеннымъ даннымъ; разница между этими цифрами и выражаетъ количество корейскаго риса, идущаго этимъ путемъ въ Европу (Seoul Press, 24 Apr. 1911,2):

	Вывезено корейскаго риса въ Японію.	Ввезено корейскаго риса въ Японію.
1908	524,342 коку.	481,146 коку.
1909	506,785 „	430,189 „
1910	537,290 „	396,625 „

Стр. 472-3. Вывозъ риса изъ Кореи въ Маньчжурію и во Владивостокъ исчислялся въ слѣдующихъ количествахъ (Seoul Press, 24 April 1912,2):

	Въ Маньчжурію.	Во Владивостокъ.
1908	96,915 коку.	36,303 коку.
1909	113,133 „	54,112 „
1910	157,787 „	155,848 „
1911	123,468 „	139,451 „

Стр. 473, прим. 4. Въ 1911 г. было вывезено изъ Кореи риса въ Дайрен 101,130 коку (87,1% всего количества привознаго риса, противъ 4,9% японскаго и 8% изъ южнаго Китая), или на 19,572 коку болѣе предыдущаго года; въ 1910 г. было вывезено корейскаго риса сухимъ путемъ въ Аньдунъсянь 41,727 коку. Словомъ, корейскій рисъ пользуется почти исключительной монополіей въ Маньчжуріи. Seoul Press, 15 March 1912, 2.

Съ 10 января н. ст. 1912 г. примѣняется повагонный тарифъ къ отправкамъ очищеннаго риса корейскаго происхожденія въ количествѣ болѣе 10 тоннъ по Мукденъ-Аньдунской ж. д., такъ что отнынѣ провозъ 1 тонны этого риса между указанными пунктами обходится въ 4 енъ взамѣнъ прежней платы въ 5 енъ 29,2 сенъ. Seoul Press, 23 Jan. 1912, 2.

Стр. 476. Помимо риса, лѣса и морскихъ продуктовъ, состоялась отмѣна съ 1 апрѣля 1912 г. вывозныхъ или транзитныхъ (въ отношеніи Японіи) пошлинъ на большую часть вывозимыхъ изъ Кореи произведеній, включая еще коконы, морскіе продукты и удобренія; нынѣ эти пошлины оставлены лишь для 8 продуктовъ: пшеницы, бобовъ сои и красныхъ (мелкихъ) бобовъ, кунжута, скота, кожъ, угля и желѣзной руды.

Стр. 477 и тамъ же прим. 1. Однако, въ новѣйшихъ японскихъ статистическихъ данныхъ о сборѣ корейскихъ земледѣльческихъ произведеній стало проводиться различіе между отдѣльными злаками категоріи «муги», какъ показываетъ таблица на стр. 114—115 Цiōсен-сōтокуфу-тōкей-iōран, гдѣ отмѣчаются площадь посѣвовъ, общій сборъ и сборъ съ 1 тан для каждаго изъ 4 злаковъ: ячменя, пшеницы, голаго ячменя и овса (см. ниже). Такое же различіе проводится нынѣ и въ сельскохозяйственной статистикѣ собственной Японіи.

Стр. 481, 6 строка. Вмѣсто: близкой, читай: близкимъ.

Стр. 483. Нынѣ (въ 1909 г.) посѣвы овса въ Приморской области занимаютъ почти 1/3 площади посѣвовъ всѣхъ хлѣбовъ и на 1 душу населенія приходится здѣсь 10,07 пудовъ овса (въ Европейской Россіи даже въ 1909 г. только 5,75 пудовъ), почему эта область имѣетъ уже избытокъ овса въ 482 тыс. пудовъ (считая условно и 5% ячменя или около 80,000 пудовъ, могущаго пойти въ кормъ скоту). Листокъ Приморскаго областнаго статист. комитета. 1909, № 10—12, стр. X—XI. Въ 1911 г. въ Приморской области собрано овса 4,248,000 пудовъ,

наибольшее количество изъ всѣхъ хлѣбовъ (пшеницы 3,649,000 пудовъ—на второмъ мѣстѣ); при недостаткѣ овса его выписываютъ изъ Амурской области или изъ Маньчжуріи (Цицикара), какъ отмѣчаетъ «Харбинскій Вѣстникъ», № 2477, 31 мая 1912,2, такъ что прежнее значеніе Кореи, какъ поставщика овса для Приморской области, нынѣ упало.

Стр. 486. Площадь посѣвовъ (въ ціо), общій сборъ (въ коку) и средній сборъ (въ коку) съ 1 тан всѣхъ четырехъ злаковъ категоріи «муги» въ отдѣльныхъ корейскихъ провинціяхъ въ 1910 г. показываются на таблицѣ, помѣщенной на стр. 026[1].

Стр. 487. Чумидза (итальянское просо), дающая, какъ и другія корейскія проса, превосходную кашу, составляетъ главную пищу населенія тамъ, гдѣ не растетъ рисъ. Поэтому нижняя граница ея распространенія совпадаетъ съ верхней границею площади риса, при чемъ онѣ пересѣкаютъ другъ друга всюду, гдѣ послѣдній произрастаетъ менѣе удовлетворительно; верхней же ея границею является нижній предѣлъ произрастанія однихъ овса и ячменя. Изъ кормовыхъ сортовъ проса болѣе всего распространенъ гаолянъ (сорго). Баронъ Корфъ и Звегинцевъ, Военный обзоръ Сѣверной Кореи, 82.

Стр. 487, прим. 4. Въ Маньчжуріи просо «пайцза» идетъ, по словамъ Моррисона, преимущественно въ пищу лошадямъ и муламъ.

Японское просо Panicum crus galli major, чудо-трава, какъ называетъ его «Главный каталогъ сѣменной торговли А. Б. Мейера въ Москвѣ» на 1911 г., стр. 37, необыкновенно выносливое и нетребовательное къ почвѣ, однолѣтнее кормовое растеніе, разводимое въ громадныхъ количествахъ въ Японіи и Америкѣ, даетъ до 3-хъ укосовъ обильнаго питательнаго корма.

Стр. 488, 18 строка снизу. Вмѣсто: совершенно не, читай: слишкомъ мало.

Стр. 491, 11 строка снизу. Вмѣсто: и произрастаетъ, читай: и произрастая.

Стр. 493. Кукуруза идетъ въ Кореѣ частью въ кормъ скоту (въ рисовой площади она чѣмъ южнѣе, тѣмъ болѣе вытѣсняетъ гаолянъ), а частью въ пищу—сырой, вареною или въ видѣ каши. Баронъ Корфъ и Звегинцовъ, Военный обзоръ Сѣверной Кореи, 83.

Стр. 494. Въ 1910 г. площадь посѣва (въ ціо) разныхъ видовъ проса, сорго и кукурузы и сборъ ихъ (въ коку) въ отдѣльныхъ провинціяхъ Кореи, согласно Ціосен-сотокуфу-токей-іоран, № 1, 116—117, показаны на стр. 027.

Стр. 501. Ціосен-сотокуфу-токей-іоран, № 1, 116-117, увеличиваетъ для 1910 г. цифру сбора большихъ бобовъ въ Южной Кѣнъсянъдо до 137,511 коку (вмѣсто 135,819 коку) и, соотвѣтственно этому, общій итогъ сбора означенныхъ бобовъ въ 1910 г. является 1,816,582 коку. Кромѣ того, въ этомъ сборникѣ даются цифры площади (въ ціо)

[1]) Цифры взяты изъ Ціосен-сотокуфу-токей-іоран, № 1, 114—115.

Названіе провинціи.	ЯЧМЕНЬ.			ПШЕНИЦА.			ГОЛЫЙ ЯЧМЕНЬ.			ОВЕСЪ.			Всѣхъ четырехъ указани. злаковъ.	
	Общая посѣвная площадь.	Общій сборъ.	Средній сборъ на 1 тан.	Общая посѣвная площадь.	Общій сборъ.	Средній сборъ на 1 тан.	Общая посѣвная площадь.	Общій сборъ.	Средній сборъ на 1 тан.	Общая посѣвная площадь.	Общій сборъ.	Средній сборъ на 1 тан.	Общая посѣвная площадь.	Общій сборъ.
Кёнъгыйдо . .	26,723.6	136,043	0.509	9,322.4	35,504	0.381	398.7	1,687	0.423	1,215.3	7,691	0.633	37,660.0	180,925
Сѣв. Чхюнъчхёнъдо . . .	15,486.9	173,734	1.120	4,733.1	42,427	0.897	88.5	1,086	1.221	6.1	21	0.344	20,314.6	217,268
Южн. Чхюнъчхёнъдо . . .	15,928.0	172,393	1.082	4,549.3	38,446	0.845	756.5	6,760	0.894	130.1	1,419	1.091	21,363.0	219.018
Сѣв. Чёлладо .	10,474.7	110,830	1.058	3.933.2	31,291	0.795	1,646.7	17,685	1.074	—	—	—	16,054.6	159,806
Южн. Чёлладо	67,206.8	628,368	0.935	18,056.1	125,609	0.695	5,413.4	43,735	0.807	—	—	—	90,676.3	797,712
Сѣвер. Кёнъсянъдо . . .	48,374.4	716,710	1.481	13,499.0	135,307	1.002	5,117.2	49,285	0.963	—	—	—	66,990.6	901,302
Южн. Кёнъсянъдо . . .	41,333.3	431,955	1.045	7,159.9	49,702	0.694	1,506.3	8,632	0.573	18.3	101	0.552	50,017.8	490,390
Хоанъхадо . .	6,272.3	26,288	0.419	40,382.2	114,832	0.284	265.9	476	0.172	159.4	930	0.583	47,079.8	142,526
Канъуёндо . .	10,846.8	51,951	0.479	11,305.1	33,806	0.299	985.1	4,062	0.413	7,910.3	44,074	0.557	31,047.3	113,893
Южн. Пхёнъандо.	9,414.1	58,548	0.621	12,894.7	52,968	0.411	2,603.2	9,930	0,382	330.0	1,410	0.427	25,242.0	122,856
Сѣв. Пхёнъандо.	4,831.3	25,175	0.521	988.1	2,907	0.294	—	—	—	817.3	5,925	0.725	6,636.7	34,007
Юж. Хамгёнъдо	12,820.3	76,113	0.594	3,093.8	14,084	0.455	6.1	36	0.590	10,000.4	70,428	0.704	25,920.6	160,661
С. Хамгёнъдо	22.884.4	118,170	0.516	331.6	1.816	0.548	30.0	90	0.300	4.586.9	20,928	0.456	27,832.9	141.004
Всего .	292,596.9	2,726,278	0.932	130,248.5	678,699	0.521	18,817.6	143,464	0.762	25,174.1	152,927	0.607	466,837.1	3,701,368
Для сравненія въ 1909 г. .	257,749.9	2,725,288	1.056	111,051,2	748,348	0.673	22.570.7	168,387	0.746	22,460.3	156,130	0.695	423,466.6	3,839,669
													*9.634.5	*41,516

*) Звѣздочкою отмѣчены числа, для которыхъ родъ злака не былъ выясненъ. Въ цифры 1910 г. не вошли свѣдѣнія для Кёнъсёнъбу (Сеулъ) въ Кёнъгыйдо и уѣзда Кёнъуён въ Сѣверной Хамгёнъдо за неокончаніемъ подсчета. Также точно въ цифрахъ 1909 г. недостаетъ свѣдѣній для трехъ уѣздовъ провинціи Сѣверной Хамгёнъдо. Цiōсен-сōтокуфу-тōкей iōран, № 1, 114—115.

Названіе провинціи.	Итальянское просо.		Panicum frumentaceum.		Обыкновенное просо.		Сорго.		Кукуруза.	
	Площадь.	Сборъ.	Площадь.	Сборъ.	Площадь.	Сборъ.	Площадь.	Сборъ.	Площадь.	Сборъ.
Кёнъгыйдо	6,569.5	51,645	1,218.3	12,590	201.0	1,227	2,662.0	19,031	44.7	100
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо . . .	2,561.2	21,673	19.8	113	191.0	587	1,292.4	8,271	39.1	166
Южная Чхюнъчхёнъдо	960.6	6,920	54.1	707	80.8	583	794.3	7,301	37.7	317
Сѣверная Чёлладо	454.9	3,076	63.6	528	91.3	541	242.4	2,270	29.8	235
Южная Чёлладо	9,002.1	74,745	1,394.5	12,332	182.5	705	1,117.7	6,455	48.7	320
Сѣверная Кёнъсянъдо	11,671.5	89,519	18.3	232	67.7	432	552.5	4,344	81.7	447
Южная Кёнъсянъдо	778.6	4,485	89.6	834	54.2	468	523.6	1,294	37.2	810
Хоанъхäдо	85,013.6	704,396	4,615.3	53,833	2,428.1	15,457	3,923.3	19,228	1,294.7	9,650
Канъуёндо	29,605.2	134,054	10,730.5	67,719	232.5	916	1,677,6	8,862	3,510.2	32,592
Южная Пхёнъандо	72,467.7	490,996	4,855.3	55,048	2,607.0	27,207	9,849.2	90,634	6,847.2	49,882
Сѣверная Пхёнъандо.	82,035.2	467,069	20,409.1	169,475	2,361.3	8,788	13,359.2	85,676	34,133.1	201,316
Южная Хамгёнъдо	46,318.7	342,583	42,120.7	268,674	5,291.6	25,054	5,379.1	31,284	3,391.4	41,081
Сѣверная Хамгёнъдо.	45,546.1	255,729	11,929.4	82,896	1,206.8	8,071	2,176.7	16,516	2.112.8	11,526
Всего . . .	392,984.8	2,646,890	97,518.5	724,981	14,995.8	90,036	43,559.0	301,166	51,608.3	348,443

Въ этихъ данныхъ нѣтъ свѣдѣній для Кёнъсёнъбу въ Кёнъгыйдо за неокончаніемъ подсчета.

посѣва большихъ бобовъ въ 1910 г. и цифры площади посѣва (въ цйо̄) малыхъ (красныхъ) бобовъ и сборъ ихъ (въ коку) въ томъ же году; эти свѣдѣнія приводятся ниже:

Названіе провинціи:	Большіе бобы. Площадь посѣва.	Малые (красные) бобы. Площадь посѣва.	Сборъ.
Кёнъгыйдо	28,425.8	4,283.5	24,636
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	8,112.7	2,887.6	11,491
Южная Чхюнъчхёнъдо	14,388.8	3,071.6	13,860
Сѣверная Чёлладо	10,600.5	2,919.6	11,390
Южная Чёлладо	21,070.5	5,186.4	18,087
Сѣверная Кёнъсянъдо	32,773.2	2,783.4	10,455
Южная Кёнъсянъдо	23,296.6	3,690.3	11,551
Хоанъхäдо	31,174.7	32,290.3	169,548
Канъуёндо	19,548.4	13,826.2	41,942
Южная Пхёнъандо	27,631.2	39,693.1	177,929
Сѣверная Пхёнъандо	36,068.6	31,658.2	100,326
Южная Хамгёнъдо	18,977.0	16,312.8	56,181
Сѣверная Хамгёнъдо	33,130.4	1,922.4	9,701
Всего . . .	305,198.4	160,525.4	657,097

Общіе итоги для 1909 г. указаннымъ сборникомъ даются тѣ же, что въ Нихон-тейкоку-то̄кей-ненкан, но съ оговоркою, что въ цифру сбора большихъ бобовъ не вошли неизвѣстныя данныя для одного уѣзда Сѣверной Хамгёнъдо и для малыхъ бобовъ—данныя для пяти уѣздовъ.

Стр. 503, прим. 1. Въ 1908 г. 1 коку корейскаго риса стоилъ въ среднемъ 9,50 енъ, въ 1909 г.—7,50 енъ, см. Deutsche Japan-Post, IX, № 20, 13 Aug. 1910, 11. Въ маѣ 1910 г. корейскіе бобы расцѣнивались въ Японіи по 8 енъ 50 сенъ за коку, тогда какъ максимальная цѣна на нихъ въ 1909 г. была 5 енъ 50 сенъ(?). Diplom. and consul. reports. № 4676. Annual series. Corea. Report for the year 1910 on the trade of Korea, 7. Въ приложеніи къ Цйо̄сен но кенкю̄, стр. 43-45, помѣщена таблица оптовыхъ цѣнъ на разные продукты, въ частности земледѣльческіе, въ Тäгу и прочихъ городахъ, открытыхъ для иностранной торговли, кромѣ Сеула, Пхёнъянъ и Чхёнъчжин. Цѣны относятся къ концу апрѣля 1910 г. Здѣсь цѣны на большіе бобы указываются отъ 5 енъ 30 сенъ до 8 енъ 15 сенъ за коку, при средней цѣнѣ въ 5 енъ 76 сенъ (?). Средняя цѣна полуочищеннаго риса указывается здѣсь для того же времени въ 8 енъ 30 сенъ за коку.

Стр. 513. 甘藍 Brassica oleracea L., японск. кябецу или кябедзи, кольраби. Bretschneider, Bot. Sin., II, 174. Эта капуста упоминается среди овощей, продающихся на Сеульскомъ рынкѣ. Цйо̄сен-сангйо̄си, I, 550.

Стр. 517, прим. 4 Отъ лопуха Arctium Lappa употребляется въ пищу корень. Bretschneider, Botanicon Sinicum, III, стр. 172-3.

Стр. 518, прим. 4 (съ 517 стр.). Существованіе особаго корейскаго имени для ямса, или «ма», указываетъ на то, что этотъ овощъ встрѣчается въ Кореѣ и извѣстенъ корейцамъ подъ особымъ, не китайскимъ именемъ.

Стр. 518, 17 строка снизу. Напечатано: 799, надо: 299.

Стр. 544, 14 строка сверху. Вмѣсто: пун надо читать: бу 分.

Стр. 559, 6—7 строка снизу. Напечатано: Тōіō-табако-кайся, надо Тōа-табако-кабусики-кайся 東亞煙草株式會社. Имя Тōіō-табако-кайся 東洋煙草會社 носила компанія, учрежденная въ 1901 г. въ Чѣмульпхо иностранцами, но скоро прекратившая операціи.

Стр. 561. Общая цифра налога съ табачныхъ плантаторовъ въ 1911 г. была 233,417 енъ, увеличеніе сравнительно съ концомъ 1911 г. на 29,664 енъ 50 сенъ. Мäильсинбо, 11 янв. н. ст. 1912 г.

Стр. 562 и 566—7. Провинція Кёнъгыйдо изстари славилась табакомъ, но сельскому населенію эта культура не доставляла особыхъ выгодъ благодаря примитивнымъ способамъ обработки листа. Японцы пришли на помощь населенію знаніями и техникою, поднявъ цѣнность производства табака и пробудивъ интересъ къ этой культурѣ. Подъ посѣвы табака въ Кёнъгыйдо занято 3,000 акровъ (оффиціальныя данныя указываютъ въ 1910 г. только 2,200 акровъ); въ 1911 г. сборъ былъ около 4 милліоновъ фунтовъ; наиболѣе производится въ уѣздахъ Янъчжи 陽智, Чянъдан, Ансёнъ, Іонъин и Кäсёнъ. Добрая часть табака этой провинціи отправляется въ Японію, откуда вывозится обратно подъ видомъ «издѣлій японской табачной монополіи». Харбин. Вѣстникъ, № 2431, 8 апрѣля 1912, 10.

Стр. 560 и 562. Ціōсен но кенкю, 164, перечисляетъ слѣдующія извѣстныя мѣста производства табака въ Кореѣ: въ Кёнъгыйдо—Іонъин, Коанъчжю и Чянъдан; въ Южной Кёнъсянъдо—Хадонъ, въ Сѣверной Чёлладо—Имсиль и Сянъгоан, въ Хоанъхäдо—Коксан, въ Южной Пхёнъандо—Сёнъчхён и Янъдōк и въ Канъуōндо—Ёнъуōль. Общую площадь посѣвовъ табака этотъ же авторъ исчисляетъ въ 28,000 слишкомъ ціō, сборъ его въ 4,530,000 камме слишкомъ. Площадь посѣвовъ (въ ціō) табака и сборъ его (въ камме) въ 1910 г. выражались въ слѣдующихъ оффиціальныхъ цифрахъ (Ціōсен-сōтокуфу-тōкей-іōран, № 1, 118—9):

Названіе провинціи:	Площадь.	Сборъ.
Кёнъгыйдо[1]	890.0	43,849
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	1,674.7	142,665
Южная Чхюнъчхёнъдо	546.0	65,186
Сѣверная Чёлладо	759.1	118,931
Южная Чёлладо	978.3	79,542
Сѣверная Кёнъсянъдо	1,395.1	308,321
Южная Кёнъсянъдо	1,475.5	223,510
Хоанъхäдо	2,668.6	273,783
Канъуōндо	2,215.2	306,783
Южная Пхёнъандо	1,334.3	90,269

[1]) Не вошли свѣдѣнія относительно Кёнъсёнъбу въ этой провинціи. Вообще же оффиціальныя цифры являются пріуменьшенными, какъ это можно судить по цифрамъ для столичной провинціи.

Сѣверная Пхёнъандо	12,000.9	372,274
Южная Хамгёнъдо	2,054.3	247,265
Сѣверная Хамгёнъдо	682.3	97,808
Всего	28,674.2	2,378,872

Относительно корейскаго табака Цiōсен но кенкю, 164, замѣчаетъ, что, хотя среди него имѣются хорошіе сорта, но вообще пріемы культивированія его крайне несовершенны; при сборѣ же весь листъ срѣзается одновременно, будучи смѣшанъ съ еще зеленымъ и незрѣлымъ листомъ, и въ такомъ видѣ засушивается; кромѣ того корейцы не знаютъ т. н. «отдѣлки табака (調理 по японски)». Лишь табачный листъ изъ Енъуёль, по заявленію этого автора, подвергается отчасти броженію.

Разведеніе японскаго табака (въ Кореѣ онъ оказывается весьма хорошаго качества) главнымъ образомъ происходитъ въ южной Кореѣ—въ Тагу, Мир'янъ и Самнанъчжин, при чемъ въ окрестностяхъ Тагу площадь, занятая этимъ табакомъ, достигаетъ уже 130 цiō, въ Мир'янъ—70 цiō. Этотъ промыселъ является весьма прибыльнымъ, въ виду спроса на этотъ табакъ со стороны папиросныхъ фабрикъ въ Кореѣ, что и вызвало къ жизни культивированіе этого табака (для фабрикаціи папиросъ корейскій табакъ не подходитъ), доставляя 30—40 енъ чистаго дохода съ 1 тан; поэтому не мало людей обращается къ этому занятію, бросая прежнюю профессію. Вѣроятно, этимъ же промысломъ было бы возможно заняться и въ сѣверной Кореѣ въ подходящихъ мѣстахъ, хотя сомнительно, чтобы въ будущемъ надолго удержалась нынѣшняя высокая доходность этого промысла. Цiōсен но кенкю, 165—6.

Стр. 565, строка 18 снизу. Вмѣсто: Янъчжю, читай: Янъчжи.

Стр. 566. Табакъ въ провинціи Канъуёндо по цифрѣ годового сбора стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ риса, достигая 306,469 камме, при чемъ 22,640 человѣкъ занимается здѣсь этой культурою, получая отъ нея доходъ свыше 400,000 енъ. Въ 1911 г. Восточная табачная компанія пріобрѣла въ уѣздѣ Ёнъуёль, гдѣ растетъ лучшій сортъ табака, большой участокъ земли за 60,000 енъ и занялась сама этой культурою, одновременно оказывая поощреніе той же культурѣ среди мѣстнаго населенія. Seoul Press, 5 и 8 Sept. 1912.

Стр. 572, примѣчаніе 3. Курильщики опіума въ обѣихъ Пхёнъандо наиболѣе многочисленны въ уѣздахъ Пхёнъянъ, Ыйчжю, Іонъчхён, Самхоа, Канъгѣ, Анчжю, Тчхёльсан; въ Южной Кёнъсянъдо въ уѣздахъ Фузанъ, Масанпхо, Янъсан 梁川; въ Южной Хамгёнъдо—въ уѣздахъ Гензанъ и Анбён; въ Сѣверной Хамгёнъдо—въ уѣздахъ Чхёнъчжин, Пукчхёнъ, Хойрёнъ; въ Кёнъгыйдо—въ уѣздахъ Кăсёнъ, Инчхён, Пхунъдôк, Пхачжю; въ Южной Чхюнъчхёнъдо—въ Канъгёнъпхо, Сёчхён 舒川 и другихъ мѣстахъ; въ Сѣверной Чёлладо—въ Чёнчжю, Кунсанъ и другихъ мѣстахъ. Мăпльсинбо, 16 янв. н. ст. 1912,2.

Стр. 573, 3 строка. Канкоку-си передастъ русское названіе: боярышникъ черезъ 川樝子, что можетъ читаться: ямахадзи или ямахадзе. По справкѣ, сообщенной Е. Г. Спальвинымъ, Matsumura, Shokubutsu-

meii, 250, указываетъ подъ словомъ: ямахадзе, научное названіе Rhus silvestris S. et Z. (имя хадзе приводится Канкоку-си для обозначенія восковаго дерева, растущаго въ Кореѣ; см. ниже въ текстѣ). Русско-японскій словарь министерства народнаго просвѣщенія переводитъ боярышникъ черезъ: родъ сандза. Matsumura, цит. слов., 187 пишетъ: сандзаси 山楂子 Mespilus cuneata (S. et Z.).

Стр. 573, 4-5 строка сверху. Японское названіе Torreya nucifera—кая 榧, вполнѣ правильно указывается Канкоку-си, 19, при переводѣ этого мѣста текста русскаго «Описанія Кореи».

Стр. 576, послѣдняя строка текста, и 577 стр., 1 строка. Канкоку но нōгіō, указываетъ среди главныхъ мѣстъ производства конопли въ двухъ южныхъ провинціяхъ Кореи еще Ёнъгоан и Хынъдёк въ Южной Чёлладо, добавляя, что ея много культивируется также въ Кымхä, Самнанъчжин и Мир'янъ въ Южной Кёнъсянъдо. Въ другихъ же мѣстностяхъ этой части Кореи ея крайне мало.

Стр. 580, 2-ая строка текста снизу. По словамъ Канкоку но нōгіō, 23, «рами» встрѣчается въ Южной Чёлладо въ окрестномъ районѣ Муан и Коанъчжю; въ Хынъдёк той же провинціи ея также много.

Стр. 583. По даннымъ Ціōсен-сōтокуфу-тōкей-немпō, № 1, 118—119, площадь посѣва (въ ціō) «рами» 苧麻 и сборъ ея (въ камме) въ 1910 г. были таковы:

	Площадь.	Сборъ.	Въ 1909 г.
Кёнъгыйдо	—	—	—
Сѣверная Чхюнъчхёнъдо	0.1	16	24
Южная Чхюнъчхёнъдо	96.4	6,120	8,711
Сѣверная Чёлладо	308.2	22,248	14,201
Южная Чёлладо	199.3	8,561	3,025
Сѣверная Кёнъсянъдо	4.5	73	70
Южная Кёнъсянъдо	84.2	6,772	2,033
Хоанъхäдо	—	—	—
Канъуōндо	0.2	7	—
Южная Пхёнъандо	—	—	—
Сѣверная Пхёнъандо	—	—	—
Южная Хамгёнъдо	—	—	—
Сѣверная Хамгёнъдо	68.2	5,535	—
Всего	761.1	49,335	28,063

Цифры для 1909 г. взяты изъ Ціōсен-сōтокуфу-тōкей-іōран, № 4, 404—405 стр., при чемъ на стр. 405 здѣсь сдѣлана общая оговорка для спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ произведеній, къ которымъ должна относиться и «рами», что свѣдѣній о нихъ недостаетъ для двухъ уѣздовъ Сѣверной Хамгёнъдо, возможно, изъ тѣхъ, гдѣ практикуется культура этого растенія.

Стр. 600, 1 строка сверху и 6—7 строка снизу. Отнести примѣчаніе 1-е къ фразѣ «1 милліона енъ, или въ 5 разъ большей цифры» на стр. 599, 3 строка текста снизу.

Стр. 603, 5 строка сверху. Выбросить «и» послѣ: продолжительный.

Стр. 607, 22 строка снизу. Поставить тире послѣ слова: сокращенія, вмѣсто точки съ запятой.

Стр. 607, 17 строка снизу. Выбросить скобку послѣ: стр. 12—17.

Стр. 608, 18—19 строка снизу. Поставить «и,» передъ словами: вмѣстѣ съ расходами, выбросивъ «и» послѣ слова: въ Осака.

Стр. 612. строки 17-18 снизу. Фотограф. снимокъ плантаціи хлопка въ Мокпхо помѣщенъ въ Second annual report on reforms and progress in Korea, къ стр. 132. Внизу того же листа изображена погрузка тюковъ хлопка въ гавани Мокпхо.

Стр. 620-621. Авторъ Цібсен но кенкю, 168-9, довольно подробно останавливается на нынѣшнемъ состояніи культуры лаковыхъ деревьевъ въ Кореѣ и ея возможномъ будущемъ. Прежде всего этотъ авторъ подчеркиваетъ, на основаніи неоднократныхъ заявленій другихъ лицъ, пригодность Кореи для этой культуры, почему это дерево, даже выросшее въ дикомъ состояніи, прекрасно можетъ давать здѣсь сокъ уже на 12—13 году. Повсюду въ странѣ разсѣяны лаковыя деревья, но нынѣ число ихъ постепенно уменьшается, такъ какъ корейцы, по незнакомству съ пріемами добычи лака, срубаютъ одно за другимъ эти деревья. Въ старину, при династіи Корё, населеніе занималось культивированіемъ этихъ деревьевъ и въ ту эпоху лакированныя издѣлія являлись однимъ изъ корейскихъ произведеній, что, естественно, служило въ свою очередь поощреніемъ къ разведенію самихъ деревьевъ. Впослѣдствіе, корейская лакировочная промышленность пришла въ упадокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ культивированіе деревьевъ было заброшено. Между тѣмъ, какъ сказано, лаковое дерево растетъ хорошо всюду въ Кореѣ, но въ особенности западная Корея является пригодной для этой цѣли. Корейскій лакъ является хорошаго качества, съ хорошимъ блескомъ. Нынѣ производство лаковыхъ издѣлій въ большей или меньшей степени существуетъ въ Тхонъёнъ въ Южной Кёнъсянъдо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сюда были приглашены, ради улучшенія этого производства, японскіе мастера, которые признали необходимымъ улучшеніе пріемовъ культивированія деревьевъ ранѣе улучшенія производства самихъ издѣлій. При этихъ условіяхъ и принимая во вниманіе огромный спросъ на натуральный лакъ, съ которымъ не въ состояніи соперничать никакой искусственный изъ Европы, разведеніе лаковыхъ деревьевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіе лакировочнаго производства въ Кореѣ можетъ явиться въ будущемъ прибыльной отраслью промышленности и предпріимчивымъ людямъ среди японцевъ надлежало бы обратить на нее вниманіе.

Стр. 656. Отдѣлъ жэньшэневой монополіи управленія корейскаго генералъ-губернатора готовится въ скоромъ времени выпустить въ продажу эссенцію жэньшэня, сфабрикованную на казенной фабрикѣ въ Кёсёнъ. Эта эссенція спеціально пригодна для излѣченія наружныхъ поврежденій, ревматизма, головной боли, болей въ животѣ и аналогичныхъ страданій[1].

---

[1]) Seoul Press, 22 Febr. 1912, 2.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНАГО ИНСТИТУТА

издаются въ количествѣ 5 томовъ въ теченіе академическаго года, выпускаемыхъ по мѣрѣ напечатанія матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой во Владивостокѣ—*6 руб.*
съ пересылкой въ другіе города—*8 руб.*

☞ *Подписка принимается въ Библіотекѣ Восточнаго Института въ городѣ Владивостокѣ, Приморской области.* ☜

13-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ:

1911—1912 акад. г., т. т. XLI—XLV съ оффиціальн. приложеніями.

Выпущены:

ТОМЫ XLI—XLIII. *Н. В. Кюнеръ.* Статистико-географическій и экономическій очеркъ Кореи, нынѣ японскаго генералъ-губернаторства Цiōсенъ. *Выпускъ I.* Часть I. Статистико-географическій очеркъ Кореи. Часть II. Экономическій очеръ Кореи. Отдѣлъ I. Сельское хозяйство. Владивостокъ. 1912. VI; XXX; 656; 032 стр. *Ц. 5 р.*

ТОМЪ XLV, вып. 1-й. *А. В. Гребенщиковъ.* Маньчжуры, ихъ языкъ и письменность. Съ приложеніемъ цинкографической и фотолитографической таблицъ. Владивостокъ. 1912. IV; 72 стр. *Ц. 1 р.*

Печатаются и войдутъ

въ составъ 11-го, 12-го, 13-го и 14-го годовъ изданія:

В. В. Рудаковъ. Собраніе новѣйшихъ оффиціальныхъ бумагъ и государственныхъ актовъ на китайскомъ языкѣ.

А. В. Рудаковъ. Торговый бытъ Китая.

Е. Г. Спальвинъ. Конфуціанскія идеи въ этическомъ ученіи японскаго народа.

Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по. *Вып. II.* Русскій переводъ.

А. В. Гребенщиковъ. Современное изученіе маньчжурскаго языка въ Китаѣ.

В. М. Мендринъ. Исторія сiōгуната въ Японіи. *Книга III.* Минамото. II.

В. М. Мендринъ. Исторія сiōгуната въ Японіи. *Книга IV.* Хōдзiō.

В. М. Мендринъ. Сōрōбунъ. Анализъ японскаго эпистолярнаго стиля. Частная переписка. *Часть 2-ая.* Объяснительная часть.

Цѣна, вмѣстѣ съ 41-мъ томомъ, 5 рублей.